

СОВЕТСКАЯ СТОЛИЦА ПРИ ХРУЩЕВЕ И БРЕЖНЕВЕ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Александр Васькин

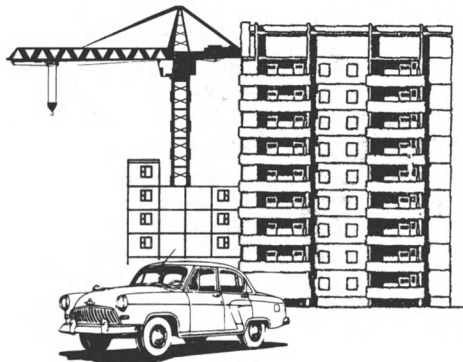
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕТСКОЙ СТОЛИЦЫ ПРИ ХРУЩЕВЕ И БРЕЖНЕВЕ

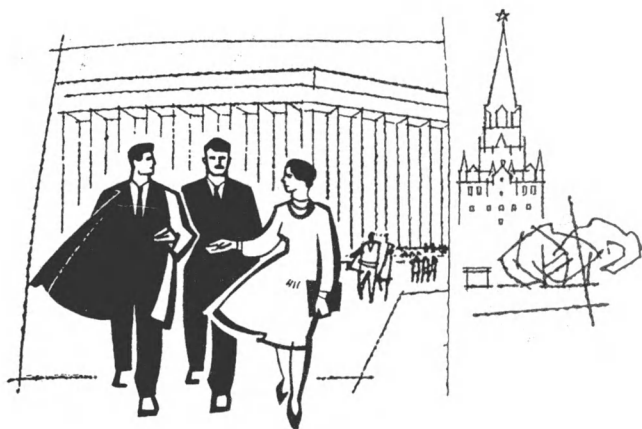

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Александр Васькин

МОСКВА

ЖИЗНЬ

СОВЕТСКОЙ
СТОЛИЦЫ
ПРИ ХРУЩЕВЕ
И БРЕЖНЕВЕ

УДК 94(470-25)“1950/1980”
ББК 63.3(2-2Москва)633
В 19

Издание второе

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-04077-9

© Васькин А. А., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

В 1957 году вместе с фольклорным ансамблем латиноамериканских народных инструментов в Москву приехал Габриэль Гарсиа Маркес. До Нобелевской премии по литературе ему было еще далеко, но кое-что он все-таки написал по итогам своего участия в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. В СССР это почему-то не опубликовали: слишком противоречивую картину повседневной московской жизни изложил будущий классик мировой литературы. А некоторые его наблюдения в том или ином виде угодили на страницы «Осени патриарха» и «Ста лет одиночества».

Советская фестивальная столица, едва-едва оттаявшая от сталинских времен, поразила Маркеса своими контрастами. Он-то ехал в страну, запустившую первый искусственный спутник Земли, и никак не ожидал увидеть некое подобие родной Колумбии: «Тому, кто видел скудные витрины московских магазинов, трудно поверить, что русские имеют атомное оружие». Куда бы ни заходил Маркес — в ресторан или сберкассе, магазин или кинотеатр, — его внимание неизменно привлекали люди, с увлечением игравшие в деревянные цветные шарики, прикрепленные к раме. Наконец, он решился спросить у переводчика название и правила этой игры. Ему вполне серьезно объяснили: это никакая не игра, а счета, которыми пользуются

советские люди. Но почему, зачем? Ведь, как рассказал ему гид, Советский Союз располагает семнадцатью видами электронных счетных машин, которыми можно полюбоваться в Политехническом музее. Маркесу ответили: да так удобнее!

Побывав в подвалах и коммуналках, где жили его новые московские знакомые, и выразив удивление увиденной нищетой, Маркес услышал: «Зато наш аппарат высадился на Луне!» — «Но почему вы ходите в рваной обуви?» — не унимался колумбиец. «Так война же была!» — уверенно парировали его провокационный вопрос москвичи, словно забыв, что на дворе не 1945 год.

Самый быстрый самолет на планете, реактивный Ту-104, о котором на все лады пели советские газеты, так и не смог приземлиться в лондонском аэропорту, поскольку английские врачи обеспокоились возможными тяжелыми последствиями для здоровья местных жителей. Но зато весь мир узнал фамилию его конструктора Андрея Туполева, ставшего в глазах того же Маркеса супербогатым человеком. Он спросил, почему бы Туполеву не вложить свои огромные деньги в недвижимость, а потом сдавать ее в аренду. Маркеса не поняли — какая аренда, это же нетрудовые доходы! «Может ли в Москве человек иметь пять квартир?» — поинтересовался он тогда. «Разумеется! Но что мы будем делать в пяти квартирах одновременно?»

Огромные дворцы и трущобы соседствовали рядом. «Москва — самая большая деревня в мире, — сделал вывод Маркес, — не соответствует привычным человеку пропорциям. Лишенная зелени, она изнуряет, подавляет. Московские здания — те же самые украинские домишки, увеличенные до титанических размеров. Будто кто-то отпустил каменщикам столько пространства, денег и времени, сколько им надо, чтобы воплотить обуревающий их пафос украшения. В самом центре встречаются провинциальные дворики — здесь сохнет на проволоке белье, а женщины кормят грудью детей. Но и эти сельские уголки имеют иные пропорции. Скромный московский трехэтажный

дом по высоте равен общественному пятиэтажному зданию в западном городе и, несомненно, дороже, внушительнее и наряднее. Некоторые из них кажутся просто вышитыми на машинке. Мрамор не оставляет места стеклу, почти не заметно торговой жизни, редкие витрины государственных магазинов — скудные и незамысловатые — подавляет кондитерская архитектура».

Маркес все удивлялся — почему надо тратить так много времени, чтобы добраться на машине из одного района Москвы в другой, соседний. Ему объяснили: такова вековая система организации движения, радикально-кольцевая, у нас все начинается от Кремля, там и разворачиваемся. Поток машин также был большой: в 1956 году в Москве даже хотели ввести одностороннее движение по Садовому кольцу. А все из-за огромного числа номенклатурных лимузинов, наводнивших центр столицы. С утра до вечера возили они по городу ответственных работников, а также их жен, родственников и домработниц. С этим явлением, обозначенным как «распущенность в использовании легковых автомобилей», пытался бороться лично Никита Хрущев, но без большого успеха.

В то время московские проспекты были еще густо заполнены черными ЗИМами и ЗИСами, но их уже стала вытеснять новая марка — ГАЗ-21 «Волга» с оленем на капоте, в которой Маркес узнал американские «форд» и «крайслер». А отечественные «победы» и «москвичи» напоминали иностранцам «опель», производившийся по немецким репарациям: «Русские водят их, будто правят лошадиной упряжкой; должно быть, это традиция езды на тройке. Ровными шеренгами катят они по одной стороне проспекта, подсакивая, и на большой скорости, с окраин в сторону центра, внезапно останавливаются, разворачиваются вокруг светофора и несутся во весь опор, словно закусивший удила конь, по другой стороне в обратном направлении».

Повезло ему оказаться и в гуще московской уличной толпы, плотнее которой не сыскать в Европе: «По обширным пространствам, предназначенным для пе-

пешаков, медленно движется, словно низвергающий поток лавы, все сметающая на пути толпа. Я испытал не поддающееся определению чувство — как если бы впервые очутился на Луне, — когда автомобиль, что вез меня в гостиницу, на свой страх и риск двинулся по нескончаемой улице Горького. Я решил, что для заполнения Москвы необходимо по меньшей мере 20 миллионов человек, переводчик же сдержанно уверил меня, что в Москве только пять миллионов... На железнодорожном вокзале мы увидели массу людей, ведущих, несмотря на фестиваль, обычную жизнь. Ожидая, когда откроют выход на платформы, они теснились за барьером с тяжелым и незамутненным спокойствием. Исчезновение классов — впечатляющая очевидность: все одинаковы, все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви. Они не спешат и не суетятся, и, кажется, все их время уходит на то, чтобы жить».

Вот ведь сразу видно, что писатель будущий приехал, всё заметил, всё в памяти отложил. Про спокойствие и отсутствие суеты на улицах — абсолютно верно. Была когда-то такая черта у москвичей — безропотно и дисциплинированно ожидать автобуса на остановке, выстроившись в очередь, чтобы затем организованно, почти гуськом, зайти в его заднюю дверь. А еще повсюду ему попадались женщины, занятые мужским трудом, — они клали асфальт, управляли кранами, регулировали уличное движение. По этому поводу Маркеса успокоили: «Есть такие работы, на которых женщины проявляют больше внимания и терпения, чем мужчины. Но вскоре таких женщин будет меньше».

В мавзолее Маркес попал только с четвертого раза, во все глаза смотрел он на мумию Сталина, лицо которого счел очень живым, а на губах разглядел оттенок насмешки. Но главное — руки вождя: «Ничто не подействовало на меня так сильно, как изящество его рук с длинными прозрачными ногтями. Это женские руки». Настоявшись в двухкилометровой очереди и наслушавшись речей, что Сталин плохой, а Ленин

хороший, Маркес понял, что ему никогда не написать историю Советского Союза, ибо она уже написана Францем Кафкой.

Колумбийца поразила отзывчивость москвичей — к кому бы он ни обращался, каждый готов был ему помочь, пытался угостить, совал деньги и всякие сувениры. А милиционеры однажды даже подкинули его в гостиницу рядом с ВДНХ, правда, по дороге они развезли еще и пьяниц до дома, сдавая их на руки женам и матерям.

И, конечно, коллективизм, один из столпов советского общества: «Самый вопиющий эпизод мы наблюдали в пригороде Москвы, когда, возвращаясь из колхоза, остановились на улице возле лотка выпить лимонаду. Нужда заставила нас искать туалет. Он представлял собой длинное деревянное возвышение с полдюжиной отверстий, над которыми, присев на корточки, полдюжины солидных уважаемых граждан делали то, что им нужно, оживленно переговариваясь, — такой коллективизм не предусматривала никакая доктрина».

Если бы Маркес приехал в Москву году в 1979-м, уже став нобелевским лауреатом, то многие противоречия он счел бы решенными. Мумию Сталина захоронили, изображение Хрущева на портретах занял светлый лик Брежнева, трущобы в центре уступили место комфортабельным домам для номенклатуры и европейскому Новому Арбату, появились современные стадионы и бассейны (в преддверии Олимпиады-80), на улицах стало больше новых машин — «жигулей» (скопированных с «фиата») и оригинально одетых людей. Прибавилось и число москвичей — их стало, конечно, не 20 миллионов, а всего восемь, что тоже неплохо. Сама Москва выросла, посягнув на земли бывших деревень и сел (в чем-то оставшись большой деревней), развиваясь также и в интеллектуальном плане. Каждый пятый житель столицы был уже с высшим образованием (в 1960 году таких было в два раза меньше). А вот количество рабочих в общем числе москвичей снизилось с 35 до 25 процентов.

Москву заполонили тополя и наводнили голуби, потеснив скворцов и снегирей, — их и развели-то в Москве в 1957 году к фестивалю («Летите, голуби, летите!»), своя голубятня теперь была почти в каждом дворе, став местом сбора местных алкоголиков. Но все-таки многое осталось по-старому: та же огромная очередь в мавзолей, унылые витрины и пустые прилавки с деревянными счётами, женщины, кладущие асфальт, белье, висящее на веревках, а главное — сортиры, наводнившие огромную страну с атомной бомбой и ее орденоносную столицу. А в очередях, в метро, в тех же уборных — народ, читающий Маркеса! Он бы вновь удивился и многое простил бы москвичам...

Как люди существовали на протяжении всех этих лет, что ели и что пили, как работали и отдыхали, женились и разводились, чему радовались, отчего плакали, короче говоря, как жили повседневно — об этом и многом другом эта книга.

ОНИ БЫЛИ «ПЕРВЫМИ».
МОСКОВСКАЯ ВЛАСТЬ ОТ ФУРЦЕВОЙ
ДО ГРИШИНА

«Моссовет в Москве хозяин?» — Екатерина Фурцева: ее прозвали «Никитскими Воротами» — Наша Жаклин Кеннеди — «Сказка о потерянном времени» — «Будь ты проклят, гадина!» — Фестиваль молодежи и студентов 1957 года — Прореха в «железном занавесе» — Москва строится — Петр Демичев. «Ниловна» за работой — «Вон из мавзолея!» — Николай Егорычев и фокусы с квартирами — «А вы вообще пьете, товарищ Ефремов!» — Вечный огонь и Останкинская телебашня — Эпоха Виктора Гришина: «Ну что же вы, голубчик, так плохо работаете?» — «Образцовый коммунистический город» — «Дорогая, пойдем на Бетховена» — «Нам лицеи ни к чему!» — Как давали волчи билеты

Если при царе-батюшке Москвой управляли генерал-губернаторы, назначаемые из Санкт-Петербурга, то при советской власти за все происходящее в городе отвечал первый секретарь Московского городского комитета КПСС. Именно на нем замыкалась начальственная вертикаль, структура которой была весьма причудлива. Ведь помимо горкома был еще и Московский совет народных депутатов с избираемым им Мосгорисполкомом, в ведении которого находились в основном хозяйственные и социально-бытовые вопросы, культурное развитие, а также планирование бюджета столицы. Под Моссоветом были еще райсоветы, которых к 1979 году насчитывалось тридцать два (включая Зеленоград). И они тоже все время заседали и голосовали. Прямо как у Агнии Барто:

Моссовет — в Москве хозяин,
Он заботится о нас.
В новый дом переезжаем —
Он дает в квартиру газ.

В энциклопедии «Москва» 1980 года в соответствующей главе о Моссовете есть удивительное и яркое по своей сути примечание: «Вся работа Моссовета проходит под непосредственным руководством Московского городского комитета КПСС». Да, что бы ни принимал на своих сессиях Моссовет (а число его депутатов превышало тысячу человек), все нити управления вели на Старую площадь, где и находился Московский горком партии, соседствуя при этом с ЦК, что было довольно символично. Независимость выборных органов народной (вроде бы) власти была видна лишь в толстое увеличительное стекло, да и то не всегда. Фактически они находились в полном подчинении у партийных органов, власть которых была всеохватна. И если обиженная блудным супругом москвичка хотела вернуть его в семью, то прежде всего ей следовало пожаловаться в партком завода, затем в райком, а потом уж в горком. И меры наверняка были бы приняты, ибо самой страшной угрозой для любого коммуниста было: «Партбилет на стол положишь!»

Преобразование Москвы в столицу в 1918 году, с одной стороны, умножило влияние партийного начальника Москвы, находившегося ближе всех своих областных коллег к Кремлю, а с другой стороны — спрос с него вырос неимоверно. Помимо хозяйственных забот прибавилась огромная политическая ответственность. Вопросы он мог решать быстрее и эффективнее, но и снять его могли стремительно. Причем необязательно по причине слабого внимания к «бедности вдов и сирот» (эта фраза из наставления московским генерал-губернаторам, данного еще Екатериной II). Как говаривал один из партийных секретарей, «один раз обгонишь, а во второй раз уже пешком пойдешь», имея в виду недопустимость обгона на своей персональной машине автомобиля генерального секретаря. Московские партийные губернаторы были на виду.

В Советском Союзе было 15 республик (а с 1940-го по 1956-й — шестнадцать), масса краев и куча областей. Их возглавляли самые разные люди, они могли руководить своими вотчинами и десять, и пятнадцать,

и даже двадцать лет. Зачастую со своих должностей их провожали на пенсию. А порой назначали на такой же пост в соседнем регионе. Первый секретарь МК КПСС — это совсем другое дело. С этой должности нередко взмывали еще выше, на политический олимп. По крайней мере два бывших партийных руководителя столицы стали главами государства — Никита Хрущев и Борис Ельцин. Это о чем-то говорит. Люди, управлявшие Москвой и повседневной жизнью ее населения в описываемый нами период, также многого добились — Екатерина Фурцева, Петр Демичев, Николай Егорычев, Виктор Гришин.

Екатерина Фурцева (1910—1974) возглавляла московский горком с 1954 по 1957 год, так и оставшись единственной женщиной, занимавшей этот пост. Выдвинул ее лично Хрущев, как пишет его сын Сергей, «отцу нравились ее хватка, напористость, а когда требовалось, она становилась сдержанной, порой даже ласковой. Правда, органы докладывали, что она не поженски злоупотребляет шампанским, и не только им. И тем не менее отец не ошибся в выборе, Фурцева оставила по себе добрую память».

И верно — помнят люди ее добрые дела. Фурцева — одна из немногих советских политиков, кому уже в наше время установили мемориальную доску на доме по улице Горького (ныне Тверская), где она жила. А еще ее именем называли библиотеку — тоже случай нетипичный, ибо, как правило, в честь хорошего человека называют нефтеналивной танкер, а тут — целая библиотека с намеком на область деятельности, в которой Фурцева наиболее запомнилась. Благодарны ей люди в основном как министру культуры, опекавшему актеров, музыкантов и художников. Но простой народ Фурцевой также обязан, и даже более чем — творческая богема, которую она так любила. Для обыкновенных граждан она сделала немало именно в период своей партийной работы в столице.

По профессии Екатерина Алексеевна была ткачихой, по образованию — химиком, а по призванию — партийным лидером. После того как в 14 лет ее при-

няли в комсомол, а в 20 лет — в ВКП(б), почти все ее время уходило на партийную и хозяйственную работу, даже личной жизнью некогда было заниматься. Выдвинулась она быстро. Уроженка Вышнего Волочка, Фурцева всю свою сознательную жизнь провела в Москве на различных руководящих должностях. С 1942 года — секретарь, второй секретарь, а затем и первый секретарь Фрунзенского райкома партии. Тут-то в 1949 году ее заприметил и оценил Хрущев, переведенный Сталиным с Украины в столицу. С 1950 по 1954 год Фурцева при Хрущеве — работает вторым секретарем Московского городского комитета КПСС. Злые языки поговаривали, что Фурцеву и Хрущева связывали не только служебные отношения, но этим вредным слухам верили только несознательные беспартийные гражданки на скамейках у подъездов. Что же касается острых на язык москвичей, то вскоре после возвышения Фурцевой в Москве ее прозвали «Никитскими воротами».

Так что город она знала давно, подробно и не была варягом, призванным в Москву с дальней области. Ставшей в 1954 году хозяйкой Москвы Фурцевой предстояло начать решение главного насущного вопроса — дефицита жилья, чем она и занялась немедленно, начав активное строительство хрущевок. До ее прихода жилищное строительство в Москве вела куча строительно-монтажных организаций, подчинявшихся сорока министерствам и ведомствам. Застройкой отдельных московских районов занимались различные мелкие строительные предприятия. Уровень организации строительства был крайне низок, из-за чего распыхались выделяемые государством финансовые средства, а решение квартирного вопроса отодвигалось с каждым новым партийным пленумом.

При Фурцевой в Москве по сути была заново создана строительная отрасль, объединенная в Главмосстрой — Главное управление по жилищному и гражданскому строительству в Москве, организованное 26 апреля 1954 года. В состав Главмосстроя входило 53 строительных треста, 255 строительных управлений и более 600 прочих организаций. Началось и

возведение новых заводов по производству сборных железобетонных конструкций и керамической плитки, общим числом до шестнадцати. Главмосстрой строил не только жилые дома (две трети от всего возводимого в столице жилья!), но и школы и детские сады, больницы и поликлиники, дома культуры и кинотеатры и многие другие объекты социальной сферы.

Благодаря укрупнению строительной отрасли Москвы уже в первые годы удалось сэкономить более 20 миллионов рублей. Каждый трест отвечал за строительство своего конкретного района. Фурцева лично контролировала выполнение плана по возведению жилья в Москве, еженедельно выезжая на стройки и карабкаясь на верхотуру. Результат не заставил себя ждать: уже в 1955 году в Юго-Западном районе за девять месяцев было построено столько жилья — 50 тысяч квадратных метров, сколько обычно строилось за два с половиной года. И это при снижении затрат на строительство на 30 процентов, а себестоимости одного квадратного метра жилой площади на 10 процентов. В половину сократились расходы на эксплуатацию строительной техники. В 1955 году началось осуществление грандиозного проекта — возведение поточно-скоростным методом нового жилого района на юго-западе общей площадью более 600 тысяч квадратных метров.

Первые итоги правления в Москве Фурцевой были таковы: в 1954—1955 годах объем введенного в эксплуатацию жилья вырос на 44 процента, школьных зданий — на 69 процентов, больничных корпусов — на 40 процентов. Seriously поднялась производительность труда в строительстве, более чем на треть. Учитывая достигнутые московскими строителями успехи, Фурцева обратилась к Хрущеву с просьбой учредить новый праздник в стране — День строителя, что и было сделано указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1955 года. До сих пор День строителя отмечается во второе воскресенье августа.

Фурцева приняла личное участие в организации празднования первого Дня строителя 8 августа 1956 года. Отметили с размахом — Екатерине Алек-

сеевне вообще удавались масштабные мероприятия — как всенародный праздник с массовыми гуляньями, выставками, докладами и лекциями. Одним из центров торжеств стал стадион им. В. И. Ленина, где проводилась в то время Спартакиада народов СССР. Сегодня это известные нам «Лужники», в строительстве которых Фурцева сыграла немаловажную роль. Всего за несколько лет захолустная Воронья слободка превратилась в современный спортивный комплекс, которым не стыдно было похвастать перед иностранцами. Министр строительных материалов Павел Юдин по этому поводу отметил: «Я не был бы министром, если бы не поддержал руководителя коммунистов Москвы, и не был бы мужчиной, если бы подвел такую очаровательную женщину».

Если раньше самой важной профессией был следователь, то отныне — строитель. В Москве появились даже четыре Строительные улицы. Кокетливая Фурцева не только умела хвалить, но и строго спрашивать на совещаниях: «Московские строители приняли обязательства выполнить годовой план досрочно к 20 декабря. Но ряд организаций не выполнил государственного плана за первый квартал и за апрель месяц. По-прежнему большое отставание в строительстве школ, больниц, кинотеатров». Сидевшие в зале здоровые мужчины — начальники заводов и фабрик — послушно внимали стройной и элегантной женщине на трибуне, подробно записывая ее указания. Ее боялись, но боясь — уважали.

Еще одна важная проблема — плохое снабжение Москвы: трудно поверить, но даже столица в начале 1950-х годов с ее привилегированным положением испытывала дефицит хлеба. В одни руки продавали не более одного килограмма. Да и тот, что удавалось купить, оставлял желать лучшего: муки в нем было не более половины, остальное составляли разные добавки, даже картофель. Фурцева преуспела и здесь.

Было в ее рабочем графике и еще одно важнейшее мероприятие — выступление на митингах. Став во главе столицы, Фурцева ввела новшество — после каждого

зарубежного визита Никиты Сергеевича (а он колесил по миру изрядно, порой чуть ли не треть года проводил за границей) собирать в «Лужниках» десятки тысяч москвичей. Митинги получались нетривиальные — с яркими речами самой Фурцевой, разъяснявшей народу все преимущества миролюбивой политики партии, с обязательными выступлениями передовиков производства и концертными номерами московских артистов и певцов. От желающих прийти на митинги отбою не было — проводились-то они в рабочее время!

Стараниями Фурцевой в Москве открылся самый большой магазин «Детский мир», реконструировали ВДНХ, начато строительство МКАД, заработала гостиница «Украина», ставшая последней сталинской высоткой Москвы. Вообще-то называться она должна была «Дорогомилово» или в крайнем случае «Бородино», так еще Сталин решил. Но Фурцева предложила Хрущеву дать ей новое актуальное название — «Украина», поскольку в 1954 году отмечалось трехсотлетие воссоединения Украины с Россией (Крым, кстати, достался братской республике также в рамках этого праздника). «Украину» готовили к главному мероприятию, призванному обозначить начало хрущевской оттепели на международной арене, — VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов 1957 года.

Ну а чем еще занималась Фурцева в Москве? Лучше спросить, чем она не занималась. Чрезмерная централизация власти в руках партийных органов приводила к тому, что первый секретарь вынуждена была вникать в такие вопросы, которые давно могли бы уже быть решены на местах. Но такова была система — партия отвечала за всё, вплоть до производства деревянных «грибков» для детских площадок. Читая стенограммы ее выступлений, поражаешься, как она все успевала.

Вот Фурцева дает нагоняй за плохую уборку улиц: «Ввели механизацию, увеличилось количество уборочных машин, но продолжает работать все то же количество дворников. Почему? В 1940 году в Москве было двадцать пять тысяч дворников. Сейчас их число даже увеличилось. На уборку города и оплату дворников мы

тратим половину квартирной платы. Разве это допустимо, товарищи? Вы смотрите, замечательная машина погружает снег в автомашины, но выброска снега на набережные из машины производится вручную (снег тогда бросали прямо в Москву-реку и Яузу. — А. В.). Эта работа не механизирована. Дворники, в основном женщины, сидят в кузове на снегу, едут, чтобы его сбросить. Снегоуборочная машина не может подойти к тротуару, вокруг машины крутятся до десяти дворников. <...> У нас есть решения о создании детских площадок, а во дворах лужи, гнилая вода и ребятишки вокруг этих луж ходят.

Нехватка автотранспорта тоже беспокоила Екатерину Алексеевну: «Мы до сих пор туши мяса возим навалом на грузовых машинах, нередко не накрытых брезентом, везем в таком виде через весь город. Что, невозможно создать специализированные машины для перевозки? Привыкли. Это быстро, удобно, навалом положил, потом стащил, и дальше машина пошла... Вот выпускаем мы новую машину “москвич”. 20 тысяч машин должен дать малолитражный завод, и ничего на 1956 год Москве не запланировано. Значит, из Москвы все уйдет. Записавшиеся в очереди увозят машины, а у нас будут ходить потрепанные “победы”, которые давно нужно было из города убрать».

Вот ведь как интересно — социализм построили, а проблемы были все те же. При генерал-губернаторе графе Федоре Ростопчине в 1812 году мясо тоже возили, правда, на телегах, но ничем не накрывая. Он распорядился накрывать. После того как в 1814 году граф перестал управлять Москвой, мясо вновь принялись возить как бог на душу положит — сваленным на телегах и ничем не покрытым. Видимо, так и возили, пока грозная Фурцева не пришла.

На редкость откровенной была оценка положения в московской торговле: «Запасных частей нет для телевизоров, пылесосов, холодильников. Многие из присутствующих в президиуме впервые это слышат. Вся беда в том, что мы сами не ходим, не покупаем эти вещи, за нас ходят и покупают и за многих присутству-

ющих в зале покупают. Поэтому мы слишком поздно об этом узнаем, а нас вспоминают покупатели нехорошими словами. При таком огромном количестве телевизоров, а их в Москве 600 тысяч, у нас имеются две точки, две мастерских по ремонту телевизоров».

Помню, что в середине 1980-х годов вата была дефицитом, оказывается, что ее не было в московских аптеках еще с 1955 года: «В аптеках города ситуация похуже: возмутительные факты — ваты нет! В феврале и марте в аптеках не было льда. Больницы и поликлиники обращались в аптеки, гипса не было. Справедливо люди возмущаются: горчичников нет! Минеральной воды в аптеке не видно. Почему? И я скажу сидящим здесь секретарям райкомов и председателям райисполкомов — вы проезжаете мимо этих учреждений на машинах, поэтому не знаете положения».

Равнодушное отношение чиновников к людям также беспокоило Фурцеву: «Работники райкомов партии и райисполкомов сами не вмешиваются в дело, не бьются на местах, не видят и мер не принимают. Нельзя же так по-хамски относиться к москвичам. Мы должны обратить внимание на мелочи, которым мы раньше не уделяли внимания, а из мелочей складываются большие дела».

Отсталость московской промышленности тоже попала в поле зрения Екатерины Алексеевны: «До сих пор иностранные делегации мы можем пускать максимум на три десятка заводов и фабрик, а у нас их тысячи. Если мы можем пустить в литейный цех на автомобильном заводе, то в другой цех пустить делегацию не можем. На другом заводе можем пустить в цех, но не можем в бытовку. На третьем заводе — можем пустить и показать цеха, бытовки, но не можем показать столовую, которой подчас вообще нет. Три десятка из тысячи заводов мы можем показать иностранным делегациям, которые прибывают в нашу страну. Разве это не показатель отсталой производственной культуры наших заводских фабрик?» Как забавно — промышленность не потому отсталая, что она такая и есть, а потому, что ее стыдно показывать иностранцам.

Фурцева модно одевалась, при этом полагая, что и остальные москвички должны иметь подобную возможность: «Относительно спецодежды. Мы можем эти проблемы решить очень быстро, если только серьезно взяться за дело. Здесь была критика относительно качества, что очень садится материал. Речь идет не только о спецовке, но и качестве продукции других тканей, — о платьях, кофточках».

Екатерина Алексеевна была частым гостем Общесоюзного дома моделей одежды на Кузнецком Мосту. Однажды, вернувшись оттуда, она собрала в горькоме партии совещание заведующих московскими ателье и мастерских по пошиву одежды. Разговор продолжался четыре часа, Фурцева своим выступлением напомнила, что иногда в ней преобладало женское, а не партийное начало. Суть ее слов была такова — московские женщины должны и имеют право одеваться красиво, элегантно и по моде. Они ничем не хуже парижанок.

А что носят во Франции, Фурцева знала прекрасно. Как раз в те годы, что она руководила столицей, ее муж Николай Фирюбин служил послом в Югославии, так он заказал специальный гипсовый манекен — полную копию фигуры любимой жены, по которой французские модельеры шили ей платья. Это было весьма удобно — какой был бы скандал, если бы Фурцева хоть раз съездила за границу примерять платья. А тут — полное инкогнито, нет ни одного повода вражеской прессе для провокаций. Екатерина Алексеевна, возможно, хотела, чтобы остальные москвички одевались у Ив Сен Лорана, но коммунизм же еще не наступил к тому времени. Хорошо, что по крайней мере одна москвичка — Фурцева — способна была себе позволить такую роскошь. По ее нарядам другие могли судить, что нынче носят в Париже. И это уже хорошо.

Фурцева стала одной из первых заказчиц модельера Вячеслава Зайцева. Это случилось в 1961 году, когда в Москве встречали Юрия Гагарина. Она решила появиться перед первым космонавтом в изящном черном платье, выразив такое пожелание: «Я человек из простой среды и ярких платьев и украшений не могу

себе позволить носить». Платье вышло на славу. И это оценил не только первый космонавт — маленькое, черное, как и хотела заказчица, простое и весьма деликатное, подчеркивающее стройную, красивую фигуру. Всё в меру. Зайцев даже сравнил Фурцеву с Жаклин Кеннеди, что вряд ли помешало ее самооценке.

Но в отличие от супруги американского президента, страдавшей от бесконечных измен мужа (Джона Кеннеди за глаза называли «мистер пятиминутка»), проблем у Фурцевой было больше, причем совсем иного рода. Трудностей на хрупкие женские плечи хозяйки Москвы легло немало, и надо отдать ей должное — она ничего не скрывала, говорила правду, чего давно уже ждали от партийных начальников люди. Это качество завидно отличало ее от предшественников, утверждавших: «Партия учит нас, что газы при нагревании расширяются».

Только вот корень всех проблем (того нет, другого нет, третьего тоже не предвидится) Екатерина Алексеевна видела не в неэффективной системе управления, а в... недостаточном внимании заводских и фабричных парткомов к нуждам трудящихся. И это последнее обстоятельство, в свою очередь, уже не отличало ее, а даже, наоборот, делало похожей на всех остальных чиновников. И потому заканчивала Фурцева разбор полетов, как правило, банальными партийными заклинаниями: «Надо, товарищи, быть ближе к народу, ближе к людям, как учит нас партия и лично Никита Сергеевич!» А дабы добиться результата, она могла объявить выговор по партийной линии, наложить взыскание. Крайней мерой наказания было исключение из партии, после чего устроиться на работу в Москве можно было разве что дворником, да и то не на улице Грановского (ныне Романов переулок), а где-нибудь в Шелепихе.

Фурцева благоволила к деятелям культуры, к ним она была более снисходительна, чем, например, к строителям. По мере сил старалась улучшить быт артистов, писателей, художников, закрывая глаза на их «шалости». Когда ей как первому секретарю горкома

пожаловались на художественного руководителя Театра им. Моссовета Юрия Завадского (он в очередной раз увлекся молодой актрисой), она, к удивлению своих подчиненных, вместо того чтобы осудить режиссера за аморалку, взяла его под защиту: «Отстаньте от него! Вы ничего не понимаете! Это человек искусства!» Если бы речь шла, например, о любвеобильном директоре треста или обувной фабрики, можно вообразить, как бы ему влетело по партийной линии.

Слова первого секретаря горкома вызвали изумление среди чиновников и укрепили авторитет Фурцевой в артистической среде. Оказывается, есть на верху человек, способный понять и простить находящегося в непрерывном творческом поиске деятеля культуры. С Завадским у нее впоследствии сложились творческие отношения: говорили, что она брала у него уроки ораторского мастерства. Валерий Золотухин утверждал: «Фурцева научилась у актеров ораторству, показушничеству. Перед зеркалом училась, наверное, или Завадского привораживала, беря уроки тона у Марецкой. Переняла у Марецкой тон, интонации, штампы. Если бы не знал, что это Фурцева в зале разорвется, подумал бы на Веру Петровну — те же ласковые, придыхательные интонации, абсолютно та же эмоциональная вздрючка, граничащая с хамством, а потом опять истома в голосе — милые вы мои... Научилась, матушка, располагать к себе аудиторию домашностью, интимностью, всех за родных почитает, — и такая ласковая, такая добрая ко всем, упаси нас бог от вашей доброты».

Но иногда Фурцева была строга к своим любимцам. Как-то в 1957 году проезжая по площади Маяковского, она увидела большую афишу: «К 40-летию Великой Октябрьской революции. Евгений Шварц “Сказка о потерянном времени”». Этим спектаклем Театр кукол Сергея Образцова (его старое здание тогда еще стояло на площади) планировал отметить юбилей революции. Приехав в горком, она сразу взялась за телефонную трубку. Неутомимый кукольник Образцов услышал: «Вы что, издеваетесь, Сергей Влади-

мирович? Какое еще потерянное время? Что люди могут подумать?» Что мог ответить Образцов? Вряд ли художники, оформлявшие афишу, держали фигу в кармане, придумывая заголовок. Возможно, что никому из них, включая самого Образцова, и в голову не приходило, какие опасные аналогии могли возникнуть в уме при чтении такой вот «афиши». Да это просто идеологическая диверсия!

Но Фурцева не стала развивать эту тему, быстро сменив гнев на милость, она посоветовала перенести премьеру на год. Этим дело и кончилось. Расположенность первого секретаря к мастерам культуры обозначилась еще более отчетливо.

На той же площади Маяковского находился в то время и молодой театр «Современник», созданный Олегом Ефремовым и его единомышленниками. Фурцева помогла и ему, а к Ефремову она явно благоволила, что подтвердилось уже в более поздние годы.

При Фурцевой на Советской площади (ныне Тверская) в июне 1954 года открыли памятник Юрию Долгорукому. Народу на митинг собрали уйму, Екатерина Алексеевна, как всегда, толкнула речь. Когда покрывало спало вниз, композитор Сигизмунд Кац, автор песни «Шумел сурово брянский лес», отреагировал: «Не похож!» Сам факт появления скульптуры князя (!) вместо монумента в честь советской Конституции (снесен в 1940 году) ошеломил многих. И пошли в горьком письма от старых большевиков — разве можно увековечивать память представителя эксплуататорских классов? Этому ли нас учил великий Ленин, за что боролись в 1917 году? Фурцева все письма в папку сложила и — к Хрущеву, благодетелю своему. А он ей такую же папку показывает, только еще толще, ему уже и из Англии пишут (там тоже были свои старые ленинцы), возмущаются. Фурцева и говорит: «Дорогой Никита Сергеевич, может быть, уберем памятник подальше, например, к Новодевичьему монастырю? И с глаз долой. Там ему самое место». Хрущев обещал продумать вопрос, но не успел, в итоге убрали его самого, в 1964-м.

При Фурцевой стали возвращаться в Москву реабилитированные люди из тюрем и лагерей. Кто-то не был в столице еще с довоенных времен, кого-то посадили уже в конце 1940-х. Их можно было сразу выделить в уличной толпе — по телогрейкам, истощенным и измученным лицам, от которых остались одни глаза. Многие из них устремлялись на Старую площадь, обивали пороги Верховного Совета, Генеральной прокуратуры, надеясь добиться восстановления в партии и получить справку о реабилитации. Нередко возвращавшиеся первым делом пытались разыскать тех, кто их оклеветал, и находили, к несчастью для последних. Случаев таких было немало.

Однажды, году в 1956-м, в служебный подъезд Большого театра вошла немолодая, потрепанная жизнью женщина, попросившая вызвать для разговора Георгия Нэлеппа, ведущего солиста, народного артиста СССР, лауреата трех Сталинских премий. Его позвали. Женщина подошла к нему и вдруг... плюнула ему в лицо! Онемевший Нэлепп услышал: «Вот тебе, гадина, за то, что погубил моего мужа, за то, что ты погубил мою семью! Но я выжила, чтобы плюнуть тебе в рожу! Будь ты проклят!» Через полгода Нэлепп умер от разрыва сердца, было ему 53 года.

А иногда разборки случались и в метро. Свидетелем такой, почти повседневной сцены стал поэт Константин Ваншенкин: «В те времена видел я в метро, на “Библиотеке”, как невысокий человек еще в ватнике, но уже с начинавшими оттаивать интеллигентными чертами лица бил встреченного им здесь, в переходе, врага, вполне приличного по виду, с портфелем в руке. Он бил не так, как били его самого следователи и урки — не изощренно, не подло, он бил не профессионально, но сильно, — сшибал с ног и снова поднимал короткими руками, и снова бил. “Ты посадил меня, гад, оклеветал!” — кричал он и бил, бил. Большинство проходило мимо, другие останавливались, смотрели и объясняли ситуацию любопытным. Милиции не было. Ее никто не звал, в том числе и избиваемый, ползающий на четвереньках, потерявший очки и портфель».

А как здорово руководила Фурцева организацией VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, открывшегося 28 июля 1957 года в Москве. Гостями фестиваля стали более 34 тысячи человек из 131 страны мира. Проводилось мероприятие под лозунгом «За мир и дружбу между народами» и привлекло приверженцев социалистических идей со всей планеты. Пабло Пикассо придумал символ фестиваля — «голубя мира», потому после фестиваля голубей и развелось в Москве так много.

Этот форум стал важнейшей вехой хрущевской оттепели, по-новому представившей Советский Союз всему остальному миру, обозначив падение на некоторое время «железного занавеса». Никогда в Москву не приезжало столько иностранцев всех мастей. А ведь к ним в сталинское время относились с большим подозрением, чуть ли не в каждом видя потенциального шпиона. Москвичи были ошеломлены. «Ни туристы, ни бизнесмены в страну еще не приезжали, дипломаты и редкие журналисты просто так на улицах не появлялись. Поэтому, когда мы вдруг увидели на улицах Москвы тысячи иностранцев, с которыми можно было общаться, нас охватило что-то вроде эйфории. Я помню, как светлыми ночами на мостовой улицы Горького стояли кучки людей, в центре каждой из них несколько человек что-то горячо обсуждали. Остальные, окружив их плотным кольцом, вслушивались, набираясь ума-разума, привыкая к самому этому процессу — свободному обмену мнениями», — вспоминал саксофонист Алексей Козлов. Добавим самое главное обстоятельство — что этому общению никто не препятствовал.

Если бы не Фурцева, то вполне вероятно, фестиваль не открылся бы в назначенный час. Еще рано поутру колонны участников фестиваля должны были двинуться от ВДНХ по проспекту Мира и далее по Садовому кольцу до Зубовской площади, оттуда по Пироговке до Лужников. Но радушие москвичей, желавших лично побрататься чуть ли не с каждым иностранцем, застопорило этот громадный поток людей.

Вся Москва вышла на улицы. Дети разных народов сомкнулись в общем порыве дружелюбия. Впервые увидевшие друг друга люди обнимались, целовались, протягивали друг другу руки.

На часах уже одиннадцать, до открытия в «Лужниках» остается один час. А фестивальная колонна еще не вышла на Садовое. Что же делать? Московская милиция оказалась беспомощна в такой ситуации. Тогда Фурцева едет в штаб фестиваля на Зубовской площади и лично «разруливает» кризис. Прежде всего она просит объявить по радио (тогда репродукторы висели на каждом столбе), что открытие задерживается. При этом она подчеркивает, какими словами людям надо объяснить это: «Москва ждала дорогих гостей, всему миру известно наше гостеприимство, но открытие задерживается, так как на улицы вышли все москвичи от мала до велика. И мы счастливы и рады, что так случилось».

Затем Фурцева подходит к карте столицы, думая о том, как не допустить давки. Печальные итоги прощания со Сталиным в марте 1953 года, когда погибли сотни людей, еще были памятливы многим. Она решает разделить колонну: часть людей направить по Комсомольскому проспекту, а другой поток — по Фрунзенской набережной. Так и сделали. Фурцева не уехала из штаба, пока лично не убедилась, что колонны прошли без происшествий и дошли до Лужников. Она, единственная женщина в компании мужчин-руководителей, не теряя выдержки и обаяния, ни на кого не крича и не топая ногами, смогла спасти фестиваль от провала.

По случаю фестиваля 1-ю Мещанскую улицу и продолжавшее ее шоссе переименовали в проспект Мира. На севере Москвы заложили новый парк «Дружба», открыли гостиницу «Турист» на Ленинском проспекте. На улицы столицы впервые выехали троллейбусы повышенной комфортности «СВАРЗ» с большими окнами, автобусы «Икарус» из Венгрии и первый рафик — микроавтобус «Фестиваль». Для свободного посещения был открыт Кремль.

«Июльским вечером 1957 года, — рассказывает московский старожил Анатолий Макаров, — ощутив укол неведомого, но пронзительного шила, я выскочил из дому на Пушкинскую улицу. Через три минуты оказался на улице Горького, прозванной нашим поколением “Бродвеем”, но от этого не менее советской, помпезной и чинной. В этот почти уже ночной час в ее неизбежно державной атмосфере сквозило нечто непривычное — радостная взвинченность, какое-то волнение. От Манежной площади прямо по мостовой, пренебрегая гудками машин и милицейскими трелями, подымалась толпа, никогда на московских улицах невиданная. Пестрая, почти карнавально разодетая, непочтительная, веселая, звенящая гитарами, бьющая в барабаны, дующая в дудки, орущая, поющая, танцующая на ходу, хмельная не от вина, а от свободы и самых чистых и лучших чувств, незнакомая, неизвестная, разноязыкая — и до озноба, до боли родная. В тот момент я и понял, что мечты действительно сбываются, что моя послевоенная, дворовая юность совпала с юностью века.

Фестиваль ехал по Москве в автобусах и в открытых грузовиках (на всех гостей автобусов не хватало). Он плыл по Садовому кольцу, которое представляло собой бескрайнее человеческое море. Вся Москва, простецкая, только-только пришедшая в себя после военных карточек и очередей, еще не забывшая о борьбе с космополитизмом и низкопоклонством, кое-как приодевшаяся, едва начавшая выбираться из подвалов и коммуналок, стояла на мостовой, тротуарах, крышах домов и тянула к проезжающим гостям руки, истосковавшиеся по пожатию таких же теплых человеческих рук. Географическая карта обрела конкретное воплощение. Мир действительно оказался потрясающе разнообразен. И в этом многообразии рас, характеров, языков, обычаев, одежда, мелодий и ритмов — поразительно един в желании жить, общаться и узнавать друг друга. Теперь такие слова и намерения кажутся банальностью. Тогда, в разгар холодной войны, они воспринимались как необычайное личное открытие. Наша страна открывала мир, приобщаясь ко всему

роду человеческому. А мир открывал нашу страну... Не помню, ел ли я что-то в те дни и ложился ли спать. Я просто был счастлив. Все 14 дней, с утра и до вечера.

Однажды вечером компанию французов мы привели в гости к нашему однокласснику, в огромную московскую коммуналку, переделанную из бывших номеров. Каким-то образом весь старый двор узнал, что в квартире на втором этаже принимают молодых парижан, и народ повалил к нам с пирогами, с вареньем, естественно, с бутылками и прочими дарами простого русского сердца. Француженки ревели в голос. Между прочим происходило все это на Пушечной улице, в 100 метрах от знаменитого здания, мимо которого москвичи в те годы проходили, рефлекторно опуская глаза и ускоряя шаг... Летом 57-го железобетонная регламентация советского бытия бесповоротно пошатнулась. Невозможно сделалось контролировать всё на свете: вкусы, моду, будничные привычки, музыку в эфире. На идеях, эмоциях, на песнях и танцах фестиваля мое поколение преобразилось в течение считанных дней. Все советские вольнодумцы, все знатоки джаза и современного искусства, модники и полиглоты имеют своим происхождением лето 57-го».

Поразились москвичи и гости фестиваля необычайно широкой культурной программе. Фурцева придумала организовать на Москве-реке водное шоу, для чего от Крымского моста до метромоста в Лужниках на воде разместили огромные плоты, на которых должны были выступать многочисленные хоры и танцевальные ансамбли из разных стран мира. В общей сложности в этом грандиозном шоу с фейерверками и салютом принимало участие до ста тысяч человек.

Среди многих фестивальных забот Фурцевой была и борьба с инфекционными заболеваниями и, в частности, с чумой, ампулы с которой якобы везли в своих чемоданах враги мира и социализма. За неделю до открытия она собрала бюро горкома: «Товарищи, есть информация, что к нам везут инфекционные заболевания. Поэтому начали проводить прививки. Но уже было четыре случая каких-то уколов совершено в мага-

знах, когда девушка стояла в очереди за продуктами, вдруг подходит человек, в руку делает укол. Потерпевшие сейчас в больницах, состояние их хорошее. Это делается врагами, чтобы создать панику вместо торжества». Но врагам не удалось сорвать фестиваль — москвичам сделали противочумные прививки, как и самой Екатерине Алексеевне.

Габриэль Гарсиа Маркес присутствовал на закрытии фестиваля, отметив образцовый порядок, поддерживаемый какой-то неведомой силой, и огромные масштабы происходящего. Он пришел в «Лужники» с воздушным шариком, как и многие гости. После того как состоялось представление с участием трех тысяч гимнастов, огромный оркестр из четырехсот музыкантов исполнил «Эту песню запекает молодежь», и с трибун, где сидела советская делегация, стали взлетать шары. И Маркес тоже отпустил свой шарик. И все небо, заполненное разноцветными шарами, осветилось мощными прожекторами: «Чувство гигантизма, навык массовой организованности, видимо, составляют важную часть психологии советских людей. В конце концов начинаешь привыкать к этому размаху. Праздничный фейерверк, устроенный для 11 тысяч гостей в кремлевском саду, длился два часа. От залпов содрогалась земля. Дождя не было: тучи заблаговременно разогнали».

К фестивалю Фурцева хорошо подготовила Москву во всем. Рассчитывая на международный резонанс, группа молодых и наивных марксистов-идеалистов летом 1957 года выпустила листовки с требованиями политической и экономической демократизации в СССР и распространила их в разных районах Москвы. Арестовали их в августе того же года, уголовное дело назвали «Делом Московского университета». Из девяти человек (Лев Краснопевцев, Николай Покровский и др.) троим дали по десятке на брата, троим — по восемь и остальным — по шесть лет. Досталось и прочим «сочувствующим».

А еще Екатерина Алексеевна приложила максимум усилий, дабы отправить из столицы нищих с попрошайками, число их возросло после войны, когда

никому не нужные калеки, инвалиды без рук и ног, ошивались по пивным, просили подавание в поездах, исполняя жалобные песни. Всех их выселили из столицы в один момент, чтобы глаза не мозолили. Раньше с ними боролись, но безуспешно. В 1951 году был издан указ Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами», по которому в последующие несколько лет за нищенство осудили менее полутора тысяч человек (при общем числе более чем 150 тысяч). Апофеоз борьбы с бродягами и каликами переходными пришелся на 1955 год, когда в РСФСР были задержаны 92 тысячи, а в 1956 году — 89 тысяч нищих. В Москве традиционно основными местами нищенства были вокзалы и рынки. Убрали на некоторое время и граждан цыганской национальности (но цыгане в итоге все равно потом вернулись и занимались своим промыслом, уже в 1970-е годы торгуя разного рода подделками у метро, например, якобы французской помадой или кроссовками «Адидас» такого же происхождения).

Международный фестиваль молодежи и студентов по своим последствиям явился событием огромного масштаба. Дело не только в том, что через девять месяцев в Москве появилось на свет более полутысячи «детей фестиваля» — кучерявых темномастных ребятшек. Не было, наверное, такой сферы жизни москвичей, на которой не отразился бы фестиваль, о чем мы еще расскажем в следующих главах.

После таких успехов можно было рассчитывать не только на орден Трудового Красного Знамени, но и на повышение, которое не заставило себя ждать. В конце 1957 года Хрущев забрал Фурцеву вверх. Такие люди, активные, способные пожертвовать собой ради «дорогого Никиты Сергеевича», были ему тогда ох как нужны. Когда летом в 1957 года махровые сталинисты Молотов, Маленков, Каганович и «примкнувший к ним» Шепилов решили сместить Хрущева, Фурцева широкой грудью встала на его защиту, в определенной мере обеспечив ему победу в очередной внутрипартийной разборке.

В награду Никита Сергеевич включил ее в состав высшего политического органа Советского Союза — Президиума ЦК КПСС. До Фурцевой женщин в политбюро (так позднее назывался президиум) не было. Это была вершина власти, Фурцева держалась на ней более четырех лет. В 1960 году она получила должность министра культуры СССР — пост, не пользовавшийся никаким политическим влиянием. Но как член президиума она могла многое, по-прежнему покровительствуя столице и вникая в московские дела.

Долго такое положение вещей, естественно, продлиться не могло. Это, если так выразиться, был нонсенс — министр культуры является членом политбюро. В СССР даже не все секретари ЦК были членами политбюро, в лучшем случае — кандидатами. Но дело было еще и в личности Фурцевой. Вряд ли коллеги по политбюро могли долго терпеть рядом с собой однопартийца в юбке. Хотя и был такой праздник — Международный женский день, но в отношении женщин-руководителей существовала в партии некоторая дискриминация. Их нехотя допускали к управлению. Самая большая должность для женщины в советское время — директор ткацкой фабрики или парфюмерной. А право советской женщины-руководителя на исключительную власть оставалось только в рамках пьесы Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия», героиня которой с пистолетом в руке интересовалась у обалдевших матросов: «Ну, кто еще хочет комиссарского тела?»

Сослуживец Фурцевой вспоминал: «Заняв “мужской” (по характеру работы) пост, женщины, как правило, под него подстраиваются, стремятся даже внешне походить на мужчин, задымят сигаретой, повелевающе повысят голос, а то и матерком пустят, не побрезгуют. Мол, и мы не лыком шиты. Ничего похожего не водилось за Фурцевой. Всегда элегантная, модно одетая, в меру пользующаяся косметикой, она оставалась очень женственной. Мне казалось, что этим она хотела подчеркнуть: “Среди всех вас, мужчин, я одна женщина. Извольте считаться с этим!” И, как правило,

попадала в цель. Редко кто мог отказать ей в какой-либо просьбе».

Неудивительно, что сам факт участия Фурцевой в обсуждении важнейших политических вопросов управления страной вызывал у других «портретов» (тех, кого носили на демонстрации) раздражение и даже чувство унижения своего мужского достоинства: «Ей бы щи варить, а не в политбюро заседать».

И вскоре черед Фурцевой настал. В октябре 1961 года Хрущев, избавившись от всех оппонентов (как он думал), решил, что в услугах Фурцевой более не нуждается. В кулуарах он сетовал, что, мол, жалко ее, Катю. Но ничего не поделаешь — своя рубашка ближе к телу. Когда вершится судьба страны, то судьбы других людей кажутся такими маленькими и незначительными. И осталась Екатерина Алексеевна всего лишь министром культуры, вплоть до своей смерти в 1974 году. Но даже на этой должности она сумела найти себя. Для Москвы 14 лет руководства Фурцевой Министерством культуры стали плодотворным периодом, поэтому мы на страницах этой книги не раз еще упомянем ее фамилию.

На место яркой и неординарной Фурцевой в декабре 1957 года пришел человек иного плана — генерал госбезопасности Владимир Устинов (1907—1971). Московский уроженец, всю войну он проработал на столичных заводах, затем пошел по партийной линии. В 1946—1950 годах был заместителем заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Московского горкома ВКП(б). С 1950 года — первый секретарь Краснопресненского райкома партии, затем с 1953 года — Пролетарского. Смерть Сталина выдвинула его вперед, Хрущев сделал Устинова начальником знаменитой «девятки» — 9-го управления МВД СССР, ведавшего охраной высших лиц государства.

При Устинове готовилось важнейшее, можно сказать, историческое событие — расширение территории Москвы, что и произошло в августе 1960 года согласно указу Президиума Верховного Совета СССР.

Территория столицы увеличилась в 2,5 раза. Новой границей города стала 109-километровая Московская кольцевая автодорога. Проектирование ее началось еще в 1937 году. Ее могли бы строить долго, но война определенным образом ускорила ее появление. Летом 1941 года Государственный Комитет Обороны постановил построить дорогу по упрощенному проекту. Сроку дали месяц. Дорога предназначалась для переброски вооружения и военных частей, сыграв свою важную роль в подготовке контрнаступления и разгрома немецких войск под Москвой в декабре 1941 года.

А в 1956 году начался следующий этап строительства Кольцевой автодороги, согласно уже требованиям мирного времени. Первый участок МКАД длиной 48 километров от Ярославского до Симферопольского шоссе был открыт в ноябре 1960 года, а движение по всему кольцу (две бетонные полосы в каждую сторону) началось 5 ноября 1962 года.

Столица к этому времени буквально рвалась из своих старых границ, чему способствовало массовое жилищное строительство на прилегающих территориях — в Измайлове, на Юго-Западе, в Текстильщиках, Люблине, Филях и т. д. Всего к 1960 году возвели более 30 миллионов квадратных метров жилья. За этой цифрой прежде всего стоят людские судьбы — огромное количество москвичей обрели тогда отдельные квартиры. Пусть не в центре, пусть за Садовым кольцом, но получили. Люди переезжали на новые места, но права оставаться москвичами их никто не лишал. И потому в состав столицы вошли подмосковные Бабушкино и Тушино, Кунцево и Перово, Бескудниково и Дегунино, Алтуфьево и Ясенево, Чертаново и Орехово-Борисово, Бирюлево и Братеево, Новогиреево и Вишняки, Лианозово и Бибирево...

А по телевизору продолжали петь свои заводные частушки Рудаков и Нечаев: «Жаль, что едет новосел в основном из ближних сел». Ну что же, и это тоже было. Росла территория Москвы, увеличивалась и численность ее населения. Вчерашние колхозники получали столичную прописку.

Столица росла в размерах, а посему обозначилась новая проблема — транспортная. При Устинове продолжал решаться вопрос совершенствования работы городского общественного транспорта с целью большего использования автомашин на электрической тяге. Для того времени это было новаторство. Грузовые и пассажирские троллейбусы призваны были заменить рефрижераторы и автобусы. Еще больше трамваев должно было появиться на московских улицах, что сильно улучшило бы транспортное сообщение с новыми районами. Метро за расширением Москвы не поспевало.

Из ярких событий культурной жизни следует отметить Американскую промышленную выставку, открытую летом 1959 года в Сокольниках при участии Никиты Хрущева и Ричарда Никсона. Выставка перевернула представление многих москвичей о жизни американского народа. В центре Москвы в 1958 году появились два знаковых памятника — Владимиру Маяковскому и Феликсу Дзержинскому.

Устинов просидел в своем кресле до июля 1960 года, после чего отправился чрезвычайным и полномочным послом СССР в Венгрию. Это было явным понижением и свидетельством отсутствия каких-либо перспектив возвращения хотя бы на партийную работу.

Сменил его ненадолго Петр Демичев (1918—2010), калужанин, из рабочей семьи, участник войны, химик по образованию. Он также не свалился на голову москвичей ниоткуда, а имел немалый опыт работы в столице. С 1945 по 1950 год — заведующий отделом, секретарь Советского райкома ВКП(б) Москвы, затем до 1956 года работал в аппарате Московского горкома ВКП(б) и ЦК. В 1956—1958 годах — секретарь, в 1959—1960 годах — первый секретарь Московского обкома КПСС.

Первым секретарем Московского горкома он прослужил два года и запомнился выносом тела Сталина из мавзолея. Он, говорят, так и сказал: «Оставлять тело Сталина в мавзолее было бы кощунством». Вождя вынесли по-тихому, в ночь с 31 октября на 1 ноября

1961 года. Перед этим на XXII съезде партии решили «признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина».

Вечером 31 октября к мавзолею пришел взвод солдат, и бойцы стали рыть могилу, подвезли бетонные плиты, обложили ими яму, а затем обшили ее изнутри фанерой. К ночи приехал Демичев с председателем КГБ Александром Шелепиным, всё проверили. Затем все вошли в мавзолей, восемь офицеров взяли саркофаг и понесли его вниз, в подвал под мавзолеем, где была лаборатория. Там саркофаг вскрыли, сняли с мундира золотую медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда и срезали золотые пуговицы с мундира, заменив их латунными. Тело Сталина переложили в обычный гроб; когда забивали крышку, некоторые из присутствующих, в том числе Николай Шверник, заплакали навзрыд. Гроб вынесли и в полном безмолвии опустили в землю. Могилу зарыли, накрыв сверху мраморной плитой. Через неделю Шелепин доложил Хрущеву: «Заметной реакции в обществе на перезахоронение Сталина не последовало». Впрочем, москвичи (в отличие от забузивших тбилисцев) и до этого спокойно перенесли снос многочисленных памятников «вождю народов», в том числе на площади Свердлова (ныне Театральная) и ВСХВ, а также переименование ЗИСа — Московского автомобильного завода имени Сталина, стадиона «Сталинец» в Измайлове, Сталинского рабочего поселка, Библиотеки им. И. В. Сталина, станций метро «Сталинская» (ныне «Семеновская») и «Завод имени Сталина» (ныне «Автозаводская»).

В 1962 году метро пришло и на Юго-Запад. 13 октября открылся Калужский радиус из пяти станций — «Октябрьская», «Ленинский проспект», «Академическая», «Профсоюзная» и «Новые Черемушки» («Шаболовская» была предусмотрена изначально, но пустили

ее лишь в 1980 году). Начиная с «Ленинского проспекта», новые станции называли «сороконожками»: все они были похожи друг на друга, поскольку строились по экономичным проектам, на небольшой глубине, без архитектурных излишеств и эскалаторов. Этот проект повторился затем на многих последующих станциях.

У Демичева было весьма интеллигентное лицо, профессорское. Он и с подчиненными обращался культурно. Своих помощников удивил тем, что отдал им гонорар за ими же написанную для него статью. Хотя обычно партийные бюрократы оставляли деньги за публикации себе. Демичев обладал редким отчеством — Нилович, а все москвичи в школе проходили «Мать» Горького, где у главной героини было такое же отчество. Так Демичева и прозвали за глаза — «Ниловна», с этим партийным псевдонимом он прожил всю оставшуюся чиновничью жизнь.

Демичев любил деятелей культуры, к нему часто заходили Сергей Михалков, Константин Симонов, Евгений Вучетич и др. Приходили, конечно, по бытовым вопросам: кому квартиру, кому прописку просить. Однажды к нему на прием записалась писательница Галина Серебрякова, недавно реабилитированная, бывшая жена наркомов Сокольникова и Серебрякова. Ее допустили к первому секретарю. И вот эта молодая, изможденная в ГУЛАГе женщина сидит перед Демичевым. Только начала она рассказ о своих жутких жилищных условиях (до ареста она жила на улице Грановского), как вдруг стала расстегивать кофточку. Демичев прямо обалдел: видно, здорово ей по голове наступали там, на Лубянке! Но что же дальше? Она, слава богу, остановилась. Оказывается, Серебрякова хотела показать ему страшный шрам на груди: «Это след нагайки самого Абакумова. Любил садист во время допросов есть груши и виноград».

Два с половиной часа Серебрякова была в кабинете Демичева, говорила в основном она. Вспоминала о том, как сидела во Владимирской тюрьме в одной камере с певицей Лидией Руслановой и супругой «все-союзного старосты» Калинина. В этой тюрьме каждое

воскресенье повар обходил все камеры и протягивал в окошко список — ассортимент тюремного буфета. Чего там только не было — и икра, и балык, и ветчина. Это было явным издевательством. И вот однажды Русланова, не читая его список, бросила: «Тащи всё!» Дело в том, что друг Руслановой конферансье Михаил Гаркави прислал ей в тюрьму три тысячи рублей. Повар исполнил заказ, после чего несколько суток подряд арестантки мучились кровавым поносом.

Когда Серебрякова, наконец, вышла из кабинета, впечатлительный Демичев, давно не слышавший ничего подобного, провожал ее лично, открыв перед ней дверь. Затем он приказал позвонить в Моссовет, чтобы ей помогли с квартирой. Уже через две недели Серебрякова получила отличную трехкомнатную квартиру на Кутузовском проспекте. Вот что значит звонок от «первого»... А Серебрякова затем не раз демонстрировала свой шрам всем желающим. Как-то на встрече Хрущева с интеллигенцией в Кремле она вышла на трибуну и вновь, расстегнув кофту, показала последствия допроса ее Абакумовым. И вдруг послышался шум, кто-то упал в обморок от увиденного. Это был композитор Дмитрий Шостакович.

В 1960 году режиссер Георгий Натансон снял фильм по пьесе Виктора Розова «В поисках радости» с Олегом Табаковым в главной роли. Картина очень не понравилась наверху, той же Фурцевой. «Почему вы сняли фильм в захолустьях старой Москвы, когда есть красивые проспекты? Наши друзья за рубежом удивляются, почему советские фильмы снимаются в трущобах. Нет-нет, в таком виде я ваш фильм не приму», — сказала она авторам. Ее поддержал секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов: «Это итальянская неореалистическая картина. Старый двор, грязные улицы. Фильм надо исправлять» (какая высокая оценка — итальянская, да еще и неореалистическая!). И лишь благодаря Демичеву фильм был допущен к прокату. На просмотре он был очень доброжелателен, много смеялся над репликами, был серьезен в драматических местах, резюмировал: «Хорошая картина!» Фильм при нем сразу

вышел на экраны московских кинотеатров, правда, под другим названием — «Шумный день».

О принципиальности Демичева свидетельствует и такой факт: «В Москве началась очередная кампания против алкоголизма и пьяниц. Горком встревожил тот факт, что в вытрезвители стали попадать “руководящие товарищи”. И вот однажды в сводке появилось имя заведомо горкома партии Н. Это было ЧП. Человек скромный, даже застенчивый, не пьет, не курит. А произошло вот что. Н поехал в Лужники на хоккейный матч. В правительственной ложе находился секретарь горкома Бирюков, прямой начальник Н. Любитель выпить, он принудил Н пропустить несколько рюмок водки на пустой желудок. Естественно, Н сразу захмелел. Выйдя со стадиона, он почувствовал себя плохо и обратился к постовому милиционеру с вопросом: где находится ближайшая аптека? Милиционер с подозрением принялся к гражданину и... вызвал уазик, который и доставил Н в вытрезвитель. 1-му все было доложено как следует. Н пощадили. А тот секретарь горкома через несколько месяцев переменял место службы», — рассказывал помощник Демичева В. Сырокомский, который жил в одной комнате с семьей из восьми человек: женой, сыном, тещей, тестем, братом жены, его женой и бабушкой. Стоило Демичеву узнать об этом, как уже через десять дней помощник получил ордер Моссовета на отдельную двухкомнатную квартиру. Всем бы так давали!

Вскоре выдвиженец Хрущева Демичев ушел на повышение в ЦК, теперь он стал заниматься химией — Никита Сергеевич озаботился развитием этой важной науки (кукурузой уже наелись). От Демичева в Москве осталось здание Кремлевского дворца съездов на шесть тысяч мест (на месте старой Оружейной палаты), Дворец пионеров на Ленинских горах, новые выставочные павильоны в Сокольниках и многие другие здания.

В 1974 году Демичев по иронии судьбы стал министром культуры СССР вслед за Фурцевой. Как «очень деликатный и умный человек», «бессребреник с чистой

совестью» запомнился он солистке Большого театра Елене Образцовой. Он дожил до нашего светлого времени обычным пенсионером, узнав о его смерти, многие были удивлены («Он, оказывается, был еще жив!»), похоронили Демичева на простом деревенском кладбище в Жаворонках.

А партийную организацию Москвы в ноябре 1962 года возглавил Николай Егорычев (1920—2005), он был родом из подмосковной деревни Строгино (ставшей впоследствии одноименным районом столицы), среднюю школу окончил в Тушине. Поступив в 1938 году на бронетанковый факультет Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана, он проучился там до войны, вскоре после начала которой ушел добровольцем на фронт. Столицу он защищал в буквальном смысле, на передовой с оружием в руках. За всю войну был дважды ранен. Успел повоевать и с бандеровцами на Западной Украине.

Молодой фронтовик Егорычев, вернувшись в Бауманку, окончил ее с золотой медалью в 1950 году. Советская власть умела растить кадры. Уже в 1954 году он — секретарь, а с 1956 года — и первый секретарь Бауманского райкома. Егорычев в свои 36 лет стал самым молодым руководителем райкома партии столицы.

В ноябре 1962 года его избрали первым секретарем Московского городского комитета КПСС. Егорычеву достались те же проблемы, которые он решал, еще являясь подчиненным Фурцевой. «Особенно острой была проблема жилья, — вспоминал он. — Перед войной население Москвы выросло почти в два раза. После войны рост населения продолжался, но новое жилье почти не строилось, а построенные до войны бараки и общежития ветшали. У нас в Бауманском районе бараки были расположены вдоль Яузы и каждую весну подтоплялись. Помню, как-то по заявлению я посетил одну семью. Одиннадцать человек ютились на семи квадратных метрах. В другом случае уже молодой москвич, участник войны, жил в глубокой бывшей угольной яме без света и воздуха, куда попасть можно было через люк по стремянке».

Темпы ввода нового жилья при нем значительно возросли: в середине 1960-х годов квартиры получили более двух миллионов человек. Такое обилие жилья выдвигало на первый план задачу его благоустройства, теперь мало было построить квартиру, нужно было обеспечить ее современными благами цивилизации — водопроводом, центральным отоплением, канализацией и пр. Показатели 1965 года по сравнению с 1941 годом были такими — ванную имели 73 процента всех московских домов против 17 процентов, центральное отопление — 87 процентов против 43, водопровод — 93 процента против 78, канализацию — 93 процента против 74, газ — 94 процента против 19.

Но не только 1941 год, а еще и 1913-й выступали ориентирами в статистических отчетах, а также аналогичные показатели основных европейских столиц. И здесь москвичи могли быть довольны: по уровню благоустройства жилья столица если не обогнала, то уж точно догнала Париж, Лондон и Вену. Так, при Егорычеве в Москве сильно улучшились дела с бытовым обслуживанием населения, в каждом районе открылись новые парикмахерские — так называемые «стекляшки» (простая стрижка стоила 40 копеек), а еще химчистки, прачечные, для которых за океаном закупили новейшее оборудование. Пользоваться химчистками стало еще удобнее и, главное, доступнее.

Пробиться на прием к Егорычеву для получения квартиры было несложно, главное было знать его телефонный номер. Так и сделал иллюзионист Игорь Кио, позвонив первому секретарю и попросив о встрече. К удивлению Кио, Егорычев не сослался на занятость, а сразу предложил ему прийти на прием в понедельник в девять утра. В назначенный день и час Кио пришел в здание МГК. А тут его уже встречает помощник «первого» и любезно так говорит: «Простите, вы Игорь Эмильевич? Николай Григорьевич ждет вас, пожалуйста». Привели его в приемную, не прошло и трех минут, как из кабинета появляется сам Егорычев и проводит иллюзиониста к себе. «Извините, — говорит, — что заставил вас ждать. Прошу вас!» Тут и секретарша чай принесла.

Сначала Егорычев поинтересовался цирковыми делами, а потом спросил: «Ну а чем я могу быть вам полезен, давайте, не стесняйтесь». А Кио и не думал стесняться: «Николай Григорьевич, у меня своя семья. Осталась от отца квартира, там живет брат. Вот я и хотел бы отдельную квартиру». Егорычев и говорит: «Поможем, конечно, как не помочь! Давайте свое письмо». Берет он письмо и ставит свою резолюцию: «Товарищу Рябинину» (а это первый заместитель председателя Моссовета Промыслова. — А. В.)... И всё вроде бы.

А Кио, видно, первый раз в таком кабинете и все не унимается, глупые вопросы задает: «Могу ли надеяться?» — «Ну, я думаю, что, конечно, вопрос решаем. Рад был вас повидать. В случае чего обращайтесь, до свидания», — успокоил его Егорычев. На прощание Кио пригласил его в цирк.

Неужели все так и было в то время — быстро, просто и демократично? Партийный босс сам вышел в приемную, извинился за трехминутную задержку, даже чаем напоил иллюзиониста Кио, который в цирке смело разрезал женщин пилой. Все так, да не так. Фокус в том, что звонил Кио по закрытой кремлевской «вертушке», то есть уже обозначил себя, выделил, так сказать, из общей массы народа (человек с улицы вряд ли вообще знал телефон приемной Егорычева). И было Кио тогда, в 1967 году, всего 23 года, в этом возрасте нахальства и напора, как известно, не занимать, а главное, нет опыта — основной помехи в таких делах. Вот Егорычев и клюнул на его удочку, быть может, растерявшись от наглости Кио. А потом, все партийные вожди нередко пытались создать себе реноме покровителей культуры — мол, понимают трудности творческих людей и даже готовы содействовать в улучшении жилищных условий. Вот придет этот Кио к себе в цирк и начнет рассказывать, какой Егорычев хороший, а такая слава всегда впереди бежит.

Вероятно, сыграло свою роль и предчувствие Егорычевым своей скорой отставки, до которой оставалось два месяца. И решил он под конец хоть кому-то помочь, такое бывает у чиновников. А Кио уже на сле-

дующий день так же ласково в Моссовет пригласили: «Вас же не устроит, если мы вам предложим квартиру в новом районе Москвы?» — «Конечно, нет, я хотел бы в центре». — «Тогда придется месяц-два подождать». — «Ну, месяц-два — это не так страшно». — «Хорошо, мы вам сообщим». И точно — через два месяца Кио получил очень хорошую квартиру на Зубовском бульваре. Благодаря созданным условиям для полноценного творчества он еще долго радовал москвичей своими фокусами, да взять хотя бы знаменитый аттракцион «Человек-невидимка» в цирке на проспекте Вернадского. Мало кто не видел его в начале 1980-х годов.

Егорычев находил время встречаться с интеллигенцией и по творческим вопросам. В марте 1963 года он собрал московских писателей и устроил наиболее либеральным из них головомойку за то, что они слишком увлеклись борьбой с культом личности. Писатели и вправду распоясались, выпустив, например, в 1961 году неподцензурный альманах «Тарусские страницы», где напечатались Константин Паустовский, Николай Заболоцкий, Юрий Трифонов и др. Егорычев поставил им в пример «правильное» поведение таких ретроградов, как Николай Грибачев, Всеволод Кочетов, Анатолий Софронов. А партийную организацию московских писателей, проворонившую «Тарусские страницы», вскоре распустили, прикрепив ее бывших членов к парткомам крупных заводов, дабы приблизить инженеров человеческих душ к рабочему классу.

Уже через несколько месяцев после снятия Хрущева Егорычев выступил с речью, в которой принялся вовсю клеймить этого «волюнтариста». Вспоминая, как Никита Сергеевич еще недавно по-хамски разговаривал с писателями, «Егорычев дрожащим от возмущения голосом упрекнул их: “Я сидел, слушал все это и думал, неужели не найдется хотя бы один человек, который прервет издевательство, стукнет кулаком по столу: “Не смейте так с нами разговаривать!” Конечно, эта обличительная риторика была чистым фарисейством: если возмущение Егорычева было столь велико, по-

чему он не вступился за унижаемых и оскорбляемых генсеком писателей? Но тогда он изо всех сил дул в ту дуду, в которую требовалось дуть. Впрочем, фарисейство не было его индивидуальным качеством, это было родовое свойство номенклатуры определенного уровня, она жила по таким законам», — утверждал критик Лазарь Лазарев.

Но все же чаще он был крутоват. В 1965 году в Доме союзов проходил съезд Союза писателей РСФСР. И вот на одном из последних заседаний выходит на трибуну Расул Гамзатов и начинает говорить о поэзии, о том, как она бесправна и несчастна, как ей трудно среди черствых, равнодушных людей. Зал проводил его аплодисментами. Слова талантливого аварца услышал Егорычев, он подошел и высказал свое неудовольствие его подозрительной речью. В ответ Гамзатов, вместо того чтобы согласиться с «первым», в запале посоветовал ему больше заниматься Московской писательской организацией. Завистливые коллеги поэта после этой стычки уже поставили было крест на его карьере, но не тут-то было, член Президиума Верховного Совета СССР Гамзатов оказался не по зубам товарищу Егорычеву.

Как-то главного режиссера Театра им. Ленинского комсомола Анатолия Эфроса вызвали в горком партии, а он не пришел, репетировал новый спектакль. Для него репетиция была главным событием в театральном процессе, он даже книгу свою назвал «Репетиция — любовь моя». Достаточно было одного лишь слова Егорычева («Он нас проигнорировал, а теперь мы его»), чтобы Эфроса немедля сняли с работы и отправили рядовым режиссером в Театр на Малой Бронной. Когда к «первому» пришли Георгий Товстоногов с Олегом Ефремовым — просить за опального коллегу, — Егорычев не моргнув глазом отшил их: «Георгий Александрович, у вас что, в Ленинграде своих проблем нет? А вы вообще пьете!» Последнее относилось уже к Ефремову.

В 1963 году Егорычев посчитал нужным отметить в кампании против кинорежиссера Михаила Ромма,

посмеявшегося, по его мнению, поднять «грязное знамя сионизма». Он также приструнил Василия Смирнова, главного редактора журнала «Дружба народов», название которого совершенно не соответствовало проводимой им редакторской политике. На Смирнова потоком шли жалобы в горком. То он объявил в ресторане Центрального дома литераторов о своем международном открытии, что Солженицын на самом деле Солженицер, то оскорбил писательницу Елизавету Драбкину, назвав ее Драбкиной-Хапкиной, а писателя Григория Бакланова специально упоминал не под его псевдонимом, а под настоящей фамилией Фридман. Поэтессу Юнну Мориц он и вовсе огорошил: «Почему вы пишете о Пушкине? Пушкин не *ваш* писатель». Егорычев отреагировал на жалобы тем, что публично попенял Смирнову, что тот «не отдает отчета своим словам» и даже «оклеветал всю Московскую писательскую организацию». Правда, позже Смирнова все равно взяло под защиту бюро МГК КПСС.

Самое, наверное, знаковое событие пятилетки Егорычева — сооружение в 1967 году мемориала «Могила Неизвестного Солдата» в Александровском саду. За два года до этого, в 1965 году, Москва вместе с Ленинградом и рядом других городов стала «городом-героем». Тогда впервые был подобающе отпразднован юбилей Победы, все 20 лет после 1945 года Дни Победы отмечались довольно скромно.

Для Егорычева создание мемориала стало делом чести — активный участник обороны Москвы, потерявший немало боевых друзей на фронте, он приложил максимальные усилия для того, чтобы 3 декабря 1966 года прах Неизвестного Солдата был торжественно перенесен из братской могилы под Зеленоградом и захоронен в центре города-героя. Это превратилось в мероприятие всесоюзного масштаба и транслировалось в прямом эфире. Процессия с артиллерийским лафетом двигалась по улице Горького, все тротуары которой и близлежащие переулки были запружены народом. Люди плакали. Юлия Друнина писала в стихотворении «Неизвестный солдат» (1969):

Вот у Белорусского вокзала
Эшелон из Прошлого застыл.
Голову склонили генералы
Перед Неизвестным и Простым
Рядовым солдатом,
Что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...

...Кто он? Из Сибири, из Рязани?
Был убит в семнадцать, в сорок лет?..
И седая женщина глазами
Провожает траурный лафет.

«Мальчик мой!» — сухие губы шепчут,
Замирают тысячи сердец.
Молодые вздрагивают плечи:
«Может, это вправду мой отец?»

А вот как эта история начиналась. Однажды в кабинете Николая Егорычева затрезвонила «вертушка»: на проводе был председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин: «Приветствую, Николай. Вот только что в Польше был, возложил венок на Могилу Неизвестного Солдата. Слушай, а почему у нас, в Москве такой нет? Разве у нас мало сгинувших в безвестности?» Егорычев еле сдержал эмоции, он ведь сам не раз думал об этом. В самом деле: куда не приедешь, везде есть где поклониться памяти погибших, цветы положить. А у нас? Только Мавзолей В. И. Ленина и есть. А как же павшие во время Великой Отечественной войны? Им-то куда цветы нести? И чем мы хуже Парижа или Лондона? Столько людей полегло...

Егорычев без промедления начал заниматься этим вопросом. Архитекторам дали соответствующее задание. Но вот где должен находиться мемориал? Среди прочих вариантов выбрали Александровский сад (старые москвичи называли его «садиком»), у Кремлевской стены. Косыгин одобрил выбор Егорычева, но это породило неожиданную проблему. Брежнев, узнав, что инициатива создания мемориала будет принадлежать не ему, обиделся и стал придирааться. Сообразительный Егорычев придумал выход: сделали макет мемо-

риала и установили его в Кремлевском дворце съездов, чтобы все руководящие товарищи с ним ознакомились во время торжественного заседания 6 ноября 1966 года (отмечалась очередная годовщина — Великой Октябрьской социалистической революции). Как и полагал Егорычев, всем понравилось. Брежнев только процедил сквозь зубы: «Ладно, сооружайте, я согласен». И если инициатором создания мемориала генсек не являлся, то честь зажечь Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата 8 мая 1967 года принадлежала именно ему. Обстановка была торжественная. Когда Леонид Ильич приблизился с горящим факелом к звезде, то раздался небольшой хлопок — это рабочие слишком сильно открыли газовый вентиль. Без внимания москвичей это не осталось. А сам мемориал до сих пор является символом памяти и скорби по всем погибшим в Великой Отечественной войне. И то, что пост номер один, стоявший ранее у мавзолея, перенесен ныне к Вечному огню, более чем справедливо.

Начавшееся в 1966 году восстановление Триумфальной арки на Кутузовском проспекте послужило данью памяти уже другой Отечественной войне — 1812 года (неподалеку еще в 1962 году открылся музей-панорама «Бородинская битва»). Арка стояла раньше на площади Тверской Заставы и была разобрана в 1936 году. Егорычев также спас от разрушения храм Симеона Столпника на Новом Арбате и церковь Рождества Богородицы в Путинках на Малой Дмитровке, а вот храм Преображения Господня в Преображенском, построенный в 1768 году, не уберег. Его снос оправдали необходимостью строительства метро. Не помогли и протесты прихожан, собравших 2,5 тысячи подписей. На рассвете 18 июля 1964 года храм взорвали, а станцию построили в другом месте (ныне храм восстановлен).

В 1963 году в Москве на Ленинском проспекте открылся новый универмаг «Москва» в семь этажей, оснащенный по последнему слову техники, позволившей ему в этом вопросе (а не по содержанию прилавков) соперничать с лучшими магазинами Парижа и Лондо-

на. В «Москву» приезжали учиться торговому делу со всего Союза.

При Егорычеве обрел жизнь еще один символ Москвы — Останкинская телебашня. Ее строительство было задумано еще в середине 1950-х годов, когда стало ясно, что Шуховская башня уже «не тянет». Долго выбирали место для новой башни, сперва остановились на Черемушках, затем выяснилось, что грунт там неподходящий, из-за чего все сооружение может сползти в Москву-реку. Тогда начали искать на северо-западе, выбирая между Екатерининским парком и Останкином, остановились на последнем.

Предметом дискуссий явилась технология строительства. «Металлисты» схлестнулись с «железобетонщиками». Одни хотели сделать башню стальной, как в Париже, другие из бетона. Поскольку изначально башня должна была поразить весь мир своей высотой (а как же без этого!), то многие сомневались — выдержит ли бетон такую колоссальную нагрузку при высоте башни 573 метра. Но бетон не ржавеет, да и красить его нет необходимости. На этом и порешили. Котлован начали рыть в 1960 году.

Конструктором Останкинской башни был Николай Никитин, легендарный инженер-самородок, благодаря которому еще 100 лет простоят Московский университет на Воробьевых горах и монумент «Родина-мать зовет!» в Волгограде. Никитин предложил сделать на башне смотровую площадку и ресторан — а чем мы хуже Эйфеля? Тем более что сама башня напоминала перевернутую «рюмку» (так и прозвали ее москвичи). Это сразу превратило Останкинскую башню в достопримечательность столицы. Записывались на смотровую площадку коллективно, на предприятиях, очередь наступала через два-три месяца, ибо желающих было немало, не забудем и о гостях столицы. А ресторан вертелся вокруг своей оси и за час предоставлял прекрасную возможность, не отрываясь от трапезы, разглядеть Москву. Только вот фотографировать оттуда город было нельзя ни в коем случае — секретность!

Егорычев пристально следил за графиком строительства, которое должно было закончиться к сорокалетию революции. Но ленточку на открытии башни перерезали в ноябре 1967 года уже без него. Став партийным руководителем Москвы при Хрущеве, активно выдвигавшем молодых энергичных лидеров и не боявшемся их политической активности, Егорычев не смог сработаться с Леонидом Брежневым, ориентировавшимся в общем-то на людей неярких, серых, но преданных и обязанных ему лично. К тому же Егорычев был из группировки шелепинцев, конкурировавших с Брежневым за власть.

И потому уже летом 1967 года между генеральным секретарем и партийным руководителем Москвы обозначился конфликт, который не удалось скрыть от глаз и ушей членов ЦК. На очередном, июньском пленуме Николай Егорычев неожиданно принялся критиковать обороноспособность страны: «Меня как члена Военного совета Московского округа ПВО весьма беспокоит, что противовоздушная оборона столицы недостаточно надежна. Существующая система все более морально устаревает, модернизация ее должного эффекта уже не дает, создание же новой системы ПВО столицы слишком затягивается».

Подобное выступление было открытым вызовом Брежневу, не преминувшему оперативно отреагировать: в июле того же года Егорычева перевели с понижением на должность заместителя министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. Его политическая карьера пошла на спад. Он успел еще поработать послом в Дании и Афганистане. В то время распространенную практику, когда крупного руководителя отправляют в почетную ссылку на дипломатическую работу, в народе прозвали «Посол отсюда!». Что же до критики ПВО столицы, то она, к сожалению, оказалась оправданной, правда, выяснилось это более чем через два десятилетия, когда Матисас Руст приземлился на Красной площади, получившей от остряков название «Шереметьево-3».

Брежнев быстро подобрал кандидатуру на место Егорычева. Новым первым секретарем стал Виктор Гришин (1914—1992), выпускник московских техникумов — геодезического и паровозного хозяйства (высшего образования он так и не получил). Собственно, в паровозном депо Серпухова (родной город Гришина) и начиналась его партийная карьера. Звезда с неба товарищ Гришин не хватал, так до 1956 года и просидев в Московской области на различных должностях, когда неожиданно был назначен председателем Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов — «школы коммунизма», как было напечатано в профсоюзных билетах, куда советские люди усердно клеивали марки (свидетельства уплаты профсоюзных взносов).

Председатель ВЦСПС — это была на редкость беззубая должность в довольно специфичной организации. Если в капстранах профсоюзы путем забастовок и митингов боролись за повышение зарплаты и улучшение условий труда, то в СССР они были аполитичным придатком партии. Попробовали бы советские рабочие что-либо потребовать от власти — сразу бы получили прикладом по голове или пулю в лоб, как это произошло в Новочеркасске в 1962 году.

Отсутствие минимальной самостоятельности компенсировалось, как это нередко бывает, большими финансовыми возможностями, имевшимися в распоряжении советских профсоюзов, владевших широкой сетью санаториев, пансионатов, прочих всесоюзных здравниц, а также детских садов, яслей и т. д., говоря современным языком, объектов социальной инфраструктуры. ВЦСПС принадлежал даже Дом союзов в Москве, в котором в 1982 году началась эпоха пышных похорон, или так называемый в народе «великий почин». Однако с самим товарищем Гришиным там не успели проститься, хотя он-то, быть может, этого и заслуживал как большой профсоюзный деятель. Сегодня никто уже и не вспомнит, что именно по предложению Гришина в свое время на сессии Верховного Совета СССР был принят закон, по которому в

стране был установлен семичасовой рабочий день, а затем введена пятидневная рабочая неделя и два выходных — суббота и воскресенье.

Одиннадцать лет выписывал свои профсоюзные путевки Виктор Васильевич, пока в 1967 году не пригодился Леониду Брежневу, который мог бы проташить на эту должность одного из своих многочисленных приятелей и земляков. Но надо отдать ему должное: традицию ставить на высший руководящий пост в Москве ее уроженцев (или по крайней мере членов партии, родившихся в близлежащих областях) он не нарушил. И это вполне справедливо. Правда, этот порядок был поломан потом, сразу после Гришина, и продолжает нарушаться до сих пор...

О Гришине, сумевшем продержаться в Москве без малого два десятилетия, с 1967 по 1985 год, существуют разные мнения: исполнительный и закоснелый партиец, бюрократ и чинуша и т. д. С деятелями культуры не заигрывал (в отличие от Егорычева). Его соратник Юрий Прокофьев считает, что «столько, сколько сделал для Москвы Гришин, не сделал никто. Гришин был лучший руководитель этого города. Взять хотя бы ситуацию с сохранением культурных памятников. Помню, как секретаря Сокольнического райкома партии чуть не сняли с работы за то, что на Разгуляе, рядом со зданием Инженерно-строительного института, расчищая двор, снесли двухэтажное здание XIX века. Гришин заставил по чертежам полностью его восстановить. План постройки Третьего транспортного кольца Москвы был составлен еще при Гришине, был разработан даже план Четвертого транспортного кольца... Гришин никогда не был консерватором. Я видел, что поначалу он был очень жестким человеком, но со временем узнал людей, вник в дела и помягчел. Хотя союзные министры всегда шли к нему и дрожали — Гришин же был членом политбюро».

Вообще-то Третье транспортное кольцо было запланировано еще в Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 года. Первые участки его появились в 1960 году, когда началось строительство трассы в рай-

оне Беговой улицы. При Гришине в 1975 году была сооружена Рижская эстакада, ставшая ныне частью Третьего кольца. А Четвертое транспортное кольцо так и осталось на бумаге, одной из препон на его пути встало древнее Коломенское, под которым пришлось бы прорыть глубокий туннель, что привело бы к непрогнозируемым последствиям для ценных памятников русского зодчества.

Архитекторы из Главного архитектурного управления намеревались снести дом Сытина на улице Горького. Он мешал строительству нового корпуса «Известий». Гришин же напомнил им опыт 1930-х годов, когда немало исторических зданий было передвинуто на той же Тверской, благодаря чему они сохранились. Хотя дом Фамусова на Пушкинской площади все же пришлось снести. Но это вина не Гришина, а самих «Известий», от которых сегодня на Тверской улице осталось лишь название.

Предлагалось застроить и Ходыньское поле жилыми кварталами, а еще снести Рижский вокзал, а поезда на Ригу отправлять с Ленинградского вокзала. Но самый большой ущерб должно было понести старое Замоскворечье, предназначенное фактически под снос. Пришедший в Манеж ознакомиться с макетом будущего Замоскворечья Гришин в пух и прах разнес инициаторов этой идеи, в результате реализации которой там появился бы лес из многоэтажных домов (до двадцати пяти этажей!). Несмотря на сохранявшуюся остроту жилищного вопроса, которой и обосновывался этот проект, Гришин велел все переделать и Замоскворечье не трогать. Превращение Старого Арбата в пешеходную зону также случилось при Гришине.

С другой стороны, в центре на месте старой застройки выросло немало новых административных зданий — дома-книжки на Калининском проспекте (ныне Новый Арбат. — А. В.), здание СЭВ, Центр международной торговли, Министерство обороны на Арбатской площади, Дом Совета министров РСФСР на Краснопресненской набережной (в просторечии Белый дом). Гришин при рассмотрении проектов всегда

обращал внимание на высоту зданий, чтобы она не нарушила сложившуюся перспективу Москвы. В частности, он взял линейку и отрезал от проекта Белого дома несколько верхних этажей, заставив архитектора Чечулина значительно снизить его высоту, но дом это не спасло — его прозвали «чечулинским сундуком». А про дома-книжки на Новом Арбате ходил такой анекдот:

Брежнев спрашивает Гришина: «Слушай, Виктор, почему когда я еду по Новому Арбату в одну сторону, то вижу дома, а когда еду в другую сторону, вижу какие-то книги?» — «Леонид Ильич, а вы ездите только в одну сторону!»

Архитекторы поговаривали, правда, что истинной причиной нелюбви Гришина к небоскрегам была боязнь высоты. Выехавший в Америку зодчий Феликс Новиков жаловался на «первого», что тот не дал ему выстроить огромную башню на Бульварном кольце: «Гришин, партийный лидер “образцового коммунистического”, страдавший высотобоязнью, потребовал снижения этажности. Я вынужден был сделать другую композицию. В ней были своя острога, свой творческий интерес и авторские амбиции». Еще неизвестно, как эти «авторские амбиции» отразились бы на облике старой Москвы.

С подачи Гришина архитекторы спроектировали необычный экспериментальный район в Северном Чертанове на 20 тысяч жителей, предполагалось, что он будет одновременно и «образцовым», и «коммунистическим». Каждый жилой комплекс этого района высотой от 16 до 25 этажей, будучи рассчитан на тысячу семей, состоял из девяти корпусов. Изюминкой проекта был принцип «всё включено»: магазины, бытовое обслуживание, спортивные и медицинские сооружения, культурно-досуговые учреждения, всё было под боком. По тем временам это был уникальный и современный проект. К тому же были предусмотрены подземные гаражи. Но не всё, к сожалению, удалось воплотить на практике.

Не только Северное Чертаново было отстроено при Гришине, но и бывшие деревни Крылатское,

Строгино, Орехово-Борисово, Теплый Стан, Беляево, Коньково, Матвеевское, Бибирево, Отрадное, Тропарево, Ивановское, Ленино-Дачное (ныне Царицыно. — А. В.), Ясенево, Загорье, Алтуфьево... Вот почему живет поговорка «Москва — большая деревня». А все это стало возможным после окончательной ликвидации барачников в Москве. И здесь Гришин не побоялся пойти на крайние меры. Решив, что пока последний москвич не переедет из своего подвала (в 1960-х годах люди жили и там), он на свой страх и риск запретил давать квартиры всем остальным очередникам (кроме номенклатуры, конечно). И тема московских подвалов оказалась закрыта весьма скоро.

Но все же именно при Гришине возникло такое понятие, как долгострой. Хотя принятый новый генплан реконструкции Москвы 1971 года содержал в себе более радужные перспективы «превращения Москвы в образцовый коммунистический город», центр которого решили разгрузить. Территорию Москвы за Камер-Коллежским Валом нарезали на семь планировочных зон, как пирог, каждый кусок которого предназначался одному миллиону его жителей. Там предусматривались свои общественные центры с высотными домами, в которых нашлось бы место театрам и выставочным залам, ресторанам и кафе. Решением транспортной проблемы должны были стать четыре новых проспекта — широкие и прямые хордовые магистрали, образующие при пересечении своего рода четырехугольник, внутри которого сохранилась бы старая Москва.

Но вместо этого старину стали утюжить грейдерами и асфальтоукладчиками. Начали с Домниковки, по которой прошел Новокировский проспект (современный проспект Академика Сахарова), должный соединить площадь трех вокзалов со Сретенским бульваром, для чего в 1972 году снесли легендарную Тургеневскую библиотеку, построенную еще до 1917 года. А затем — новая магистраль уже до площади Дзержинского (Лубянской). По сути это был второй Новый Арбат с огромными небоскребами. Но на него денег уже не

было — гонка вооружений! Начали строить только однообразный Новокировский, что растянулось на долгие годы. Здания-призраки, строительству которых и конца было не видно, с торчащими как бельмо на глазу башенными кранами стали новыми элементами панорамы Москвы.

Почистили Москву от памятников архитектуры в 1972 году и к приезду президента США Ричарда Никсона, снесли, в частности, старую застройку на Боровицкой площади и бывшую церковь Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот.

В зачет Гришину можно смело записать и несостоявшееся строительство атомной электростанции под Москвой, которое стремился навязать столице академик Анатолий Александров. Он, помнится, гарантировал стопроцентную безопасность спроектированной им АЭС, обещая построить ее у себя на даче на Николиной Горе. Конечно, это была шутка, кто бы дал выстроить такое в элитном дачном поселке, тем более что в итоге этот участок у семьи академика и трижды Героя Соцтруда отобрали, присовокупив его к соседней усадьбе Ельциных. А тот самый разработанный академиком Александровым реактор рванул в 1986 году на АЭС под Чернобылем. Ну а сегодня Москва, путем расширения своей территории, сама пришла к забору атомной электростанции — вот она, Обнинская, совсем рядом, у нас под боком.

Гришин воспрепятствовал планам построить в подмосковных Люберцах очередной металлургический гигант — литейный завод для снабжения сталью всего сельскохозяйственного машиностроения в СССР. «В Москве и так нечем дышать, а этот хочет нам под боком еще огромную кочегарку устроить» — таковы были слова Гришина в адрес Михаила Горбачева, ставшего секретарем ЦК по сельскому хозяйству.

С чего начинался рабочий день Гришина, или, как почтительно называли его подчиненные, «В. В.»? Ритуал не менялся с годами — на прием к первому секретарю приходил или звонил начальник главка московской торговли с докладом об имеющихся в

столице запасах продовольствия и товаров широкого потребления (спичек, мыла и т. д.) и их наличии в продаже. И в этом чувствуется определенная логика того времени.

Сам Гришин в своем плотном рабочем графике обязательно заглядывал раз в неделю в один-два магазина, проверяя цифры и факты, доложенные ему. И не дай бог, чтобы что-то не сошлось. Прежде всего попало директору магазина, который на вопрос Гришина: «Где же мясо, которое вам вчера завезли?» — ничего не мог ответить. Наличие мяса — любого — являлось первым показателем качественного московского снабжения.

У Гришина было три персональных водителя, работавших круглосуточно в три смены. Каждый из них знал, что шеф может его вызвать в любой момент, даже ночью. По субботам, вместо того чтобы отдыхать, с внуками повозиться, поохотиться или в баньку сходить, Виктор Васильевич вновь отправлялся наводить порядок на базах и в магазинах. При этом он старался соблюдать все правила партийной конспирации, чтобы ни один директор гастронома не догадался о его приезде. А те уже привыкли к его рейдам, ждали их, научившись распознавать машину «первого» еще изда-лека: увидят, бывало, его членовоз и звонят друг-другу, мол, Гришин на Серпуховку поехал, встречайте! Так Гришин придумал отпускать машину и добираться до ближайшего магазина пешком. Машина-то вроде вперед ушла, все торговые работники успокоились (они тогда, как врачи, в белых халатах ходили), а тут вдруг на тебе: Виктор Васильевич будто на голову свалился! И ведь взятки не брал. Когда ему на одном таком пред-приятии хотели сувенир вручить, он будто отрезал: «Вы что, товарищи? Я сюда не за подарками приехал!»

Супруга Гришина рассказывала: «Будучи первым секретарем горкома партии, он по-прежнему вставал рано, делал зарядку, завтракал и, если мы были в Мос-кве, шел на работу, как правило, пешком. Виктор Ва-сильевич считал важным лично контролировать цены, прохождение товара. Однажды по пути с дачи он вы-

шел из машины на Кутузовском и пошел пешком по магазинам. Он знал, что в Москву было завезено мясо. Зашел в мясной магазин — смотрит: “А что, у вас только такое мясо?” Понятно, что продавцы же не обязательно знали Гришина в лицо: “А что, тебе мало, что ли?” — “Мало”. — “А че те нужно-то?” — “Да у вас должно быть то-то и то-то... Вызовите вашего директора!” Так еще и директора на работе не оказалось... Но все же Гришин проверил, что у них “в запасе” все было, только на прилавках не появлялось. Директор слетел, этот случай получил большой резонанс».

В этом эпизоде — повседневность той эпохи. Например, слово «завезли». Нынче его смысл надо объяснять. И еще — хождение по магазинам. Помнится, сменивший Гришина Ельцин только тем и занимался, что посещал магазины и ездил в трамваях, но от этого лучше не становилось. Но разве в этом цель работы главы такого огромного города, как Москва? Все магазины не обойдешь, поэтому ходил Гришин туда, куда «завозили» продукты, то есть по правительственному маршруту. Не поедет же он, к примеру, в Капотню, тем более что там все равно ничего нет.

Французская актриса Марина Влади вспоминает, что в одном из магазинов, мимо которого каждый день ездил Брежнев, всегда были продукты. А вдруг генсек захочет проверить, как простой народ питается. Тем более что такие случаи и вправду бывали: «В первый же день я обалдеваю от выбора продуктов в ближайшем магазине. Сначала я даже подумала, что это случайный завоз или что директор устроил спектакль для ревизора. Но и через неделю выбор оставался таким же богатым. Каждый день я нахожу в магазине свежие яйца, колбасу, вполне приличное мясо на котлеты, копченую рыбу, даже крабов. СССР — самый крупный производитель крабов, но в магазинах не найдешь даже баночки — все идет на экспорт».

А чтобы кто попало не смог купить в этом магазине крабы и колбасу, их продавали только жителям близлежащих номенклатурных домов. Для этого достаточно было запомниться продавщице, каждый раз ласково

встречавшей француженку словами: «Для вас — другое дело!» Вполне вероятно, что «первый» как раз и заходил в такие магазины. А во время перебоев с мясом приходилось засиживаться допоздна. Ночью Гришин и его замы объезжали мясокомбинаты, разбираясь, куда же подевалось мясо. Утром виновников вызывали на ковер.

Сам Виктор Гришин вспоминал о начале своей работы в Москве: «В 1967 году в столице производилось 6—8 процентов всей выпускаемой в стране промышленной продукции. На более чем 1100 предприятиях работало около полутора миллионов рабочих и служащих. Почти все промышленные предприятия были созданы в дореволюционное время (нередко на базе кустарных мастерских) и в годы первых пятилеток. Размещены они были в старых, изношенных помещениях, оснащены устаревшим оборудованием, условия труда нередко были трудными, тяжелыми. Стояла задача реконструировать старые заводы и фабрики, взамен изношенных помещений построить новые чистые и светлые цехи-лаборатории, бытовые помещения».

В цехах московских заводов Гришин чувствовал себя более уютно, чем во враждебно к нему настроенном зрительном зале Театра на Таганке (о его трениях с Юрием Любимовым мы еще расскажем в главе о московских театрах). За 18 лет его правления московская промышленность преобразилась, почти все фабрики и заводы пережили реконструкцию. А ведь еще при Сталине в 1930-е годы решили не строить в Москве новых заводов — проблема экологии и скученности уже тогда давала о себе знать. И все равно строили. Вдоль главных столичных магистралей выросли новые производственные цеха ЗИЛа, АЗЛК, «Красного пролетария», заводов им. Серго Орджоникидзе, 50-летия Октября, Прожекторного, «Монометр», «Серп и молот», «Имени Владимира Ильича», «Динамо» и прочих, продолжавших коптить московское небо в еще больших масштабах, чем при предшественниках Виктора Васильевича. Сегодня большинство этих заводов снесено с лица земли, а на их месте строятся жилые кварталы.

Московская промышленность все время что-то перевыполняла, выдавала на-гора, сдавала в закрома родины и т. д. Сам товарищ Гришин в конце каждой досрочно законченной пятилетки принимал и вручал переходящие красные знамена, ордена, вымпелы и грамоты. А московские газеты наперебой писали об этом. А как не написать — ибо на любую критику московских порядков было наложено табу. Опасно было ссориться с товарищем Гришиным, можно было навлечь на свою голову семь бед. Так, например, слетел со своей должности многолетний заместитель главного редактора «Литературной газеты» Сырокомский (его в редакции звали Сыр, а главного редактора Чаковского — Чак). Сырокомский не раз публиковал в газете критические статьи о самых разных сторонах социалистической действительности. И всегда это сходило ему с рук, до тех пор, пока не вышла статья о беспределе в жилищном кооперативе МИДа СССР в Москве. И всё. Сняли за минуту. И ничего и никто не помог. А Чаковский изрек: «Вы провинились перед партией, вам и отвечать!» До конца жизни Сырокомский пытался узнать — за что его сняли? Так и скончался в неведении. Лишь предполагал, что за ту самую статью. А настоять на его удалении мог любой — и тот же Гришин, и даже министр иностранных дел Громыко.

Чуть было не уволили главного редактора «Московского комсомольца» Павла Гусева за не понравившуюся «первому» статью. Спасло его лишь то, что по комсомольской линии ему вклеили выговор еще перед тем, как Гришин велел с ним разобраться. А за один и тот же проступок дважды не наказывали.

Уже будучи на пенсии (заслуженность которой пытались оспорить ставшие бойкими московские газетчики, еще вчера дрожавшие перед «В. В.»), Гришин все удивлялся: ведь он так хорошо руководил столицей, почему же его подвергают обструкции? Никто не встал на его защиту, тогда он сам взялся за перо, засев на исходе перестройки за мемуары. В них в качестве своего оправдания он решил поведать современникам немало интересного:

«Объем производства в промышленности Москвы за 1968—1985 годы возрос более чем в два с половиной раза. В машиностроении, металлообработке выпуск продукции увеличился более чем в 4,5 раза, в автомобильной промышленности — в 3 раза. Значительно возросло производство средств вычислительной техники — более чем в 34 раза. Производство товаров потребления возросло более чем в 2,1 раза. Выпуск радиоприемников возрос почти в 3 раза, магнитофонов — в 4 раза, часов — в 2,3 раза, телевизоров — в 2 раза».

Но кого интересовали в те «очередные» перестроечные годы темпы прироста производства часов и магнитофонов, которых и в продаже-то не было. К тому же народ всюду толковал о купавшемся в роскоши бывшем члене политбюро. Первый легальный миллионер Артем Тарасов, заплативший со своих доходов огромные партийные взносы, рассказывал, как жила семья Гришина. Его дочь Ольга Гришина-Александрова как-то похвасталась: «Мы наконец получили новый холодильник марки “Филипс”, спецзаказ, прямо с фирмы. Мы собираем всю кухню только этой марки: мебель, кухонный телевизор, видеомангитфон, печки всякие... Иногда это обходится так дорого. К примеру, за холодильник мы заплатили три тысячи долларов!» А когда Тарасов, набравшись наглости, попросил Гришину купить для него в спецмагазине такой же костюм, как у ее мужа, она не то что отказала, а не поняла его: «Да я уже лет двадцать не была ни в одном магазине в Союзе. У нас есть специальная трехсотая секция на Кутузовском проспекте. Там нам дают разные западные каталоги. Я их листаю и, если что-нибудь понравится, просто подчеркиваю. А через несколько дней мне все это приносят».

Это свидетельство — как раз к вопросу о телевизорах и холодильниках, которые под руководством Гришина с каждым годом все больше и больше производила московская промышленность. Получается, что сам первый секретарь продукцией опекаемых им заводов даже не пользовался.

Но в 1990 году пока еще персональный пенсионер Виктор Васильевич не унимался. Он не мог пройти мимо самой любимой транспортной темы и своих достижений: «Объем перевозок на Московской железной дороге возрос более чем на 50 процентов. На пригородных направлениях введены 12-вагонные электропоезда. Перевозка пассажиров увеличилась на 50 процентов. За 18 с половиной лет протяженность линий Московского метрополитена увеличилась на 100 километров. Была построена 51 новая станция метро. Резко увеличилась протяженность автобусных и троллейбусных маршрутов, перевозки, осуществляемые таксомоторами, возросли более чем в два раза. В среднем за день всеми видами городского пассажирского транспорта перевозилось 16 миллионов человек, в том числе метрополитеном около семи миллионов человек».

Лес цифр заслонял Гришину истинную картину. Он-то сам общественным транспортом не пользовался: как сел во время войны на персональную машину, так и ездил. А рядовому москвичу в 1970-х годах далеко не всегда можно было дождаться своего автобуса, особенно если путь его лежал в те места, куда метро еще не провели. Прошло то время, когда люди на остановках смиренно стояли в очереди. Автобусы брали штурмом. Видимо, потому, что никаких турникетов тогда не было и за проезд пассажиры платили самостоятельно. Нужно было лишь бросить пятак в кассу, находившуюся в салоне, а затем повернуть специальную ручку справа и оторвать вылезший билет. Проезд на троллейбусе стоил четыре копейки, на трамвае — три. Несмотря на то что льгот тогда не было и пенсионеры платили за проезд полностью, билет покупали почти все, ездить без билета было неудобно и накладно (штраф — трешка). Владелец месячного «единого» билета (за три рубля) при входе обычно провозглашал: «Проездной!» — апеллируя к другим пассажирам. В метро за проезд платили пять копеек.

Недостатки в работе общественного транспорта при Гришине пытались решить с помощью марш-

руток, проезд в которых стоил 15 копеек. Это были вполне комфортабельные рафики и «Латвии» производства Рижского автобусного завода РАФ. Они вмещали 12—13 человек, причем стоя в них не ездили. Что же до такси, то срок его ожидания мог растянуться на несколько часов, особенно при заказе по телефону. Очередь на стоянке такси была обычным делом, не каждый раз водители соглашались ехать в спальные районы, обосновывая это тем, что обратно придется возвращаться порожняком. Потому юмористы и прозвали таксистов «небезухами».

Гришин пишет: «Большое развитие получили средства связи. Количество установленных у населения телефонов увеличилось в 6,6 раза. Построено и введено более 260 АТС. В два раза сократилось время прохождения телеграмм».

Не было труднее дела в застойной Москве, как получить собственный телефонный номер. Телефон ждали годами. Родилось даже такое явление, как спаренные телефонные номера (естественно, по просьбам трудящихся), это когда два номера стоят в разных квартирах, но подключены через одну линию связи. И на что только люди не шли, чтобы найти путь к сердцу начальника телефонного узла. Актер Михаил Козаков с красивыми женщинами был смел, а вот с чиновниками робел, стеснялся. Друзья ему подсказали: «Пойди к начальнику телефонного узла. Пригласи его в гости. Выпей с ним. Потом заведи разговор о телефоне. Не отвертится!» Он так и сделал: наведя справки, узнал, что начальник Миусского телефонного узла любит цыганское пение. Позвал он этого начальника к себе домой на огонек, а еще пригласил цыган из театра «Ромэн» и своих коллег из «Современника» актрис Татьяну Лаврову и Наталью Карташову — они сами напросились, узнав о таком важном госте, ибо в телефоне тоже нуждались. И вот сидят они все за столом, выпивают да закусывают. Цыгане, знай себе, телефонного начальника развлекают, а тот захмелел, на молодых актрис косится. А те времени не теряют и, пользуясь моментом, телефон выпрашивают. А Козакову

бы тоже в этот момент попросить, а он застеснялся и говорит: «А мне телефон не нужен. Я вас всех не для того сюда позвал...» И тут вдруг хозяин телефонного рая вмиг протрезвел и говорит: «Ну так у вас его и не будет!» Так и остался любимец женщин без телефона, а его коллегам и цыганам поставили.

Кстати, о почте. Большой резонанс вызвал в 1970-е годы необычный эксперимент литгазетного журналиста Анатолия Рубинова, разославшего самому себе 100 писем из разных уголков Москвы. Когда конверты стали возвращаться, автору оставалось лишь фиксировать срок их доставки. Оказалось, что даже в Москве письмо до адресата шло неделю! Отвечать за это пришлось, конечно, не Гришину, а Министерству связи СССР.

Компенсировав, видимо, отсутствие высшего образования, Гришин любил ходить в театры, в «Современнику», в частности, где смотрел «Большевиком» в постановке Ефремова. Спектакль ему понравился, после чего вопрос с новым зданием театра на Чистых прудах решился. Ходил он и в консерваторию. Из классики предпочитал Бетховена. Звонил жене (она была врачом) в конце трудового дня: «Пойдем сегодня послушаем Девятую симфонию». Быть может, и по этой причине в те годы в Москве появилось немало новых учреждений культуры — кинотеатр «Октябрь», новые корпуса так называемой Ленинской библиотеки, новое здание МХАТа на Тверском бульваре, Театра на Таганке, Детского музыкального театра Наталии Сац, Театра кукол Сергея Образцова, Театра зверей им. Вл. Дурова, новое здание Третьяковки на Крымской набережной, появился и второй цирк на проспекте Вернадского, самый большой в Европе. А по поводу реконструкции старого московского цирка на Цветном бульваре к Гришину приходил его директор Юрий Никулин, получивший «добро» на постройку по сути совершенно нового здания.

Плодовитый художник Зураб Церетели как-то увидел рисунки внука Гришина, которые любвеобильный дедушка то ли специально показал ему, то ли повесил

в своем кабинете: «Да это же талант, будущий Репин!» Хорошо бы подающего надежды мальчонку в художественную школу определить, осмелился посоветовать Церетели Гришину. Сказано — сделано. И вскоре в рекордные сроки в Москве выстроили новую Художественную школу при институте им. В. И. Сурикова на Крымском Валу. До этого юные таланты ютились в Лаврушинском переулке. В новой школе, построенной по индивидуальному проекту, предусмотрели даже бассейн.

Есть, правда, один театр, который из-за Гришина так и не появился. Это студия Олега Табакова, ишь чего захотевшего — в 1980 году на основе театральной студии, им ведомой, создать в Москве новый театр. Прямо как «Современник» в 1956 году. Но Гришину хватало и Любимова с его далекоидущими культурными запросами. Поэтому Табакову отказали, зато как он развернулся теперь! Быть может, причиной нынешних успехов Лелика (дружеское прозвище Олега Павловича) стала закалка, приобретенная им в борьбе с «ужасным гришинским режимом».

Вообще все эти театры-студии, посягавшие на академизм, были не нужны советским людям. Так полагали и Гришин, и его заместители. Один из них как-то встретил Табакова с распростертыми объятиями: «Здравствуйте, дорогой наш солнечный клоун!» То ли придуривался, то ли действительно перепутал Табакова с Олегом Поповым. Но сейчас уже не важно. А важно то, что еще одна идея — возродить в столице лицеи — встретила у Гришина протест: «До чего додумались! Зачем лицеи? Мы что, не помним, к чему они приводят?» А заодно закрыли и секции каратистов. И верно, пусть лучше нашим самбо занимаются.

А еще Гришин помог Московскому зоопарку обрести новую прилегающую территорию. И звери, надо думать, тоже были ему благодарны. Он их искренне любил, не будучи кровожадным охотником.

Материальной пище также уделялось повышенное внимание. При Гришине розничный товароборот московских магазинов вырос в три раза, а торговая

площадь — на две трети (вопрос о том, чем на ней торговали, мы обсудим в отдельной главе). Открылись новый ЦУМ, универмаги «Первомайский», «Сокольники», «Московский», «Ленинград» и ряд других.

«Построены и эксплуатируются современные плодощехранилища на 1,2 миллиона тонн единовременного хранения продукции. Половина из них — с холодильными установками», — гордился Гришин. Да, овощные базы составляли особую заботу Гришина, не стеснявшегося залезать в контейнеры с овощами и своими руками проверять картофель — не гнилой ли он? Но в овощных магазинах картошка почему-то была неважной. Сам же он никогда не уходил в отпуск, не убедившись в том, что закрома родины — то есть овощные базы забиты под завязку.

«Значительно повысился уровень жизни населения Москвы, — называет свое главное достижение Гришин. — Денежные доходы возросли в 2,5 раза, а в расчете на душу населения — в 2 раза. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих выросла на 70 процентов и составила в 1985 году 187 рублей. Пенсии и различные пособия возросли более чем в 3 раза. Увеличилась продажа населению продовольственных товаров: мяса и мясопродуктов почти в 3 раза, молока и молокопродуктов в 2,5 раза, кондитерских изделий в 3 раза; одежды, белья, обуви и других товаров в 3—4 раза и т. д. Средняя обеспеченность населения жилой площадью в расчете на одного жителя составила 10,8 квадратных метра. За эти годы были улучшены жилищные условия восьми миллионам человек, из них 5,4 миллиона человек получили жилье в новых домах. В отдельных квартирах стало проживать более 80 процентов москвичей. В городе работало более 1200 общеобразовательных школ. В них обучалось 920 тысяч учащихся. В 76 вузах обучались 650 тысяч студентов; в 150 техникумах — около 200 тысяч учащихся ежегодно. За указанный период подготовлены 1,65 миллиона специалистов с высшим и 1,03 миллиона со специальным средним образованием. В Москве работали 30 театров, пять киностудий, 13 концерт-

ных залов, 155 музыкальных и художественных школ. За истекшие годы построено 50 новых кинотеатров. В городе действовало 68 различных музеев. Книжный фонд массовых библиотек увеличился вдвое. Выпуск книг возрос на 53 процента, а газет и журналов — в 1,8 раза. На 1 января 1985 года население Москвы составило 8,6 миллиона человек; увеличилось оно за 19 лет на 27 процентов. Возросла рождаемость, снизилась детская смертность».

Что добавить к этим цифрам и фактам, без которых, к сожалению, при описании эпохи не обойтись (тем более что они соответствуют действительности)? Да, Москва при Гришине сильно изменилась, но в основном в экстенсивном, а не в интенсивном плане. И эти изменения во многом произошли благодаря руководителю города, человеку жесткому, строгому, стиль руководства которого являлся результатом его твердых убеждений в том, что Москва должна стать «образцовым коммунистическим городом», которому к тому же впервые за всю его историю выпала честь проведения летней Олимпиады в 1980 году. Подготовка к этому (как мы теперь знаем) крайне затратному и хлопотному мероприятию — дело нешуточное. И надо отдать должное Гришину, под его непосредственным руководством за шесть лет спортивная Москва преобразилась: олимпийские объекты выстроили, при этом не снижая темпов возведения жилья, школ и больниц.

Олимпиада-80, к которой так готовилась Москва, была проведена на «отлично». Но это «отлично» следует рассматривать опять же в контексте времени. Москва августа 1980 года словно вымерла. Город очистили и от мусора, и от нетрудового элемента, отправленного за 101-й километр. Всех детей вывезли в лагеря и подмосковные дачи. Сотрудников многих предприятий отправили в отпуска, чтобы не болтались под ногами у органов госбезопасности и милиции, обеспечивавших порядок на улицах. А тут еще, как на грех, умер Высоцкий, но даже его умудрились похоронить на Ваганьковском, за что, правда, слетел с должности директор кладбища.

Въезд в город иногородним был закрыт, благодаря чему удалось, наконец, достичь подлинного товарного изобилия в Москве, к чему так упорно стремился Гришин. На прилавках магазинов на время Олимпиады появились колбаса, даже сырокопченая и в нарезке (чудо!), печень трески в банках, крабы, не говоря уже о прочих деликатесах. Изобилие прекратилось с исчезновением олимпийского мишки под небесами, а в Москве осталась куча современных спортивных объектов, стадионов и бассейнов и, конечно, Олимпийская деревня, квартиры в которой считались престижными. И еще о спорте. Когда футбольная команда «Спартак» лишилась места в высшей лиге, Гришин добился перевода туда тренером Константина Бескова из милицейского «Динамо». Для этого ему пришлось говорить с Щелоковым, министром МВД. Вот что значит статус столичной команды!

Какой ценой достигались результаты? Зачастую указания Гришина выполнялись лишь под страхом строгой кары. Не зря Владимир Ресин пишет, что боялся в жизни только двух людей — Гришина и свою жену Марту. И в этом плане «В. В.» мало чем отличался от той же Фурцевой или Егорычева. Но наказание могло быть более строгим и изощренным. Вот как описывал прием у Гришина проштрафившийся директор одного крупного предприятия. Кабинет у «первого» был большой, рабочий стол стоял напротив входной двери, от которой шла обязательная красная ковровая дорожка (отсюда и выражение «вызвать на ковер»). Рядом был приставлен еще один маленький стол для помощников Гришина. Вызванному сесть не предлагали — да и негде было. Помощники зачитывали обвинение — оно называлось «объективкой», затем начиналась партийная «порка»: «Скорость перекрестного уничтожения была такой, что на ответ времени не давали, поскольку сразу же задавался другой вопрос, третий и так далее. Гришин всегда сидел молча. Внизу под окнами дежурила машина реанимации, так как у вызванных часто случались сердечные приступы, в том числе и со смертельным исходом. Если попыт-

ный выдерживал экзекуцию до конца, Гришин поднимал невинный взор и зачитывал уже приготовленное решение по этому вопросу: выгнать из партии, снять с работы, объявить выговор, строго указать».

Мы теперь уже не знаем, выгнали ли из партии этого человека, но страху, видимо, он натерпелся изрядно. Прямо как тот купец, что умер в коляске по дороге к генерал-губернатору Москвы Арсению Закревскому, вселявшему страх в москвичей своей строгостью. Это он, как гласит московская легенда, заставил булочника Филиппова съесть таракана, после чего появилась в продаже булка с изюмом. А еще в распоряжении Закревского имелись пустые бланки с подписью царя. Впиши в этот бланк фамилию любого человека, и тот мог немедля отправиться под конвоем в Сибирь. Так что в истории Москвы встречались и куда более грозные градоначальники, не то что Гришин.

Гришин не вынуждал людей есть домашних насекомых, его фирменным словечком было «голубчик», произносил он его тихим, спокойным голосом (орать не приходилось, ибо и так слушали во все уши). Если он, к примеру, спрашивал: «Ну что же вы, голубчик, так плохо работаете?» — это означало, что «голубчику» пора писать заявление «по собственному желанию». Хотя иногда все же Гришин проявлял милость. Как-то пошел он по обычаю в народ, решил проверить, хорошо ли меняют брусчатку на Красной площади. Подошел к рабочим, интересуется: «Как работается, товарищи?» А рабочие эти оказались не москвичи, из Прибалтики, они Гришина-то и в лицо не знали. Видят только шишка какая-то важная, в шляпе, ну и сказали ему, мол, плохо устроились, кормежка никакая, да и вообще... Гришин такого терпеть не мог: «Рабочий класс голодает!» Велел выяснить, кто за это отвечает, ему докладывают: «Есть у нас такой Ресин, он сегодня в главке дежурный». А дело было утром, Ресин чуть икрой не подавился, когда Гришин ему прямо домой позвонил: «Товарищ Ресин, вы знаете, что у вас на Красной площади идут работы по замене брусчатки?» — «Знаю». — «А вы знаете, что там рабо-

тают рабочие, которых привезли из Прибалтики?» — «Знаю». — «А вы знаете, что вы их поселили в свинских условиях?» — «Нет, этого я не знаю». — «Голубчик, так дело не пойдет. Примите немедленно меры».

Ресин меры принял, выяснил, что рабочие-то жили в гостинице «Балчуг». И чтобы они больше ничего такого Гришину не сказали (из вредности, наверное), он распорядился поселить их в номерах «люкс», кормить до отвала, поить импортным пивом, а на работу возить на специальном автобусе. Не мог Ресин дождаться, пока они закончат эту свою брусчатку перекладывать. А провожали их так, чтобы след простыл...

Чиновничья карьера члена партии после исключения обычно заканчивалась, это называлось тогда «получить волчий билет». Так произошло, например, с бывшим председателем Гостелерадио СССР и послом в Австралии Николаем Месяцевым. Его вернули в Москву и исключили из КПСС в 1972 году с формулировкой: «За грубое нарушение норм партийной морали в бытность Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Австралийском Союзе и неискренность при рассмотрении персонального дела», иными словами, за аморалку. После этого единственным местом, где его приютили, стал Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, где Месяцев до пенсии трудился старшим научным сотрудником.

Зато в глазах интеллигенции изгнание из партии на бюро горкома было большой честью для исключаемого, автоматически причисляя его к сонму гонимых талантов. К Гришину вызывали только самых достойных. В 1969 году он исключал из партии кинорежиссера Александра Аскольдова, которого за то, что он снял фильм «Комиссар», не только выгнали отовсюду, но и обвинили в растрате государственных средств. Гришин обвинил Аскольдова еще и в тунеядстве, что позволяло выселить его из Москвы. Разговор получился коротким, Аскольдов говорит: «Но мне не дают работать по специальности». — «Пойдете работать дворником!» Но режиссер сам догадался уехать и устроился

в бригаду плотников-бетонщиков на строительстве автозавода КамАЗ. Хорошо еще, что не посадили. В 1988 году он получил за свой фильм «Серебряного медведя» на Берлинском кинофестивале.

Более содержательный разговор случился у Гришина с известным остряком Зиновием Паперным. В 1969 году тот написал пародию на роман писателя-сталиниста Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?». Руки у обидевшегося Кочетова оказались длинные, в итоге Паперного вызвали на ковер к «первому»: «Я вошел и увидел Виктора Васильевича Гришина за председательским столом. Он не сидел — а торжественно и величественно восседал, как некий парт-Саваоф, божество, не знаю даже, с кем его сравнить. Это была истина в последней инстанции, та, которая обжалованию не подлежит. К нему бесшумно подходили какие-то люди с какими-то бумагами. Он говорил, кивал, подписывал, и каждое движение, жест, подпись означали бесповоротное решение чьих-то судеб. Есть люди, словно включенные в сеть. Пока они на посту — они для всех нижестоящих как своего рода светильники разума. Но едва только их снимают — они сразу же утрачивают свою “светильность”. На заседаниях МГК В. В. Гришин был всемогущ и “всесветилен”».

К удивлению Гришина, в защиту Паперного выступил его сослуживец по Институту мировой литературы, известный ученый-фольклорист Борис Кирдан, член институтского партбюро. Фронтовик Кирдан начал говорить о том, какой Паперный замечательный ученый. Гришин переспросил: «Кто замечательный ученый?» — «Паперный!» — «Вы не поняли, что от вас требуется. Какой он ученый, он доказал своей пародией. Ей-то вы и должны дать свою оценку». Но Кирдан продолжал гнуть свое, его мнения будто и не заметили. И Паперного все равно исключили из партии, хотя партбюро трижды (!) пыталось заступиться за него.

При всей своей суровости, Гришин иногда позволял себе и мягкость, даже жалость. Как вспоминает его дочь, он плакал, наблюдая, как горит гостиница «Россия». В результате пожара 25 февраля 1977 года по-

гибли 42 человека. Гришин рвался в гостиницу, чтобы своим присутствием помочь оказавшимся в огненной ловушке людям, охрана с трудом сдержала его. После пожара он просил Брежнева освободить его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС, на что услышал от него: «Что ты, Виктор, успокойся, предотвратит это было невозможно, иди, работай». Близко к сердцу принял он и гибель людей на стадионе в Лужниках 20 октября 1982 года, когда в результате давки после футбольного матча погибли 66 человек. У него было два инфаркта.

Гришин жил в центре Москвы на улице Алексея Толстого (ныне Спиридоновка), любил вечером выйти погулять на Патриаршие пруды. «По дорожке сквера непосредственно впереди Гришина шли несколько человек в штатском. Сам он был невысокого роста, но рядом с ним слева и справа почему-то шли именно высокие люди, пожилые, его возраста, изображавшие, что они тоже вышли погулять. Сослуживцы, дескать! Те, что шли слева от него, поворачивали голову направо и немножко сгибались, чтобы было удобнее смотреть на него, ну а те, что шли справа, проделывали все то же самое, только в обратном порядке. Трудно понять, как им удавалось в таких позах идти вперед. За ними шли еще несколько человек — переодетые кагэбэшники, изображавшие случайную компанию», — удивлялся очевидец.

Гришина нередко называют в числе кандидатов на пост генерального секретаря после кончины Константина Черненко в 1985 году, однако он сам предложил Горбачеву возглавить комиссию по похоронам генсека, что автоматически означало его отказ от высшей власти. Вскоре Михаил Сергеевич «отблагодарил» Виктора Васильевича, отправив его на пенсию под предлогом того, что «есть вот письма недовольных трудящихся». А с началом перестройки стало модным критически отзываться о Гришине, упоминать его имя и к месту, и не к месту, прочно олицетворяя его с так называемой эпохой застоя. Что только не говорили про него — и про то, что брал взятки у директо-

ра Елисеевского гастронома Соколова, и что живет с Татьяной Дорониной, и что лично орал на директора завода, изготавливавшего его бюст для малой родины (как дважды Герой Соцтруда Гришин имел право на прижизненный памятник в Серпухове), требуя ускорить работу любыми темпами, и т. д. и т. п. Все это оказалось вымыслом.

Много пересудов было и о семье Гришина. В частности, поговаривали о том, что его сын любит африканское сафари. Эти порочащие Гришина слухи стали распространять еще при Брежневе. Критик Игорь Дедков в своем дневнике от 18 июля 1981 года пишет о журнале «Лайф», напечатавшем фотографию сына Гришина, снятого в Кении после удачной охоты на тигра. Под фотографией якобы указывалось, сколько стоила лицензия на отстрел тигра.

Но сам Гришин в Африке если и бывал, то только в составе профсоюзных делегаций еще по линии ВЦСПС, и зверюшек не трогал, только мог кабанчика застрелить на охоте, не больше. Зато после его смерти родные обнаружили в его личных вещах подслушивающее устройство. Несомненно, он находился под круглосуточным наблюдением КГБ, причем не только во время прогулок на Патриарших прудах. Однако дома он нередко позволял себе говорить лишнее о том или ином политике, на замечание жены, что лучше все-таки помолчать, он отвечал: «Ну и черт с ними, пусть слушают. Я не боюсь».

После отставки Гришина в декабре 1985 года его сделали государственным советником при Президиуме Верховного Совета, а в 1987 году лишили и этой символической должности. Объявил ему об этом все тот же Петр Демичев, сказав, что этого требуют в своих многочисленных письмах трудящиеся. При этом он добавил: «Трудно себе представить, чтобы жители целого дома могли написать заявление об отставке депутата». Все последующие годы Гришин только тем и занимался, что пытался оправдаться под шквалом необоснованных и голословных обвинений, извергаемых на него грязным потоком со страниц прессы. Все эти

унижения не способствовали укреплению здоровья Гришина.

«В. В.» ненадолго пережил советскую эпоху. Хорошо помню тот номер «Московского комсомольца» 1992 года, где на первую полосу был вынесен огромный заголовок, что-то вроде «Смерть в собесе». И рядом — фото Гришина. Изложенные в статье обстоятельства неожиданной кончины всеильного некогда хозяина Москвы вызвали у многих оторопь. Мы-то слышали в то время лишь о «золоте партии», воображая себе богатство и шик жизни отставных членов политбюро. А он-то, оказывается, умер как все те самые «трудящиеся». Пришел переоформлять пенсию, чтобы добавить лишние 100 рублей, и потерял сознание.

С трудом удалось похоронить Гришина на Новодевичьем кладбище, в могиле его матери. Похоронили его на деньги, вырученные от продажи подаренных ему ранее охотничьих ружей. Когда в администрации президента очухались от очередного похмелья, потребовав не хоронить Гришина на Новодевичьем, дело было уже сделано. На сберегательной книжке Гришина осталось пять тысяч рублей, превратившихся в 1992 году в сущие копейки.

Многие коллеги Гришина по политбюро оказались более закаленными, пережив это смутное время более или менее спокойно. Некоторые дотянули чуть ли не до векового юбилея. А вот Виктор Васильевич слишком близко к сердцу принял всё произошедшее с ним. Вероятно, сыграла свою роль его бывшая должность. Ему надо было прожить еще лет десять, и всё встало бы на свои места. В 2004 году на доме, где он жил, открыли памятную доску. Да и столетие Гришина в 2014 году было отмечено с размахом. К его бюсту в Серпухове до сих пор возлагают цветы молодожены.

Когда в Санкт-Петербурге открывали памятную доску коллеге Гришина — Григорию Романову, общественность выступила с протестами. В Москве никто даже не пикнул.

«ЧТОБ ТЫ ЖИЛ НА ОДНУ ЗАРПЛАТУ!»: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

*Право на труд или обязанность? — Лимитчики —
Отмена крепостного права — Борьба с тунейдцами
и паразитами — 101-й километр — «Красная» и «черная»
субботы — «Дураков работа любит» — Как пили
на рабочем месте — Водка, или «Вот Он Добрый Какой
Андропов» — Куда идете, несуну? — Облигации вместо
зарплаты — «Налог на яйца» — Американская выставка
в Сокольниках — Денежная реформа 1961 года —
«У старушки-побирушки миллион нашли в подушке» —
«Догоним Америку» — Целина — Тринадцатая
зарплата — «Ниихрена ниидежаем» — «Приезжай
ко мне на БАМ!»*

Как-то Леонид Ильич Брежнев поспорил со своим помощником, сетовавшим, что в большинстве своем советские граждане живут бедно, поскольку получают слишком низкую зарплату: «Да, ты что, ты не знаешь жизни. Никто не живет на зарплату. Все что-то себе выносят. Вот когда я в молодости учился в техникуме, то подрабатывал на разгрузке вагонов. Три мешка туда, один — себе. Так и работали. Да все у нас так делают!» Генеральный секретарь ЦК КПСС обнаружил поразительное знание экономики повседневной жизни своих сограждан, о чем и пойдет речь в этой главе.

Ритм жизни не менялся десятилетиями и, в общем, был одинаков для подавляющего числа москвичей. Дом — работа, работа — дом. От аванса до полочки. В хрущевско-брежневской Москве зорко следили за тем, чтобы все работали, но не в буквальном, конечно, смысле. Каждый человек обязан был где-то числиться: на заводе, на фабрике, в институте, в учреждении

и т. д. О распределении москвичей относительно области занятости свидетельствуют следующие цифры 1970 года: в промышленности работала треть столичного населения, в науке — 18 процентов, в торговле и на транспорте — по 9 процентов, в системе бытового обслуживания и сфере образования и культуры — по 5 процентов, немалым был удельный вес служащих аппарата управления — 4 процента, остальные жители города-героя сосредоточили свои усилия в строительстве (3 процента), связи (2 процента) и прочих важных сферах деятельности. И все они, заметим, были государственными. То есть гражданин был поставлен в такие условия, когда единственным его доходом было то, что давало ему родное правительство. Государство было стопроцентным монополистом в этом вопросе.

Рабочий день на заводах и фабриках начинался обычно в семь утра и заканчивался в три часа дня, в прочих организациях приступали к работе часа на два позже. Таким образом, утром и вечером Москва оказывалась во власти двух огромных потоков: тех, кто шел на работу, и тех, кто возвращался домой, отдав свой труд родине (на правах аксиомы даже бытовало утверждение, что счастье — это когда утром хочется на работу, а вечером — домой, будто ничего больше в жизни и не надо). Причем вечером надо было непременно приходиться с работы «усталым». «Вот уж окна зажглись, / Я шагаю с работы устало», — пелось в известной песне Эдуарда Колмановского на стихи Константина Ваншенкина. Все «усталые» люди были объединены одним словом — «трудящиеся», без ссылки на просьбы которых не одно решение партии и правительства не принималось. Возникло даже что-то вроде заклинания «по многочисленным просьбам трудящихся». Отменили выплаты за боевые награды после войны, повысили цены на масло, заставили бесплатно работать на субботнике — всё «по многочисленным просьбам трудящихся».

Уже с детства подрастающему гражданину втолковывали в голову, что, согласно конституции, в СССР труд гарантирован всем и каждому, что у нас безрабо-

тицы нет и никто не стоит с протянутой рукой, как на загнивающем Западе. И действительно: на каждом заводе висела доска объявлений под названием «Требуется», где перечислялись свободные вакансии. И потому фраза «Смотри, а то пойдешь у меня на завод работать!» или «Будешь на стройке лопатой махать!», обращенная к нерадивому сыну-стиляге из уст возмущенного отца или матери, с годами звучала все банальнее. Мало кто из родителей желал своему отпрыску заводского будущего.

Где-где, а на московских заводах работы всегда хватало, но молодежь почему-то не связывала с ними свои планы на жизнь. Нельзя сказать, что рабочие были малооплачиваемой категорией населения, все зависело от квалификации человека и желания эту квалификацию получить. Токари-лекальщики высоких разрядов, например, могли получать и по 300 рублей в месяц. И не случайно, что на московских предприятиях в 1970-х годах участились случаи, когда специалист с высшим образованием сознательно переходил на рабочую должность, чтобы вместо своих 150 зарабатывать в месяц 200 и даже 300 рублей. В фильме «Частная жизнь» инженер, уйдя с завода, устраивается в мастерскую по ремонту зонтов и очень неплохо живет, за что лишь слегка порицается его бывшим директором: мол, погнался за длинным рублем (это, кстати, типичный пропагандистский штамп тех лет, обращенный против того, кто просто хочет зарабатывать больше). Но и здесь создали препоны, запретив принимать инженеров на должности высококвалифицированных рабочих. Но народ вышел из положения: те, кто оканчивал институт уже в зрелом возрасте, отказывались получать диплом. Получалось, что высшее образование у них вроде бы есть, а вроде и нет, но, главное, нет препятствий для устройства на рабочую должность.

Так постепенно произошла девальвация статуса человека с высшим образованием. Отучившиеся пять лет в институте инженеры не могли понять, почему их социальное положение не поднимается выше, а часто и находится ниже уровня жизни человека со

средним специальным образованием. В пьесе «Старый Новый год» работяга Себейкин открывает глаза на радующую его содействительность:

«Все будет, братцы! Прибавку дали — раз! Кой-какой калымчик — два! Мы в инженеры не рвемся, по собраниям не заседаем, мы устремились по пути личности!... Нам всякого такого не надо! Нам абы гроши да харч хороший! Мы инженеров, что ль, не видали? Видали! В мыле весь бегаёт, глаза на лбу, башка пухнет, а только у него сто двадцать, а у меня, захочу, полторы-две в месяц нарисуется... В одну смену раньше приходи, позже уходи, с другой задерживайся, — нетути! Мы уж если лишний часок задержимся, нам за него посчитай!.. Нет, мы и в субботу можем выйти, нам эта суббота ни к чему, мы и в празднички поработаем, нам не жалко, но уж попрошу!.. Чтоб все в ажуре!..»

Сколько в этом небольшом отрывке из пьесы 1967 года типичных повседневных словечек и выражений эпохи: «калымчик» (калымить — подрабатывать), «нам бы гроши да харч хороший» (девиз рабочего человека, которому все остальное до лампочки), «все в ажуре», то есть деньги сразу! С 1967 года в стране была введена пятидневная рабочая неделя, что являлось большим достижением. Но работа по субботам также имела место. На заводах были так называемые «красные» и «черные» субботы (отмечались цветом в заводских календарях). По черным выходили на работу, как правило, в конце квартала, когда безбожно гнали план. А в начале квартала нередко в рабочее время люди и вовсе не работали — то комплектующих нет, то смежники подвели, то цемент не подвезли, и вся стройка встала. Такова суть планового хозяйства и его недостатков. Но была, по крайней мере раз в год, такая суббота, которую приходилось отработать бесплатно — это так называемый ленинский субботник в апреле по случаю рождения вождя. И попробуй не выйди в эту «добровольную» субботу! А когда бесплатного труда по субботам власти было мало, то заставляли выходить и на воскресники. Вообще же субботник мог быть в любой день недели.

Если почитать документы того времени, газеты, публикации, то в них мы видим отражение унылой экономической реальности: непрекращающуюся борьбу за качество продукции, за трудовую дисциплину, слабые попытки заинтересовать работника в результатах своего труда. Не для кого не было секретом, что выпускаемые, в том числе и московскими предприятиями, товары отличались низкой конкурентоспособностью по сравнению со своими западными аналогами. Потому даже партийные лидеры столицы старались оснащать свои квартиры всем импортным.

Но не всё, конечно, было так плохо. Приезжавшие на московские предприятия японцы удивлялись сложной системе мотивации работников, перенимая этот опыт и внедряя у себя. Взять хотя бы рационализаторские предложения, за которые выплачивались премии, хотя и микроскопические (массовое рационализаторство было отражением другой проблемы — низкого качества оборудования, которое трудящиеся доводили до ума своими руками). На предприятиях помимо материального стимулирования приобрело большое разнообразие стимулирование моральное. Лучшим сотрудникам вручали почетные грамоты, вымпелы, вешали фотографии на Доску почета, вручали значки «Ударник коммунистического труда», объявляли социалистическое соревнование, победителей которого чествовали всем коллективом. Нередко для участия в работе бригад коммунистического труда для проформы посылали артистов и спортсменов, которые напяливали на себя рабочие спецовки и каски, чтобы позировать на фоне доменных печей перед фотокорреспондентами. Высшей формой морального признания было избрание трудящегося в депутаты райсовета, Моссовета и Верховного Совета, где он вместе с такими же счастливицами по команде поднимал руку при голосовании. Чем выше взлетал вчерашний сталевар, тем реже он появлялся на родном заводе: общественная работа занимала все больше времени. Высокой честью было избрание делегатом очередного съезда партии, решения которого надо было претворять в жизнь,

к чему призывали транспаранты на любой проходной и в красном уголке — особой комнате, где висели стены с портретами членов политбюро.

Но все-таки даже на съездах и пленумах не скрывалось, что работа из-под палки была характерна для многих граждан, не говоря уже о желании что-нибудь вынести с работы не только для себя. Была такая самобытная форма снабжения граждан дефицитом — вынос с работы всего, что только можно. Число несунув даже с трудом могли подсчитать в ЦСУ — Центральном статистическом управлении (не путать с ЦРУ). Например, жена работает на мясокомбинате, а муж на фабрике «Свобода», которая зубную пасту делала. Вынесенные супругой аппетитно пахнущие батоны колбасы он приносит к себе на работу, где у него уже есть налаженная система сбыта. В свою очередь, на этой фабрике есть тоже люди, у которых жены и мужья трудятся на ткацких комбинатах, а тогда был дефицит постельного белья. Другой выносит лампочки и тоже не для себя, а для людей (себе уже принес). Вот вам и налаженная система сбыта. Как там Райкин говорил: «Ты ему пол-литра — он тебе карбюратор, а за две пол-литры он тебе весь завод вынесет!»

Неужели с этим не боролись? Боролись, да еще как. «А что у вас, ребята, в рюкзаках?» — мог спросить вахтер на проходной, предложив открыть сумку. И потому прибегали к народным методам сокрытия выносимого. Например, яйца, дабы не разбить, женщины-несуньи аккуратно укладывали себе на грудь и таким способом проносили их через проходную. Мясо — вырезку, окорок — плотно привязывали к ногам, к животу бечевкой. Водку, коньяк заливали в резиновые грелки, сокрытые под пальто. Даже обычные веники заворачивали в газету и несли, словно букет цветов. Тащили все, что было на рабочем месте, — линейки, ручки, бумагу, кто что может. И самое главное, мало кто из несунув считал свое занятие зазорным, об этом не стеснялись говорить, хвастаться. Это было нормальное явление, называвшееся в быту «принести с работы».

Американский журналист Дэвид Саттер, собственный корреспондент «Файнэншл таймс» в Москве с 1976 года, застал на Московском трубном заводе следующую картину: «Начало работы было в 8.00, день начинался с ожидания материалов. Первым важным событием был перекур в 10.00. В курительной комнате стояли большие столы и скамьи, висели плакаты о вреде пьянства. Вдоль всей стены тянулась красная лента с обращением к рабочим по выполнению правил техники безопасности. Рабочие на трубном заводе имели привычку спать под плакатами, а будучи пьяными, вытирать о ленту руки.

После первого перекура рабочие думали только о еде. В 11.25 работа замедлялась, и в 11.45 все уходило на обеденный перерыв. После обеда кто-то приносил пива или вина, хотя алкоголь был запрещен. Когда обеденный перерыв заканчивался, рабочие оставались на своих местах — в курилке за домино, пока не приходил начальник цеха и не просил их подняться.

В 13.30 работа начиналась опять, но в 14.00 был другой перекур. Обычно после обеда рабочие чувствовали потребность выпить еще и посылали кого-нибудь за водкой. После того как практически каждый “принял” что-нибудь днем, работа на заводе заметно притормаживалась. Хлебнувшие лишнего начинали качаться и, чтобы не упасть, зажимали верстаком свою рубашку с двух сторон и так работали.

Оборудование на трубном заводе было иностранного производства, по идее оно должно было облегчать работу, но, выпив, рабочие были не в состоянии обращаться с ним правильно. Одно из заданий заключалось в нарезке труб пятиметровыми кусками. То и дело рабочие нарезали трубы или на полметра короче, или на полметра длиннее. Это приводило к огромному перерасходу материала».

Американец не преувеличивает. Пьянство в рабочее время было повсеместным. Вот рассказ Владимира Ресина: «СУ-3, куда меня назначили, развалили пропойцы. Нигде так не воровали, не пили, не дрались. Моя правая рука, главный инженер, валялся на полу

пьяный и избитый! Рабочие глушили водку в кабинете, спаивали и били своего начальника».

В особенности трудно было, когда рабочие имели доступ к спирту, без которого, к примеру, было нельзя запустить ни одно новое оборудование. Для станка с числовым программным управлением требовалось три литра спирта — платы протирать, контакты прочистить. Прочищали обычно горло. А когда начальство придумало отпускать со склада спирт в канистры только при условии размельченной в ней канифоли, рабочий народ стал имитировать канифоль обычной раскрошенной карамелькой. С виду очень похоже. На многих заводах стояли бесплатные автоматы с газированной водой, которую смешивали со спиртом и с удовольствием пили, доходя до «нужной кондиции» еще быстрее. А на одном заводе измучившийся бригадир, собрав всех у бочки со спиртом, дабы отбить у них пагубное желание, стал справлять туда малую нужду. Но и это не помогло: к вечеру бочка была пуста.

Что только не делали, дабы обуздать рост алкоголизма на рабочем месте, даже указ приняли о борьбе с зеленым змием — в 1972 году, задолго до Горбачева. Ограничили продажу спиртного в магазинах с 11 до 19 часов. В конце концов повысили цену на водку. В 1960-е годы бутылка стоила 2,87 рубля, что позволяло, скинувшись «на троих», купить еще и плавленый сырок на закуску. В роли третьего как-то оказался Дмитрий Шостакович, проходивший мимо магазина и польстившийся на предложение двух работяг принять участие в их скромной трапезе: «Кем работаешь-то?» — «Композитором». — «Ну, не хочешь, не говори». Эта цена 2,87, округляясь до трешки, была долгое время эталоном наличной оплаты. Затем, в 1970-х годах, цена выросла до 3,62, а водка «Экстра» стоила уже 4,12 рубля. По рублю уже не скинешься, вот тогда и укоренилась форма оплаты бутылкой-поллитровкой. А в 1981 году водка подорожала до 5,30 рубля, спасибо Андропову, снизившему цену до 4,70 за пол-литра. Так ее и называли — «Андроповкой», а само слово «водка» расшифровывали «Вот Он Добрый Какой Андропов».

Превращение бутылки водки в своеобразную валюту, которой можно было расплатиться за любую услугу, нашло свое отражение в народном фольклоре. Подходит директор завода к токарю и спрашивает: «Трофимыч, а вот если бутылка водки будет стоить тысячу рублей, пить бросишь?» — «Нет!» — «А мы две тысячи сделаем!» — «Все равно не брошу!» — «А деньги где возьмешь?» Рабочий в ответ показывает на подшипник и говорит: «Вот, видите, Борис Николаевич? Он как стоял бутылку, так и будет стоить!»

Артист Геннадий Хазанов, пришедший работать на завод в 16 лет, вспоминает, что главным его предназначением была беготня за водкой — лекарством, которое позволяло членам его бригады «поправить здоровье», как они выражались. Но, по обыкновению, самих малолетних членов коллектива пить не заставляли (а приводила на завод бывших школьников необходимость отработать два года на производстве, после чего они имели льготу при поступлении в институт). Слова другого бывшего рабочего, которого «заводская проходная» тоже вывела в люди и довела до телешоу «Поле чудес», это подтверждают. «Сначала работал токарем на Почтовом ящике № 116 у Туполева. Потом электромонтажником по грузоподъемным устройствам. И был совершенно счастлив! С удовольствием вспоминаю эту работу. У нас была потрясающая бригада, и был я у них “сыном полка”. Мне запрещали пить и курить. Могли дать по башке, если не слушался. Хотя в условиях завода не курить — странно. Во время обеда меня заставляли побольше жрать. Замечательные ребята!» — говорит Леонид Якубович, отдавший заводу ЗИЛ несколько лет своей жизни.

Хорошо помню, как впервые попал на ЗИЛ — огромный автомобильный завод имени Лихачева, обойти территорию которого нельзя было даже за один день, настолько он был велик — целый город в городе. Высокие, длинные корпуса и цеха, внутри которых с утра до вечера что-то шумело и жужжало. По его территории были проложены даже свои автобусные маршруты. ЗИЛ давал возможность трудоустро-

иться сотням тысяч москвичей. Он занимал людей работой, не важно какой, но позволявшей официально отчитаться о том, что безработных у нас нет. Но на самом деле безработица в СССР была скрытой.

Философ Дмитрий Галковский пришел на завод еще подростком: «Когда я учился в школе, наш класс повезли на ЗИЛ рекламировать профессию рабочего. Говорили много, долго водили по заводским корпусам. Но запомнился только один эпизод. Группа рабочих стояла у входа в цех, курила. Один из них подошел и тихо сказал: “Не слушайте, что вам п...ят. Х..во здесь работать”. Через год по жизненным обстоятельствам я оказался на ЗИЛе и убедился, что это общее настроение. Типовой разговор рабочего: “Мы люди маленькие, всяк сверчок знай свой шесток”. Это может показаться невероятным, но рабочие с иронией напевали “та заводская проходная, что в люди вывела меня”, употребляя выражение “в люди” в горьковском смысле: “в людях”, то есть “с сумой побираться”. Непосредственно с производства все, что могло передвигаться, старалось уползти. И уползало. Оставались те, у кого на спине было написано: “Ушел бы, да куда?”... Социальная грань была очень размытой. Рабочие не считали инженеров (нена начальников) людьми иного социального статуса. Труд рабочих был, конечно, грязнее, но их гораздо меньше изводили собраниями, да и командовали ими меньше.

Советский режим рабочие ненавидели не меньше, чем интеллигенция. От рабочих я постоянно слышал фразы: “подонок Брежнев развалил экономику”; “во всем виноват Николай II — 25 лет царствовал, а продуктов большевикам на 75 лет не заготовил”. Когда умер Сулов, рабочие злобно усмехались: “Ну, вот он с нами и сравнялся”.

У рабочих был огромный интерес к тогдашним событиям в Польше. На ЗИЛе спонтанные забастовки проходили постоянно. Я это знаю прекрасно, так как наша служба иногда срочно восстанавливала вентиляционное оборудование на участках, где рабочие отказывались работать из-за загазованности или низ-

кой температуры. Никаких воплей и лозунгов не было. Просто рабочие как один выходили из помещения и начинали курить. Об этом мои коллеги говорили с большим уважением. Общий тон был: “Давно пора”. Кстати, все производственные цеха на ЗИЛе работали в субботники за двойную оплату. Нашему вспомогательному подразделению за субботники не платили, что вызывало крайнее озлобление. Субботники считались не просто зря потраченным временем, а сознательным издевательством со стороны коммунистов.

Всех коммунистов рабочие ненавидели, считали “хозяевами”. Слово употреблялось именно так, с оттенком уничижения. “Хозяева” же пользовались большим уважением. Про капиталистов говорили с ностальгией и все обличительные рассказы про социалистическую бесхозяйственность заканчивали режюме: “сейчас хозяина нет”. Если рабочий вступал в партию, его не то чтобы бойкотировали, но переставали откровенно разговаривать и считали “отрезанным ломтем”. В партию как раз и поступали рабочие, делающие карьеру, — студенты-заочники заводского вуза, активисты-комсомольцы и т. д. Ни одного нормально-го рабочего-партийца я не видел».

Косо смотрели и на перевыполнявших трудовые показатели, ведь в результате их ударной работы всей бригаде уже на следующий месяц могли существенно повысить план, что вызвало бы необходимость больше работать.

Общему разгильдяйству способствовало довольно либеральное отношение к безделью. Появилось такое выражение, как «сидеть на больничном», то есть не лечиться, а отбывать две-три недели дома или еще где. Смело брали отгулы, присовокупляя их к двум выходным. Получался прямо уик-энд.

Нормальным явлением была организация в рабочее время всякого рода общественных мероприятий, митингов, на которых представители гегемона от лица всего народа выступали с речами на тему «борьбы за мир» и осуждения очередной вылазки империалистов. Выглядело это весьма посредственно, почти как

в песне Александра Галича, когда такому вот рабочему дают слово на митинге, перепутав при этом заранее заготовленный текст с другим. Он выходит и читает по бумажке:

«Израильская,— говорю,— военщина
Известна всему свету!
Как мать, — говорю,— и как женщина
Требую их к ответу!

Который год я вдовая,
Все счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..»

Москве — городу огромных заводов — никогда не хватало рабочих рук. А потому эти самые руки на низкооплачиваемые специальности искали по всей стране, заманивая московской пропиской и общежитием. Это называлось набор по лимиту, оттого и приезжих в Москву называли лимитчиками. Их завозили десятками и даже сотнями тысяч. Первые лимитчики приехали в столицу в 1967 году, когда в Московском горкоме КПСС решили восполнить дефицит рабочей силы набором по всей стране 17 тысяч рабочих и строителей.

Нельзя сказать, что все они горели на работе. В заводском цехе сразу можно было отличить москвича от лимитчика, ведущего себя более раскованно, чуть ли не с песнями работающего на конвейере. Оно и понятно — не ему нужен завод, а он заводу. Москвич стоял в очереди на квартиру, а лимитчик сразу получал комнату в общежитии, да еще и бесценный штамп о московской прописке в свой серпастый и молоткастый паспорт. Именно за счет «лимитчиков» в Москве и обеспечивался экстенсивный рост производительности труда и повышалась рождаемость, чем так гордился товарищ Гришин.

Для строительства общежитий (источника маргинальных элементов) вновь требовались рабочие руки, обладатели которых опять же приезжали в столицу из

краев и областей необъятной родины. Так сложился самодостаточный и самозаводящийся механизм поступления в Москву трудовых ресурсов низкой квалификации и с образованием порой ниже среднего — так называемой лимиты. А когда в начале 1980-х годов уже и лимиты не будет хватать, в Москву повезут вьетнамцев, на зилковском конвейере их будет трудиться до десяти тысяч человек.

Попыткой повысить интеллектуальный уровень рабочего класса стало учреждение втузов — высших учебных заведений при заводах, дающих высшее образование без отрыва от производства. Неделю работаешь, неделю учишься. А зарплата сохраняется. В таких втузах училось немало детей заводских начальников, не всегда даже бывавших на лекциях и семинарах. Это было очень удобно: все свои люди, а через пять лет — институтский диплом в кармане.

А вот обосноваться в Москве работникам умственного труда было крайне тяжело из-за негласного запрета на прописку, а без нее родимой на работу не брали. Горьковский театровед Анатолий Смелянский давно собирался переехать в Москву, еще с начала 1970-х. Но сделать это можно было двумя путями: женившись на москвичке или получив разрешение Министерства культуры РСФСР. Он пошел по второму тернистому пути: года три обивал пороги министерства, пока, наконец, его челобитная с просьбой обмена горьковской квартиры на московскую не попала к заместителю министра Евгению Владимировичу Зайцеву, прозванному за свои взгляды «саблезубым зайчиком». Просмотрев личное дело Смелянского, он всего лишь сказал: «У нас своих хватает!» — из чего было ясно, что работа в столице близорукому театроведу заказана. Легче, наверное, было эмигрировать, чем попасть в число счастливых москвичей. Вероятно, Смелянский так бы и сделал, если бы не помощь Сергея Михалкова, депутата и лауреата. Он подмахнул письмо в Моссовет, чего было вполне достаточно. В 1975 году Смелянский стал заведовать литчастью Театра Советской армии.

Прописка и вынужденный труд на благо государства были связаны в те годы толстым канатом. Потеря одного автоматически влекла за собой лишение другого. Например, оканчивал московский студент институт, а распределение получал в Урюпинск или Кзыл-Орду (особенно если это был строительный или геологический вуз — страна всегда чего-нибудь строила и добывала). И прощай, Москва, Плющиха и Арбат. Уезжая на новое место работы, специалист обязан был выписаться из московской квартиры, в общем, навсегда. Остаться в Москве после института можно было или будучи слишком умным, или имея «волосатую руку». Тот же Ресин сообщает: «Возможно, не сразу я нашел бы себе работу по специальности в переполненном выпускниками многих московских инженерных институтов городе, если бы не отец. Тогда он работал в тресте “Союзшахтоосушение”. Туда меня и взяли. Этот трест помог сохранить мне и Марте (жене. — А. В.) постоянную прописку в Москве».

Кроме права на труд граждане официально имели право на материальное обеспечение в старости, пенсию в случае болезни и потери трудоспособности, право на образование, право на бесплатное медицинское обслуживание и т. д. Такова была социальная политика государства, где большую часть национального дохода распределяли между гражданами по принципу «от каждого по способностям — каждому по труду». Но далеко не всегда удавалось достичь справедливого распределения, потому бытовало такое явление, как уравниловка, несколько не способствующее проявлению трудового энтузиазма и повышению производительности труда. Своеобразной иллюстрацией скептического отношения людей к необходимости обязательно и вместе со всеми трудиться служат многочисленные народные поговорки: «Работа не волк, в лес не убежит»; «Работа не Алитет» (был такой фильм в 1930-е годы «Алитет уходит в горы»); «Дураков работа любит»; «От работы лошади дохнут»; «Где бы ни работать, лишь бы не работать!» и т. д.

Тех, кто не хотел работать, называли тунеядцами, лодырями, бездельниками и всячески пытались их перевоспитать. На особом счету бездельники были у участковых, требовавших их немедленного трудоустройства. Главной угрозой было выселение за 101-й километр — советскую черту оседлости, за которой в богатом воображении законопослушных граждан начиналась какая-то неведомая жуткая жизнь. Где именно находился этот километр, могли рассказать, к примеру, жители городов Александров и Таруса, куда еще при вожде и учителя определяли на поселение освободившихся из лагерей «врагов народа», которым было запрещено жить в Москве и других крупных городах Советского Союза. Не случайно Таруса впоследствии стала чуть ли не домом отдыха советских диссидентов, а еще и местом времяпрепровождения летних отпусков либеральной части московской интеллигенции. Так что для какого-нибудь поэта-диссидента, обвиненного в тунеядстве, угроза «выслать за 101-й километр» уже не выглядела наказанием, если из Москвы его отправили бы, скажем, в Тарусу.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда! —

так пелось в «Интернационале», и такой же принцип пытались воплотить в реальности, подразумевая, что паразит живет не только за счет своей семьи, но и за счет всего социалистического общества, а потому он обязан отдать долг этому обществу полезным трудом. В театральных пьесах, книгах и фильмах, направленных на поддержание высокого морально-политического уровня советских людей, тунеядцы были главным объектом критики. Вспомним киноленту «Когда деревья были большими», где Юрий Никулин играет одинокого и пьющего «паразита», пытающегося подработать грузчиком в магазине (помогает бабке перевозить стиральную машину), что весьма плохо для него заканчивается — больницей.

Тунеядцам противопоставлялись иные персонажи, правильные представители пролетариата, распевавшие отовсюду, что «нет на свете выше звания, чем рабочий человек». В конце концов, когда лодырь устраивался на работу, наступало долгожданное перевоспитание. Так, по крайней мере, официальная пропаганда трактовала логичное завершение коллективных усилий общественности под девизом «Труд — дело всех и каждого». Однако на деле все было прозаичнее. Чаще всего такой вот захребетник и выпивоха просто садился на голову своим новым знакомым — членам трудового коллектива, которые были вынуждены проводить «среди» него разъяснительную работу, чтобы он рос интеллектуально, а порой и просто выполнять за него же его трудовую норму, чтобы он не тянул назад всю бригаду. Жизненный принцип такого «работника» — «кто не работает, тот ест».

Лодыря было чрезвычайно трудно уволить. В фильме «Белорусский вокзал» персонаж — директор завода — жалуется, что ему никак не удастся избавиться от таких вот горе-работников: по судам затаскают. Нередко за них горой вставали общественные и профсоюзные организации — местком и профком, да они и сами хорошо знали туда дорогу: работать не заставишь, а права качают. Способствовало повсеместному распространению такой ситуации и общее равнодушие людей; вспомним фильм «Афоня» (1975), где безответственного сантехника-халтурщика постоянно и бесполезно обсуждают на собраниях трудового коллектива, которому, собственно, наплевать на своего же товарища. Такие собрания по всяким поводам — также часть повседневной жизни той эпохи, наиболее часто на них употреблялась фраза: «Товарищи, сами себя задерживаем!»

В то же время существовал вполне законный способ уволить с работы неудобного диссидента районного масштаба, какого-нибудь правдолюбца и неудобного начальству человека, испортив ему трудовую книжку. Бывший ученый секретарь ГМИИ им. А. С. Пушкина Игорь Голомшток на себе испытал все особенности

советского трудового законодательства. Сначала он получил первый выговор — за опоздание, дело при-
вычное, затем второй — за нарушение внутренней
инструкции — провел в музей в неурочное время сва-
лившегося ему на голову профессора-искусствоведа из
Колумбийского университета и показал ему импрес-
сионистов. Это было страшным преступлением —
иностранец мог разбросать в музее антисоветские
листовки. Директор музея Ирина Антонова устроила
Голомштоку разнос. Ну а третий выговор был за то,
что ученый секретарь поцапался с дежурным милицио-
нером, не хотевшим без пропуска пускать его в библи-
отеку. Все выговоры аккуратно подкалывались в лич-
ное дело провинившегося, пока он сам не понял, что
после четвертого выговора его просто уволят без вы-
ходного пособия или с волчьим билетом. Лучше уйти
по-хорошему, что он и сделал, перейдя во Всесоюзный
научно-исследовательский институт технической эсте-
тики — кузницу московской философской школы.

Всячески приветствовалось, когда люди работали
на одном месте десятилетиями, тогда как на Западе уже
давно пришли к выводу, что максимально эффектив-
но человек реализует свои профессиональные навыки
в первые пять лет своей работы в одной должности,
после чего начинается снижение результативности
труда. Чтобы ее сохранить, необходима профессио-
нальная мобильность (повышение, перемещение по
службе), способствующая совершенствованию про-
фессиональных качеств человека. Но в СССР с мо-
бильностью трудовых ресурсов было плохо. А тех, кто
слишком часто переходил с одной работы на другую,
презрительно называли «летунами» и с подозрением
рассматривали их переполненную записями трудовую
книжку в отделе кадров.

Летунов было много всегда, до войны потребова-
лось даже специальное постановление СНК СССР от
23 декабря 1938 года. Оно подтверждало факт суще-
ствования несознательных и недобросовестных лю-
дей — «лодырей, прогульщиков и рвачей», которые
своими прогулами, опозданиями на работу и бесцель-

ным хождением по предприятию, а также частыми самовольными увольнениями разлагают дисциплину труда и наносят большой вред народному хозяйству. «Они, — говорилось в постановлении, — стремятся дать государству работы поменьше, а себе урвать денег побольше. Они не работают полностью установленных часов рабочего дня, а нередко работают всего только четыре или пять часов, растрачивая остальные два-три часа рабочего времени впустую. Когда летунов и лодырей увольняют, они начинают сутяжничать и, не работая, добиваются оплаты за якобы вынужденный прогул, в большинстве случаев они немедленно устраиваются на работу на других предприятиях».

В 1950-е годы очень строго боролись с теми, кто опаздывал на работу или раньше времени уходил, поздно возвращался с обеда. Допустивших три таких нарушения в течение одного месяца увольняли как прогульщиков. При этом «били» и рублем. А чтобы уволиться по собственному желанию, следовало подать заявление за месяц вперед. Таким образом, государство все делало для того, чтобы крепче привязать человека к рабочему месту, станку или башенному крану. Право на труд превращалось в обязанность.

В фильме «Большая семья» обольстивший провинциальную девушку заведующий клубом (Николай Гриценко) увольняется по собственному желанию. Вчерашняя возлюбленная говорит ему, что так увольняют только плохих работников. Кино было одним из средств внушения той мысли, что увольняться с работы в принципе плохо. Образцом на любом предприятии считался такой работник, у которого в трудовой книжке было как можно меньше записей. В газетных статьях так и говорилось: «У Ивана Петровича Сидорова, ветерана труда, в трудовой книжке первая запись появилась 30 лет назад, когда он пришел на наш завод мальчишкой».

«Оттепель» поначалу значительно ослабила сталинское «крепостное право», когда на предприятиях был запрещен самовольный уход с работы, каравшийся тюремным заключением. Был такой закон от 19 октяб-

ря 1940 года, позволявший директорам переводить своих работников в любую точку Советского Союза, независимо от территориального расположения предприятий и учреждений. Инженера из Москвы вполне могли отправить на Дальний Восток, строить новый завод, при этом квартира за ним не сохранялась, а его согласия никто и не спрашивал. Ну чем не крепостное право?

После смерти Сталина уже не сажали и за пятиминутное опоздание. Но Хрущев придумал иной способ принуждения граждан к труду, законодательно закрепив уголовную ответственность за безделье. В мае 1961 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял очень интересный указ «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Согласно указу, граждане, не желающие честно трудиться на государство, извлекающие «нетрудовые доходы» от эксплуатации земельных участков, автомашин, домов и квартир, подлежали выселению на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества. Интересная юридическая норма применялась тогда — осуждал человека на выселение не только суд, но и собрание трудового коллектива на заводе. Попробуй-ка обжалуй потом, да и кому жаловаться, директору, что ли? Что же касается бродяжничества, то оно наказывалось сроком до двух лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.

После принятия этого указа вновь начались гонения на людей, живущих «частнособственническими инстинктами». Вспомним фильм «Берегись автомобиля», где тесть в исполнении Анатолия Папанова говорит: «Мы будем нещадно бороться с лицами, живущими, допустим, на нетрудовые доходы». Фамилия этого героя — Сокол-Кружкин, отставной подполковник, недаром ходит в галифе. Фраза про нетрудовые доходы была тогда в ходу. А еще в официальном документообороте бытовала аббревиатура БОРЗ, что означало «без определенного рода занятий».

Таким образом любой гражданин, не пребывающий на пенсии, выращивающий помидоры для продажи, занимающийся частным извозом, сдающий комнату приезжим, мог быть признан врагом общества. Наравне с бродяжничеством и попрошайничеством это считалось уголовным преступлением. За три года со дня принятия указа в общей сложности осудили 37 тысяч человек. Он стал использоваться для борьбы с диссидентствующей творческой интеллигенцией. Среди паразитов оказались поэт Иосиф Бродский, писатель Андрей Амальрик, художник Оскар Рабин.

Как только стало известно о новой кампании борьбы с нетрудовыми доходами, нашлись доброхоты, посчитавшие своим гражданским долгом сообщить куда следует о соседях, извлекающих эти доходы. Анонимки были тогда в ходу и очень востребованы. В одном из документов, направленных в ЦК, назывались конкретные примеры разоблаченных граждан: «Игнатов, 1911 года рождения, работал пожарником в городе Орехово-Зуеве Московской области с окладом 31 рубль в месяц, фактически занимался своим земельным участком и торговал на рынке овощами и фруктами. За счет нетрудовых доходов он приобрел две автомашины, построил два дома для себя и своего сына. По постановлению суда Игнатов подвергнут выселению сроком на пять лет с конфискацией имущества». И таких было немало.

Лишь новая, брежневская, Конституция 1977 года разрешила заниматься индивидуальной трудовой деятельностью в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства и бытового обслуживания населения.

Апофеозом борьбы по принуждению к труду стала андроповщина, когда в рамках спецоперации «Трал» в 1983—1984 годах в Москве в будние часы проводились облавы в банях, ресторанах, кинотеатрах, магазинах. Сотрудники госбезопасности в штатском перекрывали все входы и выходы и начинали проверку документов: «Почему не на работе? Что вы здесь делаете в рабочее время?» Составленный протокол отправляли по месту

работы, где принимали меры, вплоть до увольнения за прогул.

Теперь зададимся вопросом: отчего несознательные граждане отлынивали от работы, не желая заниматься общественно полезным трудом? Оттого, что родное государство платило им сущие гроши. Уровень жизни простого москвича отставал от аналогичного показателя в цивилизованных странах Запада. Разберемся подробно, куда и как тратили свои деньги москвичи.

В 1950-е годы зарплата москвичей была крайне низка. На всех предприятиях столицы людей заставляли подписываться на государственные займы. Эту практику ввел еще Сталин. Государство просто-напросто залезало без зазрения совести в карман своих же граждан. Как только создали СССР, сразу же в 1922 году был объявлен первый государственный заем, ибо больше государству рабочих и крестьян деньги брать было неоткуда — буржуев-то всех повывели. С тех пор и года не проходило, чтобы народ не заставляли покупать облигации, на которые в год у каждого гражданина уходило в среднем до трех ежемесячных зарплат. Заем стал своеобразной формой налога. Но уже в 1930-е годы государство перестало погашать облигации, а высокие проценты по ним задним числом заменили на меньшие. Даже самые твердолобые должны были понять, что заем превратился в форму отъема денег у населения. Вот почему после войны, когда Сталин отказался от плана Маршалла, читатели советских газет быстро смекнули, что теперь им придется вернуться к rationу военного времени и питаться облигациями и на завтрак, и на обед, и на ужин. Таковую войну пережили, многие вернулись на пепелище, а тут еще родное правительство норовит снять последнюю рубашку.

Саботаж населения по подписке на новые послевоенные займы решили преодолеть, как всегда, добровольно-принудительными методами. Как это делалось? Из центра по всем республикам спускали разнарядку — кому и сколько положено подписаться, из респуб-

лики — по областям, далее по городам и селам. Самая большая сумма приходилась на Москву. На каждом заводе или в институте (студенты тоже подписывались) были свои агитаторы из партийцев и комсомольцев, которым предписано было склонить как можно больше трудящихся к подписке на заем. Подписывались все поголовно, от уборщицы с нищенской зарплатой 400 рублей до директора, прикрепленного к спецраспределителю. В день зарплаты вместо денег выдавали облигации — красивые цветные бумажки с видами Кремля. Вопрос, на что жить, в прессе не обсуждался.

Чтобы как-то расшевелить народ, решили облигации разыгрывать, на выпавшие номера выдавать наиболее дефицитные товары (в фильме «Место встречи изменить нельзя» один милиционер выигрывает 100 тысяч рублей). Но такие случаи были редкостью. Массовость подписки была обусловлена огромными прорехами в госбюжете. Из года в год сумма займа лишь росла. Например, 25 июня 1953 года была объявлена подписка на очередной государственный заем развития народного хозяйства на 15 миллиардов рублей при средней зарплате по стране в 400 рублей. Но и этот заем уже не покрывал затрат, требовался следующий. В 1954 году заем составлял 16 миллиардов рублей, в 1955 году — 32 миллиарда рублей, сумма фантастическая. Таким образом, и в те времена существовала финансовая пирамида.

Но были и такие советские граждане, личный доход которых от покупки облигаций с каждым годом только рос. В начале 1956 года супруга председателя Совета министров СССР Николая Булганина взялась проверять выигрыши по своим облигациям, купленным еще при Сталине, и обнаружила, что выиграла 100 тысяч рублей. Номера облигаций она переписала заранее, а сами ценные бумаги отдала мужу, чтобы он отнес их на работу и положил в сейф — так спокойнее. Там они и лежали несколько лет, как она думала; потому, узнав о выигрыше, сразу позвонила мужу, попросив его принести облигации. Однако Булганин, к своему удивлению, никаких облигаций не нашел. Де-

лом занялся КГБ: пропажа-то у самого главы правительства! И вот через несколько недель в сберкассе на улице Горького задержали женщину, предъявившую эту облигацию для получения выигрыша. На допросе она рассказала, что получила облигацию от помощника товарища Маленкова — Суханова, который немедля был задержан. Суханов, оказывается, украл облигации из сейфа Лаврентия Берии, когда проводил опись после его ареста еще в мае 1953 года. А Берия, как выяснилось, имел ключи от сейфов всех членов политбюро, включая Булганина, и не погнушался его облигациями. Таким образом, облигации оказались украденными дважды, сначала Берией, потом Сухановым.

Первым, кто принародно заявил в 1957 году, что пора кончать с займами, был Никита Хрущев. Вырвалось это у него, как нередко бывало, случайно, за что он был подвергнут критике Молотовым: не слишком ли рано, где же деньги-то брать, если не у своего же народа? Но слово не воробей, по Москве быстро разнесся слух, что вот-вот грабительскую практику отменят. А Хрущеву этого и надо, в целях завоевания авторитета.

К тому времени государство задолжало своим гражданам свыше 260 миллиардов рублей. Наконец, в 1958 году принудительная подписка прекратилась, люди вздохнули спокойно, зарплаты, хоть и маленькие, понесли домой. А вот тех, кто ожидал выкупа своих облигаций, ждал очередной сюрприз: выплаты по ним заморозили на 20 лет, что было обосновано «просьбами трудящихся». В тот год во многих московских семьях облигации были аккуратно сложены в коробку из-под конфет и убраны в самый дальний угол платяного шкафа. Хрущева проклинали в очередях. Кому-то в Кремле пришло в голову начать новую агитационную кампанию за безвозмездную сдачу облигаций государству, чему потворствовала публикация в газетах липовых писем трудящихся. Особого впечатления на людей это не произвело: дураков не нашлось. Лишь в конце 1970-х годов народ стал доставать облигации из загашника и понес их в сберкассы обменивать на деньги. Но что это были за суммы? Цены на

наиболее дефицитные товары за прошедшие десятилетия успели вырасти уже в несколько раз.

При Хрущеве всегда было так. В один карман клали, из другого вынимали. Например, с 1962 года был отменен налог на пользование радиоприемниками и телевизорами, которые после покупки обязательно надо было регистрировать на предприятиях связи. Попробуй не зарегистрируй — соседи сразу донесут куда следует. А если, не дай бог, сметливый школьник собрал в кружке радиоприемник и притащил его домой — проблем не оберешься. Вроде бы послабление. Но вместо этого повысили цены на радиоприемники и радиолы — на 15 процентов, на телевизоры и теле-радиолы — на 20 процентов. Все это проходило под непрекращающуюся трескотню об очередной заботе партии и правительства. Но народ уже почувствовал слабину и стал писать письма в газеты, и не только благодарственные. «Известия» напечатали критическую заметку одного читателя (что было ново), в которой он жаловался, что столько лет платил за радиоприемник и может даже показать стопку квитанций. В ответ газета поставила на место «крохобора»: откуда только такие берутся, когда вся страна шагает к коммунизму!

Деньги из небольшой зарплаты шли и на оплату обучения в школах и вузах, введенную в 1940 году постановлением СНК СССР «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР...». Плата вводилась за учебу с 8-го по 10-й классы средних школ, а также в техникумах, педучилищах. В среднем в московской школе за учебу детей родители платили 150 рублей в год, а за студента — от 300 до 500 рублей в год. Далеко не все граждане способны были платить за учебу своих детей, а потому огромное число школьников ограничивалось семилетним образованием, что сказывалось на общем интеллектуальном уровне общества.

В 1956 году оплата была отменена, в июне вышло постановление Совмина СССР «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР».

Кроме того, в 1954 году ликвидировали отдельное обучение детей в школах Москвы и Ленинграда — девочки и мальчики стали учиться вместе, а в 1958 году вместо всеобщего обязательного семилетнего образования ввели всеобщее обязательное восьмилетнее образование. Уже в 1970-х годах учебники в школах стали давать бесплатно.

Трудновато жилось и бездетным гражданам. Налог на бездетность, названный в народе «налогом на яйца», введенный еще в ноябре 1941 года указом Президиума Верховного Совета СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР», так и не был отменен вплоть до краха СССР. По нему одинокие мужчины от 20 до 50 лет и бездетные замужние женщины от 20 до 45 лет должны были отдавать 6 процентов своей зарплаты государству.

Народ уже настолько измучился от такой «счастливой» жизни, что некоторые его представители не скрывали своего возмущения, в одном из писем в «Правду» нахальный товарищ спрашивал, как ему жить при такой зарплате:

«Заработок 700 рублей в месяц, заем 70 рублей, [походный] налог 46 рублей, бездетность 42 рубля, итого 156 рублей, на руки 544 рубля. Это чуть-чуть прожить одному. А если есть старые отец, мать? Так ведь из этой зарплаты нужно отдать за квартиру и другие [коммунальные] услуги, да из этой зарплаты нужно купить на рынке картофель за 2 рубля килограмм. Но ведь такая зарплата не у многих. А есть 600, 500, 400, 300 рублей в месяц. Вот почему так много развелось нищеты, и каждый год прибавляется. Среди нищих старики, старухи, воины, инвалиды. Есть старики, на работу не берут, и пенсии не дают, говорят, стажу не хватает. Вот абсурд, который может быть только у нас в “богатой стране”... В побежденной Германии народ живет лучше, не как у нас... Вот скоро заем новый появится. От нищенской зарплаты подписка пойдет “единодушно”. Посмотришь, как правительство бросается деньгами направо и налево. Всем кредит, всем строят заводы, фабрики, дворцы, а со своих дерут, вздохнуть не дают. Всю

Азию и Европу взяли на свое иждивение» (из письма гражданина В. Г. Петрянова, апрель 1957 года).

Но главное потрясение было еще впереди. После смерти Сталина власть стала открыто говорить о том, как плохо живут советские трудящиеся. Цифры ужасающие: в 1952 году один человек съедал в год 200 килограммов хлеба и 190 килограммов картофеля, в то время как в США эти цифры составляли 78 и 52,2 килограмма в год. Получалось, что строители коммунизма сидят на картошке и хлебе. Американец съедал в год 81,4 килограмма мяса, а гражданин СССР только 24 килограмма, или около 70 граммов на день (в 1913 году — 31,1 килограмма). По молоку: соотношение было 345 и 159 литров, по яйцам: 379 и 70 штук, по овощам: 127 и 60 килограммов, по фруктам: 90 и 16 килограммов. Советские люди хронически недоедали, и это не являлось вымыслом враждебной пропаганды, а выводом товарища Хрущева. Он раскритиковал отечественных ученых, рассчитавших, что для нормального функционирования организма строителю коммунизма требовалось 65 килограммов мяса в год, но и этого не было.

Отставание от США было налицо и не только в количественном, но и в качественном отношении. В то время как в СССР задумались о необходимости увеличения потребления масла и молока, в Америке, наоборот, заговорили о пользе маргарина. В Москве стремились к повышению жирности молока до 6%, а за океаном молоко обезжиривали, видя в этом основу здорового питания. Америка из главного врага при Сталине превратилась при Хрущеве в пример для подражания. Ее теперь надо было не закидать атомными бомбами, а победить в мирном соревновании. Это был большой прогресс.

Так и зародилась одна из многих сумасбродных идей того времени: «Догоним и перегоним Америку!» Народ по-своему отреагировал на это, сразу сочинив анекдоты. Вот один из них:

Почему вдруг из магазинов пропала обувь? — Потому что догонять Америку удобнее босиком!

Или такой анекдот:

Выступает Хрущев на заводе, а ему рабочий и говорит: «Никита Сергеевич, не надо Америку обгонять! А то когда обгоним, наш голый зад будет виден».

Тогда по Москве разъезжало немало грузовиков с бортами, на которых трафаретом было написано: «Не уверен, не обгоняй!», а рядом уже какой-то шутник успел намалевать: «Америку».

Демонстрацией огромного разрыва в уровне жизни между СССР и США стала Американская промышленная выставка в Сокольниках, которую открыли 25 июля 1959 года Хрущев и вице-президент США Ричард Никсон. В то же время в Нью-Йорке проходила аналогичная выставка советских достижений. Руководство каждой из великих держав по-своему толковало смысл слова «достижение». Советский Союз решил удивить американцев преимущественно техникой — макетами спутников, космической ракеты в натуральную величину, атомных электростанций, атомного ледокола «Ленин», самого большого в мире синхрофазотрона и всяких станков.

Американцы же поступили хитро, задумав познакомиться москвичей со своим образом жизни. Они захотели устроить в Сокольниках супермаркет, где посетители могли бы купить американские продукты, а еще угостить всех желающих пепси-колой и хот-догами. Экспозиция знакомила москвичей с тем, как живут и работают граждане США, как отдыхают, что носят и читают. Культурная программа должна была состоять из выступлений Бенни Гудмена, фестиваля джаза, а также концерта Филадельфийского симфонического оркестра. И все это на открытом воздухе, посреди столиков для пикников, которые так любят американцы. А еще намечалась выставка современного американского искусства.

Надо ли говорить о том, что такой подход заведомо обеспечивал огромный интерес москвичей; американцы запланировали, что всего в Сокольники придет более трех миллионов человек, то есть половина советской столицы! Вот тут-то и зачесались в Крем-

ле: это какой же идеологический вред может принести выставка, зачем вообще это нужно нашим советским людям, они и так знают о повседневной жизни в США из газет. Но самым страшным стали книги, которые американцы собирались показывать на выставке: сплошная клевета, антисоветчина и даже сборник со статьями Льва Троцкого и других врагов.

Но отыграть назад, запретить выставку было нельзя, ибо договоренность между правительствами подразумевала параллельность проведения этих мероприятий и в Москве, и в Нью-Йорке и отсутствие взаимной цензуры, то есть каждый показывает, что хочет. С книжками кое-как разобрались, предоставив американскому послу список антисоветской литературы, взяли с американцев слово, что они будут раздавать только рекламные проспекты и буклеты, за которыми выстраивались в очередь москвичи. Эти проспекты превратились в реликвию, ими дорожили, показывали друзьям. А чтобы не допустить широкой продажи американских товаров в Москве, пришлось пойти на сокращение реализации на советской выставке в Нью-Йорке, поскольку была договоренность: каждая страна продает не больше, чем другая. Идеология оказалась важнее валютной выручки.

Многих посетителей поразили красивые американские автомобили, показанные на выставке, ни в какое сравнение с которыми не шли тяжелые сталинские ЗИМы и ЗИСы, вокруг них собирались в основном мужчины. А вот представительницы прекрасной половины человечества пытались рассмотреть макет жилого дома в разрезе, напичканный чудесами цивилизации (печь СВЧ, стиральная машина, кондиционер и т. д.). Этот же экспонат заставил остановиться и по diskutieren осматривавших выставку Хрущева и Никсона. Переводчик Виктор Суходрев вспоминал: «У дома отсутствовала внешняя стена, и была видна вся начинка. Именно устройство быта рядовой американской семьи и поражало посетителей выставки. Многие наши люди в ту пору еще и с телевизорами толком не познакомились, а тут им показали шикарные хо-

лодильники, посудомоечную и стиральную машины, массу всякой прочей полезной бытовой техники, о существовании которой советские граждане не подозревали. Народ стоял у дома с открытым ртом. Никита Сергеевич стал критиковать увиденное, говорить, что советскому человеку весь этот буржуазный быт чужд, дескать, глупо строить коттедж для каждой семьи, когда можно возвести многоквартирный дом и обеспечить жильем сразу сотни людей». А еще Хрущев не понял, к чему на американской кухне электрическая соковыжималка — ведь можно взять лимон и руками выжать его в чай!

Очередь москвичей и гостей столицы стояла в Сокольниках с утра до вечера, даже несмотря на то, что власти всячески чинили препоны в продаже билетов, распространяя их через учреждения и организации. В какой-то мере это можно трактовать как заботу о трудящихся: не каждый мог спокойно воспринять и переварить столько правдивой информации. Ведь некоторые пребывали в полной уверенности, что в Америке «до сих пор кукрыниксы негров вешают», путая ку-клукс-клан с троицей известных советских художников.

Например, из экспозиции, посвященной труду и заработной плате, москвичи узнали, что средняя часовая ставка квалифицированного рабочего в Америке в 1958 году достигала 2,11 доллара, что в пересчете по официальному курсу обмена равнялось 8,5 рубля. Следовательно, при сорокачасовой рабочей неделе средняя зарплата американского пролетария достигала 1500 рублей в месяц. В то время средняя зарплата рабочего на заводе «Серп и молот» была в два раза меньше и при этом ее, зарплаты, не хватало на «всё про всё». Американский же труженик тратил на свою семью из четырех человек в месяц лишь четверть своей зарплаты, еще две четверти мог потратить на холодильник (стоимостью 220 долларов), и еще четверть оставалась непотраченной. Удивили москвичей и цены:

- 1) мужской костюм — 46 долларов 73 цента,
- 2) рабочие брюки — 2 доллара 33 цента,

- 3) мужская рубашка — 4 доллара,
- 4) женский костюм — 45 долларов 76 центов,
- 5) чулки из нейлона — 1 доллар 2 цента,
- 6) рабочие ботинки — 8 долларов 60 центов,
- 7) детские ботинки — 5 долларов 34 цента,
- 8) 1 метр ситца — 50 центов.

У перемножавших эти цены в уме складывалась противоречивая картина жизни в СССР и в США, ведь американцы еще не идут по пути строительства коммунизма, но живут гораздо лучше. Почему? Поразила многих и стоимость продуктов. На 100 американских долларов можно было купить:

- муки — 417 килограммов,
- белого хлеба — 238 килограммов,
- масла — 61 килограмм,
- молока — 400 литров,
- мужских костюмов — 2 штуки,
- детских рубашек — 52 штуки,
- выходных ботинок — 7 пар,
- алюминиевых кастрюль — 76 штук,
- сигарет — 417 пачек,
- водки — 20 литров,
- билетов в кино — 123 штуки.

Стоимость аналогичных товаров в Москве оказалась в разы выше. Особенно изумили в этом списке дешевые водка и молоко в пересчете на рубли. Интересна реакция власти на эти «открытия». Госкомитет по культурным связям с зарубежными странами разработал ряд мероприятий, призванных максимально снизить катастрофические последствия проведения выставки, некоторые пункты заслуживают особого внимания, отражая повседневность того времени: «Необходимо, чтобы общественные организации при распределении билетов на выставку выделяли специальных людей из числа членов партии, комсомольцев и беспартийного актива для организации критических записей в книге отзывов посетителей, имея в виду критику американского образа жизни» и «Необходимо организовать полемику отдельных посетителей (заранее подобрав и проинструктировав их) с пристендовыми

гидами-переводчиками. Материал этой полемики следовало бы использовать в репортажах наших журналистов о выставке».

Подобрали. Выделили. Принятые меры принесли свои плоды. «Особенно большое скопление людей и оживленный обмен мнениями происходит около витрин, показывающих состояние медицинского, коммунально-бытового обслуживания, образования в США. Посетители выражают удивление высокой стоимостью всякого вида услуг и особенно высокой стоимостью медицинского обслуживания. У диаграммы, показывающей, что можно купить на 100 долларов, посетители спросили дежурного американского гида: «Что, на 100 долларов можно купить все перечисленные предметы или только один из них?» Он ответил, что один. Посетители потребовали, чтобы на диаграмме сделали исправление. Многие посетители задают дежурным гидам вопросы, где можно посмотреть американскую технику. Гиды отсылают всех спрашивающих к автомашинам. А когда их настойчиво спрашивают, где размещены станки, гиды делают вид, что им непонятно это слово. Наибольшую реакцию вызывает павильон, в котором выставлены товары широкого потребления. Некоторые интересуются ценами на холодильники, мебель, кухонное оборудование, стиральные машины и т. д. Узнав их стоимость, потребители заявляют, что у нас многие из этих предметов стоят дешевле. У киосков с книгами посетители обращают внимание на посредственное оформление книг и их дороговизну. Дежурный американский гид под давлением посетителей был вынужден признать, что действительно книги у них очень дороги и простые американцы их не покупают. В ряде случаев беседы посетителей с гидами являются настолько наступательными и разоблачающими «американский образ жизни», что гиды пытаются уйти», — докладывал 25 июля 1959 года первый секретарь Московского горкома КПСС Устинов. Читаешь этот уникальный документ эпохи и действительно удивляешься: «А где же американские станки? Как же без них-то?»

А вот реакцию большинства посетителей на раздел выставки, представляющий современное искусство, выразил лично товарищ Хрущев: «Я осмотрел раздел художников. На меня он не только не произвел доброго впечатления, а скорее оттолкнул. В разделе скульптуры то, что я увидел, меня просто потрясло. Скульптура женщины... Я не обладаю должной красочностью языка, чтобы обрисовать, что там было выставлено: какая-то женщина-урод, без всех верных пропорций — просто невозможное зрелище. Американские журналисты меня расспрашивали (а они знали мое отношение к такому жанру в искусстве) и поэтому как бы подзадоривали. Ну я и отвечал: “Как посмотрела бы мать на сына-скульптора, который изобразил женщину в таком виде? Этот человек, наверное, извращенец. Думаю, что он, видимо, ненормальный, потому что человек, нормально видящий природу, никак не может изобразить женщину в таком виде”».

Но нашлись и такие, кто не мог видеть природу «нормально», это молодые художники-авангардисты, которым очень хотелось посмотреть работы своих заокеанских коллег, полистать книги, каталоги по искусству. Но где достать пропуск, если ты не член парткома? Станный вопрос для художника — ведь чему-то их все-таки научили в советских творческих вузах — надо взять и нарисовать! Так и сделали художники Лев Кропивницкий и Оскар Рабин. «Изготовили пять пропусков и могли целые дни проводить на выставке. Там, в Сокольниках, мне удалось рассмотреть не спеша картины Раушенберга, Поллака, Ротко... Но все рекорды побил Лев Кропивницкий: он за раз выпил пятьдесят стаканов бесплатно раздававшейся пепси-колы! Сделал это из принципа, чтобы доказать: этим американским напитком невозможно отравиться, как утверждала советская пропаганда», — вспоминал Рабин, которому удалось еще и вырезать тайком наиболее интересные страницы из толстого фолианта по современному искусству.

Для Хрущева знакомство с современным искусством было еще впереди, его ждал Манеж в 1962 году.

И все же на понимание современного американского искусства организаторы выставки в Сокольниках и не рассчитывали. Но им удалось добиться главного: пробить еще одну брешь в «железном занавесе». Москвичи своими глазами увидели то, что в своих карикатурах рисовал им журнал «Крокодил», — американский образ жизни. Молодые, незашоренные люди тогда крепко призадумались.

А советской власти не оставалось ничего, кроме как в очередной раз давать невыполнимые обещания (даже американцам) и им же грозить. Именно в Сокольниках вылетело из уст Хрущева знаменитое идиоматическое выражение: «Мы вам покажем кузькину мать!» Американцы никак не могли понять, что имел в виду советский лидер, не новое ли сокрушительное оружие, способное поразить весь мир? Но как нередко и случалось — ничего мы им так и не показали. Больше таких ошибок власть не совершала, все выставки впредь проводились лишь после серьезнейшей идеологической подготовки, когда за москвичей решали — что и как им смотреть.

Большим подспорьем в попытке перегнуть Америку была целинная эпопея, призванная поднять сельское хозяйство. Рассказывая о жизни москвичей того времени, мимо этого яркого эпизода пройти невозможно. Немало молодежи покинуло теплые обжитые московские квартиры и общежития, уехав в пустые степи Казахстана. Всего в 1954—1958 годах на целину уехало около 30 тысяч человек, распевая на все лады:

Едут новоселы по земле целинной,
Песня молодая далеко летит.

Освоение целины в отдаленных районах СССР потребовало привлечения огромного числа рабочих рук — молодых, здоровых людей, полных энтузиазма и надежд. В этом вопросе Москва должна была послужить примером всей стране. Начиная с 1954 года в столице началось проведение массовых собраний комсомольцев, на которых выступал Хрущев, лично

призывая внимавшую ему аудиторию принять горячее участие в освоении целины. В те годы люди, особенно молодые, еще верили заклинаниям о скорой хорошей жизни. Хрущев не просто говорил от себя, отрываясь от бумажки, а «зажигал». Как правило, прямо на собраниях формировались комсомольские бригады и целые молодежные совхозы. Собрал нехитрые пожитки в чемодан — и на вокзал, а там цветы, оркестр, кинохроника и... в добрый путь!

Всю страну облетел сюжет в «Новостях дня», которые крутили перед киносеансами. 7 января 1955 года не где-нибудь, а в Большом театре Союза ССР «состоялось собрание молодежи Москвы и Московской области, которая по призыву коммунистической партии и советского правительства добровольно изъявила желание отправиться на освоение новых целинных и залежных земель». На экране — президиум с Хрущевым и Маленковым, диктор говорит о том, что все присутствующие выражают свое желание поехать на освоение целины: механик-комбайнер мытищинской МТС Емцов, инженер-механик Москворецкого района Кузнецова, шофер авторемонтного завода Дзержинского района Полунин, московский каменщик Мишкин, тракторист Ленинской МТС Кочетков, повар треста столовых Свердловского района столицы Борзов, трактористка зерносовхоза «Куйбышевский» Лаптева. Всех их напутствует секретарь ЦК ВЛКСМ Шелепин (еще бы, он-то остается в Москве!). В заключение все встают, аплодируют. Звучит «Интернационал».

А если после подобного новостного сюжета шел показ фильма «Иван Бровкин на целине», тут уже было двойное попадание: народ искренне подчинялся призывам партии и правительства все бросить и ехать черт-те куда, чтобы жить в палатках и вагончиках.

В Москве устроили даже показ картин художников (Таира Салахова, Любови Рабинович, Виктора Цигалы и пр.), выезжавших на целину в 1954 году, под названием «Выставка работ московских художников, выполненных в поездках на залежные земли». Выставка вызвала большой интерес.

Активно велась пропаганда освоения целины в прессе. О целинниках (новое слово, так называемый советизм) писали исключительно как о патриотах своей родины. Это была агитация по высшему разряду, ибо еще два года назад, во время «дела врачей» под заголовками «Так поступают советские патриоты» в качестве примера настоящего патриотизма приводился поступок простого советского врача Лидии Тимашук, написавшей письмо «куда надо» о вредном лечении кремлевских пациентов. Ее после этого наградили орденом Ленина, а в газетах появилась рубрика «Почта Лидии Тимашук». Теперь же патриотами именовали совсем молодых еще ребят, и письма об их патриотических поступках тоже печатали.

Сегодня трудно поверить в энтузиазм и искренность людей, которых кто-то может упрекнуть в наивности. Но так было, так их воспитали. Кем, интересно, работали эти москвичи до своего отъезда на целину? Вот лишь некоторые примеры из газетной статьи 1955 года об участниках «битвы за хлеб, за народное благополучие»: экспедитор Московского почтамта Тамара Григорьева, на целине устроившаяся штукатуром; продавщица булочной № 13 на улице Горького Валентина Рыбалова; супруги Агольцовы, он слесарь в артели металлоизделий, она сверловщица на «Фрезере»; мотористка фабрики «Красная швея» Галина Конкина, переквалифицировавшаяся на целине в прицепщицу на тракторе, а еще повара и штукатуры... Как видим, в основном удавалось сагитировать рабочий класс. Интеллигенция не очень-то заглывала наживку о светлых перспективах жизни в казахстанских степях. Разве что поехать посмотреть — что это за целина такая, о которой везде бубнят, но затем непременно вернуться обратно. Заводских посылали и по разнарядке из райкома, как правило, оформляя поездку на целину командировкой. Много уехало на целину с завода ЗИЛ.

Благодаря и упомянутым в этой статье москвичам, и многим другим в первые годы целинной эпопеи действительно удалось резко увеличить производство

зерна, которое шло в том числе и на корм скоту, а значит, росло и производство молока и мяса. Освоенные залежные земли позволили на какое-то время закрыть прореху в бюджете, накормить страну хлебом. Если в 1954 году было заготовлено 85,5 миллиона тонн зерна, то в 1960 году в полтора раза больше — 125 миллионов тонн (в том числе на целине — 58,7 миллиона тонн).

Поражал и объем затраченных средств — одна пятая часть всех расходов государства была направлена на целину, в том числе трактора и комбайны, сеялки и веялки. А в это время русское Нечерноземье и другие обжитые районы владели незавидное существование, что свелось к появлению «неперспективных деревень» еще при Хрущеве. Свою пагубную роль сыграл и отток опытных кадров из сел и деревень.

Хлеба было так много, что пришлось по комсомольской путевке посылать на уборку студентов московских вузов. Первое разочарование привыкших к мало-мальскому комфорту москвичей наступило уже на Казанском вокзале. Для долгой дороги подали под посадку обыкновенные теплушки, сохранившиеся еще с войны, в вагонах для сна соорудили деревянные нары: ничего, еще кое-как можно привыкнуть. Дело молодое. Женская половина от мужской была отгорожена висящими одеялами. Туалет был представлен в виде двух ведер, опорожнявшихся на остановках. А иногда и ведра не требовались, поскольку остановок было много. Ехали так неделю.

Как вспоминает один из московских студентов, прошедший на целине летние каникулы, «период энтузиазма оказался коротким. Эйфория первых дней пребывания в совхозе, возникшая от открывшейся нам картины обильного урожая, по мере уяснения всех обстоятельств, связанных с уборкой урожая, постепенно сменилась недоумением, а затем огорчением. Допустим, что в результате упорного труда нам удастся убрать с полей всю пшеницу. Но как сохранить собранное зерно? Нет крытых токов, где зерно можно сушить. Нет элеваторов! Нет достаточного количества

автомашин, чтобы отвозить зерно в обжитые районы. Наконец, нет дорог. Машины едут по целине, оставляя глубокие борозды на раскисшей после дождя земле. В них же застревают.

Часть зерна, которую не успевали вывозить, стали сваливать тут же в поле в большие бурты, которые покрывали брезентом. Тогда мне стало понятно выражение “зерно горит”. Стоило подойти к такому бурту и сунуть руку в зерно, сразу почувствуешь тепло. Сунешь поглубже — там просто горячо. Это зерно уже не спасешь. Постепенно мы стали понимать, что эта масштабная кампания по освоению новых земель не была продумана до конца. О приподнятом настроении, трудовом энтузиазме уже не было речи».

Не способствовали ударной работе целинников и стычки с местным населением, заканчивающиеся в некоторых случаях поножовщиной.

Пресловутая кампанейщина, аврал и штурмовщина приводили и к большим потерям зерна на целине, нередко гнившего на полях из-за невозможности его хранения и переработки. Все это постепенно снижало эффективность целины, обнаруживая экстенсивный путь развития советского сельского хозяйства. А уничтожение пастбищ, распаханых под поля, привело в дальнейшем к снижению производства мяса в стране. В результате нарушения экобаланса и эрозии почв в 1962—1963 годах целину накрыли пыльные бури. В иные годы не удавалось даже собрать зерно на семенной фонд.

Невозможно все время выезжать на энтузиазме, спекулировать им, принуждая граждан к дешевому, а то и бесплатному труду. И потому уже где-то с начала 1960-х годов началось возвращение в столицу тех москвичей, кто был разочарован несбывшимися надеждами. Тяжелые условия работы, невысокая оплата, материальные трудности стали преобладать в их рассказах о целинной жизни. Но все же на целине осталось 46 совхозов, созданных москвичами. Некоторые закрепились там навсегда. А целина постепенно «загнулась». Аркадий Райкин позднее скажет со сцены:

«Наконец, после кукурузы все внимание стали уделять людям».

Привлечение горожан к уборке урожая — это не советское изобретение. В Америке в таких случаях фермеры прибегали к услугам сезонных рабочих и поденщиков, тех, кто не имел постоянной работы, нуждался в ней. Но в СССР же нет безработицы и заключенных уже негде взять. Вот потому и придумали свой способ «помощи селу», когда не державших лопату горожан направляли в колхозы на уборку, временно. Но все временное постоянно. Эту повседневность узаконили специальным решением правительства от 12 июля 1962 года о «шефской» помощи горожан селу, которой должны были заниматься военнослужащие, школьники, студенты, рабочие, ученые. Отказаться было нельзя. Уже в 1970-е годы распространение приобрели поездки «на картошку», о чем ярко пел Высоцкий: «Товарищи ученые, доценты с кандидатами...» Ехать в теплушках не требовалось, убирать картофель, свеклу, капусту, морковь надо было в подмосковных колхозах грязной дождливой осенью. Позднее это выльется в движение стройотрядов, привлекавшее студентов к общественно полезному труду, но за деньги. Качество работы на «картошке» оставляло желать лучшего, вызывая большой процент потерь урожая: ведь убирали-то не для себя, не на своем дачном участке. Да к тому же к работе приступали нередко в нетрезвом состоянии — холодно!

После целины Хрущеву пришлось в голову оставить крестьян без приусадебного хозяйства. Как вспоминал «железный Шурик» Шелепин, председатель КГБ СССР в 1958—1961 годах, как-то Хрущев приехал проведать свое родное село Калиновка Курской области: «После завтрака собрали сход. Никита Сергеевич говорил два часа — убеждал односельчан отказаться от приусадебных участков. “Земляки, поддержите меня. Зачем вам свиньи, коровы — возиться с ними? Колхоз и так вам все продаст по государственной цене”. И так далее и тому подобное. Из толпы послышался возглас: “Никита, ты что, слурел?” И сельчане стали расходиться. Хрущев обозлился и уехал».

К слову, положение жителей села оставляло желать лучшего. Они, как известно, работали за «палочки» — трудодни. В 1958 году один трудодень «стоил» 1 рубль 56 копеек, а в 1963 году на 36 копеек больше — 1 рубль 89 копеек. Значит, при средней ежегодной выработке 250 трудодней крестьянин в месяц мог заработать не более 40 рублей. Как-то Хрущев узнал, что кое-где лучшие чабаны зарабатывают до 180 рублей в месяц, и возмутился. «Это разврат, это безобразие!» — кричал он и дал указание искоренить «разврат». Крестьяне тоже стали уезжать — вслед за Хрущевым, в Москву. Именно во вторую половину хрущевского царствования, с 1960 по 1964 год, деревни покинули более семи миллионов человек. Их села объявлялись неперспективными, приговоренными к вымиранию. До Москвы из них доехало более полумиллиона.

И целина, и заморозка выкупа облигаций свидетельствовали о кризисном состоянии советской экономики — требовались серьезные реформы, первой из которых стал обмен денег в 1961 году. В начале мая 1960 года москвичи прочитали в газетах постановление Совмина СССР № 470 «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами». Из него следовало, что имеющиеся на руках у населения деньги — их называли из-за большого формата «сталинскими портянками» — без ограничений будут обмениваться с 1 января будущего года из расчета десять к одному. В таком же порядке был предусмотрен и пересчет оптовых и розничных цен на товары и услуги. Пересчитывались автоматически и вклады в сберкассах.

А вот металлические деньги в одну, две и три копейки оставались в ходу, что сразу повысило их стоимость. Из Москвы куда-то стремительно испарилась вся мелочь. Разменная монета была на вес золота. В сберкассах бумажные деньги на мелочь не обменивали. Зато мгновенно выросло благосостояние попрошайек, скопивших капитал мелочью. Вот тут и оправдала себя пословица, что «копейка рубль бережет». А в народе появился стишок: «У старушки-побирушки миллион нашли в подушке».

Москвичи по-своему отреагировали на очередное проявление заботы партии и правительства. Те, у кого были деньги, направили свои стопы прежде всего в магазины для закупки товаров длительного спроса, а также предметов роскоши. За оставшиеся до реформы полгода резко выросла выручка в ювелирных и меховых магазинах, а также продажа бытовой техники, шерсти и дорогой ткани. С января 1961 года в Москве открылись специальные обменные пункты, но очереди туда стояли разве что недели две — было бы что обменивать. Стоимость товаров на ценниках указывалась в новых и старых ценах.

Гражданам объявили, что эта денежная реформа «является самой гуманной в истории» и проводится в «целях облегчения денежного обращения и придания большей полноценности деньгам», само слово «реформа» старались не упоминать, заменив его словом «обмен». Да, эта реформа оказалась более человеческой, нежели прошлая, 1947 года, сопровождавшаяся мерами конфискационного характера и, что важно, грянувшая неожиданно. Тогда народ не успел ничего купить, сейчас же людей предупредили за полгода. Даже обмен вкладов в сберкассах Сталин велел ограничить, Хрущев же обошелся без ограничений (узнавший заранее о реформе 1947 года Берия приказал своим помощникам разместить в сберкассах на его имя 40 тысяч рублей мелкими вкладами, ибо крупные сгорали).

Дробные цены в магазинах округлялись в основном в большую сторону. И народ это почувствовал. Например, стакан газировки стоил пять копеек, следовательно, после реформы его цена должна была составить 0,5 копейки. Но такой монеты не было, потому установили новую цену в одну копейку. Пустячок вроде, но нашлись мелочные граждане, пытавшиеся возмущаться. Таким заткнули рот через газету «Вечерняя Москва»: приходите работать к нам на завод, у нас газировка бесплатная.

Новые деньги оказались меньшего формата, более удобные для использования и хранения, на долгие

30 лет люди запомнили их расцветку: рубль — желтый, трешка — синяя, пятерка — зеленая, десятка — красная, четвертак — фиолетовый, благородный, полтинник — темно-салатовый, сотня — бежевая. За маленький размер их окрестили «фантиками». Не обошлось и без последствий: кому-то по ошибке урезали пенсию и пособие, а кому-то зарплату, в некоторых магазинах появились и фальшивые деньги. Документы 1961 года свидетельствуют: «9 сентября с. г. продавец кондитерского киоска № 217 Тимирязевского райпищеторга Гусева передала для просмотра кассиру Тимирязевского отделения Госбанка Сумачевой фальшивую 50-копеечную монету, которая по ее пояснению получена 4—5 сентября с. г. от неизвестного гражданина в счет уплаты за купленные конфеты. 14 сентября с. г. кладовщиком-кассиром главной кассы ГУМа при пересчете денег, принятых от 80 кассиров ГУМа, обнаружен фальшивый 25-рублевый денежный билет, изготовленный на плотной бумаге способом рисования красками и карандашами. 14 сентября с. г. старшим кассиром станции метро “Фили” Куприяновой при пересчете денег, выгруженных из турникета АКП-1, обнаружена фальшивая пятикопеечная монета образца 1961 года, изготовленная из мягкого серого металла». Всего за 1961 год в шестидесяти семи автономных республиках, краях и областях Российской Федерации было зарегистрировано 414 проявлений фальшивомонетничества, из них 354 случая подделки монет и 60 — денежных билетов.

По-своему отреагировали и частные торговцы на базарах и рынках. Именно там возрос оборот металлической монеты, оставшейся в ходу, пучок петрушки до реформы стоил пятак, но и в 1961 году эта цена осталась прежней. Подорожала картошка, главное блюдо: в декабре 1960 года она стоила на рынке от 75 копеек до 1,3 рубля (в магазине — один рубль), а после начала реформы на рынке стоимость возросла до 35 копеек (в магазине — 10 копеек). Экономисты подсчитали, что если до реформы на среднюю зарплату 783 рубля на рынке можно было приобрести 1044 килограм-

ма картофеля, то в 1961 году при средней зарплате 81,3 рубля только 246 килограммов. Рост рыночных цен продолжался и в дальнейшем. Так, в 1962 году он составил 123 процента к прошедшему году, в 1963 году — уже 122 процента и т. д.

Научные выкладки не влияли на рост цен по всем продуктам, особенно на мясо. Рост цен на рынке подхлестнул спекуляцию, когда качественный товар из магазинов по-черному сплавляли на рынки под видом колхозной продукции. Вновь возник дефицит, тем более что крестьяне в подмосковных колхозах быстро смекнули, что спрос превышает предложение. Как итог — в 1962 году москвичи увидели новые цены в магазинах. После выхода нового постановления ЦК и Совмина СССР от 31 мая 1962 года мясо подорожало с полутора рублей до двух, масло с 2,25 рубля до 3,50 (оно так и стоило до перестройки). И вновь поползли цены на рынках, в провинциальных городах начались народные бунты и восстания, жестоко подавленные армией и милицией.

Простому человеку было ни к чему, что реформа своей истинной целью преследовала девальвацию рубля, в котором содержание золота повышалось не в десять раз, а всего в 4,4 (обеспечение рубля снизилось до 0,987412 грамма за рубль вместо 2,22168 грамма). От этого зависел и обменный курс рубля к доллару, который до 1961 года стоил четыре рубля, а после реформы — 90 копеек.

А государственный бюджет только выиграл от реформы за счет округления цен в большую сторону, сэкономив до четырех миллиардов рублей. Снижение курса рубля привело к подорожанию импортных вещей и к снижению себестоимости главного с тех пор продукта советского экспорта — нефти. Установленный Сталиным высокий курс рубля делал ее добычу для последующей продажи нерентабельной. Рост выручки от продажи нефти с 1961 года находится в тесной связи с увеличением нефтяных доходов в государственном бюджете. С тех пор страна стала постепенно увеличивать свою зависимость от нефтяной иглы.

А журнал «Крокодил» в эти годы публиковал веселые карикатуры, где радостный послереформенный рубль перевешивает на весах исхудавший доллар.

Долго еще в народе ходило выражение «новые деньги». В «Бриллиантовой руке» (1968) Семен Семенович уточняет: «Здесь 500 рублей. — Новыми?», а в фильме того же года «Зигзаг удачи» герой Евгения Леонова огорчается: «Сколько стоит шубка? — 29 тысяч. — Это что же, по-старому или по-новому? — По-новому. — 29 тысяч за водяную крысу?!»

И все-таки Америку удалось обогнать, если не по производству и потреблению мяса и молока, то уж точно по выпуску чугуна и стали. При этом производительность труда все равно оставалась низкой, в промышленности этот показатель был вдвое меньше американского, в сельском хозяйстве — в четыре раза. Тем не менее за счет огромных вложений к 1965 году национальный доход СССР увеличился в полтора раза по сравнению с 1958 годом, производство промышленной продукции возросло на 84 процента. Опосредованно это повлияло и на реальные доходы населения, выросшие на треть.

Со второй половины 1960-х годов начинается относительно спокойный период жизни людей, их уже не призывают ради строительства коммунизма ехать возводить колхозы в Казахстане и на Урале, не вынуждают обменивать деньги и покупать облигации вместо хлеба. С Америкой страна в производстве продуктов потребления не тягается, найден новый способ удовлетворения собственной гордости — уровень жизни сравнивают с 1913 годом. Это очень удобно, получается, что люди стали жить и питаться только лучше. Особенно это заметно на примере обеспечения народа бытовой техникой — ведь в 1913 году стиральных машин и пылесосов еще не было, не говоря уже о компьютерах, по числу которых СССР отставал от США в 100 раз в 1979 году.

В 1965 году в рамках косыгинской экономической реформы принимается историческое для каждого советского человека решение о 13-й зарплате. Как бы ни

работал простой москвич — плохо ли, хорошо, но на работе обязан был появляться как штук 5-го и 20-го числа каждого месяца. Первый раз давали аванс, второй — зарплату. Тогда и родилось выражение: прожить от аванса до получки. Кроме того, платили и премии, так называемые квартальные и годовые, а еще и премию к отпуску. Лишить зарплаты не могли, а вот премию за невыполнение плана могли и не заплатить. Даже фильм такой сняли — «Премия», как один знательный товарищ на стройке отказался от премии из-за якобы невыполнения плана. Фильм разошелся на цитаты. А план все равно не выполняли. У Высоцкого в известной песне поется о лишении премии за «аморалку»:

Уж ты б, Зин, лучше помолчала бы —
Накрылась премия в квартал!
Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты?! Да я же их читал!

У людей появилась возможность зарабатывать больше, причем легально. Владимир Ресин вспоминает о тех временах:

«Система, которую мы внедрили благодаря косыгинским веяниям, основывалась на хозяйственном расчете, полной ответственности за порученное дело. Она многое нам дала морально и материально. Рабочие получали зарплату не по “выводилровке”, не за восемь часов пребывания на стройплощадке, а за конечный результат. Мы тогда регулярно получали премии, красные знамена, грамоты и другие знаки отличия, свойственные социалистической системе. Мой должностной оклад начальника строительного управления составлял 350 рублей. Но после внедрения новой системы я зарабатывал по тысяче рублей в месяц, вместе с премией. Соответственно много получали начальники участков, бригадиры, рабочие. В то же время пришлось поволноваться, повоевать, потрепать нервы. На меня и моих товарищей начали писать анонимные письма. Называли проходимцем, жуликом, наконец,

антикоммунистом, антисоветчиком. То были обвинения самые опасные, можно было остаться без партбилета и должности. Приходилось оправдываться, писать объяснительные записки, отвечать на вопросы комиссий, ревизоров, инспекторов, инструкторов райкома и горкома партии... Многие в партии и тогда понимали: по-старому жить и работать нельзя... На словах все делалось во благо человека, на деле трудящийся человек эксплуатировался сильнее, чем при капитализме. Процветала двойная бухгалтерия, двоемыслие. Жили и работали как бы в двух, трех, четырех измерениях: думаю одно, делаю другое, говорю третье, получаю по четвертому. Для того чтобы выжить, выполнить план, нужно было нарушать устаревшие правила и установления, но за нарушения этих правил, пусть даже в мелочах, система наказывала беспощадно».

В эти же годы людям дали возможность уходить на пенсию раньше времени на пять лет, для чего нужно было отработать на вредном производстве положенное время, например, в горячем металлургическом цехе. В Москве таких предприятий было немало, особенно в области военно-промышленного комплекса, их называли «почтовыми ящиками». За «вредность» давали молоко. Не препятствовали и тем, кто, став пенсионером, оставался на работе, тогда он получал и пенсию, и зарплату, благодаря этому старшее поколение, вынесшее на своих плечах и войну, и разруху, по-человечески зажило лишь в 1970-х годах.

Улучшился рацион повседневного питания. К 1970 году по сравнению с 1965 годом выросло потребление мяса в расчете на человека — на 17 процентов, молока и молочных продуктов — на 22 процента, яиц — на 23 процента, рыбы и рыбопродуктов — на 33 процента, сахара — на 14 процентов. Все эти продукты постепенно замещали употребление хлеба и картошки. В 1971—1975 годах реальные доходы в расчете на душу населения увеличились на 24 процента, зарплата возросла в среднем на 20 процентов. В 1975 году по сравнению с 1965-м численность населения с доходом 100 и более рублей в месяц на одного члена семьи

возросла в восемь с половиной раз, а в 1980 году число таких граждан превысило половину от всего населения страны. Доходы граждан росли быстрее, приводя к увеличению спроса на товары не только первой необходимости. Но возможности планового государства не поспевали за этим. На XXVI съезде КПСС (1981) было объявлено, что «из года в год не выполняются планы выпуска многих товаров народного потребления, особенно тканей, трикотажа, кожаной обуви, мебели, телевизоров. Нет должных сдвигов и в качестве, отделке, ассортименте».

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих увеличилась с 80,6 рубля в 1960 году до 145,8 рубля в 1975-м, то есть почти в 1,8 раза. Официальным прожиточным минимумом была названа сумма 50 рублей в месяц на одного члена семьи. К середине 1970-х годов семья из двух взрослых и двух детей имела в среднем доход на человека по 75 рублей в месяц. Естественный прирост населения почти каждый год превышал 8 процентов.

Большое развитие получила сфера социального обслуживания. Лучше всего жилось работникам крупных предприятий, именовавшихся «флагманами советской промышленности». В Москве, помимо ЗИЛа, это были заводы «Красный пролетарий», Первый государственный подшивниковый завод (ГПЗ-1), «Серп и молот», Московский первый часовой завод, «Каучук» и многие другие. Проработавшим несколько десятилетий на одном предприятии давали с большой скидкой путевки в дома отдыха и санатории в Подмосковье и на юг, а то и в Болгарию, устраивали детей в детские сады и ясли, выделяли путевки в пионерлагеря, лечили бесплатно в заводских поликлиниках и больницах, где заставляли регулярно проходить диспансеризацию. Номенклатура отдыхала отдельно в более комфортабельных пансионатах и санаториях.

Вообще в эти годы проводилась активная социальная политика. На предприятиях огромный авторитет приобрел председатель месткома или профкома (а были еще фабкомы и цехкомы). А все потому, что

они были задействованы в осуществлении важнейшей функции плановой экономики — распределении благ, являвшихся частью дохода трудящегося. В разговорах о той эпохе то и дело слышишь: «дали мне путевку», «дали квартиру», «дали участок». Надо было ждать, чтобы дали, вместо того чтобы купить за свои деньги.

Профкомы с месткома́ми этим и занимались — «давали». В фильме «Афоня» председатель месткома говорит: «Что же ты, Борщев, мы тебе путевку дали, а ты в фонтаны лезешь!» А в «Служебном романе» (1977) председатель месткома Шурочка, давно забыв о своих прямых служебных обязанностях, занимается сбором денег на любые нужды (считай — поборами), но и делает кое-что полезное: дает путевку Новосельцеву для его сына. С председателем месткома неплохо было бы поддерживать хорошие отношения. В «Афоне» герой Леонида Куравлева говорит на танцах: «Мать честная, председатель месткома нашего пришел, теперь весь вечер с ней придется танцевать!» И это воспринималось адекватно — а как же иначе!

В 1970-е годы хорошо жили не только председатели месткомов, но и военные, офицеры. Помимо оклада по должности им полагался и оклад по званию, а еще наградные, выплата за боевое дежурство, за выслугу лет. Плюс 13-я зарплата, продовольственный паек, да и к тому же все это не облагалось подоходным налогом. Служить в армии было престижно, как и носить форму вне службы. Офицеры Советской армии вызывали в народе уважение. Жена офицера, получающего 350 рублей и выше, могла бы спокойно сидеть дома и не работать.

А вот врачи не слишком шикавали, средняя зарплата в больницах и поликлиниках была 135 рублей, потому им разрешалась работа на две ставки, что породило поговорку: «На одну ставку есть нечего, на две некогда». Похожая ситуация была и с учителями. Поощряли научных работников, доплачивая им за звание и степень, доцент в вузе вполне мог получать 250 рублей.

Инженеров было хоть пруд пруди. А все из-за доступности высшего образования, которое было бес-

платным. По числу граждан с высшим образованием на тысячу человек СССР вышел на первое место в мире. Но не все испытывали желание жить в родной стране до конца дней своих. Поэтому, когда в 1970-е годы была разрешена эмиграция евреев из СССР (в ответ из Америки пошел встречный поток — самолеты с зубной пастой), то лиц с высшим образованием заставили выплачивать компенсацию — пять тысяч рублей. С трудом, конечно, верится, что пять лет обучения в вузе могли стоить государству такую астрономическую сумму, равную стоимости автомобиля.

Выехать свободно из СССР было нельзя, требовалось приглашение зарубежных родственников. И потому советские евреи были готовы заплатить любые деньги, лишь бы успеть воспользоваться внезапно открывшимся окном. Хотя были случаи, когда и пять тысяч рублей за право выехать не были пределом. С Игоря Голомштока по закону о плате за образование для всех выезжающих в эмиграцию от апреля 1972 года потребовали уплатить 29 тысяч рублей. Сумма астрономическая. Но где ее взять? После продажи имевшихся в доме икон и предметов русских народных промыслов (прялки и т. д.), а также небольшой кооперативной квартиры (за две тысячи рублей), учитывая еще и помощь друзей, набралось лишь порядка десяти тысяч. Тогда ему посоветовали искать в Москве некие полуподпольные диссидентские организации «отказников» — людей в основном с техническим образованием, которым запретили эмиграцию под предлогом секретности их работы. Якобы у них есть деньги от зарубежных фондов, они помогут. Но ему не помогли, ответ был в духе советского парткома: «Перед сионистским движением у вас нет никаких заслуг!» В итоге руку помощи протянул ранее сбежавший в Западный Берлин университетский товарищ, живший уже в Лондоне. С берегов Туманного Альбиона и пришли спасительные пять тысяч долларов, а с ними и английская виза.

Ну а остальные-то, что с ними? Выпускавшиеся в самостоятельное плавание инженеры не всегда об-

наруживали способность применить свои знания на практике. В том числе и по этой причине в Москве был переизбыток научных институтов, инициативные сотрудники которых не находили приложения своим силам по той причине, что так называемые социальные лифты в советском обществе либо не работали, либо поднимали «наверх» слишком медленно. Можно было сделать карьеру по партийной и комсомольской линии, но там мест на всех уже не хватало. В итоге у интеллектуально развитой части общества рождалось и все больше разгоралось чувство неудовлетворения своих надежд на самореализацию. Недаром, как только начнется перестройка, именно эта среда послужит основным источником ее кадров — активных людей среднего возраста, жаждущих власти, известности и денег.

В обществе сложилось четкое представление о НИИ как прибежищах бездельников. Аркадий Райкин со сцены расшифровывал это так: «Нии хрена нии делаем». Чем только не занимались там люди в рабочее время. Трепались (глагол такой, означающий разговор, в том числе и по телефону), рисовали стенгазету, курили, отгадывали кроссворды, бегали по магазинам, писали сатирические рассказы и отправляли их в газеты и журналы, что позволило им впоследствии сделать отличную карьеру весельчаков-сатириков, и сегодня зарабатывающих на хлеб с маслом своими выступлениями. А в одном учреждении развели активную самодеятельность, организовали театральный кружок, где блистал инженер Семен Фердман, талант которого принес ему известность далеко за пределами родного коллектива, выдвинув его в премьеры театра «Ленком» под псевдонимом Фарада.

Родное государство нашло применение инженерным кадрам в бескрайних ангарах московских плодово-овощных баз. Люди с высшим образованием перебирали там гнилые овощи, лук и картошку. В фильме «Гараж» (1979) член-корреспондент Академии наук своеобразным образом протестует против такого использования своих сотрудников — он не только едет с

ними на эту базу, хотя ему по статусу туда и не надо, но и кладет в каждый пакет с картофелем свою визитную карточку. В итоге в НИИ звонят из некоей «солидной организации», выражая удивление.

Осуществляемая на многих московских предприятиях косыгинская реформа к началу 1970-х годов была постепенно свернута, одной из причин этого называют поначалу скрытое, а затем и активное противостояние наиболее консервативной части партийного и государственного аппарата. Якобы реформа посягнула на самое святое: социалистические основы экономики. Ряд зарубежных исследователей также находили в реформе капиталистические признаки, они усматривали их в том, что на предприятиях внедрялся хозрасчет, руководство и коллективы наделялись куда большими полномочиями и самостоятельностью. После выполнения плана заводы и фабрики сами принимали решение, куда направить оставшуюся после всех обязательных платежей прибыль — на инвестиции или выплату премий. Статистика показывает, что последний вариант оказался более привлекательным для трудящихся — средства шли в основном на повышение материального благополучия. А власть надеялась, что люди все же проявят большую сознательность и заработанные в процессе проявления хозрасчета средства уйдут на обновление основных фондов. Но народ уже почувствовал вкус жизни с достатком. Чем больше было возможностей повышения своего материального благосостояния, тем активнее трудящиеся желали их удовлетворять.

Одной из последних попыток реанимировать всенародный энтузиазм стал БАМ. В 1930-е годы строительством этой железной дороги занимался БАМЛАГ — система исправительно-трудовых лагерей. После ликвидации ГУЛАГа строить стало некому, как и в случае с целиной потребовались рабочие руки. Но торжественными собраниями в Большом театре народ уже было не соблазнить: во главу угла помимо морального удовлетворения люди ставили и материальную заинтересованность.

В 1974 году продолжение строительства Байкало-Амурской магистрали превратилось в ударную комсомольскую стройку. Из Москвы на БАМ отправились в основном те, кто не нашел приложения своим усилиям в столице, в тот год по комсомольским путевкам на БАМ выехали всего 500 человек. Мужчин, уехавших на БАМ, называли бамовцами, женщин — бамовками, их детей — бамовчатами. Новую жилу для заработка открыли для себя советские композиторы и поэты-песенники, а также артисты эстрады. Одни сочиняли песни про БАМ, другие ездили туда на гастроли. Народ на эту трескотню ответил поговоркой: «Приезжай ко мне на БАМ, я тебе на рельсах дам», а еще: «Пошли его на БАМ!» Посылали молодежь и на строительство Зейской ГЭС, Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, КамАЗа и всяких газопроводов. Но масштабы использования дешевого труда были уже не те.

Отказ от дальнейшего внедрения в плановой экономике элементов капитализма, казалось бы, должен был привести к снижению производительности труда, а затем и уровня жизни людей, если бы в 1973 году не случилось очередное обострение на Ближнем Востоке, приведшее к росту цен на нефть. Это оказалось тем золотым яичком, которое бывает так дорого к Христову дню. В страну хлынул поток нефтедолларов, обернувшийся для миллионов простых людей возможностью стать обладателями импортных товаров, одежды и бытовой техники. В 1962 году лишь 5 процентов советских семей имели холодильники (в США — 98 процентов), через 20 лет эта цифра выросла в 15 раз. Еще больше стали закупать зерна за границей. То, чем не смогла обеспечить людей отечественная экономика, массово приобретали на Западе, заполняя на короткое время полки московских и прочих магазинов. Москва стала центром продажи дефицита.

Отсутствие возможности удовлетворять спрос на товары не только первой необходимости привело к новому массовому явлению — росту сбережений. В 1979 году в Совмине СССР подсчитали, что более половины всех имеющихся у людей накоплений обра-

зовалось именно за счет неудовлетворенного спроса. К этому времени средняя зарплата выросла до 155 рублей в месяц, но и это уже не отражало ожиданий населения. Именно в эти годы родилась поговорка, которая в какой-то мере отражала суть достигнутого общественного договора между народом и властью: мы делаем вид, что работаем, они делают вид, что платят.

Среди тех, кто получал заработную плату выше средней, постепенно стал формироваться советский средний класс. Его благополучие зиждилось на трех китах: «квартира—машина—дача», обладатели которых сосредоточились в основном в Москве и крупных городах Союза. Средний класс состоял из потребителей самого разного происхождения — чиновники, деятели культуры, высокооплачиваемые специалисты и ученые, работники торговли и сферы обслуживания. Уровень жизни этих людей намного превышал условия, в которых пребывали остальные сограждане эпохи «застоя». Но и для того, чтобы попасть в средний класс, нужно было отстоять очередь, нередко длившуюся всю жизнь, очередь за всем — за колготками и туалетной бумагой, за холодильником и автомашиной, за квартирой и дачей. О том, как люди стояли в очередях за продуктами и квартирами, доставали дефицит, становясь после этого счастливыми, — рассказ в следующих главах.

ОН ИСПОРТИЛ МОСКВИЧЕЙ. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

*Коммуналка как зеркало советского образа жизни —
«На сорок восемь комнаток всего одна уборная» —
Очередь помыться — Коммунальный невроз —
«Гражданин, на выход!» — Домработницы и няни —
«Нас хорошо научили бояться» — Обменная биржа
в Банном переулке — Фиктивные браки и разводы —
Как жили в сталинских высотках — Хрущевки — Как
давали квартиры — Очередь на кооператив — Дома для
номенклатуры — «Не родись красивой, а родись
с квартирой»*

Еще Воланд в бессмертном романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» заметил, что квартирный вопрос испортил москвичей. И хотя эти слова в наибольшей степени характеризуют эпоху 1930-х годов, в рассматриваемый нами период они не потеряли своей актуальности, а даже, наоборот, приобрели глубокий смысл. У испорченных москвичей, переживших войну и лишения, родились к середине 1950-х годов дети, которые и не представляли себе иных условий жизни вне коммуналки. Так с малых лет будущий советский гражданин привыкал к нехватке того или иного. Но главным дефицитом было, конечно, жилье.

Москва на протяжении последних полутора столетий являлась огромным экономическим, промышленным и научным центром, что вызывало необходимость постоянного притока и использования больших людских ресурсов. Люди ехали в столицу со всей страны, и каждый рассчитывал найти здесь свое место под солнцем. Наибольшую силу приобрел этот процесс после 1917 года. Но как расселить в небольшом сравнитель-

но городе всех желающих? Прежде всего за счет выселения прежних владельцев жилья — представителей богатых сословий, тех, кто сам не догадался или не успел ударить за границу. Декрет ВЦИКа от 20 августа 1918 года так и назывался: «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах». Революционный закон отменял право частной собственности на городские здания и земельные участки больше определенной нормы, которая устанавливалась отныне местными советами рабочих и крестьянских депутатов (в среднем по семь—десять метров на человека).

Вопрос выселения людей из принадлежавшего им на законном (заметьте!) основании жилья превратился в краеугольный камень всей большевистской политики: «Все отнять у богатых и раздать бедным». Это была не просто смена собственника, так начиналось воспитание нового человека. Сам Ленин дал четкие инструкции по этому поводу в своей статье «Удержат ли большевики государственную власть?»: «Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих, затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и двух женщин».

Описанный Лениным состав отряда уж больно похож на Швондера и его банду. Что же они должны говорить выселяемым? Вождь по этому поводу пишет: «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей...» Вот и всё. Обратите внимание на важнейшую для нас фразу: «Пока мы... не построим хороших квартир для всех». Это «для всех» продолжалось все семь десятилетий советской власти.

Знаете, как назывался один из первых советских кинофильмов? «Уплотнение». Сюжет его на редкость оптимистичен. Семью некоего профессора «уплотняют», подселив к нему слесаря из подвала. К слесарю приходят его коллеги по работе с ближайшего завода. Несознательный профессор постепенно проникается к ним доверием и идет читать лекции в рабочий клуб. Но у слесаря еще есть дочь, на которую положил глаз младший сын профессора, они собираются пожениться и создать новую советскую семью (опять же комната нужна!). Ну а старший сын профессора ни в кого не влюбляется, он возмущен уплотнением, к тому же еще и юнкер. Его в расход.

Интересно, что автор сценария этого блокбастера — нарком просвещения Анатолий Луначарский. Он почему-то не хотел жить в коммуналке и «уплотняться». В Москве до сих пор сохранилась его роскошная квартира в виде мемориального кабинета.

Итак, проблема нехватки жилья решалась быстро. Бывших владельцев «уплотняли» — жила, например, семья в трехкомнатной квартире, а ее переселяли в одну комнату. В другие комнаты заселялись представители победившего пролетариата. И тут же кухня, туалет, ванная превращались в места общего пользования (если, конечно, в ванную тоже кого-то не заселяли — бывало и такое). По сути, квартира превращалась в общежитие, или столь популярный ныне у студентов хостел. Но если в хостеле можно жить временно (в основном на время туристических поездок) и немного потерпеть постоянное мелькание чужих людей перед глазами, то коммуналка — это навсегда.

Таким образом, резко снижалась планка социальных запросов. Вполне нормальным провозглашалось правило, согласно которому ограничивалось личное пространство человека, сужаясь до границ маленькой комнатухи или каморки. Все, что выходило за границы этого пространства, объявлялось общим, коллективным. И это вполне соответствовало коммунистической идеологии с ее отменой частной собственности, обобществлением всего и вся, даже женщин. Предпо-

лагалось, что в будущем кухни и столовые будут общими, никакого личного домашнего хозяйства не понадобится — сплошной коллективизм. Да и само понятие семьи в ее традиционном виде отомрет. Кстати, строительство в Москве конструктивистских домов-коммун стало лишним тому подтверждением.

Государство само создавало для человека условия по своему уровню менее цивилизованные, нежели прежде. И до 1917 года далеко не каждая семья имела в Москве отдельную квартиру, а после революции — и подавно. Наличие у гражданина собственной жилплощади, которой он мог бы распоряжаться — продавать, например, было провозглашено чуждым господствовавшей идеологии. Так уродство превратилось в норму, законодательно оформленную и подкрепленную декретами и постановлениями. Естественно, что для нормальных людей, привыкших к иному уровню организации жизни, коммуналки были неприемлемы. Вспомним профессора Преображенского из «Собачьего сердца», который никак не мог понять, как можно оперировать в столовой. Но таких, способных сопротивляться, было меньшинство. Голову бы сохранить, не то что квартиру.

Поначалу коммуналки устраивали в бывших доходных домах центра Москвы, строившихся предприимчивыми московскими богачами в 1900-е годы. Квартиры в таких домах нередко имели большую площадь, высокие потолки. Чем больше комнат принадлежало прежнему владельцу (нередко его «уплотненные» потомки жили тут же), тем более населенной была коммуналка. В ней могло быть минимум две комнаты, а максимум — это уже сколько душе угодно. А порой комнаты не имели даже окон — размером два на два, они назывались темными. В них раньше обреталась прислуга. В одной комнате площадью, например, 15 метров могло жить и пять, и восемь человек — сразу несколько поколений переехавших в Москву граждан. Переезжали они возводить очередной промышленный гигант, нередко прямо из деревни. Поэтому рады были и такому жилью. Запросы их были невелики, туалет до этого они видели только на улице.

Жили люди в коммуналках по-разному. Всё зависело от воспитания конкретного человека, ибо рядом с семьей простого учителя могла проживать и семья какого-нибудь функционера, которым, кстати, также не хватало отдельного жилья. Вспомним, что герои «Мастера и Маргариты» директор варьете Степан Богданович Лиходеев и литературный чиновник Михаил Александрович Берлиоз жили вместе в коммунальной квартире.

На входной двери коммуналки висели разные звонки либо список — кому сколько раз звонить (а еще на почтовом ящике клеили вырезки с названиями газет, кто какую получает). Бывало, что в туалете у каждого висела своя лампочка, выключатель которой находился в комнате. Или по-другому — лампочку приносили с собой. В туалет ходили со своим «хомутом» на унитаз — и это не шутка.

На кухне у каждой семьи имелся свой стол, где хранились кастрюли и столовые приборы с тарелками. Когда появились холодильники, они также потребовали места в квартире. Холодильник мог стоять и в комнате (своим жужжанием доводя ее жильцов до поминения), и на кухне. Но в этом случае, если соседи не доверяли друг другу, на холодильник вешался амбарный замок.

Одна кухня, один туалет, и всё это на «сорок восемь комнаток», как писал Владимир Высоцкий. А еще скученность, неудобства, теснота, скандалы между жильцами с целью выяснения вопроса: «Кто взял мою сковородку» — все это не способствовало полноценной личной жизни, превратившейся в жизнь «нараспашку». Все всё знают друг про друга, никаких секретов, никакого стеснения. Специфика коммунального быта, разнообразный и неоднородный социальный состав проживающих бок о бок людей (иногда против их воли) формировали и соответствующий стиль повседневной жизни. Недостаток личного пространства, невозможность свободного пользования ванной или туалетом, зависимость от посторонних людей вызывали в людях зависть, ненависть, раздражение.

Коммунальное существование породило даже особый вид нервной болезни — коммунальный невроз. Так и портили нервы люди — в очереди к плите, в туалет, в ванную, наживая себе инфаркты. Михаил Зощенко об этом ярко и сочно написал в своих рассказах, выразив суть бытового существования времен социализма. Ну и как не вспомнить «Золотого тельца» Ильфа и Петрова с их Вороньей слободкой.

Среди жильцов коммуналки выбирали наиболее сознательного (лучше партийного) и назначали его ответственным квартиросъемщиком, то есть смотрящим, если пользоваться терминологией той лагерной эпохи. Уборка в туалете, на кухне, в коридоре проводилась по графику самими жильцами. Возникавшие между соседями конфликты должны были разрешаться в соответствии с утверждавшимися местной властью «Правилами внутреннего распорядка», а еще расписаниями выноса мусора и мытья полов.

Оплата электроэнергии была организована весьма причудливо. Если счетчик имелся один на всю квартиру, то сумму делили поровну на всех прописанных. Могли начислять дополнительную плату за бытовую технику — телевизор, холодильник, даже утюг. Это не могло не породить непонимания между жильцами. Поэтому везло жителям тех коммуналок, которые имели электросчетчики на каждую комнату. Но и в этом случае они не освобождались от обязанности оплачивать расход электричества, например, в кухне. Но и здесь находили выход — в той же кухне у каждого была своя лампочка, подключенная к своему комнатному счетчику. С газом было проще — плита у каждого была своя, в противном случае можно было разделить конфорки одной газовой плиты на число жильцов — каждый жарил картошку на своей.

А кое-где, чтобы умыться, приходилось брать с собой еще и водопроводный кран. «У нас были прекрасные соседи. Условия ужасные: один кран с холодной водой, под которым мылись и стирали, и печное отопление. Перекрытия и стены были такие, что мы на втором этаже слышали, как на первом справляли нуж-

ду, и знали, что там готовили. Наша коммуналка была многоконфессиональной, поэтому мы все вместе отмечали и революционные, и религиозные праздники. Даже в баню ходили вместе. Но мне довелось жить и в такой коммуналке, где сосед-алкаш все время тырил смесители в ванной, поэтому у каждой семьи был свой личный смеситель», — делится подробностями бывший министр культуры РФ Михаил Швыдкой.

По заветам Ленина, висящий в коридоре телефон также использовался всеми семьями одновременно, железный и продолговатый, он был исключительно траурно-черного цвета. Имелась у него и трубка с тянущимся кудрявым проводом (отсюда и двусмысленность фразы: «Марья Ивановна, скорее, там ваш муж на телефоне висит!»), а еще гладкий на ощупь хромированный диск, издававший при вращении в обратную сторону на редкость приятный звук. На дисках телефонов 1950-х годов были не только цифры, но и буквы, что означало разнообразие телефонных номеров, например, в зоопарк можно было позвонить по номеру Д2-35-80.

Телефон звонил, когда захочется, своей резкой трелью поднимая с постели все население квартиры и днем (дети спят), и ночью. И тут, конечно, не обходилось без скандалов. Как только кто-то начинал говорить по телефону, сразу же потребность позвонить возникала у другого соседа. Следовало препирательство. А о том, что кого-то просят к телефону, было понятно уже по громкому возгласу: «Лев Евгеньевич, вас к телефону, очень приятный женский голос!» Со всем как в фильме «Покровские ворота», благосклонно увековечившем коммунальную жизнь на киноэкране. И подслушивающая соседка, и болтающийся рядом с телефоном карандаш на веревке — тоже знак времени. В самом деле, как удобно — во время разговора записывать нужную информацию (в основном другие номера телефона) на обои. Лучше записной книжки и не придумаешь!

В «Покровских воротах» жизнь в коммуналке показана еще хорошо, с грустью по ушедшей молодости.

Вся жизнь там сосредоточена не в комнатах соседей, а в местах общего пользования — коридоре и кухне. Здесь сталкиваются интересы совершенно разных и по культуре и по образованию людей, среди них — подающий артист эстрады Аркадий Велюров, «художник по металлу» Савва Игнатьевич, его новая супруга переводчица Маргарита Павловна и ее бывший муж-диссидент Хоботов. А еще дореволюционная тетушка с племянником Костилом. Квартира то и дело напоминает проходной двор — все время кто-то приходит и уходит. Велюров репетирует свои куплеты, в это время его сосед работает на точильном станке. Вот такое славное общежитие. И все друг про друга всё знают и всё слышат. Личная жизнь у каждого на виду.

Когда сгинули все эти ответственные квартиросъемщики вместе с учредившей их властью, трудные времена наступили и для коммуналок. Они и так уже нуждались в капитальном ремонте, а рыночные отношения и вовсе бросили их на произвол судьбы. Вот почему такой жуткий осадок остается сегодня после посещения иных коммуналок, выставленных на продажу. Кажется, что ремонта они не видели с 1917 года.

Прима Большого театра Ирина Архипова немало лет прожила в коммуналке в Романовом переулке в бывшем доходном доме. Изысканная начинка домов поражала роскошью и солидностью: в подъездах большие зеркала, широкие лестницы с коврами, лифты, по своему дизайну похожие больше на купе в вагонах международного класса, черные лестницы для прислуги. Под стать подъездам были и огромные квартиры с высокими потолками и большими окнами. Все это было поделено между новыми жильцами и превращено в коммунальные квартиры; самой Архиповой пришлось уже во взрослом возрасте существовать в каморке для прислуги, соседствовавшей с кухней и не превышавшей по площади пяти квадратных метров, свет в комнату проникал через застекленное окошко из кухни.

«Своеобразным центром нашей квартиры, — вспоминала певица, — была кухня — не место извечных,

классических “коммунальных” раздоров и склок, а самый настоящий центр общения, своего рода клуб интересных встреч, “народный университет” на дому. Здесь большей частью и велись самые разнообразные разговоры, исподволь шел обмен и взаимообогащение жизненным опытом, знаниями, происходило то, что сейчас называют духовной и душевной подпиткой друг друга... Тяга соседей к общению друг с другом, к доверительным разговорам именно на кухне происходила подсознательно — в этом было что-то похожее на то, как в очень отдаленные, патриархальные времена к очагу собирался весь род... В этих “посиделках” (или “постоялках”) на нашей кухне было нечто объединяющее: люди тянулись друг к другу, и это было их естественной потребностью».

Как-то к соседям Архиповой приехал родственник из Америки. Его поразил коммунальный быт: «Как же можно так жить? Вы же все нищие!» Соседи тоже подивились, но не своей жизни, а его вопросу: «А что в этом такого? У нас есть все необходимое — жилье, еда, мы одеты, работаем, живем дружно. Зато мы богаты духовно...»

Интересно, что, переехав в элитный дом Большого театра в Брюсовом переулке, Архипова принялась горевать по коммуналке, мол, как там было хорошо, все друг другу помогали. Действительно, в коммуналке не только скандалили и дрались, но и старались протянуть руку помощи. Ну зачем, например, нанимать няню, если за стеной живет одинокая старушка, когда-то занимавшая всю квартиру целиком. А сейчас эта бабуля — божий одуванчик с удовольствием посидит с соседским карапузом, а в другой комнате дядя Петя живет, у него единственный на всю коммуналку телевизор «КВН» — он даст посмотреть трансляцию из Большого театра балета «Лебединое озеро» и т. д. Всё зависело от людей.

Ох уж эта ностальгия. В Советском Союзе многое было повернуто вверх ногами. Но годы, которые «как птицы летят», делают свое упорное дело. Мы нередко забываем трудности и помним лишь радости, а все

потому, что детство, юность, молодость — самая лучшая пора жизни. Ибо тогда мы еще чего-то ждали от жизни. Вот и поэт Евгений Евтушенко даже сочинил мелодраматичный «Плач по коммунальной квартире»: «В нашешенской квартире коммунальной кухонька была исповедальней». Есть там еще одна строка: «Нас не унижала коммунальность». Куда же еще ниже унижать, разве что переселить в барак? А кухня в коммуналке глазами поэта приобрела иной, потаенный смысл. На ней уже не только готовили, чтобы затем унести кастрюлю с борщом к себе в комнату (столовых комнат не было), но и откровенничали друг с другом. А иногда и наблюдали, следили — кто что готовит и ест. Вдруг сосед стал лучше питаться — с чего бы это? Откуда, как говорится, дровишки?

И потому некоторые граждане готовили прямо у себя в комнате. Герой кинофильма «Ночной патруль» (1955) директор трикотажного магазина Ползиков в исполнении Сергея Филиппова рассказывает своим собутыльникам, насколько тяжела его жизнь в коммуналке. Дело в том, что Ползиков — расхититель социалистической собственности, совершающий махинации с драпом и велюром. Жалуясь на свою тяжелую жизнь, он признается, что вынужден готовить для себя два ужина. Один — простой, обычный, чтобы соседи по коммуналке ничего не заподозрили. А второй, роскошный, — прямо у себя в комнате на примусе. И непонятно, что больше всего мучает расхитителя — совесть или невозможность на глазах вездесущих соседей вольготно есть и пить. В итоге он идет с повинной в органы и сдает всех своих поделщиков. Получается, что уже сама обстановка коммуналки вынудила его во всем признаться. Значит, не так уж она и плоха — этот вывод и навеивает старое советское кино.

Но порой даже запах из кухни мог довести соседей до умопомрачения. «Дверь кладовки, в которой мы разместились с [женой] Ниночкой, выходила прямо в кухню, и нас, живущих впроголодь, с утра до вечера душили ароматы варимых жильцами супов и жарящихся котлет, которыми словно были пропитаны стены на-

шей кладовки. Большинство обитателей коммуналки были люди преклонного возраста. Мы погрузились в атмосферу угрюмой недоброжелательности, столь характерную для коммунальных квартир. На всю жизнь я убедился в том, что коммунальные квартиры — одно из средств разложения общества на ненавидящих друг друга людей», — вспоминает художник Илья Глазунов.

Соседская еда интересовала жителя коммуналки не в первую очередь. А в первую — что говорят за стеной, за дверью или на той же кухне. Или, пардон, какую газету берет с собой в уборную сосед — уж не «Правду» ли с портретом Самого? Иные негодяи еще и в начале 1950-х годов, настроив на соседа донос, переезжали затем в его комнату. А бывший жилец отправлялся напрямик в места не столь отдаленные. Ему комната могла понадобиться лишь лет через десять, в лучшем случае.

Коммуналки были везде — и в центрах, и на окраине. Возьмем, к примеру, не простой, а престижный дом писателей в Лаврушинском переулке, напротив Третьяковской галереи. Немало известных писателей, поэтов получили в нем прописку — тот же Борис Пастернак или Агния Барто. Несмотря на обилие звучных имен, фасад дома украшает лишь одна мемориальная доска, напоминающая нам о театральном критике — Юзефе Ильиче Юзовском, что проживал в этом доме в квартире № 32 с 1947 по 1964 год. Он делил жилплощадь с очень опасным соседом — начальником отдела конфискации Замоскворецкого управления Министерства госбезопасности СССР, вселившимся в квартиру после ареста сестры поэта Иосифа Уткина (сам поэт погиб на войне, а его сестру арестовали, дабы освободить ее комнату).

Повседневные отношения соседей приобрели оригинальный характер. «Госбезопасный» сосед создал в квартире обстановку, нетерпимую к врагам народа и безродным космополитам, к которым причислили Юзовского. Не стесняясь, он пьяным разгуливал по квартире в вылинявшей майке и черных сатиновых трусах, отпуская в адрес всеми покинутого критика ка-

зарменные шуточки. Таким он и предстал перед пришедшим к Юзовскому студентом Борисом Поюровским:

«От него сильно несло перегаром. Помутневшие глаза на красном припухшем лице глядели поверх моей головы в какие-то неведомые дали...

— Вам, собственно, кого? — с икотой спросил он.

— Мне нужен Юзеф Ильич Юзовский.

— Гражданин! — привычным начальственным тоном выкрикнул мой новый знакомец. — К вам пришли! На выход!»

Юзовский словно тень вышел из своей комнаты, и когда Поюровский поздоровался и попросил «дать аудиенцию», то сосед, с нескрываемым интересом прислушиваясь к разговору, потребовал: «Прошу не выражаться!» Такое впечатление произвело на него это новое слово. Страх перед соседом был так велик, что Юзовский во время разговора с неожиданным гостем так и не закрыл дверь, чтобы не быть обвиненным еще в чем либо, кроме «аудиенции».

Кстати, боялся Юзовский вполне обоснованно. В феврале 1953 года в адрес Сталина пришло письмо, подписанное крупнейшими советскими писателями, просившими «дорогого Иосифа Виссарионовича» «воздействовать» на Мосгорисполком в деле «переселения из домов Союза советских писателей не имеющих к ССП никакого отношения» лиц. Письмо подписали Алексей Сурков, Константин Симонов, Александр Твардовский, Леонид Леонов и др. Почувяв, что много квартир в этом доме вот-вот освободится, вследствие развернутой борьбы с космополитами (Сталин якобы хотел переселить их на Дальний Восток), писатели подсуетились, чтобы решить самый насущный вопрос советской повседневной жизни — жилищный.

Вспоминается одна из киноролей Аркадия Райкина, где он играет почти самого себя. Дело происходит в 1960-х годах. Его герой встречает на улице свою старую учительницу, как сказали бы нынче, в состоянии депрессии. Выясняется, что ей не дают жизни соседи из коммуналки по фамилии Мордатенковы — наглая

и хамоватая семейная пара. Они буквально сжидают учительницу со света. Стол с кухни убрали, коридор весь завешан сохнувшим бельем и т. д. Райкин переодевается рецидивистом-алкоголиком и приходит в гости к учительнице якобы насчет обмена ее комнаты. То, что творится дальше, — пересказывать бесполезно, лучше посмотреть. Киноновелла эта называется «Волшебная сила искусства». В ней как в зеркале отражена коммунальная соцдействительность. В итоге Мордатенковы отыгрывают назад: лишь бы учительница не съехала, ибо вместо нее заедет целая семья алкашей и хулиганов, которая «даст им жизни». А вывод такой: встречались среди соседей и хамы, и нахалы, но бывало и похуже. И все эти люди вынужденно жили под одной крышей, ходили по одному коридору, и ничего поделатъ было с этим нельзя, поскольку такая жизнь была возведена в норму.

Похожие впечатления о повседневной жизни в коммуналке остались у певицы Галины Вишневской, со своим первым мужем поселившейся в бывшем доходном доме на углу Столешникова переулка и Петровки: «Всю свою жизнь я прожила в коммунальных квартирах, но такого ужаса, как наше новое жилище, не видела. Когда-то, до революции, это была удобная семикомнатная квартира, рассчитанная на одну семью. Теперь ее превратили в набитый людьми клоповник. В каждой комнате жило по семье, а то и две семьи — родители с детьми и старший сын с женой и детьми. Всего в квартире человек 35 — естественно, все пользовались одной уборной и одной ванной, где никто никогда не мылся, а только белье стирали и потом сушили его на кухне. Все стены ванной завешаны корытами и тазами — мыться ходили в баню. По утрам нужно выстоять очередь в уборную, потом очередь умыться и почистить зубы... В кухне — четыре газовые плиты, семь кухонных столов, в углу — полати (там жила какая-то старуха), а под полатями — каморка, и в ней тоже живут двое.

Когда-то квартира имела два выхода — парадный и черный, через кухню. Так вот, черный ход закрыли,

сломали лестницу, сделали потолок и пол, и получилась узкая, как пенал, десятиметровая комната с огромным, во всю стену, окном во двор и цементным полом. Вот в этой “комнате” на лестничной площадке мы и поселились с Марком. Входить к нам нужно было через кухню, где с шести часов утра и до двенадцати ночи гремели кастрюлями у газовых плит десятков хозяек, и весь чад шел в нашу комнату. Но я не воспринимала свое положение трагически. Намотавшись всю зиму по чужим углам, я даже чувствовала себя счастливой: разрешили московскую прописку, есть крыша над головой, до театра — три минуты ходьбы. Мы втиснули в нашу комнату диван, шкаф, стол, четыре стула и взятое напрокат пианино».

В этом клоповнике Вишневская и работала над своей коронной партией Татьяны в «Евгении Онегине», прожив там четыре года, уже будучи ведущей солисткой Большого театра.

Как видим, счастье — понятие субъективное. И даже среди тридцати пяти соседей можно было, оказывается, чувствовать себя на седьмом небе от счастья. Хоть прописку дали, и на том спасибо! А многие пожилые люди, прожившие в коммуналках, комментируя нынешний спад рождаемости, и сегодня ностальгируют по тому счастью, говоря своим детям: «Мы вот всемером в одной комнате жили, и ничего, и вас родили и вырастили». Да, человек ко всему привыкает.

Повсеместность коммуналок, их традиционность характеризует и такой случай. Как-то в 1972 году виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович репетировал с оркестром Пятую симфонию Сергея Прокофьева. Музыканты никак не могли понять, чего он от них хочет. В финале симфонии композитор изобразил суету у струнных инструментов, которые все время перебивают друг друга. Они создают особый шумовой эффект, на фоне которого идет мелодия у медных духовых инструментов. И вдруг в одном месте наступает пауза, когда все струнные инструменты как бы успокаиваются и в унисон очень сильно играют гамму. Ростропович хотел, чтобы гамма прозвучала необычно-

венно ярко. Как ни старался Ростропович, но добиться нужного эффекта не мог. Тогда он решил прибегнуть к самому эффективному способу убеждения, сравнив игру оркестра с тем, что каждому так близко и знакомо: «Представьте себе, что находитесь на своей коммунальной кухне, на которой стоит восемь столов, восемь примусов, каждый скребет на своем столе, никто не слушает друг друга, стоит страшный шум. И вдруг кто-то снизу кричит: “Лососину дают!” Тут все соседи всё бросают и кидаются вниз, в магазин».

Музыканты весело восприняли остроумную аллегорию маэстро. Еще бы: каждый из них после репетиции возвращался в такую вот коммуналку. И вот когда вновь начался прогон симфонии, Ростропович в нужный момент крикнул: «Лососина!» И оркестр сыграл как надо. Не знаем, прибегнул ли Мстислав Леопольдович к этому способу на самом концерте, но отзывы слушателей о нем были самые превосходные.

В коммуналках кухня порой превращалась в кабинет для работы, так творил писатель Борис Можаев. «Мы сидели на коммунальной кухне, среди веревок с пеленками, колясками. Куча до потолка газет, банок, склянок, ведер с мусором, книг... кухонных всяких нужностей. Это же помещение служит ему, когда он бывает дома, и кабинетом. Когда мы вошли, на одном из столиков среди посуды стояла машинка, лежала чистая бумага на газетах и стило писателя», — писал один из его гостей.

Повезло Майе Плисецкой — ее коммуналка находилась в доме рядом с Большим театром, что позволяло жильцам не создавать очередь в туалет, а бегать с этой целью в театр, где все они работали, благо что вахтер знал их в лицо: «Мне дали десятиметровую комнату в коммунальной квартире, в доме Большого театра в Щепкинском проезде, 8... Комната моя ютилась в большой, нескончаемой общей квартире. В длинный, несуразный коридор выходило семь дверей. Но комнат было девять. Жили в квартире 22 человека. На всех был один туалет, запиравшийся на кривой крючок, сделанный из простого гвоздя. И одна кухня, где при-

тулились друг к другу разновысокие горбатые столы из шершавых досок — каждая семья владела одним столом. Газовых конфорок было четыре, и приходилось покорно ждать своей очереди, чтобы сварить суп или вскипятить чайник. Ванная была тоже одна. Пользовались ею по строгому расписанию».

Непонятно уныние балерины — у нее вот даже ванная была с горячей водой, случай несчастный. Но самое удивительное, что в каждой комнате, кроме населявших ее трех-четырех жильцов, была еще и своя домработница, что значительно увеличивало общее количество проживающих. А одна из них эстонка Альма безбожно плохо говорила по-русски, присматривая за детьми: «Без маминый вопрос ванна зашикать нельзя, а то одна мужчина купалась, купалась и утонула». Кастрюля у нее была «якопчена», что означало закопченная. Плисецкая думала, что кастрюля принадлежит хореографу Леониду Якобсону, заходившему частенько в эту квартиру.

Обстановка была вполне мирной. Живой и неутомный соседский мальчонка сутки напролет колесил по коридору на самодельном велосипеде, все время наезжая на замешкавшихся жильцов, не соблюдавших правила дорожного движения. Его вряд ли могли остановить нервные и истошные вопли соседей («Дайте же, наконец, поспать!»), ничего не понимавших в педагогике.

Наличие домработницы, порой проживавшей всю свою сознательную жизнь с хозяевами, пусть и в коммуналке, также характеризовало эпоху жилищного дефицита. На Западе наличие домработницы считалось в эти годы признаком обеспеченности, в Москве же вплоть до 1960-х годов это не было чем-то из ряда вон выходящим. Немецкая приятельница сценаристки Майи Туровской (среди ее работ фильм «Обыкновенный фашизм»), узнав о том, что ее домработница приходит в девять и уходит, когда хочет («мой сов-Савельич, мой соц-Фирс, моя палочка-выручалочка, моя обуза»), сказала ей: «Ну, знаешь, так живут только миллионеры».

Как мы убедились, одним из немногих преимуществ коммуналок (если таковые вообще были) служило их удобное местоположение. Находясь в старых домах, они расположены были почти в центре Москвы. Руклой было подать до Большого театра, консерватории, Третьяковки. И если бытовая сторона жизни оставляла желать лучшего, то культурно-просветительская составляющая советского образа жизни была на высоте. Например, жители коммуналок на Волхонке имели возможность с утра до вечера любоваться шедеврами французских импрессионистов. В одной из таких коммуналок жил маленький мальчик Андрюша Макаревич. Окна его дома, принадлежавшего когда-то князьям Волконским, выходили напрямиком на Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Было это всего лишь лет шестьдесят назад:

«Наш дом на Волхонке был совершенно замечательный, пережил пожар 1812 года... Парадный подъезд, как водится, был заколочен наглухо и густо замазан масляной краской — в десять слоев. Жильцы пользовались черными ходами, которыми раньше ходила обслуга... А по Волхонке ходил трамвай, и магазин “Продукты” назывался не “Продукты”, а “Бабий магазин”, а овощная лавка во дворе за ним — “Дядя Ваня”, по имени продавца... А прямо напротив наших окон... располагалась парикмахерская. Парикмахера звали Абрамсон. Двери всегда были открыты настежь, и седой Абрамсон выносил на улицу стул и сидел на нем, покуривая. Он не был перегружен работой.

Парадное наше находилось напротив Музея изобразительных искусств и имело три каменные ступеньки сразу за уличной дверью. Внутри пол был покрыт асфальтом (вот странно!), прямо по курсу — дверь в квартиру на второй этаж... Черный круглый звоночек с белой эмалированной кнопочкой. К нам — два звонка. Открыв дверь, вы попадали в длинный и причудливо изогнутый коридор. Стены его были покрыты желтым мелом... На стенах коридора висели велосипеды, банные шайки и жестяная детская ванна — моя. Еще по левую руку стоял гигантских размеров черный ко-

мод, а по правой стене шли двери... За соседней дверкой находился серый и пятнистый, как жаба, унитаз и рваная на кусочки газета в клеенчатом карманчике. Запиралось это дело изнутри на неверный крючок, и в остававшуюся щель можно было свободно увидеть, кто же там так долго сидит. Висело тут же два расписания. Одно из них делило утренние часы пользования ванной между жильцами, а второе указывало, какая семья когда моет полы в коридоре и на кухне.

Кухня начиналась сразу, если повернуть налево от двери в ванную. Была она большая, низкая и имела два окна во дворик. Еще там был чулан и сени в черный ход. В сенях лежали дрова — дом наш отапливался печами, и во дворе стояли сараи для дров, у каждого своя секция с отдельной дверью, и привозили дрова на подводе, в которую была впряжена настоящая лошадь. Стояли на кухне четыре газовые плиты — у каждой семьи своя... А на плитах что-то варилось, пеклось, булькало, соседи делились впечатлениями от похода в “Бабий магазин”, одалживали друг у друга муку и спички. Жили дружно.

В двух комнатах жили: я, мои мама и папа, мама-на сестра Галя и моя бабушка Маня. Жила еще, как правило, моя няня. Няня приглашалась не для роскоши — просто мама работала и училась, папа работал, тетя Галя училась, баба Маня работала, и оставлять меня днем было не с кем. Няни приезжали из деревни и время от времени сменяли друг друга. Сначала была тетя Маша Петухова, потом Катя Корнеева из деревни Шавторка Рязанской области, потом ее сестра Нина. Как я сейчас понимаю, это был один из немногих способов молодой деревенской девушке попасть в город. Просто так паспорта в деревнях на руки не выдавали, для этого нужно было основание — временная прописка. А тут уже няня выходила замуж за какого-нибудь солдата, и ее сменяла следующая».

Сообщенные автором этих наблюдений удивительные подробности советского коммунального быта, в коем полное отсутствие какого-либо комфорта не влияло на иногда дружелюбную атмосферу социалистического общежития, свидетельствуют о том, что все

москвичи, в общем, жили одинаково, небогато. Родило их и ощущение общего будущего, в независимости от сроков наступления коммунизма. А потому отсутствие близкой перспективы улучшения жилищных условий и вынуждало людей идти на компромиссы. Ну в самом деле — чего делить-то, разве что кухонную плиту? Вот почему воспоминания о дружной жизни в коммуналке не кажутся нам преувеличением. Кстати, отец музыканта, архитектор Вадим Макаревич — один из авторов памятника Карлу Марксу на Театральной площади, который Фаина Раневская назвала «холодильником с бородой». В 1960-е годы коммуналки на Волхонке расселили, и сейчас в этом доме Музей личных коллекций.

И все же иностранцы так и не поняли сути коммуналки. Приехавшая в 1979 году в Москву учить русский язык студентка Наоми Маркус из США удивлялась, что друзья просили ее никогда не разговаривать с соседями. «Нас хорошо научили бояться», — объяснил ей один из знакомых москвичей. Но акцент выдавал ее, ничего не поделаешь. Иногда ее пытались выдать за армянку, благо что у нее были черные волосы и смуглая кожа. Но были такие бытовые мелочи, что выдавали ее с потрохами: она по американской привычке не снимала обувь у порога, брала чужой чайник, забывала свое импортное мыло в ванной. Ей казалось ужасным, что взрослые люди живут со своими родителями в одной комнате, тут же рожают и растят детей. Но вот парадокс — американка вспоминает коммуналку не без светлой грусти: именно там она встречалась со своим молодым человеком, а всё благодаря чуткости ее русских друзей, с готовностью предоставлявших свое жилье для романтических рандеву (это было распространённым явлением, именовавшимся «у меня хата сегодня свободна»). У нее было много свиданий в жизни, но это — в одной из комнат огромной квартиры, населенной бог знает кем, запомнилось на всю жизнь: экзотика!

Это может показаться курьезом, но тем не менее: иностранцы не склонны жить в коммуналках, а вот

платить за возможность на них посмотреть готовы. Концептуалист Илья Кабаков сделал себе имя на коммунальной теме, став одним из самых дорогих русских художников. Кабаков не раз признавался, что «единственным способом избежать разрушения собственной личности в бытовых конфликтах с коммунальными соседями был уход в собственный мир, где скотские условия существования можно было высмеять при помощи остроумных сопоставлений, тем более что помочь убежать из коммуналки могла только катапульта... Контраст между этими оазисами — Пушкинским музеем, Третьяковкой, консерваторией, несколькими библиотеками — и той повседневной одичалостью, которую представляла собой советская жизнь, давал благотворную почву для художественной работы». По всему миру разошлись его инсталляции, посвященные коммунальному быту — «Человек, который улетел в космос из своей комнаты», «Туалет» и т. д., стоят они очень дорого.

Бывало, что разъехавшиеся из коммуналок соседи еще долго потом с теплотой вспоминали друг друга, встречались, отмечали вместе праздники, пеняя на то, что теперь в отдельных квартирах жизнь уже не та, всё вроде есть, а чего-то не хватает: душевности, доверия, взаимопомощи. Уже в 1970-х годах началась мифологизация коммуналок, отражением чего стал успех пьесы Леонида Зорина «Покровские ворота». Она обрела популярность на московской сцене в 1970-е годы, когда ее автор давно вышел из возраста студента, а потому так бережно он относится к своим воспоминаниям о коммунальном быте. Но вот другая знаковая пьеса как раз той коммунальной эпохи, в частности, «В добрый час!» (1955) Виктора Розова. В ней место действия — также квартира, но не коммунальная, вот что важно. То есть выносить на сцену картины советского общежития было нежелательно уже в 1950-е годы. Наконец-то уродливость этого явления — коммуналка — стала понятна и власти, жившей совсем в иных условиях, чем простой народ.

Верные ленинцы, переехавшие вместе со своим вождем в Москву в 1918 году, не хотели жить комму-

ной и делить друг с другом туалет и кухню. Поначалу они поселились в номерах отеля «Националь»: Ильич с супругой, естественно, в «люксе» с ватерклозетом и телефоном (а как же иначе — он ведь вождь). Затем им потребовались отдельные благоустроенные квартиры. Возьмем, к примеру, огромный дом 3 по улице Грановского. Он был целиком занят номенклатурными семьями. Число комнат в его квартирах доходило до семи — это сколько же семей можно было туда поселить! Но дому нашли иное предназначение — для жизни членов политбюро и наркомов. Его называли «Пятый дом Советов» (то есть были и четвертый, и третий дома). В чем-то стиль жизни номенклатуры был подобен жизни народа. Они если и не являлись соседями по квартире, то уж по подъезду точно. И тоже могли наблюдать друг за другом — кто с кем дружит.

Рядом с «Пятым домом Советов» встык стоял другой дом, где и жила в коммуналке семья Ирины Архиповой. Дома соединялись одной лестницей, на которую выходили двери и коммунальной квартиры, и номенклатурной. Но эти двери были забиты гвоздями — чтобы не дай бог не встретились простые люди с непростыми. Зачем? А вдруг что-нибудь скажут, или сделают, или кинут чем ни попадя. А еще хуже, если бы дети из разных семей подружились, им-то не объяснишь, почему одна семья живет в десятиметровой комнате, а другая — шикает на 150 метрах. Так, уже сразу после революции, отменившей сословные ограничения, возникли условности иного рода — привилегии.

Недаром Ильич экспроприацию чужих квартир считал одной из основ, на которой удержится советская власть. На некоторое время это помогло. Но затем превратилось в мину замедленного действия. Недовольными оказались и те и другие. Первые — те, у кого отобрали огромный пирог, то бишь квартиру; вторые — те, кому по кусочкам раздали отобранное. Условия жизни ухудшались у всех. Жители коммуналок изначально помещались в обстоятельства такого существования, хуже которого, казалось, уже больше

некуда. А поскольку советская власть основные свои усилия направляла на тяжелую и военную промышленность, заниматься масштабным жилищным строительством было некогда. Оно было, но играло роль вспомогательного материала — ведь где-то рабочим надо было перебиться на время ночного отдыха — в бараче ли, в общежитии, в коммуналке.

Шанс если уж не решить жилищную проблему, то по крайней мере заняться этим был после окончания Великой Отечественной войны. Но опять вмешалась политика, да и потери были слишком велики — достаточно сказать, что число московских строителей уменьшилось в четыре раза. А поскольку ручной труд был основным на столичных строительных площадках, то в сочетании со слабой механизацией производства он давал слишком низкие результаты. Например, лишь к 1949 году удалось выйти на довоенный уровень строительства, а план первой послевоенной пятилетки по строительству жилья выполнили всего на 48 процентов. Дома строили штучно и по всей столице, что распыхало средства, не позволяя их сосредоточить на массовом жилищном строительстве. В то время как на успешно загнивающем Западе перешли уже на поточно-скоростные методы работы, в СССР по-прежнему строили по индивидуальным проектам. В частности, в 1948 году из построенных в Москве 538 малоэтажных жилых домов 427 было возведено по индивидуальным проектам и лишь 111 по типовым. К дефициту жилья приводило и то, что основным строительным материалом по-прежнему оставался кирпич, производство которого сократилось в пять раз, опять же по причине военных потерь.

Дома в Москве, конечно, строились — их и по сей день кличут сталинскими, но парадокс в том, что они опять же состояли из коммуналок. Высокие потолки, большие коридоры, обширные кухни — но коммуналка. Создавая новые коммуналки, власть признавала неспособность когда-либо повысить уровень жилищных условий конкретного гражданина. Правда, идеологическая подстилка под дверью коммуналки давно

уже стерлась — к середине 1950-х годов никто уже не говорил, что обобществление должно коснуться всего, даже семейной жизни. Коммуналки настолько выросли в быт сталинского времени, став его неотъемлемой частью и превратившись в примитивное решение жилищного вопроса, что и новые дома до конца 1960-х годов в Москве будут строить опять же с расчетом на то, что в одной квартире поселятся несколько семей. Слава богу, число комнат в таких квартирах ограничивалось максимум тремя.

Обострение жилищной проблемы было вызвано и тем, что начиная с окончания войны число москвичей продолжало стремительно увеличиваться. Несмотря на фактическое «крепостное право» для колхозников, не имевших паспортов и, следовательно, возможности переселения куда-либо из своих оголодавших вконец деревень и сел, людям все же удавалось вырваться за эту своеобразную черту оседлости. Ехали они в крупные города СССР, и прежде всего в Москву, объективно полагая устроить здесь свою жизнь. Об этом свидетельствует статистика. Если в 1939 году число москвичей составляло 4 миллиона 542 тысячи человек, то за пять послевоенных лет общий прирост населения столицы составил 572 тысячи человек, а уже к концу 1965 года население Москвы увеличилось до шести с половиной миллионов.

Те же самые няни, что возились с Макаревичами и другими детьми московской интеллигенции, не уезжали обратно к себе в Рязань или Саратов. Они после быстрого замужества вскорости сами рожали. Шли работать на ткацкую или кондитерскую фабрику, получали комнату в общежитии, а если повезет, то и в коммуналке. А если жених — инвалид войны, например, уже имеющий комнату, — вообще красота!

Ну а как в 1950-е годы жила другая, гораздо менее многочисленная часть москвичей, принадлежавшая к элите общества, точнее, назначенная ею? Бывших доходных домов на улице Грановского для них уже не стало хватать. И потому Сталин задумал наводнить столицу высотными домами, в которых должны были

поселиться ученые, политики, военные и деятели культуры. О том, как у стареющего вождя зародился этот замысел, свидетельствовал Хрущев: «Помню, как у Сталина возникла идея построить высотные здания. Мы закончили войну победой, получили признание победителей, к нам, — говорил он, — станут ездить иностранцы, ходить по Москве, а у нас нет высотных зданий. И они будут сравнивать Москву с капиталистическими столицами. Мы потеряем моральный ущерб».

В сентябре 1947 года, когда отмечалось восьмисотлетие Москвы, было заложено восемь высотных зданий. Это был лишь первый этап высотного строительства, за первыми небоскребами должны были последовать следующие. И было бы их сейчас не семь (высотку в Зарядье не успели построить), а двадцать семь. Все было рассчитано на то, чтобы произвести внешнее впечатление, что мы, мол, и без плана Маршалла страну восстановим — вон какие башни строим!

Квартиры в таких домах отличались тем, что их жилая площадь составляла порой до половины общей площади. В частности, в трехкомнатных квартирах с жилой площадью 54,8 квадратных метра подсобная площадь достигала 41 квадратного метра. Много места уходило на холлы, коридоры, кладовки, темные комнаты, библиотеки и т. д.

Кухни в квартирах были оборудованы по последнему слову тогдашней техники: «На кухне властвует только один цвет — белый: белый кухонный стол, белые табуретки, белые дверцы встроенного шкафа. Белоснежная эмалированная мойка для посуды, белые холодильные шкафы: один зимний, охлаждающийся воздухом, поступающим сюда с улицы; второй — летний, электрический. Тут же в кухне сушильные шкафы». А вот и ванная: «...никелированный калорифер для сушки полотенец и простыней, ящик для хранения белья, зеркало над раковиной умывальника и зеркальный шкаф для хранения зубных щеток, пасты, парфюмерии и бритвенных принадлежностей», — хвасталась газета «Правда» в 1952 году.

В соответствии с проектом в высотных домах было предусмотрено внедрение самых передовых «достижений цивилизации»: телефонная связь квартир с вестибюлем; газовая или электрическая плита, автоматическая электромойка, холодильник, раковина в комбинации с доской для сушки посуды, максимально возможное количество встроенных шкафов; мусоропровод, автоматическое регулирование температуры в пределах каждой квартиры; центральная пылесосная установка; центральное снабжение горячей водой; приточная вентиляция в жилых комнатах и вытяжная в коридорах и кухнях; радиофикация и телефонизация. Кроме того, в квартирах предусматривались мусородробилки под мойками: электрические мельницы, размалывающие бытовой мусор, который после этого просто спускался в канализационную сеть. В вестибюле были спланированы помещения для швейцара и для хранения детских колясок и велосипедов.

Одним из самых престижных домов Москвы, сохраняющих свое значение по сей день, остается сталинское высотное здание на Котельнической набережной. По числу проживавших здесь деятелей советской культуры, науки и искусства оно по праву занимает первое место среди других высоток. В разное время в доме жили актрисы Фаина Раневская, Клара Лучко, Лидия Смирнова (она упала в обморок, впервые попав сюда), Нонна Мордюкова, Марина Ладынина, кинорежиссер Иван Пырьев, балерина Галина Уланова, актер Михаил Жаров, композитор Никита Богословский, поэт Александр Твардовский, писатель Константин Паустовский, режиссер Наталия Сац, балерина Раиса Стручкова, художник Аркадий Пластов, кинооператор Роман Кармен, а также сам архитектор Дмитрий Чечулин.

Как-то к Ивану Пырьеву пришли в гости его начинающие коллеги и ученики Владимир Наумов и Александр Алов. Увидев, в каких шикарных и многокомнатных покаях проживает шестикратный сталинский лауреат, дерзкие молодые люди состригли: «Теперь мы видим, что страна идет к коммунизму». На что Пырьев

остроумно ответил: «Да, вы правы, только вы стоите в конце этой очереди, а я в начале!»

Про Пырьева и его супругу Ладынину по Москве ходил такой анекдот:

— Можно ли в одной квартире прописать одиннадцать лауреатов Сталинской премии?

— Можно, если это квартира Пырьева и Ладыниной.

Именитый режиссер был шестикратным лауреатом, а Ладынина имела пять Сталинских премий.

Учитывая явный дефицит жилых площадей в столице в то время, строительство высотных домов можно с полной уверенностью назвать расточительством. Но ведь в коммунальных квартирах жили все остальные, а дом этот предназначался для советской элиты, которая ни в чем не должна была испытывать трудностей. Так что простой народ мог радоваться за свою могучую страну и восхищаться зданиями и снаружи, а вот каста избранных — и изнутри.

Но граждане победившей страны вправе были надеяться на большее — не только на возможность поглазеть снаружи на высотные здания и хоть одним глазком взглянуть на достижения цивилизации — мусоропровод, стиральную машину и тому подобное. Они хотели жить лучше, но при продолжении такой политики простая московская семья вряд ли могла рассчитывать на отдельную квартиру, максимум — на комнату в коммуналке. А иной народ ютился и в бараках. Кстати, о них непременно надо рассказать. Если коммуналки в Москве еще есть, то барачков уже нет.

Барак — одна из самых низших форм общежития, широко распространенных обычно в местах заключения. Бараки строили и в советских концлагерях, и в нацистских. Но если на Западе в бараках жили заключенные, то в СССР еще и обычные люди. Немало барачков строилось в 1930-х годах при больших заводах. Это было очень удобно и дешево — расселить сразу тысячи рабочих. Как правило, барак строили из дерева в один-два этажа. Кухня и туалет в них были общими. Вот, например, как жили рабочие Московского мясо-

комбината им. А. И. Микояна. Сразу при входе в барак была кухня, в разных углах которой стояли плиты, но не газовые, а на древесном или угольном топливе. Далее — санузел, где вдоль стены находились не менее пяти раковин для умывания. Там же мыли и посуду, стирали белье.

Столовая для приема пищи предусмотрена не была, приготовляемую еду уносили с собой в комнаты, располагавшиеся вдоль коридора, которых было два. В каждом — по десять дверей слева и справа. Таким образом, барак был рассчитан на 40 семей. Площадь комнаты — 12 квадратных метров, обогревалась она дровяной печкой, которая топилась из коридора во избежание пожара. Горячую воду брали из специального бойлера — кубовой. Душа и ванны не было, мылись в бане. Таких барачных комнат мог быть целый поселок. В 1954 году в Москве насчитывалось более пяти тысяч барачных комнат, в которых проживало около семисот тысяч жителей. Их строили временно, но простояли они до середины 1960-х годов.

Однажды футболисты «Торпедо» пришли к директору автозавода имени Сталина Ивану Лихачеву просить квартиры, разумно ожидая повышенного внимания к своим нуждам, ибо команда раз от раза радовалась болельщиков своими успехами. В ответ директор предложил им поехать вместе к рабочим, посмотреть, как живет пролетариат. Футболисты, увидев, в каких условиях существуют рабочие (деревянные бараки, туалет на улице), больше к директору не приходили.

Повседневная жизнь любого человека начинается с той обстановки, в которой он живет каждый день, — с квартиры или дома. Борьба за улучшение условий жизни москвичей началась с постановления Совмина СССР от 4 ноября 1955 года, в котором давалась критическая и объективная оценка сложившейся ситуации: «За последние годы на жилищное строительство перерасходовано много государственных средств, на которые можно было бы построить не один миллион квадратных метров жилой площади для трудящихся... Так, например, в г. Москве в жилых домах по улице

Горького, по Можайскому шоссе, по Ленинградскому шоссе и в ряде других домов в угоду показному украшательству применены многочисленные колонны, портики, сложные карнизы и другие дорогостоящие детали, придающие домам архаический вид. В то же время не было уделено должного внимания удобной планировке квартир в этих домах и благоустройству территорий. Особенно большие излишества были допущены в доме по улице Чкалова, недопустимо завышены площади передних, коридоров и других вспомогательных помещений. Стоимость одного квадратного метра жилой площади в этом доме составляет 3400 рублей, что в два-три раза превышает стоимость жилой площади в экономично запроектированных домах».

Партия впервые признала хоть какой-то недостаток. Это стало событием. Прежде такое случалось два десятилетия назад, когда в «Правде» вышла статья «Головокружение от успехов», признающая перегибы в коллективизации. Но тогда всё можно было списать на происки врагов, сующих свои палки в колеса молодой стране социализма. А сейчас-то кто мешал, на пятом десятке советской власти? Виновных нашли быстро — архитекторы, они создавали проекты с излишествами, подсовывая их руководителям государства. Их и наказали — у архитектора Леонида Полякова, автора проекта гостиницы «Ленинградская», отобрали Сталинскую премию и этим довели его до преждевременной кончины.

Москва должна была послужить примером для всех остальных городов Советского Союза в решении жилищного вопроса. В ноябре 1957 года Фурцева собрала пленум на тему «О ликвидации жилищной нужды». Срок ликвидации определили в десять лет. Для застройки предназначались новые районы — Черемушки, Измайлово, Юго-Запад. «Никто не заметит, — говорила она, — что высота потолков два метра семьдесят сантиметров. Мы сами распустили по Москве совершенно ненужные разговоры о том, что для квартир с уменьшенной высотой потолков потребуются особая мебель — пониже. Даже было открыто специ-

альное отделение по продаже мебели для квартир с пониженной высотой. А вот москвичи переехали в эти квартиры, и никто не замечает, что там пониженная высота. Никому это в голову не приходит. Все очень довольны, что предоставлены для каждой семьи отдельные квартиры, и присылают благодарности в ЦК партии. Значит, сейчас идет речь о том, чтобы строить малометражные квартиры с хорошей планировкой, с пониженной на 30 сантиметров высотой между этажами».

Новые дома должны были строить на месте деревень, жителям которых поначалу решили компенсировать снос их частных домов, выплачивая по 10—12 тысяч рублей и предоставляя квартиру в Москве. Позже выплаты отменили, давая на выбор либо квартиру, либо земельный участок в Подмосковье. Многие частники тогда посчитали себя обманутыми.

Так начиналась в столице эра хрущевок. Да, это он, Никита Сергеевич, впервые предложил строить панельные, а не кирпичные многоквартирные дома. И, между прочим, не в 1957 году, а десятилетием раньше. Приехав после войны в Германию, Хрущев увидел, что немцы перекрывали пролеты зданий не деревянными балками, а относительно легкими длинными железобетонными панелями. Он глазам своим не поверил. Быстро велел узнать, где все это делают. Ему показали и завод, и станки. Хрущев немедля распорядился станки разобрать и отправить на Украину, где их скопировали и стали затем производить по всей стране. В Москве первые экспериментальные панельные дома построили в 1947—1948 годах на Соколиной Горе и на Хорошевском шоссе.

Итак, хрущевки, как и многое из того, что было у нас «изобретено», впервые появились на Западе. Естественно, что в те времена говорить об истинном происхождении панельного домостроения было опасно. Да и не поняли бы люди — ведь Германия-то уже к 1955 году почти восстановилась, а партии еще только предстояло расселять в нормальные условия народ-победитель. Автором проекта многоквартирных

домов типа К-7 в пять этажей, строительство которых началось в 1959 году в московских Черемушках, выступил инженер Василий Лагутенко. Почти в каждом советском городе, пережившем массовое жилищное строительство, появились свои Черемушки. Малогабаритная квартира в хрущевке имела почти всегда одну или две комнаты (реже три). Нередко комнаты были смежными, а коридора и вовсе не было. Высота потолков в такой квартире — чуть менее двух с половиной метров. Кухня — совсем крохотная, чуть более пяти метров, чтобы на ней могли уместиться раковина, плита, холодильник и стол. Санузел зачастую совмещенный. Лифта и мусоропровода не было, зато позже добавились балконы, причем приличного размера — могла влезть раскладушка.

Хрущев активно занимался своим детищем. Ездил в новые дома, смотрел. Привели его как-то в один из таких домов, и зашел глава государства в туалет — ознакомиться с его сверхмалыми габаритами. А сам Никита Сергеевич, как известно, обладал изрядной полнотой. Но ничего — вышел из туалета, сказав: «Если уж я пролез, и наш человек тоже пролезет». Лестничные пролеты и площадки тоже были узкими, причем в ряде хрущевок до такой степени, что врачи приезжавшей «скорой» не могли вынести тяжелообольного на носилках с верхних этажей — негде было развернуться!

Да, многого не хватало в новых домах, но это было не главным. А главное, чего не было — соседей. Счастливики, обживавшие первые хрущевки в Черемушках, закрывали глаза на недостатки, в том числе на сильную водо- и воздухопроницаемость квартир. Строители не могли достигнуть высокой точности сборки, потому между плитами по углам дома образовывались щели. Что только не делали: и цементом замазывали, и заливали специальной мастикой — ничего не помогало. Вскоре цемент отваливался, а мастика летом на жаре плавилась. Во время дождя квартиры заливало водой, а зимой вымораживало. Прямо хоть в телогрейке спи.

Спрашивается, а как могло не быть щелей, если на возведение одной хрущевки уходило всего 12 дней.

Как только панели привозили на строительную площадку, к работе приступала комплексная бригада, состоящая из монтажников, отделочников, сантехников, электриков и столяров. Трудились они в три смены. На пятый этаж только кладут крышу, а на первом уже красят стены. Такой фантастической скорости не достигли даже в Америке, что очень радовало Хрущева. Правда, там не строили хрущевки. Но это не важно.

Еще одна беда — плохая шумо- и звукоизоляция. Особенно по ночам. Слышно было, кто как ругается, что смотрит по телевизору (если он имелся, конечно), где ребенок плачет. А как быть иному, ведь толщина внешних стен была всего 35 сантиметров, а межкомнатных перегородок — четыре сантиметра. Гвозди надо было вбивать с большой осторожностью. Не помогла и стекловата, которой заполняли перегородки. Но даже и после этого квартира в хрущевке представлялась новоселам куда большим счастьем, чем продолжение жизни в коммуналке. Постепенно проекты хрущевки совершенствовались, менялись внешний вид домов и планировка квартир, появилась вентилируемая крыша. Раньше-то крыши в привычном понимании не было, верхнюю панель заливали битумом, нагревавшимся на солнце в жаркие летние дни так, что на нем можно было жарить колбасу. Проекты менялись непосредственно в процессе строительства — спасибо работникам Домостроительного комбината № 1, взявшим на себя повышенные соцобязательства под девизом «Каждый последующий дом должен быть лучше предыдущего».

Наверное, каждая простая московская семья прошла через хрущевку, как ранее через коммуналку. Такая массовость стала возможной благодаря экономичности проекта, определившей и число этажей дома. После горячих дискуссий сошлись на пяти этажах, строить выше было уже невыгодно, так как это потребовало бы установки дополнительных насосов в подвале для закачки воды на верхние этажи. В пятиэтажном доме и лифт не нужен, так для здоровья полезнее, да и мусоропровод ни к чему — лишний раз спуститься к

помойке ноги не отсохнут. «Гарантийный» срок службы такого дома назначили в 25 лет, после чего, когда уже наступит полный коммунизм, планировалось переселить жильцов в комфортабельные квартиры. Таким образом, хрущевки были временным жильем, как когда-то коммуналки.

Была у этой экономии и обратная сторона. В Москве резко пошло на спад строительство во всех остальных сферах. Хрущев лично подписал в 1958 году постановление, ограничивающее строительство дворцов спорта и культуры, театров, цирков, клубов, стадионов, плавательных бассейнов, выставочных залов. Все освобождавшиеся средства направлялись на возведение жилых домов, школ, больниц и детских садов. Никита Сергеевич даже приказал строить меньше новых домов для номенклатуры, а селить ее в панельных домах (чего в дальнейшем ему не простили).

Правда, для себя они все же строили. В дневнике генерала Каманина, начальника отряда космонавтов, находим следующую запись от 1963 года: «5 ноября в 11 часов я с Николаевым и Терешковой ездил смотреть их новую квартиру в Москве (Кутузовский проспект, дом 30/32, квартира 1013А). Район отличный, подъезды к дому хорошие. Дом выстроен для крупных работников ЦК, некоторые квартиры состоят из 7—8 комнат, 1013-я квартира семикомнатная, ее разделили на две части. Квартира Николаевых, подаренная им Хрущевым, имеет 4 комнаты общей площадью около 100 квадратных метров со всеми удобствами. Молодые остались довольны подарком, высказали свои пожелания по окраске комнат и попросили закончить ремонт к 20 ноября».

Тем не менее остановилось строительство нового цирка, театров Сац и Образцова. А иногда Хрущев лично приезжал на стройплощадку узнать, не нарушается ли его запрет. Как-то он увидел строительство на Краснопресненской нового Дома правительства РСФСР и немедленно приказал водителю остановиться. Хрущев топал ногами, ругался, разве что кузькину мать не показал. Приехав в Кремль, вызвал главу россий-

ского правительства Полянского и наорал на него: «Вы что творите?! Так и другие захотят у себя дома правительства строить. Прекратить, заморозить!» В итоге Белый дом появился в Москве лишь в 1981 году.

«Едем мы друзья в дальние края, станем новоселами и ты, и я» — слова известной в те годы песни можно отнести и к процессу массового переселения москвичей из центра на окраины. Своеобразный исход населения из своих свитых еще до войны коммунальных гнезд шел параллельно возведению хрущевок. С Арбата и Покровки, с Мясницкой и Якиманки, с Бульварного кольца отправлялись люди в бывшие подмосковные деревни, к примеру, в Текстильщики или Коломенское. Образно говоря, всё опять становилось на свои многовековые насиженные места: пролетариат и крестьянство, обжившие поначалу барские дома и квартиры, вновь возвращались туда, где им и было место. А коммуналки в хороших домах приводили в порядок, приберегая их для вельможной номенклатуры и обслуживающей ее культурно-научной прослойки. А совсем старые дома в центре сносили, но опять же для того, чтобы выстроить на их месте панельную многоэтажку или «непростой» дом.

Каким образом рассчитывали количество комнат в будущей квартире? Все очень просто: негласная формула гласила, что число комнат равняется общей численности семьи минус один. То есть семья с двумя детьми получала трехкомнатную квартиру, с одним — двухкомнатную. Вариантов выбора района, куда переезжали люди, было немного.

Ударные темпы строительства хрущевок привели к невиданным результатам — начиная с 1959 по 1965 год в Москве построили почти 800 тысяч квартир, или 24 миллиона квадратных метров жилой площади. Ни до 1917 года, ни после — никогда в столице так много не строили. Да и на Западе о подобных рекордах не слышали. Всего же за десять хрущевских лет жилищные условия улучшило более 70 процентов жителей Советского Союза. Композитор Дмитрий Шостакович увековечил хрущевку в своей оперетте

«Москва — Черемушки», в которой есть всё: и радостные новоселы, и жуликоватый управдом, и счастливый конец.

Однако массовость возведения хрущевок уже вскоре повлекла незапланированные родной партией последствия. Если само жилье было экономично, то вот строительство сопутствующей инфраструктуры на новых территориях (прокладка дорог, водопровода, тепловых магистралей, канализации, электричества) требовало вложения еще бóльших средств. Вот почему уже с середины 1960-х годов осуществляются робкие попытки строить в Москве девятиэтажные дома, поначалу кирпичные, а затем панельные. Москвичи, получившие квартиры в таких домах, попадали уже в чуть более комфортабельные условия существования: в них обычно были один подъезд, по четыре квартиры на этаже, лифт, мусоропровод, балкон, широкая прихожая, просторная кухня, изолированные комнаты. В такие квартиры можно было поставить и мебели побольше, прежде всего потому, что ее удавалось туда внести.

Есть в Москве самый высокий панельный дом, который прозвали «домом на курьих ножках». Стоит он на проспекте Мира против ВДНХ и состоит из двадцати пяти этажей и 450 маленьких квартир. Его построили в 1969 году, дабы продемонстрировать беспредельные возможности панельного железобетона в деле экономии городского пространства. Тогда это было еще модно. Оснастили скоростными лифтами, привлекая тем самым детвору со всей округи, мечтавшую покататься на них (нужно было лишь перехитрить сидевшую на входе консьержку — дом был непростой и люди в нем жили особенные: спортсмены, артисты, чиновники). На крыше была смотровая площадка, с которой открывался вид в том числе и на бараки, окружавшие «дом на курьих ножках». Люди жили в них еще лет пять после этого, не всем же селиться в панельных небоскребах. Панельные высотки в 15—17 этажей воткнули и в исторический центр, стоят они и на Садовом кольце и выглядят сегодня как слоны в посудной лавке.

Но чем больше сдавалось жилья, тем сильнее обострялась жилищная проблема, и в этом был главный парадокс. У разъехавшихся по малогабаритным квартирам разных поколений были отличные друг от друга перспективы. Старики наконец-то на исходе жизни получили возможность пожить по-человечески. Молодые задумывались над продолжением рода. И тут вновь проблема — в каком углу поставить детскую кроватку, о детской комнате речь даже не шла. А бывало и хуже — как в фильме «Взрослые дети». Пожилые родители в исполнении Алексея Грибова и Зои Федоровой, живущие в двушке-хрущевке, неожиданно узнают о пополнении своей семьи. Их дочь выходит замуж, а мужа (его играет Александр Демьяненко) приводит жить к себе. Дальше — больше. Рождается ребенок, и пошло-поехало. В итоге молодые переезжают на съемную квартиру в Подмосковье.

Вот и вновь возникает жилищный вопрос: где жить и растить ребенка? Значит, нужна новая квартира. Но как ее получить? В СССР квартиры не продавали, а давали. Последний глагол указывает на безвозмездность самого акта передачи квартиры нуждающимся, которых было больше, чем самих квартир. Примерно с середины 1960-х годов укрепилось такое понятие, как очередь на жилье. Казалось бы, только-только в Москве отстроили огромные кварталы хрущевок, а вот на тебе — пришли если не к тому, с чего начали, но к чему-то подобному. Очередь на жилье была двух видов: райисполкомовская и ведомственная. В первой все решала жилкомиссия, состоящая из районных чиновников. В этой очереди помимо незащитных бюджетников (врачей, учителей) могли стоять и участники войны, и инвалиды, и многодетные семьи, и другие льготники, коих всегда достаточно. Жилищный фонд был не резиновым — после бума с хрущевками городское бесплатное жилье строилось годами, а потому вопрос, кому дать квартиру, а кого оставить ждать до будущего года, был порой равнозначен перемене участи. Нюансов было немало — бывлые заслуги, научная степень страждущего (кандидатам наук полагалась

комната под библиотеку), разнополость детей, первая эта квартира или семья стоит «на улучшение жилищных условий» и т. д. А члены Союза художников, например, имели право на дополнительные 20 квадратных метров жилой площади, правда, туда требовалось было еще вступить, что было не так просто. Еще одним критерием служила взятка — коррупция в дефицитных сферах получила необыкновенное развитие.

Ведомственная очередь состояла, как правило, из работников одного предприятия. Крупный завод, например ЗИЛ, мог вполне позволить себе строить дома для сотрудников. Эта очередь двигалась быстрее, особенно когда предприятие было заинтересовано в специалистах. В этом случае квартира от завода могла быть существенным перевешивающим фактором для человека, решающего — переходить на другое место работы или нет. Часто директор завода решал, кому отдать предпочтение — старому заслуженному ветерану предприятия, отрубившему 40 лет за своим станком и ждущему квартиру, чтобы сразу уйти на заслуженный отдых. Или молодому инженеру, который как воздух необходим переживающему реконструкцию заводу и может уйти на соседнее предприятие.

В фильме «Старые стены» (1973), где одну из лучших своих ролей — директора ткацкой фабрики — сыграла Людмила Гурченко, жилищный кризис показан во всей своей «красе». Большая часть сотрудниц — немолодых уже женщин, старух — доживает свой век в кое-как переделанных под жилье казармах. Тучей набрасываются они на приехавшую к ним директрису с одним требованием — дать квартиру. Сцена производит большое впечатление. Старушки спят чуть ли не на двухъярусных нарах, спускаются оттуда по лестнице. И тут же другой эпизод — рабочий, только-только получивший отдельную квартиру от фабрики, пишет заявление об уходе. Директриса пытается любыми средствами остановить его, угрожает отнять квартиру и слышит в ответ лишь наглую усмешку. И такое бывало. Люди десятилетиями работали за квартиру, каждый день ходили на нелюбимую и вредную работу, теряли

здоровье на производстве, чтобы на следующий день после новоселья уволиться.

Право «встать на очередь» — это выражение той эпохи — следовало доказать многочисленными справками, как то: характеристика с места работы, справка о составе семьи, справка об условиях проживания и т. д. Но главным основанием являлся недостаток жилья, соответствующий норме семь квадратных метров на одного человека. Это правило было единым для всех очередей. Живет, например, семья из двух человек в квартире жилой площадью 15 квадратных метров. Рождается у них ребенок — вот и право на очередь появляется. А можно еще было выписать из деревни бабушку с дедушкой, прописав их в квартире. Это вообще красота. Тут уж светит гран-при — трешка, не меньше. В фильме «Старый Новый год» семья Себеиных (главу семьи играет Вячеслав Невинный) так и сделала — продала дом в деревне, привезла деда с бабкой и получила новую квартиру. Правда, потом им предстояло мучиться все оставшиеся дни, существовать бок о бок в скандальной обстановке и повседневно сокращать жизнь друг другу, но это уже другая история, медицинская.

Хорошо, если бабушка или дедушка крепкие, пытаются здоровьем. Но случались и грустные истории, и тогда день кончины бабушки был печальным вдвойне, ибо означал автоматический вылет из очереди. А где найти другую бабушку? В конце 1970-х годов в Ворошиловском районе Москвы получил известность кошмарный случай — при инвентаризации больничного морга был обнаружен неучтенный труп старушки. Выяснилось, что заместитель главврача больницы дал указание скрыть смерть своей тещи хотя бы на полгода — у него подходила очередь на квартиру в новом доме, и незапланированный уход из жизни бабули сводил к нулю его шансы получить трехкомнатную квартиру вместо двухкомнатной.

«Они бы еще корову прописали!» — говорит с ненавистью недалекая родственница в упомянутом выше кинофильме. Да, прописка — вещь серьезная, с ее по-

мощью советская власть отслеживала передвижение своих граждан внутри страны, а если надо, то и ограничивала его. В иных закрытых городах прописка и вовсе была запрещена. Без прописки не устроишься на работу. Но в то же время прописка позволяла удерживать за собой с таким трудом полученную квартиру. Нужно только было думать головой и советоваться с опытными людьми. Получил, например, дедушка-ветеран квартиру — к нему можно совершеннолетнего внука прописать, и тогда он в будущем станет фактическим владельцем жилплощади.

Огромное число инструкций и директив регулировало порядок распоряжений квартирами. Было время, когда согласно нормам жена и муж должны были быть прописаны в одной квартире, а не в разных. И это понятно — только один из супругов мог стоять на очереди, а не муж и жена одновременно, каждый на своем заводе или фабрике.

В помощь нуждающимся в улучшении жилищных условий добрые люди придумали фиктивный брак, весьма удобное средство для получения квартиры большой площади. Услуга эта была не бесплатная, стоимость ее превышала тысячу рублей, некоторым приходилось платить и полторы тысячи. Фиктивный брак обычно оформлялся в сжатые сроки, когда очередь вот-вот подойдет. В дальнейшем такую квартиру обменивали — это была единственная законная форма распоряжения жилплощадью. Иное — завещание, например, было не предусмотрено. Фиктивные браки заключались и с целью прописаться в Москве. Жених и невеста в таких случаях первый и последний раз видели друг друга на регистрации брака в загсе, а большего им и не нужно было. Каждый получал свое с чувством глубокого удовлетворения. Один — деньги, другой — штамп в паспорте. И вот она, Москва, как на ладони. Имели место и более причудливые схемы. Одна пара из провинции развелась, чтобы каждому из них вновь фиктивно выйти замуж за москвичей. Затем они опять развелись со своими московскими супругами и поженились снова.

Главная обменная биржа в Москве была в Банном переулке. Здесь меняли всё. Москву на Тбилиси. Ереван на Ленинград. Ташкент на Львов. По всему переулку стены домов были сверху донизу увешаны объявлениями по обмену. Самостоятельно заниматься обменом своей квартиры можно было до наступления коммунизма, с утра до вечера читая издававшийся бюллетень по обмену.

Однажды американский корреспондент Хедрик Смит упросил своих новых московских друзей взять его с собой на прогулку «в старый квартал близ Ржевских бань у проспекта Мира». Дело было в ноябре 1974 года. То, что он увидел, поразило его. Множество людей, в меховых шапках и зимних пальто, укутанные шарфами, ходили здесь с наскоро написанными объявлениями, приколотыми на груди. Со стороны это напоминало забастовку в Америке, если не знать, что на самом деле эти люди желали поменять свою квартиру на более комфортабельную. Вот молодая хорошо одетая пара предлагает на обмен свою четырехкомнатную квартиру, а ей нужны две двухкомнатные, ибо они не хотят жить со своими родителями. Другая пожилая дама энергично и безуспешно уговаривала мужчину согласиться на две комнаты в коммуналке в обмен на однокомнатную квартиру с ванной.

Смит пишет (перевод автора): «У русских нет столовых, а гостиные превращаются вечером в спальни. Нормально, если четыре человека — пара, их ребенок и бабушка — живут в квартире из двух комнат, и если они большие, это счастье.... По воскресеньям в Банном переулке дела не делаются. Люди приходят, уходят, задают вопросы, сомневаются.... В конце переулка дела шли более оживленно. Студенты и военные толпились вокруг нескольких хозяев, предлагавших им маленькие квартиры внаем. Молодая женщина с единственной комнатой в коммуналке оказалась в центре внимания. Но она не решилась сдавать ее молодому офицеру, опасаясь, что он может привезти из провинции свою жену и детей. “Нет мест!” — закончила она. Высокий седой мужчина произвел небольшую сенсацию, пред-

ложив две комнаты в деревенском доме с отоплением и газом. “Вода и туалет на дворе”, — добавил он, на что два парня показали ему свои спины. Но женщина неопределенного возраста не оставила попыток снять хоть что-то для своей дочери и ее подруги, студенток медвуза: “Они очень хорошие и прекрасно учатся”. — “Мне все равно, первые они или последние. Я не хочу студенток. Они превратят дом в общежитие”.

“Вы сдаете для семьи?” — спросила молодая брюнетка, и как только он кивнул головой, обернулась и крикнула: “Котик, иди сюда!” Все засмеялись. Котик — это маленькая кошка, слово, выражающее у русских привязанность. Котик подошел: с черными вьющимися волосами, в куртке на молнии, около двадцати пяти лет. Последовали вопросы и ответы. Хозяин осведомился:

— Кто вы по профессии?

— Я заканчиваю учебу.

— У вас есть право жить в Москве? — поинтересовался хозяин, демонстрируя желание не ввязываться в длинную и пустую тяжбу с властями для получения этого разрешения.

— Да, — сказал Котик. — Временная прописка.

— А ваша жена?

— Я не женат, — объявил он.

— А она? — проворчал хозяин, более интересовавшийся официальными документами, нежели интимными подробностями.

— Она имеет московскую прописку. Сколько за жилье?

— Пятьдесят рублей в месяц, деньги вперед, — строго объявил седой мужчина.

За такие деньги можно было бы снять жилье гораздо лучшего качества в новом доме. Но жилищный кризис таков, что молодая пара согласилась с радостью, без просмотра. Они ушли втроем, для оформления сделки.

Только в Москве существует более тридцати квартирных бирж, таких как у Ржевских бань, и сотни в этой обширной 250-миллионной стране. Много го-

родов публикуют бюллетени обмена. Люди научились читать между строк, различая хрущевки от более современных и комфортабельных квартир, избегая последних этажей, потому что обычно крыши протекают, и первых этажей, так как они шумные и все просматривается в окна. Если квартира с телефоном — это огромное преимущество. В противном случае его невозможно добиться. И проверяйте, есть ли мусоропровод. Порой требуется много месяцев, чтобы совершить обмен, преодолевая разнообразные препоны, чинимые государством. В нем могут принимать участие и пять, и шесть, и десять семей, движущихся на своеобразной карусели.

Советские демографы связывают падение рождаемости (один ребенок на семью) с нехваткой жилья. Предприятия, нанимающие рабочую силу без предоставления жилья, жестко критикуются в прессе. Зачастую работодатели привлекают квартирой, нежели зарплатой. Я знал инженера-физика, который полтора года ездил помогать строителям возводить новый дом в пригороде Москвы, чтобы добиться квартиры. Это весьма распространенный способ улучшения жилищных условий. Этот человек сначала жил с женой и двумя детьми в квартире из девяти комнат с сорока пятью соседями! Потом они сняли квартиру из двух комнат для себя в отдаленном квартале без магазинов и транспорта. Его жена мне рассказывала, что они ежедневно теряли два часа, чтобы вернуться туда с работы. По прошествии двух лет они сдались и вернулись в свою коммуналку. Теперь у них не больше двадцати пяти соседей. Они ждут новую строящуюся квартиру».

Юрий Трифонов создал одну из ярких иллюстраций той эпохи — рассказ с сакраментальным названием «Обмен». Читая его, убеждаешься, что каждое банальное «улучшение жилищных условий» нередко содержало в своей основе человеческую драму, комедию и даже трагедию. Безнадежно больна живущая в коммуналке мать героя, узнав об этом, его жена (они тоже обитают в коммуналке) предлагает немедленно совершить обмен — две комнаты на отдельную кварти-

ру. На словах — ради заботы о свекрови, которую она всю жизнь не любила. На самом деле — чтобы любой ценой сохранить жилплощадь. Оно и понятно: у них подрастает дочь, надо о ней подумать. Да и сколько же можно жить за ширмой! Герой, искренно любящий свою мать, естественно, переживает: нехорошо как-то, не по-людски получается. А на работе ему говорят: все так делают! А он все сомневается. Продолжительность этой интеллигентской рефлексии растягивается всего на несколько часов, в течение которых он добирается с одного конца Москвы на другой, чтобы озвучить матери их с женой предложение. Ситуация, в общем, типичная и провоцирует людей на проявление не самых лучших человеческих качеств. Обмен на деле превращается в обман. Мать-то не знает о своей смертельной болезни, а услышав об обмене, вполне вероятно, догадывается и в итоге соглашается. Вот такая жестокая реальность.

«Переезжая после смерти мужа из своего “модерна” в аэропортовское кооперативное гетто, — пишет М. Туровская, — я должна была “одной человеческой силой” возвести циклопический обмен из 11 квартир, протащить его через все чиновничьи Сциллы и Харибды (риелторов не было), и, когда эта несвойственная моему непрактичному и негероическому характеру работа была позади, последняя чиновница вдруг отказала в подписи. Пришлось бежать к Мише Ульянову, действительно “народному” артисту. Он надел все регалии, и мы отправились, а по дороге в утешение он рассказал мне о “правиле трех гвоздей”. Когда он звонил большому начальнику с чьей-нибудь просьбой (а он, его партнерша Юлия Борисова и сколько еще носителей знаменитых лиц делали это бесперебойно, бескорыстно, для знакомых, малознакомых и чужих), подчиненный записывал указание и вешал на гвоздь: авось шеф забудет. Игра шла до трех звонков, и только после третьего подчиненный нехотя принимал указание. “Так что, глядишь, мы еще легко отделаемся”».

Но иногда все же на помощь приходили «черные маклеры» — это те, кто профессионально проводил

делку по обмену жилья. Это нынче риелторов пруд пруди, а раньше найти хорошего специалиста удавалось лишь по знакомству, ибо эта «помощь» строго преследовалась по закону. Вспомним блестяще сыгранного Владимиром Басовым такого вот персонажа из фильма «По семейным обстоятельствам». Какой он нервный, все путает, всего боится — еще бы! А проходящие к нему люди шепотом произносят пароль: «Я от Мани!»

Работа маклера по обмену квартир требовала специальных знаний, связей с нужными людьми, умения «давать на лапу», а также большого опыта и мастерства, так как иногда цепочка меняющихся достигала невероятных размеров. И каждому следовало угодить, предложить то, что он хочет. А тогда, в нелегальных условиях, сложность удваивалась. Поэтому и оплата в таких «многосерийных» случаях была приличной — с каждого участника сделки маклер получал не меньше 500 рублей, или, как говорилось на их жаргоне, «полтинник».

У Трифонова в «Обмене» тоже есть маклер — Спиридон Самойлович, который, однако, в нужный момент подводит своих клиентов. И дело не в отсутствии вариантов, а в трудности оформления квартиры, что и было главной препоной при советской власти: «Но хлопоты на этом не кончились: нужно было перевести оба лицевых счета на имя Дмитриева, что оказалось делом не менее тяжким, чем обмен. Поначалу исполком отказал потому, что заявление было составлено неудачно и не хватало каких-то бумаг. Старичок Спиридон Самойлович, маклер, который все хвастался, что юрист райжилотдела его добрый знакомый, оказался просто луном. Юрист с ним даже не поздоровался, когда они столкнулись лицом к лицу. А этот юрист был главным винтом дела, потому что заявителей на заседание не вызывают и решение выносится лишь на основе заключения юриста и представленных документов. Лена (жена героя. — А. В.) добилась вторичного разбора заявления. На этот раз юрист был настроен как нужно, и все документы были в порядке: а) доку-

мент, подтверждающий родственные отношения, то есть свидетельство о рождении Дмитриева; б) копия ордеров, выданных в свое время на право занятия жилых площадей; в) выписки из домовых книг; г) копии финансовых лицевого счетов, выданных бухгалтерией ЖЭКа; д) выписка из протокола общественно-жилищной комиссии при ЖЭКе, в которой ОЖК просила исполком удовлетворить просьбу об объединении лицевого счетов. Ну и на этот раз решение было благоприятное».

Чтобы сохранить за собой жилплощадь родителей, люди даже фиктивно разводились. На что не пойдешь ради получения отдельной квартиры. Если на горизонте появлялась возможность прописаться к престарелой матери, следовало быстренько развестись с любимой супругой (если к тому же дети уже взрослые) и выписаться от нее. При этом отношения сохранялись, укрепляясь в свете грядущей перспективы иметь на одну семью не одну, а две квартиры. Естественно, что в двух квартирах прописаться было невозможно. Получив одну квартиру, человек обязан был сдать другую. Таково было правило, которое не бывает без исключений: Аркадию Райкину в признание его выдающихся заслуг пошли навстречу — он имел жилплощадь и в Москве, и в Ленинграде.

Было еще жилье служебное — для военных и милиционеров. Жить в таких квартирах разрешалось лишь во время службы в армии или работы в органах. А еще в служебных квартирах жили московские дворники, обычно на первом этаже. Отмахав десять лет метлой и лопатой, дворник имел право поселиться в такой квартире навсегда. Московские строители также имели возможность сократить себе срок ожидания отдельной квартиры, было даже такое поветрие — уходить работать на стройку, за что через пять—семь лет давали отдельное жилье.

Как ни противилось Советское государство частнособственническому инстинкту своих трудящихся, а пришлось ему пойти на невиданные при вожде и учителе поблажки. И что только не делали — реформы

денежные проводили, облигациями зарплату выдавали, а народ откуда-то все равно деньги брал и хотел их тратить. Вот для таких людей и разрешили в 1958 году жилищные кооперативы, квартиры в которых уже не считались государственными, но и не были личными, а принадлежали этому самому ЖСК. Этот интересный юридический казус — изобретение советской власти.

ЖСК зачастую образовывались на крупных и богатых предприятиях. Решивший навсегда покинуть обычную очередь на жилье гражданин, став членом кооператива, должен был ежемесячно частями вносить свой пай — 30—40 процентов стоимости квартиры, оставшуюся часть доплачивало за него государство. Если взять за основу стоимость хорошей московской двухкомнатной квартиры, в конце 1960-х годов равняющуюся шести тысячам рублей, то пай мог достигать 2—2,5 тысячи рублей. Но с годами размер пая только рос. И потому люди выплачивали его и десять, и пятнадцать лет. Несмотря на то что граждане еле-еле сводили концы с концами (устраивались на две работы, ели макароны без масла, пили чай без сахара и т. д.), по сравнению с грабительской ипотекой это было по-сильно. А балерины Большого театра, например, привозили с гастролей импортные шмотки для перепродажи в Москве: глядишь, через три года и деньги на вступительный взнос наберутся.

Когда дом сдавался в эксплуатацию, новые квартиры среди тех, чья очередь подошла (а как же без нее родимой, пусть и в ЖСК), распределялись согласно внесенному паю. Нередко для справедливости бросали жребий — кому где выпадет жить: на первом этаже или последнем. Это были наихудшие варианты. Счастливики получали престижные третий, четвертый или пятый этажи. Так, в среднем за пять лет можно было въехать в отдельную квартиру.

Закончив выплачивать пай, человек вроде бы становился собственником квартиры, что подразумевало право распоряжаться ею по своему усмотрению. Но не тут-то было — вся власть в ЖСК принадлежала общему собранию. Внутри кооператива также существова-

ла очередь на «улучшение». Продать кооперативную квартиру можно было лишь членам ЖСК по цене, равнявшейся внесенному паю за минусом износа.

ЖСК получили в Москве наибольшее распространение на Западе и Юго-Западе. Состояли они, как правило, из зажиточных граждан — работников торговли, автосервиса, деятелей науки и искусства, в общем, советского среднего класса. Строились дома на бывших колхозных землях. Поначалу дома стояли в пустом поле. Как-то режиссер Андрей Тарковский решил поехать в гости к своей сестре, поселившейся на Юго-Западе. Когда он поднялся из метро, то увидел кругом голые поля. А дело было зимой, занялась вьюга. Режиссер заплутал, пока не набрел на храм в Тропареве, там ему и помогли добрые люди.

Немало кооперативных квартир строилось для писателей. Но и среди них были те, кто в нужный момент не располагал нужной суммой для оплаты пая. В этом случае брали в долг, например у Константина Симонова или Сергея Михалкова — у них всегда водились деньги. Миллионером был сценарист Эмиль Брагинский, соавтор Эльдара Рязанова, ссужавший коллегам под проценты. А однажды в Москву приехал американский поэт Роберт Фрост, его позвали в гости в писательский кооперативный дом на Ломоносовском проспекте. Переходя из одной хлебосольной квартиры в другую, от одного стола к следующему, он резюмировал: «Почему ваши писатели любят селиться колониями?» Другой литератор, Александр Гладков, отсидевший в ГУЛАГе, как-то разговорился с плотником из ЖЭКа. Пролетарий удивлялся: «Надо же, целый кооператив из писателей. Вот я бы не смог жить в доме, где на каждом этаже одни плотники. Скучно!»

На улице Алексея Толстого в четырехкомнатной кооперативной квартире жила популярнейшая певица Клавдия Шульженко. Она захотела разменять ее и купить себе трехкомнатную квартиру. Денег у нее было достаточно. Но разрешения на это она так и не получила, хотя обращалась к самому председателю исполкома Моссовета Владимиру Промыслову. Он много

лет сидел на своем посту, ему не раз звонил Брежнев, желая помочь с квартирой тому или иному своему любимцу — артисту, писателю, помощнику. И Промыслов, минуя всякие очереди, давал квартиры. Но Шульженко он отказал (видимо, Брежнев не позвонил), тогда она пошла выше — к самой Фурцевой, министру культуры, та продержала немолодую уже певицу в своей приемной несколько часов. В конце концов непревзойденная исполнительница «Синего платочка», не выдержав пытки ожиданием, вспыхнула: «Ваша госпожа министерша дурно воспитана!» — и хлопнула дверь. Эта история получила известность в Москве. Фурцева же как ни в чем не бывало оправдывалась: «Никак не могу помочь! Закон есть закон!» Хотя для нее самой закон был не писан, да и не только для нее одной.

На улице Огарева (ныне Газетный переулок) построили кооператив для солистов Большого театра. Этот дом стал строиться еще при Сталине — вождь сделал исключение для своих любимых артистов. Тогда кооперативы были редкостью. Мстислав Ростропович внес в кооператив всю свою Сталинскую премию, а въехать смог в новую квартиру в 1956 году, будучи новоиспеченным молодоженом, бракосочетавшись с Галиной Вишневской.

«Впервые в жизни, — рассказывала певица, — уже будучи известными артистами, мы со Славой очутились в собственной квартире, без соседей, и получили возможность закрыть за собой дверь. Четыре большие комнаты, ванная, кухня — и все это только для нас! Привыкнув всю жизнь ютиться в тесноте, в одной комнате, мы ходили здесь, как в лесу, и искали друг друга. У нас не было буквально ничего — ни мебели, ни посуды. В тот же день я пошла в магазин, купила несколько вилок, ножей, полотенца, простыни, тарелки. Новоселье справляли, сидя на полу, потому что ни стола, ни стульев не было. Так начинали мы свою самостоятельную семейную жизнь. В те годы трудно было купить мебель — в магазинах хоть шаром покати, приходилось записываться в очереди, ждать несколько месяцев. Слава дал кому-то взятку, чтобы купить сто-

ловый гарнитур, и мы были счастливы, что наконец-то можем обедать, сидя за собственным столом».

Но их радость была преждевременной, то, что они въехали в собственную квартиру, за которую заплатили деньги, еще ничего не значило. Для проживания в ней нужен был ордер, выдававшийся тогда из расчета девять квадратных метров на человека. А их только двое, не считая домработницы. Значит, они имеют право не более чем на 27 метров. А квартира — 100 метров! Никакие ухищрения не помогли молодоженам получить ордер: «Как это можно в четырех комнатах жить только двоим? Это противоречит нашим советским законам!» — удивлялись в Моссовете. «Но мы заплатили деньги!» — «Это ваши проблемы! Освобождайте квартиру и въезжайте в двухкомнатную в том же доме!»

Молодым помог Николай Булганин, председатель Совета министров СССР, открыто ухаживавший за женой Ростроповича. Чиновник никак не мог понять, за чем Ростропович заплатил деньги, ведь он, Булганин, мог «устроить» им квартиру в любом доме, только попроси. Ростропович ответил: «Эта квартира — моя собственность». — «Ишь, собственник! Сегодня — собственность, а завтра — по шапке». — «Да времена вроде другие, Николай Александрович». — «Да уж попался б ты мне раньше... Ну ладно, я шучу...» Так они шутили...

Прошел день, и из Моссовета на блюдечке с голубой каемочкой принесли ордер на квартиру, поздравили с новосельем и просили «ни о чем больше не беспокоиться, а если что понадобится, немедленно звонить в Моссовет — все будет к вашим услугам». Артисты вовремя обратились за помощью к Булганину — в 1958 году Хрущев сам займет его пост, отняв еще и звание маршала. В начале 1970-х годов вернувшийся из тюрьмы бывший генерал госбезопасности Павел Судоплатов встретит Булганина в очереди за арбузами у овощного магазина.

Как-то в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР — пре-

стижном «блатном» НИИ (это вам не подразделение овощной базы!) — пришла радостная весть. Впервые за последние два года институту выделили квартиру. Собрался местком в составе заслуженных и уважаемых научных сотрудников, чтобы решить непосильную даже для академиков и профессоров задачу — кому дать квартиру. Список очередников был большим. На новую жилплощадь претендовали двое: вообще не имевший жилья молодой научный сотрудник, снимавший угол у бабки, и еще один, более научный, но живший в перенаселенной коммуналке.

В месткоме заседали люди ученые, читавшие древнегреческие легенды о подвигах Геракла. А потому, что такое сизифов труд, они знали, но все равно им занимались. Дело в том, что пока они судили да рядили, сверху позвонили и рекомендовали дать квартиру совсем другому их коллеге. Более достойным оказался первый заместитель директора института, бывший секретарь парткома. Он мгновенно вышел из ЖСК, где стоял на очереди, и встал в другую очередь, в своем родном институте, получив хорошую престижную и бесплатную (что важно!) четырехкомнатную квартиру. А еще говорят, что квартиры не давали. Давали, да еще как!

В другом кооперативе устроились высокопоставленные работники Министерства иностранных дел. Кто-то из них пожелал иметь квартиру побольше, для чего понадобилось выселить одинокую старушку. Произошел скандал, так как имела место публикация статьи в многотиражной московской газете. В итоге с работы уволили... заместителя главного редактора обнаглевшей газеты.

Для остального простого и рабочего люда участие в кооперативах было роскошью и потому в целом по Союзу число ЖСК было невелико, составляя 7—8 процентов всего жилищного фонда страны.

В 1970-е годы в процессе «улучшения жилищных условий» Москва сильно подросла. Девятиэтажные дома уступили место 12- и 16-этажкам. Повседневная жизнь в таких домах изменилась качественно. Харак-

терный пример — Олимпийская деревня. Большие кухни, даже гостиные, спальни, кабинеты — это в квартирах, а за их пределами — просторные холлы и лестничные площадки (в них было модно выставлять горшки с цветами, а также старую мебель и велосипеды), колясочные на первых этажах, два лифта, включая грузовой (но пианино в него по-прежнему не влезает). У некоторых особо деловых соседей просыпались так и неизжитые частнособственнические инстинкты — закрывать дверь на межквартирную лестничную площадку на замок, увеличивая, таким образом, возникающее личное пространство. Но тогдашним управдомам с этим удавалось как-то бороться.

Однообразными многоэтажными домами застраивались периферийные московские районы, объединенные одним названием — спальные. Похожесть их стала притчей во языцех. Одинаковые жилые дома, гастрономы, школы, поликлиники, кинотеатры, одинаковые улицы, люди в одинаковой одежде — как все это соответствует эпохе 1970-х годов. Партия осознала тупиковость этого пути. Сам дорогой Леонид Ильич в одном из своих докладов привел фильм «Ирония судьбы, или С легким паром» в качестве яркой иллюстрации неприглядности советской городской архитектуры. А где же оригинальность, самобытность, своеобразие новых жилых домов? Таким вопросом задавался генсек. Но вопрос этот повисал в воздухе. Хорошо хотя бы так строили! Многие понимали — унификация жилых домов, когда во всех советских городах, начиная с Москвы, строилось одно и то же, была оборотной стороной массового жилищного строительства. Десятилетиями утверждались новые «экспериментальные» проекты, доводя само это понятие до абсурда.

В 1970-е годы в массовом сознании советских людей произошли поразительные изменения. Прежде всего поменялись критерии оценки «хорошей жизни». В коммуналках все были друг у друга на виду. В подавляющей части люди жили одинаково. Теперь же активно и глубоко шло расслоение. Благополучным

вариантом считалось не просто получить квартиру, а именно в престижном доме, с авторитетными и «нужными» соседями, в хорошем районе. Центр, из которого еще недавно массово выезжали москвичи, вновь превратился в своего рода Калифорнию, куда стремились вернуться искатели счастья. Например, нестарая еще героиня фильма «Время желаний», удачно выйдя замуж за министерского чиновника средней руки (его играет Анатолий Папанов), по-деловому решает вопрос улучшения условий жилья, поменяв свою квартиру и квартиру мужа на «тихий центр» внутри Садового кольца, бывшую коммуналку в сталинке — с высокими потолками и большими изолированными комнатами. Вот вам и критерий успеха. Уже в 1970-е годы отдельная квартира для небедных москвичей — не проблема, другой вопрос — где она находится.

В тихих арбатских переулочках тщетно искали себе квартиру и Владимир Высоцкий с Мариной Влади. Для француженки многое в советской столице конца 1960-х — начала 1970-х годов было в диковинку. Она увидела, что такое понятие, как равенство, давно стало эфемерным не только на родине Парижской коммуны, но и там, где ее идеи с лихвой воплотились.

Жить им было негде — у матери актера (простого архивариуса) в Черемушках была двушка в хрущевке, но очень маленькая. Влюбленные снимали жилье по всей Москве. Вот они живут у друзей Высоцкого в элитном «щековском» доме — его приятель женился на дочери члена политбюро. У этой молодой пары — близорукого еврея и рослой белорусской девушки — огромная квартира в центре, и они отдают Высоцкому и Влади отдельную огромную комнату с личной ванной и всеми удобствами. Всё кончается в миг, когда члена политбюро провожают на заслуженную пенсию.

Они переезжают в район станции метро «Аэропорт», где есть целая улица с домами для писателей. Влади бывает здесь в самых разных квартирах, восхищается библиотеками, коллекциями современной живописи и старинных икон. Комнату им сдает оди-

нокий сценарист — он не беден, но, видимо, сиротливость существования делает свое дело.

В итоге с трудом Высоцкому удалось стать членом ЖСК. «Один человек, который добился разрешения на строительство дома, возглавлял в свое время группу художников-графиков, — пишет Марина Влади. — Он получил разрешение начать строительство нескольких кооперативных домов в центре города и составил список пайщиков, в котором фигурировали известные артисты, ученые и политики. На Малой Грузинской улице, вблизи зоопарка, поднимаются двенадцатизэтажные башни из розового кирпича. Рядом — общежитие студентов консерватории, и летом хорошо слышен шум зоопарка вперемежку с гаммами на всевозможных инструментах. По жеребьевке нам досталась квартира на восьмом этаже. Шесть лет ожидания, бесчисленных визитов к ответственным лицам на всех уровнях — и разрешающая подпись все же вырвана на больничной кровати у одного из ответственных работников Моссовета».

Если даже Высоцкому с его популярностью не получалось без препон получить квартиру, что уж говорить об остальных. Однако, переселяя народ в отдельные квартиры, власть как бы сдалась, потеряв возможность следить за своими же гражданами. Если раньше люди лишь думали иначе, а говорили другое, то теперь на своих кухнях они и думали, и говорили то, что хотели. Личная кухня — это уже не евтущенковская исповедальня, а нечто большее. Здесь осуждаются существующие порядки, включаются поздними вечерами радиоприемники с вражескими голосами «Радио Свобода» и «Голос Америки». Советская радиопромышленность в эти годы не справляется с планом, хороший радиоприемник становится дефицитом (СССР занимал первое место в мире по их числу на руках у населения — свыше 80 миллионов штук в 1976 году!). Попробуйте-ка раньше без серьезных последствий для себя послушать в коммуналке «Глядя из Лондона». А тут — внимай на здоровье, утирайся от грязных потоков зловредной клеветы, а утром на ра-

боте обменивайся информацией с коллегами. И ведь ничего не поделаешь — на дворе не Великая Отечественная война, когда всех москвичей заставили сдать свои радиоприемники.

Унылость и однообразие типового жилья, серость повседневной жизни спальных районов не вызывают оптимизма даже у московских остроловов. Казалось бы, вслед за сталинками, хрущевками должны возникнуть брежневки. Но это определение если и встречается в дневниках той поры, то крайне редко. Причина сего — безликость повседневной жизни. Но какие-то странные, неведомые ручейки уже стали еле-еле пробиваться из-под кажущегося на первый взгляд монолита социалистического общества. Пройдет каких-то лет десять, и дети спальных районов превратятся во взрослых угрюмых дядей в спортивных костюмах. Поначалу они просто будут увлекаться всякого рода силовым спортом, а затем объединятся в криминальные сообщества. Они и называться-то будут по географическому принципу — ореховская, солнцевская, бирюлевская и прочая братва.

Номенклатура, конечно, жила по-другому. Как и прежде, у чиновников не возникало желание делить с народом крышу над головой. Даже кооперативные дома их не устраивали. После долгожданной отставки Хрущева в Москве активно развернулось строительство комфортабельных домов для партийного аппарата, сотрудников министерств и ведомств, работников органов. Эти здания, удобно расположенные в тени Нового Арбата и Садового кольца, можно было отличить по особому светлomu, производившемуся в спеццехах кирпичу, из которого они строились. Большие балконы и лоджии, высокие потолки, холлы, огромные кухни и столовые, два санузла, минимум четыре комнаты (а могло быть и шесть, и восемь, нередко присутствовал и второй этаж), полностью импортная начинка, начиная от дверных ручек и заканчивая ванной с унитазом, бесшумные лифты, консьержка при входе. В общем, коммунизм, как и предсказывал многоопытный Иван Пырьев, наступал постепенно.

Сам Леонид Ильич Брежнев имел квартиру в таком доме на улице Щусева (ныне Гранатный переулок), для него соорудили спецэтаж с более высокими потолками, это видно даже с улицы. В квартиру поднимался отдельный лифт. Серый кардинал Михаил Андреевич Суслов жил в отличном доме на Большой Бронной, любил ездить домой обедать, причем в одно и то же время — он был большой педант. Неподалеку обитали и другие «портреты» — Черненко, Георгадзе, маршалы и министры. Партийные сошки помельче также не бедствовали.

Вознесшиеся на олимп люди настолько привыкали ко всякого рода внеочередным и особым благам, что уже не представляли себе другой повседневной жизни. Порой они даже не могли запомнить домашнего адреса — а зачем? Личный водитель и так все знает. Занимательная история случилась в 1977 году с бывшим председателем Президиума Верховного Совета СССР и членом политбюро товарищем Подгорным. Его неожиданно и быстро сняли со всех постов, отправили на пенсию по «личной просьбе». И вот стоит Николай Викторович после пленума одиноко и сиротливо, ждет по многолетней привычке свой персональный автомобиль. И невдомек ему, что, лишившись декоративной вроде бы должности, он остался сразу и без положенных ему привилегий. А бывшие коллеги, еще вчера почтительно с ним здоровавшиеся, уже разъехались. Хорошо, что на помощь к нему пришел Михаил Ульянов, представлявший в ЦК дружный отряд советской творческой интеллигенции. Ульянов и говорит Подгорному: «Давайте я вас подвезу!» Тот отказывается: «Не надо, сейчас придет моя машина!» Проходит минут десять. Ни машины, ни охраны, ни помощников. Пришлось Подгорному согласиться на любезное предложение народного артиста. Вот тут-то и начались настоящие проблемы.

С первого раза Подгорный не сумел сесть в «жигуленок» Ульянова. Они ведь привыкли в свои ЗИЛы и «чайки» залезать головой вперед, ибо салоны «членовозов» были по площади обширнее иной кухни в

хрущевке. Со второго раза получилось. Дальше — больше. На вопрос артиста: «Куда везти?» — Подгорный ответить не смог, обнаружив полное незнание московской топонимики. Спасибо Ульянову — сам жил в центре Москвы, на Большой Бронной, знал, где хотя бы примерно может обитать Подгорный. Долго плутали они по старым московским переулочкам. Вот один «щековский» дом, вот второй такой же. Всё не то, не похоже. В итоге получилось, как в кинокомедии «Джентльмены удачи»: вон мужик, а вон дерево. Когда машина проезжала мимо очередной светлокирпичной многоэтажки, Подгорный вдруг вспомнил: «Вот, вот мой дом! Нашли!» От души поблагодарил он Ульянова, быть может, впервые за десятки лет проявив неподдельную искренность. Поднявшись в свою квартиру, он взялся было за трубку «вертушки» — но там, как в пьесе: «А дальше — тишина». Подгорный все пытался дозвониться Брежневу, спросить, как же так, за что его сняли, все было так хорошо. Но Леонид Ильич, сам захотевший занять место Подгорного, говорить не захотел. Тогда Николай Викторович в сердцах бросил его помощнику: «Передай ему, раз так, то пошел он в...» Значит, не совсем оторвался он от народа, помнил необходимые слова. Так началась для Подгорного новая повседневная жизнь московского персонального пенсионера. Хорошо хоть место на Новодевичьем кладбище не отобрали.

Самыми лучшими домами считались те, что строились под неусыпным оком управления делами ЦК, а все потому, что с 1966 года квартиры в таких домах оснащались исключительно импортной сантехникой и лифтами. Например, на Большой Бронной до сих пор стоят два отличных (и по нынешним меркам!) дома, в которых жили сливки советского общества — космонавты Александр Волков и Алексей Елисеев, пианист Святослав Рихтер, актеры Ростислав Плятт, Анатолий Папанов, Борис Андреев, Юрий Никулин, переехавший сюда прямо из коммуналки в 1971 году.

Легко ли человеку со стороны было поселиться в таком элитном доме? Все зависело от связей и напо-

ристости. Как-то молодой доцент московского Института нефти и газа Александр Владиславлев, гуляя по тихому центру, увидел совсем новенький «блатной» дом. Желание вселиться зародилось сразу. Только вот кого просить, к кому идти с нижайшей просьбой? Дом-то в «цековской» епархии. Решился доцент и набрал телефонный номер самого управделами ЦК товарища Павлова (того, который в 1991 году случайно выпадет из окна, внезапно потеряв желание жить на девятом десятке лет). Большой чиновник оказался отзывчивым и нашел подходящую квартиру на последнем шестнадцатом этаже по соседству с Рихтером и Никулиным. Квартира оказалась огромная, под 90 метров. А вид какой на старую Москву! Оторваться невозможно, так всю жизнь и просидел бы на подоконнике! Оказывается, что от квартиры уже какой-то дурак отказался, опасаясь, что Рихтер помешает ему своими репетициями на рояле. Но бояться не следовало — крайне деликатный человек, Рихтер сделал в квартире звукоизоляцию. Соседом он оказался замечательным, умудрялся устраивать званые балы в своей квартире, а на лестничной площадке сам смонтировал небольшой фонтан. У Рихтера одновременно собиралось до полусотни человек, и все — изысканная публика из консерватории. В такие дни в его огромной квартире рояли ставили по углам, а остальное место отводилось сервированным столикам.

Да, чтобы не забыть, доцент этот был временно исполняющим обязанности ректора института, где учился отпрыск товарища Павлова. А в остальном всё типично, обычно и повседневно.

В 1980 году в Германии много шума наделала книга «Номенклатура» Михаила Восленского — историка, бывшего советского гражданина, изложившего свой взгляд на интересующий нас вопрос: «Москва, как известно, перенаселена (9 миллионов человек!), и скученность ужасная, и длиннейшие списки очередников. А по Москве в целом средняя цифра жилплощади — 17 квадратных метров на человека — больше, чем по Советскому Союзу. Но в Москве много членов класса

номенклатуры, и просторность их квартир такова, что она в корне меняет среднюю цифру и делает Москву статистически самым обеспеченным жилплощадью крупным городом Советского Союза. По фактическому наличию в Москве жилплощади уже сегодня, а не в светлом коммунистическом завтра средняя статистическая семья из четырех человек давно должна иметь здесь квартиру 60 квадратных метров. Непроходящий острый жилищный кризис в Москве — кризис не материальный, а социальный. У москвичей мало жилплощади не потому, что ее в этом городе вообще мало, а потому, что ее много у номенклатуры. Надо понять: это номенклатура обворовывает людей, долгими годами ютящихся с семьями в одной комнате и числящихся «очередниками на получение жилплощади».

Ну что же, наверное, историк-невозвращенец прав. И потому после крушения ненавистной ему советской власти восторжествовала справедливость, а нуждавшиеся граждане получили новое жилье: в брежневскую квартиру прописался председатель Верховного Совета демократической Российской Федерации Руслан Хасбулатов.

Не все советские граждане принимали условия игры и готовы были десятилетиями стоять в исполкомовской очереди на квартиру или ехать в труднодоступные районы страны, а точнее «вербоваться» на Крайний Север, чтобы заработать на кооператив. Можно было, например, удачно жениться. Даже поговорку переиначили: «Не родись красивой, а родись с квартирой!» Или найди невесту с квартирой — тоже хорошо. Юркому провинциалу Костику из «Покровских ворот» повезло: любимая девушка сама ведет его в сталинскую высотку на Котельнической набережной знакомиться со своими родителями. Стало быть, он удачно попал, все у болтливого и смазливового студента сложится «о'кей». Его соседи по коммуналке — Велюров и Хоботовы — разъедутся по хрущевкам, а он — сразу в знаменитый небоскреб на берегу Москвы-реки.

А в фильме «Москва слезам не верит» (1979) всё наоборот — москвич Родион-Рудольф из коммуналки

«кляует» на роскошные апартаменты в высотке на Котельнической, где якобы живет его девушка, племянница профессора Тихомирова, в исполнении Веры Алентовой. Вполне возможно, что и беременность ее молодой человек воспринял бы адекватно, если бы она действительно была прописана в престижном доме. Но в итоге, когда правда раскрывается, несчастная девушка из общежития слышит от культурной несостоявшейся свекрови: «Вы не получите ни метра!» Они и так втроем живут в комнате в коммуналке, а тут еще эта, с животом! В убедительном исполнении Евгении Ханаевой несостоявшаяся свекровь произносит важные для нашего понимания обстановки слова: «Я свое отжила в общежитии, теперь и вы поживите!» Жить, терпеть и надеяться на лучшее (это, по ее мнению, и есть «счастье» — хорошо хоть не сажают!) — вот какую незавидную перспективу перед молодыми рисует поколение, прожившее жизнь в коммуналке, и потому не находит понимания.

Сказка — она и есть сказка, не зря этот фильм Владимира Меньшова полюбился даже американцам, присудившим ему «Оскара». Вспомним сказочный эпизод о первой встрече главной героини со слесарем Гошей. Недоверие возникает уже сразу, когда Гоша мгновенно где-то берет такси (а у вокзала его было не дожидаться) и везет Катю к ней домой. Обитает она не в центре, но и не в Бирюлеве, а тоже в престижном районе, на западе Москвы, допустим, в Филях или в Кунцеве. И Гоша со своими золотыми руками и пропитыми мозгами должен бы понять, что женщина она непростая, такие в кирпичных башнях из светлого кирпича не живут. Здесь его интуиция явно подводит. И то, что он номенклатурной Катерине не пара, должно было прийти ему в голову уже в первый день знакомства, а не за десять минут до окончания фильма. В те годы статусность москвича выражалась именно такими вот внешними признаками — районом, где он живет, маркой машины, английской спецшколой, в которой учится родное дитяtko. К слову, и Катина квартира в фильме тоже не соответствует действитель-

ности — слишком маленькая для директора фабрики и депутата Моссовета.

Если бы все же Катя Тихомирова изначально поступила в институт, то судьба ее могла бы сложиться по-другому. Ибо слово «вуз» расшифровывалось еще и как «выйти удачно замуж». Удачно — то есть за жениха с московской пропиской и квартирой. Как раз об этом мечтает подруга Тихомировой, работница хлебокомбината (ее роль блестяще исполнила Ирина Муравьева), и потому отшивает всякую деревенщину, пытающуюся «клеиться» к ней на московских улицах. Действительно, зачем ей такие? Зря, что ли, приехала она в Москву? Таких, как она, ехало в столицу с каждым годом все больше и больше. «Все в Москву едут, будто она резиновая» — этот упрек бросали в спину вновь приезжим гражданам москвичи в первом поколении, то есть те, кто обосновался в столице десять лет назад.

В деревне — будущего никакого (даже выражение тогда родилось — неперспективная деревня), а в городе всегда нужны рабочие руки. В Москве все время что-то реконструируют, строят, роют, прокладывают. А потому столь быстрыми темпами растет население города-героя. И с каждой новой пятилеткой повышается объем жилищного строительства, а квартир все равно не хватает. Но даже при этом их надо чем-то обставлять, доставать мебель, телевизор и холодильник, заводить связи с нужными людьми...

СТИЛЬ ЖИЗНИ:
«ТОЛЬКО НИЧЕГО НЕ ВЫБРАСЫВАЙ!»

Аристократы помойки — Привычки москвичей — Ключи под ковриком — «Не подмажешь — не поедешь» — Ремонт: с бумажной треуголкой на голове — Мебель: от «Хельги» до «стенки» — Полировку не поцарапай! — Ковры на стене: «как в юрте» — Культ хрусталя — Как мы тащили резной буфет — «Холодильник “Розенлев”, финский, хороший» — Пылесос, который работал вечно — Стиралка только за прописку — Телевизор «КВН»: «Купил. Включил. Не работает» — Бобинник, кассетник и видик — Общество непрекращающегося ремонта

Бытовая сторона повседневной жизни москвичей формировала соответствующий стиль поведения, выражавшийся в специфических традициях, привычках и обычаях. Важнейшим правилом бытия было ничего не выбрасывать — старый холодильник (еще послужит на даче!), конфетную коробку (она могла пригодиться для документов или семейных фотографий), пустую бутылку из-под импортного пива (пополнявшую ценную коллекцию подобных изделий), старое изъеденное молью пальто (в нем удобно копать грядки), платье беременной жены (перешьем!) или чепчик давно выросшего сына (внукам!) и многое другое. Морально или физически вышедшие из строя вещи подвергались складскому учету сначала на антресолях в сломанном чемодане без замка и ручки, а потом по мере увеличения их числа на балконе, затем в гараже и, наконец, на дачном участке. Этот маршрут не менялся десятилетиями: старые вещи, оставшиеся от нескольких поколений семьи, негласно передавались в виде наследства.

Вообще считалось, что выбрасывать вещи вредно, не зря помойка как магнит притягивала даже не бомжей, а приличных на вид граждан: там всегда можно было найти что-нибудь нужное, отремонтировать и пристроить в хозяйстве. Этот процесс отразился и на пополнении словарного запаса москвичей, часто употреблявших такие глаголы, как пришпандорить, присобачить, приделать, подшить, подогнуть, вернуть, приловчиться, короче говоря, приспособить. Подобрать кем-то выброшенное прилюдно не считалось зазорным, в фильме «Осенний марафон» персонаж Евгения Леонова, своего рода аристократ помойки, подбирает на улице хлопчатобумажную куртку и носит ее с удовольствием — а ведь женщина, выбросившая ее в окно (вот ненормальная!) предварительно оторвала рукава. Ну и что, говорит слесарь из ЖЭКа, жена зашила — и куртка как новая.

Для некоторых неспособность подобрать, использовать вышедшую из употребления вещь и вдохнуть в нее вторую жизнь носила негативный характер и по моральным соображениям, означая собственную нерасторопность, отсутствие смекалки. Ведь если не подберешь ты — это успеют сделать другие. Еще более неприятным было осуждение поведения такого никчемного человека соседями по этажу. Зато вещами, надетыми с чужого плеча, искренне гордились. Актер Александр Ширвиндт, например, всю жизнь мечтал о замшевой куртке, купить которую смог лишь на барахолке в Италии, да и то на сэкономленные суточные. Приехав в Москву, он обнаружил на куртке дырку от выстрела — оказалось, что она с плеча убитого в разборке мафиози. Но не выбрасывать же, так и носил. Охотно донашивал он и вещи своего друга Андрея Миронова. Да что говорить — было весьма распространено, когда родители донашивали за детьми их давно вышедшие из моды вещи, в том числе и по той причине, что выбросить было жаль.

Никогда не выбрасывали полиэтиленовые пакеты — их мыли, вывешивая на балконе. А пластиковые сумки с иностранными брендами носили с собой, на

работу, прохуdivшиеся заклеивали изолянтной. Собирали пластиковые банки из-под майонеза, упаковку из-под молока и кефира — сажать рассаду. Стеклянные банки тоже не выбрасывали — для разливной сметаны просто необходимо. А в водочные бутылки заливали подсолнечное масло. Лампочка сгоревшая тоже нужна — штопать порвавшийся на пятке носок, который, в свою очередь, тоже грех выбрасывать. Но если старая рубаха или кофта все же заношена до критической степени, то и ее нести на помойку жалко — на тряпки ее, пол мыть, пыль протирать и т. д.

Пустые бутылки, так те вообще не выбрасывали, а сдавали в пункты приема стеклотары, которыми была заполнена Москва. Бутылки принимали отмытыми от этикеток, для чего их опускали поплавать в ванну. Огромные щиты при входе с изображениями самых разных видов бутылок — чебурашки (зеленая, емкостью 0,5 литра), чекушки (0,25 литра) и прочих, длинная очередь на сдачу из старушек и алкашей, а еще вечно отсутствовавшая тара в виде ящичков (вот почему не всегда принимали бутылки из-под шампанского) — все это повседневность эпохи. Дородная тетка-приемщица могла и оказать честь, приняв бутылки вне очереди, но только после добровольной помощи по разгрузке-погрузке приехавшей с тарой машины.

Рядом с этой привычкой жила другая — бережливость, а еще бережливость к сбереженному и бережливость к бережливо сбереженному. Телевизор накрывали салфеточкой каждый вечер, чтобы не пылился. С полировки пылинки сдували. Электричество экономили — свет выключали, даже на полминуты выходя из комнаты («уходя, гасите свет!»). Недогоревшие спички складывали обратно в коробок. Потому всё и служило вечно — туфли носили несколько пятилеток, купленный лет двадцать назад пылесос орал, как новый, «сберегательная касса» тоже оттуда — люди несли свои гроши, откладывая детям на машину или на кооператив 15 лет подряд.

Третья замечательная черта москвичей — умение запасаться и вообще жить впрок. Обязательно надо

иметь запас спичек, соли, сахара, стирального порошка, мыла, всего, что может храниться годами. Оно и понятно — все это вмиг может кончиться в магазинах (как говорится, «если завтра война»). Даже суп варился на неделю. Отсюда и любовь к консервированию капусты, огурцов и помидоров, грибов, варенья и компотов. Этим занимались не только обладатели шести соток, но и менее счастливые горожане, покупая фрукты и овощи в магазинах. Много лет хранили отрезки ткани, купленной по случаю.

Еще одна важная привычка — все делать самому, так дешевле и надежнее. Никакой ханыга-водопроводчик не отремонтирует сливной бачок с проклятой грушей так хорошо, как сам квартиросъемщик. Антесоли мастерили тоже своими руками, тогда и родилась фраза про того, «у кого руки откуда надо растут», появились «мастера на все руки», а главным героем детских сказок стал персонаж по фамилии Самоделкин. Отмыть застарелое на юбке пятно тоже можно было своими руками, чему потворствовали всякого рода «народные советы», в изобилии печатаемые в газетах и журналах, а еще на отрывном календаре, имевшемся в каждой кухне. Кипятите белье? Добавьте нашатырный спирт, и оно станет белее. А в таз с поблекшей тюлью налейте молока, и она сразу свежеет. Восстановить черный цвет брюкам поможет обыкновенный табак, который следует растворить в воде, и т. д.

С 1960-х годов несколько изданий выдержала книга «Полезные советы», рассказывавшая о том, как из подручных материалов самому смастерить абажур и плечики для одежды, ящик для писем и шезлонг, душ и швабру, термос и подставку для кастрюль, а также многое другое. А учитывая, что книги никогда не выбрасывали, можно себе представить, скольким поколениям семьи помогли эти советы в починке мебели и сантехники.

Государство культивировало среди граждан их желание все делать «умелыми руками», причем эта привычка не исчезала с повышением материального статуса. Народная артистка СССР Ирина Архипова с

гордостью рассказывала на исходе жизни: «Став взрослой, [я] стала шить и перешивать что-нибудь для себя. Когда у меня появилась своя дача (кстати, построенная по моему эскизу), я решила смастерить себе одеяло, вспоминая и маминьи уроки, и те лоскутные одеяла, которые мне приходилось видеть в детстве, когда мы приезжали в гости к бабушке. Я собрала остатки от различных материй, которые нашлись дома, “выстроила” из множества лоскутков разных расцветок целый орнамент — и одеяло получилось на славу. Я пользуюсь им на даче до сих пор, и оно кажется мне лучше всех шелковых, пуховых или шерстяных одеял, купленных в магазине. Вообще, все сделанное своими руками придает дому особый уют. Это “мое одеяло” для меня — как привет, как улыбка из детства. Ведь не зря же сказал замечательный писатель, что все мы родом из детства. Все идет оттуда».

Всё верно, пережитое в детские годы состояние нужды никогда не забывается, откладывая свой отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Те, кто не мог себе позволить строить дачу по собственному эскизу, строили из лоскутков не одеяла, а прикроватные коврики. Колготки, которые уже невозможно было заштопать, тоже обретали возможность радовать своих обладательниц в виде самодельных ковриков. Вязали также носки или целые свитера.

Сродни бытовой самодеятельности была и склонность к самолечению. Информация об очередном спасительном лекарстве распространялась волнами. То гриб какой-то выдумают и выращивают его в стеклянной банке на окне, то мифическое мумие, то змеиный яд, то найдут бабушку-заговорницу с фантастическими медицинскими способностями по выведению бородавок. А вера в то, что янтарь снижает давление, способствовала популярности украшений из этой древней смолы. Апофеозом стал культ экстрасенсов, вылившийся в массовое лечение по телевизору с прикладыванием больного места к экрану. Ну не верил народ в диспансеризацию, которая была обязательной раз в два года. Без справки о ее прохождении не выпускали даже за границу.

А еще были привычки хранить ключ от квартиры опять же под дверным ковриком, обращаться к человеку исключительно по половому признаку: «мужчина», «женщина», «девушка», «молодой человек», привычки хамить и оскорблять, особенно распространенные в сфере услуг и торговли: «Я же вам русским языком говорю!»; «А еще очки надел и шляпу, интеллигент!»; «Глаза-то протри свои!»; «Куда прешь, хам трамвайный?» и т. д. Последнее ругательство подразумевало, что хамы ездили исключительно в общественном транспорте, что не всегда соответствовало реалиям.

А привычка «благодарить» будто и не исчезала, надо было давать кому-то за что-то, «подмазывать» («не подмажешь — не поедешь»). Эта же привычка порождала и другую — «брать» без зазрения совести, ничего не делать без дополнительного вознаграждения.

У Аркадия Райкина была ушедшая в народ фраза: «Надо ждать». Произносил он ее со сцены, немного растягивая, чтобы зрители оценили его смелость, получалось: «Надо ж д а т ь». Д а т ь, разумеется, на лапу тому, от кого все зависит. Врачу в поликлинике — шоколадку, почтальону, приносящему пенсию, — полтинник (50 копеек), сантехнику — трешку, а лучше пол-литра (основная форма оплаты для большинства населения), и т. д. в зависимости от широты души и возможностей. Подношения были популярны еще задолго до времен «Ревизора», в котором, как мы помним, брали взятки борзыми щенками. Но в обозреваемую эпоху они получили необычайное распространение. Всякого рода подарки уже взятками не считались и негласно поощрялись.

Некоторые представители творческой интеллигенции с трудом привыкали к этим реалиям повседневной жизни. Поэтесса Инна Лиснянская поначалу не умела «благодарить», но пришлось приучаться, иначе не получить долгожданную путевку в Дом творчества, да еще и в горячий сезон: «В 70-х годах... путевки получили в разгар лета, я отнесла дамам в Литфонд от себя не помню что, а от Петровых (имеется в виду поэтесса Мария Петровых. — А. В.) — хрустальную вазу под

фрукты. Взятки давать я научилась только в Литфонд, да и то случайно. Как-то в 68-м году, возвращаясь с Липкиным из Душанбе, я накупила целый чемодан таджикских платьев, сатиновых, с вышивкой на груди и на длинных рукавах. Чтобы дарить. Подарила и двум сотрудницам Литфонда, ей-ей, просто так, при всех. При этом присутствовала и одна знакомая писательница и на выходе как бы похвалила меня и поучила: правильно, без взятки нельзя, но ведь не при всех же, разве ты не видела, как они замешкались? Потом не при всех я это делала почти всегда».

Платье из Таджикистана — такое не многие могли придумать, лучше все же продуктами. В Театре сатиры, для того чтобы получить роль, что только не несли. «В кабинет главного режиссера несли кто сервиз, кто собственное тело, кто кольцо с изумрудом, кусок курицы, серьги золотые, торт, селедку. Брали всё — бусы, корюшку из Ленинграда, коньяк, постельное белье, пельмени, отрезы на платья, вазы, вазочки, кастрюльки, сырокопченую колбаску, чайник со свистком, редкие книги, сыр рокфор, чеддер, лавровый лист, огурчики маринованные, мыло, грибочки и ко всему этому, конечно, водочку», — вспоминает одна из актрис. Кстати о пельменях — бытовал такой интересный способ проверки их качества: подносить красно-белую упаковку к уху и усердно трясти, если гремит, значит, еще не слиплись.

Была еще какая-то странная манера употреблять названия продуктов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: купить сырку и колбаски, хлебушка и молочка, сметанки и мясца. Уже по этим словам чувствовалось, что произносящий их человек — свой, наш, «товарищ», а не случайно занесенный интурист с дореволюционными корнями. Такое обращение к продуктам указывало на особо трепетное к ним отношение, опять же бережливое. Советская сакральность одушевляла и «колбаску», и «сырок».

Далее на конкретных примерах мы рассмотрим, как москвичи применяли полученные в бытовой жизни навыки на практике. Начнем с квартирному простран-

ства. Квартиры москвичам давали уже готовыми к заселению, ремонт тоже был бесплатным. Отсюда и масса недоделок — плохо поклеенные обои, текущая сантехника, плинтусы с большими зазорами, незакрывающиеся двери и окна. Все это много раз было высмеяно артистами разговорного жанра, всякого рода Тарапуньками и Штепселями, и в отечественных кинокомедиях. Вспомним «Операцию “Ы” и другие приключения Шурика» (1965), где главный герой (его играет Александр Демьяненко) подрабатывает на строительстве дома, а ему на 15 суток дают напарника — «хулигана, алкоголика, тунеядца» в исполнении Алексея Смирнова. Шурик — студент, напарник — вполне себе обыкновенно отбывает на отделке дома очередное наказание под девизом: «Работа стоит, а срок идет». Что они там вытворяют — это надо смотреть. Какие обои они могли поклеить и как? И потому нормальным было сразу же после заселения затеять косметический ремонт, который начинался с замены обоев.

Обои продавались в любом «Хозяйственном» и недорого, от двух рублей за рулон. Расцветка была неказистой и небогатой — цветочки, лепесточки, геометрические фигуры на фоне неярких, пастельных тонов. Лучше, конечно, было поклеить импортные — польские, например, но за ними надо было еще постоять. За обоями получше надо было ехать в центр, например, на Ленинский проспект, там был хороший магазин «Тысяча мелочей». Обои были бумажными, что позволяло клеить новые рулоны поверх старых. Так создавался своеобразный культурный слой семьи — одна эпоха наслаивалась на другую. Ну а если было время, старые обои сдирали, сами оклеивали всю квартиру газетами, а сверху лепили новые. Получалось и качественно, и недорого.

Обычным делом являлся ремонт своими силами: одетый в старый выдавший виды женин халат москвич, нахлобучив на голову сделанную из газеты шапку-треуголку, с валиком в руках приступал к побелке потолка. А можно было найти через знакомых частного мастера, колымщика или шабашника, который взялся бы

за приведение квартиры в порядок, но это не позволило бы сэкономить. Была в Москве и фирма «Заря» — комбинат бытовых услуг, занимавшийся циклевкой паркета, обивкой дверей, утеплением и мытьем окон, врезкой замков и глазков, но на него часто поступали жалобы за некачественную работу.

В 1960-е годы привычному паркету в квартирах постепенно находят замену в виде линолеума. При Хрущеве химической промышленности уделялось огромное внимание, и потому этот синтетический материал стал активно применяться для покрытия полов: его не требовалось циклевать, достаточно было при желании купить специальную жидкость для натирки и самому втирать ее в разноцветные узоры линолеума. А в фильме «Я шагаю по Москве» главные героини сталкиваются с полотером (его играет Владимир Басов) — он натирает паркет в квартире известного писателя. К концу 1970-х годов профессия полотера стала все менее востребованной именно по причине повсеместного использования линолеума. А в иных квартирах пол так и остался деревянным, каким его сдавали новоселам еще в конце 1950-х годов.

Наступление хрущевок на бывшие подмосковные деревни породило и потребность в мебели, которая могла бы влезть в малометражные квартиры. И потому советская мебельная промышленность приступила к выпуску соответствующей продукции — невысоких шкафов, сервантов (вместо буфетов), встроенных гардеробов, раскладных диванов-кроватей, настенных полок. Габариты новой мебели были рассчитаны так, чтобы высота шкафа не превышала 1,8 метра, высота спинок стульев — 85 сантиметров, а спинка кровати — 70 сантиметров. Отныне самыми важными свойствами домашней мебели провозглашаются рационализм и удобство под девизом: «Современная мебель должна иметь простые формы!» А мебель делится не на павловскую или александровскую, а на секционную, комбинированную и трансформирующуюся.

Достигнуто небывалое ранее единство формы и содержания — экономия при возведении хрущевок

приводит к использованию наиболее дешевых материалов и при изготовлении мебели. Дорогая древесина разных пород (дуб, бук, орех, красное дерево) уступает место фанере и ДСП (столярная плита из склеенных стружек и опилок), для фурнитуры активно используются недорогие искусственные материалы типа пластмассы. Сверху новую удобную мебель покрывают полировкой. Теперь главная забота многих новоселов — не испортить полировку!

В пьесе Виктора Розова «В поисках радости» героиня, мещанка Лена, только тем и занята с утра до вечера, что ищет новую мебель по Москве, призванную заполнить ее новую квартиру, которую вот-вот дадут. Свекровь пробует ее успокоить: мол, Леночка, куда в такую рань, хоть бы поела, а она отвечает: «Такие серванты раз в году бывают», что, в общем, четко отражает повседневность эпохи. Удача способствует ей на распродаже чешских сервантов в популярном мебельном магазине на Дмитровке. Оттолкнув какую-то старуху, она в последний момент становится обладателем вожделенного серванта, с которым она обращается даже лучше, чем с мужем: «Красавчик ты мой! Прелесть ты моя!» — а еще хвалит производителя: «Молодцы чехи, здорово делают».

Когда полированный сервант привозят и с трудом втискивают в комнату коммуналки, где он и должен дожидаться новоселья, Леночка тащит два старых пальто и укутывает его, как самое дорогое в жизни (детей у нее, разумеется, нет). Не дай бог поцарапать. Но серванта ей мало, она еще раздвижной стол купить хочет, два книжных шкафа, тахту... Однако на исходе пьесы юный правдолюб Олег в страшном раже рубит сервант дедовской саблей. Таким образом официально пропагандировалась борьба с мещанством — попыткой горожан выйти за пределы навязываемой им в условиях дефицита мебели «простоты» и «скромности».

Полированная мебель вызвала необходимость постоянного ее протирания, чтобы избавиться от отпечатков пальцев. И тогда советская мебельная про-

мышленность наладила выпуск светлой, «под дуб», неполированной мебели.

Новые материалы диктуют и новую моду. Вместо тяжеловесных кресел — легкие низкие кресла с удобными поручнями для локтей, на таком кресле комфортно сидеть за журнальным столиком, а рядом — торшер. Прилечь можно на кушетку или софу. Распространенной заменой двуспальной кровати служит тахта — сильно упрощенный вариант царского ложа. Герои рассказа Юрия Трифонова «Обмен» спали на удачно купленной широкой тахте чехословацкого производства, являвшейся предметом зависти всех знакомых. Однако уже через три года после покупки тахта обнаружила свой главный недостаток — скрипучесть при каждом неосторожном движении (следствие непрочности), что создавало крайние неудобства в личной жизни, ибо рядом с ширмой спала дочь-школьница.

Что могло влезть в хрущевскую кухню? Тогда кухонные гарнитуры были большой редкостью. Узкий шкаф с двумя дверцами — колонка, для хранения круп, сахара, соли. На колонке уместается хлебница. Мусорное ведро скрыто шторкой, под раковиной. Обеденный стол с выдвижным ящиком (для ложек и вилок) и дверцами внизу выполняет функции шкафчика. Если нет холодильника, то зимой скоропортящиеся продукты можно сунуть в авоську, а саму ее повесить на ручку форточки и выдворить на улицу. Стулья в такой кухне не поместятся, потому удобны в использовании табуретки стандартные — была среди них модель с потайным отделением, под седушкой, где хранилась записка. У поэта Константина Ваншенкина домработница Дуся регулярно откладывала туда деньги, оставшиеся после похода в магазин. Выяснилось это, когда Дусе дали расчет, а она, видимо, впопыхах забыла или не смогла (при хозяевах-то!) извлечь свою записку.

Покупать новую мебель стало модным и относительно доступным. Еще до хрущевской реформы 1961 года при средней заработной плате 700 рублей в месяц обеденный стол можно было купить за 300 рублей, стул — за 55, кровать — за 250 рублей. А некото-

рые забрали с собой в новые квартиры и старые железные кровати с панцирной сеткой, которая от старости так провисала, что напоминала дачный гамак. Вскоре в магазинах появились нормальные деревянные кровати.

Переезжая из коммуналок в хрущевки, москвичи были вынуждены согласиться с тем, что часть старой мебели придется оставить, да она и не влезла бы. Было жалко. Ведь даже живя в коммуналках, люди умудрялись разнообразить среду своего повседневного обитания, порой в ущерб себе. Во многих комнатах и шагу ступить было нельзя от того, что все было заставлено старой обстановкой — всеми этими черными диванами с тяжелыми жесткими подушками и двумя валиками, буфетами с архитектурными излишествами, старыми дубовыми столами со стульями, бабушкиными комодами, платяными шкапами. Вот потому-то комиссионные магазины в 1960-е годы были завалены антиквариатом, здесь можно было обогатиться и старинной люстрой с канделябрами, ломберным столиком, обитым полосатым шелком диванчиком из красного дерева павловской эпохи, колченогим круглым обеденным столом и резным буфетом. И человек с деньгами (а хорошо бы еще и со вкусом) одновременно мог очень даже неплохо обставить свою большую квартиру в центре. Ирина Архипова, не раз бывавшая за границей, заметила, что там к хорошей мебели другое отношение:

«Там не было того повального увлечения “модерном”, всей этой угловатой полированной мебелью, какое началось у нас в 50-е годы и потом приняло характер обязательного стереотипа. В домах меня привлекло сочетание старинных вещей с современными. Пусть был один-два предмета старинной обстановки, но они так удачно “обыгрывались”, находились в таком удачно выбранном для них месте квартиры, что смотрелись с самой выгодной стороны. Вернувшись как-то с очередных гастролей, я взглянула на свою домашнюю обстановку уже другими глазами — и разочаровалась в ней. Я поняла, что все это безликое, стандартное, почти казарменно-среднестатистическое. И пошла в ко-

миссионный магазин... Я поговорила с встретившим меня продавцом, рассказала, кто я, что интересуюсь стариной. Он отнесся ко мне с пониманием, записал телефон и обещал дать знать, когда появится что-либо достойное внимания. Через какое-то время он позвонил и сказал: “Вам повезло — нам предложили очень хорошее старинное зеркало”. Его продавала пожилая супружеская пара инженеров-геодезистов — очень интеллигентных людей. Они получили отдельную квартиру в новом доме и были вынуждены продать часть мебели, которая не помещалась на новом месте. Зеркало оказалось венецианского стекла в красивой раме необычной формы. Хозяева зеркала рассказали, что оно когда-то принадлежало самому Ф. И. Шаляпину, у которого они купили его, когда певец уезжал из России. Конечно же, я купила эту красивую вещь (да еще с такой удивительной историей!), причем по тогдашним временам очень недорого — всего за 120 рублей».

Второй старинной вещью, перекочевавшей в квартиру народной артистки из популярного в среде богатеньких москвичей мебельного комиссионного магазина № 1 на Петровке, 28, стал необычайно красивый комод из розового дерева, с мраморной доской и бронзовыми накладками-украшениями. Его также сдали в магазин пожилые московские интеллигенты, покидавшие обжитые кварталы Арбата и получившие новую отдельную квартиру на Юго-Западе. Правда, хорошие знакомые певицы, которых она привела в магазин посоветоваться, — академик-филолог Виктор Виноградов и его жена Надежда Малышева, педагог музыкального кружка в Архитектурном институте, раскопавшая среди его студентов немало вокальных талантов, в том числе и саму Архипову, к выбору ее отнеслись скептически. Они-то видели и мебель получше, и вкусом обладали хорошим. Малышева пыталась отговорить: «Ира! Это не то! Это хорошо для генеральщ — слишком уж эффектно». Архипова парировала: «Зачем мне быть генеральшей — я сама генерал», — последнее соответствовало ее высокому положению примы в Большом театре. Действительно, зачем Архиповой генерал,

вот она и вышла замуж за молодого тенора и бывшего солдата Советской армии Владислава Пьявко, годами на 17 лет ее моложе.

А еще лучше, если старую мебель можно было достать прямо у бывшего владельца или его близких. Однажды в квартире Владимира Высоцкого раздался телефонный звонок. Ему предложили немедленно приехать в бывшую квартиру Александра Таирова и Алисы Коонен и выбрать понравившуюся мебель. Прима Камерного театра надеялась на создание мемориального музея в своей квартире, но после ее смерти всё срочно пришлось распродавать. Большую часть уже успели вывезти, отдельные предметы просто не влезали в типовые московские квартиры. А у Высоцкого квартира была не типовая, а хорошая, кооперативная. «Нам повезло — у нас большая квартира с холлом, нормальный коридор, где все пройдет, даже, если надо, рояль! Посмотри и выбери, что хочешь», — сказал актер своей жене Марине Влади.

В итоге квартира Высоцкого украсилась огромным красивым креслом темного дерева в стиле ампир с изящной высокой спинкой, как у плетеных шезлонгов с пляжей на севере Франции, а еще большим письменным бюро с многочисленными ящичками и выдвижными частями, прелестным секретером «очень дамского вида», застекленной горкой из светлого ореха внутри и красного дерева снаружи. За этим письменным столом Высоцкому предстоит написать немало замечательных стихов.

Герой «Дома на набережной», слишком образованный Глебов, рыскает по всей Москве в поисках антикварного стола: «Сказали, что можно взять стол, пока еще неизвестно где, сие есть тайна, но указали концы — антикварный, с медальонами, как раз к стульям красного дерева, купленным Мариной год назад для новой квартиры. Сказали, что в мебельном возле Коптевского рынка работает некий Ефим, который знает, где стол. Глебов подъехал после обеда, в неистовый солнцепек, поставил машину в тень и направился к магазину».

Вот вам и преобладание духовных запросов над материальными, которыми якобы отличались советские люди, — в несусветную жару (в 1972 году вокруг Москвы горели торфяники) культурный человек, рискуя здоровьем, тащится на другой конец Москвы за мебелью. Когда-то Лев Толстой, покупая усадьбу в Хамовниках, заметил там хозяйский мебельный гарнитур красного дерева. «Я старину люблю!» — сказал великий писатель и до кучи приобрел стулья. Но ведь Глебов — не Толстой!

Писатель Александр Кабаков вспоминает: «В конце шестидесятых — начале семидесятых в наши квартиры хлынуло то, что гордо называлось “антиквариатом”, хотя правильное и честное название этому было бы просто “старье”. Центром столичного интеллигентского жилья стал примитивно резной буфет. Из всех мебельных комиссионек Москвы — а их было тогда множество — выделялась скупка на Преображенском рынке. Это был целый ряд сильно запущенных сараев, набитых сломанной дешевой мебелью, в основном дореволюционного, так называемого “базарного” изготовления, колченогой, с косо висящими дверцами, рваной обивкой и дырявыми сиденьями. Полутемное пространство уходило вглубь сарая, по которому можно было бродить в поисках той рухляди, что рисовалась в мечтах, часами — если был готов выносить специфический едкий запах старья. А если ничего подходящего не находилось — то вот он, рядом, другой такой же сарай и еще один... Здесь, на Преображенке, и находили, после более или менее долгих поисков, буфет. Старая кухонная деревяшка, которой предстояло стать украшением главной (если их было больше одной) комнаты кооперативной (как правило) квартиры».

Но найти резной буфет за 80 рублей — полдела, а вот как его затащить в квартиру: «Фундамент, нижняя толстая доска, украшенная фигурными плитусами, был, естественно, самой тяжелой частью сооружения. В лифт он не влезал, и крепкие туристы-байдарочники, напрягая все силы, оставшиеся от пения у костра,

перли его наверх пешком, время от времени притирая кого-нибудь к стене. Потом поднимали разобранный корпус — болтающиеся латунные петли, деревянные шпены, обнаружившиеся, когда панели отделяли друг от друга, полки в чайных и винных кругах. В зависимости от дизайна корпуса буфет приобретал название: “со стеклышками” — если в верхних дверцах были цветные стекла, как бы витражи; “с плитой” — если выдвижная из-под верхней части буфета полка была из мрамора; “с верхушкой” — если буфет имел венец, верхний резной карниз... Венцом, как правило, приходилось пожертвовать при сборке буфета на месте — не помещался при высоте кооперативного потолка в 2 метра 70 сантиметров максимум).

Спрос на старую дорогую мебель спровоцировал развитие такого вида нелегальной (а другой и быть не могло) предпринимательской деятельности, как скупка и восстановление обветшавшего антиквариата с целью его дальнейшей продажи. С точки зрения советского уголовного права это расценивалось как спекуляция и получение нетрудовых доходов. Пойманные с личным могли получить до десяти лет с конфискацией имущества. Десятки искателей старины с целью чем-нибудь поживиться осаждали стройплощадки в центре города, где сносили старые московские дома, и никогда не уходили с пустыми руками. Затеяливая дверная ручка, найденная на развалинах, вызывала восторг у ее нового обладателя.

Наличие в квартире старорежимной мебели стало признаком, позволявшим отнести ее хозяина к новой привилегированной и влиятельной прослойке советского общества. Критик Сергей Чупринин купил кооперативную квартиру у станции метро «Аэропорт» во второй половине 1970-х годов и сразу пристроил дочь в местный литфондовый детсад. Уже в первый день дочурка подружилась там с внучкой некоего «самого главного писателя». Этот писатель тут же объявился на следующий день — пришел посмотреть с *правильной* ли семьей познакомилась его внучка. Им оказался Владимир Солоухин, почвенник с золотым перстнем (с

профилем Николая II) на безымянном пальце: «Почти не разговаривая, осмотрелся: ну, что сказать — однушка, мебель из ДСП, икон нет, тем более старинных... Больше мы с ним никогда не встречались. И у дочери дружба сразу же сошла на нет».

ДСП — оно и есть ДСП — тяжелый, неподъемный материал. А вот для богатых — «стенка» уже из карельской березы. Это уже о чем-то говорит, значит, ее обладатель где-то ударно трудится — в той же советской торговле или мясником, например. А еще банщиком — тоже хорошая профессия. Для номенклатуры лучшей мебелью считалась финская, превратившаяся в недостижимую мечту для большинства москвичей. Именно такой мебелью были наполнены квартиры в элитных домах. «Ах, какие есть в Москве квартиры, с какими интерьерами, с какой мебелью и посудой, с какими кинжалами и кортиками на коврах, с какой техникой, с какими системами, чтобы послушать и посмотреть, с какими кассетами... некоторыми очень и очень поучительными... Впрочем, вам это не понять», — разорялась героиня романа Владимира Орлова «Аптекарь». Всё так, власть имущие жили не то что на другой планете, а в иной галактике.

В пьесе Василия Шукшина «Энергичные люди» персонаж по прозвищу Лысый хвастает: «Вот эту “Рамону” (гарнитур югославский) доставал ему я: я потерял на этом триста целковых, но зато он мне достал четыре дубленки: мне, жене, дочери и зятю — по нормальной цене». За югославской мебелью охотились, стенка орехового цвета «Рамона» состояла из четырех секций по 90 сантиметров каждая и высотой почти два с половиной метра. Ее отличали надежность, практичность и красота (в ее тогдашнем понимании). Отечественная продукция по спросу уступала мебели из стран народной демократии — Румынии, Польши, ГДР.

Так постепенно понятие «мебель» оказалось вытеснено другим — «стенка», оно закрепилось в народном сознании с начала 1970-х годов. Почему «стенка»? Квартиры в домах повышенной этажности в 9, 12 и

16 этажей обладали необходимыми габаритами, чтобы покупаемую мебель можно было бы расставить вдоль одной из стен квартиры. Покупали такую мебель один раз на всю оставшуюся жизнь, чему потворствовала весьма высокая стоимость. Например, набор мебели для жилой комнаты, состоявший из трех шкафов (один под книги), серванта с баром, тумбы под телевизор, дивана, стола обеденного, шести стульев и двух кресел, стоил две тысячи рублей. Гарнитур победнее обходился дешевле — до тысячи рублей. Его можно было получить в качестве подарка на свадьбу.

«Типовые квартиры обставлены типовой мебелью» — так емко и иронично охарактеризован интерьер простой московской квартиры в известном новогоднем фильме 1975 года. Всё там правда: и происхождение мебели, и ее похожесть и стоимость, и даже размер денежного вознаграждения, что платили продавцу магазина сверху (теперь это называется «бонусами»). Женя Лукашин, случайно улетев в Ленинград и попав в чужую квартиру, чувствует себя как дома: «Почему вы переставили мой шкаф?» — «Как его внесли, так он и стоит — это мой гарнитур, польский». — «830 рублей». — «И двадцать сверху». — «Нет, я дал двадцать пять».

В Москве хороший мебельный магазин был на Ленинском проспекте — «Дом мебели». Но были магазины и в спальных районах. Туда редко завозили что-нибудь хорошее и модное, а потому люди записывались на «стенку», то есть составляли списки стоящих в очереди. Чтобы очередь уменьшалась, придумали отмечаться — то есть человек должен был в определенное время подойти к магазину и подтвердить свое присутствие, когда его фамилия выкликалась из списка. Тех, кто не пришел, вычеркивали. Так могло продолжаться довольно долго — и несколько месяцев, и полгода. Но в итоге все же терпеливые граждане получали то, что хотели. Завести знакомство с продавцом из мебельного, с заведующим отделом было удачей, а уж с самим директором — такое и не снилось простому инженеру. Продавцу, шепнувшему о скором по-

ступлении мебели в магазин, надо было «дать на лапу», но это не считалось взяткой, а было формой благодарности.

Живущие в хрущевке герои кинофильма «Взрослые дети» со слезами на глазах узнают, что их зять купил мопед вместо немецкой мебели «Хельга», на которую они так долго отмечались в магазине. Это была одна из самых приличных и доступных советским людям мебель, полированная, в светлых тонах, с приличным дизайном. Кроме того, «Хельга» действительно была удобной — в нее влезало очень много вещей самых разных членов семьи, а также и мелкая бытовая техника, от утюга до электробритвы. И смотрелась она в малометражной квартире очень недурно.

Само слово «стенка», если вдуматься, было весьма символичным. Еще недавно в СССР в ходу было словосочетание «поставить к стенке», и надо сказать, ставили довольно активно, а тут «стенка» сама пожаловала в дома москвичей. Налицо — явная гуманизация понятий в советском обществе. «Стенка», объединяя разные по назначению корпуса в общие блоки шкафов, позволяла таким образом делить квартирное пространство на несколько функциональных зон. Украшением «стенки» нередко был секретер с откидывающейся крышкой, превращающейся в столик, за которым можно было неплохо посидеть. А напитки можно было хранить в баре, скрывавшемся в глубине секретера. Бар был оформлен роскошно — зеркалом, обит красным кожзамом. А еще за таким столиком ребенок мог делать уроки — весьма удобно! Показателем достигнутых критериев хорошей жизни, принятых в советском обществе, служили забитые дефицитными изданиями книжные шкафы со стеклянными дверцами. Отдельная секция предназначалась под хрусталь и чайный сервиз. При этом сама «стенка» превращалась в декорацию для периодически перемещаемых по комнате кресел, стульев и дивана, что выражало желание москвичей хоть как-то сменить обстановку. Ведь мебель-то другую уже не купишь — та, которая есть, она на всю жизнь.

Вместе со «стенками» пришли и кухонные гарнитуры, мягкие уголки опять же для кухни, кресла-кровати для детей (на них можно было проспать лет десять, вплоть до армии). А в коридор обычно ставили трельяж, представлявший собой своеобразное зазеркалье — три узких зеркала, а внизу тумбочка. Из книжных полок лучше всего было покупать чехословацкого производства — они не разваливались и не падали со стены через месяц-другой.

К услугам людей, у которых руки «росли, откуда надо», был специализированный советский журнал «Моделист-конструктор». Из него можно было узнать, как своими руками из подсобных материалов смастерить книжный шкаф, шведскую стенку, вешалку в коридор. Оставалось только достать пиломатериал — с этим была проблема, выходом из которой служило знакомство с грузчиками соседних магазинов — овощных, промтоварных. У них можно было достать по дешевке деревянные ящики и поддоны, превращавшиеся после долгих и неоднократных экзекуций (шкуркой, шлифовкой, лакировкой) во вполне приемлемый для обшивки материал. Возникло даже такое поветрие — обшивать кухню или коридор «под дерево». Герой пьесы «Старый Новый год» замечает в этой связи: «На дерево хорошо девчонки идут!»

Повсеместное распространение приобрели пластмассовые люстры с «висюльками» типа «Каскад», состоявшие из четырех ободков с крепившимися к ним по кругу «хрустальными» штучками. При электрическом свете люстра кому-то напоминала хрустальную. Стоила она чуть больше 20 рублей, потому была дефицитом и висела во многих квартирах. К люстре старались достать такие же настенные светильники — бра.

Как бы в ответ на пластмассовые люстры появились хрустальные, в том числе изготовленные знаменитой Артелью им. Клары Цеткин в Воронеже и продававшиеся по розничной цене 37 рублей 46 копеек. Но они были отнюдь не из венецианского стекла, как утверждал «потерпевший» работник склада в фильме «Мимино».

Популярными стали подсвечники в качестве элемента украшения интерьера. Их тоже было полно в комиссионках, самая известная из которых, торговавшая хрусталем, фарфором и прочей роскошью, находилась на Арбате, 36. Главное — наличие денег, и тогда свое место на резном буфете занимал «шикарный, прекрасно сохранившийся шандал, и даже не просто темной бронзы, а посеребренный, а при хороших отношениях с торговыми работниками — и серебряный», — свидетельствует счастливчик. Там же, на Арбате, можно было удачно прикупить и картины, например, миниатюру кого-нибудь из талантливой и дружной семьи Маковских.

Подсвечник, а рядом фотографии в рамках хорошо смотрелись на пианино, купленном для занятий любимого чада в районной музыкальной школе. Это тоже было модно: для общего развития ребенка заставляли вместо гуляний на улице учить гаммы. Бабушка или дедушка также были задействованы — дважды в неделю возили внуков в «музыкалку».

Так и складывались специфические материальные приоритеты московской творческой интеллигенции — письменный стол, обитый зеленым сукном «как у Чехова», такого же цвета настольная лампа (у Сталина в кабинете похожая была), иконы по углам, а еще плетеные кресла-качалки, резные буфеты и неудобные пузатые диваны. Впрочем, почему только творческой. Вот, например, описание семейного гнездышка одного из многочисленных помощников Брежнева: «В Москве их образ жизни стал похож на буржуазный: огромная пятикомнатная квартира на улице Горького, обставленная стильной мебелью, с диванным гарнитуром, обитым шелковым штофом, многочисленные украшения в виде бронзовых или фарфоровых статуэток, хрусталя и картин завершали вид богатого, процветающего дома... Приобретения были не только увлечением, но истинной страстью хозяйки. Трудности [повседневной] жизни открывали неожиданные возможности. Оказывается, можно было поделиться талонами в “кремлевскую столовую” с вдовой престиж-

ного художника и задешево приобрести его картины, которым нашлось бы место в небольших музеях».

Иконы, которые не раз упоминаются в нашей книге, были предметом интереса в самых разных слоях общества, что можно характеризовать как некий китч. Мы видим, например, икону в фильме «Бриллиантовая рука» в квартире мелкого жулика Гены Козодоева. Среди москвичей собирательство икон было в моде. Например, писатель Андрей Синявский со своей супругой Марией Розановой чуть ли не ежегодно отправлялся в турпоходы за иконами по разоренным деревням Русского Севера. Порой иконы буквально спасали от гибели. Этот маршрут знали и многие другие, нажив себе приличное состояние.

Народ попроще вешал на стены не иконы и картины, а ковры («как в юрте»). К 1970-м годам ковер был почти в каждой московской квартире. Хорошие шерстяные ковры с причудливыми узорами привозили из Туркмении, а также из-за границы. Стоили ковры недешево. И по этой причине класть на пол такую красоту считалось расточительством. Зимой с большим удовольствием ковры выносили на улицу, клали на снег и выбивали палками или специальными пластмассовыми шлепалками. Ковер оставлял на снегу большое серое пятно, а уже в квартире источал запах свежести. А у кого-то над кроватью висел маленький хлопковый коврик с бахромой, своего рода гобелен. Разнообразием сюжетов они не отличались — картины из жизни оленей, слонов или рыбок. Некоторые граждане вешали на ковер кортики, кинжалы и сабли, а на стены — чеканку.

А еще была мода в 1960-х годах вешать на стену портреты писателей. «В Москве почти в каждой квартире на стене висел Хем — вместо иконы. Хемингуэй. “Праздник, который всегда со мной”. Вот он нас всех и спойл! Русскому главное — дать идею, и непременно заграничную, и хорошо бы разрушительную, и пошли слизывать как обезьяны. Под Хема спились все. Это считалось самым модным. Пили водку, “Чинзано”, шампанское, джин с тоником, виски — в обихо-

де было выражение “до положения риз”», — вспоминает актриса Татьяна Егорова. А кроме Хема вешали Экзюпери («И когда летал Экзюпери»), а из наших — Пастернака.

Проблемы заставить купленную мебель тоже не возникало, у всех всё было одинаково — либо хрусталем, либо гжелью-хохломой и прочими народными промыслами, либо фарфоровыми сервизами — у кого на что хватало денег и опять же вкуса. Люди знающие из комиссионки не вылезали, в 1960—1970-е годы там было полно дореволюционных сервизов заводов Гарднера, Кузнецова, Попова и даже царской хрустальной посуды. А простой народ довольствовался несколько тяжеловатой продукцией завода из города Гусь-Хрустальный (из прозрачного и синего стекла) или еще лучше — изящной чешской фирмы «Богемия» (этикетки не выбрасывали, так и пользовались, чтобы было видно). В 1970-е годы сложился своего рода домашний культ хрусталя. Фужеры и бокалы ждали очередного праздника за стеклом, в стенке. Предметы потяжелее занимали свое место на открытых полках — вазы, розеточки, салатники. Несколько раз в год все это доставали и перемывали в специальном растворе из уксуса и соли, а еще терли сырым картофелем, протирали крахмалом или спиртом.

Тяжело было с сантехникой, во многих хрущевках раковины на кухнях как были, так и остались чугунными (ванна тоже). Постоянно текли водопроводные краны и сливные бачки, становясь источником дополнительных доходов для хамоватых сантехников. Один из них, по имени Афоня, стал олицетворением неприятного советского бытового сервиса. Как ловко он надувает «астронома» своей фразой: «Воду я тебе перекрыл, не вздумай снова открывать!» Тут уж отдашь любые деньги за «японскую» прокладку (отечественные прокладки продавались в хозяйственных, но постоянно пропускали воду и были недолговечными). А как деловито он «меняет» раковину! Раковины делились на ленинградские (получше) и саратовские (похуже) — по месту их производства. Да, не зря

номенклатура так любила дома ЦК, оснащенные итальянскими унитазами.

Однообразие квартирному пространству порождало культ бытовой техники, превращаемой в предмет гордости. Еще Маркес заметил, что советские люди считают себя изобретателями множества самых простых вещей, начиная с вилки и кончая телефоном: «Если однажды иностранный турист встретит в Москве нервного лысоватого парня, который станет утверждать, что он изобретатель холодильника, не надо считать его сумасшедшим: вполне возможно, он на самом деле изобрел холодильник, много лет спустя после того, как он стал повседневностью на Западе».

Массовое производство советских холодильников началось только после войны, а до этого они и не требовались, ибо хранить в них было особо нечего: всё, что покупали, тут же и съедалось. Первый серийный холодильник был московского происхождения и назывался он в честь родившего его в 1950 году завода «Газоаппарат», потом были «Север», «Морозко», «Саратов», «Минск», «Юрюзань», «Апшерон», «Бирюса» и др. О своем присутствии в квартире холодильник не давал забыть, напоминая о себе круглосуточным шумным урчанием: если он стоял в кухне, то на ночь ее лучше было закрывать. То же относилось к коридору, и уж совсем плохо, если наглый холодильник пролезал в комнату — приходилось терпеть его вечное бормотание. Еще одной проблемой была нагревающаяся задняя стенка, используемая для сушки носков. Разновидностью холодильного творчества в СССР стала модель «Ока», выпускаемая секретным Муромским оборонным заводом. На двери этого холодильника было встроено отверстие для выдачи прохладительных напитков. Нормальным явлением был холодильник со встроенным замком, дверца которого закрывалась на ключ, что оправдывало себя в условиях коммуналки.

Самым популярным был и оставался все годы советской власти холодильник «ЗИЛ» (в 1956 году счастливыми обладателями марки «ЗИС-Москва» стали более шести тысяч москвичей). Сразу было видно, что

это московский холодильник — стилиста среди всяких там «Саратовов» — обтекаемой формы, с изящной дизайнерской надписью на корпусе, большая металлическая ручка, хромированная отделка. Положить дефицит в такой холодильник было вдвойне приятно. Холодильник «ЗИЛ» отличался и хорошим качеством, поскольку делали его на автозаводе. Отличный металл, прочная покраска обеспечивали ему долговечность и огромный спрос. «ЗИЛ» постоянно совершенствовался, были «ЗИЛ-63», «ЗИЛ-64» и трехкамерный «ЗИЛ-65». В основном очередь на «ЗИЛ» состояла из инвалидов и участников войны, заслуживших право иметь дома хороший холодильник для хранения продовольственных заказов.

Известность получил и финский «Розенлев», тот самый, на который товарищ Саахов покупает себе невесту в фильме «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966). Он был доступен только наиболее ответственным руководителям, и потому нахождение такого «предмета интерьера» в квартире мгновенно определяло место и должность его обладателя. Такие люди обычно ели по утрам на завтрак финский сервелат, доставая его из финского же холодильника.

Отечественные холодильники работали долго, редко ломаясь. Свою старость они встречали на даче, куда их вывозили, как и прочее отжившее свой век имущество. Но даже там, когда сгорал мотор, к ним приходила вторая молодость вечного металлического шкафа, в котором можно было хранить все что угодно.

Еще одно советское «изобретение» — пылесос также стал проникать в московские квартиры в 1950-х годах. Первая модель называлась, как и положено, «Пионер» и напоминала электрошвабру с мешком для мусора. Затем все же велосипед решили не изобретать, ибо цивилизованный мир уже все придумал, и потому один из первых массовых пылесосов «Днепр» так походил на шведский «Электролюкс». Пылесосы, как и холодильники, были вечными, но шумели, как истребители, словно перед взлетом оповещая о своей

работе все соседские квартиры. Включать телевизор в это время было просто нереально, что провоцировало конфликт с подрастающим поколением, желающим посмотреть мультики в субботу (уборка квартиры осуществлялась обычно по выходным). Неудивительно, что пылесосы своим дизайном очень напоминали боевую продукцию отечественного ВПК, оправдывая анекдот о том, как на одном заводе что бы ни собирали, все время получается пулемет. И названия-то у них были соответствующие — «Буран», «Тайфун», «Вихрь», «Циклон», «Чайка», «Ракета» (действительно был похож на ракету) и пр. У этих пылесосов был только один режим — «Вкл.», но он позволял засосать абсолютно всё. Никакие фильтры никогда не засорялись (более мелкая пыль вылетала через другое отверстие). Простейшее устройство пылесоса, когда две металлические полусферы делятся матерчатой прокладкой, обеспечивало бесперебойную работу агрегата. Когда уборка заканчивалась, москвич открывал пылесос, брал эту самую прокладку и шел на помойку выбивать комья скопившейся пыли. Все предельно просто — чему же здесь ломаться?

О кондовой прочности агрегата свидетельствует тот факт, что к некоторым моделям («Урал») придавался чехол из кожзаменителя, маскировавший пылесос под пуфик, превращая его в дополнительное сидячее место в квартире (попробуйте сесть на нынешние пылесосы!). Горожане научились использовать пылесос для побелки потолков, покраски всего, чего нужно, борьбы с комарами и мухами, сушки волос и постиранных пуховых подушек. Пылесосы берегли, передавая по наследству.

А вот со стиркой белья было хуже. Кто-то стирал по старинке, замачивая постельное белье в ванне. При этом железная стиральная доска была в каждом доме. Кипятили белье в металлических ведрах на плите, добавляя синьку для пущей белизны простыней и наволочек. Стиральные машины получили широкое распространение ближе к началу 1970-х годов и сразу обнаружили свои недостатки — часто горел двига-

тель, да и к тому же они изначально не были призваны «встраиваться» в квартиру. Стирали — и уже хорошо. Главным механизмом «стиралки» была «мешалка» — пирамида с четырьмя лопастями, вертевшаяся туда-сюда вместе с бельем. Она не только не мешала, но и безбожно портила вещи, особенно в первых моделях, изготавливаемых в Прибалтике. Назывались они, естественно, «Рига». Модель «Рига-54» напоминала последнюю ступень космической ракеты, хоть запускай ее с Байконура. Следующая за ней «Рига-55» оказалась куда лучше, будучи точной копией шведской «Хускварнь». В ней было предусмотрено устройство для ручного отжима — два валика, приводящиеся в движение длинной ручкой. Белье лезло между валиками как металл в листопрокатном стане. Пока отожмешь — руки отвалятся, поэтому этим приспособлением редко пользовались.

В инструкции к стиральным машинам подробно объяснялось, как ими пользоваться, например, «приготовьте горячий мыльный раствор, затем залейте его в машину», а в конце «возьмите шланг и слейте через него использованную воду в канализацию». Ошибиться было затруднительно, но некоторые забывчивые граждане нарушали даже этот простейший алгоритм, в итоге вода выливалась на пол, вызывая потребность ремонта соседской квартиры.

Названия «стиралок» свидетельствовали о небогатстве водных и прочих ресурсов одной шестой части суши — «Ока», «Волга», «Обь», «Урал», «Амгунь», «Сибирь» и т. д. А были еще «Чайка», «Малютка», «Малышка», «Фея»... Но как бы они ни назывались и где бы ни производились, большую часть их объединял сходный дизайн (если это слово вообще здесь применимо) — они напоминали огромную бочку для дождевой воды, что стоит обычно на даче. И после поломки они туда и отправлялись. А еще у «стиралок» часто выходил из строя таймер — главное достижение, которого удалось добиться советской промышленности.

На московском заводе имени Владимира Ильича долго бились над проблемой — как облегчить хозяйке

стирку, а именно — отжимать белье сразу, не вынуждая сначала вынимать постиранное, затем сливать воду, а потом опять загружать вещи в уже пустую центрифугу. Результатом перенапряжения умственных способностей московских инженеров стали модели «ЗВИ» и «Эврика», уже не бочкообразные, а квадратные. Но все это было вчерашним днем, правильнее сказать, позавчерашним.

Спасибо итальянской фирме «Мерлони», продавшей в СССР свое оборудование, смонтированное в Кирове лишь к 1980 году, когда и начали производить первую в отечественной истории автоматическую «Вятку-автомат 12» (тот же «Аристон»). Эта модель превратилась в предел мечтаний любой советской хозяйки, готовой ради нее даже выйти замуж по расчету за москвича, так как эти машины продавали лишь обладателям столичной прописки. В ней была дюжина программ, и стоила она дорого — около 495 рублей. Стиральные машинки стали автоматическими, а белье по-прежнему вешали сушить во дворе.

Мелкие бытовые приборы — утюги, кофеварки, соковыжималки, фены также постепенно появились в московских квартирах, свидетельствуя о «росте благосостояния» советских людей.

В любой комнате главным украшением был телевизор. Еще в коммуналках появились первые телевизионные приемники модели «КВН-49», названной так по первым буквам фамилий ее конструкторов. В народе же на свой лад расшифровали эти три буквы: «Купил — Включил — Не работает». Экран у него был маленький — 18 сантиметров в диаметре, а потому к телевизору придавалась линза, заполняемая дистиллированной водой из аптеки или глицерином. Выпускался «КВН-49» в различных модификациях очень долго — до 1969 года. А в 1967 году в СССР наконец появился свой цветной телевизор «Рубин-401», а за ним и «Рубин-714» с диагональю 61 сантиметр, самая массовая модель. С тех пор телевизоры стали различать по цветам. У большинства москвичей были черно-белые (к тому же до конца 1970-х годов многие телеви-

зионные передачи снимали на черно-белую пленку). Отстояв немалую очередь в московских магазинах, можно было купить телевизоры под маркой «Рассвет» (недорогой и надежный), «Рекорд» (с отделкой под дерево), а еще «Горизонт», «Темп», «Электрон», «Весна», «Славутич», «Фотон» и пр.

Что было характерно для всех марок? Во-первых, переключение каналов. Никаких пультов, только тумблер, чтобы его повернуть (иногда с усилием), требовалось встать с дивана. Хорошо еще, что каналов было немного, от силы четыре, да и смотрели их по вечерам. Что-то интересное показывали лишь по одному из них, а потому проблемы выбора не было. Что давали, то и смотрели по телевизору, не важно, какого цвета. Бывало, что тумблер отваливался, тогда на помощь приходили плоскогубцы. Хватаешь ими штырек и щелкаешь. Вот и все переключение.

Во-вторых, цветные телевизоры были весьма тяжелыми, сдвинуть их с места еще можно было, но вот поднять удавалось только двум здоровым мужчинам. А необходимость такая была, если телевизор прекращал показывать. Звук есть, а цветом не кажет. Его можно было отремонтировать самому, стукнув кулаком по корпусу или заменив на задней панели предохранитель, который почему-то часто перегорал. А если и звука нет, то требовался телевизионный мастер (хорошая профессия!) с дефицитными деталями. Содрать мог много. Хуже, если кинескоп накрылся и надо было везти в телемастерскую, тут десяткой не отделаешься. Некоторые модели телевизоров славились тем, что неожиданно взрывались, причем даже будучи выключенными, поэтому штепсель из розетки лучше было вынимать.

Дефицитом были и переносные телевизоры, например, «Ровесник» за 100 рублей, весом менее полутора килограммов и диагональю восемь сантиметров, и «Электроника ВЛ-100», выпущенный к столетию Ленина, за 140 рублей. Они работали на аккумуляторах и в принципе могли поместиться на кухне на холодильнике, но в основном были к месту во время туристического отдыха.

С 1960-х годов каждая семья пыталась приобрести магнитофон, поначалу катушечный, или бобинник, а затем уже и кассетный. В пьесе «Старый Новый год» Клава Себейкина говорит: «У всех теперь магнитофоны! Поставь, Вася, вы там смешное что-то с вечера накрутили!» И Вася ставил, и все слушали, смеясь над собственными пьяными шутками. Записывать свой голос, как и звуки других членов семьи, было популярно, оставляя, таким образом, память о важном семейном событии или встрече. В «Осеннем марафоне» уезжающие надолго дочь с зятем просят родителей записать их голоса на магнитофонную пленку, чтобы затем взять с собой запись: «Мы едем, едем, едем в далекие края...»

Магнитофон выполнял в семье вполне определенную социальную функцию, в отличие от радио позволяя людям слушать не только песни Пахмутовой на слова Гребенникова и Добронравова. На магнитофон записывали и переписывали транслировавшиеся по радио редкие выступления артистов иностранной эстрады, западных ансамблей, концерты «Песня года», популярную музыку. Бардовская песня также получила развитие благодаря магнитофонам, впрочем, как и блатная. Трудно представить, кем был бы Высоцкий, если бы до СССР, наконец, не добралось это чудо техники.

Первые катушечные магнитофоны «Днепр», «Гинтарас» и другие были, как и телевизоры, ламповыми и тяжелыми, в частности, модель «Мелодия МГ-56» весила 24 килограмма при стоимости 290 рублей, а «Чайка» вовсе обходилась в 105 рублей. Чрезмерно дорогим оказался первый советский стереофонический магнитофон «Яуза-10», комплектовавшийся двумя выносными акустическими системами и потому стоивший почти 400 рублей. В «Бриллиантовой руке» героиня Светланы Светличной лишь слегка бьет ногой (обычный способ заставить работать советскую технику) катушечную «Яузу-5», после чего начинается танго «Помоги мне». Стояли в квартирах москвичей катушечные «Маяк», «Юпитер», «Ростов», «Олимп»,

«Комета», «Электроника» и пр. Магнитная лента наматывалась на большую катушку, вставляемую затем в магнитофон, а там уже стояла рядом пустая катушка, на нее вручную следовало перекинуть ленту, чтобы пошел звук.

Интересно, что в СССР слово «электроника» было чрезвычайно популярно — что им только не называли, вот и наиболее распространенной маркой кассетных магнитофонов также была «Электроника», выпускавшаяся под разными номерами — 211, 302, 321, 322 и т. д. «Электроники» были и большими, и переносными, на них можно было записывать с микрофона и радиоприемника, с телевизора или другого магнитофона. Придавались к ним и колонки.

Советские магнитофоны были словно запрограммированы на поиск антисоветчины, а как иначе объяснить тот факт, что при прослушивании отечественной аудиокассеты с записью Вилли Токарева пленка в ней рвалась и зажевывалась. Аудиокассеты продавались только одной марки — «МК-60», то есть кассета магнитофонная длительностью 60 минут (по цене четыре рубля за штуку), а производящий их завод «Свема» запомнился многим. Но и они были в свободной продаже не всегда, иностранные же кассеты, например, фирмы «Сони» стоили девять рублей; если уж такая кассета и попадала в руки, то на нее, как правило, писали самое ценное и слушали до посинения, в них почему-то пленка не зажевывалась.

Естественно, что при постоянном прослушивании и записывании-переписывании кассета «МК-60» служила недолго: заклинивало магнитную ленту, приходилось ножом взламывать пластмассовый склеенный корпус, разбирать ее, а затем вновь плотно прижимать половинки кассеты друг к другу и склеивать синей вонючей изолентой (скотч еще не пересек границы СССР). После экзекуции с такой кассетой еще можно было иметь дело. Конец наступал, когда пленка начала сыпаться.

Где было взять кассеты при постоянно растущем репертуаре? Конечно, в магазине «Мелодия», где про-

давались уже записанные кассеты «МК-44», например, «Поет Ермак Серкебаев». Бралась такая кассета и сверху на нее делалась нужная запись. Но все же со временем импортные кассеты вытеснили отечественные.

Особый разряд музыкальной техники составляли потомки патефонов — виниловые проигрыватели для пластинок, которые безбожно портились иглками, и потому большим счастьем было достать импортную иглу, например японскую. Модель «Вега-106» была оснащена польской начинкой, значительно снижая риск превращения только что купленной пластинки в заезженную.

Любой нормальный москвич, конечно, не отказался бы иметь у себя дома «Шарп» или «Филипс», но в 1970-е годы продавались они лишь в комиссионках по две-три тысячи рублей. Зато в них было всё — и реверс (когда кассету не надо было вынимать и переворачивать), и отделение для второй кассеты (отечественные магнитофоны были однокассетными), и отличные динамики, и дизайн, и качество. А еще раньше их можно было купить лишь из-под полы. В фильме «Берегись автомобиля» продавец комиссионки Дима Семицветов сколотил большое состояние на торговле импортной техникой. «Мне нужен магнитофон заграничный, американский или немецкий», — обращается к нему покупательница. Он словно издевается над ней: «Вот есть очень хороший, отечественный». В итоге он готов содрать с бедной женщины 50 рублей за свои услуги, а как же иначе, ведь «нужно узнать, нужно привезти. Италия... Нужно попрердержать».

А в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» (1973) вор-домушник Жорж Милославский выходит из квартиры стоматолога Шпака обвешанный импортными магнитофонами, среди которых первый кассетник «Филипс» (как у Гришина!). Зато дома у инженера Тимофеева, само собой, отечественный магнитофон «Весна», откуда льется голос, разумеется, Высоцкого. Типичная ситуация, когда даже марка магнитофона свидетельствовала о социальном расслоении и уровне жизни его обладателя.

Единственное, в чем отечественная промышленность могла сравниться с зарубежной, так это в выпуске радиоприемников. Из импортных высоко ценились, к примеру, немецкие («У него приемник “Грюндик”, / Он его ночами крутит»). Но в Москве охотно покупали прибалтийские марки «ВЭФ», «Спидола», «Рига».

В начале 1960-х годов транзисторная «Спидола» (до этого приемники были ламповые) стоила 73 рубля 40 копеек (российский «Альпинист» вдвое дешевле), но купить ее было непросто. Высокое качество работы, широкие возможности и простота в использовании создали «Спидоле» высокий спрос у покупателей не только Москвы, но и Европы, куда ее отправляли на экспорт. Даже вражеские разведчики отдавали ей преимущество. В фильме «Ошибка резидента» Бекас привозит для резидента Тульева из разведцентра именно «Спидолу», он говорит: «Этот приемник — обычный, после несложных переключений может быть коротковолновым передатчиком». И советские люди тоже это знали.

Была в начале 1960-х годов и чудотехника, совмещавшая в себе, как Змей Горыныч, телевизор, радиоприемник и проигрыватель. Это были телерадиолы «Беларусь», «Харьков» в обрамлении ценных пород дерева, имевшие сложную систему включения аж из семи клавиш. Стоили они 360 рублей и превратились в анахронизм.

Со второй половины 1970-х годов докатились до Москвы и первые видеомагнитофоны, привозимые из-за рубежа, — видики. Свои-то, конечно, были, но, как всегда, не очень хорошие. Указание сделать «такую же штуку» дал лично Хрущев на той самой выставке в Сокольниках, когда первому секретарю на обычном телевизоре продемонстрировали только что состоявшуюся встречу его же с Никсоном. Через два года первый советский «видик» был готов и назывался «Кадр-1», но предназначался он исключительно для телевидения и выпускался почти поштучно. Смешно сказать, но многие передачи 1960-х годов не дошли до нашего времени, поскольку записывать их было не на чем, всё шло

в прямом эфире. С незначительными изменениями эту модель производили вплоть до горбачевских времен.

Лишь в 1984 году началось массовое производство видеоманитофонов для населения. Как они назывались? — спросит дотошный читатель. Ну конечно, «Электроника». «Электроника ВМ-12» стоила 1200 рублей, к ней прилагались талоны, дающие право на покупку видеокассет. Без этого видеокассеты можно было купить только в комиссионке, в «Березке» или с рук. Так и делала спекулянтка в блестящем исполнении Нонны Мордюковой в фильме «Вокзал для двоих», покупавшая видеокассеты с западными фильмами за три сотни рублей.

Но все же для большинства населения аналогом видеоманитофона был аппарат «Диафильм» в желтом корпусе, позволявший занять вечерами младшее поколение семьи. А чем не видеоманитофон? Даже лучше. Вешаешь на стену белую простынь, выключаешь свет, подкладываешь под аппарат книжки потолще, и начинается домашний киносеанс «Карлсон, который живет на крыше». Только противный запах нагревающейся пленки немного мешает.

Москвичи были преисполнены гордости за свой орденоносный город, который дает им возможность обрести блага цивилизации, не покидая пределов МКАД. Остальным гражданам, не имевшим московской прописки, оставалось лишь завидовать. Вот что пишет обычный советский инженер из города Кургана: «Холодильник “Каспий”, произведенный в Баку, мне пришлось везти в Курган с Украины, стиральную машину “Чайка”, выпущенную в Челябинске, — из Туркмении, а цветной телевизор “Березка” харьковского производства приобрести случайно в живой очереди ветеранов войны г. Кургана, которые отказались этот телевизор покупать».

Если бы машина времени существовала, то, оказавшись в Москве той эпохи, мы сильно удивились бы обилию на улицах вывесок со словом «ремонт», ремонтировали всё — автомобили, автопокрышки, авторучки, автосифоны, аквариумы и бритвы, электро-

полотеры и ростеры, электросамовары и вязальные машины, ковры и чемоданы, молнии и застежки, зонты и зажигалки, одежду, очки и парики, надувные лодки и матрацы, телефонные аппараты и электробигуди, часы и швейные машинки, лыжи и коньки. Ну и конечно, «Ремонт обуви» рядом со станциями метро — малюсенькая, рассчитанная на двух человек палаточка, где днями напролет сидел старый армянин.

Большую часть вещей, которую следовало просто выбросить на помойку, несли в ремонтную мастерскую или так называемый «Дом быта», чтобы там, настоявшись в очереди и потеряв время, оживить сломанную лыжу или прохудившийся ботинок. Ремонт играл в повседневной жизни москвичей огромную роль, позволив социологам ввести новый термин — «общество ремонта», родственное доиндустриальному обществу.

Люди из «общества ремонта» пользовались своими вещами долгое время (чуть ли не всю сознательную жизнь), что значительно увеличивало ценность этих вещей в их глазах и вызывало установление крепких связей между человеком и его вещью. Эта вещь обретала уже иной, более глубокий смысл, смысл символический и даже сакральный. То есть вещь в буквальном смысле становилась родной. С ней было трудно расстаться, как с товарищем и другом, с которым вместе съели не один пуд соли. К тому же, если говорить об одежде, то к ней привыкали, ботинки изнашивали, пуговицы перешивали, кофту перекрашивали и т. д. Ну а мебель запоминалась уже потому, что ее с таким трудом доставали, а затем заносили с помощью дяди Васи, которого давно уж нет, а память о нем живет в серванте. А если вещь была уже непригодной, то ее не выкидывали еще и потому, что раненых товарищей не бросают.

Повсеместное распространение в Москве услуг по ремонту во многом компенсировало низкое качество отечественных товаров, нередко представлявших собой полуфабрикаты, которые доводились до рабочего состояния их владельцами. В инструкциях к некоторым магнитофонам, к примеру, говорилось, что в слу-

чае шестикратной поломки (!) они подлежат обмену на заводе. Но граждане, применяя опять же полезные советы и обмениваясь опытом, сами как-то обходились, оно и понятно — на заводе дадут такой же, только новый. И в этом также проявлялась двойная мораль, ибо официальной установкой было «советское — значит отличное!», а маркировка «Сделано в СССР» якобы гарантировала качество.

Притчей во языцех стали станции техобслуживания автомобилей, или, как они официально именовались, «станции технической помощи и гаражного обслуживания автомобилей». В Москве они были в каждом районе и делились по маркам автомобилей — «Волга», «жигули», «москвич», «запорожец». Но в реальности никакой помощи от них добиться было невозможно: то одной запчасти нет, то другой. Ремонт превращался в вытягивание денег — той самой «благодарности». Один доцент из Бауманки, лично присутствуя при ремонте своего «москвича», обратил внимание, что, составляя смету, механики берут расценки из толстого справочника, который никому не показывают. Он, не будь дураком, пошел в Ленинскую библиотеку и нашел этот талмуд. Не затратив много времени, доцент убедился, что механики значительно накручивают расценки, выдавая простые операции за более сложные.

Однако пристыдить механиков не удалось: они даже глазом не моргнули. Зато их возмутила наглость клиента: ишь ты умный какой нашелся! Фраза вполне привычная для таких вот правдолюбков. Механики откровенно объяснили причину своего отношения к работе: они давно уже не работают по прейскуранту, ибо привыкли к другой форме расчета. Самыми любимыми их клиентами являются жители южных республик, в частности Грузии: приезжая ремонтировать свое авто, те готовы заклеить деньгами все возможные органы механиков, потому и чинишь им в первую очередь да получше.

«Ставши со временем владельцем “жигулей” из первых партий (тогда их брали преимущественно шоферы и пиджоны), — дополняет Майя Туровская, — в

лето неслыханной жары, когда горели леса (1972-й. — А. В.), я обнаружила, что у меня под капотом горит проводка. Пришлось волоочь машину в единственную тогда в Москве станцию обслуживания “иномарок” — по счастью, директор был одним из “уважателей” культуры. Разумеется, я намеревалась “поблагодарить” мастера-электрика, который привел мою машину в первоначальный вид. Но тут случился конфуз, он посмотрел на меня и сказал: “Денег таких у вас нету. Вот, видите, пуговицы на пиджаке? Кокосовые. Джинсы — ‘Levis’. Плащик — ‘Burberrys’. В Дом кино — нет вопроса, в Дом актера — то же самое. Так что если вам нужны сапожки или что еще — звоните, телефончик знаете”. Не было ничего, что я могла бы для него сделать. Станция была клубом *upper middle* — в том числе его культурной элиты. Там постоянно “перетирались” новости кино и театра, а мальчишек-учеников — жаловался мне директор — уже с утра генералы и полковники спаивали отборным коньяком».

Подобное отношение к оказанию обязательных вроде бы услуг и заставляло москвичей по возможности самим ремонтировать все, что можно. Это и обеспечивало долговечность вещей. В следующей главе мы подробно рассмотрим уже иную сторону повседневной жизни бережливых москвичей, достававших, гонявшихся и стоявших в очередях за этими самыми товарами и услугами по всему городу-герою.

«В МОСКВЕ ХОРОШО ЛИШЬ ГАГАРИНУ ЮРКЕ
ДА БУФЕТЧИЦЕ НЮРКЕ».
ОЧЕРЕДЬ КАК ФОРМА ЖИЗНИ

Полцарства за «Печень трески» — Счастье в авоське — Дефицит — С номерочком на руке — Хождение по мукам — «Куда уходит мясо, в какие города?» — Американец в Москве — «Выбросить» и «достать» — Броуновское движение покупателей — «Вас здесь не стояло!» — «Есть или не есть?» — Андрей Вознесенский и дефицит — Авторынок в Южном порту — Как Марина Влади «украла» сыр — Хозяин Москвы Юрий Соколов — Люди с красными книжечками — Продовольственные заказы — «Гуманисты» — «Березки» и фарцовщики — «Человек умеет жить!»

У Аркадия Райкина есть монолог «О счастье», герой которого со слезами на глазах рассказывает о самом счастливом дне своей жизни. Начался этот день с похода в магазин за «Белым мором» (папиросы такие — «Белый мор»), где он случайно увидел в свободной продаже консервы «Печень трески» — более дефицитный продукт вряд ли можно было сыскать. И вот стоит он и не верит своим глазам: как так, неужели «Печень трески» находится в такой доступности и неужто он сейчас сможет ее купить? Встал он в очередь, а сам думает: сейчас продащица крикнет: «Касса, печень не выбивать!» или кто-то из задних рядов скажет: «По одно-о-й б-а-анке в одни руки!» Стоит и трясется простой советский человек, сомневаясь в своем счастье. Но оно в итоге ему досталось — взял он аж десять банок и жене сразу решил об этом счастливом событии по телефону сообщить, чтобы и к ней счастье пришло. И телефон-автомат на улице тоже работает! А потом у него в горле от пережитых волнений так пересохло, что захотел

он жажду утолить. И встал в очередь за квасом, а там опять задрожал — вдруг сейчас другие подойдут, которые раньше очередь занимали, или квас закончится? Но, слава богу, не подошли, а из тех, кто стоял, только трое были с бидонами, а остальные 15 человек — без. А потом он в поликлинику пошел и т. д. и т. п. И всем он рассказывает о своем счастье, а ему никто не верит!

Но мы, дорогой читатель, очень даже верим. Ибо очередь в описываемый нами период московской жизни являлась неотъемлемой и составной частью повседневной жизни советского человека. Очереди были за всем — за спичками и мылом (они входили в категорию «ширпотреб» — товаров широкого потребления), за автомобилями и квартирами, разной длины и сложности. Иногда очереди возникали на пустом месте и так же внезапно заканчивались. Искусство создавать очередь было даже более распространено, к примеру, чем живопись или кинематография. А некоторые очереди оказались длиннее самой советской эпохи.

Очередь еще и глубокое философское понятие, характеризующее определенный порядок жизни в вынужденных условиях. Возьмем, к примеру, очередь на водопой в древние времена, когда животные во время засухи не ели друг друга, временно отказываясь от своих каждодневных привычек ради получения доступа к воде. В СССР очередь тоже уравнивала, но не самых разных зверей, а людей в независимости от уровня их образования, запросов, представлений о жизни.

Очередь — типичный продукт советской эпохи еще и потому, что сохраняла она все признаки социалистического коллективизма, когда вся жизнь проходит на людях, среди народа. В очереди можно было познакомиться, подружиться, наконец, встретить своего будущего супруга (супругу). Что-то в этом явлении было и от коммунальной кухни, когда граждане, не стесняясь, обсуждали разнообразные проблемы. Только если на кухнях круг общения не менялся, то в очереди слушатели были все время разными. Из очередей нередко приносили новости — о грядущем повыше-

нии цен на ковры, о погоде, о моде, о проделках дочери генерального секретаря. Источник новостей так и назывался — «Одна бабка сказала...». В очередь зачастую отправляли «людей в штатском» с заданием выведать настроение народа, его помыслы и чаяния. Еще Маркес удивлялся, как быстро в Москве распространяется информация; вот, мол, доклад товарища Хрущева на XX съезде — секретный, а повсюду его обсуждают: «Это одна из черт советского народа — политическая осведомленность. Скучность международной информации компенсируется поразительной всеобщей осведомленностью о внутреннем положении». А все из-за очередей, они эту осведомленность и создавали. В очередях зарождалась отечественная социология.

В фильме «Блондинка за углом» есть весьма показательный эпизод. Дотошный покупатель интеллигентного вида приходит в подсобку большого магазина самообслуживания одного из спальных районов с животрепещущим вопросом: «А лук будет?» Его вопрос повисает в воздухе, поскольку продавцам не до него. Они коллективно смотрят футбольный матч. Но человек не унимается и повторяет вопрос, добавляя: «Меня очередь послала!» Но в Советском Союзе не было такой организации — «очередь», о чем и сообщает наглому покупателю мясник, уроженец Кавказа, затыкая, таким образом, ему рот: «Ему моя душа не нужна, ему лук нужен!»

Действительно, юридически такой организации не было, но неформально «очередь» существовала, обладая своими правами и обязанностями, обычаями и нормами поведения, иерархией и моралью. Можно сделать и такой смелый вывод — советское общество самоидентифицировало себя с очередью: редко кто проходил мимо «хвоста», не воспользовавшись возможностью присоединиться к нему. Очередь могла выбрать наиболее активных и честных на первый взгляд своих представителей, чтобы отправить их на переговоры с продавцом или заведующим отделом для выяснения вопроса — сколько осталось сыра или колбасы, дабы определиться с лимитом их продажи.

И тогда по итогам переговоров оглашали неписаное ограничение: «По два кило в одни руки!»

Топтуны из органов госбезопасности передавали по начальству: «Очереди начинают образовываться за несколько часов до закрытия магазина во дворах соседних домов. Находятся люди из состава очереди, которые берут на себя инициативу, составляют списки. Записавшись в очередь, часть народа расходится и выбирает себе укромные уголки на тротуарах, дворах, в парадных подъездах, где отдыхает и греется. Отдельные граждане приходят в очередь в тулупах, с ватными одеялами и другой теплой запасной одеждой».

Очередь могла исторгнуть из себя не понравившихся граждан, если они долго отсутствовали. Очередь, в конце концов, вела запись стоящих в ней людей, которые должны были отмечаться в положенное время. Номер очереди писали на ладони — чтобы не забыть, а руку не мыли. Куда бы очередь ни стояла, всегда находился какой-нибудь активный товарищ, бравший на себя функции лидера и начинавший вести список, он же назначал и время для «отмечания». Откуда брались такие люди? Вероятно, их где-то специально готовили: так умело они справлялись с поставленной задачей организации доступа совграждан ко всему, что становилось дефицитом. И ведь стояли организованно, как будто так и надо, ждали своего маленького счастья размером с авоську.

Авоська — сетка с крупными ячейками, с прочными неубиваемыми ручками, сделанная из капроновой веревки (капрон — еще одно советское изобретение). Авоськи мастерили работники ВОС — Всесоюзного общества слепых. Носить с собой такую сумку было очень удобно — она быстро сворачивалась в небольшой комочек и влезала в любой карман, чтобы затем так же стремительно развернуться, когда «авось что-нибудь» продавалось в магазине. Обладая фантастической вместимостью и прочностью, авоська готова была вместить в себя максимально возможный объем самых разнообразных покупок. Это вам не нынешние пластиковые пакеты, вредные для экологии, рассчи-

таннные на три кило и рвущиеся сразу после выхода из магазина.

В романе Владимира Орлова «Альтист Данилов» героиня по фамилии Муравлева появляется на пороге собственной квартиры, держа «в руках авоськи, тяжелые, как блины от штанги Алексева» (Алексеев — известный в то время штангист). Помимо прочего в авоське было все, чего так желал ее муж: «пиво было “Жигулевское” и с сегодняшней пробкой, и был кефир», а еще «он проследовал за женой, тащившей сумки на кухню, на ходу извлек из авоськи круглую булочку за три копейки и откусил половину». Вот и еще одно преимущество авоськи — видно все, что несет человек из магазина. Встречному и спрашивать было незачем, откуда апельсины, — стремглав и немедля следовало бежать в ближайший овощной!

В авоську можно было запихнуть и рукопись неизданного, арестованного органами госбезопасности романа и спокойно ходить с ним по Москве. Писатель Василий Гроссман завещал поэту Семену Липкину любой ценой издать его роман «Жизнь и судьба». И вот в один прекрасный день Липкин и его супруга поэтесса Инна Лиснянская решили, что заветную мечту Гроссмана сможет воплотить Владимир Войнович, способный передать рукопись за границу. Так и возникла перед Войновичем Лиснянская — с авоськой, разбухшей от толстенной пачки машинописных листов. Рукопись ушла по назначению. Правда, на Западе ее поначалу отказывались публиковать: у нас, мол, своих Солженицыных навалом! Напечатали лишь через два года.

Ну а кроме авосек уже позже появились сумки однотонные либо с ужасными цветочками, их строчили в каких-то полуподпольных инвалидных артелях (и сейчас еще нет-нет да и встретишь на улице ветхую старуху с такой сумкой). Сумки тоже были из искусственной материи и долго служили и их обладателям, и продуктам, пока они совсем не закончились с исходом перестройки. Последним писком моды станут сумки на колесиках в начале 1980-х годов.

Авоська — чисто русское явление, еще Александр Сергеевич Пушкин рассказывал сказку, как старик забросил в море невод (ту же большую авоську), надеясь на удачу. Чутье его не обмануло. Также и опытный москвич мог надеяться на счастье, подходя к хвосту очереди, он перво-наперво задавал стандартный вопрос: «Кто крайний?» (вариант — «Кто последний?»). Психологи уже в то время отмечали, что вопрос этот создавал у человека, к которому был обращен, чувство нравственного дискомфорта. Необходимость признаться и выдать из себя: «Я последний!» — на подсознательном уровне внушала произносившему страх, что на нем-то всё и закончится и ему не хватит.

Вторым вопросом было: «Что дают?» Но если на первый вопрос ответ можно было получить легко, то на второй гораздо труднее. Так и стояли — с надеждой купить то, что дают. Очередь создала у советского человека своеобразный инстинкт — если видишь ее, сразу встань (а еще говорят, что советский человек — выдумка отдела пропаганды ЦК)! Так же массово люди поднимали руки на собраниях — их к этому приучали из поколения в поколение. Возможно, что и привычка к очередям передавалась с генами.

С научной точки зрения очередь была результатом товарного дефицита, порожденного плановой экономикой; когда, что и как производить, решали не спрос и предложение, а Госплан СССР. Такая экономика еще называется экономикой продавца — когда все зависит только от единственного источника поступления продукции, ни в коей мере не заинтересованного (при одновременном отсутствии конкуренции) в качестве товаров и результатах их реализации. А в Советском Союзе конкуренции как раз и не было, а торговля на 98 процентов была государственной. Директивные советские органы принимали решение и о цене каждого конкретного товара, и потому, например, нигде в мире хлеб не стоил так дешево, как в Советском Союзе. Как потом выяснилось, цена на этот хлеб была убыточной в пять—десять раз.

Главная героиня кинофильма «Служебный роман» товарищ Калугина укоряет своего подчиненного Но-

восельцева: «Вы обратили внимание, что в наших магазинах периодически не хватает тех или иных товаров?» Из уст Калугиной этот вопрос звучит странно, ибо ее должность начальника управления министерства является номенклатурной, что позволяет ей пользоваться важнейшей привилегией — отовариваться в спецбуфетах. Зачем ей вообще тогда ходить по магазинам? Но очереди «в тридцать три верюшки» она может видеть и из окна своего персонального автомобиля. А вот Новосельцев, простой человек, говорит правду и соглашается: «Конечно, я регулярно хожу по магазинам», но тут же получает от Калугиной по зубам: «Все это происходит потому, что они не запланированы такими ротозеями, как вы!»

Да, именно такие ротозеи, как Новосельцев и его коллеги, непосредственно участвовали если не в ликвидации, то уж точно в создании дефицита товаров и услуг. Но не потому, что их головы были забиты совсем иными хлопотами: где взять 20 рублей до получки, как успеть в обеденный перерыв сбежать в магазин, отметить в очереди на мебельный гарнитур и т. д. Между решением своих личных и общественных проблем они все же успевали что-то подсчитать и пересчитать в своих многочисленных статистических управлениях, выдавая на-гора огромные тонны исписанной бумаги. Но продуктов от этого в магазинах, по которым они ходили, больше не становилось. Кстати, словосочетание «ходить по магазинам» очень характерно для той эпохи — именно ходить, а не покупать.

В среднем на хождение по магазинам и стояние в очередях у простого москвича уходило два часа в день. Это были гигантские потери времени в пересчете на год, а уж на пятилетку и тому подавно. В начале 1970-х годов газета «Социалистическая индустрия» подсчитала, что по всему Советскому Союзу люди ежегодно теряли по 30 миллиардов рабочих часов на стояние в очередях, и это только на покупки товаров первой необходимости. Не считая очередей на почту, в сберкассу, парикмахерскую, поликлинику, химчистку, ателье, пункт стеклотары и т. д. У Владимира Орло-

ва альтист Данилов отправился в Настасьинский переулок к неведомым хлопобудам и будохлопам, «которые по науке строят будущее», и там был вынужден стоять в очереди за свою бывшую жену Клавдию. На своей ладони чернилами он вывел номер 217. А его сосед по очереди сразу на двух написал: на одной — арабскими, на другой — римскими, да и покрупнее.

Советская власть все делала для того, чтобы простой человек мог вдоволь постоять в очередях. Исходя из восьмичасовой продолжительности дня пятидневной рабочей недели получалось, что четвертая часть рабочего времени уходила на очереди. Этого было бы достаточно для ежедневной работы трудоспособного населения такого города, как Москва, в течение целого календарного года. Но москвичи умудрялись и работать по-коммунистически (за что столица регулярно награждалась орденами и переходящими красными знаменами), и стоять в это самое рабочее время в очередях. Поэтому на самом деле потери были и не такими уж большими, ведь за время, проведенное днем в очередях, они получали зарплату, которую затем пытались потратить в магазинах. Были и свои трудности — обеденный перерыв в магазинах (с 13 до 14 часов, редко когда обед был с 14 до 15) совпадал с обедом в учреждениях и на предприятиях. Попробуй успей! А в воскресенье работали только дежурные магазины.

Повсеместное распространение очередей породило особый вид услуг — стояние в очередях за деньги. В том же ГУМе можно было заработать десять рублей в день, продавая место в очереди. Этот бизнес зародился еще в 1930-х годах. Люди, занимающиеся им, называются трамитадорами, или стояльщиками.

Когда появились очереди в Москве? Попытаемся разобраться. При Хрущеве все внимание уделялось продовольственной проблеме, он даже поручил хлеб в столовых давать бесплатно (в итоге он первым и кончился). Хотя он немало старался сделать, чтобы накормить народ, ведь если верить его сыну Сергею, еще в 1949 году, когда Хрущева перевели из Киева в Москву, «москвичи страдали не только от отсутствия свежих

овощей и фруктов. За молоком, сметаной, творогом, сыром, маслом и, конечно, мясом, когда эти продукты появлялись на магазинных полках, выстраивались длиннющие очереди».

Но уже через пять лет ситуация изменилась в гораздо лучшую сторону. Константин Ваншенкин пишет о 1954 годе: «Нужно сказать, что в столице было тогда время разнообразного изобилия. Но как у нас бывало, какой-нибудь дефицит обязательно обнаруживался. Теперь это были апельсины». И действительно, апельсины если и покупали, то по большей части ребенку или захворавшему родственнику. Как-то писатель Виктор Некрасов забрел к своему коллеге Юрию Трифонову, где-то доставшему апельсины для своей маленькой дочери. Заморские фрукты аккуратно сложили в вазочку, дочка должна была вкушать их по одному в день. Между писателями шел разговор, неожиданно прерванный громким воплем жены Трифонова, что-то вроде: «Боже мой, что он наделал!» Оказавшись, пришедший вместе с Некрасовым однополчанин от безделья взял перочинный нож и стал разрезать кожуру всех апельсинов подряд — в виде раскрывшегося цветка. Заметили это слишком поздно.

Московские старожилы вспоминают, что магазины середины 1950-х годов были завалены продуктами — колбасы разных сортов, окорока, ветчина, балыки, сыры разные, сметана, даже мясо было. «Москва просыпалась от послевоенного голодного морака, — утверждает Игорь Голомшток. — В магазинах по стенам башнями возвышались консервные банки с тресковой печенью, крабами (в хрущевские времена их как королева языком слизала), на прилавках предлагали себя вниманию публики невиданные раньше колбасы, стояли пузатые банки с красной и черной икрой, которая на копейки была дороже самой дешевой селедки, только копейки эти у большинства населения отсутствовали». Вероятно, так сказались на снабжении советской столицы экономические послабления, данные правительством своему народу. Но их люди связывали как раз не с Хрущевым, а с Маленковым — главой Совмина с

1953 по 1956 год, значительно снизившим налоговое бремя на тех же крестьян, которых больше не заставляли рубить свои яблони, дабы не платить мзду за каждое дерево. В очередях его фамилию стали употреблять не всуе, а чаще с благодарностью и почтением. В Москве повторяли, что на каком-то заседании Маленков сказал: «Товарищи, ну нельзя же столько взваливать на плечи одного поколения!»

Однако когда отец «оттепели» получил единоличную власть, ситуация стала меняться. С конца 1950-х продукты опять куда-то подевались, это поразительным образом совпало с «началом космической эры». В 1957 году запустили первый спутник земли, а вместе с ним в космическую трубу улетели и миллиарды народных денег. Так и повелось в народе — если очереди становятся длиннее, а батоны колбасы короче (много в одни руки не дают), значит, скоро что-то или кого-то запустят. Люди болтали: «В Москве хорошо живут лишь Гагарин Юрка да буфетчица Нюрка!»

Зато, судя по советским газетам, на полках магазинов царило изобилие. 20 сентября 1956 года в подмосковную газету «Коммунист» города Серпухова пришло письмо следующего содержания: «Тов. редактор, прошу вас ответить через газету “Коммунист”, когда все-таки вы научитесь торговать, как подобает для русского человека, то есть не стоять в очередях по два часа и более, как то: за хлебом, сахаром и рядом других продуктов, в магазинах народу как сельдей в бочке, и нет никакого порядка. Это первое. И второе — когда вы окончите играть на нервах рабочих России? Вопрос назревает, или разгромить магазины, чтобы вас научить торговать, или делать вторую революцию, дабы освободиться от большевистского ига. За 39 лет окончательно замучили народ России, нет возможности дышать. Дайте хотя немного подышать, как было в до-революционной России. Вот пока все (на первый раз)».

Проведенное расследование показало, что автором анонимного письма был рабочий Федор Абросимов, привлеченный к ответственности по статье 58-10 части первой Уголовного кодекса РСФСР. Он объяснил

свой поступок тем, что, придя в магазин после двух отработанных на своем заводе смен, не смог купить там хлеба, а дома его ждали голодные дети.

Узнавая о бесконечных визитах Хрущева за границу, люди горько шутили: вот бы Никита Сергеевич купил там побольше слонов и бегемотов — мы бы, наконец, наелись на всю оставшуюся жизнь, а то в магазинах колбаса только из конины, которую в народе как только не называли: «его-го», «колбаса из-под дуги» и т. д. А ливерную колбасу называли «собачья радость». В некоторых городах не только говорили и писали, но и, наслушавшись хрущевских речей о разоблачении культа личности, осмелились выйти на митинги с требованием «дать мяса и молока». Так произошло в 1962 году в Новочеркасске Ростовской области. Мирное выступление людей жестоко подавили автоматными очередями, погибло много невинных граждан — женщин, детей, стариков.

А в столице дальше разговоров в очередях дело не шло. Ибо и Москва и Ленинград всегда снабжались по особой категории, а остальные города и села по первой, второй и третьей (самая плохая). Еще до войны сложилась такая практика, согласно которой москвичи, составляя лишь 2 процента советского населения, получали более трети всего производимого в стране продовольствия. А в общем две столицы съедали до половины всех товарных запасов. Судя по всему, запасов этих на всю страну уже не хватало к концу 1970-х годов. Вот характерное письмо этого периода в «Литературную газету» читательницы Е. Соловьевой из города Коврова: «Хочу рассказать вот о чем. Сажу на кухне и думаю, чем кормить семью. Мяса нет, колбасу давным-давно не ели, котлет и тех днем с огнем не сыщешь. А сейчас еще лучше — пропали самые элементарные продукты. Уже неделю нет молока, масло если выбросят, так за него — в драку. Народ звереет, ненавидят друг друга. Вы такого не видели? А мы здесь каждый день можем наблюдать подобные сцены». В сентябре 1978 года в Йошкар-Оле, например, дошло до образования очередей за хлебом, в которые

нужно было вставать с вечера, как в войну. В январе 1979 года в «Правду» пришло 16 писем о таких перебоях. Но ведь газету на хлеб не намажешь, и потому люди не только писали в столицу, но и ехали. Вот откуда взялись уже в 1970-е годы так называемые «колбасные» электрички.

Вынуждая людей приезжать в столицу за продуктами, власть таким образом решала сложную задачу — силами самого населения развозить их, куда надо. Это было в своем роде советское мешочничество. За продуктами в Москву ехали всегда — на телегах, машинах, автобусах да и пешком. Еще в конце 1930-х годов, как сообщал НКВД, число москвичей в очередях едва превышало треть стоящих. За один лишь весенний день 1939 года количество стоящих в московских очередях к открытию магазинов превысило 44 тысячи человек. Люди специально брали отпуска, чтобы провести их в московских очередях.

Так что москвичам еще повезло — они отоваривались из фондов централизованного снабжения. Мясо и хлеб, крупы и масло, сахар и яйца завозились в столицу в большем количестве, чем из расчета на одну душу населения. Поскольку душ этих приезжало в столицу все больше и больше, продуктов не хватало. Но власть не решалась воевать с народом старыми методами. Если еще до войны давалось указание бороться с очередями — не давать крестьянам возможности выезжать из деревень, проверять документы в московских универсамах и выдворять за пределы столицы приезжих, переворачивать очереди (это когда перед самым открытием магазина милиция разворачивала конец «хвоста» в его начало), то в конце концов стало ясно, что выход один — наполнение пустых полок товарами. Но в условиях плановой экономики это было еще большей проблемой, чем просто разогнать очередь.

«Куда уходит мясо, в какие города?» Мясо в магазинах пропадало нередко после того, как где-то на краю земли Советский Союз неожиданно обнаруживал нового друга, желающего идти по социалистическому пути развития. Так случилось, например, с Кубой.

Параллельно с распространением по Москве плакатов «Куба — да, янки — нет!» с московских прилавков стала исчезать говядина и свинина. Народ в очередях даром не стоял, найдя свое объяснение происходящему: «Куба — да, мяса — нет!» А когда в некоем солидном советском учреждении местком вывесил объявление о продаже турпутевок на Кубу, кто-то приписал: «Куба — да, денег — нет!»

В 1964 году московские остряки по-своему отреагировали на отставку Хрущева, сочинив на мотив песни Пахмутовой, исполнявшейся Магомаевым, следующую частушку:

Куба, отдай наш хлеб!
Куба, возьми свой сахар!
Куба, Хрущева нет!
Куба, иди ты на ...

Сочинял народ и баллады:

Хлеба нет, мука пропала.
Колбаса дороже стала.
«Это что же за причина?»
Все волнуются кругом.
Это призрак коммунизма
Не спеша идет к нам в дом.
Все увозим за границу —
Лезвия, чулки, носки —
И пшеницу, и мучицу,
Кроме тухленькой трески.
Да и той уже не стало
С той поры, как встал Хрущев
На высоком пьедестале
Государственных богов.
Наш Никита не подгадит,
Нас Хрущев не подведет,
С кукурузой жить привадит,
Только сам ее не жрет.
Мы с таким Никитою
Долго будем сытыми
Болтовнею громогласной
О дальнейшей жизни ясной.

В 1964 году было уже не до апельсинов, не зря именно с Хрущевым люди связывали вновь наступившие продовольственные трудности.

Жили-были три бандита —
Гитлер, Сталин и Никита.
Гитлер — вешал, Сталин — бил,
Никита — голодом морил —

таковы были начальные строки рукописной поэмы, ходившей в народе. Финал обнадеживал:

Товарищ! Верь, придет она,
На водку прежняя цена,
И на закуску будет скидка —
Недаром сбросили Никитку.

Каждый из тех, кому выпало жить в ту эпоху, мог бы поведать свою историю выживания в непростых экономических условиях развитого социализма и даже поспорить с другими на предмет того, кто и как обрел то самое «счастье», с которого мы начали эту главу. Но мы возьмем на себя смелость сказать, что наиболее любопытным и неожиданным было бы взглянуть на повседневную жизнь Москвы глазами человека, свалившегося почти с Луны. А точнее — иностранца, по собственному желанию приехавшего из-за «железного занавеса», чтобы пожить среди простых и не очень простых москвичей. В 1971 году в Москву нелегкая принесла нового корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Хедрика Смита с женой и четырьмя детьми. Кого попало сюда бы не прислали, для освещения жизни в стране победившего социализма требовался человек опытный, съевший немало пудов соли в своей нелегкой журналистской практике. Но даже для Смита исследование повседневной жизни москвичей превратилось в постижение китайской грамоты. Регулярно сочиняя свои репортажи о жизни в Москве, американец накопил материал на большую книгу, изданную в 1975 году на Западе под названием «Les Russes» и удостоенной престижной Пулитцеровской премии.

Оказалось, правда, что написать книгу еще полдела, а вот каким образом верно и по смыслу правильно перевести с русского языка на иностранный специфические глаголы, точно отражающие сущность быта людей? Это стало наибольшей трудностью для Смита и его читателей. Например, глагол «выбросить». Как передать его суть? Ведь в понимании иностранцев выбрасывают только плохое. А тут — «выбросили ананасы», но тогда зачем за них платить? Или «достать мясо». Откуда достать? Из-под коровы, что ли? И все в таком вот духе. Чтобы понять суть той жизни, требовалось жить ею. На русский язык «Les Russes» не перевели, и ряд глав переведен автором этих строк впервые.

Итак, американский корреспондент сообщал: «В Москве люди находятся в вечном поиске с надеждой найти то, что им очень необходимо. Если удается что-то обнаружить, то на их языке это называется: “Выбрасывают что-то хорошее!” Это значит, что в продажу поступают хорошие товары. Предвидя удачу, женщины никогда не выходят без сетки для продуктов — авоськи. Это слово символизирует по-русски надежду на случай (авось. — *А. В.*). Без авоськи здесь не обойтись — ибо в магазинах не дают ни пластиковых, ни бумажных пакетов. По той же причине все мужчины ходят с кожаными портфелями. Я вспоминаю, какой серьезный и деловой вид был у русских с этими портфелями. Как-то я болтал с одним ученым в парке, он внезапно опустил руку в свой портфель; я думал, что он намеревается достать оттуда бумаги, чтобы показать мне. Я заглянул туда и увидел большой кусок свежего мяса, обернутый в газету. Ученый, живший за городом, купил это мясо и просто проверял — не запчало ли оно его бумаги. Я лично убедился в том, что портфели зачастую набиты апельсинами, дефицитными продуктами, зубной пастой или порошком, а не книгами или документами».

А иногда в портфеле носили рыбные консервы — очень удобно. Герой рассказа Трифонова «Обмен» по фамилии Дмитриев приходит на похороны собственного деда в крематорий прямо с работы со своим тол-

стым желтым портфелем, в котором лежат несколько банок сайры, купленных случайно на улице (была такая форма торговли — уличная, а сайра в масле считалась прекрасной заменой сосискам на ужин). Дмитриев чувствует себя глупо, ему неудобно, посему он прячет портфель в углу, за колонной, так, чтобы его никто не видел. Во время прощания он думает не об усопшем дедушке, мысли его заняты другим: «Не забыть портфель, не забыть портфель!» Ему на ум приходит двусмысленный вывод: смерть деда оказалась не таким уж ужасным испытанием, как он предполагал. Испытанием для чего? Для портфеля с сайрой?

«Когда русские идут в магазин, — продолжает повествование Смит, — они на всякий случай всегда имеют при себе значительную сумму денег, ибо в СССР нет ни кредитных карт, ни личных счетов, с которых можно платить, ни чековых книжек. Покупки в рассрочку возможны только для менее популярных товаров, таких как устаревший радиоприемник или телевизор, которые плохо продаются и от которых продавцы не могут избавиться. Стало быть, объясняла мне молодая женщина, нужно быть готовой к случаю, если выпадет шанс напасть на что-то дефицитное: нужно всегда иметь деньги с собой. Допустим, вы внезапно узнали, что продаются хорошие туфли по 70 рублей. Нужно срочно занять очередь. Нет времени возвращаться за деньгами. Когда придешь, туфель уже не будет.

Есть еще один важный закон жизни здешнего покупателя: покупки для других. Это непростительный грех, к примеру, узнать о продаже дефицитных товаров (ананасы, польские бюстгальтеры, немецкие люстры или югославская зубная паста) и не купить их для своего лучшего друга, сестры, дочери, жены, зятя, соседа. Я был изумлен, узнав, что все москвичи осведомлены о размерах обуви, талии, мерках, вкусах и предпочтениях своих родных и друзей на тот случай, когда на них прольется манна небесная в магазине, где есть всё. Тогда они потратят все свои деньги.

Одна москвичка рассказала мне, что служащие больших учреждений организуют своеобразную лоте-

рею для походов за товарами, каждый по очереди отправляется за продуктами в обеденный перерыв, чтобы избежать другого от ужасной толчеи в магазинах после работы. Зачастую женщины уходят тайком в рабочее время (каждая в свой черед), чтобы пробежаться по магазинам в поисках чего-то особенного, и возвращаются за подкреплением, если оно необходимо для больших покупок. В этом случае считается нормальным получить небольшую прибыль от перепродажи. Знакомый молодой человек рассказал мне о женщине, севшей в автобус с авоськой с двадцатью тюбиками югославской зубной пасты «Сигнал». Она была немедленно атакована вопросами: все хотели знать, где она их достала, и некоторые предлагали ей перепродать пасту по более высокой цене».

Да, не зря «армянское радио» сообщало, что при коммунизме будет много стульев. Почему? Так все очереди будут сидячие. Распробовав отечественную зубную пасту, Смит решил, наконец, испытать на своей шкуре, что такое очередь. Как-то субботним утром он отправился в молочный магазин за сыром, маслом и сосисками. Продавались эти продукты в трех разных отделах. Тут надо заметить, что процесс покупки любого продукта в московских магазинах делился на три части: сначала надо встать в очередь, чтобы взвесить товар, потом встать в очередь в кассу и оплатить, а затем присоединиться к третьей очереди — получить вожделенный сверток. Несчастный Смит сразу смекнул, что всего ему придется стоять в девяти очередях, а дома его будут ждать все это время голодные дети! Этак он вернется лишь к обеду:

«Девять очередей ожидания! Я готов был сдать. Но вскоре я заметил, что опытные покупатели минуют первую стадию. Они узнавали цену продуктов и шли прямо в кассу. Так попытался сделать и я, и у меня получилось! Оплатив и держа в руках чек, я встал в очередь за сыром, самую длинную в магазине. Я ждал чуть менее минуты, когда дама передо мной повернулась и попросила посторожить ее место. Она умчалась в очередь за маслом и молоком. Очередь за сыром длилась

так долго, что она успела вернуться со своим маслом и молоком перед тем, как мы продвинулись на метр. Я тоже рискнул уйти и также вернулся с маслом, тогда как очередь за сыром еще еле-еле тянулась. Я заметил также, что все магазины наполнены людьми, которые перемещаются, сохраняя свои места, покидают одну очередь ради другой и возвращаются. Очередь за сыром служила портом приписки для всех, ибо она совсем не двигалась. Она не дошла еще до середины, когда я вновь попросил старого господина за мной посторожить мое место и ринулся за сосисками. Опыт пришел быстро. В итоге мне понадобилось 22 минуты, чтобы купить сыр, масло и сосиски, и вместо того, чтобы рассердиться, я испытал неведомое ранее чувство справедливо одержанной победы над порядком, который удалось обмануть».

Кассы в советских магазинах были кондовыми и по сравнению с их современными аналогами напоминают сегодня вымерших динозавров. Это такие железные ящики с мощными ручками, которые надо все время двигать туда-сюда, и с большими кнопками. Пробивая чек, касса издавала только ей присущий неповторимый жужжаще-скрипящий звук. Зачастую на кассах сидели женщины более чем зрелого возраста, в белых халатах, с прической «хала» на голове, а зимой в шапках. Опытные кассирши обладали наметанным глазом, сразу определявшим, как лучше дать сдачу — бумажным рублем или мелочью (что считалось порой почти унижением). Но сдачу если и давали, то всю до копейки, ибо за одну копейку можно было купить коробок спичек, а за две — позвонить по телефону-автомату. Перед носом каждого покупателя висело предупреждение: «Проверяйте сдачу, не отходя от кассы», позднее переделанное в «Куй железо, не отходя от кассы». В гастрономах перед тем, как встать в кассу, следовало сперва узнать, пробивает ли она в нужный отдел, можно было потерять немало времени, услышав из окошка: «Я в мясо не пробиваю!» В 1970-х годах в одном большом московском универсаме жулики на один день поставили «левую» кассу и весь день принимали

деньги, выбивая чеки. Выручка оказалась громадной, разбогатевших за один день аферистов искали по всему Советскому Союзу.

В репортаже для «Нью-Йорк таймс» Смит совсем застрашал своих соотечественников, сделав далекоидущие выводы: «Во всем мире покупатели иногда выстраиваются в очереди, но только в России это получило такое же распространение, как пирамиды в Египте. Стояние в очередях необычайно показательно для русского характера и демонстрирует трудности жизни в СССР. Влияние очередей более сложно, чем может показаться на первый взгляд. Для случайного прохожего это не более чем вереница людей, приготовившихся к некоей экономической операции для совершения своих незатейливых покупок. Но этот прохожий незнаком с тайными пружинами, внутренней энергией, особым этикетом русской очереди... Я знал людей, которые стояли в очереди по полтора часа, чтобы купить четыре ананаса, три часа на двухминутный аттракцион “Русские горки”, три с половиной часа, чтобы купить три кочана капусты и услышать под конец, что капусты нет, 18 часов, чтобы записаться на ковер, который поступит в продажу позже, всю декабрьскую ночь, чтобы записаться в список на машину, которая будет с большой вероятностью через полтора года.

Очереди бывают на несколько метров или километр, двигаясь со скоростью улитки. Некоторые наши московские друзья фотографировали очереди, стоявшие два дня и две ночи, по четыре человека в ряд, извивавшиеся, как змея, и терявшиеся где-то далеко за горизонтом. Они подсчитали, что в этой очереди стояло от 10 до 15 тысяч человек, мечтавших записаться на покупку машины, возможность чего открывалась лишь один раз в квартал. Некоторые обогревались у костров, чтобы не замерзнуть, а отблеск костров как и шумные перепалки не давали нашим друзьям спать всю ночь».

Очередь на автомобиль — тема особая. Как ни старалась советская автомобильная промышленность, а машин все равно не хватало. До середины 1950-х годов

автомобиль рассматривался населением как роскошь, пока, наконец, не началось хотя и со скрипом массовое производство «москвичей». Как следовало из доклада министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову от 21 мая 1954 года, «ввиду значительного спроса на легковые автомашины, а также на мотоциклы М-72 (с колясками) в специализированных магазинах Главкультторга постоянно наличествуют огромные очереди лиц, желающих приобрести автомашины. Так, в Московском специализированном магазине очередь ожидающих покупки автомашин “Победа” на 15 мая с. г. достигла 13 000 человек, при том положении, что в среднем продается не более 625 автомобилей “Победа” в месяц». В Москве было еще хорошо, в Ленинграде в очереди стояли 22 тысячи человек.

Кто тогда мог позволить себе покупку машины? Простой человек ездил на трамвае, автомобили имели представители советской научной и культурной элиты и их хорошие друзья — продавцы комиссионки, мздоимцы-чиновники, директора магазинов, баз, распределителей, те, кто сидел на дефиците. Не зря Юрий Деточкин, угонявший машины у тех, кого он считал жуликами («Ведь воруют, и много воруют!»), поразился, что случайно украл машину у крупного ученого, доктора наук, а не взяточника Стелькина. Его растерянная реакция подразумевала исключительность этого случая: ученых с машинами так мало, как же он мог ошибиться!

В Москве очередь за автомобилями была организована гражданами весьма серьезно и ответственно. Откуда ни возьмись возникала специальная комиссия, естественно, с председателем и заместителями, принимавшими заявления на очередь. Запись в списки на очередь — еженедельно по воскресным дням с 9 до 12 утра, отмечаться в очереди следовало с 8 до 11 часов, а по воскресеньям с 9 до 12. Чем ближе к вождьленному прилавку был человек, тем чаще он отмечался: если номер был с 1-го по 150-й, отмечаться следовало ежедневно, со 151-го по 250-й — по четвергам, с 251-го по 1000-й — каждое воскресенье, с 1001-го и

более — срок указывался при очередной отметке. Отметки производились по предъявлении паспорта. Но как быть, если будущий автолюбитель заболел? Тогда ему следовало выписать у нотариуса доверенность, причем только членам семьи. Но даже в этом случае родственник мог отметить только один раз, в следующий раз вычеркивали. За две неявки подряд даже по уважительной причине очередника исключали из списков. Отъезд в отпуск, на лечение, в командировку уважительными причинами для неявки на переключки не признавались.

Неспособность удовлетворить спрос привела к появлению большой и жирной прослойки автоспекулянтов, перепродававших машины сразу же после их покупки: «По данным Госавтоинспекции Управления милиции гор. Москвы, только по пяти районам Москвы: Свердловскому, Бауманскому, Железнодорожному, Ленинградскому и Первомайскому учтено 115 человек, которые в течение 1951—1953 гг. купили и перепродали по 4—5 легковых автомобилей “Победа” и “Москвич”. Так, работавший шофером Министерства строительных материалов СССР Левонтин Г. А., 1921 г. рождения, еврей, беспартийный, купил и перепродал 5 автомашин “Победа” и 2 машины “Москвич”. Последнюю машину он приобрел в специализированном магазине 13 апреля 1954 года, а сейчас снова находится в очереди за машиной “Победа”... Ограниченность сети специализированных магазинов вызывает большой приток покупателей в те города, где эти магазины имеются. Ввиду того что иногородние покупатели не в состоянии месяцами ожидать своей очереди, они приобретают машины у спекулянтов или же покупают места в очередях. Некоторые лица за определенную плату дежурят в очередях за тех иногородних покупателей, которые, записавшись в очередь, уезжают к месту своего постоянного жительства».

В то время почтовые ящики во многих домах аккурратно открывались каждое утро не только, чтобы взять газету. Стоявший уже не один год в очереди на машину москвич в один прекрасный день вынимал вместе

с «Советским спортом» вождественную открытку из автомагазина. «Открытка пришла» — это выражение тех лет. Значит, подошла очередь. Пора бежать в магазин. Только вот нередко получалось так, что, когда приходила открытка, денег-то уже и не было. Марафон начинался вновь. А иногда и прав не было, но машину все равно брали.

Лишь с 1970 года, с началом производства нового советского автомобиля ВАЗ-2101 «Жигули», прозванного в народе «копейкой», начался ощутимый рост продаж. Так, если в 1966 году население приобрело 62 тысячи машин, то в 1970 году уже 123 тысячи, а в 1980 году — более одного миллиона. Но даже при таких темпах дефицит сохранялся, ибо доходы и численность населения росли. В 1970 году на 100 советских семей приходилось в среднем два авто, а через десять лет уже десять. Но и это оставило СССР далеко позади по сравнению со странами Запада. В 1975 году на тысячу жителей в Союзе приходилось 18 автомобилей, а в капстранах Европы в десять раз больше.

Стоили машины недешево и постоянно дорожали в цене. Например, «Волга» в 1961 году стоила 5500 рублей, а в 1984 году — почти 16 тысяч рублей, «москвич» за это время подорожал в три раза (до 7491 рубля), «жигули» в 1971 году стоили 5620 рублей, а в 1984 году — 7260 рублей. Самой непрестижной маркой был «запорожец», первую модель которого, выпускавшуюся с 1961 года ЗАЗ-965 (копия Фиат-500), народ прозвал «горбатым», а следующие модели «кушастыми» и «мыльницами». Сам товарищ Хрущев приказал установить на него минимальную цену, ниже двух тысяч рублей в 1961 году, а в 1984 году машина стоила уже в 2,5 раза дороже.

При этом бывалые люди знали — не дай бог купить машину, вышедшую с конвейера в конце месяца, хлопот не оберешься. Как и на прочих советских предприятиях, на автозаводах безбожно гнали план. Неудивительно, что по отношению к некоторым маркам машин бытовало обидное прозвище «ведро с болтами». А, как мы уже узнали из прошлых глав, визит в авто-

сервис превращался для москвичей в пытку. Вспомним фильм «Инспектор ГАИ», где начальника станции техобслуживания играет Никита Михалков, — как трясутся перед ним местные власти, как лебезят и заискивают. А по-другому и нельзя — он царь и бог, ибо автомобилями все больше, а запчастей все меньше.

В Москве главным авторынком был Южный порт, куда съезжались со всей страны. В 1975 году там построили большой и красивый автомагазин, внутри которого на подиумах красовались образцы советского автопрома. Можно было прийти посмотреть на четырехколесный дефицит, обойти его со всех сторон, что и делали многие потенциальные автолюбители. В Южном порту была своя мафия, способная купить и продать что угодно, в том числе и иномарку. Официально купить с рук подержанную автомашину было нельзя, но с помощью хороших людей, ошивающихся с утра до вечера у магазина, все можно было сделать: оформить вроде официально по минимальной цене, а остальные деньги передать из рук в руки. Этим помощников даже не надо было искать: они своим наметанным глазом сразу определяли «чайника» — неопытного покупателя, могли всучить ему всякий хлам. Постоянными посетителями рынка в Южном порту были «гости с юга» в кепках-«аэродромах», поднатеревшие на продаже мандаринов и прочих витаминов. А уж удовлетворить их быстрорастущие потребности — раз плюнуть, тем более в условиях вечного дефицита.

Вообще это советское словцо «автолюбитель» довольно язвительно, поскольку, как справедливо утверждал фильм «Берегись автомобиля», «каждый, у кого нет машины, мечтает ее купить, каждый, у кого есть машина, мечтает ее продать».

Но вернемся к наблюдениям Смита. Став счастливым обладателем московских сосисок, американец решил было, что так и надо: стой сразу в трех очередях и обманешь советскую действительность. Но не тут-то было. Это касалось лишь продовольственных продуктов, что же до одежды, промышленных товаров, то здесь борьба обострялась. И покинув очередь

со словами: «Вы будете стоять? Я отойду на минутку», — можно было в нее уже не вернуться. Следовало серьезнее относиться к указанию того интервала времени, на который человек исчезал из очереди. Допустим, он говорит, что уходит на две минуты, а его нет все десять. Битва за счастье осложнялась тем, что товар постепенно заканчивался, и люди в очереди все больше нервничали — а хватит ли им? И тогда вернувшегося в очередь человеку показывали фигу: «Вас здесь не стояло!» Начинался жуткий скандал, который в исключительных случаях мог перейти и в драку. Только стоявший сзади мог заступиться, подтвердив, что, мол, да, помнит, был перед ним этот гражданин. А мог и не узнать... В очереди каждый сам за себя, как в джунглях. Кроме того, активные представители очереди были вправе подвергнуть опоздавшего страшному наказанию — не давать ему более одной штуки или килограмма в руки в наказание за его долгое отсутствие.

Но не кажется ли вам, что вездесущий журналист «оттуда» слишком много хотел от московских магазинов и прочей сферы обслуживания, сравнив такой шопинг с военными сборами, когда опытный офицер устраивает муштру новобранцам. Причем новобранцами выступают покупатели, а в роли офицера — хамоватые продавцы. «Хождение по магазинам, — сообщал Смит, — придает повседневной жизни москвичей характер напряженного соревнования, которое к тому же делит людей на простых и элиту... Обычное дело ждать в ресторане, пока вялая официантка исполнит ваш заказ, и полчаса, пока она подойдет к вам, чтобы сказать, что ничего нет из того, что вы заказали. В Ташкенте старая дама рассказала мне, что, дойдя до прилавка с мясом в большом продуктовом магазине, она еще пять минут ждала, поскольку мясник обсуждал спортивные новости с приятелем. Когда она вышла из терпения и потребовала свое мясо, мясник обернулся и проворчал: “Может, вам еще разжевать и в рот положить?” Хронически плохое настроение продавцов таково, что Аркадий Райкин, самый известный советский юморист, имеет бешеный успех со скетчем, в

котором продавщица полностью игнорирует желание покупателя, ищущего подарок для дамы, предлагая ему купить игрушечную пушку. Равнодушное и наплевательское отношение продавцов — это характерный признак советской торговли. Московский чиновник сказал мне: «Продавцы говорят: я один, а вас много! Тогда почему я должен торопиться? Вы должны меня ждать. И они правы. Действительно, что мы можем сделать, если так и есть и идти больше некуда?»».

А вот столичные булочные Смиту пришлось по сердцу, в них было что-то от родной Америки. Покупатель мог свободно подойти к деревянным прилавкам с разным хлебом (белым и черным, по 16, 18, 22 и 25 копеек и т. д.) и, вооружившись металлической ложкой с длинной ручкой, проверить его на свежесть. Некоторые, правда, так усердно нажимали, что хрупкая корочка продавливалась, обнажая ароматный белый мякиш белого батона. Кстати, москвичи говорили «батон», а ленинградцы «булка».

Иностранцев удивляла низкая стоимость хлеба, самого доступного продукта в Москве. Государство пыталось приучить народ к его экономии — стены булочных были обклеены агитационными плакатами: «Хлеб — всему голова», «Хлеба к обеду в меру бери!» и т. д. Но очередей в булочных не было, они остались лишь в памяти, в начале 1960-х годов. Трудно поверить, что хрущевская «оттепель» могла закончиться введением карточек на продукты, в том числе и на хлеб. В 1963 году впервые было закуплено зерно за границей — это стало выходом из катастрофического положения на все последующие годы развитого социализма.

«В стране назревает катастрофа, — записал в ноябре 1963 года в дневнике критик Лев Левицкий. — Хлеба не хватает, скот режут, за всем километровые очереди, жизнь заметно вздоржала». В те дни в Москву приехала французская писательница Натали Саррот, урожденная Наталья Черняк, прекрасно говорившая по-русски. Пришла она в гости к Константину Паустовскому на Котельническую набережную и начала рассказывать про вранье советского гида, объяснявшие-

го ничего не понимавшим по-русски французам, что это за очереди стоят по всей Москве: «Эти москвичи хотят купить апельсины, спрос на которые в связи с ростом благосостояния увеличивается с каждым днем». Она-то видела, что стоят за хлебом, но не сказала ни слова, опасаясь за судьбу своих родственников, которые еще проживали в Советском Союзе.

В Москве — мировой столице — потребители зависели от настроения продавца, в то время как за рубежом к тому времени получила повсеместное распространение такая современная форма торговли, как супермаркет, при которой покупатель имеет кратчайший доступ к продуктам. В Москве лишь с начала 1970-х годов потихоньку стали появляться типовые магазины самообслуживания, в основном в спальных районах. Поначалу народ просто ходил поглазеть — это выглядело необычно, при входе надо было брать специальную корзину или тележку на колесиках. Удивляло, что продукты лежали на прилавках свободно, не надо было пробираться к витрине, чтобы узнать, чем торгуют. Достаточно было взять кусок сыра или масла, упакованные в целлофан, чтобы с ним проследовать на кассу и занять там очередь. При выходе из зала контролеры могли проверить хозяйственные сумки, если покупатель не оставил их при входе. Но сыр (пошехонский, российский, костромской с пластмассовыми циферками) или масло (крестьянское) недолго лежали на прилавках. Их успевали расхватать сразу после того, как из подсобки вывозили тележку. Покупатели, уже специально ждавшие этого кульминационного момента, набрасывались на продукты, хватая любой кусок, попадавший под руку. В народе магазины самообслуживания получили название «Самбери».

Марина Влади в период своей жизни в одном из спальных районов Москвы также посещала магазин самообслуживания, визит в который окончился для нее плачевно. Придя к гастроному, она увидела толпу закутаных женщин, ждущих открытия магазина после обеда: «Я рассчитывала подойти попозже — я знаю, что в такое время каждый раз бывает давка, куда я пред-

почитаю не попадать. Продавщица, должно быть, запаздывает, потому что все небольшое собрание недовольно жужжит (наивная француженка! Продавщица не опаздывает, а задерживается, это во-первых, а во-вторых, ноги-то у нее не казенные! — А. В.). Мой приход ненадолго отвлекает их от разговора, но плохое настроение сильнее, чем любопытство, и все снова принимаются ворчать. И вот дверь магазина открывается. Как взбудораженный курятник, толпа устремляется в дверной проем, переругиваясь и пихаясь. В дверь могут пройти одновременно только два человека. Я жду и вхожу последняя в холодный и сырой торговый зал. Я сразу же определяю по запаху, что сегодня привезли только молочные продукты, масло и — если еще не раскупили — сыр. Этот магазин самообслуживания совсем новый, но полки уже в безобразном состоянии, а у корзин осталось по одной ручке.

Редко лежащие продукты завернуты в противную толстую серую бумагу, на которой фиолетовыми чернилами помечена цена. Это — мой первый поход в магазин в новом районе. Я покупаю кое-что из продуктов и становлюсь в очередь в кассу. У меня пять пакетов разных размеров. Я плачу и собираюсь уже уходить, но тут контролерша на выходе заставляет меня открыть сумку, вынимает оттуда все мои покупки и потрясает каким-то свертком. Какой ужас — у меня оказался лишний кусок сыра на 28 копеек, который кассирша не пробила! Мне становится жарко и почти дурно, к тому же мне стыдно, потому что все остановились и смотрят на меня. Я робко говорю, что кассирша забыла пробить, что ничего страшного не произошло, я сейчас доплачу...

— Ах вот как, кассирша забыла? Знаем мы эти песенки, вот так и создают дефицит! Если одна украдет (она употребила именно это слово) кусок сыра, другая — кусок масла, что будет с государством?!

Я — как в кошмарном сне. Вокруг кричат, женщины ругаются, я вынимаю из кошелька все мои советские деньги и бросаю их на прилавок:

— Возьмите, мне не нужны ваши деньги.

Женщин это приводит в бешенство:

— Нашими деньгами так не бросаются! Мы их тяжело зарабатываем — не то что некоторые!...

Я чувствую, что сейчас упаду в обморок, я вся взмокла, мне хочется плакать. Я вынимаю из сумочки франки и в каком-то дурацком порыве, рассчитывая доказать мои искренние намерения, предлагаю им заплатить в валюте. И вот тут меня единодушно вытаскивают вон, и я стою в замерзшей грязи под водопадом ругательств, прижимая к груди свертки».

А дома Марину Влади уже ждал Высоцкий. Он все понял по ее покрасневшим глазам и шапке набекрень. Увидев, как она прижимает к себе маленькие серые свертки, он забрал их у жены, обнял ее за плечи и утешил: «Ты ходила за покупками? Да, беденькая моя?.. И все-таки ты должна понять этих женщин. Для тебя это всего лишь неприятная история. Она скоро забудется. А они живут так каждый день. Прости их. Завтра я оставляю тебе машину». Больше Марина Влади с простыми москвичами не сталкивалась. Хорошо, что знакомые директора продуктовых магазинов оставляли для Высоцкого парное мясо, копченую рыбу, свежие фрукты, ими-то он и кормил привыкшую к парижским деликатесам супругу.

А тем временем нашего журналиста Смита занесло на проспект Калинина: «В большей части магазинов покупатели не могут обслуживать себя сами и вынуждены общаться с продавцами через прилавок. Появление самообслуживания начинает менять этот подход. Но изменения идут очень медленно, ибо русские ужасно консервативны. В самом центре Москвы, например, в большом магазине на проспекте Калинина люди привыкли покупать муку в мешках, сахар в коробках, макароны в пакетах, но много тех, кто предпочитает стоять с банками в руках за сметаной, вместо того чтобы купить уже готовые упаковки, ведь на это теряется меньше времени. Другие предпочитают лучше уйти в другие места, ибо они считают себя оскорбленными тем, что охранники магазинов самообслуживания досматривают содержимое их сумок».

Проспект Калинина — так могли его называть исключительно гости столицы, ориентируясь на карту города. Москвичи же упорно говорили: Новый Арбат. Его проложили через заповедные переулки Арбата, теперь уже Старого. Если Сталин оставил после себя семь высоток, то Хрущев — дома-книжки Нового Арбата, по праздникам превращавшиеся в огромные экраны, вмещавшие в себя четыре огромные буквы «СССР». В очередях москвичи судачили, что, мол, поехал Никита в Америку и усмотрел там небоскребы, и сказал — а почему у нас таких нет? Без небоскребов Америку точно было не перегнать. Проспект получился похожим на западные авеню в старом кино — выстроенные в одном стиле многоэтажные высотные дома на всем его протяжении, широкие пешеходные зоны для прогулок. Те москвичи, что не бывали на нью-йоркских авеню, в штыки восприняли первую целиком и заново отстроенную московскую улицу, обзвав ее «вставной челюстью» и «посохинскими сберкнижками». Последнее определение связано с именем главного архитектора Москвы Михаила Посохина, по слухам, заработавшего приличную сумму денег на проектировании проспекта.

Но для простого народа главной достопримечательностью Нового Арбата стали многочисленные магазины на первых и вторых этажах зданий, манящие своими неоновыми вывесками, стеклянными витринами и вкусными названиями: универсам «Новоарбатский» (в нем-то и побывал американец), рестораны «Ангара» и «Печора», кафе-мороженое «Метелица», «Дом хлеба» (дважды в день завозили свежий хлеб), а еще «Мелодия» (мекка меломанов), «Сирень», «Весна», «Юпитер», «Москвичка», «Малахитовая шкатулка», «Подарки», «Синтетика», «Дом книги» и кинотеатр «Октябрь», Институт красоты. Те, кто работал в окрестностях проспекта Калинина, в обед смело отправлялись сюда за покупками, никогда не уходя с пустыми авоськами.

Главное было не угодить в незапланированный перерыв. Была такая специфическая особенность работы московских магазинов и организаций, как неужи-

данное закрытие. Часто на дверях приходилось видеть таблички — «Инвентаризация», «Закрыто по техническим причинам», «Ремонт», а на киосках — «Ушла на базу», «Тары нет». Последнюю формулу юмористы переквалифицировали в «я никогда не буду с тарой».

Но к этому москвичи тоже привыкли. А вот иностранцы, включая Смита, почему-то возмущались: «Многие московские учреждения закрываются без малейшей заботы о клиентах. Буфет гостиницы “Украина” закрыт с полудня до двух часов. Парк имени Горького, куда приходят любители зимнего катания на коньках, регулярно закрыт в лучшие часы для отдыха: по субботам с четырех до шести. Более того, как я узнал на собственном опыте, кассы упорно отказывались продавать входные билеты после трех часов. “У вас не будет времени переодеться”, — сказала мне нелюбезно одна из кассирш, и никакие убеждения на нее не действовали».

Однако в мрачной московской действительности Смит все же разглядел тонкий лучик позитива: «Единственно хорошим результатом вечной борьбы потребителя за возможность что-то купить стало то, что покупки вроде бы обычных вещей доставляли москвичам радость. Русские меньшие материалисты, чем американцы, и в то же время более простые вещи приносят им несравнимо большее удовольствие, чем европейцам, которым покупки достаются без каких-либо трудностей. “В Америке, — сказал мне один русский журналист, который выезжал в США и узнал американцев, — если ваша жена купила новое платье, и я это заметил, я скажу ей комплимент, и на этом все закончится. А в Москве, когда я достану пару ботинок, которые мне нравятся, это достижение. Это значит, что я провел сложные манипуляции, что имею рекомендации от кого-то, что дал на лапу продавцу или бегал из одного магазина в другой и что я простоял в очереди часы. Вы заметили, что я сказал ‘достать’, а не купить. Когда я буду обладать ботинками, я буду очень горд. И мои друзья скажут: ‘О! У вас новые ботинки! Где вы их достали?’”. Это не банальный поли-

тес, а искренний вопрос. Потому что они думают, что я помогу им их купить. Американцы не могут понять: как такое может быть? В этом есть резон, ибо я буду блистать с радостным возбуждением в глазах женщин, которые стоят полдня за такими банальными вещами, как парик или югославский свитер. Это зрелище согревает сердце. Одна из добродетелей, порожденных этой ситуацией, есть солидарность. Русские готовы всегда поделиться своими деньгами с друзьями и коллегами, чтобы те смогли сделать важную покупку. Парадоксально, русские менее богаты, чем американцы, но более щедры. Люди находят возможным как брать, так и дать займы и 25, и 50, и 100 рублей до конца месяца, если они у них есть или если им нужны деньги. Для большинства деньги менее важны, чем хорошая возможность их потратить».

Всё верно. Трудности в обретении той или иной вещи значительно повышали ее ценность в глазах человека. Тут и возникала сакральность. Сырокопченая колбаса «Московская», принесенная домой после трехчасового стояния в очереди и заботливо припрятанная в глубину холодильника за два месяца до ближайшего праздника, — это вам не банальная мясная нарезка, приобретенная на бегу. Такая покупка приносит искреннюю радость человеку, будто побывавшему в первобытном времени, когда все было так просто — сначала охота на мамонта, а потом его коллективное употребление в виде вкуснейшего шашлыка. А радость — от того, что видишь результаты своего труда, ощущаешь нужность своих хлопот. А на работе что — сидит человек за своей конторкой от звонка до звонка, от полочки до полочки, время убивает. Сплошная уравниловка. И никому это не нужно, только некоей Галине Леонидовне, то есть «для галочки». По поводу радости ходил в народе такой анекдот:

- Рабинович, почему вы хотите в Израиль?
- Надоели праздники! Хочу работать!
- Что вы имеете в виду? Какие праздники?
- Колбасу купил — праздник, туалетную бумагу достал — праздник!

Галина Вишневская почему-то не желала радоваться вместе со всеми и, подобно Рабиновичу, используя открывшуюся возможность, покинула страну очередей, написав о своей повседневной жизни весьма жестко: «Правительство специально создает бытовые трудности, чтобы, измотав человека до чертиков в глазах, отвлечь его от более важных проблем. Чтобы после работы и толкания в очередях он имел бы силы лишь дотащить домой и, выпив бутылку водки, лечь спать. А там, глядишь, и прошла жизнь в ежедневной изматывающей войне с трагическими поражениями и блестящими победами, в нескончаемой борьбе с могучим Дефицитом, ибо он как стоголовая гидра — отсечешь ему одну голову, на ее месте немедленно вырастает другая».

Про водку это очень точно, она являлась стратегическим продуктом, дефицит которого был просто недопустим. Пусть цена на нее повышается, но водка должна в магазинах быть всегда: «Передайте Ильичу, нам и десять по плечу! Ну а если будет больше, мы устроим так, как в Польше!» И ведь устроили — только чуть-чуть позже, после горбачевского антиалкогольного указа.

Но неужели народная артистка СССР сама стояла в очередях? У нее была домработница Римма, крутившаяся с утра до ночи как заведенная. Утром она часами бегала по магазинам, а вернувшись домой, буквально выворачивала мозги наизнанку, соображая, что же можно изобрести из куска истощенного мяса, трижды провернутого через мясорубку. А мясорубка-то была механическая! Самым тяжелым испытанием был издевательский утренний допрос домработницы: «Что будем сегодня готовить?» Вишневская каждый раз вздрагивала и как-то съеживалась, переиначивая гамлетовский вопрос: «Есть или не есть?..» А Римма-Мюллер не унималась: «Да вы слышите меня?» — а потом: «Это вам не в театре петь!» Певица начинала что-то там лепетать про рыбу и слышала в ответ: «Че-го-о-о? Рыбу-у?.. Ха-ха! Да где же я ее достану? Вот умора-то!.. Цыплят? Ну, знаете... Вы что, с луны свалились? Когда

это они в магазинах бывали?.. Овощей? Нет, вы воображаете, что говорите-то? Забыли, что ли, что, кроме капусты и картошки, ничего не бывает? Уставились в потолок — с вами серьезно говорить-то нельзя... Так чего сегодня будем готовить?» И так каждый день. В итоге домработница, махнув рукой на хозяйку, отчитав ее за то, что «вчера шпана из консерватории» обчистила холодильник, безвыходно соглашалась: «Чего с вас взять-то? Сама чего-нибудь придумаю».

Вишневская и Ростропович, пока имели возможность выезжать за границу и работать там (заработок обычно составлял десять долларов в день), привозили оттуда все, что можно: мебель, посуду, белье, холодильники, машины, рояли, одежду, нитки, растворимый кофе, колбасу, кастрюли, стиральный порошок. Иностранцы таможенники, наверное, сильно удивлялись содержимому их чемоданов.

Мясо для народа тоже закупали за границей. Брежнев как-то спросил своего премьера Тихонова: «Николай, ты когда народ мясом накормишь?» — «Да я бы рад, Леонид Ильич, да никто столько не продает». Советские врачи советовали: мясо коровы и свиньи вредно для здоровья, лучше есть курицу, для чего понастроили кучу птицеферм, где бедных птиц, похоже, плохо кормили и выгоняли на исправительные работы. А как иначе объяснить их голодный синий цвет? Так они и лежали на витрине, сваленные в кучу, с длинными когтистыми лапами. Жарить это так называемое «мясо птиц» было бесполезно — одни кожа да кости. Один способ — варить, но как? И здесь тоже был изобретен свой, народный способ доведения жилистой и костлявой курицы до состояния, приемлемого к употреблению — опускать в кастрюлю стеклянную пробку от графина. Якобы этот процесс значительно смягчал куриное мясо, как тот топор в русской сказке.

Но где же доставала продукты прочая московская интеллигенция? Смит пишет о том, как однажды побывал в гостях у Андрея Вознесенского в высотке на Котельнической набережной. Поэт устроил в честь американца и его жены роскошный ужин: икра, сем-

га, оливки, сервелат и прочие деликатесы. Возможно, этот пир горой и остался бы единственным потрясением для иностранного гостя, если бы в квартире не затрещал телефон. Вознесенский взял трубку и очень сердечно поприветствовал звонящего. Вдруг он зажал трубку рукой и обратился к Смигу: «Вы не могли бы помочь достать билеты на завтрашний хоккейный матч Швеция — СССР?» Вопрос не застал журналиста врасплох: он как раз принес с собой билет специально, чтобы подарить его Вознесенскому, но ждал приличествующего момента для вручения. «Надо же, какое совпадение!» — скажет читатель. Да, чего только не бывает в жизни. Но поражает дальнейшая реакция поэта: он сказал, что ему звонит человек, самый нужный для него в жизни. Но это не какой-то его поклонник из ЦК, способный решить вопрос о его очередной загранкомандировке или издании новой книги стихов. Оказывается, Вознесенскому позвонила директор крупного московского гастронома, которая и снабжала поэта деликатесами. В подтверждение своих слов он обвел глазами уже изрядно подчищенный стол, надо думать, в это время у заморского гостя зародилось даже некоторое смущение. Он ведь съел уже немало столь драгоценных продуктов. Вознесенский стал умолять Смига отдать билет на хоккей директорше, поскольку она, бедная, так в них нуждается. Сама-то она и так пойдет на хоккей (ее муж какая-то шишка), но билет предназначен для ее любовника, тоже любителя хоккея. Ничего не поделаешь, пришлось согласиться.

Наивность американца бросается в глаза даже невооруженному взгляду. Кого он хотел удивить хоккейными билетами в Москве? Вот если бы он принес настоящие американские джинсы или апельсины... Дефицит в системе ценностей большинства москвичей той эпохи стоял на первом месте. В фильме «Москва слезам не верит» персонаж Владимира Басова — замначальника главка — приходит в гости на званый ужин с черным портфелем (опять портфель!), из которого вынимает подарки: жалкий букетик цветов и целую гору заветных железных баночек — икра, крабы, печень трески,

шпроты. При этом он говорит: «Это моя доля!» Все верно, вот это деловой и привычный подход.

Поддержка приятельских (а лучше — дружеских) отношений с работниками сферы торговли была основным условием доступа к дефицитным продуктам. Директора центральных магазинов Москвы не испытывали нужды в друзьях. Приемная директора гастронома № 1 на улице Горького, бывшего Елисеевского, с утра до ночи была полна посетителями — узнаваемыми артистами театра и кино, звездами эстрады, писателями, спортсменами, даже космонавтами. Большие начальники сами не приезжали — присылали шоферов, складывавших коробки со всякой всячиной в багажники персональных черных «волг».

«Отличник советской торговли» Юрий Соколов вел себя так, будто ничего со времен Елисеевых не изменилось. Они-то в 1901 году открывали свой «храм обжорства» как магазин колониальных товаров, но и Соколов по-хозяйски чувствовал себя в их кабинете. Его магазин всегда получал самые свежие и редкие продукты с базы, которыми Соколов торговал из-под прилавка или «из-подполья» — то есть не пуская их в свободную продажу, а придерживая для нужных людей. Соколов в ответ на их просьбы — кому на свадьбу, кому на юбилей или семейный праздник — одаривал (за деньги, разумеется) их деликатесами: одному балычок, другому ветчинку, третьему анчоусы, четвертому финский сервелат. Та же самая картина наблюдалась и в других гастрономах, например, в «Смоленском» в конце Старого Арбата. Все было похоже. Только фамилия тамошнего директора была иной. Какой? А не все ли равно, таковы были правила игры, система взаимоотношений, если хотите.

Чтобы стать клиентом Соколова, нужна была рекомендация от проверенного человека — это было привычное дело. «Я от Ивана Ивановича» — расхожая фраза и одновременно рекомендация того времени, означающая «блат». Блат — это пропуск к дефицитным благам и товарам посредством неформальных контактов. Пришедших в кабинет к Соколову новых посетителей он встречал не то чтобы небрежно, а с

Москва — столица VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. 1957 г.

Успенский собор Московского Кремля.
Свободный доступ в Кремль был разрешен в 1955 году

Центральный стадион им. В. И. Ленина (Лужники).
Открытие состоялось в 1956 году

Фестивальная Москва. 1957 г.

Высшее руководство Советского Союза на встрече с участниками VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.
Справа — первый секретарь МГК КПСС Екатерина Фурцева. 1957 г.

Выступление пианиста Вана Клиберна, победителя Первого
Международного конкурса музыкантов им. П. И. Чайковского.
Москва, Большой зал консерватории. 1958 г.

Демонстрация трудящихся в Москве. 1958 г.

У театра «Современник» на площади Маяковского. 1958 г.

Выбор места для памятника Владимиру Маяковскому в Москве. 1958 г.

Уборка снега на московских улицах. 1959 г.

Облигация государственного займа Лучшая форма взаиморасчетов

Никита Хрущев и Ричард Никсон на Американской промышленной выставке в Сокольниках. 25 июня 1959 г.

Церемония открытия Первого Московского международного кинофестиваля. 1959 г.

Кинотеатр «Россия», где с 1961 года проводились московские кинофестивали

Кухня в московской коммуналке

Район массовой застройки хрущевками.
Москва. Конец 1950-х гг.

Модель
Кристиана Диора
на улице
среди прохожих.
Москва. 1959 г.

Роскошный холл
высотного здания
на Котельнической
набережной

Производственная мода: обеденный перерыв на заводе. 1960-е гг.

На концерте в красном уголке. 1960-е гг.

Один рубль до денежной реформы
в СССР 1961 года

Послереформенные купюры

Отпускники на юге. 1950-е гг.

Другого
шампанского
тогда и быть
не могло

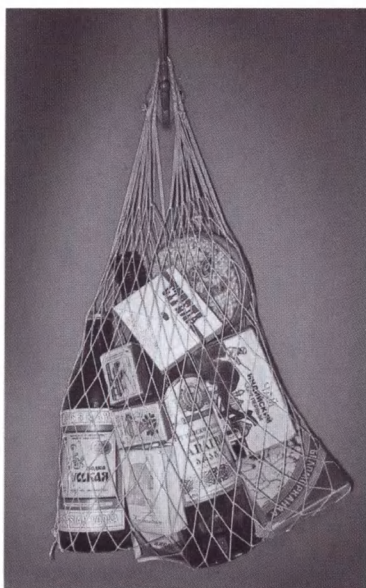
Споемте, друзья!
Середина 1950-х гг.

Московский общепит...

Автоматы с газировкой

Авоська с продуктами

В московской квартире с телевизором. 1960-е гг.

Строительство Останкинской телебашни. 1964 г.

Ковер на стене и хрустальная люстра —
признаки крепкого благосостояния семьи

Вывоз хлама на дачу — неисчезающая традиция

Самая частая реклама на московских улицах

На Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ)

некоей едва уловимой усталостью в глазах от постоянных усилий доказывать людям, что кем бы они ни были, это не они для него, а он для них существует. Один такой в Москве. На столе директора всегда лежала высокая пачка визитных карточек — демонстрация широты его клиентуры. Естественно, проблем у Соколова не было ни с чем — ни с билетами на хоккей, в театр, на концерт. Даже жена его была не как у всех, и звали-то ее не по-русски — Флорида, и служила она не врачом поликлиники (как супруга Виктора Гришина), а работала коммерческим директором ГУМа. Торговля дефицитом стала семейным бизнесом Соколовых.

Юрий Соколов и был подлинным хозяином жизни в Москве, не зря же его продуктовый клондайк расположился почти напротив Моссовета, обозначавшего номинальную «народную» власть в городе. Директор гастронома, разъезжавший на «мерседесе», поднялся на такую недосягаемую высоту, падение с которой было весьма болезненно. Слишком уж ярко проявлялось его значение, ибо на «мерседесах» в те годы позволяли себе ездить преимущественно медийные фигуры — Владимир Высоцкий, Сергей Михалков, Андрей Миронов. А тут — торгош какой-то (словечко ушедшей эпохи). Это было нетипично.

Возможности у торгош были безграничны. Как-то в середине 1970-х годов произошел такой случай. Член политбюро товарищ Пельше ехал себе спокойно по Рублевскому шоссе на «членовозе», пока вдруг его не обогнал какой-то наглец на иномарке. А обгонять правительственные кортежи тогда, да и сейчас, было весьма опасно. Пельше приказал немедля остановить машину и проверить документы у водителя. Оказалось, что за рулем сидел сын заместителя директора одного из гастрономов Москвы, предъявивший работникам ГАИ спецталон (аналог мигалки, дававший огромные привилегии его обладателям). В результате расследования установили, что спецталоны выдавал по дружбе всем этим «гастрономам» один из руководителей московской Госавтоинспекции.

Работники торговли были основными объектами

критики в том же журнале «Крокодил», подвергаясь обструкции за обвес, обсчет покупателя, хамское к нему отношение. В некоторых московских магазинах первое, о чем спрашивали свежего выпускника торгового техникума, было: «Воровать умеешь? Нет? Научим!» И учили довольно быстро, как, в частности, заработать на мокром сахарном песке. Ставишь мешок в 50 кило на ночь в таз с водой, а утром его на продажу: мокрый сахар и весит больше. А потом люди удивлялись — почему это у них в сахарницах песок будто каменный. И как только с торгашами этими не боролись, даже народный контроль ввели: это когда группы трудящихся с предприятий приходили с проверкой в магазины. Только народные контролеры тоже люди, им тоже есть хочется.

А то, что работники торговли сплошь воруют, утверждали даже советские кинофильмы: «По-вашему, по-мещанскому, если человек — работник торговли, то он обязательно вор и взяточник? Что она может украсть на рынке? Это же не магазин, в конце концов!» Эти слова — из кинофильма «Гараж», и демонстрируют они непоколебимую убежденность советского человека, что магазин — скопище воров и несунув.

Юрий Соколов дорожил дружбой с Аркадием Райкиным, который в одном из своих самых популярных монологов про него же и рассказывал: «Я через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал дефицит. В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду сидит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит. Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклада на дефиците сидит!»

Огромное влияние обошлось Соколову сторицей. В 1983 году его арестовали прямо в кабинете и в наручниках провели через торговый зал. Лучшего пиара кампании с коррупционерами, якобы и создававшими дефицит, трудно было придумать. К вечеру следующего дня московское «очередное» радио уже всю болтало об аресте елисеевского директора. Держали его в

кандалах. В 1984 году Соколова поставили к стенке. Но вскоре после его расстрела продукты исчезли вовсе.

Народ попроще, который никогда не решился бы подойти к кабинету Соколова и его коллег на километр, водил знакомство с продавцами отделов. Самым главным (не по должности, а по значению) был мясник — куда уж до него сотрудникам всех этих «Бакалей» и «Овощей — фруктов». Это была одна из самых бластных и доходных профессий. Мясник ни в чем не нуждался — в нем испытывали необходимость, ибо кушать хотели все. Герой кинофильма «Парад планет» — мясник Султан (его играет Сергей Шакуров), в те дни, когда он рубит, подсобка наполнена самыми разными людьми, стоящими вдоль стенки и ждущими своей очереди. Он с гордостью рассказывает о круте своих друзей, среди которых есть даже академик.

Когда мясник стоит над тушей мяса, он не просто рубит — он священнодействует. Как Микеланджело, отсекающий от глыбы мрамора все ненужное, он берет из мяса все нужное — вырезку, окорок, шейку и раздаст это своим знакомым и их знакомым. Оставшиеся жилы да кости — на прилавок, к которому уже выстроилась очередь страждущих счастливиц, с боем пробившихся к прилавку мясного отдела после обеденного перерыва. Хотя бы им на котлеты хватило! Именно после обеда в магазинах все время что-нибудь выбрасывали, делая дневной план. Поэтому надо было подойти к закрытым дверям минут за пятнадцать до открытия и твердо занять место под солнцем. Как говорил пес Шарик из деревни Простоквашино: «Мясо лучше всего в магазине покупать — костей больше!»

Директора мясокомбинатов Москвы никогда не ели продукцию собственного производства, сообщая по секрету военную тайну своим знакомым: «Никогда не покупайте в магазинах колбасы. Если бы вы знали, из чего мы ее делаем, вас бы тошнило целую неделю!» А у Юрия Никулина был знакомый мясник, у которого он попросил топор для одной своей репризы, затем тот специально приходил в цирк на Цветном бульваре посмотреть клоунаду. «А мой топор-то ничего. Смеш-

ной. Ты приходи в магазин, хорошее мясо выберу!» — обрадовал мясник Никулина. Семья артиста была накормлена.

А те, кто располагал средствами, ходили не в московские магазины, а на Центральный рынок на Цветном бульваре. «Нам очень нравятся здешняя атмосфера, шумы и резкие запахи. Здесь можно купить у краснощеких баб разноцветные грибы, свежий творог, яйца, даже иногда — домашнее масло, мед и разные крашенные деревянные игрушки. Зимой — яблоки, сморщенные, как и старухи, которые их продают, но такие вкусные, если их запечь в духовке с куском свинины или уткой», — писала Марина Влади. Ну что здесь скажешь: «Приятного аппетита!»

Простой народ продолжал ходить с гирляндами из туалетной бумаги наперевес. Было такое народное средство — как удобно и легко унести из магазина купленную туалетную бумагу — рулоны ведь большие, пухлые, в какую же авоську можно впихнуть 10 или 20 рулонов? Вот и придумали женщины — брать бечевку, нанизывать на нее рулоны, а потом вешать на шею как чемпионскую ленту — и вперед! Но сначала надо было отстоять очередь. Жил в Москве такой поэт Александр Николаев, известный тем, что потерял на войне правую руку. И вот заходит он как-то в универмаг, а там бумагу туалетную выбросили и очередь на два этажа. Набрался он храбрости (артиллерист!), подошел к прилавку и показывает красную книжечку инвалида войны. Тут сразу на него и накинулись: «Почему без очереди?» — «Инвалид!» — «Подумаешь, руку ему оторвало!» — «Руку мне оторвало, но ведь задницу-то не оторвало!» Так под смех толпы он и ушел с заветными рулонами, набитыми в сумку.

Дефицит туалетной бумаги порождает множество шуток. Аркадий Райкин с успехом хохмил, что скоро ее нужно будет сдавать в химчистку. Советский фольклор обогатился такими анекдотами:

Самый лучший подарок — носки, завернутые в туалетную бумагу.

Идет человек по улице, на шее связка рулонов ту-

алетной бумаги. Прохожие к нему бросаются, спрашивают: «Где? Где выбросили?» — «Да нигде, это я из химчистки несу».

Загадка: идет дефицит в дефиците, несет дефицит в дефиците. Ответ: сантехник в дубленке, несет копченую колбасу в туалетной бумаге.

А про колбасу говорили и так: «В отдельных магазинах нет “отдельной” колбасы». «Отдельная» — это название, а продавались еще докторская, останкинская — по 2,90, молочная — по 2,20 и даже молодежная. Качество колбасы было низким.

И на эту тему тоже был анекдот:

Встречаются двое приятелей на улице, один другого спрашивает: «Слушай, ты что такой синий — замерз, что ли?» — «Да нет, поел, понимаешь, докторской колбасы, так вот сам весь почему-то посинел, а воротничок накрахмалился!»

Право покупать без очереди правительство предоставило инвалидам войны с благой целью, дабы избавить их от дополнительных хлопот. Но привело это к обратному результату — к раздражению со стороны тех, кто такой льготой не обладал. Люди в штывы воспринимали инвалидов с красными книжечками в руках. Нужно было запастись изрядной долей терпения и нахрапистостью, чтобы реализовать свое законное право. Некоторым, вооруженным костылем и палкой, это удавалось.

Была и еще одна попытка частичного решения проблемы дефицита с помощью так называемых продовольственных заказов, которые давали людям на предприятиях по праздникам. В магазинах создали специальные отделы — «столы заказов», где также отоваривали заслуженных людей, ветеранов Гражданской и Великой Отечественной войн, участников ВОСР, Героев Советского Союза и Социалистического Труда. Но эти отделы чаще оставались закрытыми.

Заказ нередко состоял из гречки, батона варено-или сырокопченой колбасы, пачки сливочного масла, венгерского цыпленка-бройлера, банки импортного зеленого горошка или маринованных огурцов и по-

мидоров, сгущенки, банки шпрот, тушенки, растворимого кофе (в круглой коричневой банке — потом в ней хранили гвозди), пачки индийского чая со слонем, иногда давали и баночку красной, реже черной икры. Это был настоящий праздник для простого советского человека.

К тому, кто был в семье главным «добытчиком» дефицита, относились с пиететом и трепетом. Дедуля, регулярно отоваривавшийся ветеранскими заказами, оправдывал свое существование в семье еще и как источник той же гречки или колбасы, а также стиральной машинки или пылесоса. В глазах выросших внуков-балбесов его статус серьезно возрастал. С азартом и чувством глубокого удовлетворения, с огоньком в глазах приходили седые «кормильцы» домой, искренне полагая, что авоська с заказом — отличный и заслуженный итог их нелегкой жизни. Они даже не чувствовали какого-либо унижения, не предполагая, что там, за бутром, те, кого они в 1945-м победили, живут гораздо лучше.

Но советская закалка не спасала тех, кто попадал за границу. Им становилось дурно — и физически, и морально. Майя Плисецкая рассказывает, как во время гастролей Большого театра по США у ее коллеги не выдержала психика: «Один из тихих артистов Большого, истерзанный коммунистической пропагандой и попавший внезапно с труппой за океан, где на него лавиной обрушилось товарное изобилие магазинов, витрин (а он-то заученно знал, что вся Америка стоит с протянутой рукой и побирается милостыней), сошел с ума, свихнулся. Взаправду. Это подлинная история. Наша советская жизнь. Помешательство “тихони” было буйным. Он истерично молил театральное начальство и слетевшихся на “скандальный огонек” работников советского посольства немедля вернуть его на родину, в СССР. Там ему все ясно было. Все по логике. А тут?.. Его тотчас и отправили».

А Владимира Высоцкого, когда в 1973 году он впервые попал в Западный Берлин, просто стошнило. Он шел по улице с широко открытыми глазами мимо ма-

газинов, полки которых ломились от мяса, сосисок, колбасы, фруктов, консервов, и не верил своим глазам. Вдруг он побледнел и согнулся пополам. Чуть не плача, он обратился к своей жене: «Как же так? Они ведь проиграли войну, и у них все есть, а мы победили, и у нас нет ничего! Нам нечего купить, в некоторых городах годами нет мяса, всего не хватает везде и всегда!»

Вот почему советским людям было вредно выезжать сразу в капиталистические страны. И забота партии об этом была оправданной. Граждан надо было готовить годами к восприятию неожиданной для них действительности, постепенно и бережно. Сначала надо человеку съездить в Прибалтику — советскую границу, затем в Монголию, потом в Румынию, Болгарию, Венгрию, ГДР. А уже затем, если моральный облик позволит, в Югославию, Австрию, ФРГ. А за полученную путевку неплохо было бы и отблагодарить.

Кто такие «гуманисты»? Это частые посетители ГУМа, они занимали очередь ночью, еще до открытия метро. В Москве было несколько универсальных магазинов, куда устремлялись москвичи и гости столицы с целью купить, что выбросят. Это ГУМ, ЦУМ, «Москва» на Ленинском. С ГУМом все было проще — он и по сию пору стоит напротив мавзолея. После долгого перерыва 31 декабря 1953 года ГУМу были возвращены торговые функции. Эти бывшие Верхние торговые ряды были построены еще в конце XIX века вместо старого обветшавшего торжища; при Сталине ГУМ превратился в запретную зону, куда можно было проникнуть только по спецпропускам. А все по причине страха, что какие-то злоумышленники, проникнув в ГУМ, убьют стоящих на мавзолее руководителей партии и правительства.

Странно, что люди не путали очереди — поглазеть на усопшего вождя мирового пролетариата тоже выстраивался огромный хвост (как символично!), но в ГУМ — дореволюционный торговый центр Москвы — еще длиннее. Все было логично для приезжих: сначала к Ильичу (это святое!), затем уж торговая программа.

Секретарша Верочка из «Служебного романа» про-

свещает свою неискушенную начальницу Калугину: «Вчера в ГУМе блайзеры выбросили!» — та в ответ не стесняется продемонстрировать свою серость: «А это что такое?» — «Клубный пиджак!» — «Для Дома культуры, что ли?» — «Туда тоже сойдет!» Конечно, где Калугиной знать, что такое блайзер, она ведь в кабинете сидит с утра до вечера, с дефицитом борется, вместо того чтобы как все нормальные люди в рабочее время по магазинам пробежаться. А вот Верочка — образец современной москвички, и одевается модно и стильно, и сапоги где-то достала импортные и примеряет их с самого утра на рабочем месте. «Наряды у нее сплошь заграничные, а зарплата как у всех, и как ей это удастся!» — удивляется еще один никудышный продукт эпохи — товарищ Новосельцев, потенциальный кухонный диссидент в белых носках и коротких брюках.

В трехэтажном ГУМе была масса отделов — секций, очереди струились там по лестницам, представляя собой длиннющие загогулины, найти конец которых было порой труднее, чем развязать морской узел. Имелась и пресловутая «двухсотая» секция, где отоваривались импортными шмотками номенклатура да еще дикторы Центрального телевидения — их ведь не выпустишь на голубой экран в том, что простой народ носит.

Многолетний член Президиума Верховного Совета СССР, орденоседец и лауреат, поэт Расул Гамзатов с гордостью рассказывал своим друзьям, что его дочь сидит за одной партой с сыном директора ГУМа. Более того, он сам смог с ним познакомиться на родительском собрании в школе на Ленинском проспекте, где учились их дети. Школа была специальная, с английским уклоном, в ней учились отпрыски многих влиятельных людей, членов политбюро. Но из всех «шишек» лишь директор ГУМа был для автора «Журавлей» самым главным.

Из ГУМа редко можно было уйти с пустыми руками, разве что с опустевшими карманами. «Мы всё покупали случайно. Нужно было сначала сэкономить

определенную сумму, а потом идти искать удачу в магазин. Мы никогда не знали, с чем вернемся. Ведь невозможно было купить то, что хотелось. Дефицит был страшный. Однажды мы с мужем пошли покупать ковер. Но ковра не нашли, зато купили ондатровую шубу в ГУМе. Советского производства, конечно», — пишет одна из «гуманисток».

Однако время не стояло на месте. Если Сталин радовался, когда его дочь появлялась в платье или кофточке отечественного производства, искренне полагая, что «наше — самое лучшее» (Светлана Аллилуева специально наряжалась для редких визитов к престарелому отцу), то Брежневу было до лампочки, во что одета его дочь. Никто уже не спорил с тем, что всё хорошее к нам завозится из-за границы. И потому любой иностранец сам по себе привлекал внимание москвичей, особенно тех, кто спал и видел, как бы достать хоть какую-то западную шмотку. Иногда он сталкивался чуть ли не с проявлением преклонения морально нестойких граждан. Факт обладания заграничной вещью — даже сигаретами «Мальборо» — уже означал, что курящий их человек имеет больше возможностей для повышения уровня своей жизни, для того чтобы выйти хотя бы немного вперед из длинного ряда «простых советских людей».

Знакомый гид как-то признался журналисту Смиуту, что лучше купит «по двойной цене импортные туфли, чем советские ботинки», и заметил также, что продавцы сами советуют иностранные товары в ущерб советским продуктам. Не веря своим ушам корреспондент отправился как-то вечером в ГУМ, чтобы купить туалетные принадлежности. Осмотрев прилавок парфюмерного отдела, он заметил тюбик с надписью по-русски «Крем для бритья» и попросил продать его. Но продавщица посоветовала другую марку. На вопрос Смита: «Почему?» — девушка ответила: «Да он же из ГДР, гораздо лучше, чем наш». Затем он попросил зубную пасту со вкусом апельсина. Продавщица вновь порекомендовала другую — болгарскую марки «Мерри»: «Вы не могли бы дать мне советскую?» — «Хорошо, но

болгарская лучше», — ответила она Смиту, посмотрев на него как на ненормального. Наутро до Смита дошло, чем хуже была советская зубная паста — она имела невыносимый горький вкус, никак не сочетавшийся с самой пастой, а тем более с апельсинами. Странно, что Смит не попросил лезвий для бритвы, видимо, пользовался электробритвой, а то узнал бы, что они тоже в дефиците, особенно шведские «Матадор», лучшего качества, чем отечественная «Нева».

Люди с деньгами могли в Москве позволить себе многое, трудно было лишь легально потратить деньги. А неудовлетворенный спрос рождал и подпольную предпринимательскую деятельность. Например, в середине 1950-х годов в Москве была разоблачена группа первоклассных часовщиков, занимавшихся изготовлением поддельных швейцарских часов. Сотрудники мастерской № 1 комбината бытового обслуживания Советского района столицы, играя на просчетах плановой экономики, сумели за короткое время удовлетворить этот самый спрос на золотые наручные часы. Среди их клиентов были, мягко говоря, небедные граждане, в том числе торговые работники, деятели культуры и крупные начальники. Работа была поставлена на поток, благо что после войны хороших импортных трофейных часов в СССР было в достатке. Брали их, меняли фирменный металлический корпус на такой же золотой, причем старый механизм оставляли, а чего его менять — он ведь как часы работает! На золотые корпуса ставили фальшивые «швейцарские» клейма. Все шло как по маслу, пока аппетиты часовщиков не распространились на совсем новые часы, фирмы «Докс», поступившие в московский Главювелирторг. Их скупили на корню, оставалось лишь достать золото. Один из поставщиков оказался вполне себе обычным товарищем с простой советской фамилией Купервассер, он-то и сдал все это «акционерное общество», когда попал в поле зрения органов милиции. Бизнес закончился, а был он весьма доходным: прибыль с каждого экземпляра швейцарских часов достигала 1500 рублей, при средней зарплате в 2,5 раза

меньше.

Швейцарские часы никогда не теряли своей статусности и в глазах верхушки. Как-то Галина Брежнева похвасталась дорогой покупкой перед своим знакомым, достав из сумки изящный футляр, в котором лежали красивые мужские часы с золотым браслетом. Она купила их в подарок мужу Юрию Чурбанову. Простодушный знакомый поинтересовался, где же у нас такое продают — в ГУМе, что ли? «В каком еще ГУМе-шмуме! — упрекнула Галина Леонидовна. — Это из нашего спецмагазина в начале Кутузовского проспекта! Там только нам можно покупать».

С 1965 года в Москве стали появляться первые универсальные магазины, торгующие исключительно импортными товарами из стран народной демократии. На Ленинском проспекте открылся универмаг «Лейпциг», куда устремлялись за продукцией повседневного спроса из Германской Демократической Республики. Здесь можно было достать неплохие немецкие пальто и плащи, бюстгальтеры и колготки, женские парики, столовую посуду — бокалы для коктейля с картинками и, конечно, сервиз «Мадонна» — мечту московских домохозяек. Правда, прежде следовало отстоять приличную очередь, зато в награду — неподдельный товар немецкого производства.

А какие были там детские игрушки! Куклы, модели автомобилей, железная дорога, к которой можно было постоянно докупать рельсы (на 12 или 16 миллиметров), станции, вагончики и паровозики, переезды и тоннели, всякого рода домики. Вслед за «Лейпцигом» в Москве открыли «Прагу», «Софию», «Будапешт», «Ванду», «Польскую моду», «Власту», «Ядран», «Белград» и другие магазины, представлявшие продукцию социалистических стран.

Модный пиджак или спортивный костюм можно было приобрести и в других магазинах с чисто русским названием — «Березка», в столице их было порядка пятнадцати. В «Березке» на Пятницкой продавали обувь, на Кропоткинской — книги и грампластинки, в других — продукты и промтовары. Проросли «Бе-

резки» в середине 1960-х годов, чему причиной была отнюдь не забота родной партии о народе. Ему, народу, и рубли в радость были, а тут — доллары, марки, франки и даже фунты стерлингов, будь они неладны. Просто советские граждане стали то на одном краю Земли, то на другом что-то возводить — завод, фабрику, электростанцию. А зарплату получали в валюте, которую обязаны были после долгожданного возвращения на родину обменивать на чеки Внешпосылторга. По этим чекам в «Березке» продавали всё: и вкусный дефицит (от икры, водки в импортном исполнении до белуги и семги), и заграничную одежду (американские джинсы, английские пальто, итальянские сапоги, венгерские батники), и французские духи, и бытовую технику (фотоаппараты «Сони», кассетные магнитофоны «Грюндик»), и автомобили. Как раз в «Березке» Самохвалов из «Служебного романа» купил себе новую «Волгу» со встроенным стереомагнитофоном, показавшуюся Новосельцеву малогабаритной квартирой. Он поработал в Швейцарии в одном из советских представительств и вернулся в СССР совсем другим человеком, а на вопрос Новосельцева, мол, как там, за границей, загадочно ответил: «Сложно!» Конечно, сложно, а как же иначе — столько хороших и качественных товаров в магазинах, поди разберись! А зарплата-то не резиновая, пускай и в валюте, всем надо что-то привезти и себя не обидеть, вдруг уже не выпустят.

Покупать в «Березке» было иногда опасно для жизни. Один студент из «Щуки» (Театральное училище им. Б. В. Щукина) мечтал об импортном плаще, достал где-то валюту и, ничего не подозревая, отправился в «Березку» на Ленинском проспекте (как ему удалось пройти мимо бдительного вахтера — вопрос другой). Выйдя на радостях с покупкой под мышкой, он попал в поле зрения сотрудников органов — толпунов, отслеживавших всех выходящих граждан. А те его под белы ручки взяли и спрашивают: «Вы это купили?» — «Да». — «А откуда у вас валюта?» — «Купил». Глупо поступил студент, сказал бы, что нашел валюту, и отвязались бы. А за покупку валюты светила статья

УК. Дали ему три года условно, еще пожалели (адвокат хороший попался, научил студента сказать, что тот готовит роль космонавта). Но и в те годы условное наказание было как пятно. Поди попробуй, устройся с ним в приличный театр. Взял его Любимов на «Таганку», ему талантливые актеры, да еще с такой биографией были очень нужны. Впоследствии он стал одним из самых ярких любимовских актеров, звали его Феликс Антипов.

Вахтеры при «Березке» простых советских людей даже на порог не пускали, а вот иностранцев — пожалуйста. Марина Влади после памятного визита в магазин самообслуживания также отоваривала свою валюту в «Березке»: «Здесь можно найти все, чего нет в магазинах: американские сигареты, растворимый кофе, туалетную бумагу и даже яйца, картошку, салат, которых иногда нет неделями». В «Березке» тратили свои гонорары и советские нобелевские лауреаты, коих, правда, было немного. Александр Солженицын жил очень скромно, его обед обычно состоял из куска хлеба, тарелки с вареной лапшой и бульонных кубиков. Были и варианты — бутылка молока, квашеная капуста, вареная картошка и яйца. После издания «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицын, предполагая, что больше его печатать не будут, решил тратить полученный гонорар бережно — по одному рублю в день, что ему, в общем, удалось. Так он и жил, отдавая все свое время творчеству. Но даже когда Александр Исаевич получил Нобелевку, его запросы мало изменились. Автор «Архипелага ГУЛАГ» покупал в «Березке» в основном заморские напитки — виски, джин, тоник и орешки. Сам он капли в рот не брал, выпивка предназначалась только немногочисленным иностранным гостям.

Частыми покупателями московских «Березок» являлись дипломаты западных посольств, что способствовало возникновению соответствующего ажиотажа вокруг магазина. Там все время роились какие-то темные личности — фарцовщики, предлагавшие продать им валюту или чеки. Простому человеку, случайно оказавшемуся свидетелем беседы двух фарцовщиков,

было бы совсем неясно, о чем они говорят (сам термин «фарцовка» возник от английского «for sale», что значит «для продажи»). Магазин на их языке назывался «склеп», а иностранцам они давали смешные прозвища в зависимости от страны происхождения. Граждан Западной Германии называли «бундесами», их восточных земляков — «дырками», финнов — «лысыми», итальянцы были зашифрованы как «алоры». Это был черный рынок, на котором можно было приобрести валюту, но совсем не по тому курсу, который печатался в советских газетах, — 60 копеек за один доллар. За один чек давали до десяти рублей. Вот какова была тяга к импортному дефициту. И жуликов, пользовавшихся этим, было предостаточно.

Промышляли фарцовщики в основном в центре столицы, а также по маршруту следования автобусов с иностранцами.

Управление по иностранному туризму при Совете министров СССР составило справку и 6 мая 1967 года направило ее в ЦК КПСС. Приведем этот текст:

**«Об антиобщественных проявлениях
со стороны отсталых элементов из числа
советских граждан и их контактах
с иностранными туристами в 1967 году**

В связи с началом туристского сезона в Москве и некоторых других городах Советского Союза значительно возросли антиобщественные проявления со стороны отсталых элементов из числа советских граждан, особенно молодежи, которые, вступая в контакты с иностранными туристами, в спекулятивных целях занимаются обменом советских денег на иностранную валюту, продажей антикварных вещей, скупкой иностранной одежды, белья, обуви и других предметов широкого потребления. Все эти проявления осуществляются не только одиночками, но и группами по 3 и более человек на остановках автобусов во время экскурсий по маршрутам “Интуриста”, например на Красной площади, у зданий МГУ, Государственной Третьяковской галереи, в районе ВДНХ, на набережной М. Тореза (ныне Софийская набережная. — А. В.),

на территории Загорского (Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде. — А. В.) и Новодевичьего монастырей, а также у гостиниц, где проживают иностранные туристы.

Так, руководитель группы бельгийских туристов-учителей Ремакль во время пребывания в Москве в начале апреля с. г. рассказал переводчику, что при выходе из гостиницы “Бухарест”, где проживали туристы, их останавливали молодые люди, владеющие иностранными языками, которые предлагали обменять советские деньги на инвалюту, по 4 рубля за 1 доллар, а также просили продать им нейлоновые сорочки и мужские носки.

Несколько человек, грузин по национальности, на Красной площади в марте с. г. обращались к французским туристам с просьбой продать им фотоаппараты и обменять советские деньги на доллары.

Американский турист Шварц, посетивший Москву в апреле с. г., рассказал переводчику о том, что однажды в кафе гостиницы “Метрополь” на 3-м этаже к нему обратился молодой человек лет 22—23-х, который предложил обменять 50 американских долларов на 100 рублей. Неизвестный назвал себя другом. Однако Шварц расценил такое предложение незаконным и не стал с ним разговаривать.

Турист из Новой Зеландии Кумбас, будучи в Москве в первых числах апреля, сообщил переводчику о том, что однажды вечером при выходе из гостиницы “Метрополь” к нему подошел молодой человек и предложил обменять советские деньги на иностранную валюту по 3 рубля за доллар. После того как турист сказал, что деньги оставил в гостинице, этот человек заявил: “Я могу пойти с вами в номер, и там вы их отдадите”. В конце концов Кумбас вынужден был заявить, что он не намерен из-за этого иметь неприятности.

29 марта французского туриста Бернара, шедшего в сопровождении переводчика по ул. Горького, неизвестный молодой человек схватил за руку и на ломаном английском языке начал спрашивать, есть ли у туриста доллары. Только после настойчивого вмешательства

переводчика неизвестный отстал от иностранца.

К туристу из ФРГ Шуберту в начале апреля в 7 часов вечера около здания ГУМа подходил молодой человек, владеющий немецким языком, и просил продать ему что-либо из вещей или обменять советские деньги на иностранную валюту, а также предлагал купить у него икону.

Группа финских туристов с возмущением сообщила переводчику о том, как 29 марта поздно вечером на Манежной площади их на виду у многих советских людей атаковала группа молодежи и предлагала менять советские деньги на иностранную валюту.

Туристу из Бельгии Ментону в начале апреля в Москве неоднократно предлагали 60 рублей за 1000 бельгийских франков, что в 3 раза превышает официальный курс.

Сталкивались с валютчиками и французский турист Лефевр — журналист из газеты “Пари матч”, турист из Аргентины — профессор Асербо, туристы из Дании — супруги Шоу и многие другие. У 17-летнего туриста из Англии Дента Андриане, находившегося в Москве в начале апреля с. г. с группой английских школьников, переводчик видел медаль “За оборону Москвы”, значки “Отличный стрелок”, “Дружинник”, различные военные и милицейские знаки отличия и другие, которые свободно не продаются в магазинах.

4 апреля с. г. во время экскурсии по Москве к туристам из Западного Берлина и ФРГ у здания МГУ при выходе из автобуса подошли два молодых человека примерно по 18 лет и стали предлагать какие-то значки. При этом один из них, будучи пьяным, ругал туристов площадной бранью. Когда переводчик попытался призвать хулиганов к порядку, пьяный, угрожая, крикнул: “Ты что лезешь не в свое дело. Скажи спасибо, что ты женщина, а то бы я тебе показал”. Другой был трезвый и, пытаясь увести пьяного, сказал переводчику: “Ты не очень, а то нас здесь много”. Действительно, в это время стояло в стороне еще пять человек, которые наблюдали за происходившим.

Подобные сцены можно было наблюдать с груп-

пой американских туристов-учителей, находившихся в Москве, в конце марта, а также с туристами из других стран. Многие из иностранных туристов, не скрывая своего восхищения достижениями Советского Союза, возмущались недостойным поведением со стороны некоторых советских граждан.

Так, например, турист из ФРГ Фишер, находившийся в Москве в первых числах апреля с группой юристов, делясь своими впечатлениями о Советском Союзе, в беседе с переводчиком заявил: “Вы многое успели сделать за 50 лет в развитии промышленности, здравоохранения и образования. Но есть у вас и теневые стороны жизни. Нам непонятно, почему у вас существует черный рынок. Нас везде атаковывали молодые люди, выпрашивавшие различные вещи и валюту. Они отравляли нам настроение даже в тот момент, когда на Красной площади в 10 часов вечера мы смотрели смену караула у Мавзолея В. И. Ленина. Встречались они нам также и у гостиниц ‘Националь’, ‘Метрополь’, на набережной М. Горького и в других местах. Неудивительно, если эти явления приходится наблюдать в других странах, а за вашу страну становится обидно”.

А турист из Аргентины Асербо, профессор, доктор политических наук, во время пребывания в Ленинграде в марте месяце, беседуя с переводчиком, заявил: “Китайцы правы в том, что русские обуржуазиваются. К нам на каждом шагу подходили молодые люди и просили продать им доллары. Всех этих людей привлекает западный образ жизни”.

Упомянувшийся турист из Бельгии Ментон, которому предлагали обмен денег, сказал: “Меня удивляет, что, наряду с большими успехами, в вашей стране имеют место такие возмутительные факты. Как же вы, советские люди, гордясь тем, что власть находится в руках народа, можете это терпеть и, более того, сами создавать такие условия для таких оскорбительных поступков. Почему, например, в магазине ‘Березка’ продаются товары лучшего качества за доллары по цене в 4 раза ниже обычной. Как можно допустить суще-

ствование у вас таких магазинов. В конце концов, это может привести к тому, что ваш рубль обесценится, не говоря о том, что это разлагающе влияет на вашу молодежь. Ваши подростки не понимают того, что это необходимо для государства в целях большего привлечения иностранной валюты, и изыскивают пути приобретать себе такие вещи, которые не могут купить в обычных магазинах. Это рассадник спекуляции". Подобные высказывания, хотя и не в такой резкой форме, делали и другие бельгийские туристы из этой группы.

А туристка из США Бетен Вивер, находившаяся в конце марта с. г. в Москве с группой американских туристов-школьников, спросила переводчика, почему в Советском Союзе не производят жевательную резинку. После ответа переводчика, что это мелочь и жевать вообще неэтично, Вивер заявила: "А разве этично, разве это мелочь, когда ваши мальчишки постоянно спрашивают шариковые ручки и жевательную резинку? Это в общем портит то хорошее, чем впечатляет ваша страна".

В настоящей справке излагаются далеко не полные данные об антиобщественных проявлениях со стороны отсталой части советской молодежи, вступающей в контакты с иностранными туристами. Эти проявления мешают гидам-переводчикам Интуриста успешно вести информационно-пропагандистскую работу среди иностранных туристов и снижают политический эффект от пребывания туристов в СССР.

*Справка составлена по сообщениям
гидов-переводчиков Интуриста».*

Приведенный документ показывает, насколько массовым явлением была фарцовка в Москве. Вещи, купленные у иностранцев, уже через несколько дней оказывались объектом перепродажи на черном рынке, который мог быть где угодно — в подворотнях Арбата, в квартире фарцовщика, в институте и т. д.

Особые магазины были для военнослужащих Советской армии и членов их семей — Военторг, главный находился на нынешней Воздвиженке. В Воен-

торге можно было купить всё: от орденских ленточек до валенок.

Была еще одна возможность получить дефицитную вещь — выиграть ее в лотерею. Государственные лотереи проводились несколько раз в месяц, билет стоил 30 копеек. Их предлагали приобрести при выдаче зарплаты или в сберкассах при оплате коммунальных платежей. Газета «Труд» регулярно публиковала выигрышные таблицы с указанием номеров и серий счастливых билетов. Основная масса граждан ничего не выигрывала, другие — по одному рублю, если номер совпадал, а серия нет. И меньше всего было тех, кому досталась стиральная машина, телевизор, магнитофон. Главный приз — автомобиль. За такими выигрышными билетами гонялись, предлагая огромные деньги. Фильм «Спортлото-82» ярко иллюстрирует ситуацию того времени.

Неискушенный советским образом жизни читатель, не дай бог, может подумать: «Какая непростая была жизнь!» А иные внимательные люди и вовсе посочувствуют. Да, повседневное существование в той Москве требовало проявления небывалой энергии, терпения, специфических знаний и навыков, чувства локтя (в смысле умения активно работать локтями); почти по Михаилу Жванецкому: «Мужчины поджарые, женщины стройные, население красивое!» Зато появлялось то, чему завзвися иностранцы завидовали, — взаимовыручка, желание помочь ближнему, порой даже незнакомому человеку.

В фильме «Мимино» летчик-грузин приходит к солисту Большого театра с одной целью — получить номер в московской гостинице. Они друг друга видят в первый и последний раз. При чем здесь театр? — спросите вы. Это действительно театр, но в более широком смысле. Жена солиста звонит директору мебельного магазина, а ему-то как раз нужны два билета в Большой на «Лебединое озеро», но не для себя, как в том случае с Вознесенским. Как мебельный директор пристраивает грузина в гостиницу, мы не видим. Но в итоге он уже обживает двухместный номер в «России»

еще с одним «эндокринологом» из Армении.

Так люди и жили каждый день: по принципу: «Ты мне — я тебе», доставая невозможное и пользуясь недоступным. «У моей сестры в авиационном “ящике” “давали заказы”, — пишет Майя Туровская. — В буфет “Мосфильма” по четвергам привозили мясо. Моей подруге выдали в больнице “талон” на ковер. Муж сестры был “прикреплен” к академической поликлинике, я — к литфондовой. У их ведомства были в Крыму и Прибалтике дома отдыха, у нас — дома творчества. Сеть уловок была неисчислима в своем разнообразии. Одним давали садово-огородные участки, другим загранпутевки, одним привозили на рабочее место “промтовары”, другим полагалась подписка на “собрания сочинений” и т. д. и т. п. Но гораздо больше требовалось личных усилий. Каждый был траппером, преследовавшим в обстоятельствах тотальной недостачи свою дичь. У кого была “своя спекулянтка”, у кого “Березка”, у кого редкие командировки в “соцлагерь” — всего не упомнишь. Известный парадокс полных холодильников при пустых магазинах опирался на личную инициативу. Одна моя подруга “отovarивалась” в ЦДА, у другой был “свой” мясник — она заходила с черного хода; я — в случае больших гостей или надобности в сапогах — обращалась к “своей” парикмахерше. Она укладывала всех дам в округе, и у нее был “блат”. Без денег можно было прожить, без блата нет».

Блат порождал и блатные профессии. После мясника в иерархии стоял банщик, обслуживающий множество нужных клиентов с большими возможностями. В кинофильме с характерным названием “Ты — мне, я — тебе” 1976 года Леонид Куравлев играет одновременно две роли — банщика в Сандунах и его брата-близнеца, принципиального инспектора рыбоохраны. Повседневная жизнь банщика показана более чем откровенно — он разъезжает по Москве на «жигулях» последней модели, нарушает правила движения, сидит в ложе консерватории, достает дефицит — телефонный аппарат, черную икру, импортный шампунь,

магнитофон и замшевый пиджак, проводит отпуск в домах творчества и за рубежом. И все по благу, знаком даже с самим министром Кондратом Архиповичем — трет ему спину в его рабочее время в своей парилке. А еще помогает другим людям, например, пристроить внука в университет. Говорят, что этот фильм очень нравился самому Леониду Ильичу, с глубоким удовлетворением отмечавшему, что там все как в жизни.

Но вот итог — заменяя своего заболевшего честно-го брата, банщик своими же блатными методами решает проблему, которую первый со своими принципами никак не мог решить. Директора химкомбината, загрязнявшего реку вредными выбросами, наконец-то вызывают в Москву, на ковер к начальству. А пойманного с поличным браконьера (Роман Ткачук) перековавшийся банщик лично везет сдавать к знакомому прокурору, который у него парится. Зло повержено, добро торжествует благодаря благу.

Система ценностей, десятилетиями основанная на благе и дефиците, не могла не повлиять на повседневную жизнь человека, на извращение ее нравственной основы, заставляя даже друзей подбирать по степени их значимости и возможностей «доставания» и «добывания». А отношения между людьми свелись к обмену одного на другое. Марина Влади пишет: «Обычно речь идет не столько о деньгах, сколько об обмене. Один концерт — за десять метров паласа (обычным путем его можно получить лишь по записи, и то надо долго ждать). Здесь вообще меняется поступление в институт на иностранную машину, несколько бутылок виски на установку лобового стекла, билеты в театр на свежие овощи зимой и так далее».

Кстати о паласах — во МХАТе их давали в три этапа. В знаменитом портретном фойе организовали продажу этого дефицита. Первая очередь — народные артисты СССР (Смоктуновский, Евстигнеев и пр.), вторая — народные РСФСР, ну а то, что останется — заслуженным и прочим. А вот завлит театра Анатолий Смелянский оттяпал себе аж два паласа, второй — для друга Михаила Швыдкого, с которым они перли его

через всю вечернюю Москву.

Помимо блага существовало у москвичей и еще одно выражение — «лапа» или «волосатая рука». Значит, имеется у человека протекция, есть кому замолвить словечко. Марк Бернес в свое время исполнял «Песенку моего друга» Оскара Фельцмана и Льва Ошанина:

А кто я есть? Рабочий малый,
Семейный добрый человек,
Семейный добрый человек,
Живу, как ты, в ракетный век.

Так народ ее переделал:

А кто я есть — простой советский парень,
Простой советский человек,
Простой советский человек,
Живу, как все, в двадцатый век.

А что я ем — а ем я осетрину,
Простую русскую еду,
Простую русскую еду,
Ее ловлю в своем пруду.

А кто друзья — простые кандидаты,
В простом ЦК КПСС,
В простом ЦК КПСС,
Имеет каждый «мерседес».

А с кем я сплю — а сплю с простой девчонкой,
Простой девчонкой из ЦК,
Простой девчонкой из ЦК,
Там у нее своя рука.

А где живу? Живу в своем я доме,
В простом своем особняке,
В простом своем особняке,
Стоит он на Москве-реке.

Наличие «руки» в самых разных организациях открывало возможность пользоваться теми благами цивилизации, доступ к которым был затруднен для основной массы населения.

Конечно, в тех условиях можно было жить, но

этот глагол упоминался в весьма специфическом контексте: жить — значит не только водить знакомство с нужными людьми, но и самому быть интересным для них своими возможностями. Дима Семицветов из «Берегись автомобиля» говорит про вороватого заместителя директора трикотажной фабрики Топтунова: «Человек умеет жить!» И про себя с обидой: «Ну почему я не могу жить свободно? Я должен приспособливаться, выкручиваться...» Диму не смущает, что дачу у Топтунова отобрали, ничего, еще «наживет»! Такие и в огне не горят, и в воде не тонут. И что только с ними не делали, и в фильмах обличали, и в газетах, а они знай себе плодились. Даже тюрьма не помогала. В обличительной пьесе Шукшина «Энергичные люди» такой вот умеющий жить персонаж Брюхатый, отсидевший положенный срок за хищение социалистической собственности, хвастается: «Теперь спросите меня: что я потерял за эти четыре года и восемь месяцев? Что? А ничего. Даже не похудел. А особенно когда вышел, прямо в дверь не стал пролезать. Сейчас веду переговоры насчет института питания — надо маленько сбросить, а то даже неудобно».

Особенно много умеющих «жить» было в московском общепите, туда мы и отправимся...

ХРОНИКИ МОСКОВСКОГО ОБЩЕПИТА:
«В РЕСТОРАНЕ КАК-ТО ДЕД СКУШАЛ
КОМПЛЕКСНЫЙ ОБЕД...»

«Националь», кусочек Европы напротив Кремля — Самый вкусный ресторан «Арагви» — Швейцары и официанты как хозяева жизни — Сто грамм для Олега Ефремова — Любимый ресторан Галины Брежневой, или «Пойдем к Борде!» — Петр Капица: «Подайте мне устриц!» — «Рихтер, играй!» — Кафе «Молодежное» — «Три солянки, три лангета» — Как воровали в общепите — Студент «калинарного» техникума — Рыбный день — Рюмочные — Кафе «Укота» — Пивные «Ладья» и «Три негодяя» — «Коктейль-холл» на улице Горького — Спецстоловые и спецбуфеты для советской номенклатуры

Москва испокон веков славилась хлебосольством. Какое время ни стояло бы на дворе, здесь всегда можно было вкусно наесться — как говорят, от пуза. Главное — места знать, имея при этом определенную сумму денег. Взять хотя бы рестораны, их в Москве всегда было немало. Из старых, дореволюционных дожили не все. Зато те, что остались, славу свою приумножили, как, например, элитный ресторан гостиницы «Националь», открытый еще в 1903 году и по сей день украшающий угол Тверской и Моховой улиц.

Когда-то здесь любили сиживать навещавшие Москву классики мировой литературы — Анатолий Франс, Джон Рид, Герберт Уэллс, Анри Барбюс и др. Культурным местом остался «Националь» и в рассматриваемую нами эпоху. Здесь всякий раз можно было встретить представителей московской богемы — актеров, художников, писателей, пропивавших очередной гонорар в окружении всегда голодных коллег. В частности, завсегдатаем ресторана был поэт Михаил Светлов, жив-

ший в писательском доме напротив, в проезде Художественного театра (ныне Камергерский переулок). Чтобы пообедать в «Национале», ему достаточно было перейти улицу. Марина Цветаева называла светловскую «Гренаду» своим любимым стихотворением. Сам же Светлов признавался Варламу Шаламову: «Я вам кое-что скажу. Я, может быть, плохой поэт, но я никогда ни на кого не донес, ни на кого ничего не написал». Плохой или хороший поэт Михаил Светлов — вопрос риторический, но теплоход в его честь назвали и сняли его в «Бриллиантовой руке».

В «Национале» пекли отличные яблочные пироги — пай, которые Светлов особенно ценил, заказывая их для своих друзей. Он сам разносил пироги по адресам, подобно Деду Морозу. Обычно поэт звонил в дверь и говорил: «Принимай этот пай. Он испечен по моему заказу в ресторане “Националь”».

Светлов водил сюда и своих студенток из Литинститута, одна из них, Ирина Ракша, пишет: «И вот уже сидим, как оказалось, в его любимом европейском ресторане “Националь”. Совершенно закрытом, куда с улицы, конечно, никого не пускают. Посетители — лишь иностранцы, всякие интуристы заморские, а если наши — то совсем уж блатные, номенклатура. Но поэту Светлову в Москве двери всех ресторанов открыты. И все швейцары на улице Горького — пузатые и дородные, в “генеральских” кокардах и униформах (прямо “хозяева жизни”) гибнут в три погибели, лебезят перед ним — сухоньким еврейским старичком — и щедрым на руку завсегдаем».

Светлов любил сидеть в «Национале» за своим столиком, стоявшим слева от входа у второго окна, который всегда приберегали для него знакомые официантки. Они уже заранее знали, что принести — хрустальный графин с коньяком, граммов на двести. Поэт, еще не пригубив рюмку, начинал повествование о тех, с кем он когда-то сидел за одним столом, о своих встречах с Валентином Катаевым, Михаилом Зощенко, Андреем Платоновым, Борисом Пастернаком, Виктором Шкловским и Владимиром Маяков-

ским. Светлов называл эти застолья в «Национале» мальчишниками.

Переводчица «Карлсона» Лилиана Лунгина также stalkивалась здесь со Светловым и его вечным собутельником Юрием Олешей: «Иногда по воскресеньям, если удавалось немного разбогатеть, мы отправлялись с близкими друзьями в “Националь”. Легендарное место, где, когда ни придешь, за столиком сидели Юрий Карлович Олеша и Михаил Аркадьевич Светлов. Они были людьми замечательного остроумия, их шутки и афоризмы передавались из уст в уста. В тридцатые оба они числились среди многообещающих советских авторов: стихи Светлова учили в школе, а сказку Олеша “Три толстяка” знали все дети и родители. Но они не смогли подладиться, не сумели научиться конформизму и предпочли от всего отказаться, выбрав единственную, с их точки зрения, последовательную позицию: пить до конца жизни».

Лучшую характеристику дал Олеше сам Светлов; как-то увидев его в «Национале», он сказал: «Юра — это пять пальцев, которые никогда не сожмутся в один кулак». Нелегко поверить, но коллеги по перу рассказывали, что официантки не брали денег с Юрия Олеша, зная его бедственное положение (о себе он говорил: «Старик и море... долгов»). А когда после смерти кто-то из его друзей попытался отдать долг, его осадил: «Не надо! Разве мы не знаем, кто такой Олеша?»

Да и как можно было брать деньги с такого человека, который мог сказать легендарной официантке Мусе из «Националя»: «У вас волосы цвета осенних листьев» или «На ваших часах время остановилось, с тем чтобы полюбоваться вами». Олеша все грозился назначить Мусе свидание в итальянском дворике Пушкинского музея. Писатель часто повторял: «Я — акын из “Националя”». А на вопрос: «Что вы больше всего любите писать?» — отвечал: «Сумму прописью».

Борис Ливанов отмечал: «За его столиком (в «Национале». — А. В.) сходились самые разные люди. И все эти люди становились талантливее, соприкасаясь с Олешей. Каждый открывал в себе какие-то удивительные

новые качества, о которых даже не подозревал до общения с этим неповторимым талантом. Обыкновенное московское кафе, когда в нем бывал Олеша, вдруг превращалось в сказочный дом приемов неподражаемого Юрия Карловича. Да, Олеша умел преображать мир».

А вот Михаил Светлов действительно оплачивал ресторанные счета своих знакомых, и не только Олеша. Писатель Юз Алешковский привел в «Националь» компанию в пять человек. Когда пришло время рассчитываться, выяснилось, что денег нет ни у кого. Как это иногда случается, каждый из пришедших надеялся, что заплатит сосед. В поисках знакомых Алешковский оглядел зал. И о, чудо — за одним из столиков сидел Светлов: «Михаил Аркадьевич! Не одолжите ли вы нам до завтра 219 рублей, нам до счета не хватает». Светлов, подивившись величине счета, обозвал молодежь «боссяками» и дал денег.

Однажды Светлов так набрался, что, выходя из ресторана, перепутал адмирала со швейцаром:

— Швейцар, такси! Скорость оплачивается!

— Я не швейцар, а адмирал!

— Все равно, адмирал, катер!

В другой раз на вопрос попавшегося Светлову под ноги иностранца: «Где здесь ночной магазин?» — поэт съюморил: «В Хельсинки!»

Еще один завсегдатай ресторана «Националь» — композитор Никита Богословский. Он полюбил эту гостиницу еще до своего переезда в Москву, где поселился в одном доме с композитором Прокофьевым в том же Камергерском переулке. Как писал остроумный композитор, «в молодые годы я был абсолютным пижоном. Шиковал. Если заказывал номер в гостинице, то не ниже трехкомнатного люкса. Когда я жил еще в Ленинграде и приезжал в Москву на съемки, то останавливался в гостинице “Националь”». В «Национале» Богословский обычно завтракал, а обедал в «Метрополе», для чего вызывал интуристовскую машину «линкольн». Таковы были заработки популярного песенника, автора таких хитов, как «Спят курганы темные» и «Шаланды, полные кефали».

Однажды в ресторане композитор разглядел за одним из столиков Фаину Раневскую. Актриса тоже его заметила, указала на него пальцем своему спутнику и в ответ на его вопрос: «Что вы будете на десерт?» — огорошила: «Вон того мальчика» — и рассмеялась.

Как-то в ресторане «Националь» Богословский сидел вместе со Светловым, а за соседним столиком оказался сверхпопулярный тогда певец и актер Марк Бернес. Богословский, ранее рассказавший Светлову, что Бернес любит его стихи, сказал: «Смотрите, Миша, какое совпадение. Бернес сидит за соседним столиком». — «Это вот тот крашенный блондин?» — спросил Светлов и подошел к Бернесу, который уже готовился дать поэту свой автограф. Пока Бернес нехотя вынимал из припасенной на всякий случай пачки одну из своих фотографий, Светлов его огорошил: «Нет, вы меня не поняли. Это я хочу вам дать автограф!» И буквально всучил ему свою книгу, которую, как выяснилось, он носил с собой специально для такого случая.

Было модным ходить в «Националь» завтракать, повара готовили превосходные омлеты. Герой романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» Лимонов, принявшись жарить яичницу на электроплитке, говорил, «что он лучший специалист по омлетам в стране, — повар из ресторана “Националь” учился у него». А бывало и так. Утром, часов в девять, Никите Богословскому звонил Александр Вертинский, живший на улице Горького, и предлагал: «Что делаешь? Пошли прогуляемся?» — «Пошли», — отвечал Богословский. Встречались они в «Национале», завтракали. Затем шли выпить кофе с коньячком в «Коктейль-холл», что работал в доме 6 на улице Горького. Оттуда — обедать в «Метрополь». Заканчивалась прогулка за ужином в Доме актера. Вот такой любопытный маршрут. Можно себе представить, до какой кондиции доходили его участники к моменту возвращения домой.

Но вернемся с небес на землю. Простым смертным вход в «Националь» был заказан. Швейцарами здесь

работали нередко осведомители КГБ. Но и они могли иногда пропустить человека с улицы, не бесплатно, конечно, а за четвертак, то есть 25 рублей. Даже с высоты сегодняшнего дня это кажется дороговато. Но ведь это «Националь», а не ресторан при гостинице «Байкал» в окрестностях ВДНХ. Поэтому и заработки швейцаров элитных ресторанов в самые хорошие дни достигали 150 целковых. Пропустишь так человек десять в день, глядишь, и через три-четыре месяца можно и «жигули» купить у какого-нибудь счастливого обладателя лотерейного билета.

За такую тяжелую работу по открыванию дверей крепко держались, на нее устраивались по большому благу. Только свои да с мохнатой рукой. И если в закавказских республиках уже в 1960-х годах продавались должности секретарей райкомов, то в центре Москвы за эти же деньги можно было купить место швейцара в элитном ресторане. А как бы иначе, не дав на лапу, в «Националь» попал знаменитый Рокотов? Нет, не художник, а фарцовщик и валютный спекулянт-миллионер, про которого сегодня снимают сериалы, а некоторые даже предлагают поставить ему памятник как предтече российского банковского бизнеса.

Именно за одним из столиков «Националя» Ян Рокотов заключал свои фантастические сделки. Благо что за иностранцами ходить далеко было не надо: вот они все, как на ладони, живут в самой лучшей московской гостинице и завтракают здесь же. Году в 1960-м за чашечкой кофе в ресторане Рокотов познакомился с директором крупного европейского банка. Валютчик предложил следующую схему «сотрудничества»: там, за бугром, иностранные туристы перед своим приездом в СССР кладут валюту на счет Рокотова в банке. А приезжая сюда, они получают конвертированную в рубли сумму наличными опять же у него. Подобную же операцию он задумал проводить и с советскими гражданами, выезжающими за рубеж. В Москве Рокотов получал бы от них рубли, а там им выдавали бы уже твердую валюту. И курс обмена гибкий. И всем хорошо. И в первую очередь самому Рокотову, карма-

ны которого не выдерживали бы веса оседавшей в них весьма приличной маржи.

Банкир обалдел от такой деловой активности Рокотова, пообещав ему в перспективе Нобелевскую премию. Никому в голову еще не приходило организовать настолько эффективную и простую схему обмена валюты. Но зачем нужна какая-то премия при таких деньгах да еще и в самом демократическом в мире государстве? (Как говорил Остап Бендер: «С такими деньгами и на свободе!») К тому же нездоровый ажиотаж вокруг недавнего присвоения Нобелевки Борису Пастернаку мог у кого угодно отбить желание ее получить.

Прошел год, и в 1961-м, через три месяца после полета Юрия Гагарина, Рокотов получил не Нобелевскую премию, а пулю в затылок. Его расстреляли по специальному указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций». Обнаруженное при обыске у Рокотова имущество потянуло на полтора миллиона долларов.

Любил закусить в «Национале» и еще один «тип» — московский валютный маклер Юра Рабинович, отец которого был одним из юристов-обвинителей на Нюрнбергском процессе. Юру наивные люди принимали за американского дипломата — так стильно и неброско он одевался. Человек он был богатейший, промышлял тем, что менял доллары туристам на пути из Шереметьева в Москву. Автобусы «Интурист» останавливались в условном месте, двери открывались, и заходил Рабинович. На чистом английском языке, представившись работником Внешторгбанка, он предлагал обменять валюту на рубли по очень выгодному курсу. Как правило, все соглашались, удивляясь удобству услуги — у них на Западе такого еще не придумали. После обмена автобус ехал дальше. Когда Рабиновича арестовали, а потом выпустили, он вновь вернулся в «Националь».

После расстрела валютчиков финансовая активность ресторана «Националь» потихоньку сошла на

нет. Но иностранцев здесь не убавилось; один из посетивших Москву французов восхищался: «Гостиница “Националь” — настоящий дворец, отведенный для иностранцев, приезжающих в Москву. Комнаты обставлены с комфортом и хорошо обогреваются. Кухня не из плохих. Есть возможность заняться серьезным изучением достоинств русской водки. К тому же она скоро становится предметом оживленного взаимного обмена — ее меняют на сигареты или икру».

Еще один дополнительный штришок к групповому портрету специфической публики, собиравшейся в «Национале», добавляет кинофильм «Судьба резидента», сделавший большие сборы в московском кинопрокате 1970 года. Главный герой — резидент западной разведки Тульев отходит на второй план, а сюжет активно разворачивается уже на московских улицах. Появляется персонаж некоего адвоката, а на деле прожженного валютчика и шпиона иностранной разведки в исполнении Ростислава Плятта. Вот он-то как раз и любит посидеть в «Национале», осуществляя свою подрывную и вражескую деятельность. На экране мы видим интерьер ресторана и завтракающих иностранцев, которые на самом деле никакие не бизнесмены, а сплошь резиденты, поверх свежих газет зорко выискивающие тех, кого бы еще опутать своими липкими сетями.

В «Национале» шпион Плятт вербует сошедшего на скользкую дорожку молодого человека, тонкошеюго московского интеллигента, как-то купившего у него валюту (провокация!). Он требует от него отправиться на секретный полигон и набрать водички из местной речки и немного земли в коробочку. Недаром говорят в народе: с кем поведешься, от того и наберешься. В итоге советские органы, естественно, разоблачают шпионскую сеть, опровергая сомнения в своей компетенции и отвечая, таким образом, на некорректный вопрос: «А куда они раньше смотрели?» А они, между прочим, с самого начала всё знали, потому как не только смотрели, но и слушали, причем

всех, кто любил покушать в «Национале». Жучков под каждым столиком здесь водилось порядочно.

Кстати, именно в «Националь» пришел кадровый сотрудник советских спецслужб Олег Пеньковский, чтобы предложить свои услуги по продаже родины английской разведке в лице прибывшего с берегов Туманного Альбиона бизнесмена Винна. Было это в апреле 1961 года. Даже не верится, что все было так просто: Пеньковский подробно и с подкупающей откровенностью рассказал о своих возможностях, кого, что и за сколько способен продать. Винн, будто опытный советский кадровик, велел ему написать трудовую автобиографию, разве что не спросив характеристики с места службы. Пеньковский всё написал, и 12 апреля 1961 года, когда вся Москва ликовала по поводу полета Гагарина в космос, принес Винну автобиографию, а с ней и длинный список той шпионской информации, которой он владел. Англичанину понравилось. А уже 20 апреля 1961 года Пеньковского встречали в лондонском аэропорту, куда он вылетел по делам службы. С собой он вез целые пакеты секретных документов.

Если не хочешь угодить в лапы западной разведки, ходи не в «Националь», а, например, в «Арагви». Грузинский ресторан с вкуснейшей кухней, названный в честь впадающей в Куру реки, работал чуть выше по улице Горького — в сталинском доме-чемодане 6, вход в него был с Советской площади от памятника Юрию Долгорукому. По сравнению с «Националем» он был более «молодым» (открыт в 1938 году) и демократичным, но до определенных пределов: в зал пускали до трех часов ночи. Во всяком случае, сюда можно было попасть с улицы и даже недавно освободившимся из мест заключения гражданам. «Арагви» стал первым рестораном, куда после отсидки пришел будущий нобелевский лауреат Иосиф Бродский. Участники того знаменательного ужина поэт Евгений Рейн и писатель Василий Аксенов смогли проникнуть в «Арагви» лишь благодаря Евгению Евтушенко, который в те времена мог всё.

«Огромная очередь тянулась до улицы Горького и заворачивала за угол, — вспоминал Рейн. — Мы кое-как пробились через толпу, и швейцар увидел Евтушенко сквозь стеклянную дверь. Этого оказалось достаточно. В холле нас встретил respectable господин — директор ресторана. Он братски расцеловался с Евтушенко и Аксенова тоже поприветствовал как старого знакомого. Бродского и меня представили. Затем нас провели в кабинет, где официанты уже накрывали стол. Здесь было тихо и прохладно — чего лучше. Но лицо нашего лидера затуманилось. Кабинет чем-то не устраивал его. Вдруг он решительно произнес: “Нет, мы пойдем в общий зал, поэт должен быть вместе со своим народом”. Официанты переглянулись, но смолчали. Я понял, что здесь слово Евтушенко — закон. Нас повели в общий зал. Это было низкое сводчатое помещение, украшенное росписями на кавказские темы. Сказать, что в зале было тесно, значит — ничего не сказать. Казалось, что спичку нельзя протиснуть в этой тесноте.

Появился метрдотель. Перекрывая шум зала громовым голосом, он попросил посетителей подняться со своих мест. Официанты начали сдвигать столы. Минут через десять освободилось место еще для одного столика. Его и внесли, уже с приборами и хрусталем, из кабинета. Никто не спрашивал, чего мы хотим, — видимо, здесь хорошо знали вкусы Евтушенко. Всё, чем богаты кавказские пиры, немедленно появилось на нашем столе. Евтушенко произнес первый тост, естественно в честь освобождения Бродского... Он поднимал тост за тостом, читал наизусть стихотворение Бродского “Пилигримы”, подливал вино, распоряжался относительно горячего. Так прошло часа два... Гремел оркестр, табачный дым густо нахлобачился под низким потолком».

Автором росписей на кавказские темы в ресторане «Арагви» был художник Иракий Тойдзе, тот самый, что создал плакат «Родина-мать зовет!», а попутно еще и картины «Лампочка Ильича» и «Молодой Сталин читает поэму Ш. Руставели “Витязь в тигровой шкуре”». Он имел квартиру на улице Горького, был орденонос-

цем и четырежды лауреатом Сталинской премии, а вот росписью в ресторане не погнушался!

Упомянутый рассказчиком Василий Аксенов, также завсегдатай «Арагви», в своей «Московской саге» связал расцвет московских ресторанов с концом сталинской эпохи, как это ни покажется странным: «К началу пятидесятых годов полностью возродились огромные московские рестораны, и все они бывали открыты до четырех часов утра. Во многих играли великолепные оркестры. Борьба с западной музыкой после полуночи ослабевала, и под шикарными дореволюционными люстрами звучали волнующие каскады “Гольфстрима” и “Каравана”. В большом ходу были так называемые световые эффекты, когда гасили весь верхний свет и только лишь несколько разноцветных прожекторов пускали лучи под потолок, где вращался многогранный стеклянный шар. Под бликами, летящими с этого шара, танцевали уцелевшая фронтальная молодежь и подрастающее поколение. В такие моменты всем танцорам казалось, что очарование жизни будет только нарастать и никогда не обернется гнусным безденежным похмельем».

Чем кормили в «Арагви»? В первую очередь, естественно, шашлыками различных видов и названий, а еще подавали нежнейшую осетрину на вертеле, суп чанах в глиняном горшочке, капусту по-гурийски, котлеты «Сулико», цыплят по-чхмерски, потроха куриные с луком и многое другое, ибо грузинская кухня так богата и разнообразна. И все это уплеталось под вкуснейшее грузинское вино — хванчкару, цинандали, киндзмараули, саперави и кахетинское.

Было и лобио, доступное по цене блюдо из фасоли, с разными добавками и поджаренным грузинским хлебом. Писатель Валентин Катаев как-то зашел в ресторан уже под конец дружеской писательской трапезы. Ему обрадовались: «Валентин Петрович, только лобио осталось!» Катаев тут же выдал афоризм: «Лобио всегда остается!»

Будучи помоложе, Катаев с Олешей однажды привели с собой в «Арагви» двух совсем простых девиц

полулегкого поведения с улицы Горького. Писателям предоставили отдельный кабинет. Катаев решил самостоятельно приготовить десерт «Ананасы в шампанском». Заказав две бутылки шампанского, он вылил их содержимое в хрустальную вазу, затем туда же стал опускать куски ананаса. Реакция девиц была молниеносной: «Что же это вы хулиганничаете? Что же это вы кабачки в вино крошите?»

Писатели приучались к «Арагви» уже с младых ногтей. Ваншенкин отмечал: «У нас, бывало, в общежитии на Тверском (общежитие Литинститута. — А. В.) предложит кто-нибудь вечером, часов в 11 или в 12: а давайте рванем в “Арагви”! У кого сколько есть?.. Приходим, нас принимают вполне радушно. Сразу отдаем деньги официанту: себе возьми десятку, а на остальное... Он тут же подсчитывает заранее: водки две бутылки... салат картофельный... лобио... И все довольны».

А Лаврентий Берия, до своего политического падения в мае 1953 года, требовал привозить ему суп-харчо и шашлык по-карски только из «Арагви». Всесильный нарком полюбил этот ресторан еще до войны, обедая в специально отведенном для него кабинете. Судя по всему, с годами кухня ресторана немного испортилась (может, арест Берии повлиял?). Автор популярных детективов Георгий Вайнер, как-то зайдя в «Арагви», услышал от сидящего за столом знакомого грузина: «Что такое “национальное по форме и социалистическое по содержанию”? Это — шашлык из дохлятины!» Ничего удивительного не было в том, что уроженцы солнечной республики зачастую составляли добрую половину посетителей ресторана. Они, собственно, и делали ему основную кассу. Это было счастье — оказаться в компании с приятелем-грузином, или даже с двумя. Тогда все присутствующие становились свидетелями увлекательного состязания под названием «Кто быстрее заплатит за стол».

Что же касается Евгения Евтушенко, то однажды в «Арагви» по его поводу родилась шутка, автором которой выступил вездесущий Михаил Светлов; подсев к

столику писателя Виктора Ардова, он выпалил: «Я придумал хороший псевдоним: поэт Евгений Альный*».

Поход в ресторан с расчетом на многочасовые посиделки был делом затратным, в «Арагви» десяткой было не обойтись, минимум 25 рублей на двоих. Поэтому возникает вопрос: почему из представителей всех видов искусств наибольшими его поклонниками являлись писатели? Они что, были миллионерами? Дело в том, что в советское время писательство было очень выгодным занятием. При условии, конечно, лояльности к партийной идеологии и привычке держать в руках пишущую ручку. Советский Союз считался самой читающей страной в мире, за неимением прочих радостей жизни. Книги издавались тиражами в сотни тысяч экземпляров. Гонорары были очень приличными, позволявшими их получателям не работать в буквальном понимании этого слова, то есть не заниматься еще каким-либо трудом — класть асфальт, пахать на тракторе и т. д. Членство в Союзе писателей СССР и было главным родом деятельности того или иного литератора. Как говорил один из советских классиков, «писателей все меньше, а членов Союза писателей все больше».

Пушкин, Лермонтов, Чехов могли только мечтать о такой повседневной жизни и о таких тиражах. К тому же размер гонорара и его выплата не зависели от того, продан тираж или нет. Припеваючи жили и поэты-песенники, которым начислялся процент от исполнения их произведений во всех ресторанах Советского Союза. Не тужили и драматурги, ибо репертуар всех театров централизованно утверждался в Москве, после чего пьеса шла на всех сценах страны. Чего уж говорить о других сочинителях — представителях национальных литератур. Едва оперившись, прогремев в центральной прессе хотя бы одним опусом из жизни

* В 1950-е годы артист советской эстрады Афанасий Белов в роли поэта-халтурщика Евгения Ального выступал со стихотворными пародиями на зазнавшихся, самовлюбленных и невежественных поэтов.

оленоводов или пастухов овец, утверждавшим «ленинскую национальную политику», они переезжали из холодных землянок в Москву. Им становилось здесь ох как тепло и сытно.

У писателей были свои поликлиники и пансионаты. Их регулярно посылали в заграничные командировки, чтобы они лично убедились, как плохо живет человек (такому же, скажем, «писателю») на тлетворном Западе. Что же от такой счастливой жизни было не ходить в «Арагви»?

Дружба с официантом из «Арагви» была почетной, один из них был широко известен посетителям. Из-за негритянской внешности звали его Поль Робсон (а вообще-то по паспорту он был Лешей). Как-то он отчитал сына композитора Шостаковича Максима, решившего устроить в «Арагви» банкет и заказавшего пять бутылок водки: «Ты что, с ума сошел?! Ты хочешь здесь заказать водку, а не принести ее с собой?! Этого даже мы себе не позволяем!» Вот что значил социальный статус официанта «Арагви» — «даже мы».

Любили «Арагви» и спортсмены. Футболисты обмывали здесь свои победы, нарушая спортивный режим. Это был любимый ресторан Всеволода Боброва. Директор «Арагви» был его горячим поклонником и уже на стадионе «Динамо» после успешной игры приглашал: «Столы накрыты, ребята! Всю команду жду у себя». А столы и правда ломились от выпивки, про закуску — и говорить не приходится. Но что интересно: пили в меру, чтобы после обильного застолья остались силы сесть за руль собственной машины и доехать до дома. Тогда футболистов знали в лицо, и в случае чего сотрудник ГАИ мог просто пожурить пойманного спортсмена и отпустить с миром. А на следующий день — в Сандуны, а после — тренировка. Святое дело!

Особенно любил Всеволод Бобров шашлык, к тому же его супруга Любовь Гавриловна много лет работала в шашлычной у Никитских Ворот. Захаживал спортсмен и в другую шашлычную, напротив гостиницы «Советская», прозванной в народе почему-то «Антисоветская».

Слава «Арагви» и запах его шашлыка летели через границы, помогая хотя бы немножко раздвигать «железный занавес». В 1964 году кинооператор Роман Кармен работал в Великобритании над большим двухсерийным фильмом о Великой Отечественной войне. В Лондоне он встретился со своим давним другом, известным английским продюсером Графтоном Грином, ранее приезжавшим в СССР. С утра до вечера Кармен смотрел кинохронику. Однажды в один из вечеров Грин пришел и сказал: «Хватит! У вас в Союзе это, кажется, называется “выполнить и перевыполнить”?» Затем он усадил Кармена в свою машину и привез его в какой-то ультрафешенебельный ресторан Лондона. Там стройный и подтянутый седой метрдотель в черном фраке усадил их за заранее заказанный столик и замер с блокнотом и серебряным карандашиком в руке в ожидании заказа. И тут, к удивлению Кармена, Грин признался: «Заранее должен предупредить вас, что бы я ни предложил в этом в общем-то неплохом ресторане, это не выдержит никакого сравнения с восхитительной едой в кавказском ресторане “Арагви”, куда вы меня затащили в Москве!»

В 1970-е годы стихли спортивные трибуны, хотя в Москве, помимо «Динамо», появились и другие стадионы. Постепенно сошли с дистанции и писатели, рекордсмены по выпивке. Кому-то уже здоровье не позволяло не вылезать из-за стола по пять часов. А кто-то и вовсе ушел в мир иной.

Но «Арагви» не пустовал. И если социальный состав посетителей ресторана в чем-то менялся, то авторитет не померк. Посидеть в «Арагви» или справить в его стенах юбилей, а также свадьбу считалось престижным. Калугина из «Служебного романа», 36-летняя «наша мымра», желая произвести большое впечатление и выдать желаемое за действительное, рассказывает Новосельцеву, что ужинала в «Арагви»: «Мы поехали в “Арагви”. Мы там ели... что еще... угощались... цыплята табака, сациви, купаты, ша... ша... шлЫки... чебуреки... — ЧебурекИ...» Пила товарищ Калугина хванчкару и боржомом. А платил за все это ее

знакомый — крупный авиаконструктор, у которого денег куры не клюют.

В этом коротком эпизоде «Арагви» воплощен как символ достатка и успеха в глазах обывателей, недостижимый для простого советского инженера-статистика, живущего от зарплаты до зарплаты. Да и сама Калугина, крупный номенклатурный работник и одинокая женщина, похоже, мечтает о романтическом ужине именно в «Арагви».

В «Арагви» любил посидеть Владимир Высоцкий. Драка с его участием надолго запомнилась завсегдатаям. Он вступился тогда за свою супругу Марину Влади. Дело было зимой, Марина уже надевала пальто, чтобы выйти, как вдруг здоровенный амбал подшофе грубо взял ее за плечо и развернул к себе со словами: «Ну-ка, покажись, Марина!» Высоцкий отреагировал мгновенно, применив свой знаменитый боксерский удар. Амбал еще не успел договорить, а уже летел на улицу через входные двери ресторана. Это был полный нокаут, ко всеобщему одобрению вышибал-швейцаров, с восторгом провожавших актера до машины. Для Высоцкого бокс в ресторане был привычным делом. В другой раз его достал пьяный навязчивый поклонник, требуя выпить с ним стакан водки. Наконец, исчерпав все аргументы, Высоцкий попробовал апперкот, но поскольку актер сидел, то удар получился слабый, пьяный лишь качнулся назад, а Высоцкий вывихнул себе большой палец.

Ну а те, кто не попадал в грузинский ресторан, могли поужинать в других предприятиях общественного питания с национальным колоритом, в частности, в «Узбекистане» на Неглинной, где почивали пловом, самсой, лепешками из тандыра — в общем, всем, что нынче продается в Москве в каждой подворотне. Не любите узбекскую кухню — пожалуйста в «Арарат», тут же на Неглинке. Ну а если эта горная вершина для вас слишком велика, милости просим в «Баку» на улице Горького, где частенько обедала артистическая богема.

Как-то Михаил Яншин обратился к еще молодому Евгению Веснику: «Женечка, мне очень нравится, как

вы аппетитно едите. Пойдемте-ка в ресторан “Баку” пообедаем. Рассчитаемся так: кто съест больше, тот не платит». Весник, несмотря на свою нищенскую зарплату, отказаться от такой компании был не в силах, надеясь, само собой, на победу. Сначала они заказали легкое кахетинское в бутылках по 800 миллилитров и к каждой один шашлык. Затем повторили, потом еще. Оба взмокли, дышать стало тяжело. Каждый хочет победить. И тут вдруг Яншин сдается: «Не могу, не могу больше. Проиграл, плачú».

Если вы азартный человек и еженедельные тиражи «Спортлото» для вас как капли в нос за три копейки, то московский ипподром мог компенсировать все моральные издержки (но не материальные). Пришла ваша лошадь первой или последней — не важно. Обмыть такое все равно нужно, да еще и в ресторане со звучным названием «Бега» на Беговой же улице. Творческая интеллигенция спускала на ипподроме все свои заработки, а то, что оставалось, пропивалось в «Бегах». Туда и направили свои стопы Яншин с Весником. Яншин увлекался скачками, иногда прилично выигрывал, так случилось и в этот раз. Получил он выигрыш и говорит: «Я немножко выиграл. Пойдемте, Женечка, в ресторан. Я угощу вас замечательной соляночкой!» Веснику стало плохо...

Ну а тех, кому шашлык уже вставал поперек горла, ждали рестораны с кухней стран «народной демократии»: «Белград» на Смоленской, «Будапешт» на Петровских линиях, «Варшава» на Октябрьской площади, «София» на улице Горького. А для гурманов — «Бомбей» на Рублевском шоссе, «Гавана» на Ленинском проспекте, где под кубинский ром хорошо шли креветки с лангустами.

А вот и ресторан «Пекин» на Маяковке. Некоторые утверждают, что для «своих» ценителей специфичной кухни здесь подавали даже вкусную собачатинку. Однако это вызывает сомнение. Из местных собак блюда вряд ли стали бы готовить, а китайских везти в Москву было бы слишком накладно. Да и не это главное: почти четверть века, начиная со смерти Сталина, от-

ношения с Китаем были, мягко говоря, натянутыми — дошло и до вооруженного конфликта, поэтому удивительно то, что в Москве вообще остался ресторан с таким названием.

«Пекин» любила театральная публика. Бывшую Маяковку, а ныне Триумфальную не зря считали второй Театральной площадью Москвы. За прошедшее столетие тут перебивало немало театров. А в 1960—1970-е годы здесь стояли здания театра «Современник», кукольного театра Сергея Образцова, Театра сатиры (сегодня он находится в сильно перестроенном цирке Никитиных, а до этого находился напротив), наконец, на углу с Тверской возвышается Концертный зал им. П. И. Чайковского.

Особенно удобно было ходить в «Пекин» из «Современника». Вышел из театра, сделал несколько шагов — и ты уже в ресторане. Так и поступал художественный руководитель «Современника» (до 1970 года) Олег Ефремов. В любой час дня он мог, например, прервать репетицию или беседу с кем-либо в своем кабинете для того, чтобы посетить ресторан. Но не обедать. Обычно он заходил через служебную дверь в буфет при ресторане. Там его уже ждала с распростертыми объятиями знакомая буфетчица. Расплываясь в улыбке, она спрашивала: «Как всегда, Олег Николаевич?» Ответа не требовалось, достаточно было кивка головы. Через несколько минут перед Ефремовым как из-под земли возникал поднос с хрустальным фужером и блюдцем с голубой каемочкой. На блюде возлежало яблоко. Разом выпив содержимое фужера, закусив яблочком, Олег Николаевич, уже воодушевленный, шествовал обратно в театр, творить современную нетленку.

Пользовались популярностью ресторан «Советский» на Ленинградке, «Украина» в одноименной высотке на Кутузовском, «Салют» на Ленинском, «Минск» на улице Горького и др.

Как мы помним, невеста главного героя фильма «Ирония судьбы, или С легким паром!» хвасталась, что ее приглашают встречать Новый год в ресторане

Останкинской телебашни «Седьмое небо». Женя Лукашин в исполнении Андрея Мягкова никак не мог поверить, что он возвращается. Комплексный обед стоил там шесть рублей, в него входили и знаменитые фирменные котлеты «Дикторские». За каждые 40 минут пол ресторана делал оборот в 360 градусов. И голова не успевала zakружиться. Ресторан имел три яруса — на высоте 328, 331 и 334 метра соответственно. Выше была еще и смотровая площадка.

Еще одно дитя эпохи — ресторан «Арбат» на углу Калининского проспекта и Садового кольца. Он славился своими размерами — на его двух этажах одновременно могли находиться порядка двух тысяч посетителей. За пределами центра были хорошо известны рестораны «Фиалка» в Сокольниках и «Закарпатские узоры» в конце Таганской улицы.

Отдельная тема — сравнительно новые и большие рестораны при гостиницах, возведенных в 1960—1970-е годы. Это и «Галактика», и «Лунный» в гостинице «Космос», и «Звездное небо» в «Интуристе» на улице Горького. Кстати, последнего уже нет, как нет и ресторанов при гостинице «Россия», разобранной в 2007 году. Поскольку это была одна из самых больших гостиниц в Европе, то в ней работало аж пять ресторанов, в одном из которых — на 21-м этаже — можно было полюбоваться городом-героем с высоты птичьего полета. Ресторан «России» увековечен в кинокомедии «Мимино» — в нем с размахом гуляют так называемые «эндокринологи» — летчик-грузин и шофер-армянин. Для них не было ничего невозможного. А получить свободный столик при отсутствии таковых можно было за десятку, сунутую официанту.

Кондитерский цех «России» готовил замечательные торты «Птичье молоко», купить которые было редкой удачей. Торты эти ели не каждый день, а по большим торжествам — на свадьбу, юбилей, праздник по случаю проводов на пенсию. Иногда требовалось пройти по длинной цепочке посредников, «добрых» людей, чтобы в конце получить красивую коробку, перевязанную бечевкой. Зато есть такой торт было ох

как вкусно! Вот и получалось, что само название — «Птичье молоко» — заставляло задуматься.

Зрителям киноконцертного зала «Россия» тоже кое-что перепало с ресторанного стола. В антрактах можно было приобрести вкусные пирожные, сладкие рулеты. Знающие люди приносили с собой полиэтиленовые пакеты, чтобы унести купленные в буфете сладости домой. Рестораны перевыполняли план благодаря кондитерам. Кстати, в «России» был один из немногих в Москве дегустационный зал.

Богемным местом был ресторан Дома актера. Начиная с 1937 года в доме 2/16, отмечающем своим изящным куполом встречу Тверской улицы и Пушкинской площади, находились Всероссийское театральное общество, Центральный дом актера им. А. А. Яблочниковой и ресторан, где в свободное время собирались ведущие (и не совсем) артисты московских театров. Особенно славился Дом актера своими театральными капустниками.

В ресторане ВТО работал известный метрдотель Яков Данилович Розенталь. А прославила его большая борода, как говорили, «бородища, как у Черномора или Карабаса-Барабаса». Образ бородача-ресторатора стал легендарным. Поэтому стоило кому-либо из счастливых, ранее бывавших здесь, произнести фразу: «Идем к Бороде», и мгновенно все понимали, что речь идет о ресторане Дома актера.

Леонид Утесов рассказывал: «Вспоминаю Бороду — так мы называли незабвенного Я. Д. Розенталя. Мы говорили: идем к Бороде, потому что чувствовали себя желанными гостями этого хлебосольного хозяина. Он не только знал весь театральный мир, но и вкусы каждого, умел внушить, что здесь именно отдыхают, а не работают на реализацию плана по винам и закускам... В шестидесятых элегантная фигура Бороды была знакома посетителям ВТО: в последние годы жизни он работал там и был доброй душой дома».

Ресторан ВТО привлекал деятелей советского искусства и в 1960—1970-е годы, когда он стал просто Меккой отечественной культуры. А некоторые деяте-

ли, впервые посетив Москву, и вовсе стремились попасть не в мавзолей, а в ресторан ВТО, где собирались не только актеры, но и поэты, музыканты, писатели, художники и люди прочих творческих профессий. Иногда встречи в ресторане не заканчивались после его закрытия, а плавно перемещались в другие значные места, например в ресторан аэропорта Шереметьево, работавший круглые сутки, что говорит о том, что некоторые мастера культуры в деньгах особо не нуждались.

Вспоминая бурную молодость, Василий Аксенов писал, как, выходя поздним вечером из ресторана ВТО, его друг Евтушенко был способен часами бегать по улице Горького и мучить случайных прохожих одним вопросом: «Кто в России первый поэт?» — надеясь при этом на то, что назовут именно его фамилию. Но прохожие почему-то называли совсем других поэтов. Как-то в ресторане к ним с Евтушенко подошел незнакомый человек и спросил:

— Вы Евтушенко?

— Да, — ответил тот.

— Тогда, может, вы что-нибудь споете?

В этом ресторане часто видели Галину Брежневу, ибо работала она неподалеку — в агентстве печати «Новости» на Пушкинской площади. АПН имело славу «теплого местечка» для детей кремлевской верхушки. Ходил анекдот:

Почему на Пушкинской так много «членовозов»? — Ну как же, сегодня в АПН родительское собрание.

Брежнева приходила в Дом актера со своим золотозубым любовником Борисом Буряце, молодым и красивым цыганским бароном, развезжавшим по Москве на «мерседесе». Дочь генсека опекала этого тенора из цыганского театра «Ромэн». Видимо, Галину Леонидовну и ее *chevalier servant* (верный рыцарь. — А. В.) пустили в ресторан по его удостоверению члена ВТО — таково было строгое правило.

Аналогичной славой бластных заведений пользовались рестораны Дома журналиста и Дома кино. Ну а

если хочется на природу, к услугам гостей были загородные рестораны — «Архангельское» при одноименной усадьбе и «Русская изба» в Ильинском, действительно представлявший собой сруб, поставленный аккурат после отмены крепостного права. Иностранцы любили сюда приезжать, покушать в стиле «а-ля рюс», в их числе был и президент Франции Валери Жискар д'Эстен во время визита в Москву в 1979 году. Но вот незадача — когда француз приехал, в ресторане гремела свадьба. Товарищи в штатском сию минуту освободили заведение от участников празднества, а приехавшие кремлевские повара всё приготовили, а официанты — накрыли. Ужин удался на славу. «Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера!»...

Легенды о кондитерах «Праги» передавались москвичами из поколения в поколение, умножая нереализованный спрос на одноименный торт, рецептура которого хранилась в строжайшей тайне. Да и сам ресторан пребывал под своеобразным колпаком, поскольку долгое время выполнял роль правительственной столовой: еще в 1920-е годы сюда наезжало победать политбюро в полном составе. Сталину было по пути — его машина обычно ездил по Арбату, тогда еще не пешеходному.

В 1955 году ресторан подремонтировали и открыли для всех желающих (почти для всех, скажем так), что было подано как историческое событие. К услугам посетителей было несколько залов, декорированных под разные стили и эпохи. Наибольшей популярностью пользовался зал «Москва» с занимавшим всю стену панно, изображающим панораму столицы.

С началом работы «Праги» по Москве быстро разнеслась весть, что здесь, чуть ли не в единственном ресторане города, можно заказать устрицы. Изголодавшиеся, знающие толк в экзотическом морепродукте люди стали потихоньку стекаться в красивый дом на Арбате. Среди них оказался академик-физик Петр Капица, вкусивший устриц еще в Лондоне, откуда его столь цинично вернули на родину. И вот приходит как-то Капица в «Прагу» и заказывает устрицы. Моло-

дой официант смотрит на него как баран на новые ворота, ничего не говорит и уходит. Через какое-то время приносит-таки устрицы, при этом почему-то пытаюсь не смотреть на блюдо. Капица интересуется:

— Скажите, молодой человек, а каким вином их лучше запивать?

— А мне-то почем знать, чем их запивать. Глаза б мои на эту гадость не смотрели!

Поведение молодого, обученного вроде бы официанта иллюстрирует явную потерю интереса к своей работе. А все, видимо, из-за отсутствия необходимой практики и самого главного — опыта, который и перенять-то было уже не у кого. А ведь «Прага» считалась лучшим рестораном Москвы! Недаром в 1960—1970-е годы в ее залах обычно давались банкеты по случаю присуждения Ленинских и Государственных премий.

Сценарист Валентин Ежов вспоминал: «Ленинскую премию мне, среди прочих, вручала Екатерина Алексеевна Фурцева, тогдашний наш министр культуры. После кремлевской церемонии она же пригласила всех на банкет, в спецзал ресторана «Прага». Первый тост, как и положено министру культуры, Фурцева произнесла за своего начальника — Никиту Хрущева, который, по ее словам, за всех нас все время думает. Потом пошли тосты за нас, лауреатов. Я оказался в компании Твардовского, Рихтера, Сарьяна, Пашенной... Тост за тостом, рюмка за рюмкой — незаметно все расслабились, за столами стало шумно... Вдруг Екатерина Алексеевна со всей прямоотой простой женщины, которая управляет государством, говорит: «Товарищи, давайте споем!» Я, грешным делом, подумал, что петь мы сейчас будем не иначе как «Интернационал». Но ошибся. Аджубей тут же подхватил идею министра. «Товарищи, — предложил он, — давайте споем 'Бублики'»! Как я потом узнал — это была любимая песня Екатерины Алексеевны. Фурцева запела:

Купите бублики,
Горячи бублики...

Все, кто знал слова, подхватили:

Гоните рублики
Сюда скорей...

Я видел, как был шокирован Рихтер этой бесхитростной песенкой времен нэпа. Фурцева остановилась и предложила перейти в соседний небольшой зал. Там стоял круглый стол, вокруг него — пуфики. Все расположились. Здесь же стояло черное обшарпанное пианино. И вот на этом инструменте Фурцева просит Рихтера подыграть. Тот, надо отдать ему должное, отнесся к просьбе-поручению с юмором. Весело подошел к инструменту, весело сел, весело начал играть тему. Но, очевидно, от того, что пальцы Рихтера были не приспособлены к столь примитивному наигрышу, ему никак не удавалось попасть в такт аккомпанемента. Рихтер, наверное, бессознательно стремился разукрасить эту примитивную мелодию вариациями. Фурцева сбивалась, несколько раз останавливалась и начинала петь сначала, потом, не выдержала, и говорит: «За что только тебе, Рихтер, дали Ленинскую премию?! Ты даже аккомпанировать толком не можешь!»». Комментарии, как говорится, излишни.

Помимо просто ресторанов, ресторанов с национальной кухней, были еще и рестораны специализированные, в частности рыбные. Один из таких находился на ВДНХ и назывался «Океан». Но и там рыба ценных пород была в большом дефиците. Имелись в Москве и рестораны-поплавки.

С богемой понятно, ну а где же столовались рядовые строители коммунизма? Тут разнообразие присутствовало в несравнимо большем масштабе. Прежде всего кафе и столовые, кормившие обедами. По какой системе им давались названия, до сих пор неясно. В Столешниковом переулке было кафе «Арфа», на проспекте Калинина — «Ангара», там же «Бирюса», «Валдай», «Ивушка», на Крымском Валу — «Времена года» и почему-то «Керамика», на улице Горького — «Молодежное», «Лира» и т. д. А вот кафе под

названием «Чайхона», столь распространенных нынче, было в Москве всего два.

Кстати, в кафе «Молодежное», открывшееся в 1962 году на улице Горького, ходили не есть, а слушать джаз. Барабанщик Виктор Дорохин вспоминал: «Это был центр джазовой музыки в Москве. В 1968 году в Москве проводился джаз-фестиваль на Горбушке. Мы там выступили очень удачно. Ансамбль наш назывался “КМ” (кафе “Молодежное”)... Там всегда работали только лучшие музыканты. Когда приезжали какие-то зарубежные гости, их всегда вели в это место, чтобы показать, что джаз у нас тоже развивается... Когда на проспекте Калинина открылось новое кафе (“Бирюза” или “Аист”), весь центр тяжести джазовой музыки переместился туда. А в кафе “Молодежном” как-то все угасло».

По сути, «Молодежное» стало первым джаз-клубом, а позднее и бит-клубом Москвы и всего СССР, где собирались лучшие на тот момент музыканты. Главным днем был вторник, когда исключительно по билетам приходили члены клуба. Совет клуба прослушивал новые ансамбли. После прослушивания устраивался совместный концерт, в процессе которого желающие могли выступить с импровизациями на темы хитов «Битлз» или «Роллинг стоунз». Здесь же начали собираться и первые московские рокеры. В 1968 году кафе после пражских событий закрылось.

Ну а чем можно было полакомиться в московских кафе и столовых помимо духовной пищи? Прежде всего комплексными обедами. Незабвенный Афоня из одноименной кинокомедии заказал себе и навязанным на его шею студентам-практикантам «три солянки, три лангета», к которым полагался еще и компот. Стоил обед 81 копейку. Недорого. Можно было взять и салатик — витаминный, а также квашеную или свежую капустку с сахаром и уксусом, натертую свеклу или морковь, яйцо под майонезом. Майонез почему-то был серого цвета. Но это был отечественный майонез. Он продавался в магазинах в пластмассовых банках, поэтому удачей считалось купить, например,

импортный майонез «Провансаль» в стеклянной банке с завинчивающейся крышкой (банка оставалась под варенье). Стоил салат не дороже десяти копеек.

Помимо солянки в меню присутствовали вездесущий борщ с огромными жирными пятнами на поверхности (в магазинах борщ продавался еще и консервированным, в банках) и щи из свежей капусты с крупнонарезанной морковью и плавающими листьями лаврушки. Недостаток мяса в них щедро компенсировался комбижиром. За все удовольствие — 20 копеек.

Первое блюдо пролетало быстро, оставляя силы непотраченными, они шли на пережевывание, например, бифштекса — второго блюда (самого дорогого, копеек за тридцать пять). У Аркадия Райкина есть знаменитая интермедия, когда ему приносят совершенно несъедобный бифштекс. Он не в силах справиться с хрящами и жилами, требует подойти администратора и директора столовой. Но они ничем помочь не могут, а только издеваются: объясняют ему, что он неверно произносит само слово «бифштекс», что оно английского происхождения и т. д. и т. п.

Почему-то за бифштекс и тогда и сейчас у нас нередко выдавалась заурядная котлета с частичками говядины и зажаренным яйцом. Хотя переводится это слово как кусок говядины из самого лучшего мяса — вырезки. «Книга о вкусной и здоровой пище» рассказывала, какими бывают бифштексы: с кровью, непрожаренные, средние и прожаренные. Советские люди если и не могли заказать тот или иной вид бифштекса, то по крайней мере читали об этом.

Свинина была представлена в виде шницеля рубленого. Ну а если столовая была из разряда «ни рыбы, ни мяса», приходилось довольствоваться вареной курицей, той самой, синенькой. Неудивительно, что народ больше предпочитал венгерских бройлеров.

«Щи да каша — пища наша». Справедливость этой исконно русской поговорки подтверждал ассортимент едва теплых гарниров за четыре копейки. Дополнением ко вторым блюдам служили сероватые макароны,

нередко вчерашние, так называемое картофельное пюре подозрительного цвета или жесткий на зуб рис, а еще капуста тушенная. В случае пюре низкая стоимость косвенно свидетельствовала о его несъедобности — из чего же все-таки оно делалось? Кусок хлеба стоил одну копейку.

«А компот?» — эта фраза, брошенная отбывающим 15 суток на стройке верзилкой в исполнении Алексея Смирнова («Операция “Ъ” и другие приключения Шурика»), вошла в историю. Компот был всегда из сухофруктов, будто в Советском Союзе свежих фруктов не водилось вовсе. Гурманам полагался кисель, сваренный из прокипяченных в воде брикетов (картофельный крахмал плюс высушенный сироп), или отдающий кислотой яблочный сок из трехлитровых банок. А летом кое-где наливали компот из арбуза за четыре копейки.

Одной из причин невкусности общепитовских блюд являлось повсеместное воровство продуктов в процессе превращения их в готовые блюда. Самой распространенной формой хищений было недовложение: это когда, например, в котлетах хлеба было больше, чем мяса. Вообще-то теоретически мясо было четырех сортов — высшего, первого, второго, третьего. Но высший сорт сразу уходил налево, первый выдавали за второй, второй — за третий. Из того, что оставалось, крутили фарш, в который добавляли воду, достигая в итоге необходимой по стандарту массы. Вот котлета и готова.

Повара московского общепита представляли собой огромный клуб веселых и находчивых — КВН. Самые находчивые от всяких там шницелей и антрекотов отрезали по кусочку — 10—20 граммов, в итоге «навар» от воровства был большой. Но все же главным было не нарушать веса продукта, заранее оговоренного в соответствующих ГОСТах. Украденную часть блюда надо было чем-то компенсировать. И потому сметану в столовке разводили кефиром, молоко — водой, а в жидкий чай подсыпали пищевую соду. До максимальной разбавленности доводили так называемый

«кофе», напоминавший бурду (не путать с названием одноименного модного журнала перестроечных лет). Причем напиток не имел разновидностей (эспрессо или капучино), «кофе» либо был, либо нет. Наливали его из огромных титанов. Неплохой доход умельцам из советских столовых давали официальные нормы усушки и утруски продуктов, выбираемые полностью.

Схема воровства подробно освещалась и в советской прессе, и на телевидении. В 1971 году в популярнейшем сериале «Следствие ведут знатоки» (во время его показа резко шла на убыль уличная преступность) была представлена новая серия «Повинную голову». В ней майор Знаменский занимается расследованием дела о хищениях в кондитерском цехе ресторана «Ангара». Работники ресторана не просто воруют, а проявляют чудеса изобретательности — их бы энергию, да в мирных целях. Вместо масла в крем для тортов и пирожных они кладут маргарин, коньяк в конфетах заменяют водкой. Украденные таким образом продукты — излишки — они пускали в дело с целью производства и реализации неучтенной продукции, доходы от которой намного превышали среднюю заработную плату в 100—150 рублей.

Низкий профессионализм работников сферы питания также стал притчей во языцех. СобираТЕЛЬный образ студента «калинарного» техникума в исполнении Геннадия Хазанова — красноречивое тому подтверждение. «Экономия продуктов» была для него самым трудным экзаменом. Он так и не смог ответить на вопрос экзаменатора: «Чего в этом супе не хватает?» А съев по неопытности гороховый суп из общего котла, «а не из своей кастрюльки», бедный студент чуть было не отправился в последний путь вслед за кошкой, уже попробовавшей суп до него. «Общий котел» — это кастрюля, в которой готовили блюда для клиентов общепита. Сами же работники столовых этого не ели. А ведь когда-то, еще до 1917 года, хозяин «Большой московской гостиницы» купец Корзинкин обедал в своем ресторане прилюдно, за специально

поставленным среди зала столом, дабы все убедились, что сам он ест то, чем кормит посетителей.

Поскольку с мясом в стране была напряженка, людей активно склоняли к употреблению рыбных блюд, причем не когда попало, а организованно, по четвергам. В четвертый день недели меню должно было полностью состоять из рыбы, призванной насыщать организм строителей коммунизма жизненно важными питательными элементами, белками и жирными кислотами, витаминами А, В и даже D.

Но почему именно четверг? Старушки у московских подъездов божились, что еще архангел Гавриил завещал поститься по четвергам. Если серьезно, в православной традиции постными днями считаются среда и пятница. От Пасхи до Троицы в эти дни можно есть и рыбу. А во время Рождественского и Петрова поста рыбу разрешается есть во вторник, четверг, субботу и воскресенье. Рыбу также едят на праздники, приходящиеся на тот или иной пост, — Благовещение, Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье), Преображение Господне.

Так что решение Наркомснаба СССР «О введении рыбного дня на предприятиях общественного питания» от 12 сентября 1932 года в целом укладывалось в библейские каноны. Уже тогда остро ощущалась нехватка мяса, но об этом, конечно, не было ни слова. Введение рыбного дня оправдывалось, как всегда, просьбами трудящихся, заботой о пополнении белков в их повседневном рационе. А 26 октября 1976 года увидело свет новое постановление, уже официально закрепившее за четвергом «рыбный день». Оно должно было привести к повышению добычи и реализации рыбной продукции в СССР.

Если говорить о научном обосновании выбора четверга как «рыбного дня», то называются несколько причин. Это и пик продажи рыбы именно в этот день, и рост потребления рыбных продуктов в четверг, и хорошая возможность восстановить интеллектуальные силы советского труженика в середине рабочей недели.

Люди по-разному воспринимали очередное проявление заботы партии и правительства. Если бы еще во всех столовых было мясо, тогда понятно. Но его же не было, и потому призывы чаще есть суп из палтуса и рыбу в виде жареного хека или спинки минтая в хлебной панировке порой вызывали лишь раздражение. Больше желания у простых работяг было ловить рыбу, причем в рабочее время, но это уже другая история.

Многие московские столовые, оживавшие в обеденные перерывы соседних предприятий (с 13.00 до 14.00 или с 14.00 до 15.00), имели забавные транспортеры, собирающие грязные тарелки. От наевшегося до отвала работяги требовалось лишь одно — после обеда собрать посуду на поднос и поставить его на движущуюся ленту, уносившуюся в недра посудомоечного отделения. Только вот транспортеры эти все время ломались, и народ наваливал на них целые горы невымытой посуды, падавшие на плиточный пол.

Такое понятие, как «бизнес-ланч», тоже в то время имело место. В частности, в ресторане гостиницы «Москва» можно было до определенного часа пообедать, и вполне недорого, по деньгам не больше, чем в столовой. Преподаватели Московского университета активно пользовались такой возможностью. И вот однажды некий профессор пришел, как обычно, отобедать в ресторане «Москва» и оказался встречен выстроившимся шеренгой коллективом улыбающихся и кланяющихся ему (!) официантов. Впереди, как командир, стоял администратор: «Здравствуйте, милости просим!» Профессор чуть дар речи не потерял. В чем дело? С луны, что ли, они свалились? Увидеть такое отношение служащих общепита можно было только во сне. Сел он за столик, а официант и спрашивает: «Будьте добры, спецталончик, пожалуйста!» — «Какой еще талончик?» — «Как какой? А вы разве не делегат городской партийной конференции, что в Доме союзов открылась?» Вот тут-то всё и выяснилось. Профессора взашей выгнали из ресторана, который в этот день был закрыт на спецобслуживание. А еще гарде-

робщик получил нагоняй: смотреть надо, кого разде-
ваешь, Петрович!

Московский общепит ошеломлял своих клиентов не только банальными кафе и столовыми, но и их разновидностями. Например, можно было отобедать в диетической столовой, что было полезно для здоровья и весьма актуально в условиях временных продовольственных трудностей. Там кормили молочным супом и рисовой кашкой.

Кроме собственно кафе имелись кафе молодежные, детские, молочные, а также кондитерские и кафе-мороженое. При магазинах в 1970-х годах стали открывать кафетерии. А еще были автоматы с газировкой, стоявшие на улицах в ряд, целыми взводами. За копейку можно было напиться простой газированной воды, а за три — с сиропом. До сих пор в ушах стоит звук наполняемого с помощью сифона стакана. Стаканы были граненые, мухинские. Их редко воровали, быть может, воспитание не позволяло. Автоматы порой ломались, утоляя жажду бесплатно. И тогда пить газировку можно было до опупения.

Не хотите газировки, пейте квас. Квас продавали прямо на улицах, из бочек. Маленькая кружка стоила три копейки, большая — шесть. Но, прежде чем выпить кваску, частенько требовалось отстоять очередь. Хорошо еще, если среди прилепившихся друг к другу чертовой дюжины человек с бидонами было от силы двое-трое. А если больше, а еще и с трехлитровыми банками (пластмассовая крышка на банку — тоже дефицит)? Тогда запасайся терпением. А порой выстраивалось две очереди — одна за кружками, другая с банками.

Московское мороженое — самое вкусное и доступное стоило от семи копеек и выше. И пломбир молочный и сливочный, и эскимо, и в вафельном стаканчике, и «Ленинградское», и «Лакомка», и «Бородино», и за 48 копеек. Продавалось оно и с лотков мороженщицами, позже остались лишь палатки. Самое вкусное продавалось в ГУМе, «Детском мире» на площади Дзержинского и в цирке на Цветном бульваре. Внутри на самом дне был мармелад.

Пирожками тоже торговали на улицах — по четыре копейки, круглыми. А есть пирожки с мясом по десять копеек было не всегда безопасно. Хотя в центре города «процент свежести» пирожков повышался. Например, при входе в Александровский сад пирожками постоянно торговала тетка с тележки. Было вкусно. Пахло за километр.

Кроме кафе и столовых были и закусочные, которые также, в свою очередь, имели специализацию. Их названия полностью зависели от того, чем там можно было закусить. Читается как кулинарная книга: шашлычные, сосисочные, пельменные, блинные, пирожковые, чебуречные, хачапурные, пончиковые, пловы, вареничные, бутербродные или рюмочные.

Последний вид закусочных — тема особая, их в Москве было около полусотни. Располагались они, как правило, на первых этажах жилых зданий. Если в закусочных первой категории посетители сидели за столами, то в рюмочной, считавшейся закусочной второй категории, пищу поглощали, стоя за высокими столиками. По размерам рюмочные были весьма камерными, да и освещение не очень. Но в хорошие дни в рюмочную, рассчитанную на 25 человек, набивалось в два раза больше.

В рюмочной, помимо 100 граммов водки, полагалась закуска. Обычно бутерброд (поэтому бутербродные были синонимами рюмочных). Как не вспомнить Аркадия Райкина с его бутербродом с «загнувшимся» сыром, который «хоронить пора». Вместо сыра на хлебе могла быть и колбаса (как таковая) или килька, а сверху кильки — половинка вареного яйца. Такой бутерброд у знатоков назывался «пыжом». Стоил этот набор чуть менее двух рублей. А в некоторых рюмочных наливали 150 граммов. И главное, если бутерброда хватало и одного, то рюмок можно было взять и две, и три, и четыре. И тогда уже стояние за столиками, вроде бы не способствовавшее долговременности процесса «принятия на грудь», никак не мешало подолгу задерживаться в рюмочной.

Употребление водки стоя благодаря рюмочной превратилось в своего рода ритуал, упрочивший славу этого заведения на долгие годы. Вспомним хотя бы культовый кинофильм «Дневной дозор», где тосты в честь «победы добра над злом» произносятся как раз в рюмочной рядом со станцией метро «ВДНХ».

Занятно, что рюмочная — чисто советское изобретение, их не было даже при царе-батюшке. Во всяком случае, в словарях ни у Даля, ни у Ушакова о рюмочных ничего нет. Словарь Ожегова сообщает, что «рюмочная — это торговое заведение с распивочной продажей вина рюмками». Очень похоже.

Чем была удобна рюмочная? Тем, что можно было зайти и культурно выпить (или просто забежать — потому их и называли «забегаловками»), причем не обязательно после работы, но и в ее процессе. Или когда нужно принять для храбрости.

Художник Павел Никонов рассказывал, что на одну из знаменитых встреч Никиты Хрущева с творческой интеллигенцией на Ленинских горах он пошел со своим другом и коллегой Николаем Андроновым именно после посещения рюмочной на Мосфильмовской улице: «Когда мне прислали приглашение, я подумал, что это какой-то розыгрыш. Перед тем как туда пойти, решили мы выпить для храбрости. А тут такая забегаловка была, рюмочная такая (на Мосфильмовской улице. — *А. В.*). Мы для храбрости по стакану портвейна выпили, а потом пошли по набережной (Воробьевской. — *А. В.*)».

Портвейн пришелся кстати, и встреча руководителей партии и правительства с деятелями искусств прошла в доверительной обстановке. Кстати, первые рюмочные и открылись в Москве как раз при Хрущеве, в 1954 году — на Солянке, в Копьевском переулке недалеко от Большого театра и на Тишинском рынке. Герои ностальгического романа Владимира Орлова «Камергерский переулок» грустят по своей любимой рюмочной, пережившей советскую эпоху: они встречались когда-то «в теснотах рюмочной в Копьевском переулке, но и рюмочную история отменила, отдав

ее пространство — тут уж и досадовать причин не было — возведению филиала Большого театра).

Появление рюмочных после смерти Сталина можно расценивать и как некоторое послабление народу. После войны пили не меньше, чем сейчас. Но в антисанитарных условиях. А тут, получается, государство само идет навстречу пожеланиям трудящихся: пей, дорогой товарищ, только закусывай! Трудно в такой либерализм поверить, ибо еще недавно пьянство официально порицалось. Чего стоит плакат сталинского времени с таким текстом: «Иностранцы разведчики усиленно охотятся за любителями выпить».

Журналист Леонид Репин отмечал в этой связи: «Мужички, распивавшие портвешок под раскрашенным грибочком на детской площадке или в подъездах, как революционеры, собравшиеся на сход в подполье, теперь могли зайти в приличествующее случаю заведение, опрокинуть рюмашку и интеллигентно закусить бутербродом! Такое в то время не снилось даже... Неудобство было только одно: выпить после одной рюмки хотелось еще, а бутербродами уже сыт по горло. В общем, получалось так: стоят мужички, рюмку за рюмкой заглатывают, а из бутербродов Пизанскую башню складывают».

Среди инициаторов открытия рюмочных называют Екатерину Фурцеву. Ее кандидатура на роль главного лоббиста рюмочных кажется нам наиболее подходящей, поскольку она была ближе всех к народу в этом смысле. Любила это дело.

Состав публики, отдохавшей в кафе и закусовых, определялся их местоположением. Например, в кафе «Артистическое» в проезде Художественного театра заглядывали не только корифеи-мхатовцы (погусарски опрокинуть полтишок коньячку у стойки), но и их подрастающая смена из школы-студии, а с ними и студенты Московского университета. В кафе был и свой питомец — огромный черный кот, разгуливающий по залу, то и дело залезавший к некоторым посетителям на колени, из чего напрашивался вывод, что

они здесь не впервой и усатый им доверяет. В народе кафе называли «У кота».

Было у всех этих кафе и закусочных одно свойство общего порядка. Это уборщица. Звали ее, как правило, тетя Маша или, на худой конец, баба Катя. В сером, видавшем виды халате, в косынке на голове, своей грязной щеткой она мыла пол с утра до ночи, борясь со свинством (тоже примета времени). А еще смахивала грязь со столиков, причем при полном равнодушии к кормящимся. Она же, как правило, и закрывала заведение перед носом запоздавших с ужином граждан.

Вкусно ли кормили в таких заведениях? Вопрос риторический. Все зависело от везения. Записные куплетисты Павел Рудаков и Вениамин Нечаев распевали со сцены Кремлевского дворца съездов такую частушку:

В ресторане как-то дед скушал комплексный обед,
И не платит больше дед ни за воду, ни за свет.

Руководители партии и правительства просто со смеху падали от такого остроумия. Действительно, как смешно! А дед-то, наверное, еще и ветеран трех революций!

Главной целью работы советского общепита было выполнение плана, что и порождало соответствующие недостатки, с которыми вроде бы пытались бороться, но безуспешно. Слишком неравным было соотношение сил в этом тяжелом «соцсоревновании». Об этом откровенно писал министр торговли СССР Дмитрий Павлов: «Равнодушное отношение поваров, официантов к своим обязанностям объяснялось не только тем, что оплата их труда была недостаточной, но и тем, что она устанавливалась неправильно. Работники столовых поощрялись в зависимости от выполнения плана товарооборота, а такие работы, как сервировка стола, искусство приготовления вкусного блюда, культура обслуживания, в расчет не принимались. Другими словами, порядок оплаты труда не учитывал специфики сферы обслуживания. Столовые, рестораны стали открывать палатки, ларьки по продаже папирос, вина,

фруктов, консервов. Вырученные от продажи этих товаров деньги засчитывались в выполнение плана. Такая аномалия привела к тому, что доля собственной продукции кухни в 1953 году составляла только 26 процентов, а 74 процента приходилось на продажу продуктов, не требующих кулинарной обработки. К тому же собственная продукция сводилась к ограниченному числу блюд, изготовление которых требовало наименьших трудовых затрат. Тем самым ассортимент блюд обеднялся, желающих пользоваться услугами столовых становилось все меньше и меньше».

В кинокомедии «Дайте жалобную книгу» (1965) вопрос качества работы московского общепита отражен более чем полно. Тут есть всё: бесконечная очередь в ресторан, и нежелание официантов принимать заказ на чай с лимоном и бутербродом, и невысокий культурный уровень персонала, и неуважительное, хамское отношение к посетителям по принципу «вас много, а я одна!», и долгое ожидание выполнения заказов, и разбавление спиртных напитков, и замшелый интерьер, и т. д. А еще, например, в ресторан могли и не пустить без галстука. Вот такая была строгость.

В 1970-х годах в Москве оказался известный американский ученый-славист Уэсли Фишер, по итогам своего пребывания написавший интереснейший путеводитель «Московский гурман». Судя по тексту, Фишер только тем и занимался, что ходил по московским ресторанам и столовкам, изучая советский сервис:

«За последние годы в московских ресторанах стали значительно лучше обслуживать посетителей. Хотя в Москве до сих пор нет ресторанов, сервис в которых был бы на уровне мировых стандартов (к качеству пищи это не относится), вас могут вполне сносно обслужить во многих из них. Однако то ли из-за неорганизованности, то ли из-за непрестижности профессии и отсутствия стимула московские официанты имеют свойство исчезать на неопределенное время. Гость столицы, намеревающийся провести в ней более суток, обречен на то, чтобы хотя бы раз потратить время на процедуру “ожидания официанта”. Это “ожидания

ние” может быть в начале еды, когда вы умираете от голода и кусками поглощаете необычайно вкусный и калорийный черный хлеб; оно может начаться после того, как вам подали выпивку, и вы мгновенно опьянете из-за отсутствия закуски; а чаще всего “ожидание официанта” начинается, когда вы уже собрались уплатить по счету. Иногда приходится ждать так долго, что закрывается кухня.

Несколько полезных советов помогут вам сберечь время и нервы. Если официант исчез совсем, надо просто встать и найти его, даже если придется обшарить все закоулки кухни. Такой поступок вполне можно понять, и так принято делать. Официант не обидится. Пищу подаете не вы, а он, и поэтому ему незачем ждать того момента, когда он может понадобиться. Таким образом, вы имеете право привлекать его внимание к себе всеми мыслимыми способами: попросите другого официанта его позвать, в случае надобности позовите администратора и в крайнем случае можете пуститься за ним в погоню.

Чтобы не ждать слишком долго, можно использовать тактику напоминания официанту о следующем блюде, которое необходимо подать. Так, принимаясь за десерт, напомните о кофе, а когда он принесет кофе, попросите счет. Если официант твердо решил, что вы весь вечер собираетесь провести в ресторане, каждое следующее блюдо он будет подавать только после сигнала от вас или, в крайнем случае, поинтересуется, подавать ли его. На его вопрос, принести ли то или другое, ответьте “Да!”: ведь вам все равно придется немного подождать. Ваш ответ “Нет, попозже” приведет к значительно более долгому ожиданию. Если вы хотите относительно быстро поесть, с самого начала предупредите об этом официанта. Если вы очень торопитесь, то лучше перекусить в театральном буфете, чем есть в ресторане.

Если дела совсем плохи и вы оскорблены настолько, что необходимо устроить скандал, возможны два варианта выхода из положения: можно вести себя грубо и некультурно, начать кричать и шуметь, обзывать

официанта, то есть дать волю чувствам, или избрать тактику, применяемую более культурными представителями московской интеллигенции: спокойно подойдите к официанту или администратору и спросите его, не будет ли он столь любезен и не поспособствует ли, чтобы побыстрее был подан суп или другое блюдо, при этом пояснив спокойным голосом, что ваша бабушка находится при смерти и вы спешите, короче, напомните, что вы — тоже человек. Если вы закричите на официанта, он, вне всякого сомнения, сделает то же самое, а супа вы так и не дождетесь.

В принципе в экстремальных ситуациях посетитель имеет право потребовать “Книгу жалоб”, то есть подать официальную жалобу на служащего (в некоторых ресторанах есть и книги благодарностей). Согласно ресторанным правилам, “Книга жалоб” выдается по первому требованию посетителя. На самом же деле ее практически никогда сразу не дают. Напротив, администратор или иное руководящее лицо постараются убедить посетителя, что дело не столь серьезно и что “Книга жалоб” ему не нужна. Дело в том, что официальная жалоба, занесенная в книгу, может привести к тому, что этого официанта или служащего выгонят с работы, сделав соответствующую отметку в его трудовой книжке, и, разумеется, в результате подобных инцидентов падает репутация ресторана. Если же жалобную книгу просит иностранец, то это считается серьезным происшествием и может привести к печальным последствиям. На самом деле лучше всего действует угроза сделать запись в книге, что может здорово помочь в ходе скандала. Однако этот способ рекомендуется применять только в экстремальных ситуациях, например, когда вас обсчитали. Лучший способ добиться чего-либо — просить об этом тихим, вежливым и приятным голосом».

Но даже при этом желающих попасть в заведения общепита было больше, чем они могли принять. А почему? А потому, что пойти было больше некуда, а уровень запросов советского человека был не так велик, вот и обходились малым.

Плохо кормили и в служебных столовых, на заводах и в институтах. На отвратительное качество питания жаловался даже академик Сергей Королев, лично просивший министра торговли накормить, наконец, своих сотрудников. Он сетовал: «Пища однообразна, овощных и рыбных блюд почти не бывает, гарниры в основном из круп. Словом, пища пресная, невкусная. Сотрудники института недовольны, и это отражается на их работоспособности. Вот я и решил обратиться к вам за помощью. Трест общественного питания, которому подчинена столовая, отнесся к нашей просьбе наладить питание как к делу, изрядно надоевшему. И, конечно, ничего не сделал».

Лишь после личного вмешательства министра, где-то доставшего хороших поваров, ситуация ОКБ-1* Королева изменилась к лучшему, итогом чего стал запуск в 1961 году первого в мире космического корабля с человеком на борту.

Нередко результаты посещения предприятий московского общепита, с завидным упорством борющихся за победу в бесконечном социалистическом соревновании, зависели от того, что человек пил на третье. Спирт, как известно, сглаживает последствия возможного отравления. Вот потому некоторые бывалые люди вместо компота употребляли водку. Но как это было возможно, да еще и в рабочее время? Места надо было знать. Знакомая официантка — Любочка, или Леночка, или как там ее — по условному сигналу приносила водку в бутылке из-под боржоми. А еще, например, чай в стакане с ложкой. Но это был никакой не чай, а коньяк. И подобная практика получила широкое распространение.

Вспоминается кинофильм «Частная жизнь», где герой Михаила Ульянова, выдворенный на пенсию директор крупного завода по фамилии Абрикосов, с трудом погружается в повседневную жизнь простых советских людей. Он, ранее наблюдавший всю эту су-

* Ныне Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им. С. П. Королева.

ету из окна своего персонального автомобиля, теперь вынужден заново учиться жить: переходить улицу по сигналу светофора, толкаться в автобусе и, наконец, питаться в общепите (раньше-то ему обед приносила услужливая секретарша прямо в кабинет). И приходит он в пельменную. И вдруг случайно товарищ Абрикосов попадает на глаза своему бывшему подчиненному — инженеру, когда-то уволенному им за мелкий проступок. Тот рот раскрыл от удивления: «Вы что здесь делаете?» То есть советские люди усвоили правила субординации, что народ — отдельно, а начальство — отдельно.

Абрикосов в ответ говорит: «Люблю пельмени». Но бывший инженер сразу смекает: что-то не то, раз некогда грозный директор сидит за столиком в пельменной, выходит, он уже ему нестрашен и превратился в простого гражданина. А потому смело предлагает ему выпить. Подлинным потрясением для Абрикосова стало открытие того факта, то в пельменной, оказывается, «наливают». Своим удивлением он демонстрирует полный отрыв от советской действительности, от простого народа. Но этот отрыв быстро сокращается: приходит официантка, хорошо знающая обычного вроде бы инженера, и по его условному знаку приносит бутылку минералки. А в ней — вожденный сорокоградусный напиток, после употребления которого никакие пельмени не страшны, ни «Останкинские», ни «Русские» (тогда было всего два вида пельменей). И разливают они водку по тонким стаканам для кефира. И пьют, а потом хотят еще. А бутылка-то опустела. Но Верочка (или Леночка) строга: «Хватит, ребята!» А как же иначе: они сейчас напьются, а ей здесь еще работать. Вот так приспособился жить простой советский человек, невзирая ни на какие продовольственные программы и борьбу с пьянством среди бела дня.

Стоп, скажет читатель: «А как же пивные»? И окажется прав. Куда же без них, родимых? Эти славные заведения пережили, кажется, и Иосифа Грозного, и простоватого Никитку, и Ильича Второго. Завсегда-тай московских пивных с удовольствием рассказали

бы вам о полезных свойствах пива, содержащего витамины В₁, В₂, В₆, Н, РР. А еще о его освежающих качествах и способности утолять жажду, повышать общий тонус организма и поддерживать правильный обмен веществ.

Рюмочных с годами стало меньше, а вот пивные размножились. Оно и понятно — где еще можно было вот так запросто встретиться, поговорить по душам, посидеть да выпить маленько, чуть-чуть оторвавшись от однообразного и блеклого советского быта. Это была отдушина. Кроме того, пивные в Москве были издавна, еще при царе Горохе. Даже названия московских улиц происходят от пивных. Волхонка — так называлась пивная в доме князей Волконских, а потом уж и улица. «Петровское кружало» — этот кабак был на Петровке. Так что долгожителство московских пивных вполне законно и обоснованно.

С 1950-х годов знаменита была пивная в Театральном проезде, в подвале гостиницы «Балчут». Здесь сидели как в старых московских кабаках. Пиво пили за большими дубовыми бочками, пол был усеян опилками. К пиву подавали моченый горох, соленые черные сухарики и даже раков. У московской молодежи эта пивная получила название «Три негодяя».

А взять хотя бы легендарную пивную на улице Академика Королева, испытавшую на себе все прелести научно-технического прогресса. Одна из первых она была переделана под пивной автомат. Если автоматы с газированной водой заработали в Москве с конца 1950-х годов, то похожие на них автоматы с пивом стали разливать хмельной напиток в начале 1970-х. Автоматы стояли и в гордом одиночестве, например, рядом с вокзалами, и гуртом, в пивбарах. Пиво «Золотой колос» в них закачивалось из пивных бочек. Кидаешь в щель монетку в 20 копеек, и тут же пивная струя бьет в стеклянный стакан, помытый специальным фонтанчиком, а можно и с пол-литровой банкой прийти, и с бидоном. Красота, да и только. И в этом тоже проявление всесторонней заботы партии о трудящихся, которым отныне не требовалось долива пива после отстоя.

Злые языки (с враждебных радиостанций) клеветали, правда, что пиво все равно разбавляли, причем не водой, а стиральным порошком «Свежесть». Почему порошком? Потому что в этом случае пена не пропадала, а пиво отличалось «свежестью»! Работа пивных автоматов постоянно совершенствовалась, поэтому где-то за 20 копеек наливалось 440 миллилитров, а где-то за 15 копеек — всего 200 миллилитров.

«Пивная на Королева — это, скажу вам без преувеличения, целая эпоха. В самом начале шестидесятых, в доавтоматический период, я застал там еще высокие мраморные столики вровень с горлом человеку ростом метр семьдесят. К столикам были приварены крючки для хозсумок, как бы поощрявшие домашних хозяев “заглянуть на ручеек”. Хозяйки туда не ходили, но когда ответственные работники стали забывать появившуюся новинку — кейсы а-ля Джеймс Бонд, крючки сняли, а заодно убрали и сами столики. Район рос, строился, мест встречи по интересам не прибавлялось, установленные однажды деревянные столы под русскую избу располагали к долгосидению и нездоровым (непивным) мыслям, а потому после очередного ремонта убрали не только мебель, но и скосили градусов на сорок подоконники, дабы человек не мог пристроить кружку и помечтать о светлом будущем. Зато увеличилось количество рожков, а пропускная способность магазина-автомата достигла скорости турникетов ближайшей станции метро “ВДНХ”. А туалет между тем как был о двух “очках”, так и оставался.

Граждане, проживавшие в пятом доме и трудившиеся в основном в КБ Королева, жаловались в письмах в инстанции на тяжелые испарения и даже утверждали, что в космосе, несмотря на полное отсутствие кислорода, дышится гораздо легче. Мы их понимали, к тому же публика в пивной в основном состояла из тех, кто, говоря современным языком, устанавливает паблик рилейшнс с народом: аппарат ЦК ВЛКСМ (без руководства), журналисты “Комсомолки” и молодогвардейских журналов, включая “Мурзилку” (с руководством), и, конечно, останкинские телевизионщики. И хотя все

мы, в отличие от застенчивой собаки Салюта, Брежнева не только читали, но кое-кто за него и писал, — все вынуждены были ходить в палисадник не только за тем, чтобы вздохнуть и справа полюбоваться ракетой с титановым хвостом, а слева шампуром останкинской башни с тремя кусками мяса (списано у голодного Орлова) — ведь пиво не любит перелива», — с трепетом писал Владимир Добкин, упоминаемый в романе «Альтист Данилов».

Владимир Орлов, неподражаемый певец московского быта, воспел московскую пивнушку в своем следующем романе — «Аптекарь». Пивной автомат на Королева стал в ней основным местом действия. Герои произведения не могут жить вне пивного автомата, а когда его внезапно закрывают — наступает коллапс.

Сам Орлов со своими романами вышел из пивной, как из шинели Гоголя, его видели там «с неизменными двумя хозяйственными сумками: в одной дары овощного магазина — капуста, крафтовые пакеты картошки и соленые помидоры в пластиковом пакете по 30 коп. за кило, в другой — молоко, кефир, хвосты хека и шестикопеечные мясные котлеты. Посланный служащей женой за покупками вольный художник на часок-другой заворачивал в пятый дом (а его и обойти было невозможно — и продмаг, и овощной как бы прикрывали автомат с флангов) и, выкроив два-три двугривенных из тощего семейного бюджета, потягивал коричневатую жидкость, почему-то именовавшуюся колосом, да еще и золотым! И думал, слушал, иногда шевелил губами, словно снимал пену (ее не было), сочинял в ожидании встречи с пишущей машинкой».

Типичный пивной автомат 1970-х годов увековечен в оscarоносном фильме «Москва слезам не верит», где спившегося хоккеиста Гурина угощают «по кружечке» философы-пенсионеры, бормочащие себе под нос, что классический императив Канта что-то там гласит.

Не менее известный пивной бар — так он официально именовался — был на углу Пушкинской улицы (Большая Дмитровка сегодня) и Столешникова переулка. Официально он назывался «Ладья». Но по мо-

сковской привычке переименовывать всё и вся, назло советской власти, его прозвали не иначе как «Ямой». Почему «Яма», отчего? Скорее всего, по месту расположения, то есть подвалу.

Именно из пивного бара «Ладья» и поднимаются герои кинофильма «Берегись автомобиля» — следователь Максим Подберезовиков и московский Робин Гуд Юрий Деточкин, попробовавшие «фирменного» пива, куда по указанию директора пивной щедро добавили водки. Получился «ерш». Кстати, сама личность пивного директора примечательна — он один из пострадавших от гуманитарной деятельности Деточкина и спрашивает следователя: нет ли чего новенького насчет угнанной у него «Волги»? Вот откуда, действительно, у директора пивной «Волга»? На зарплату, что ли, купил? Нет, конечно. На сэкономленные «пиво-материалы». Значит, много и давно разбавлял пиво в своем баре.

Как и прочие пивнушки, открывалась «Яма» за час до полудня. Приложением к пиву зачастую были соленые твердокаменные сушки, запасенные еще графом Ростопчиным на случай сдачи Москвы французам, и совсем редко — креветки (а кому-то после десятой кружки мерещились и раки). Сушеную воблу приносили с собой, поскольку эта рыба была жутким дефицитом (как говорил Аркадий Райкин, «но вобла в Каме была»). Только перед употреблением ей надо было еще отбить все внутренние органы, как это мастерски делал Волк в одной из первых серий «Ну, погоди!».

Недаром у Орлова в «Камергерском переулке» читаем о «дружелюбно-приемной “Яме” на углу Столешникова и Дмитровки (тогда — Пушкинской), то бишь пивном заведении “Ладья” — уже в 1990-е годы сданном в аренду «испанским негоциантам последнем оплоте дружеских общений, доступном карману простого москвича». За что и была бывшая «Яма» проклята. И проклятие сбылось: на Большой Дмитровке случился знаменитый московский провал: «Теперь там нет ни каталонских супов из бычьих хвостов и ушей, ни очаковского пива. Дома напротив, рухнувшие в па-

мятную ночь, выстроены заново, а здание “Ямы” стоит в трещинах, и конца его ремонтам не предвидится. Жизнекипящий же прежде Столешников переулок стал мертвым...»

Да, ушли московские рюмочные и пивные, а вместе с ними, грязноватыми и всегда наполненными странным народом, улетучился безвозвратно и истинно московский дух, хранивший непередаваемое ощущение той, хрущевско-брежневской Москвы. И никаким современным их аналогам, кажущимся жалкими потугами, не возместить их отсутствие. Остались в крепкой пока еще памяти лишь неофициальные названия — «Сайгон» (одно из самых популярных, их было несколько в Москве), «Ромашка», «Этажерка», «Пробка», «Крокодил», «Пиночет», «Желток» и др. ...

Неужели нигде в Москве нельзя было выпить неразбавленного пива? Там, где его подавали бы в кувшинах, а посетители сидели за столиками. Были такие места, но слишком узок был их круг и мала пропускная способность. В пивной бар Дома журналиста на Никитском бульваре попадали лишь избранные, по удостоверениям. А без корочек — «Байкал» на Щелчке (то бишь на Щелковской), «Жигули» на проспекте Калинина, «Пльзенский» на Крымском Валу, «Саянь» на Уральской.

Было и еще одно питейное заведение, стоявшее особняком. Это и не ресторан, и не закусочная, и не кафешка, а центровой «Коктейль-холл» на улице Горького. Открылся он еще до войны, году в 1938-м, одновременно с «Арагви» в том же самом доме 6, только в противоположном углу, ближе к Камергерскому.

Журнал «Лайф» сообщал о нем в 1941 году: «“Коктейль-холл” — это новинка на улице Горького. Это единственный коктейль-бар в Москве. Очень дорогой. Коктейль “Ковбой” стоит 4 рубля 10 копеек, примерно 90 центов, это одна десятая стоимости аренды комфортабельной квартиры. Полным он бывает только по воскресеньям, и обычно здесь можно увидеть нескольких офицеров армии в увольнении, сидящих в пышно обитых креслах. Кроме них, здесь богатые и самые избалованные люди в Советской Рос-

сии (за исключением высшего партийного руководства) — писатели, деятели кино, артисты, театральные режиссеры, художники, скульпторы и другие. Конечно, они регулярно ходят в “Коктейль-холл”, чтобы отве­дать “Ковбоя”. Крайне нетипичный для Москвы, для коммунизма или сталинизма, этот бар демонстрирует зачатки желания СССР осваивать вершины совершенной и развитой цивилизации. Образцом всегда выступают США. Результат иногда трогает представителей Запада до слез».

Но слезы выступали не только у иностранцев, к которым, как известно, в СССР относились как к детям (в том смысле, что «все лучшее — детям»). Плакали и наши, советские люди, припоминая проведенные здесь часы вдали от Москвы, где-нибудь в Дальлаге. Драматург Александр Гладков, репрессированный в 1948 году, отдыхая от лесоповала, сочинял воспоминания: «Пре­йскурант “Коктейль-холла” читался как роман... Малиновая наливка в графине “Утка”, охотничья водка в плоской бутылке, шартрез в испанской бутылке, ликер мараскин в графине “Мороз”, “Ковбой-коктейль”, коктейль “Аромат полей”, коктейль “В полет”, “Аэроглинтвейн”».

А еще добавим к этой греющей душу выставке коктейли «Таран» (ликеры шартрез и мятный, перцовка, коньяк, лимонный сок, фрукты), «Маяк» (коньяк с яичным желтком), «Карнавал» (пять разных ликеров, самый доро­гущий), «Нептун» (коньяк, водка, шартрез, портвейн, шампанское), «Красная Шапочка» (шампанское, мороженое, вишневый сироп). А коктейль «Аромат полей» включал в себя четыре ликера: розовый, алычовый, мятный, ванильный, консервированные фрукты и лимонный сок. Закуска была соответствующей — блюдо, густо посыпанное горячей солью, на которой покоилась горка миндаля, приятно обжигавшего губы. Девушки были в восторге.

В «Коктейль-холле», занимавшем два этажа, всё было роскошно: мебель (немного тяжеловатая), мраморные колонны, длинная барная стойка, высокие барные стулья (какие нынче москвичи спешат втис-

нуть в свои шестиметровые кухни) и, конечно, изящная винтовая лестница «а-ля модерн», будто перенесенная из шехтелевского особняка Рябушинского или Морозова. Здесь действительно можно было коротать часок-другой, посасывая коктейль через соломинку (как в Америке!), хотя не всякий коктейль, особенно с коньяком, удобно было пить таким образом.

Оттаявшая в 1950-х годах Москва привнесла в «Коктейль-холл» новую волну. Дети тех, кто еще до войны приходил сюда оттянуться, — стилиги — быстро облюбовали его и присвоили новое название — «Кю», а еще «Коктелька». Это модное заведение, закрывавшееся чуть ли не на рассвете, в чем-то было похоже на ночной клуб. А еще говорят, что в советское время были одни кафе-мороженое. Нет, оказывается, раньше все было, только в микроскопическом масштабе. И уж конечно на высоких барных стульях сживали и Светлов, и Богословский, и Симонов, и Утесов. Лучше сказать, кого не было. Сумасшедших, не хотевших хотя бы несколько часов помучиться на этом «островке буржуазной культуры», среди советских мастеров искусств не водилось. И не только мастеров — за бокалом коктейля частенько можно было встретить футболистов Константина Бескова и Всеволода Боброва.

Переводчик Борис Грибанов и поэт Давид Самойлов частенько навещали «Коктейль-холл»: «Был в нашей жизни в пятидесятых—шестидесятых годах период, довольно тесно связанный с этим заведением. Дело в том, что в тот период “Коктейль-холл” выполнял для нас те функции, которые потом перешли к Центральному дому литераторов, — функции мужского клуба. Нет, конечно же, в “Коктейль-холле” бывали и женщины, но все-таки в основном это был именно мужской клуб, тем более что он являл собой — мы, наивные ребята, даже и не подозревали этого — место сборища московских педерастов самого высокого пошиба. Я уже не говорю о том — об этом мы тоже не подозревали, — что он был напичкан соглядатаями НКВД в штатском. Слава богу, мы не попали в эти сети, а вот наш будущий друг, прекрасный писа-

тель Юра Давыдов стал жертвой негодяев: он имел неосторожность, сидя за стойкой бара, разговориться с двумя американцами, оказавшимися офицерами военно-морского флота США — один из них был даже военно-морским атташе — и схлопотал за это десять лет лагеря. Ну а мы, ничего не подозревая, веселились в «Коктейль-холле», выпивали, слушали маленький джаз-оркестр и милостивую молоденькую певицу, исполнявшую модные тогда песенки».

Но все-таки, как вообще мог появиться в социалистической Москве, под самым носом у властей экстравагантный «Коктейль-холл»? Слово-то само какое-то нерусское. Ну не для простых работяг же его открыли, да и вообще, нашему человеку все эти коктейли чужды. Помните, с каким укором герой Евгения Леонова говорит о своем нечаянном собутыльнике — профессоре из Дании в кинофильме «Осенний марафон»? «Коктель, коктейль! Хиппи лохматый!» Вот именно так и реагировали советские люди на подобные излишества — мешать водку с портвейном. Как же можно ее родимую так портить? Будто про этот случай сложены народные пословицы: «Лучшее — враг хорошего»; «От добра добра не ищут». Да и сам процесс употребления «коктейля» — через соломинку, битый час — мог кого угодно довести до белого каления.

Поэтому власти могли не очень волноваться — «Коктейль-холл» для простого люда никакой опасности с точки зрения морального разложения не представлял. А вот для фрондирующей интеллигенции это было самое подходящее место. Пусть захаживают иногда, глотают воздух (и не только) западного образа жизни, только под присмотром. Даже если студенты близлежащего Московского университета наскребут в своих худых карманах мелочь на коктейль (скрести, правда, надо было долго), тоже нестрашно. Пусть пар выпускают. И всё так чинно, благородно, как говаривал незабвенный персонаж Михаила Зощенко.

На втором этаже «Коктейль-холла» имелся свой оркестр, в котором солировал молодой Юрий Саульский, позднее автор «Черного кота», истошно орав-

шего из каждого патефона. Саульский писал: «Это, безусловно, был некий символ Америки — далекой и загадочной страны, родины джаза. В “Коктейль-холле” собиралась аудитория довольно пестрая, а порой и странная. Тут бывало много иностранцев — журналистов, дипломатов. Собиралась здесь и тогдашняя “золотая молодежь” — слово “плейбой” было еще совершенно неизвестным. Были здесь и обыкновенные спекулянты, были какие-то подозрительные, деклассированные люди, хотя большую часть публики “Коктейль-холла” составляла нормальная интеллигенция, гуманитарная и техническая, в первую очередь молодежь — студенты и даже старшекласники 16—17-ти лет... Все они любили джаз».

У Василия Аксенова в «Московской саге» описана и вывеска значного заведения: «Одна из немногих святищихся вывесок, конусообразный бокал с разноцветными слоями жидкости и с обкручивающейся вокруг ножки, словно змея в медицинской эмблеме, надписью “Коктейль-холл”. Из бокала к тому же торчала некая святиющаяся палочка, которая означала, что полосатые напитки здесь не хлобыщут через край до дна, а элегантно потягивают через соломинку. Самое интригующее из всех московских значных мест начала пятидесятых... Иные московские остряки предполагали, что если заведение с позором не закроют, то, во всяком случае, переименуют в ерш-избу, где уж не особенно будут заботиться о разноцветных уровнях и о соломинках».

«Ерш-изба» — так и стали называть в народе «Коктейль-бар» в «оттепель». А время шло. Переловили всех стилияг, отвязались от джаза, закрыли глаза на хиппи, и вот постепенно источник кипучей энергии, которой подзаряжались в «Коктейль-холле», стал иссякать. Изменилась атмосфера. Брежневский консерватизм по сравнению со сталинизмом выглядел просто-таки либеральным. Говори что хочешь — только на своей отдельной кухне. Количество советских граждан, выпускаемых за границу тонкой струйкой, несмотря ни на какие комиссии, росло год от года. Сам факт употребления алкоголя за барной стойкой в центре

столицы уже не казался таким заманчивым, все-таки западная культура употребления спиртных напитков у нас не прижилась. Пообтрепались роскошные кресла «Коктейль-холла», к концу 1960-х годов злачное заведение преспокойно «загнулось». А на его месте открылось вполне себе обычное кафе-мороженое.

Ну а где же повседневно питались те самые люди, что принимали решение об открытии всех этих «Националей», «Коктейль-холлов» и просто пельменных? Иными словами, куда в обеденный перерыв направляла свои стопы номенклатура? Советское начальство питалось отдельно от народа в спецстоловых и спецбуфетах. Эта система сложилась еще при Сталине, приобщившем руководителей разного звена к недосыгаемым для обычного человека благам.

В романе Александра Бека «Новое назначение», так и не опубликованном до перестройки, есть лишь намеки на эту систему. Мы узнаём, что во время войны в 1943 году в одном из наркоматов, «на втором этаже, недоступном рядовым сотрудникам, — где размещались нарком, его заместители и члены коллегии, был устроен бесплатный ночной буфет. Как известно, продовольствие в это суровое военное время выдавалось в тылу только по карточкам. Однако работники, продолжавшие в наркомате и после полуночи свой трудовой день, могли воспользоваться этим спецбуфетом, выпить стакан чаю или кофе, съесть один-другой бутерброд. Это дополнительное питание не было нормированным». Несмотря на положение на фронте, спецбуфет хорошо снабжал наркоматовскую номенклатуру «лакомыми редкостями», среди коих имелись яблоки, икра, копченая красная рыба, масло и пр.

Так вот, автор романа за одно упоминание спецбуфета был обвинен чуть ли не в клевете на советскую действительность. Самое интересное, что обвинения эти были озвучены не при Сталине, а в 1960-е годы. Члены политбюро жутко испугались, видимо, обнародования самого факта существования системы спецпитания. Но неужели народ не догадывался о ее существовании? Это трудно было не заметить. Ибо рабочие

того или иного завода никогда не встречались в своих столовых с директором и главным инженером, которые питались отдельно, в других столовых. Рядовые журналисты газет «Правда» и «Известия» также кушали отдельно от главных редакторов и их заместителей.

Сотрудник «Нового мира» Лев Левицкий возмущался в своем дневнике 28 мая 1963 года: «Вчера обедал в “Известиях”. Чудовищно это разделение на званых и незваных, избранных и неизбранных. Для высшего начальства газеты один буфет. Для остальных журналистов и редакционных работников, куда отнесены и мы, новомирцы, — другой. Удобный, чистый, комфортабельный. Для типографских рабочих, курьеров, вахтеров — столовая. В подвале. Несравнимая с буфетом наверху. Это все происходит в стране, которая называет себя государством рабочих и крестьян, где власть якобы находится в руках этих двух классов. Не удивительно ли, что ничего похожего нет ни в капиталистической Швеции, ни в буржуазной Франции. Там рабочий и капиталист сидят за соседними столиками кафе и ресторанов. Это не стирает ни имущественных, ни социальных различий между ними, но эти различия не доведены до такой циничной очевидности, как у нас».

У Владимира Высоцкого есть песня «Честь шахматной короны» (1972), где главного героя отправляют на матч с Бобби Фишером:

И в буфете, для других закрытом,
Повар успокоил: «Не робей!
Ты, — говорит, — с таким прекрасным аппетитом
Враз проглотишь всех его коней!

Ты присядь перед дорогой дальней —
И бери с питанием рюкзак.
На двоих готовь пирог пасхальный:
Этот Шифер — он хоть и гениальный,
А небось попить-покушать не дурак!»

В закрытом буфете всегда продавались колбаса, ветчина, сыр, масло, икра, хорошие коньяки, импортные сигареты. Но не только само место продажи отличало

эти продукты, а еще и высокое качество изготовления в спеццехах соответствующих предприятий. В частности, конечным продуктом секретного спеццеха Мясокомбината им. А. И. Микояна были вкуснейшая колбаска и другие мясные изделия. Строжайший контроль обеспечивал неповторимое и высочайшее качество этих продуктов, всегда свежих, только из настоящего мяса, без добавок и всяких там ГМО.

Во время съемок фильма «Блондинка за углом» сцену в колбасном отделе универсама снимали на мясокомбинате, ибо только там удалось найти такое изобилие. Съемочную группу угостили продукцией того самого спеццеха, кормившего членов Политбюро ЦК КПСС. И вот молодая гримерша вдруг спрашивает: «А почему сосиски такого необычного цвета?» — «Это цвет мяса, мадам!» — ответил ей Андрей Мионов, народный артист РСФСР.

Другие цеха также делали колбасу, но со специфическими ингредиентами. Простой народ и не знал, что для его желудка в колбасу давно уже добавляют костную муку. Во-первых, это позволяло увеличить объем производства; во-вторых, сэкономить государственные денежки, которых всегда не хватало на рытье какого-нибудь канала или возведение очередного промышленного гиганта; в-третьих, это было в буквальном смысле безотходное производство. Коровы сами несли свои кости на мясокомбинат.

Спецстоловые официально именовались «столовыми лечебного питания». В названии (без шуток) отражена истинная суть процесса потребления пищи и его благотворного влияния на человеческий организм. Употребление любого продукта питания должно быть приятным и полезным. Но всем советским людям власть не способна еще была до построения коммунизма обеспечить полезное питание, посему дали его пока лишь избранным.

Первая и самая главная «Столовая лечебного питания» обосновалась в самом сердце столицы — на улице Грановского, увешанной сверху донизу памятными досками. Но если обычные предприятия обще-

ственного питания Москвы отмечались вывесками, указывавшими на их предназначение, то здесь ее не было, а висела неброская табличка «Бюро пропусков». И правильно, а что, если случайный прохожий или приехавший в Москву передовик-колхозник, ведомый чувством голода, окажись на улице Грановского, возьмет да и зайдет в подъезд под вывеской «Столовая»? Попробуй объясни такому, что столовая-то она столовая, только не для всех. Конфуз может получиться.

«Бюро пропусков» — это же совсем другое дело, сюда без спецпропуска не сунься. Да человек и сам не пойдет. Мало ли что? Вот так войдешь и уже не выйдешь или выйдешь лет через десять. С другой стороны, название оправдывало суть происходящего. Пропуск давал возможность приобщиться к таинственному миру льгот и благ, доступных лишь кучке избранных.

В «Столовой лечебного питания» обедали в основном приезжавшие в Москву большие начальники. Свои же, московские, приезжали за продовольственными заказами, забирая их в больших картонных коробках. Конечно, само начальство за заказами не ездило, приезжали жены либо персональные водители.

Продукты на улицу Грановского привозили прямо со спецбаз в Варсонофьевском переулке и на Рябиновой улице. Вообще выражение «с базы» подразумевало нечто более дефицитное, чем просто из магазина. Герой пьесы «Старый Новый год» говорит с гордостью про люстру: «Мы ее прямо с базы брали». Привозимые со спецбазы спецпродукты обязательно проверялись и разнюхивались — чтобы не дай бог не положили не свежее. Но таких случаев не было, еще бы — система спецстоловых находилась в ведении КГБ, а не какого-то там треста столовых.

Численность спецконтингента, прикрепленного к спецстоловой на улице Грановского, росла по мере строительства коммунизма. И уже все начальники с их семьями в единственную спецстоловую не вмещались, тогда открыли еще две — в Доме на набережной (улица Серафимовича, 2) и в Большом Комсомольском переулке (ныне Большой Златоустовский).

Уровень жизни советской номенклатуры был очень высок, а хорошее питание, как известно, является неотъемлемым условием долгой и продолжительной жизни. Подавляющее число бывших членов политбюро, будучи уже на заслуженной пенсии, дожили до девяноста лет — и бывший предсовмина СССР Николай Тихонов, и его коллега по Совмину РСФСР Михаил Соломенцев, и другие товарищи. С Тихоновым, кстати, произошла занятная история. Когда его, восьмидесятилетнего старика (!!!) в 1985 году наконец-то отправили на пенсию «по состоянию здоровья», он решил пойти посмотреть, чем простой народ питается. Зашел в какой-то магазин, а там колбаса только одного сорта (не то что в его спецраспределителе, где десять сортов). Вернувшись домой, персональный пенсионер... сел писать письмо в ЦК с просьбой разобраться, куда делась колбаса. Отрыв власти от народа был полный. И отставка порой страшила бывшего чиновника больше смерти — страх вселяла сама мысль вернуться туда, откуда он вышел, то есть в народ («Вышли мы все из народа...»). Даже Хрущев, оказавшись на пенсии, умолял оставить ему возможность пользоваться «Столовой лечебного питания», а ведь мог бы питаться в столовках со всем народом, для которого он так старался десять лет, что был у власти.

А чтобы у этого самого народа возникало как можно меньше вопросов, кто и чем у нас питается, его надо было соответствующим образом воспитать...

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ. ВОСПИТАНИЕ.
«НИКОГДА НЕ ОТРЫВАТЬСЯ
ОТ КОЛЛЕКТИВА!»

*«Ленин в тебе и во мне!» — Октябрюта и пионеры —
«Дети — наше будущее» — Дети-фарцовщики — Отдать
жизнь за жвачку — Доживем ли до понедельника? —
Родительские собрания — Пионерские лагеря —
«Комсомол — верный помощник партии» — Двойная
мораль — Как Владимир Спиваков от армии «откосил» —
И у маршалов есть свои дети — Коллективизм —
«Семья — ячейка общества» — «Руссо туристо, облик
морале» — Бытовой национализм*

Как-то в средней московской школе пятиклассникам задали писать сочинение на тему «Ленин на охоте». И вот одному мальчику пришла в голову безобидная на первый взгляд мысль написать об этом с точки зрения лисы: «Вышла лиса из норы, понюхала воздух, а там вонь. Пошла лиса на вонь и увидела Ленина. Увидела возле дерева Ленина с ружьем. Это от него воняло, но в лису не стрелял». Когда учительница вечером проверяла тетради, она чуть в обморок не упала. На следующий день ничего не ведавшую мамашу пятиклассника вызвали на ковер к директору. Разговор шел суровый, вплоть до исключения: это чему же она учит своего отпрыска, если он вот такое пишет, на святое посягает.

Несчастливая женщина принялась оправдываться: мальчик у нее — пионер, читает журнал «Юный натуралист», из зоологического кружка не вылезает, интересуется повадками диких животных. Он совсем другое имел в виду: что лисичка, будь она проклята, запах человека сразу чует. А вождь мирового пролетариата здесь совсем ни при чем. Еле уговорила. Поверили ей, в последний раз.

Образ Ленина в советской повседневности был вездесущ и потому набивал оскомину. С ним люди вставали и ложились спать. Каждый гражданин хотя бы раз в жизни отстоял очередь в мавзолей, а москвичам выпадало это счастье неоднократно. Очередь никогда не кончалась, ни в зной, ни в метель. Занимали ее часов с пяти утра, чтобы успеть пройти до обеда. Люди стояли со скорбными, утрюмыми лицами, как на прощании с близким человеком. «Ленин всегда живой, / Ленин всегда с тобой, / <...> Ленин в тебе и во мне!» — неслось из всех радиоприемников.

Еще в 1957 году Маркес отмечал: «Очевидно, в сердце каждого советского человека живет миф, обуздывающий доводы разума... Только Ленин, и память о нем священна. Создается буквально физическое ощущение, что против Сталина могут быть предприняты любые действия, но Ленин неприкосновенен».

И взрослые, и дети словно находились под постоянным пристальным взглядом вождя, скульптурные изображения которого были разбросаны по всей столице (самый большой памятник ему открыли в 1985 году на Октябрьской площади). «Ленин — жил, Ленин — жив, Ленин — будет жить!» — это странное с материалистической точки зрения заклинание с завидным упорством повторялось в лозунгах на многих московских улицах. «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» (а кто бы сомневался?); «Марксизм-ленинизм победит!»; «Верной дорогой идете, товарищи!» — эти и другие лозунги, написанные аршинными буквами на фасадах московских зданий, выполняли роль социальной рекламы, доступной даже полуслепым. На Добрынинской площади торец дома был отмечен революционными граффити «Мы строим коммунизм!», на проспекте Мира буквами в человеческий рост: «СССР — оплот мира и социализма!», а на гостинице «Москва» висел лозунг «Слава КПСС!».

Лик вождя не оставлял москвичей даже под землей, на станциях метро. Он был на советских деньгах, о чем так расстраивался поэт Вознесенский, просив-

ший: «Уберите Ленина с денег, так цена его высока!» У иностранцев был популярен металлический рубль с профилем Ленина, выпущенный к его столетию в 1970 году. В институтах были ленинские зачеты и ленинские стипендии (как у автора этой книги), людей выгоняли на ленинские субботники, заставляя работать бесплатно, а самым достойным вручали Ленинские премии.

Уже приходя в первый класс, ребенок цеплял на себя октябрятскую звездочку с кудрявым пухлым малышом — маленьким Лениным. Семилетнего мальчишку или девчонку с малых лет воспитывали на высоком идейном уровне, приучая к краснозвездной действительности. Октябрят строили и делили по «звездочкам» по пять человек, где каждому отводилась своя роль: кто-то был командиром, кто-то санитаром, а кто-то физкультурником и т. д. Каждый октябренок должен был выучить вполне безобидные правила своего поведения: «Октябрята — будущие пионеры»; «Октябрята — прилежные ребята, любят школу, уважают старших»; «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут» и т. п.

С детства подрастающего москвича пичкали всякого рода сказками типа «Рассказы о Ленине», «Ленин и печник», «Рассказы о Дзержинском», «Мальчик из Уржума» и др. Сочинявших эту галиматью писателей, включая Александра Твардовского и Юрия Германа, трудно оправдать, ведь сами-то они были вполне взрослыми и вроде бы порядочными людьми. Тем не менее и их руками создавалась мифология, на которой воспитывались целые поколения.

В четвертом классе на шею повзрослевшему школьнику повязывали красный галстук и прикрепляли уже другой значок, с бородатым Ильичом — «Будь готов!». Принимали в пионеры, как правило, в день рождения Ленина 22 апреля в его музей или филиале — у траурного поезда на Павелецком вокзале. «Как повяжешь галстук, / Береги его: / Он ведь с красным знаменем / Цвета одного» — эти стихи Степана Щипачева были известны каждому подростку.

А готов пионер должен был быть к исполнению данной им клятвы: «Горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия. Свято соблюдать законы Пионерии Советского Союза». А законы были такие: «Пионер предан Родине, партии, коммунизму. Пионер готовится стать комсомольцем. Пионер равняется на героев борьбы и труда. Пионер чтит память погибших борцов и готовится стать защитником Отечества. Пионер — лучший в учебе, труде и спорте. Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоящий за правду. Пионер — товарищ и вожатый октябрят. Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран».

В самой обычной московской школе, как правило, висел лозунг: «Учиться, учиться и еще раз учиться. В. И. Ленин», обязательно стоял бюст вождя, возле которого в день его рождения пионеры стояли в почетном карауле. Юный борец за дело Коммунистической партии должен был в ответ на призыв: «Пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» — отдать салют и отбарабанить: «Всегда готов!»

Каждая школа представляла собой пионерскую дружину, состоявшую из отрядов — классов. Из числа наиболее активных пионеров выбирали председателя совета дружины, а у отряда был командир. Дружина имела свое красное знамя, с вышитым на нем профилем Ленина, у каждого отряда был свой пионерский флаг. Знамя, флаги и прочие пионерские атрибуты (барабан и труба) хранились в пионерской комнате, где еще мог быть уголок интернациональной дружбы. У каждого отряда должна была быть своя стенгазета. 19 мая отмечался День пионерии.

В школах после уроков проводились пионерские сборы, на которых обсуждались самые разные вопросы, в том числе и касающиеся «проработки» наиболее провинившихся пионеров — отлынивавших от общественной работы, носивших мятые галстуки, а еще хулиганов, отстающих в учебе и т. д. За слишком

плохое поведение могли и исключить из пионеров. Ежемесячно в школах устраивали сбор макулатуры, реже сбор металлолома. Те отряды, кто больше всего притащит из дома старых газет и книг, награждались почетной грамотой и значками. Нередко пионеры ходили по домам, надоедая вопросами: «Нет ли у вас макулатуры?» Находились и свои тимуровцы — юные волонтеры, названные так в честь главного героя повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Они посещали одиноких ветеранов, слушали их рассказы о боевом прошлом, как правило, съедая за чаем все находящиеся на столе конфеты, которые сами же и принесли. Более проблематичной была организация такого политически важного мероприятия, как смотр строя и песни. Вместо того чтобы после учебы гулять на улице, детей заставляли ходить строем и маршировать, исполняя хором песни типа «Голова обвязана, / Кровь на рукаве...» Ходили строем не все.

По каждому поводу проводились так называемые торжественные линейки, когда детей собирали в актовом зале и строили по стойке «смирно». Заезавшимся лоботрясам могли записать замечание в дневник: «Не встал на гимн!» Таким образом, уже с детских лет москвичу прививался пиетет и даже страх перед составными элементами официальной государственной идеологии. А текст гимна печатался на оборотной стороне обложки каждой тетради.

А когда по всей стране объявлялся траур по случаю кончины очередного «выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства», занятия в школах отменялись. Хорошо, если ребенок в этот день мог остаться дома с неработающей бабушкой, а если нет — пожалуйста, в школу. Всех, кому не повезло, собирали в школьном актовом зале, куда из кабинета директора приносили цветной телевизор, дабы коллективно смотреть прямую трансляцию похорон из Дома союзов.

Как и в любой религии, включая коммунистическую, у пионеров имелись и свои официальные святыне — их сверстники, павшие за правое дело. Их имена

знали назубок — Марат Казей, Володя Дубинин, Зина Портнова и другие герои Великой Отечественной войны. Но главным все же был пионер-герой Павлик Морозов — жертва коллективизации, совершивший двусмысленный подвиг по разоблачению врагов народа в собственной семье. Этот образ был во многом мифологизирован и навязан детям еще в 1930-е годы, когда нормальным явлением было публичное отречение сына или дочери от репрессированных родителей. Существовал культ Павлика Морозова, советского героя, памятник которому поначалу должен был стоять рядом с Красной площадью. Но позднее его открыли на Пресне, там же был и парк в честь Павлика, а неподалеку — и переулок его имени.

Периодически среди пионеров устраивался сбор денег «в помощь голодающим детям» Гондураса, Никарагуа и прочих отдаленных стран, организовывались «ярмарки солидарности», когда каждый что-нибудь приносил из дома и продавал в актовом зале или столовой. Некоторые несознательные пионеры после продажи, например, испеченных бабушкой пирожков и своих аквариумных рыбок уносили деньги домой, вместо того чтобы отдать их на восстановление пострадавшего от наводнения Гаити.

Чрезмерное влияние идеологии на детей было лишь одной стороной участия государства в воспитании. Другой стороной являлась провозглашенная ценность детства как такового. «Дети — цветы жизни» — это еще один лозунг эпохи, активно воплощавшийся на практике. Ребенка могли пропустить без очереди к квасу, уступить место в трамвае. А 1 июня в стране отмечался День защиты детей, начиная с которого из Москвы длинными автобусными колоннами вывозили ребятишек в пионерлагеря.

Москвичи проявляли повышенное внимание не только к своим, но и к незнакомым детям. Собственный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве с 1977 по 1979 год Дэвид Шиплер был поражен этой всеобщей заботой: «Ребенка окружают беспрестным вниманием, как щенка, потерявшегося на

перекрестке, и постоянно следят, чтобы он “далеко не уходил”. Отношения между поколениями в России можно сравнить с “пеленанием” — традиционным русским способом одевать ребенка, от чего новое поколение родителей постепенно отказывается. Ребенка закутывают в набор ограничений, и эти теплые “пеленки” отнимают у него всякую независимость.

Это видно повсюду: в парках, где родители и бабушки с дедушками с нежным вниманием следят за детьми, постоянно мешая им играть и не давая валяться в грязи, разбить в кровь коленки или просто побыть одному. Как-то солнечным ноябрьским утром я отвел двух своих юных разбойников, Джонатана и Лауру, в Сокольники. Они уселись около большой лужи, покрытой тонким слоем первого льда, и стали увлеченно отламывать палочкой льдинки и разбивать их об асфальт. Тем временем аккуратно одетые русские дети стояли, как положено, рядом с родителями на берегу пруда и кидали уткам хлебные крошки, даже не пытаясь заняться чем-нибудь необычным. Большая часть детей, что проходили мимо лужи, на моих детей не обращала никакого внимания, и только некоторые украдкой заинтересованно поглядывали: что это они там делают? Подошли два маленьких мальчика, посмотрели и стали на цыпочках приближаться к луже. Один нагнулся и поднял льдинку, стараясь не замочить ноги. Их дедушка, все это время ворчавший, сказал им, что пора домой. Мальчики замялись. Дедушка повернулся и стал уходить со словами: “Ну вы как хотите, а я пошел”. Мальчики бросили льдинку и побежали за ним.

До ребенка есть дело каждому. Совершенно незнакомые друг другу люди готовы ругаться и спорить по поводу недостаточно тепло одетого или предоставленного самому себе ребенка. Возьмите с собой зимой в Москве свое дитя, оставив открытым кусочек тела, и на вас набросится гневная бабушка, и вы сами почувствуете себя провинившимся ребенком. Когда меня с четырехлетней Лаурой эскалатор вывез из метро на улицу, орлиный глаз какой-то бабушки, стоявшей у выхода, заметил на моей дочери нейлоновую

куртку (намного более теплую, чем кажется на первый взгляд). Бабуля сердито посмотрела на меня и заявила: “Молодой человек! Простудите ребенка!” И тут же исчезла, как видение.

Через несколько лет Лаура пошла кататься на коньках на очень милом маленьком пруду рядом с нашим домом. Она была в куртке с вытянутым, похожим на трубу капюшоном. Вдруг я заметил, как к ней подошла полная бабушка, наклонилась и стала что-то с ней делать. Через несколько секунд очень грустная Лаура подъехала ко мне. Капюшон ее был расстегнут. “Что она сказала тебе?” — спросил я. “Она сказала, что я слишком тепло одета”».

Дэвида Шиплера поразило, что в московском транспорте объявления призывают пассажиров уступать места гражданам с детьми, а рядом с вокзалами родители с детьми стоят в отдельной очереди на такси. А одного американского дипломата, посадившего дочь на шею, атаковали бдительные старушки, объясняя ему, что так делать нельзя — девочка останется сутулой.

«Однажды, — сообщает Шиплер, — я увидел двух мальчиков, которые пробирались через сугробы около Кремля. Сгребавшие снег две полные женщины в оранжевых куртках гневно закричали ребятам, чтобы те остановились, вернулись и больше там не ходили. Мальчики не обратили на них никакого внимания и спокойно продолжали свой путь. Поначалу мне это показалось еще одним классическим примером абсурдного запрета: ну почему нельзя ходить возле Кремля? Только услышав разговор этих двух женщин, я понял причину их беспокойства. Одна сердито сказала второй: “Вот сорванцы, ноги насквозь промочат!”...

Даже самый официальный русский тает при виде маленького ребенка, переходя на чудесный ласковый язык: “мокренький”, “хорошенький” вместо “мокрый”, “хороший”. Не сосчитать, сколько раз советская таможня пропускала нас без досмотра, если плакали от усталости после долгого полета наши дети. Малень-

кое, усталое, плачущее лицо служило пропуском в глазах даже самого строгого инспектора.

В нашем доме дети совершили целый переворот в личности домоуправляющего. Он носил гордое звание “комендант”, ходил в форменной куртке, но жалобы на протекающую крышу или неработающее отопление оставлял без внимания. Когда же жильцы дома, собравшись, превратили маленькую площадку для автомобилей во дворе в игровую, комендант — по собственной инициативе — проявил просто невероятную активность. Откуда-то появился целый парк аттракционов: две карусели, качели, скамейки. Все это домоуправляющий с помощью двух рабочих раскрасил в яркие цвета. Когда я стал его благодарить, восхищаясь тем, что он за столь короткий срок сумел все это достать (непростая для СССР задача), он улыбнулся и сказал: “Дети — наше будущее”».

Вот что значит — попасть в советскую столицу прямо из капиталистической Америки, где человек человеку волк. То, что кажется нормальным всем остальным москвичам, для иностранца становится совершенно необычно.

Проявлялась забота о разностороннем развитии юных ленинцев, что выражалось в существовании в Москве большого числа всякого рода центров досуга и клубов. 1 июня 1962 года в Москве на Ленинских горах открылся новый современный Дворец пионеров, ранее находившийся в переулке Стопани (ныне переулок Огородная Слобода). Он сразу же стал центром большой просветительской работы среди московских детишек. Огромный зрительный зал, свой театр, бассейн, стадион. Дворец мог одновременно вместить более 15 тысяч человек. Со всей столицы приезжали сюда школьники, чтобы заниматься в кружках и секциях, которых насчитывалось к 1980 году более девяти сот. Стал широко известен Ансамбль песни и пляски под управлением В. И. Локтева — символ этого дворца. Здесь дети могли заниматься самыми разными вещами — и фотографией, и авиамоделированием, и музыкой, и спортом, и хореографией и т. д. Регулярно

проводились различные конкурсы, викторины, олимпиады, каждый год открывалась так называемая Книжка неделя — череда встреч с писателями, известными людьми, в том числе с Агнией Барто:

Драмкружок, кружок по фото,
Хоркружок — мне петь охота,
За кружок по рисованью
Тоже все голосовали.

В Москве вообще широко была поставлена организация детского досуга: чтобы дети не болтались на улицах, в каждом районе существовали дома пионеров и дворцы культуры, спортшколы, где многие пропадали до вечера. В детях открывали таланты, поддерживали одаренных. Например, Белла Ахмадулина еще школьницей пришла в Дом пионеров Бауманского района, там же проявились художественные склонности Валерия Левентая, а мальчик Вася Лановой блистал в театральной студии при Доме культуры ЗИЛа.

Были, конечно, и те, кто не хотел идти в ногу со всеми и бежать после школы в кружок авиамоделирования. В Москве начиная с 1960-х годов немало подростков были вовлечены в занятие фарцовкой. Вот лишь некоторые примеры из уже известной нам справки «Интуриста» для ЦК КПСС:

«В конце марта после окончания спектакля в Большом театре к туристам из Англии подходили подростки, которые предлагали обменять советские деньги на английские фунты стерлингов в соотношении 5—6 рублей за 1 фунт... Большую группу американских туристов 29 марта у Спасских ворот Кремля окружили подростки, которые выпрашивали авторучки, жевательную резинку и доллары, предлагая в обмен различные значки. У туристки Берг Мари Анны после появилась медаль “За оборону Москвы”.

У входа в Мавзолей В. И. Ленина, у магазина “Березка” и в других местах, где останавливался автобус с иностранными туристами-студентами, обучающимися в Швеции, в марте с. г. окружали подростки 13—17 лет, группами по 10—15 человек, прилично одетые, кото-

рые спрашивали шариковые ручки, жевательную резинку в обмен на значки, в том числе предлагали звезды для головных уборов военнослужащих Советской армии.

20 апреля с. г. группу туристов — директоров швейцарских фирм на набережной М. Тореза окружила большая группа подростков, которые предлагали менять мелкие вещи на значки. На попытки переводчика отстранить подростков последние обрушились на него площадной бранью и пытались применить физическую силу.

Туристы из Дании — супруги Шоу, посетившие Москву в марте с. г., которых также атаковали подростки, предлагавшие купить у них вещи, заметили, что в их стране такого не наблюдается... Возмутились поведением спекулянтов и французские туристы, находившиеся в Москве в марте, заявляя: “Очень странно, что это происходит в Советском Союзе, который воспитывает нового человека, а ростки этого нового занимаются черным рынком. К 50-летию существования советского государства вы, наверное, покончите с этим явлением”.

...Некоторые туристы из ФРГ и группа английских туристов-школьников фотографировали подростков в тот момент, когда они выпрашивали у них жевательную резинку и другие мелкие вещи. А корреспондент одной из западногерманских газет, издающейся в Кельне, при этом заявил: “Это продукт социалистического города”».

Напомним, что эта справка была составлена в 1967 году, когда до развала СССР было еще далеко. Но тот факт, что «ростки нового», то есть подростки-фарцовщики были готовы загнать дедушкину медаль «За оборону Москвы» за жвачку, свидетельствует о явно неблагополучном состоянии дел в области морально-нравственного воспитания.

А что касается жвачки — предмета мечтаний московских школьников, — то однажды в Москве случилось такое, отчего до сих пор волосы встают дыбом. В марте 1975 года во дворце спорта «Сокольники» про-

ходил товарищеский матч между юниорской сборной СССР и канадской юношеской командой «Бэрри кап». Когда матч закончился, канадцы решили угостить русских зрителей привезенной жвачкой, раздавая ее по пути из раздевалки в автобус. Кто-то крикнул: «Скорее, внизу жвачку раздадут!» Толпа ринулась к выходу в надежде заполучить дефицитный продукт. Началась давка, на лестнице погас свет, а выход оказался почему-то запертым. Всего в тот вечер погиб 21 человек, 25 — были ранены. В советских газетах об этом не было ни слова. Вот что значит — смертельный дефицит.

Несмотря на новую школьную форму, введенную с 1963 года (довольно унылую, серую для мальчиков и черно-коричневую для девочек), социальное расслоение проявлялось уже в средних классах школы. Кому-то родители привезли ту же жвачку из-за границы, а кому-то джинсы и кроссовки «Адидас», прибавлявшие куда больше авторитета их обладателю, нежели красный галстук («Если ребенок плохо учится, пусть хоть одевается хорошо!», Михаил Роцин). Свою разрушающую роль играла и двойная мораль: подрастающие дети слышали, что дома родители нередко говорят всем не то, о чем вещает телевизор.

Школы в Москве также были неоднородными. Хорошим тоном у «энергичных» людей было пристроить свое чадо в английскую спецшколу (этот язык стал главным иностранным с 1963 года). Там и преподаватели получше, и родительский контингент все больше свой, привычный — такие же торгаши-доставалы, да еще деятели культуры, куда же без них-то. Если наследники рабочего класса туда попадали, то в качестве прослойки. Спецшколы обычно находились в центре Москвы и в престижных районах, например, на Ленинском проспекте.

На фасаде типовых пятиэтажных школ, построенных еще в 1950-х годах, учеников встречали профили официально утвержденных великими писателей — Пушкина, Толстого, Горького, Маяковского. С 1960-х годов началось возведение трехэтажных школ, таких как в фильме «Доживем до понедельника» (1968).

Кстати, в этом фильме, прогремевшем как залп «Авроры», впервые была поднята тема консервативности среднего образования: одна школьная программа, не менявшаяся десятилетиями, один учебник по каждому предмету, по которому училась еще бабушка. Зубрежка, «повторение — мать учения» — вот вкратце основной принцип советской школы. «У лукоморья дуб зеленый»; «Чуден Днепр при тихой погоде...» — эти строки застряли в головах нескольких поколений советских людей. Никакой вольности, ни единой вариации. Хотя по одному предмету все же изменения были — по истории, колебавшейся вместе с линией партии. А еще жесткий, можно сказать, даже не по-детски суровый пресс педагогического воспитания. Вот почему в таких пограничных условиях многое зависело от учителя. В упомянутом фильме выведен идеальный тип учителя — Илья Семенович Мельников, борющийся с лицемерием, цинизмом и беспринципностью общества.

В Москве такие учителя встречались: например, Леонид Мильграм, директор одной из московских школ. Среди его учеников — немало известных и выдающихся людей, ставших таковыми благодаря нестандартному подходу к обучению, выявлявшему индивидуальные качества детей. При этом Мильграм считал, что дети должны ходить в школу в форме, без ювелирных украшений, дабы сгладить сословные противоречия, которые, как мы уже поняли, имели место в «бесклассовом» советском обществе. По утрам он нередко лично встречал учеников, выискивая длинноволосых: «Вот тебе десять копеек, состриги свои патлы и приходи!»

Повседневность советской школы, ее косность и закрытость бросались в глаза тем, кто оказывался в ней впервые. Им было странно видеть родительские собрания, на которых классный руководитель прилюдно говорит о недостатках детей, называя их фамилии: «Советские классные комнаты выглядят нештучными помещениями для изучения основ чтения, письма и арифметики: твердые старые парты и скамейки при-

креплены к полу строгими рядами; стены увешаны лозунгами и портретами. Пять или шесть раз в году класс заполняется родителями, которые садятся за парты, как дети, и слушают сообщение учителя о том, как эти дети учатся и ведут себя... Если некоторые учителя более жестоко раскрывают грехи ребенка всем родителям его класса, чести личной, уединенной встречи с учителем никто из советских родителей не удостоивается. Уйти от этого нельзя. Ирина Макклеллан (русская учительница английского языка, вышедшая замуж за американца) испытала на себе и родительскую, и учительскую долю и считает, что эта система ужасна: «Родители боятся. Они боятся ходить на собрания, потому что чувствуют себя там, как дети»», — сообщает Шиплер.

Американцы Элиза и Кевин Клоуз также пришли на родительское собрание, их этот процесс невероятно заинтересовал. Прочитав фамилии хорошо и плохо успевающих учеников, учительница каждому родителю по очереди рассказывала о пороках его ребенка. «Родители трудных детей вставали один за одним и пытались хоть что-то объяснить, — рассказал Кевин. — Они даже стояли за партами, мы просто вынуждены были, совсем как маленькие, втиснуться за парту, а потом встать и попытаться хоть как-то объяснить учителю, в чем проблема и почему такой-то и такой-то ребенок плохо учится. Например, “поздно прихожу с работы”, “бабушка приболела” или еще что-нибудь в том же духе. Это меня невероятно удивило — так просто говорить о таких глубоко личных вещах на глазах у всех...» Неудивительно, что самым строгим наказанием для любого ученика был вызов родителей в школу.

Самовыражение детей, поощрение их индивидуальности не было целью воспитания, что проявлялось уже в детском саду. «Войдите в любой, даже прекрасно оборудованный советский детский сад, и вы увидите, что всей деятельностью детей руководит преподаватель. В одном углу большие синие кубы сложены в виде красивой лодки, что пятилетнему ребенку сделать явно не под силу. В другом углу строительные блоки

дети используют, чтобы строить город — по рисунку, а не просто складывать самую, самую, самую высокую башню. В уголке природы стоят клетка с попугаем, аквариум с рыбками и несколько цветов в горшках, причем все это так аккуратно, что явно сделано не руками ребенка...

Школьнику нечасто предоставляется возможность испачкать руки, занимаясь лепкой или оформлением, скажем, класса. Нет ничего экспериментального, такого, что говорило бы ребенку: “Погляди на меня. Что я такое? Что ты сможешь из меня сделать?” Например, нет стола, на котором бы стояли различные твердые и мягкие предметы — специально для того, чтобы их трогать и обсуждать. Нет стола с детскими книгами, чтобы дети могли при желании подойти и полистать книжку. После нашего визита в детский сад № 104 Дебора заметила, что в саду нет ни одной комнаты, посвященной творческому анализу мира, такой комнаты, где ребенку все бы говорило: “Слушай, твое восприятие так важно!”

Ярче всего стиль образования и предъявляемые к нему требования видны на уроках изобразительного искусства. Основной упор здесь делается на реалистичное рисование или моделирование, часто исходящее из строгого образца. В одной группе все дети лепили совершенно одинаковых пластилиновых петухов. Воспитатель был ими очень доволен. На полке лежали — лежали, а не висели — рисунки вьющегося стебля растения. И вновь все они были одинаковы, за исключением одного довольно патетического наброска. Смущенный директор детсада сказал, что это рисунок новенькой девочки, которая пришла в группу всего несколько дней назад и которая скоро будет рисовать, как все. Согласно обычаю, принятому в советских детских учреждениях, рисунки были подписаны не спереди, где подписи могли бы стать заявлением о себе, а на обороте бледным карандашом.

Вообще, учителя испытывают неловкость за рисунки, не похожие на остальные. Мой знакомый, попав в школу на урок рисования, видел, как 30 восьмилетних

детей перерисовывали изображение снеговика с такой аккуратностью, как будто копировали через кальку. Один мальчик раскрасил своего снеговика желтым цветом, за что получил строгое замечание от учителя.

В упоминавшемся выше детском саду я просматривал пачку рисунков, которые дети сделали на строительной площадке, получив указание рисовать только то, что видят. С разной степенью умения ребята выполнили задание учителя. И только один мальчик внес в свой рисунок замечательный, как мне показалось, элемент выдумки и фантазии: прямо в центре площадки он нарисовал золотоволосую принцессу, похожую на волшебницу. Я показал на нее учителю, который, решив, что мне это не нравится, поспешил заверить меня, что на стройплощадке действительно стояла светловолосая девушка...

Не разбираясь в мыслительных процессах и не даваясь целью обсудить проблему, в советских школах все учебные предметы излагают примерно так же, как и рисование в детском саду. Существуют ответы правильные и неправильные. На самых ранних стадиях развития советские дети учатся узнавать, где — какие... Вообще, в основе советской системы образования лежат уверенность и однозначность, и к окончанию школы многие русские подростки вырабатывают что-то вроде иммунитета к какому-то иному толкованию и неоднозначности», — отмечал Дэвид Шиплер.

Тем не менее нигде за рубежом не было такого числа детских (пионерских) лагерей, самые престижные находились на юге — «Артек» и «Орленок», а в Приморском крае был «Океан». В лагерях детишки тоже не болтались без дела, будучи занятыми в кружках, в самодеятельности и в иных общественных и творческих мероприятиях. Но и там воспитание проводилось чересчур в назидательной форме: утром — пионерская линейка, затем завтрак, потом уборка территории, потом репетиция очередного смотра строя и песни или конкурса «инсценированной» патриотической песни («Песню дружбы запекает молодежь», «Бухенвальдский набат» — дети сами мастерили из бумаги

костюмы узников концлагерей и т. п.). Потом обед, тихий час, полдник, опять кружок, линейка, ужин. А вечером, да и то не каждым, показ старого кинофильма или, как манна небесная, — дискотека под песни Юрия Антонова и Валерия Леонтьева, в лучшем случае до 22 часов. Родительский день, когда детям разрешено было встречаться с мамами и папами, — одно или два воскресенья в месяц. Список передаваемых продуктов строго регламентировался.

Вожатыми, как правило, были не профессиональные педагоги, а сотрудники того предприятия, где работали родители пионеров, а еще студенты педвузов. Это нередко приводило к разного рода нестандартным ситуациям, ибо в старших отрядах вожатая могла быть всего на три-четыре года старше порученных ей оболтусов. Другая крайность — прожженная тетка из месткома, лет пятнадцать ездившая в лагерь вожатой и знающая, «как сделать человека» из несчастного ребенка, не желающего спать в тихий час. Во многих лагерях вся инфраструктура ограничивалась рукомошкой и уличным туалетом типа «сортир», в баню водили по субботам. Так дети привыкали к трудностям взрослой жизни (кстати, многие современные изнеженные дети, впервые увидев «сортир», обнаруживают абсолютное незнание секрета его использования). Вот туда бы, в советский пионерлагерь этих американцев для раскрытия всех сторон «творческой личности»!

Приобщались дети и к военному делу, участвуя во Всесоюзной пионерской военно-спортивной игре «Зарница». Вот это было на редкость интереснейшее времяпрепровождение. Участники игры разбивались на два лагеря (каждый под своим флагом) и под руководством пионервожатых ловили друг друга по близлежащим лесам и полям. У каждой «армии» были свой штаб, свои командиры и разведчики, свои санитары. С пойманного противника сдирали пришитые заранее на плечи погончики (значит, убили, а если сорвали лишь один погон, то только ранили), сделанные своими же руками, а главной целью было захватить чужой флаг, что и приносило победу.

В восьмом-девятом классе школы наступал очередной этап социальной идентификации юного москвича — его принимали в комсомол («верный помощник партии»). Вступившего в ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи отмечали опять же значком, и вновь с тем же обликом Ильича. «Партия сказала: “Надо” — комсомол ответил: “Есть!”» — этот призыв уже к концу 1970-х годов мало кого вдохновлял. Бесконечные собрания, с перечислением идеологических заклинаний, фальшивый оптимизм, бюрократия — все эти признаки партийной жизни имели свое проявление уже в комсомоле, ставшем стартовой площадкой в карьере многих общественных и государственных деятелей («Не расстанусь с комсомолом, буду вечно выездным!»). В хрущевские времена в Кремле сформировалась даже группировка молодых и амбициозных партийных чиновников, известная под названием «комсомольцы». Среди ее видных представителей — председатели КГБ СССР Александр Шелепин и Владимир Семичастный.

О том, что в комсомоле не все благополучно, впервые заговорили открыто и гласно лишь в начале 1980-х годов. И как обычно, слова эти прозвучали не с партийной трибуны, а со страниц художественного произведения. В 1981 году писатель Юрий Поляков сочинил повесть «ЧП районного масштаба», в которой обратил внимание на неприглядные стороны повседневной жизни ВЛКСМ (напечатана в 1985 году). А уж когда в 1988 году вышел одноименный фильм, «Учительская газета» и вовсе написала, что понятие «комсомол» после него «у многих стало вызывать изжогу». Неменьший резонанс вызвала повесть «Сто дней до приказа» (публикация в 1987 году), обличающая дедовщину в армии.

Что было в голове у молодых комсомольцев? О чем они думали, мечтали, каким видели окружающий мир в конце 1970-х годов? Ответить на этот вопрос нам поможет тот же Шиплер, которому дали возможность встретиться с группой комсомольских активистов в том самом Дворце пионеров на Ленинских горах. Это были не простые дети московских рабочих, а отпрыс-

ки обеспеченных семей, дети ученых и дипломатов. Они учились в спецшколах и занимались в кружках по изучению США, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. И вот собралось до полусотни ребят от пятнадцати до семнадцати лет. Все пришли в белых рубашках и хорошо подготовленными, прежде всего в морально-политическом плане. Оно и понятно — сам факт такой встречи был беспрецедентным, ничего подобного в повседневной жизни советских школьников раньше не случалось.

Первый вопрос: «Как изменилась бы их жизнь, если бы они уехали жить в США?» — московские школьники оставили без ответа, отреагировав молчанием. А вот ко второму вопросу: «Какие пороки этого мира вы бы хотели исправить?» — они явно готовились, сразу посыпались ответы: «Диктаторские режимы, лишение человека его элементарных прав, как в Чили и Родезии»; «Дискриминацию против народа Палестины»; «Безработицу в капиталистических странах»; «Рост преступности в США и других западных государствах: убийства, грабежи»; а еще: «В Западной Европе и Америке вновь возникает фашизм, и настало время демократических реформ».

Обнаружив хорошее знание передовиц советских газет, ребята тем не менее ничего не сказали о своей стране. Лишь один мальчик признался: «Надо построить коммунизм». Зато их очень волновало положение народов Латинской Америки, с которыми они должны «проявлять солидарность». Солидарность выражалась в продаже сувениров, «чтобы собрать деньги для латиноамериканских коммунистов». Выяснилось также, что московские школьники солидарны с Дином Ридом, мало кому известным в США американским фолк-певцом, поддерживающим компартию Чили и живущим в ГДР. Ребята собирали подписи за его освобождение из американских застенков (во время очередной демонстрации его задержали на трое суток за проникновение на частную территорию). Всего в Москве по школам собрали десять тысяч подписей, чем очень гордились. «А еще, — с гордостью сказала одна

девочка, — у нас проводится кампания солидарности с коммунистами Чили. Мы в феврале звонили в Чили и сказали им о нашей поддержке их борьбы».

«А кто ваши кумиры?» — на этот легкомысленный вопрос американец сразу получил ответы: «Ленин»; «Фидель Кастро и Че Гевара». Дети оказались настолько зажатые, что на провокационный вопрос: «Есть ли у них разногласия с родителями и, в частности, политические?» — ответили: «Никогда!» И вообще у них никаких проблем в жизни нет, за всё «спасибо партии родной!».

Потом наступила очередь московских школьников задавать вопросы. Они в буквальном смысле накинулись на иностранца, пытаясь обличить пороки капиталистической системы. Порой их вопросы содержали в себе и ответы: «США — империалистическая страна, сосущая кровь из небольших, слабых государств, отнимающая у них урожай и ничего не дающая взамен. Напротив, СССР чем может помогает этим странам. Посмотрите, как отстали в экономическом отношении страны, которые пользуются поддержкой США: Южная Корея, например, или Филиппины — это же просто колония США».

«А каковы причины столь высокого уровня преступности и наркоманий?» — спросил один мальчик. Американец что-то там пытался сказать, что и в СССР преступность есть, только данные о ней закрыты. Тут вмешался старший товарищ, якобы руководитель кружка астрофизики, присматривавший за школьниками, сказавший, что причина этого в бедности низших классов в США.

Итогом встречи стала серьезная взбучка, полученная ребятами за свою неискренность: «Как вы могли сказать нашему американскому гостю, что у нас нет никаких проблем? А качество? Вот, например, плохое качество пишущих ручек — только вчера купил, а сегодня она уже сломалась! И уже тем более нельзя было говорить, что с родителями не бывает разногласий».

Конечно, не стоит судить по этому разговору о всей московской молодежи. Тем более что в условиях цен-

зуры и закрытости общества вряд ли вообще можно было рассчитывать на откровенность детей. Но даже эти ответы, пусть порой и фальшивые, говорят об истинном состоянии морали в ту эпоху. И не Дин Рид был кумиром молодежи, а Джон Леннон.

Дети и подростки были главным объектом идеологической обработки, осуществляемой в основном путем запретов и табу: нельзя танцевать под западную музыку (твист, шейк, брейк-данс — да мало ли что еще, главное — нельзя), да и сама музыка опасна, вдруг там про «это», ведь поют-то не по-русски; возбраняется носить длинные волосы, короткие юбки и т. д. и т. п. Выпускник школы был готовым продуктом системы советского воспитания, стоявшего на пяти столпах, а именно: патриотизм, коллективизм, интернационализм, гуманизм и атеизм. Но ни один из них не был подлинным, что можно увидеть хотя бы на примере службы в армии. Как говорил на собрании председатель колхоза в фильме «Максим Перепелица», «служба в армии — это почетная обязанность». Но подавляющее число московских школьников после окончания десятого класса эту обязанность исполнять не очень-то хотели. Армия к тому времени находилась в состоянии возвращения к своему первоначальному составу, то есть рабоче-крестьянскому. Старшие обычно говорили: «Ну, ничего, армия тебя исправит». Но москвичей, искренно желающих идти служить и «исправляться», было немного. И все прекрасно об этом знали, как знали и о том, что дети элиты, например, проходят срочную службу в Театре Советской армии или в специальном кавалерийском полку при «Мосфильме». Хорошим вариантом было поступить в институт с военной кафедрой. Лучше, конечно, в какой-нибудь блатной вуз, которые также были распределены по слоям населения. В МГИМО, Институте иностранных языков, Институте стран Азии и Африки, Финансовом институте, МГУ (особенно на журфаке) учились дети дипломатов и чиновников, в Плешке (Плехановском институте) — наследники торговых работников, в медвузах — посланцы южных республик.

А наиболее талантливым молодым людям (и в области связей и блата в том числе) вовсе служить не приходилось. Владимир Спиваков уже прошел комиссию и готовился к призыву, когда ему удалось попасть на прием к Тихону Хренникову, бессменному главе Союза композиторов СССР. Так же как и Сергей Михалков, он обладал обширными связями и влиянием. Услышав жалобы Спивакова («В армию, мол, забирают!»), Хренников успокоил: «Тебе туда, конечно, не надо». Затем он подошел к шкафу, достал оттуда клавир своего Скрипичного концерта и сказал: «Выучи этот концерт, а с армией я все устрою». Так и вышло, Спивакова не надо было особо подгонять, он выучил концерт всего за три с половиной дня, чем поразил Хренникова. Только сыграли они концерт, как Тихон Николаевич вскочил и говорит: «Мне понравилось. Через две недели летим в Италию. Об армии можешь не беспокоиться: ты освобожден». Дело в том, что на заседаниях съезда партии соседом Хренникова был маршал Якубовский, командующий войсками Варшавского договора. Как все просто!

Кстати о маршалах.

Как-то генеральский сын спрашивает папу: «А я буду генералом?» — «Будешь, конечно, сынок!» — «А маршалом?» — «Нет, сынок!» — «Но почему же?» — «У маршалов тоже есть свои дети!»

Этот анекдот родился в 1970-х годах. А 1979 году состоялся ввод войск в Афганистан, и число могил молодых солдат, отдавших интернациональный долг родине, стало множиться в геометрической прогрессии, что также не способствовало патриотическому подъему.

Ходил в народе и такой анекдот:

Лекция в колхозе на тему «Любовь». Собрался клуб под завязку, предвкушая, что вот покажут сейчас что-нибудь этакое. Выходит лектор из общества «Знание», говорит: «Товарищи, есть разная любовь: любовь мужчины к женщине, любовь к животным, а у нас, товарищи, любовь к партии».

Любовь к Ленину, к партии, к социалистической родине была основной составляющей советского патриотизма.

Не менее интересно обстояло дело с коллективизмом. Коллектив играл огромную роль в повседневной жизни. Сегодня даже и не понять, почему в кинокомедии «Кавказская пленница» высмеивается это вроде бы безобидное понятие: «Так выпьем же за то, чтобы никто из нас, как бы высоко он ни поднимался, никогда не отрывался от коллектива!» Коллективизм, будучи противопоставлен западному индивидуализму, был доведен до абсурда. Советские люди все делали вместе, разлучаясь разве что на ночь: вместе готовили еду, вместе ходили в туалет, вместе мылись и т. д. Собираясь в курилке на работе, на маленькой кухне с гитарой, толкая и задевая друг друга в автобусе, в магазине, они словно достигали гармонии (отсюда и выражение «чувство локтя»). Даже за грибами ходили группами. И, в общем, это вполне соответствовало менталитету русского народа, живущего согласно сказке о колосках, каждый из которых можно сломать, а вот вместе, когда они собраны в пучок (или веник), уже намного труднее.

«Он ставит себя выше коллектива!» — это обвинение в те годы было весьма распространенным, оно соответствовало жизненному принципу, согласно которому «лучше лишний раз не высываться». Не отрываться от коллектива приучали уже в школе, затем в институте и т. д. Элементы коллективистской этики внедрялись в сознание человека системно и планомерно, не позволяя отказываться от участия в демонстрации, в субботнике, уборке картошки. Высказывать нежелание или свое особое мнение, противостоять мнению коллектива было опасно, поэтому на собраниях мало кто воздерживался и при голосовании поднимался «лес рую».

Воспитание детей в духе коллективизма своеобразно отражалось на их поведении. Особенно ярко это проявлялось при сравнении с американскими детьми. Еще в 1966 году было проведено международное социологическое исследование на предмет определения

нравственных приоритетов юных граждан СССР и США. Двенадцатилетним детям предложили ответить на вопрос, как бы они повели себя в случае представившейся им возможности списать на контрольной. При этом ставилось три варианта условий: если об обмане никто не узнает, если узнают родители и учителя и если узнают только одноклассники.

Ответы показали, что советские дети менее склонны к обману в том случае, если о нем узнают окружающие. Американцы же, наоборот, были готовы идти на обман даже с большей охотой, если о нем узнали бы их сверстники. Для советских детей соблюдение внешних приличий оказалось более значимым, чем для американцев. Упор на приоритет внешнего поведения в глазах окружающих, нежели на то, что человек на самом деле собой представляет, — характерная черта советского гражданина. Отсюда, кстати, и такое распространенное явление, как показуха.

Даже семья провозглашалась частью коллектива: «Семья — ячейка общества». Неофициальный брак не приветствовался, такие отношения считались зазорными и по возможности пресекались. Например, в гостинице нерасписанным между собой мужчине и женщине нельзя было проживать в одном номере. В гостях можно было засиживаться только до 23 часов! О нарушении режима громким стуком в дверь напоминала горничная: «Девушка, немедленно покиньте помещение!» Ханжеству не было предела.

Без оформления брака пару не выпускали за границу. Дирижер Евгений Светланов чуть было не сорвал себе гастроли: его утраздило влюбиться. Ему пришлось лететь с невестой в Тбилиси, где по знакомству их брак зарегистрировали за один день.

Придирались к биографии человека и в том случае, если он состоял в браке не единожды, значит, морально неустойчив. Это касалось в основном руководящих товарищей и членов партии. У Ленина была одна жена, у Сталина две (одна умерла, вторая застрелилась почему-то), у Брежнева одна. Любовниц могло быть сколько угодно — а вот жена, она же «товарищ», одна.

Маркес писал: «Если взглянуть объективно, никакая иная мораль не напоминает так христианскую, как советская. В своих отношениях с мужчинами девушка подвержена тем же предрассудкам и пользуется теми же психологическими увертками и обвиняками, что стали притчей во языцех в отношении девушек испанских. И с первого взгляда становится ясно, что в вопросах любви они управляются с той простотой, которую француженки называют невежеством. Их волнует, кто и что скажет. В семьях принято проводить помолвки по всей форме. Мы спрашивали многих мужчин, можно ли им иметь любовницу. Ответ был единодушен: “Можно, но при условии, чтобы об этом никто не знал”. Супружеская измена — тяжкая и важная причина для развода. Крепость семейных уз охраняется жестким законодательством. Но конфликты не успевают дойти до суда: женщина, узнав, что ее обманывают, доносит на мужа в рабочий совет. “Ему ничего не будет, — говорил нам один столяр, — но товарищи смотрят с презрением на человека, у которого есть возлюбленная”. Тот же рабочий признался, что если бы его жена не была невинна, то он не женился бы на ней».

Официально считалось, что большинство советских людей отличаются высокой нравственностью: «Руссо туристо, облик морале». На самом же деле все было: и увлечения, и адюльтер, ибо человеческие инстинкты не зависят от политической системы с ее изошренными методами перековки и перевоспитания. А как иначе, если получить отпуск мужу и жене в одно время было не всегда возможно? А некоторые так и жили, «отдыхая» друг от друга в санаториях всесоюзных здравниц. Пик абортс обычно приходился на осень (1964 год стал рекордсменом по этому показателю). Но официально об этом не говорилось.

В Москве и Подмосковье существовала сеть подпольных домов свиданий для элиты. Еще в 1955 году разразился скандал: министр культуры СССР Георгий Александров вместе с известным своей кровожадностью партийным критиком Александром Еголиным

распутничали в компании молодых актрис московских театров, была там замечена и Алла Ларионова. Когда сам Хрущев укорил Еголина, мол, как ему не стыдно, пожилому уже человеку, тот ответил: «Я ничего с ними не делал, я только гладил». По Москве эти слова распространились стремительно, после чего к высокопоставленным распутникам прилипло слово «гладиаторь». А Министерство культуры стали называть не иначе как «Философский ансамбль ласки и пляски им. Александрова».

Коллектив беззастенчиво вмешивался в семейную жизнь, копаясь в грязном белье, обсуждая в подробностях похождения блудных супругов. Находилось немало желающих «подсидеть» своего же коллегу, испортив ему карьеру анонимкой. В частности, поток таких писем приходил в ЦК КПСС из Большого театра, где наблюдалось чуть ли не полное «моральное разложение». Оказывается, главный художник театра и член парткома Вадим Рындин бросил семью с двумя взрослыми дочерьми и ушел к балерине Галине Улановой, аналогичная ситуация сложилась и в личной жизни главного балетмейстера Леонида Лавровского. Дирижер Кирилл Кондрашин и вовсе женился в третий раз. А дирижер Юрий Файер, четырежды лауреат Сталинской премии (при Хрущеве ее переименовали в Государственную, заставив обменять и лауреатские медали с профилем вождя), оформил развод аж в пятый раз! И все это подробно и со вкусом обсуждалось на собраниях с выяснением подробностей: кто кому не дает развод и почему, а от обвиняемых «разложенцев» требовали, как правило, вернуться в семью.

Но и сами обиженные супруги не стеснялись прибегать к помощи коллектива, пытаясь восстановить семью. В советских фильмах примеров таких сколько угодно. В частности, знаменитый фильм «Разные судьбы» (1955), где комсомолка пишет на своего мужа-однокурсника донос, а сама за его спиной водит шуры-муры с композитором. В фильме «Екатерина Воронина» жена приходит к начальнику бросившего ее мужа с требованием вернуть его. Начальник остается равно-

душным к просьбе чужой жены, в итоге его снимают с работы. В фильме «Старые стены» жена приходит к директору фабрики с жалобой на гуляющего супруга. Но там, правда, все заканчивается более радостно — после проработки муж на время возвращается. А в «Служебном романе» иная подоплека — Самохвалов не моргнув глазом передает письма Рыжовой председателю месткома Шурочке с просьбой приструнить ее душевно-эротические порывы. Это считалось нормальным.

Фарисейская мораль стала предметом издевательств и карикатур уже в 1960-е годы. Например, в кинокомедии «Двенадцать стульев» (1971) поэту Ляпис-Трубецкому, притащившему в журнал «Балладу об измене», где есть такие строки: «Гаврила был неверным мужем, Гаврила женам изменял!» — отвечают (Рина Зеленая): «Мы — молодежный журнал, а вы рассказываете о каких-то неправдоподобных вещах. Ну где вы видели, чтобы мужья изменяли женам? Я лично такого не помню. И потом, это же наши мужья, это же наши жены. Абсолютно нетипично». В романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова этого нет, но к 1971 году оскомина уже образовалась, и режиссер Леонид Гайдай сцену вставил.

А в «Бриллиантовой руке», например, мы видим всю палитру повседневной советской жизни — управдом по фамилии Плющ (Нонна Мордюкова) беззастенчиво вмешивается в частную жизнь супругов Горбунковых: «Ваш муж тайно посещает любовницу!», «Наши люди в булочную на такси не ездят!», «После возвращения оттуда ваш муж стал другим!» Спрашивается, какое ей, совершенно чужому человеку, дело? Но в то время такой вопрос даже не возникал.

Интернационализм и международная солидарность также внедрялись с трудом. В 1967 году, выступая на пленуме ЦК КПСС, Николай Егорычев позволил себе признать отсутствие стопроцентной дружбы народов: «События на Ближнем Востоке вызвали среди наиболее отсталой части нашего населения некоторые нездоровые настроения. Я говорю прежде всего о таких отвратительных явлениях, как сионизм

и антисемитизм. Чтобы они не получили развития в дальнейшем, не следует проходить мимо них сегодня, как бы не замечая их. Нездоровые проявления национализма и шовинизма в любой форме очень опасны». После этого он и отправился в отставку. Каждый год то в одной, то в другой республике вспыхивали межнациональные конфликты, погасить которые удавалось лишь с привлечением армии и милиции. Да и в быту этот вопрос часто акцентировался: говоря, например, о соседе, поставившем машину прямо под окнами дома, его называли не по имени, а в первую очередь старались упомянуть национальность. А представителей национальных меньшинств, наоборот, обобщали словом «нацмен».

Атеизм также был фальшивым. К концу 1970-х годов до 80 процентов рождавшихся в Москве детей крестили, в том числе в семьях членов партии. Ни народ, ни элита не стеснялись отмечать церковные праздники, о чем мы еще расскажем.

Наконец, гуманизм. Он напрямую связывал христианскую религию с моральным кодексом строителя коммунизма. Быть может, это было единственным искренним качеством, имевшим место. Этот кодекс был скроен из христианских заповедей и провозглашал в том числе следующие ценности: добросовестный труд на благо общества («кто не работает, тот не ест»); товарищеская взаимопомощь («каждый за всех, все за одного»); взаимное уважение между людьми («человек человеку — друг, товарищ и брат»); честность и правдивость; нравственная чистота, простота и скромность; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости. Какие все-таки хорошие ценности! Гуманистические идеалы прививали советским людям кино и телевидение...

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ: КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

*Самое любимое искусство — «Фитиль» и «Ералаш» —
Что давали в кинотеатрах перед «Щитом и
мечом» — Кумиры советского кино — «Великолепная
семерка» — Кинофестиваль — «Восемь с половиной»
Феллини — «Сколько тогда по кинам-то ходили!» —
«Телевизор мне природу заменил» — «Тихо, погоду
передают!» — Программа «Время» — «От всей души»
и дорогая тетя Валя — Как начинался КВН —
«Утренняя гимнастика» с пианистом Родионовым —
«В рабочий полдень» — «Голос Америки» и другие
вражеские голоса — Глушилки*

Если материальные потребности москвичи удовлетворяли с трудом, то «духовной пищи» имелось в относительном достатке, благодаря чему каждый мог проявить свою индивидуальность, реализуя нравственные установки и интеллектуальные интересы. На фоне официального атеизма и подавления религиозных чувств основной областью, где люди могли удовлетворять свои духовные запросы, были культура и искусство. Еще Ленин говорил, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», и был прав: кино формировало и воспитывало людей, служило основным источником информации об окружающей жизни, а если точнее, создавало для многих вымышленную реальность взамен менее светлой действительности.

В то время в кино ходили часто и массово. В 1980 году был установлен даже новый праздник — День кино, отмечавшийся 27 августа, однако в Москве таким праздником мог быть каждый день недели. Столица была лидером и по числу кинотеатров на душу на-

селения, и по количеству зрителей. Если в 1913 году (на что непременно указывал Московский горком партии) в Москве было 67 кинотеатров (в том числе «Художественный», «Форум», «Уран», кинотеатр А. А. Ханжонкова, впоследствии «Москва»), то в 1979-м их насчитывалось более 120, рассчитанных на 100 тысяч зрителей, из них 15 детских и 28 широкоформатных. На ВДНХ работала «Круговая кинопанорама», в «Кинотеатре повторного фильма» демонстрировали старые фильмы, в «Иллюзионе» — советскую черно-белую классику из запасов Госфильмофонда и иностранные ленты для эстетов. А еще было четыре летних кинотеатра на 2,5 тысячи мест, 174 киноустановки в клубах, дворцах и домах культуры, в красных уголках.

А какими были названия московских кинотеатров! В 7.30 утра в будни, после новостей и перед «Пионерской зорькой», когда первая программа Всесоюзного радио переключалась на местное московское вещание, диктор немного оттаявшим голосом перечислял, что и где показывают. Звучавшее походило на поэму: «Очаков», «Ангара», «Арктика», «Бирюсинка», «Байконур», «Енисей», «Перекоп», «Родина», «Россия», «Саяны» и т. д. По этим названиям советские школьники могли учить историю и географию.

В каждом районе Москвы был свой кинотеатр, где с понедельника по воскресенье демонстрировался очередной новый художественный фильм. Художники, работавшие в кинотеатре, рисовали огромные афиши, привлекавшие зрителей. Но люди шли и так, не нуждаясь в рекламе. Считалось нормальным ходить на каждый вышедший фильм. В будни московские кинотеатры посещали до 300 тысяч человек, а по выходным свыше 500 тысяч, в год приходили до 110 миллионов зрителей. Зачастую в кассы кинотеатров стояли длинные очереди, но они были приятными. А главным вопросом был: «Нет ли лишнего билетика?»

Билеты стоили копейки — от 10 до 30; на удлиненную кинопрограмму, дополненную показом киножурналов «Наука и жизнь», чуть дороже. А перед обычными сеансами крутили юмористический киножурнал

«Фитиль», где под главным редакторством Сергея Михалкова протаскивали туповатых бюрократов и еще оставшиеся кое-где пережитки. Свободных мест почти не было, хотя в большинстве кинотеатров сиденья были не очень удобными, дерматиновыми, с тонким слоем поролона.

Поскольку днем все работали, в большинстве кинотеатров сеансы начинались с 19.00 либо с 19.30. По субботам и воскресеньям с утра показывали мультики и детские фильмы, а перед ними — киножурналы «Ералаш» и «Хочу все знать!», где прилетевший на ракете пионер разбивал огромный орех молотком. На детские сеансы можно было купить абонемент, распространявшийся по школам. А если кино было слишком «для взрослых», где дяди и тети целовались (пусть даже в телогрейках на колхозном сеновале), то вводилось ограничение: «Детям до 16 вход запрещен».

Перед сеансом работал буфет с незатейливым ассортиментом: песочные пирожные, фанга — стаканчик по десять копеек, засохшие бутерброды с икрой — уже за полтинник (у Жванецкого об этом: «Еда там — что в кинотеатрах в буфетах перед “Щитом и мечом” дают...»). Еще в 1960-х годах в старых кинотеатрах в фойе между сеансами выступали певцы, исполнявшие под оркестр популярные песни советских композиторов (живой звук!), но затем эта традиция прервалась, видимо, по причине постепенного вымирания подобных вокалистов. Уровень их исполнительского мастерства ярко передан Риной Зеленой в кинокомедии «Дайте жалобную книгу», где она играет роль возрастной ресторанный «певички», угрожающей руководству уходом в кинотеатр «Перекоп». А еще в фойе за 15 копеек можно было поиграть на игровых автоматах в морской бой или «пострелять» в тире.

Самым большим московским кинотеатром был «Октябрь» на три тысячи мест на Калининском проспекте, там проходили премьеры и встречи работников киноискусства со зрителями. Ну а что смотрели? Больше всего любили комедии — народный жанр, приносивший огромные барыши государству. Лидера-

ми кинопроката были фильмы, снятые в 1960—1970-е годы: «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», «Свадьба в Малиновке» (1967), «Джентльмены удачи» (1971), «Афоня», «Иван Васильевич меняет профессию», «Служебный роман». На втором месте по популярности были боевики и фильмы-катастрофы — «Экипаж» (1979) и «Пираты XX века» (1979), не отставали от них и мелодрамы: «Калина красная» (1974) и «Москва слезам не верит» (1980) и др. Снискал зрительскую любовь и фантастический фильм «Человек-амфибия» (1961).

Киноактеров в народе боготворили, звезд советского кино окружали большим вниманием, не давали прохода на улицах, массовыми тиражами печатали открытки-портреты, продававшиеся в московских киосках. Несознательные школьники из зажиточных семей порой тратили всю карманную мелочь на приобретение фотографий своих кумиров.

Большой популярностью пользовался журнал «Советский экран», где печатали интервью со знаменитыми деятелями кинематографии, в том числе и западными. В библиотеках его зачитывали до дыр (а некоторые несознательные граждане даже вырезали из него бритвой особо ценные материалы). Начиная с 1962 года, ежегодно проводя опросы среди кинозрителей, журнал определял лучшего актера и актрису. Первым таким актером стал Алексей Баталов за роль в фильме «Девять дней одного года» (1962), позднее актерами года признавались Иннокентий Смоктуновский («Гамлет», 1964), Михаил Ульянов («Председатель», 1965), Иннокентий Смоктуновский («Берегись автомобиля», 1966), Вячеслав Тихонов («Война и мир», 1967), Олег Стриженов («Неподсуден», 1969) и вновь Смоктуновский («Чайковский» и «Преступление и наказание», 1969).

В следующем десятилетии актерами года признавались Василий Лановой («Офицеръ», 1971), Кирилл Лавров («Укрощение огня», 1972), Александр Калягин («Неоконченная пьеса для механического пианино»,

1977), Станислав Любшин («Пять вечеров», 1979), Николай Еременко («Пираты XX века», 1979). Два актера удостоились такой чести дважды, это Василий Шукшин («Калина красная»; «Они сражались за Родину», 1975) и Андрей Мягков («Ирония судьбы, или С легким паром!», «Служебный роман»).

В 1980-е годы самыми популярными актерами стали Дмитрий Золотухин (диалогия Сергея Герасимова «Юность Петра», 1981), Александр Михайлов («Мужики!», 1982), Олег Янковский («Влюблен по собственному желанию», 1983), Никита Михалков («Жестокый романс», 1984), Игорь Костолевский («Законный брак», 1985).

А вот среди любимых киноактрис в 1960—1970-е годы по опросу зрителей первенство заняла Татьяна Доронина, признанная актрисой года трижды: в 1967 году за фильм «Старшая сестра», в 1968-м — за роли в лентах «Еще раз про любовь», «Три тополя на Плющихе» и в 1973-м — за «Мачеху». На втором месте — Нонна Мордюкова («Русское поле», 1972; «Возврата нет», 1974).

Особенность советского кинопроката была в том, что актрисы из самых разных республик могли обрести мгновенную популярность не только на своей малой родине, а на просторах всей страны и прежде всего в Москве. И потому среди лучших актрис года бывали и Вия Артмане («Родная кровь», 1964), и Ариадна Шенгелая («Гранатовый браслет», 1965), и Ада Роговцева («Салют, Мария!», 1971), и Светлана Тома («Табор уходит в небо», 1976). Популярны были и другие актрисы: Тамара Семина («Воскресение», 1962), Маргарита Володина («Оптимистическая трагедия», 1963), Людмила Савельева («Война и мир»), Людмила Чурсина («Виринея», «Угрюм-река», «Журавушка» — все 1968), Инна Чурикова («Начало», 1970), Людмила Касаткина («Помни имя свое», 1975), Наталья Гундарева («Сладкая женщина», 1977), Алиса Фрейндлих («Служебный роман»), Алла Пугачева («Женщина, которая поет», 1979) и Вера Алентова («Москва слезам не верит»). На все эти фильмы по несколько раз ходили москвичи.

Взять хотя бы фильм «Три тополя на Плющихе». Куда при первом знакомстве приглашает таксист (Олег Ефремов) приглянувшуюся ему селянку (Татьяна Доронина)? Верно, в кино. Он не без трудностей покупает билет в кассе кинотеатра, приходится даже соврать про неких «чешских товарищей» в машине. А она поначалу соглашается — ибо в этом нет ничего такого, он же ее не на танцы зовет. Жаль только, что ключи от двери она находит в последний момент.

Активно смотрели москвичи и зарубежное кино. Но в страну оно попадало только через несколько лет после премьеры у себя на родине. Так, по количеству проданных билетов первое место за первый год проката занимает мексиканская мелодрама «Есения», снятая в 1971 году и попавшая в СССР в 1975-м. Отдельные впечатлительные граждане даже называли своих дочерей именем главной героини.

За «Есенией» идет легендарный ковбойский американский вестерн «Великолепная семерка» (1960), показывавшийся в советских кинотеатрах с 1962 года. Народ ломился, чтобы посмотреть на Юла Бринера и Чарлза Бронсона, а вот товарищу Хрущеву фильм не понравился. «Я смотрел картину “Великолепная семерка”. Артисты, занятые в ней, прекрасно играют. Мы выпустили ее на экран и получили за это много упреков. В нашей печати выступали педагоги. Была опубликована критическая статья под названием “Двойка за семерку”. В этой статье говорилось, что кинофильм плохо воздействует на воспитание молодежи. Я согласен с педагогами. У вас, американцев, сплошь и рядом на экранах идут такие кинофильмы, где бьют друг друга в лицо, истязают, убивают людей, в фильмах много извращенного. У вас это считается интересным. У нас же проповедование подобных явлений считается вредным», — жаловался он американским журналистам в 1962 году.

Ну и конечно индийский фильм «Бродяга» (1951) с Раджем Капуром, который начиная с 1954 года собирал полные кинотеатры. Драма о бедном индусе пришлась по сердцу и народу, и власти, а потому вы-

пускалась в прокат и в 1960-е, и в 1970-е, поскольку приносила неплохой доход советскому кинематографу (это было особенностью отечественных кинотеатров — в них часто шли фильмы, вышедшие много лет назад). Песни из «Бродяги» распевали на все лады. Индийские мелодрамы советский народ полюбил на всю оставшуюся жизнь, среди них — «Мечь и закон» (1975), «Танцор диско» (1982), «Как три мушкетера» (1984) и др. Женщины, занимая место в зрительном зале, запасались носовыми платками.

Но вестерны все же были более популярны, тем более что каждый год Голливуд выпускал их как горячие пирожки. Таковым оказался фильм «Золото Маккенн» (1969) с Грегори Пеком и Омаром Шарифом. Он вышел в широкий прокат в СССР в 1974 году с песней в исполнении Валерия Ободзинского. В одном из фильмов об участковом Анискине обыгрывается тема тлетворного влияния этой киноленты на советских кинозрителей. Впрочем, Анискин не преувеличивал, некоторые кинозрители стали просто-таки фанатами американских вестернов.

В 1973 году Брежнев полетел в Америку, где его тепло принимал президент Никсон. И вот как-то летели они из Вашингтона в Калифорнию на «боинге» американского президента, и Никсон, решив показать Брежневу Гранд-Каньон — чудо Нового Света, приказал пилоту снизиться, чтобы высокопоставленному гостю было удобнее смотреть в иллюминатор. Особых восторгов Брежнев не выказал, — вспоминает его переводчик Виктор Суходрев, — и заметил лишь, «что видел этот каньон в американских фильмах-вестернах, которые он очень любит, с их ковбоями, стрельбой и драками. Он даже вспомнил какой-то фильм, просмотренный им незадолго до визита, и, к моему удивлению, назвал имя Чака Коннора, актера, исполнившего в нем роль главного героя. При этом Брежнев даже изобразил, как тот стреляет сразу из двух кольтов от бедра».

Американцы, захотев потрафить вкусам советского лидера, устроили уже на следующий день встречу с ак-

тером в резиденции Никсона. Леонид Ильич, увидев своего кумира, чуть ли не бросился ему на шею. Коннорс, в свою очередь, подарил ему два кольта, сказав при этом, что с ними он снимался в той самой картине. Надо было видеть радость Брежнева не только от встречи, но и от подарка. Американец заметил, что кольты стреляют холостыми патронами, на что Брежнев спросил: «А где же кобуры?»

Когда Леонида Ильича провожали домой, Коннорс тоже пришел. Прощание вышло теплым, даже более искренним, чем с рядом стоящими американскими астронавтами. Брежнев с распростертыми объятиями приблизился к актеру, отличавшемуся гренадерским ростом и фигурой, который, обхватив Леонида Ильича своими огромными ручищами, даже приподнял его над землей, что и показали по телевидению. Позже эту сцену отредактировали.

Брежнев пригласил актера в Москву, чем тот не мог не воспользоваться. Встретили его по-русски радушно, возили на «Мосфильм», а американское посольство устроило в его честь большой прием. Так вкусы вождей влияли на репертуар московских кинотеатров.

Ходили москвичи на «Фанфан-Тюльпан» (1952) с Жераром Филипом, «Граф Монте-Кристо» (1954) с Жаном Маре, «Спартак», (1960), «Черный тюльпан» (1970) и «Зорро» (1975) с Аленом Делоном и другие ленты. Французов особенно любили — Пьера Ришара, Жана Поля Бельмондо, Жана Габена, Робера Осейна, Луи де Фюнеса...

Легендарными стали фильмы про индейцев, так называемые истерны. Самым главным индейцем в глазах советских кинозрителей стал югославский актер Гойко Митич, сыгравший в фильмах «Сыновья Большой Медведицы» (1966), «Чингачгук — Большой Змей» (1967) и др. Эти фильмы не имели ограничений по возрасту и предназначались для семейного просмотра. То же самое можно сказать и о французской трилогии о Фантомасе (1964—1967), оставившей неизгладимый след в народном фольклоре и советском кинематогра-

фе. А в 1979 году на экраны столицы вышел японский фильм «Легенда о динозавре», сразу ставший знаменитым.

Кино по-своему влияло на самые разные слои общества, особенно детей, стремящихся быть похожими то на индейцев, то на ковбоев, а то и на Фантомаса. В отечественном кинопрокате 1960—1970-х годов моду на приключения воплотила кинотрилогия о неуловимых мстителях, своеобразный ответ Голливуду. Им тоже подражали, как и Николаю Еременко, пропагандирующему карате в «Пиратах XX века». Были и такие, кто проносил с собой на сеанс фотоаппараты «Смена 8-М» с 35-миллиметровой пленкой, чтобы сфотографировать своих идолов. Проявляли пленку ночью в ванной, там же и печатали, чтобы продать за пять копеек своим же одноклассникам.

Настоящим праздником для киноманов стали московские международные кинофестивали. Первый Московский кинофестиваль проходил с 3 по 17 августа 1959 года под причудливым идеологическим девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!». Казалось, на улицы высыпала вся Москва, люди толпились у кинотеатров, обсуждали, спорили, несмотря на длинные очереди, надеялись попасть на просмотр иностранных фильмов. Такой живой интерес объяснялся тем, что еще совсем недавно советская кинопромышленность держала своих граждан на голодном пайке, выпуская в год не более десяти фильмов. Ими и «кормили» народ, а еще бесконечно крутили так называемые трофейные фильмы.

До 1953 года каждый фильм перед выходом на широкий экран показывался лично Сталину, решавшему его судьбу. Он же давал добро на исполнителей ролей, в частности, когда речь шла о киновоплощении его собственного образа. Когда кино вождю не нравилось — его клали на полку, хорошо еще, если дальше не отправляли режиссера. И потому, когда после смерти Сталина министру культуры СССР Пантелеймону Пономаренко задали вопрос: «Кому теперь показывать новые кинофильмы?» — он то ли в шутку,

то ли всерьез ответил: «Пусть моя теща смотрит, я ей полностью доверяю!»

Ожидания москвичей, что Международный кинофестиваль откроет им если уж не Америку, то Европу точно, подпитывались и недавними еще не утихшими эмоциями, порожденными Неделями французского кино в октябре 1955 года. Тогда в столицу прилетели Даниэль Дарьё, Дани Робер, Жерар Филип — звезды французского кино и режиссер Рене Клер. В кинотеатрах «Ударнику», «Художественный» и других демонстрировались фильмы «Тереза Ракэн» (1919), «Красное и черное» (1954), «Беглецы» (1955). Лишних билетов было недостаток, а уже использованные хранили на память.

Мнения же о фестивальных фильмах 1959 года были разными. Один из зрителей отмечал: «В условиях еще неутоленного киноголода от кинофестиваля ожидали чего-то необыкновенного. Но фестивальные фильмы разочаровывали. Не то чтобы они оказывались действительно плохими, показывали добротную среднюю или чуть выше среднего продукцию, тогда как зрители настраивались на что-то невиданное. Разочарование мало кто показывал, выходя из кинотеатра, “счастливчики” восхищенно закатывали глаза, неопределенно хмыкали и нудно пересказывали незатейливый сюжет затаившим дыхание слушателям». Но встречались и такие, кто, в надежде пересмотреть все кинофильмы фестиваля на свою нищенскую стипендию, прятались в кинозале после сеанса, чтобы попасть таким образом на следующий.

В 1959 году фильмом-победителем стала «Судьба человека» Сергея Бондарчука, который исполнил и главную роль. В стране, победившей фашизм, понесшей столь огромные потери, присуждение этому фильму главного приза стало символичным. Впервые в кино заговорили о нелегкой судьбе попавших в плен советских солдат.

Фестиваль проводился каждые два года. В 1961 году победу разделили два фильма: японский «Голый остров» режиссера Кането Синдо и «Чистое небо»

Григория Чухрая. В тот год на Пушкинской площади выросло здание нового современного кинотеатра с широкой парадной лестницей. В дальнейшем кинотеатр «Россия» превратился в главный экран страны и основную площадку фестиваля.

В 1963 году на очередном фестивале произошел скандал. Международное жюри неожиданно для советских идеологов присудило первый приз фильму Федерико Феллини «Восемь с половиной», что вызвало бурю негодования на Старой площади: как можно отдавать победу этому далекому от соцреализма, зараженному буржуазной идеологией фильму? Это не что иное, как идеологическая диверсия. Но как теперь быть, не отбирать же приз обратно? Что скажут на Западе? Да и иностранные члены жюри угрожают покинуть фестиваль!

Для решения этого трудного вопроса вновь потребовалось вмешательство товарища Хрущева (а когда он не вмешивался?). Собрался Президиум ЦК КПСС, на котором некоторые руководители партии и правительства впервые услышали фамилию великого итальянца. Решили: пусть Хрущев посмотрит и разберется, как когда-то Сталин. Вечером на дачу Хрущеву доставили коробку с пленкой. В домашнем кинотеатре находился один Никита Сергеевич, никого не позвал. Хорошо выспавшись, по окончании фильма он признался, что не понял ничего. А значит, что и советские люди тоже ничего не поймут. И не надо бояться давать такому фильму первый приз!

Скандал не вышел за рамки Москвы, а победа Феллини лишь прибавила авторитета кинофестивалю, по прежнему пользовавшемуся вниманием москвичей. «Змеящиеся очереди у кинотеатра “Россия”. Каждому хочется урвать кусочек того, что без фестиваля не увидишь», — читаем в одном из дневников, запись от июля 1963 года.

В дальнейшем итоги фестиваля не давали поводов для чрезвычайного вмешательства властей. Среди фильмов-победителей были «Война и мир» (1965—1967, режиссер Сергей Бондарчук), «Журна-

лист» (1967, режиссер Сергей Герасимов), венгерский «Отец» (1967, режиссер Иштван Сабо), «Доживем до понедельника» (1968, режиссер Станислав Ростоцкий), итальянский «Признание комиссара полиции прокурору республики» (1971, режиссер Дамиано Дамиани), японский «Сегодня жить, умереть завтра» (1970, режиссер Кането Синдо), «Белая птица с черной отметиной» (1970, режиссер Юрий Ильенко) и др. В рамках фестиваля призы получали такие всемирно признанные мастера, как Анджей Вайда и Акиро Куросава. Однако такого огульного успеха, как в первые годы, уже не было...

Но в кино по-прежнему ходили. «Ты скажи, мы сколько тогда по кинам-то ходили? — говорит Себейкин в пьесе «Старый Новый год». — Ни одной не пропускали! Колбасы возьмем, черняшки полбулки, сидим ломаем!.. А то, бывало, на задний ряд куплю билет... Сколько мы этих картин переглядели!.. Кино, оно все-таки лучше! Народ кругом дышит, а с этим (о телевизоре. — А. В.) сидишь один, как сыч, щелк-щелк! Покуда не заснешь!»

В 1970-е годы в Москве впервые появились редкие тогда видеоманитофоны, а затем и подпольные квартирные киносеансы. Привозили видеокассеты из-за границы, здесь же переводили их специфическим гнусавым голосом. Но тяга к киноискусству, пусть и подпольному, возникла в столице задолго до наступления развитого социализма, когда в ходу были кинопроекторы, выпускавшиеся промышленностью в достаточном объеме.

Еще в 1957 году министр внутренних дел СССР Николай Дудоров докладывал в ЦК, что группа московской молодежи с целью получения «нетрудового дохода» организовала в ряде институтов и учреждений частные кинопоказы. Среди организаторов подпольных киносеансов был сын бывшего министра юстиции СССР Николая Рычкова и другие молодые люди из благополучных семей, члены ВЛКСМ. Аферисты, сумев купить киноаппарат с переплатой, выдавали себя за работников Главкинопроката и Мосэстрады. Такие

сеансы имели место в МГУ, Архитектурном институте, Бауманке и т. д. и проводились под прикрытием молодежных балов. Чаще всего показывали фильмы «Большой вальс» (1938) и «Серенада Солнечной долины» (1941). Перед сеансами обычно выступал самодельный джаз. Знали предприниматели и кого позвать в ведущие, надо лишь хорошо заплатить, лучше наличными. Среди таковых оказались известный еще с довоенных времен Сергей Мартинсон и молодой Евгений Весник, в то время артист Театра сатиры.

Неудовлетворенный спрос и неповоротливость государственного кинопроката способствовали росту доходов и расширению деятельности «продюсеров» эпохи «оттепели». Однажды они сняли для подпольного сеанса Дворец спорта в Лужниках. Выбор фильмов у частных кинопрокатчиков был на любой вкус, общим числом превышая более 150 картин. А получали они их по умело разработанной схеме, в том числе с баз кинопроката. Дело в том, что еще после войны многие американские фильмы показывали в СССР незаконно, называя их трофейными. Своих-то мало было, а доходы с чего-то надо получать. Когда американцы докопались, кинокартины быстренько сняли с проката в московских кинотеатрах и отправили на периферию. Часть фильмов была складирована на базах кинопроката, вот некоторые из них: «Ревущие двадцатые, или Судьба солдата в Америке» (1939), «Граф Монте-Кристо» (1934), «Девушка моей мечты» (1944), «Чарли Чаплин: Короткометражные фильмы», «Дитя Дуная» (1950), «Рим в одиннадцать часов» (1952), «Золотая симфония» (1956) и др. Их-то и покупали обманным путем нелегальные кинопрокатчики, и не прогадали.

Студенты московских вузов с большим интересом смотрели фильмы, о которых им рассказывали их родители, видевшие их в 1940-х годах. Но и помимо бедных студентов в Москве нашлись кинолюбители со стажем, собиравшие домашние коллекции фильмов. Это известные советские ученые, участники так называемого атомного проекта академики Лев Арцимович, Георгий Флеров, Артем Алиханьян. Последний

купил фильм «Большой вальс» за 800 рублей и «Три мушкетера» за 350 рублей, а также заказал у одного из сотрудников киностудии «Мосфильм» копию фильма «Золотая лихорадка». А еще он же приобрел за тысячу рублей фильм «Ревущие двадцатые, или Судьба солдата в Америке». И это при средней зарплате 500 рублей!

Приведенные факты свидетельствуют о том, что даже в условиях жесткой повседневной цензуры возможности ее преодоления в то время имелись, нужны были только средства. Велика была тяга москвичей к киноискусству.

В брежневской Москве существовало место, где всегда можно было посмотреть свежую зарубежную картину. Но простому народу путь туда был заказан. Пока рабочие и трудовая интеллигенция упивались очередной комедией Леонида Гайдая или Эльдара Рязанова, сливки московского общества дегустировали там кинопродукцию иного качества и разлива. Это был Всесоюзный дом кино, открывшийся в 1968 году на Васильевской улице (в старом здании на Поварской, где проходила та самая Неделя французского кино 1955 года, разместился Театр киноактера). Вход в Дом кино разрешался только по удостоверениям Союза кинематографистов СССР, а любые «корочки» на старом Арбате тогда еще не продавали. В Доме кино тоже утоляли голод, но духовный. Здесь проходили закрытые просмотры новых иностранных фильмов в изначальном неурезанном виде и на языке оригинала. Даже дубляжа не было — особо приближенные переводчики синхронно переводили и озвучивали сразу всех киногероев.

На просмотры собирались «лучшие» люди: продавцы комиссионки, директора гастрономов, работники автосервиса, стоматологи, спекулянты-доставалы, одевавшие и обувавшие цвет кинематографической общестственности страны. Как верно пишет участник этих просмотров журналист Анатолий Макаров: «Полагаю, что делалось это не только ради необходимости повысить профессиональный уровень наших киношников, но и для того, чтобы создать некоторые дополни-

тельные привилегии для номенклатуры и ее близких... Можно вообразить, какая неутолимая жажда зарубежного кино терзала отечественных киноманов, сравнимая разве что со стремлением разжиться недоступным заграничным товаром, пресловутой “фирмой”, вожделенным дефицитом, которая в течение десятилетий томила советских модников. Иностранные фильмы тоже были “фирмой” и дефицитом, только в плане эстетическом и развлекательном, который оказывался даже попритягательнее аспекта сугубо материального. Оно и понятно, посмотреть хороший или просто увлекательный американский фильм — это ведь в каком-то смысле было равно тому, что слетать в Соединенные Штаты. Не только за развитием сюжета следили избранные зрители, но и за тем, что теперь носят в Нью-Йорке, не только игрой прославленных актеров наслаждались, но и видами недоступных городов, новейшими моделями автомобилей и дизайном современной мебели».

Закрытые показы в Доме кино были аналогом валютной «Березки» и спецраспределителей. Тоже магазин, но нематериального плана, придававший его посетителям авторитет и право считаться частью элиты. Желających попасть в него было немало — по толпе народа, осаждавшей подъезд Дома кино, можно было судить об очередном закрытом кинопоказе. Кому-то везло иметь знакомство с администратором, кому-то с секретаршей: лишь бы попасть!

Помимо кино массового было в СССР кино интеллектуальное, представленное такими режиссерами, как Андрей Тарковский, Александр Аскольдов, Сергей Параджанов и др. Не все авторские фильмы преодолевали идеологические препоны, ряд из них «лег на полку». Другие же в разной степени полноты пробивались к зрителю. Как правило, этим кинокартинам присваивали самую низкую категорию в кинопрокате, делали минимальное число копий и показывали в двух-трех кинотеатрах (например, «Андрей Рублев»), больших сборов они не делали. Большая часть зрителей с трудом досиживала до появления на экране слов «Конец

фильма». Но даже после этого Тарковскому давали возможность снимать, а «Сталкер» был переснят заново, второй раз, на специально купленной за границей пленке «Кодак».

По телевизору кино тоже показывали, но либо старые ленты, либо многосерийные телефильмы. Просмотр телевизора был еще одним видом времяпрепровождения москвичей в свободное от работы время. Уже к концу 1970-х годов около 90 процентов московских семей имели телевизор — цветной или черно-белый, не важно, главное, что почти в каждой квартире он стоял на почетном месте — либо на тумбе в углу, либо в специальной нише мебельной стенки. Телевидение в то время было исключительно «центральное», ибо вещало из самого центра, то есть из Москвы. Центральное телевидение радовало зрителей четырьмя программами (тогда не говорили слово «телеканал»). Первая — была главной, все передачи транслировались по ней впервые, а повторы шли в основном на следующий день по второй программе. На протяжении всего дня эфир вели дикторы — с иголки одетые приятные мужчины и женщины. Перед каждой передачей диктор объявлял ее название и кому она адресована, а при показе многосерийного телевизионного художественного фильма подробно рассказывалось содержание предыдущей серии.

Показ многосерийной киноленты «Семнадцать мгновений весны» во многом оправдывал существование телевизоров, ибо в это время улицы Москвы пусты, а на Петровке, 38, замолкали телефоны: граждане целиком погружались в просмотр приключений советского разведчика в самом логове врага. Фильм должен был выйти на экран в мае 1973 года, но премьеру по дипломатическим мотивам отложили до августа — из-за визита товарища Брежнева в ФРГ.

А уже через три месяца по многочисленным просьбам телезрителей «Мгновения» пришлось повторять, и поэтесса Мария Петровых в своей квартире на Хорошевке наконец-то смогла посмотреть фильм по телевизору «Рекорд», подаренному ей Инной Лиснянской.

Данная покупка состоялась благодаря гонорару, полученному за перевод стихов Фазу Алиевой из Дагестана (переводчики советских национальных поэтов тогда неплохо зарабатывали). Петровых бросала все дела и бежала к телевизору со словами: «Пойду посмотреть моего красавца!» — то есть Тихонова.

Многосерийные фильмы пользовались большим успехом — «Вызываем огонь на себя» (1965), «Майор Вихрь» (1967), «Адъютант его превосходительства» (1969), «Тени исчезают в полдень» (1971), «Следствие ведут знатоки» (1971—1989), «Д'Артаньян и три мушкетера» (1978), «Цыган» (1979) — и заставляли людей торопиться с работы со словами: «Сегодня же пятая серия!» Обычно кино показывали перед новостной программой «Время».

«Время», впервые вышедшее в 1968 году, считалось главной телевизионной передачей. Вели его двое дикторов — женщина («Добрый вечер!») и мужчина («Здравствуйте, товарищи!»). По заведенному порядку сначала всему народу сообщали официальную хронику новостей (кто приехал, как проводили, чем наградили дорогого Леонида Ильича, о запуске космонавтов и др.). Затем передавались международные репортажи про «американскую военщину» и «арабскую деревенщину»; известия из республик и областей на политические, экономические и другие темы, например, о досрочном перевыполнении годового плана сталеварами Урала; вести с полей, сообщения о закромах родины и пр. Потом шли новости культуры, спорта (это обязательно, даже если о культуре — ничего) и прогноз погоды, когда под популярную эстрадную и классическую музыку показывались картинки с видами столиц союзных республик: Таллина, Ашхабада (тогда через «х», а не «г»), Фрунзе (а не Бишкека) и т. д. Особенно тепло объявлял этот раздел диктор Виктор Балашов: «И о погоде». Его слова приобрели со временем некую нарицательность, эта информация была самой популярной у москвичей: «Тихо! Погоду передают!»

В целом передача была позитивной и убаюкивающей, настраивая людей, с одной стороны, на креп-

кий сон, а с другой — на ударный труд в следующий рабочий день. В московских семьях без «Времени» вечер не был бы вечером. Программу смотрели все: от Брежнева до сторожа на овощной базе. Леонид Ильич с пристрастием относился к репортажам со своим участием, как-то в 1967 году он пожаловался председателю Гостелерадио: почему визит Косыгина в Англию освещается так подробно? К чему советским людям смотреть, как он там на позолоченных креслах сидит, с королевой встречается? Вывод сделали незамедлительно.

Уже в 1970-е годы «Время» чуть ли не ежедневно показывало стареющего Брежнева в окружении его сверстников — обижаться ему было не на что. Но это вызвало обратный эффект — складывались анекдоты типа:

Сообщение в программе «Время»: «На дипломатическом приеме Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев принял английского посла за французского и имел с ним длительную беседу».

А поэт Сергей Михалков, который в 1970-е годы обитал чаще всего в своей московской квартире, каждый вечер непременно приезжал на дачу на Николиной Горе, где жила его жена Наталья Кончаловская, смотрел программу «Время» и уезжал обратно.

Кто-то принимал подаваемую в программе «Время» информацию за чистую монету, кто-то научился читать между строк. По существующему негласному правилу то, о чем говорилось в данной передаче, не подлежало никакому сомнению. Сообщения ТАСС трактовались и интерпретировались по интонациям и мимике диктора, зачитывающего то или иное известие. Дикторы олицетворяли последнюю инстанцию и даже получали право произносить обращения лидера страны к советскому народу в тех случаях, когда престарелые вожди уже не могли встать с больничной койки. Лучшим дикторам присваивалось звание народных артистов (например, Игорь Кириллов, Анна Шатилова и др.). Но с них был и особый спрос: за малейшую оговорку могли перевести на радио. Однажды

некий диктор ошибся, произнеся вместо «американские пираты» — «американские патриоты», и получил партийное взыскание.

Москвичей в те годы трудно было упрекнуть в бесконечном сидении у телеэкрана, а уж перспектива мужской части населения вырастить, лежа у телевизора, «пивной животик» была и вовсе призрачной. Наиболее интересное показывали либо вечером, либо в выходные, но понемножку. Вот, например, типичная телепрограмма буднего дня середины 1970-х годов:

9.05. Утренняя гимнастика.

9.30. Мультфильмы.

10.00. Клуб кинопутешествий.

11.00. Концерт классической музыки.

Далее шел так называемый мертвый час, когда телеэкран показывал сетку, транслируя лишь звук — музыку или литературные чтения. Но иногда даже это развело дневную скуку. В фильме «Осенний марафон» героиня Марины Нееловой танцует под включенный телевизор, показывающий такую вот сетку. После обеда «ящичку» вновь оживал:

13.55. Программа документальных фильмов.

14.45. О творчестве Владимира Маяковского.

15.15. «Суворов». Художественный фильм.

17.00. Мамина школа.

17.30. Навстречу XXV съезду КПСС: «Пятилетку — досрочно!»

18.35. Ленинский университет миллионов.

19.00. Танцует Махмуд Эсамбаев.

19.20. «Дорогами Победы». Документальный фильм.

19.50. «Обретешь в бою!» 1-я серия многосерийного художественного фильма.

21.00. Время.

21.30. На улице Неждановой. Встреча с деятелями искусства и культуры.

22.40. Спортивный дневник.

В 23 часа первая программа завершала показ телепередач, настойчиво напоминая, что завтра надо идти на работу. Диктор прощался с телезрителями: «На этом мы заканчиваем сегодня нашу программу. Всего

вам доброго, товарищи!» Ну а тем, кто не понял, была адресована специальная заставка: «Не забудьте выключить телевизор».

По второй программе телевещание начиналось вечером, в 18.30, нередко с передачи «Писатели — детям». В 20.00 шла передача «Спокойной ночи, малыши!», за ней — трансляция матча чемпионата СССР по футболу. В 21.00 — «Здоровье», затем опять спорт — матч чемпионата СССР по хоккею. И все это счастье длилось до 22.10, когда начинался показ колоритного художественного фильма «Сказание о Сиявущем», снятого на киностудии «Таджикфильм». Таким образом, вторая программа позволяла себе даже некоторую вольность.

Третья программа целиком была посвящена дистанционному образованию, чему там только не учили с утра и до вечера, причем не только школьников и студентов вузов, но и «специалистов народного хозяйства».

Четвертая программа — для эстетов:

20.00. Музыкальный киоск.

20.30. Выступление Дважды краснознаменного ордена Красной Звезды ансамбля песни и пляски Советской армии им. А. В. Александрова в Берлине.

21.25. Строки, рожденные в боях. Советская поэзия.

22.10. Справочное бюро.

Все были настолько преданы телевидению, что туда непрерывно шли письма, в которых зрители выражали свое мнение о просмотренных телепередачах и просили обязательно что-нибудь повторить или продолжить. Письма складывались в огромные мешки. По возможности их, конечно, читали и просьбы удовлетворяли, как это было, в частности, с составленной по заявкам телезрителей передачей «Песня года», вышедшей 1 января 1972 года. Съемка в «Песне года» означала официальное признание исполнителя, так было, в частности, с набиравшими популярность вокально-инструментальными ансамблями «Песняры», «Цветы», «Самоцветы», «Пламя», «Верасы», «Веселые ребята».

Поводов написать на телевидение находилось немало, ибо телепередачи были рассчитаны на разные

целевые аудитории и что самое главное — не всегда являлись буквальными кальками западных аналогов (это всячески маскировалось). Некоторые телепередачи представляли собой интересные и яркие находки, как, например, интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?», впервые состоявшаяся в 1975 году. Примечательно, что в те годы победителей в игре премировали дефицитными книгами, а не деньгами.

Нашим ответом западным конкурсам красоты стал телеконкурс «А ну-ка, девушки!». Это телевизионное соревнование позволяло выбрать самых достойных не по размеру бюста и талии, а по профессиональным качествам. Победительницам присваивалось звание лучшей по профессии: лучшей поварахи, ткачихи и т. д. Позднее, в соответствии с гендерными установками, существовавшими в СССР, стала выходить аналогичная передача «А ну-ка, парни!». В передаче участвовали и популярные ВИА, а также звезды эстрады. Об уровне популярности передач говорит и тот факт, что о них пел Владимир Высоцкий («Жертва телевидения», 1972):

Врубаю первую — а там ныряют, —
Ну, это так себе, а с двадцати —
«А ну-ка, девушки!» — что вытворяют!
И все — в передничках, — с ума сойти!

...Потом — ударники в хлебопекарне, —
Дают про выпечку до десяти.
И вот любимая — «А ну-ка, парни!» —
Стреляют, прыгают, — с ума сойти!

Если не смотришь — ну пусть не болван ты,
Но уж, по крайности, богом убитый:
Ты же не знаешь, что ищут таланты,
Ты же не ведасшь, кто даровитый!

Как убедить мне упрямую Настю?! —
Настя желает в кино — как суббота, —
Настя твердит, что проникся я страстью
К глупому ящику для идиота.

...Ну а действительность еще кошмарней, —
Врубил четвертую — и на балкон:
«А ну-ка, девушки!» «А ну-ка, парням!»
Вручают премию в О-О-ООН!..

Тем, кому было еще рано смотреть «А ну-ка, девушки!», предназначались не только «Спокойной ночи, малыши!», но и кое-что посерьезнее. По выходным детишки спешили посмотреть «АБВГДейку» и «Будильнику». Первая, шедшая с 1975 года и начинавшаяся с песни «АБВГДейка — это наука и игра!», была навеяна американской «Улицей Сезам», но кукол в ней заменили клоуны Клепа и Ириска. «Будильник» (выходил с 1965 года) смотрели ребята постарше, в нем нередко принимали участие известные артисты московских театров, что свидетельствовало о высоком художественном уровне передачи. Иногда выпускали и никому не известную молодежь, так случилось в 1967 году, когда впервые именно в этой детской передаче состоялось одно из первых выступлений молодой Аллы Пугачевой.

По воскресеньям, сразу по окончании «Будильника», в десять часов во всех воинских частях включался телевизор: собравшиеся у голубых экранов солдаты и офицеры должны были по команде «смирно!» внимательно смотреть и усваивать содержание передачи «Служу Советскому Союзу!», затем наиболее достойным поручалось сделать доклад на основе увиденного. Команда «вольно!» включалась во время короткой музыкальной странички, когда на экране появлялись какие-нибудь эстрадные певцы или ВИА с песней типа «Не плачь, девчонка!». В передаче показывалось, какой должна быть армия, а не такой, какой она была на самом деле. Потому в воинской среде ее нередко называли «В гостях у сказки».

А настоящая передача «В гостях у сказки» показывалась по пятницам в 17 часов, когда многие московские школьники торопились к телеэкрану, порой даже забыв про улицу. Ее вела тетя Валя Леонтьева, со слов «Здравствуйте, дорогие ребята и уважаемые

товарищи взрослые!» начинавшая свой недлинный монолог, предварявший показ детской киносказки. Помимо популярных фильмов Александра Роу и Александра Птушко периодически показывали и зарубежные фильмы-сказки, например, «Три орешка для Золушки».

Валентина Леонтьева с 1972 года вела и другую передачу — «От всей души», которую смотрели миллионы людей. Передача снималась, как правило, в большом зрительном зале. По ходу действия Леонтьева со свойственными ей теплотой и профессиональным мастерством рассказывала душещипательные истории о том, как развела судьба близких и родных людей, например, однополчан на фронте. Кульминацией являлась встреча ничего не подозревавших героев передачи. Нередко и сами участники, и зрители плакали. Передачу неофициально называли «Плачьте с нами, плачьте, как мы, плачьте лучше нас», но Леонтьева не обижалась. Александр Градский в «Песне о телевидении» (1982) так написал о передаче «От всей души»:

...А вот студия другая — передача дорогая,
По количеству в ней выплаканных слез.
Слезы меряют на литры. Обязательно пролиты
Они будут. Да, мой друг, что за вопрос...

Немало было и развлекательных передач, пользовавшихся огромным успехом. Но вряд ли их популярность могла сравниться с лаврами юмористической передачи «Кабачок 13 стульев», выходявшей в течение четырнадцати лет. Известные актеры, большая часть которых служила в Театре сатиры, играли завсегдаев польского кабачка. Они обращались друг к другу: «пани Моника», «пан Спортсмен», «пан Директор», «пан Гималайский» и т. д. Основой для нехитрых монологов служили многочисленные сатирические журналы стран народной демократии. Сам Леонид Ильич, бросая все государственные дела, спешил к телевизору на новый выпуск «Кабачка». В 1980 году в связи с

волнениями в Польше передачу прикрыли, но к тому времени она и сама по себе утратила темп.

Своеобразным ответом на ожидания некоего более интеллектуального юмора стала передача «Вокруг смеха», выходявшая с 1978 года. Вел ее пародист Александр Иванов. Эта передача вывела из тени так называемых писателей-сатириков, быстро обретших популярность, а следовательно, получивших возможность выступать сольно, зарабатывая тем самым большие деньги. Раньше тексты, написанные многими из них, народ слышал исключительно в исполнении Аркадия Райкина.

Истинным старожилом советского телевидения был «Голубой огонек», впервые показанный в апреле 1962 года. Черно-белые телевизоры давали немного голубоватый отсвет, и когда во всех квартирах по вечерам включались телевизоры, окна светились созвездием голубых огоньков, отсюда название передачи. Сначала она шла в прямом эфире (записи тогда еще не было) по субботам, затем, чтобы народ не слишком привык, «Огоньки» приобрели исключительно праздничный характер, выходя под Новый год или 8 Марта. Массовый просмотр «Голубого огонька» стал непременной частью повседневной жизни москвичей, особенно в 1960—1970-х годах. Для участия в передаче приглашались передовики производства, космонавты, выдающиеся ученые и известные певцы и актеры, деятели культуры. Все они сидели за столиками и вроде как непринужденно общались. Зрители с нетерпением ждали появления куплетистов Павла Рудакова и Вениамина Нечаева, распевających безобидные частушки на злобу дня:

Подарила в лотерею куму свой билет кума.

Кум теперь «москвич» имеет, а кума сошла с ума.

И тому подобный юмор. В 1970-е годы новая эстетика породила новых кумиров. Бывало, что, один раз выступив в «Голубом огоньке», на завтра артист становился знаменитым, его узнавали на улицах.

Особая тема — «Новогодние огоньки», делившиеся на две половины: до 12 часов, когда люди были еще в состоянии внимать шуткам и прибауткам записных сатириков и Ансамбля скрипачей и виолончелистов Большого театра под управлением Юрия Реентовича, и после боя курантов. Вторая часть была более затянутой. Наградой для стойких телезрителей была телепередача «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», начинавшаяся сразу после «Огонька» и продолжавшаяся до глубокой ночи. В этой передаче, хотя и с купюрами, можно было всецело отдаться тлетворному влиянию Запада и его эстрады. В ней показывали отрывки из немецкого шоу «Пестрый котел», в программе которого были выступления не только западных ансамблей, но и звезд советской эстрады. Все это записывалось на магнитофон.

По субботам показывали телепередачу «В мире животных», имевшую огромную аудиторию. Заставка передачи — бегущие стадом африканские животные в музыкальном сопровождении оркестра под управлением Поля Мориа была своего рода сигналом к просмотру членами семьи всех возрастов. Почти на тех же зрителей был рассчитан «Клуб кинопутешественников», где глазами Юрия Сенкевича путешественники обозревали самые загадочные уголки планеты. Не спешили выключать телевизор и когда на экране появлялись строки Пушкина:

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещение дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...

Так начиналась передача «Очевидное — невероятное», ведомаая Сергеем Капицей. В студию передачи приглашали известных ученых и мыслителей и просто фантазеров, с которыми шел разговор на самые разные темы в области науки и техники, философии и культуры, а также о происхождении НЛО и Бермудского треугольника. Насмотревшись, пациенты

написали свое знаменитое «Письмо в редакцию телевизионной передачи “Очевидное — невероятное” из сумасшедшего дома с Канатчиковой дачи» в песне Высоцкого 1977 года:

Уважаемый редактор!
Может, лучше — про реактор?
Про любимый лунный трактор?!
Ведь нельзя же! — год подряд:
То тарелками пугают —
Дескать, подлые, летают;
То у вас собаки лают,
То руины — говорят!

Немного необычной выглядела на советском экране телепередача «Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас!», она была интересна уже потому, что происходила из ГДР и, видимо, отличалась непоказной естественностью. Ведущий по имени Ади устраивал соревнования и конкурсы между командами немецких школьников, проявлявших свои физические навыки и знания правил дорожного движения. Выходили и отечественные спортивные передачи — «Веселые старты», «Золотая шайба», «Кожаный мяч».

Немало эфирного времени занимали культурно-просветительские передачи — телеспектакли, инсценировки, литературные встречи и вечера. Благодаря телевидению огромную популярность обрел Ираклий Андроников со своими живыми рассказами. Неугомимый литературовед и исследователь, он был удостоен званий Героя Социалистического Труда и народного артиста СССР.

На волне эйфории от Международного фестиваля молодежи и студентов 1957 года с передачи «Вечер веселых вопросов» началась история «Клуба веселых и находчивых». Ее первый ведущий, композитор Никита Богословский в прямом эфире задавал вопросы телезрителям и давал остроумные задания, к примеру, принести в студию фикус, самовар и третий том сочинений Джека Лондона или привезти младенца, родившегося в день первого выхода передачи, да еще

и с инициалами, начинающимися на букву «В». На третьей передаче, которая транслировалась из Дворца культуры МГУ на Ленинских горах, он должен был объявить, что все, кто придет в студию в шубе, шапке и валенках и с газетой «Комсомольская правда» от 31 декабря прошлого года, получают приз. Однако о последнем условии он сказать позабыл (либо не позабыл — он был известным мастером розыгрышей). В итоге желающих оказалось столько, что прервалась трансляция. Люди, в теплый летний вечер пришедшие за призом в шубах и валенках, заполнили сцену. Столпотворение. Еще бы: в 1957 году в Москве насчитывалось более 700 тысяч телевизоров! Кому-то в толпе стало плохо, вызвали «скорую помощь». А на своих телеэкранах москвичи увидели заставку: «Перерыв по техническим причинам». Этот выпуск передачи оказался последним, что зафиксировало специальное постановление Секретариата ЦК КПСС. В нем осуждалось «оглупление советских людей», которым занималась передача, задающая вопросы типа: «Как кошка слезает с дерева — хвостом вверх или вниз?»

В 1961 году передача возродилась под новым названием и с другими ведущими. Аббревиатура «Клуба веселых и находчивых» очень подходила к весьма распространенной марке телевизоров «КВН-49». В ней уже соревновались между собой команды студентов московских (и не только) вузов. Передача оказала огромное влияние на распространение подобных интеллектуально-юмористических игр по всей стране: в школах, пионерских лагерях, институтах и учреждениях. Зародилось что-то вроде всенародного движения «КВН». Однако долго так продолжаться не могло, участники передачи дошутились до ее закрытия в 1971 году.

И правильно, зачем эфир засорять. Куда лучше передача «Шахматная школа», в которой гроссмейстер Юрий Авербах учил всю страну ставить мат (а не говорить!). Благодарным зрителям «Шахматной школы», выполнившим все домашние задания на протяжении года, присваивались шахматные разряды — от

4-го до 2-го. Всего таким образом разряды получили более пятидесяти тысяч человек.

Ярким явлением на советском телевидении стала передача «Этот фантастический мир», вышедшая в 1979 году и представлявшая собой инсценировки по мотивам произведений известных фантастов. Вел ее космонавт Георгий Гречко. Другой космонавт, Виталий Севастьянов, вел передачу «Человек. Земля. Вселенная».

«Ленинский университет миллионов» — эта жуткая передача с 1970 года специально выходила в самое смотрибельное время, когда народ, настоявшись в очередях, приползал с работы. Ему, народу, втолковывали всесильность марксистско-ленинского учения на основе изучения трудов вождя. Для промывки мозгов предназначались и «Камера смотрит в мир», «Девятая студия», «Сегодня в мире».

Тревожная композиция «Вибрации» («Vibrations») группы «Венчерз» («The Ventures») собирала у экранов поклонников «Международной панорамы», с 1969 года повествующей о невыносимой жизни трудящихся в капиталистических странах, без усталости борющихся за свои права. Расизм, безработица, постоянный рост цен, всякие там кризисы — чтобы жизнь в СССР казалась еще краше, политические обозреватели панорамы открывали советским людям глаза на повседневную жизнь Западной Европы и Америки. После просмотра «Международной панорамы» лишь у смельчаков оставалось желание покинуть родину. В качестве бонуса зрителям показывали кусочек западного рая — репортажи из жизни поп-идолов и звезд кино, причем, конечно, с репликами типа: «Всё на продажу!», а еще служащие фоном панорамы улиц Нью-Йорка и Парижа с дорогими витринами и неоновой рекламой, суперавтомобилями и городскими ландшафтами. Из всех ведущих передачи, а ими были не вылезавшие из «каторжных» заграничных командировок Валентин Зорин и Фарид Сейфуль-Мулюков, Генрих Боровик и Владимир Цветов, вызывающе раскованно вел себя лишь упитанный Александр Бовин. В модном пид-

жаке, импортной рубашке, да еще и без галстука и с усами, он как-то очень по-свойски общался с телезрителями. Знающие люди шептались: «Все неспроста, Бовин пишет речи самому Брежневу!»

С большим интересом смотрели «Человек и закон» (с 1970 года), боровшийся с теми, кто «кое-где у нас порой честно жить не хочет» — несунами, спекулянтами, фарцовщиками и прочей нечистью, из-за которой и возникали, оказывается, перебои со снабжением. А на следующий день подробностями увиденного делились на работе: сколько лет кому дали и за что.

В условиях дефицита продуктов и бытовой техники появлялись передачи, помогавшие гражданам преодолевать временные трудности. Широкою аудиторию собирала у телеэкранов научно-популярная передача «Это вы можете», прозванная в народе «Голь на выдумки хитра». Ее героями были изобретатели и рационализаторы, предлагавшие использовать в быту и внедрять в народном хозяйстве всякого рода чудеса техники: аппарат для варки холодца, кастрюлю на колесах, агрегат для выращивания суперпомидоров, необычную модель трактора. А когда в кадре появлялся изобретенный кудесником автомобиль — тут уж без повторов по три-четыре раза не обходилось.

Много писем писали зрители в телепередачу «Больше хороших товаров», призванную решить насущную проблему дефицита. Наивные люди полагали, что чем больше они напишут, тем быстрее полки магазинов наполнятся товарами. Передача была хорошая и состояла из рубрик «Рассказывают телезрители», «Телевизионный фельетон», «Командировка по вашим письмам» и «Актуальные проблемы качества».

Закрытость советского телевидения, изначальная предвзятость в оценке зарубежного опыта, который мог бы положительно повлиять на обновление передач, обеспечили многим программам долгую жизнь. Люди рождались, шли в школу, в институт, заводили свои семьи, а передачи все шли и шли. Так было, например, с передачами «Здоровье», выходявшей с 1960 года, «Кинопанорама» (с 1962-го), «Сельский час»

(с 1963-го). Десятилетиями не менялись заставки, а лысеющие и толстеющие ведущие превратились в близких и родных людей.

Но столь же быстро, как завоевать популярность, с телевидения можно было и вылететь, но не потому, что передача была нерейтинговая — в те годы всё, что ни показывали, пользовалось успехом, ибо другого выбора не было. Что и сколько смотреть, за людей решало государство в лице на то уполномоченного телевизионного надсмотрщика, коим являлся председатель Гостелерадио СССР в 1970—1985 годах товарищ Лапин Сергей Георгиевич. Если ему что-то не нравилось, автоматически и передача, и ее участники пропадали с телевидения, и здесь писать письма было бесполезно. Особенно не любил он нерусские фамилии, благодаря ему закончилась телевизионная карьера многих звезд советской эстрады, среди которых были Вадим Мулерман, Валерий Ободзинский, Майя Кристалинская, Аида Ведищева, Лариса Мондрус, Эмиль Горовец, Нина Бродская. Даже милейшую камерную певицу Викторину Иванову подозревал он в том, что он никакая не Иванова.

Дело в том, что Лапин начал свою карьеру на радио еще в 1940-х годах, а потом наступил период борьбы с космополитами, когда людей увольняли лишь по факту, что их национальность была не та. Нужно, чтобы была та, а у них — не та. Это, кстати, тоже отражает повседневность жизни. Один из сотрудников Радиокomiteта, к примеру, вернувшись из отпуска, вышел на работу и обнаружил, что уволен. Суд восстановил его на работе, ибо такое увольнение явно противоречило Трудовому кодексу, и вот в конце заседания судья мимоходом спрашивает: «А вы как думаете, вообще, почему вас уволили?» А он сдуру возьми и ляпни: «Потому что у нас антисемитизм». Его взяли под стражу прямо в зале суда, дали десять лет за клевету на советский строй. Но это было в начале 1950-х годов.

А в 1970-х годах порядки уже не были такими кровавыми, но Лапин был уже «привит» от космополитизма, поэтому на всякий случай проявлял свое

идеологически здоровое чутье. Был такой самиздатовский бюллетень «Хроника текущих событий», печатавший много интересного о советской жизни. В одном из номеров сообщалось о совещании в Гостелерадио, на котором Лапин посетовал на программу новогоднего «Голубого огонька» за 1978 год: «Программа была составлена так, что можно подумать, будто у нас нет русского национального искусства. Райкин, Карцев и Ильченко, до 31-го был Хазанов... А песни: Фрадкин, Фельцман, Френкель... Во всем чувствуется неприятный акцент, который всех нас раздражает. В дальнейшем его должно быть как можно меньше». А в другой раз он сказал: «Немедленно уберите Градского!» Ему отвечают: «Это не Градский, а Ободзинский». Лапин: «Тем более: нам одного Кобзона хватит!»

Певцу Льву Лещенко Лапин как-то сказал по поводу исполнявшейся им песни «Родная, родная, родная земля», что там слышится что-то ближневосточное. Лапин имел в виду, что песня пропагандирует выезд советских евреев в Израиль, а значит, идеологически вредная, и петь ее надо поменьше, и лучше не в передаче «Песня года».

В то же время ведущий «Кинопанорамы» Эльдар Рязанов удивлялся: «Я поразился тогда Лапину — такого образованного начальника я встречал впервые. Но еще больше я поразился тому, как в одном человеке, наряду с любовью к поэзии, с тонким вкусом, эрудицией, уживаются запретительские наклонности». «Кинопанораму» Лапин тоже снял с эфира, но еще до Рязанова, когда ее вел Алексей Каплер.

Поэт Константин Ваншенкин также изумлялся: ему как-то позвонили от Лапина и попросили приехать. Лапин порастил поэта хорошим знанием его стихов, много и восторженно говорил о поэзии, о творчестве и предложил поучаствовать в передаче «Встречи в концертной студии Останкино».

У Лапина был еще один пункт — сексуальный, не дай бог, если юбка у ведущей короче на один сантиметр, чем надо, а платье слишком фигуру подчеркивает. Боролся он и с Пугачевой, манера певицы дер-

жать микрофон напомнила ему оральный секс. Откуда такое ханжество? Все отсюда — Лапин по молодости сам чуть было не вылетел с работы за аморалку, закрутив роман с коллегой по работе. При этом он работал заместителем председателя Радиокomiteта и был женат. Пришлось жениться во второй раз. В ЦК такого не прощали.

К Лапину подчиненные заходили, предварительно рассосав валидол. Он мог устроить разнос по любому поводу: почему в сюжете о выборах в Верховный Совет СССР был показан пустой избирательный участок в Москве, где голосовали за Брежнева, и в то же время переполненные залы в Харькове и Кишиневе, где народ празднично поддерживал будущих депутатов — рабочих и крестьян? Почему у диктора на пальце кольцо золотое? Кто позволил журналисту во время репортажа снять рубашку? Почему он не сбрил бороду?

А однажды, посмотрев передачу «Сельский час», Лапин просто вышел из себя: «Как вы могли нашим дояркам и скотникам показывать дешевую западную музыку, чуждую нашему народу. И это в публицистической передаче, посвященной нашему колхозному строю и сельским труженикам! И потом, как они были одеты: рубашечки, рюшечки!» Он имел в виду выступление группы «Самоцветы».

К концу 1970-х годов героями телеэкрана были не доярки и рабочие, а Леонид Ильич Брежнев, за что остряки обозвали советское телевидение «И это все о нем». Любимый актер Брежнева Вячеслав Тихонов читал с экрана его книги «Малая Земля», «Целина» и «Возрождение».

Советское телевидение можно обвинять в самых разных грехах: в показухе, идеологическом диктате, официозе, но у него нельзя отнять профессионализма — и творческого, и организационного. Влияние на зрителей выходило далеко за рамки духовной среды, распространяясь и на прочие сферы жизни. Смотревшие каждый день телевизор москвичи с большой степенью готовности воспринимали нравственные

установки, подаваемые им с телеэкрана. В 1976 году, например, был проведен опрос: влияет ли телевидение и радио на выбор профессии? Из числа опрошенных школьников 70 процентов ответили утвердительно, а из числа рабочих — 63 процента.

В особо торжественные дни трансляции с Красной площади начинались словами: «Говорит и показывает Москва». Первое слово «говорит» отражало значительно большую степень распространения этого способа передачи информации в то время. Если телевизор в каждой семье был один, реже два, то радиоприемников насчитывалось гораздо больше. Кстати, Маркес, ехавший в Москву на поезде от станции Чоп, удивлялся: в купе есть радио, но только с единственной программой — первой. «Как это так, почему?» — мучился он вопросом. Не слишком ли много хотел колумбиец?

В каждой квартире на кухне либо в коридоре висел радиоприемник, начинавший работать в 6.00 с исполнения гимна, который служил своеобразным будильником для тех, кто вставал на работу и топал на свой завод или фабрику. Каждый час по радио передавали последние известия, начинавшиеся позывными «Родина слышит, родина знает». Одни и те же передачи шли по много лет. Кто-то ставил ноги на ширину плеч под «Утреннюю гимнастику» с пианистом Родионовым и преподавателем Гордеевым (самая народная передача служила главным аккомпанементом начала трудового дня): «Выпрямитесь, голову повыше, плечи слегка назад, вдохните, на месте шагом марш!» Другие судорожно собирали портфель под «Пионерскую зорьку», третьи в обеденный перерыв под компот слушали «В рабочий полдень» — концерт по заявкам трудящихся, а четвертые с восторгом пережевывали «Время, события, люди».

Среди других наиболее ярких передач, любимых москвичами, были «В мире слов», «Внимание, на старт!», «В стране литературных героев», «Встреча с песней», «Клуб знаменитых капитанов», «КОАП», «Литературные чтения», «Музыкальный глобус», «Радионяня», «С добрым утром», «Театр у микрофона», «Красный,

желтый, зеленый» с концертом для водителей «Для тех, кто в пути», «По странам и континентам», «Писатели у микрофона» и пр.

В 1960-х годах в жизнь активно вошли трехпрограммные приемники, позволявшие помимо первой программы слушать еще две. В 1964 году вышла в эфир информационно-музыкальная радиостанция «Маяк» (вторая кнопка), в том же году появилась и третья программа Всесоюзного радио, ставшая полностью художественной, познавательной. По «Маяку» с утра до вечера передавали песни советских композиторов. Много звучало и классики («Играет трубач Тимофей Докшицер...»), были прямые включения из Большого театра, Московской консерватории, Концертного зала им. П. И. Чайковского. Уделялось внимание трансляции спортивных соревнований, а журналистов, их комментирующих, знали по именам.

Коротковолновый радиоприемник брали с собой в дорогу, на прогулку, чтобы послушать, например, радиостанцию «Юность», начавшую вещание в 1963 году. Одной из самых популярных передач была «Полевая почта “Юности”». С 1963 года на весь мир вещала на русском языке и круглосуточная пятая программа Всесоюзного радио. Любители классической музыки слушали на УКВ четвертую программу, созданную в 1970 году.

Несмотря на энергичную пропаганду, вопросы все же оставались, так как не все могли быть адресованы на радио и телевидение. На главный вопрос эпохи: «Почему в магазинах не хватает того или иного?» — народ научился отвечать сам. При Хрущеве говорили о том, что при коммунизме продукты будут показывать по телевизору, а доставлять их будут по телефону. При Брежневеве советовали включить пустой холодильник в радиосеть — и тогда он наполнится продуктами.

А вот для того, чтобы получить альтернативную информацию о происходящем в стране, достаточно было включить свой радиоприемник и поймать одну из многочисленных иностранных радиостанций, вещающих на СССР. Начиная с 1960-х годов массовым

становится прослушивание так называемых «вражеских голосов» — «Голоса Америки», «Радио Свобода», «Русской службы Би-би-си», «Немецкой волны», «Радио Канада», «Радио Ватикана» и многих других.

Приходя с работы, жадный до плюрализма мнений москвич проверял уроки у детишек, смотрел очередную серию «Вечного зова», потом «Время», а затем брал радиоприемник «Спидола» или «ВЭФ-202» и настраивал его на привычную волну. Не всегда, правда, удавалось расслышать «вражеский голос», ибо в Москве его активно глушили специально придуманными шумотронами, в народе прозванными глушилками. Когда они работали, из динамика доносился неприятный и раздражающий шум — будто сосед сверху включил циркулярную пилу, а за окном заводят дизельный грузовик. Интересно, что в моменты потепления советско-американских отношений глушение прекращалось.

Вон дантист-надомник Рудик —
У него приемник «Грюндиг», —
Он его ночами крутит —
Ловит, контра, ФРГ.

.....
Больно бьют по нашим душам
«Голоса» за тыщи миль.
Мы зря Америку не глушим,
Ой, зря не давим Израиль:

Всей своей враждебной сутью
Подрывают и вредят —
Кормят, поят нас бермутью
Про таинственный квадрат! —

так в те годы пел Высоцкий. Но терпеливые радиослушатели все-таки кое-что могли расслышать — о том, почему на последней демонстрации кремлевские старцы стояли так, а не иначе, и что это может означать, и как идет «борьба бульдогов под ковром» (это выражение Черчилля о борьбе за власть в Кремле), где в СССР что рвануло или взорвалось, кому из диссиден-

тов дали новый срок, кто из советских граждан опять сбежал на Запад, будь то балерина, дипломат или разведчик. А еще — занятные подробности о коррупции в высших эшелонах власти. Ну а если передавали что-то суперинтересное, можно было позвонить приятелю и сообщить: «В воздухе наблюдается волнение», чтобы тот немедленно включал радиоприемник.

Среди помех можно было услышать и о том, что никак не могло попасть в советские средства массовой информации. Например, о народных волнениях в разных городах страны, будь то Грузия или Александров на Владимирщине. Подробно рассказывалось и о демонстрациях протеста в Москве, первая из которых состоялась в декабре 1965 года на Пушкинской площади. Такие демонстрации собирались и в дальнейшем под различными лозунгами: то в защиту Синявского и Даниэля, то с требованиями соблюдения конституции, «памяти жертв сталинизма» и т. д., смелых было немного, 10—20 человек. Благодаря «Голосу Америки» страна узнавала и имена «героев»: научный сотрудник Всесоюзного института научно-технической информации АН СССР Александр Есенин-Вольпин, сотрудник Института истории АН СССР Петр Якир, рабочий Литературного музея Александр Гинзбург и др.

А резонанс, надо сказать, был огромен. В 1960 году заводделом ЦК КПСС Ильичев докладывал, что «в настоящее время в Советском Союзе имеется до 20 миллионов радиоприемников, способных принимать иностранные радиостанции. Точную картину того, насколько слушаются в СССР иностранные радиостанции, в том числе “Голос Америки” и Би-би-си, представить трудно, но имеются косвенные сведения, говорящие об определенном интересе к иностранным радиостанциям».

Занятно, что в Таджикистане, например, вражеские голоса слушались не только на квартирах, но и в чайханах. Кроме того, радиолюбители, в том числе военнослужащие, обучившиеся этому в армии, могли встроить в приемник коротковолновый диапазон, на-

чиная от десяти метров. В ГУМе и других магазинах столицы к покупателям подходили подозрительные личности с предложением переделки радиоприемника под дополнительный коротковолновый диапазон за 25 рублей.

В советских газетах осуждались не только сами «клеветающие» иностранные радиостанции, но и те, кто их слушает. Народ же сложил поговорку: «Есть обычай на Руси ночью слушать Би-би-си». В основном все радиостанции вещали по вечерам, лишь «Радио Свобода» целый день, но не во всех московских районах ее было слышно. Так же, как и советские радиостанции, их зарубежные соперники стремились охватить как можно более широкую аудиторию. Молодежь, например, слабо интересовалась политикой, зато куда важнее было поймать на короткой волне новую рок-группу (в программе «Рок-посев» на Би-би-си) или послушать джаз в передаче «Голос американской музыки», транслировавшихся по «Голосу Америки». Были передачи о культуре, здоровье, экономике, много было и серьезной аналитики.

Не стоит, однако, забывать о том, что истинной целью «вражеских голосов» была пропаганда западного образа жизни (что с успехом им удавалось) и что первым вещать на другие страны принялся Советский Союз еще в 1920-х годах. Шла холодная война, в которой все средства были хороши. «Вражеские голоса» умело пользовались отсутствием гласности в СССР, им достаточно было лишь передать какую-то новость, и это уже вызывало ажиотаж и доверие слушателей, ибо советское новостное агентство ТАСС в основном занималось опровержениями.

«Вражеские голоса» зачастую преувеличивали, раздували ту или иную новость, стараясь придать ей политический оттенок. В комической повести Владимира Войновича главный герой Ефим Рахлин укусил большого писательского начальника за палец, и уже вечером того же дня об этом на все лады кричали «голоса»: «Ефим схватил приемник и стал бегать с ним по комнате, вертя его так и сяк, то прикладывая его к

батарея отопления, то переворачивая вниз антенной. Он дважды стукнул приемником о колено, иногда помогало и такое. Сейчас не помогло. Но и время было не совсем удачное — без четверти девять. Ефим выключил приемник, но в девять часов включил его снова. На этот раз “Голос” звучал почти совсем чисто... И вдруг: “Западные корреспонденты передают из Москвы, что, по сведениям из достоверных источников, ведущий советский писатель Ефим Рахлин совершил покушение на управляющего Союзом писателей Василия Карелкина. Причина покушения неизвестна, но наблюдатели полагают, что в нем, возможно, отразилось недовольство советских писателей отсутствием в Советском Союзе творческих свобод”».

Психологически подкупало людей то, что ведущие «вражеских голосов» говорили на хорошем русском языке, а некоторые не избавились еще и от московского «аканья». Подавляющее число их либо недавно выехали из СССР, либо принадлежали ко второй волне эмигрантов. Москвичи нередко ловили радиостанции по голосам участников передач, среди которых были Александр Галич, Сева Новгородцев, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Андрей Синявский, Сергей Довлатов и многие другие. У Галича есть даже песня «О принципиальности» 1970 года, посвященная процессу прослушивания «вражеских голосов»:

Я запер дверь (ищи-свищи!),
Сижу, молю неистово:
— Поговори, поклевещи,
Родной ты мой, транзисторный!

По глобусу, как школьник,
Ищу в эфире путь:
— Товарищ мистер Гольдберг,
Скажи хоть что-нибудь!..

Поклевещи! Поговори! —
Молю, ладони потные.
Но от зари и до зари
Одни глушилки подлые!

Молчит товарищ Гольдберг,
Не слышно Би-би-си,
И только песня Сольвейг
Гремит по всей Руси!

Я отпер дверь, открыл окно,
Я проклял небо с сушею —
И до рассвета все равно
Сижу — глушилки слушаю!

В песне упомянут руководитель «Русской службы Би-би-си» Анатолий Гольдберг, один из самых известных и компетентных обозревателей; Александр Солженицын считал, что его выступления приносят больше вреда, чем пользы в святом деле борьбы с Советами.

Так люди и жили: на собраниях говорили одно, а между собой другое, на работе в курилке шутили: «Мне был голос, который сказал...», какой именно голос имелся в виду, было вполне понятно. Что только не пыталась сделать власть — придумывали новые радиостанции и телепередачи, глушили, прекращали выпускать коротковолновые радиоприемники, а народ ночами все слушал и слушал. Хотя для того, чтобы перехватить инициативу у западных радиоголосов, требовалось лишь одно — начать говорить правду по своему радио, но это как раз было самым невозможным. Двойная мораль, двойная культура была нормой.

«ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ!»
ЧТО НОСИЛИ МОСКВИЧИ

Ив Монтан показывает москвичам водолазку — «Он посмел надеть глаженный костюм!» — Панталоны летят в Париж — Майка-алкоголичка — Носки с подвязками — Колготки, «анжелика» и бюстгальтер — Показы мод — Портной Соломон Затирка — Марк Бернес в ателье — Трусы для Гагарина — «Греховница» Плисецкая и спекулянты — Ив Сен Лоран на московских улицах — «Синдром Орловой» — Гурченко как икона стиля — «Бабетта» — Стиляги, штатники, пижоны — Джинсы — Кеды и «Адидас» — «Красная Москва» или «Шанель № 5»? — Шпильки — Слава Зайцев, «красный Диор» — «Болонья» — Мини-юбки — Вяжем сами — Дутики-луноходы — Дубленка для Громыко — Как достать шапку из кролика — Боты «прощай, молодость!»

17 декабря 1956 года в Москву на гастроли впервые приехал знаменитый французский певец и актер Ив Монтан, визиту которого не помешало даже недавнее подавление кровавого венгерского восстания. Приверженец левых, прокоммунистических взглядов, Монтан не присоединился к общему хору оппонентов Советского Союза. Желание проникнуть одним из первых за пресловутый «железный занавес» пересилило цеховую либеральную солидарность и однозначно критическое мнение международной общественности. Вместе с Монтаном прилетела и его красавица-жена, звезда морового кинематографа Симона Синьоре.

Смелым французам оказали радушный прием не только во Внуковском аэропорту, куда по сему случаю нагрянула вся культурная элита столицы. Таких визитеров в Москве всегда встречали с большой охотой, при-

давая их посещению политический оттенок и смело записывая в сторонники миролюбивой политики КПСС. Русское радушие и гостеприимство имели и серьезный финансовый подтекст — гастролерам обеспечивали триумфальные выступления в самых больших концертных залах, оканчивавшиеся, как правило, не только бурными овациями зрителей, но и выплатой солидных гонораров, размер которых порой не уступал широким возможностям самого Соломона Юрока.

И конечно моральное удовлетворение — неподдельный интерес московской публики, скупавшей у спекулянтов билеты на Монтана втридорога, повсеместное освещение гастролей «друзей Советского Союза» в прессе. А цветы, которыми завалили артистов, несмотря на декабрьские морозы! Популярность Монтана взлетела до небес, о чем свидетельствует факт появления песни о нем — случай сам по себе уникальный, ибо до этого песни в честь здравствующих людей сочинялись исключительно о членах политбюро. В 1956 году композитор Борис Мокроусов написал на стихи Якова Хелемского песню «Когда поет далекий друг», звучавшую из всех репродукторов в исполнении Марка Бернеса, нашего, советского шансонье.

Да и как было не ломиться на Монтана, ведь ему такую рекламу сделал Сергей Образцов, представитель узкой прослойки советской интеллигенции, которого периодически выпускали на Запад для пропаганды передового советского искусства. Кукольник Образцов, побывавший в 1953 году в Париже на концертах Монтана, привез с собой несколько пластинок, а затем сделал на радио передачу об артисте и его песнях. Негромкий, обаятельный баритон Монтана быстро завоевал сердца советских радиослушателей, до этого с такой интенсивностью внимавших лишь одному иностранному вокалисту — Полю Робсону, негритянскому басу, лауреату международной Сталинской премии, на которого как негр всю жизнь пахал южноамериканский аккомпаниатор Бруно Райкин, двоюродный брат Аркадия Райкина. Популярность Робсона отразилась в создании торта «Кудри Поля Робсона».

Монтану будто по эстафете передалась любовь советских людей к иностранным певцам, она даже утробилась. В 1956 году в Москве опубликовали его книгу «Солнцем полна голова». Дело дошло до того, что на концерт певца в Концертный зал им. П. И. Чайковского 26 декабря 1956 года пожаловал сам товарищ Хрущев, пожелавший продолжить знакомство, после чего Монтана пригласили на новогодний прием в Кремль, где его появление произвело фурор. Как подчеркнуто стильно и в то же время неброско был он одет, в пандан ему выглядела и Симона Синьоре, своим очарованием и прелестью затмившая многих звезд советского киноэкрана.

А как раскованно и свободно они держали себя! Что говорить о советских вождях — рядом с ними Ив и Симона смотрелись как марсиане. Несмотря на то что наряды номенклатуре шили в спецателье, эстетичностью они не отличались. Мужчины одеты в мешковатые костюмы, а «женщины — низкорослые, полные, больше молчат. Внутренне скованные, напряженные... Конечно, ни о каких туалетах, об элегантности не может быть и речи — ни одной в длинном платье, ни одной с красивой прической. Они настолько обезличены, что случись мне на следующий день встретиться с кем-нибудь из них на улице — я бы не узнала. Их мужья не появляются вместе с ними в обществе, и ни на каких официальных приемах я этих дам никогда не видела... Самая бойкая из жен — некрасивая, мужеподобная — кричит через весь стол... Ага, это жена Кагановича», — вспоминала Галина Вишневская об одном из таких приемов в 1955 году.

Да уж, Жаклин Кеннеди, выступившей законодательницей моды на мини-юбки, кремлевские жены были не соперницы. Советская мода развивалась в муках, а все потому, что не имела импульсов сверху. Сталин в новой стильной одежде не нуждался; как вспоминает Дмитрий Шепилов, он часто видел его «в своем всегдашнем сером кителе и серых брюках, то есть в костюме, в котором обычно ходил до войны — должно быть, лет двадцать. В некоторых местах китель был аккуратно

заштопан». Вместо ботинок он был обут в тапочки, а брюки внизу заправлены в носки. Он и галстуков-то не носил. А для официальных мероприятий Сталин надевал мундир генералиссимуса, который сам себе придумал — обычный генеральский китель с позолоченными петлицами. Воистину, всё гениальное просто.

Но ведь это тоже была мода, но своеобразная. Многие чиновники вслед за генералиссимусом носили такие же костюмы, их называли «сталинками» — темно-серые кители и брюки. Вариации допускались в пределах узкой цветовой гаммы, от темного до совсем мрачного.

После 1953 года власть стала переодеваться, но не по критерию красоты. До этого еще было далековато. Сначала требовалось снять военные мундиры и френчи, и потому председатель Совета министров СССР Георгий Маленков с трудом привыкал к галстукам: «На официальные дипломатические приемы он стал надевать черный костюм и рубашку с галстуком. Но сам, шутя, жаловался, что галстук стягивает ему шею, и время от времени он тербил его в разные стороны».

К появлению в своей среде опрятно и элегантно одетых людей вожди относились настороженно и враждебно. Тот же Дмитрий Шепилов мог бы еще много чего рассказать, если бы его не отправили в отставку как примкнувшего к антипартийной группе. На пленуме ЦК он слышал среди упреков и такой — он слишком хорошо одевался, часто менял костюмы, галстуки и рубашки. С трибуны пленума Дмитрий Полянский бросил: «Он себя ведет как пижончик и стилияга. Он на каждое заседание приходит в новом наглаженном костюме. А я так думаю, что кому-кому, а Шепилову на этот пленум можно прийти и в старом, даже мятом костюме». Больше всех негодовал по этому поводу Хрущев: «Вы смотрите, Шепилов все время сидит и улыбается». Досталось Шепилову и от рядовых участников пленума, кричавших с места: «Пижон!» Хорошо еще, что не обозвали стилиягой.

Изгоняя из своей среды ярких хотя бы на вид людей, вожди пытались таким образом слиться в такую же серую массу, какую представлял собой руководимый

ими народ, ходивший еще с послевоенных времен в застиранных гимнастерках и сапогах. Покупка нового платья превращалась в праздник. Для женщин нормальным тоном было надевать поверх платьев почти мужские пиджаки, с перешитыми на другую сторону пуговицами. Внешний вид власти и народа вполне соответствовал друг другу.

А вот интеллигенция... Красота в ее представлении выглядела весьма оригинально. Монтану и Синьоре было позволено ходить не только по Кремлю, но и по домам московских актеров. Пришли они и в Центральный дом работников искусств, где всеобщее внимание привлекло красивое пальто Симоны Синьоре — изящное, богато отделанное мехом. Сразу было видно, что «не нашего покроя». А Монтан! Вместо привычной белой рубашки он предстал в водолазке, чем ввел присутствующих в ступор. Устроили встречу и в Серебряном Бору, в доме отдыха одного из московских театров. Само собой, московская интеллигенция возжелала предстать на этом вечере во всей своей красе, о чем иронически рассказывается в «Поэме про Ива Монтана», приписываемой Владимиру Полякову, сценаристу «Карнавальная ночь»:

Итак, идет Аркадий Райкин,
С седою прядью, как всегда.
За ним, звеня как таратайка,
Шагает Рома*. Никогда
Никто еще на белом свете
Не видел туалеты эти.

Она пришла, совсем как те
В Париже ходят в декольте,
Тряся своими телесами.
Вы можете представить сами
Картину эту без труда.
Бывает в жизни иногда.

Идет супруга Образцова
В серьгах сияющих до плеч.

* *Рома* — супруга Райкина.

Ну и надела, что ж такого,
Чего их дома зря беречь,
Такие носит весь Шанхай,
И я надену их, нехай.

Сергей Владимыч бледно-розов,
Возможно, это от мороза.
Он как Снегурочка в ночи,
Но с недержанием речи.

Артистка Барсова, как фея,
В шикарном платье (бумазея),
С огромной розой на корсаже,
Как натюрморт на вернисаже,
Проходит, юбками шурша,
Походкой легкой па-де-ша.

И, словно сам денщик Шельменко
Надел графини туалет,
Заходит Клавдия Шульженко
В французском платье креп-жоржет.

Мужчины в черном, элегантны,
На женщинах — цветы и банты,
Во всем изысканнейший вкус,
Пари, Мари, де Франс, ля Рюс.

Но что такое, это странно:
Все видят в свитере Монтана,
И в сером, теплом, однотонном
Пришла Симона в платье скромном.

Эта поэма ходила по рукам в машинописном виде с 1957 года и пользовалась большой популярностью в Москве, а заканчивалась она так:

Монтан гремит на всю Европу,
Спасибо, что приехал он,
Но целовать за это в ж...,
Как говорится, «миль пардон»!

Судя по поэме, где Поляков высмеял наряды многих своих друзей, представление о том, что и как носить в тех или иных случаях, у французских и со-

ветских деятелей искусства явно разнилось, что поде-лаешь — западная мода с трудом проникала в СССР. Но подавляющее число простых москвичей той эпохи вообще вряд ли были этим озабочены, и потому такой серой, унылой и бедной выглядит столица на фотографиях Анри Картье-Брессона, посетившего СССР в 1954 году. Это касается и известнейшей фотографии двух девушек на остановке трамвая и присматривающихся к ним двух бравых офицеров Советской армии.

Но и Монтану было отчего открыть рот, на полученные гонорары он увез из Москвы купленное в ГУМе женское нижнее белье — жутких цветов панталоны с начесом, рейтузы, байковые подштанники, устрашающие своей массивностью и долговечностью белые полотняные бюстгалтеры сразу нескольких размеров, их было удобно стирать хозяйственным мылом, а на спине женщины нередко оставались глубокие следы от лямок и трех пуговиц, а затем и крючков. По поводу пуговиц был такой анекдот:

Чем отличается мужчина от женщины? Тем, что у женщины между лопаток — пуговицы. А чем отличается женщина от мужчины? Тем, что у женщины между лопаток — пуговицы.

Учитывая, что все это с трудом поместилось в два чемодана, до сих пор непонятна цель покупки. Ясно одно — это приобреталось не для Симоны Синьоре. Есть два варианта — то ли Монтан намеревался раздаривать подарки знакомым кинозвездам (Мэрилин Монро, например) в виде приколов и розыгрышей, то ли заранее решил устроить в Париже провокационную выставку под названием «В чем их любят».

История эта превратилась к нынешнему времени в апокриф. Якобы когда по возвращении в Париж французские репортеры спросили Монтана, что его поразило более всего, он открыл чемодан, вынул оттуда бюстгалтер пятого размера и стал им размахивать. Журналисты разбежались. А выставка по популярности соперничала с Лувром, ибо обличала советский образ жизни гораздо сильнее, чем вся вместе взятая враждебная западная пропаганда. Для французов

мода — это всё, особенно женская, не зря Мария Антуанетта перед казнью призвала к себе парикмахера. Что уж говорить о нижнем белье.

А в Москве это вряд ли могли понять. Составлявшим программу визита Монтана в СССР чиновникам даже в голову не пришло, что выставку достижений советской ткацкой промышленности ему надо обойти стороной, во избежание конфуза. Но в конце 1950-х об этом еще не думали: зачем советской женщине красивые трусы, кого ими удивишь на целине? Зато мы делаем ракеты и тракторы, на которых женщины, кстати, и работали.

Для тех москвичек, что не хотели ехать на целину и носить отечественное нижнее белье, было два выхода — любыми путями доставать заграничные изделия либо шить самим. Первое давалось с трудом, везло тем, кто сам мог выезжать за рубеж, хотя бы в соцстраны, а также имел знакомых, плававших в загранку моряков, пилотов международных авиалиний. Эти могли достать все что угодно, но требовали немалую доплату. Кстати, впервые заграничное белье стало массово приходить в СССР после войны, мобилизованные солдаты и офицеры привозили с собой, в частности, трофейные женские комбинации, которые некоторые принимали здесь за платье.

Остальному народу более доступными были выкройки, публиковавшиеся в журналах «Работница», «Крестьянка» и прочих, по которым можно было сшить необходимое белье — «самострой». Широкому распространению «самостройки» способствовали повсеместные курсы кройки и шитья. Немало было и надомных портних (за коммерческий пошив одежды на дому давали два года тюрьмы). Система как будто была специально устроена так, чтобы граждане сами себя обшивали.

Мужчинам было проще — они носили в основном черные или синие сатиновые трусы и майки (со временем их обзовут «алкоголичками»), белые кальсоны. В таких трусах не стеснялись расхаживать по плацкартному вагону, загорать на пляже, что запечатлел

своей фотокамерой тот же Брессон на снимках «Пляж в Серебряном Бору» (плавки и купальники стали производить в начале 1950-х годов). Недаром такие трусы до сих пор называют семейными — в них могли ходить все поколения семьи по очереди. Считалось абсолютно нормальным вывешивать сушиться свое белье во дворах и на балконах, а чего стесняться-то — у всех одно и то же. А во дворе все знали — это трусы Ивановых, а это — Сидоровых. Но с середины 1960-х ситуация стала понемногу меняться, расцветка трусов повеселела, появились цветочки. Герой пьесы Рощина «Старый Новый год» Иван Адамович говорит: «У нас Лева Рыжиков, из сорок второй квартиры, художник тоже... Как мороз, картину рисует — белье на веревке... Народ-то в прачечную теперь сдает, не вешает, так он свое намочит — и на веревочку. У меня кой-чего брал, живописное, говорит...»

Хрущевская «оттепель» со всеми сопутствующими последствиями открыла людям еще одно достижение цивилизации — нейлоновые мужские носки с резинками. Попадали они в СССР контрабандой и продавались на толкучках по пять рублей новыми. Это был шик, ибо в то время отечественные хлопчатобумажные носки держались но ноге лишь благодаря трем подвязкам, причудливо завязывавшимся узлом под коленом. Кстати, когда Юрий Гагарин шел по ковровой дорожке, развязались у него именно подвязки от носков, а не шнурки. Ну а те, кто не способен был завязать, так и продолжали ходить в портянках — очень распространенных не только в армии, но и на гражданке.

Во все времена непросто было с женскими колготками. Выход из ситуации был такой: брали чулки и пришивали их к трусам. Ольга Аросева вспоминала и другой способ, как она, по молодости купив красный стрептоцид в аптеке, разводила его, мазала свои ноги, приобретающие оранжево-бежевый оттенок. А актерским гримом рисовала черные швы и стрелки — и ходила так с голыми ногами до поздней осени. Другая известная киноактриса, Алла Ларионова, оказавшись на Венецианском кинофестивале, была потрясена кол-

готками, в которых ходила горничная в отеле. Ларионовой оставалось лишь мечтать о подобном.

Увидев колготки в свободной продаже, женщины брали любой размер, понимая, что его всегда можно будет перепродать. В «Служебном романе» Калугина жалуется: «Недавно был безобразный случай — продите, но в дамском туалете висело объявление: “Продаю колготки. Позвонить по такому-то телефону”...» А Михаил Горбачев, переехав в Москву, участвовал в заседании политбюро, где обсуждался вопрос о женских колготах, для решения которого создали спецкомиссию во главе с секретарем ЦК КПСС Иваном Капитоновым. Но и она проблем не решила, страна развалилась раньше.

Свою прогрессивную роль сыграли и колготки детские. Еще Елена Благинина в стихотворении «Вот какая мама!» писала:

Мама песенку тянула,
Обувала дочку,
По резинке пристегнула
К каждому чулочку.
Светлые чулочки
На ногах у дочки.

Но оказалось, что на детей можно не натягивать чулки на резинках, а одеть их в удобные трикотажные колготки разных цветов. В 1960-х годах они были дефицитом — в магазинах их отпускали не больше двух пар в одни руки.

Нельзя сказать, что советская ткацкая промышленность не замечала новых веяний. Еще по ГОСТу 1940 года бюстгальтеры производились лишь трех размеров, через 20 лет их стало уже шесть, еще через 20 лет — девять. Прогресс был налицо (хотя выплавка чугуна росла куда быстрее). Екатерине Фурцевой приписывают фразу, сказанную в очень высоком кабинете: «Каждая женщина имеет право на хороший бюстгальтер». После этого в Черемушках открыли новую фабрику, оснащенную зарубежными станками. Советские женщины узнали, что, оказывается, застежка у

лифчика бывает и спереди, а не только на спине. Появились лифчики с кружевом. Но и после этого спрос не был удовлетворен на все 100 процентов. Помогала и торговля с соцстранами, где мода была посвежее.

С конца 1960-х годов москвички охотились за импортным женским бельем. Дефицитом были бюстгалтеры, прозванные в народе «анжелика» в честь известной героини французской исторической мелодрамы в исполнении соблазнительной красавицы Мишель Мерсье. На Западе они назывались «балконет» и отличались способностью приподнимать грудь и даже визуально ее увеличивать с помощью специальных вкладок. Модель поступала в СССР из ГДР, Чехословакии, Польши и Югославии. «Анжелика» прикрывала грудь лишь наполовину, не имея бретелек. В таком виде не стыдно было обнажиться и перед иностранными гостями. Спасибо «Анжелике, маркизе ангелов» и «Анжелике и королю»!

Недостаток нижнего женского белья, отсутствие долгие десятилетия моды в данном сегменте имели и более основательную причину, кривящуюся в навязанном идеологией ханжестве. Лозунг «В СССР секса нет!» был озвучен несколько позднее описываемой эпохи, на одном из первых телемостов с Америкой, но это не значит, что заявившая об этом женщина пережила некое озарение. Подавляющее число людей существовало в путях фальшивого целомудрия.

А нормальная женщина всегда хочет выглядеть красивой, привлекательной в глазах мужчины, в том числе и в нижнем белье. Вот почему в Москве в то время в галантерейх чуть ли не половину поступавшего хорошего белья припрятавали, превращая его в объект обмена по бартеру с продуктовыми и обувными магазинами. Хитом продаж стали комбинации — «комбинашки», в которых и спали, и носили под платье.

Ну а что же на все это надевали? Откуда брали фасоны и модели? В Москве на Кузнецком Мосту работал Общесоюзный дом моделей, где трудились лучшие модельеры того времени. Показы новых моделей проходили регулярно и в ГУМе, и в ЦУМе, и собирали они ценителей стиля и красоты, в основном жен-

ского пола. Один из таких показов воспроизведен в кинофильме «Невероятные приключения итальянцев в России», не менее колоритная сцена содержится в кинокомедии «Бриллиантовая рука», где в числе зрителей сидит Лелик (Анатолий Папанов), а брючный костюм демонстрирует Гена Козодоев (Андрей Миронов), у которого «брюки превращаются, превращаются брюки...». А когда девушки выходят в костюмах «бикини», контрабандист Лелик не знает, куда глаза деть от стыда — и в этом прежде всего пародия на советские идеологические штампы.

В Доме моделей в те годы манекенщицы, выходя в новом наряде, держали в руках таблички с номерами, а ведущая поясняла, где и когда это надо носить, из чего сделано и как скроено. Журналист из США Джон Гюнтер свидетельствовал в своей книге «Россия сегодня»: «Одной из невероятных достопримечательностей города является Дом моделей, модный дом на Кузнецком Мосту. Это советский эквивалент Баленсиаги или Кристиана Диора. Вход стоит пять рублей. Там вы можете три или четыре раза в день увидеть демонстрации мод, которые показывают четыре модели: ребенок, молоденькая девушка, женщина с пропорциями матроны и мужчина. В ГУМе, крупнейшем универсальном магазине страны, устраиваются аналогичные показы, которым аккомпанирует настоящий оркестр. Задача вероятного покупателя просмотреть, отметить номер той или иной модели, которая ему или ей приглянулась, а затем отправиться в другую секцию магазина и приобрести там соответствующую номеру выкройку ценой один рубль. Потом надо отправиться к портнихе, заказать модель, и дело с концом!»

В СССР издавались и специальные журналы о моде, всякие книги, публиковавшие фотографии интересных и ярких моделей одежды, но возможности неповоротливой местной легкой промышленности далеко отставали от потребностей населения. Общей установкой была дешевизна ткани и сопутствующих материалов, массовость не меняющихся десятилетиями моделей (их стыдливо называли «классикой»), позво-

лявшая немало сэкономить в общесоюзном масштабе на удовлетворении потребностей людей. «Многие люди, обладающие хорошим вкусом, отказываются от мысли привести свой гардероб в надлежащий вид. Нужны белые туфли, а в магазине есть только зеленые, нужны перчатки серые, а продаются только красные. На протяжении многих лет десять различных моделей зачастую делают из одной и той же ткани, в одних и тех же расцветках», — признавался журнал «Молодой коммунист» в 1959 году.

Отсюда и однообразие выпускавшейся с конвейера одежды, а всё оригинальное стоило непозволительно дорого, как штучная и авторская работа. Государство само вынуждало женщин заниматься самодеятельностью в вопросе пошива одежды, перегружая их помимо быта еще и этим делом. Исполдволь, но где только можно внедрялась мысль о том, что в стране, запускающей космические корабли, шить дома после работы вполне обычное дело. Как там пелось в известной песне «Диалог у новогодней елки» на стихи Юрия Левитанского:

- Что же из этого следует? — Следует жить!
- Шить сарафаны и легкие платья из ситца.
- Вы полагаете, все это будет носиться?
- Я полагаю, что все это следует шить!

Вот и шили. Номенклатура же одевалась в спецателье, одно из которых находилось на Кутузовском проспекте. Когда в 1960-х годах руководители государства наконец-то обратили внимание на свой внешний вид, для них стали закупать на Западе лучшие ткани и фурнитуру, шили только самые проверенные и высококвалифицированные закройщики. Стало модным иметь своего личного дизайнера (почти как семейного врача), который обшивал, например, всю семью большого чиновника.

Покупка костюма превращалась в большое событие, но знающие люди не покупали, а заказывали его пошив в ателье. Причем обращаться следовало к хорошим портным, но таковых в Москве можно было перечесть

по пальцам, у них-то и шили себе костюмы публичные персоны, например артисты. В ателье обычно трудились ленивые и необязательные сотрудники. Аркадий Райкин сделал на этом немало интересных номеров...

А советскую интеллигенцию одевал портной Соломон Затирка, клиентами которого были многие известные люди (Утесов, Рознер, Райзман, Ромм). Это был чрезвычайно популярный и креативный человек, от клиентов отбоя не было, к нему стояла очередь на примерку из заслуженных и народных, записывавшихся за месяц вперед. Надев однажды костюм от кутюрье Соломона, творцы соцреализма уже не могли носить изделия ткацкой фабрики «Большевичка».

Но иногда он отказывал заказчикам, причем даже шестикратным лауреатам Сталинской премии. Как-то Затирка отказался шить костюм очередному режиссеру — Ивану Пырьеву из выданного тому отреза синего бостона. Принеси он другую ткань, Затирка с удовольствием взялся бы за дело. Пырьев не смог сразу уразуметь причину отказа портного, лишь потом к нему пришло просветление. Костюм ему сшили в другом месте, в нем он и явился на прием в Кремль. И вот сидит орденоседец Пырьев за обильно накрытым столом, тянет руку за черной икрой, дабы широким мазком нанести ее на бутерброд с маслом (как Церетели краску), и вдруг слышит за спиной: «Икрой не увлекайся! Для наших пирожки с капустой в углу стола на тарелке». Обернулся режиссер посмотреть, кто это сказал, и видит: стоит человек в костюме из такой же, как у него, ткани. И кругом по залу таких людей немало. Это были сотрудники охраны в штатском. Мудрый Затирка прекрасно знал, кому и из чего шить.

По хорошему костюму во все времена судили о человеке. «Автомашину куплю с магнитофоном, пошью костюм с отливом — и в Ялту!» — так говорил вор-рецидивист Косой в исполнении Савелия Крамарова в «Джентльменах удачи», выражая, таким образом, предел мечтаний мужчины 1960—1970-х годов.

Однажды Марк Бернес раскритиковал своего молодого друга Константина Ваншенкина за внешний

вид: «Знаешь, когда будет война, блокада, все умрут с голоду, а ты — нет. Потому, что рукава твоего пиджака длиннее, чем следует, на восемь сантиметров. Они так промаслятся, что ты будешь их потом сосать целый год и выживешь». Бернес решил помочь другу, и причем серьезно. Начали с поиска хорошей ткани. Два дня колесили они по Москве на «Волге» Бернеса, многократно останавливаясь у магазинов с фирменной вывеской «Ткани». Но счастье им нигде не улыбалось, а продавщицы узнавали лишь популярного певца, Ваншенкина они просто не замечали.

«Полотнища тканей тяжело, как портьеры, свисали вдоль стен, — пишет Ваншенкин. — Иногда они казались мне знаменами неведомых государств. Нас окружали продавцы. На меня, разумеется, никто не обращал внимания. Он и не говорил, что материал нужен мне, — они вмиг бы охладели. Под взглядами тоже столпившихся, взволнованных его присутствием покупателей они одну за другой бросали на прилавок “штуки” материи — полный или уже початый плоский рулон. Он внимательно смотрел, порою брал край в пальцы. Нашлось то, что нужно, лишь на третий день, совсем близко от его дома, на Сретенке. Это была серая, стального оттенка, итальянская шерсть, в выделанную некрупную клетку, различимую только вблизи. Бернес сразу кивнул мне, многозначительно прикрывая глаза веками: “Плати!” Девушка, улыбаясь Бернесу, трижды взмахнула деревянным, с окованными жестью концами эталонным метром, лязгнула ножницами».

Ваншенкин отнес ткань в ателье Литфонда, заказав однобортный костюм. Бернес пришел на примерку, разнеся в пух и прах работу модного закройщика: «Что это такое? Кто так шьет? Оторвите этот рукав! Что это за хомут на спине!»

Костюм «от Бернеса» получился удачным. Сначала, как водится, он был выходным, а затем служил его обладателю каждый день. Все в этом рассказе для нас интересно: и то, что ткань надо было покупать только импортную, и то, что на ее поиски требовалось немало времени, и если бы Бернес с Ваншенкиным были

не на машине и работали на каком-нибудь заводе, вряд ли уложились бы в три дня. Ну и конечно, отношение к покупателю и клиенту — когда человека в упор не видели.

В кинофильме «Дайте жалобную книгу» большой начальник из управления торговли (его играет Николай Крючков) приезжает в Лужники, на ярмарку. Там он пытается приобрести пальто, продавец (Юрий Никулин) равнодушно предлагает ему залежалый товар, даже не смотря на него, одобряет покупку: «Цвет мокрый асфальт, самый ходовой». Да ему просто наплевать. Ситуация кардинально меняется, когда случайно узнавший начальника другой продавец (Георгий Вичин), расплываясь в улыбке, приносит ему модную модель. А вывод такой: «Начальство надо знать в лицо!»

Простые люди вправе были рассчитывать на внимание к себе продавцов магазинов одежды, но это право оставалось лишь на агитационных плакатах. Ассортимент продаваемой одежды был скуден, даже несмотря на постоянно принимаемые меры по его расширению. Вот уже и дома моделей стали появляться, а народ все равно ходил в одинаковых пальто и шапках, стандартных брюках и платьях. Внедрение в производство ткацкой и швейной промышленности новых моделей проходило черепашьими темпами. Да и качество отечественной шерсти оставляло желать лучшего. В пропагандистском кинофильме «Иван Бровкин на целине» передовики-трактористы ищут хороший материал для костюмов, а им попадается не поймешь что. И лишь когда продавец в отделе «Ткани» убеждается в том, что они «не из джаза», сам вынимает из своих закровов отличную шерсть — китайскую, «цвета осенней степи». Видимо, фильм успел выйти еще до похолодания отношений с китайцами, но даже из этой советской агитки становятся очевидными предпочтения простых советских людей.

Сценарист Майя Туровская в 1967 году приехала со своим фильмом «Обыкновенный фашизм» в ФРГ. Там ее внешний вид привлек внимание. «Где ты купила этот элегантный костюмчик?» — спросила ее новая

Всеобщее ликование при встрече первого космонавта Земли.
Москва, Красная площадь. 14 апреля 1961 г.

Москвичи приветствуют Юрия Гагарина. 14 апреля 1961 г.

Встреча Никиты Хрущева с интеллигенцией.
Крайний справа у стола — скульптор
Эрнст Неизвестный. Москва. 1962 г.

**Военный парад в честь двадцатилетия победы
в Великой Отечественной войне. 9 мая 1965 г.**

**Перенесение праха Неизвестного солдата
в Александровский сад. 3 декабря 1966 г.**

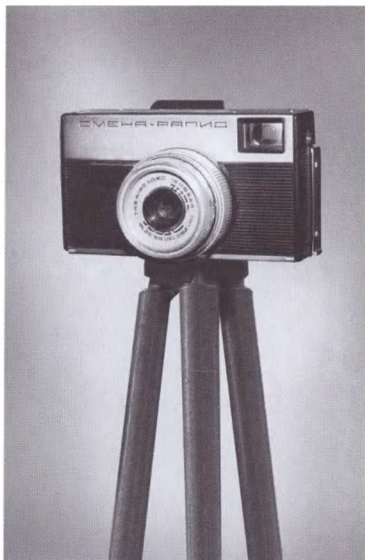
Боты и сапоги
«прощай,
молодость!»

«Изотопы»
на Ленинском проспекте.
Были в Москве
и такие магазины...

Популярный радиоприемник
«Спидола»

Фотоаппарат «Смена-рапид»

Московский общественный транспорт на Ленинском проспекте.
Универмаг «Москва»

Московская
свадьба
1970-х годов:
скромно
и достойно

Проводы
на пенсию
(«заслуженный
отдых»)
превращались
в праздник.
Начало 1970-х гг.

Женская мода. 1970-е гг.

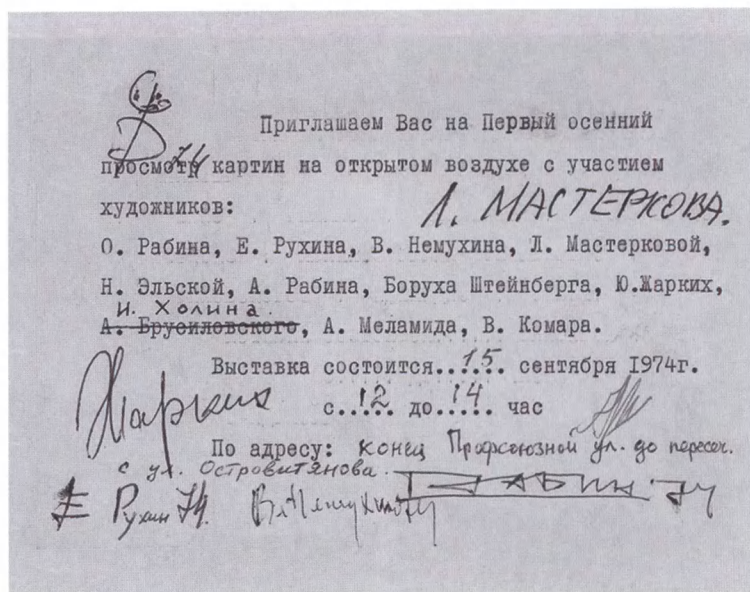
Детская мода. 1950-е и 1980-е гг.

На выставке Ильи Глазунова

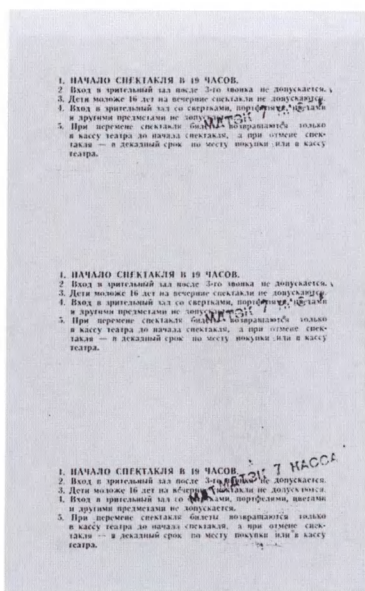
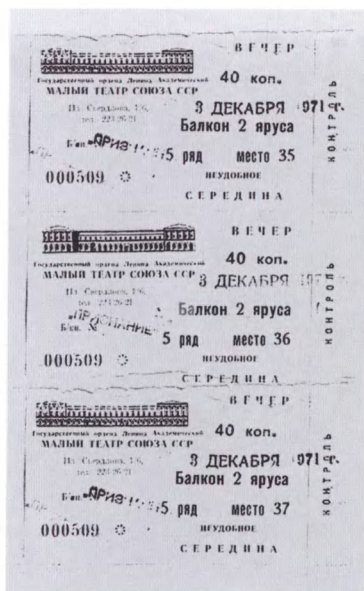
Пригласительный билет на Бульдозерную выставку. 1974 г.

Сцена из спектакля Малого театра «Волки и овцы»

Билеты в театр

Очередь в Мавзолей В. И. Ленина
У входа в винный магазин

За билетами
в кинотеатр

Ажиотаж
в универмаге

Отдел наглядной агитации в Доме книги на проспекте Калинина
Проспект Калинина — Новый Арбат

Субботник по благоустройству улиц. 1970-е гг.

Гостиница «Россия» после пожара. 1977 г.

Открытие XXII летних Олимпийских игр.
Москва, Лужники. 1980 г.

Москва олимпийская...

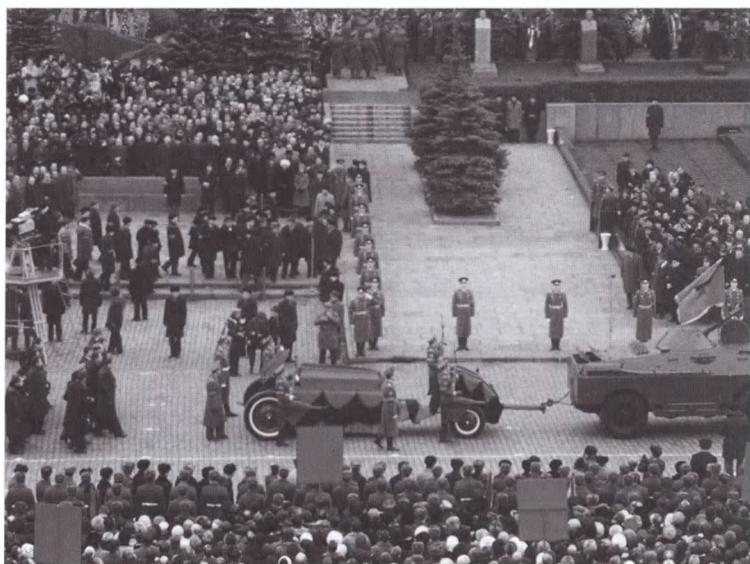
Генеральный секретарь ЦК КПСС и высшее духовенство на приеме в Кремле
Незамерзающий бассейн «Москва» на месте взорванного храма
Христа Спасителя

Прощание с Владимиром Высоцким у Театра на Таганке.
Москва. 28 июля 1980 г.

Похороны Леонида Брежнева.
Москва, Красная площадь. 15 ноября 1982 г.

знакомая, редактор баварского телевидения. Что могла ответить Туровская? Она не купила костюм, а сшила его у своей портнихи в ателье Литфонда. «Ты хочешь сказать, что у тебя есть своя портниха и что он шит специально на тебя?» — «Да, она даже не кроит, а на-кальвает». — «У меня тоже есть знакомая портниха, но кому это по карману?» Туровской было нелегко объяснить немке, что в Москве для модных женщин только и есть что портниха и комиссионные магазины (в просторечии «комою»).

О недостаточном уровне снабжения населения элементарной одеждой свидетельствуют любопытные документы — секретные постановления Совета министров СССР «О денежном вознаграждении т. Гагарина Ю. А. за образцовое выполнение специального задания» и о подарках первому космонавту планеты от апреля 1961 года. В соответствии с ними Юрий Гагарин получил денежное вознаграждение в сумме 15 тысяч рублей, четырехкомнатную квартиру по месту службы, автомобиль «Волга», мебель для спальни, столовой, детской, кабинета, кухни, а еще телевизор «Рубин», радиолу «Люкс», стиральную машину, холодильник, пылесос, ковровые дорожки, пианино и «экипировку» согласно приложению. «Экипировкой» называли одежду. Видимо, там, наверху, о плачевности дел в области обеспечения народа трусами и майками знали больше, чем сам народ. Поэтому-то постановление не опубликовали в «Правде» под портретом Хрущева, а наложили строжайший гриф секретности. Еще бы, не дай бог текст постановления выкрали бы иностранные шпионы и напечатали его в продажной западной прессе! Вот смеху-то было бы: у советских космонавтов нет элементарных предметов одежды!

«Экипировка», подаренная Гагарину, состояла из следующих предметов:

«Пальто демисезонное.

Пальто легкое летнее.

Плащ.

Костюмы — 2 (светлый и темный).

Обувь — 2 пары (черные и светлые).

Рубашки белые — 6 штук.
Шляпы — 2.
Носки — 6 пар.
Белье нижнее шелковое — 6 пар.
Трусы, майки — 6 пар.
Платки носовые — 12 штук.
Галстуки — 6 штук.
Перчатки — 1 пара.
Электробритва — 1.
Два комплекта военного обмундирования (парадное и повседневное).
Чемоданы — 2». «Экипировка» для жены Гагарина включала:
«Пальто демисезонное.
Пальто летнее.
Плащ.
Платья — 3.
Черный костюм.
Шляпы — 2.
Гарнитуры — 6.
Чулки — 6 пар.
Туфли — 3 пары.
Сумки дамские — 2.
Перчатки — 2 пары.
Косынки — 2 (шерстяная и шелковая).
Блузки — 2.
Кофта шерстяная — 1». Для детей предусматривалось следующее:
«Кровать детская.
Детская коляска.
Платья шерстяные — 4.
Пальто — 2 (зимнее и летнее).
Шапочки — 2 (зимняя и летняя).
Обувь — 4 пары.
Белье — 6 пар.
Куклы, игрушки.
Детское приданое». Матери первого космонавта полагалось:
«Пальто летнее и зимнее.
Плащ.

Платья — 2.
Платок пуховый.
Туфли — 2 пары.
Белье — 6 пар.
Чулки — 6 пар.
Кофта шерстяная — 1».
Для отца предусматривалось:
«Пальто летнее и зимнее.
Плащ.
Фуражка.
Белье — 6 пар.
Рубашки — 6 штук.
Костюмы — 2 (темно-серый и темный).
Ботинки — 2 пары (светлые и темные).
Галстуки — 4.
Носовые платки — 6.
Носки — 6 пар».

Двум братьям и сестре Юрия Гагарина вещей не дали, а выплатили по тысяче рублей. Родители Юрия Алексеевича были до глубины души поражены заботой партии и правительства и пригласили Хрущева в гости. Но ведь не каждому советскому человеку светила такая удача — породниться с семьей космонавта, а потому приходилось носить то, что есть. Но сегодня секретное постановление правительства читается как печальный анекдот.

А вот театральные артистки одевались у известной московской спекулянтки Клары, имевшей прочные связи с женами советских дипломатов, у которых она скупала импортные шмотки. Клара ходила по своим клиентам с огромной сумкой, вмещавшей, кажется, всю продукцию небольшого дамского магазина. Чего там только не было — платья, кофты, туфли, сумки и даже пальто. Цены она сдирала втридорога, зная, что больше приличную одежду им взять неоткуда, особенно если их не выпускали за границу. Ее любимая фраза: «Я с этим еще буду работать!» — подразумевала, что не подошедшую одной клиентке вещь она будет «толкать» другой. Гардероб Майи Плисецкой целиком состоял из вещей, купленных у Клары.

Только вот шубу у Клары балерина купить не могла — слишком дорого. Много лет ходила она в старом каракулевом манто, пока оно не истерлось. Спасибо знакомому скорняку Миркину по прозвищу Золотые руки, переставившему все годные еще шкурки на перед и спинку, а с боков вшившему куски серого шинельного сукна. В итоге удалось наскрести и на каракулевую шапку, как в знаменитом стишке Михалкова. А когда все же Плисецкая начала выезжать на Запад, то первым делом привезла оттуда опять же каракулевую макси-шубу, прошитую кожаными аппликациями. И вот выходит она году в 1966-м на улицу Горького в этой шубе и натывается на простую московскую старуху, немедля окрестившую себя православным знаменем: «О господи, греховница-то!» По части шуб-макси в Москве Плисецкая оказалась первооткрывателем и законодательницей мод.

За спекуляцию по УК РСФСР осуждали на десять лет, считалось, что это перекупщики виноваты в создании дефицита. Покупая у спекулянта вещи, следовало быть начеку. Неопытным москвичам запросто подсовывали фальшивку, особенно если покупка происходила на бегу, в магазине. Так случилось с героиней фильма «Влюблен по собственному желанию» (1982). Простая советская библиотечка с рук покупает кофточку, придя домой, развернув пакет, она с ужасом обнаруживает там обычную красиво сложенную тряпку.

Нередко ради покупки иностранной блузки или свитера люди были готовы залезть в долги, ибо цена на них значительно превышала номинал, в два-три раза. Героиня фильма «Самая обаятельная и привлекательная» (1985) — одинокая молодая женщина (ее играет Ирина Муравьева) — бесполезно пытается привлечь внимание мужчин-сослуживцев то пирожками, то нелепыми комплиментами. Но как только она облачается в импортные наряды, которых «в Москве раз-два и обчелся, да и то на женах дипломатов неприсоединившихся стран», то мгновенно становится центром притяжения взглядов всех окружающих и даже престаре-

лого начальника Петра Ивановича. Ее авторитет в их глазах значительно вырос.

Основой советской моды были западные веяния, не зря такой популярностью пользовался журнал «Америка», распространение которого было прервано в 1948 году и возобновилось лишь в 1956-м. Публиковавшиеся в журнале фотографии создавали в умах советских людей вредное представление о разнообразии жизни американских трудящихся. А как стремились москвичи попасть на редкие показы «ненашей» моды! Толпы людей осаждали Парк культуры и отдыха им. М. Горького в 1956 году, желая насладиться представлением новой одежды английских домов моделей.

Подобная картина наблюдалась в Москве в 1959 году во время визита Дома моды Кристиана Диора. Сам Диор не приехал, зато прибыл Ив Сен-Лоран вместе с дюжиной прелестных манекенщиц, на каждую из которых приходилось по десятку моделей одежды. Показы (всего их было четырнадцать) устроили в Доме культуры «Крылья Советов», попасть туда можно было по специальной путевке из месткома. В основном, конечно, допускались избранные, коих набралось немало, более десяти тысяч человек. В Доме культуры яблоку негде было упасть. Изюминкой модных показов стала демонстрация моделей вечерних летних платьев с типично русскими названиями «Надежда» и «Татьяна». Это добавило теплоты.

Журнал «Огонек» откликнулся так: «Сидящие в зале смотрят на манекенщиц очень внимательно: одни мысленно примеряют платья и накидывают на плечи меховые манто, другие стараются уловить и запомнить понравившийся фасон. Зрительницы отмечают: “Зачем платья из плотной шерсти так сильно открыты? Ведь это почти сарафан. Для нас, северян, это не особенно практично. А летом, даже вечером, будет жарко в таком платье. Платья коротковаты. Полных и низкорослых это вряд ли украсит. Ручная вышивка по тюлю — это, конечно, очень красиво, но кто может позволить себе такую дорогую вещь?”». Из этой статьи, как из кастрюли с перестоявшим тестом, так и

лезет через край плохо скрываемое лицемерие: нам не нужны слишком короткие и открытые платья, нашим женщинам в них холодно! Лучше закрытые с головы до пят и дешевые.

Но Ив Сен-Лорану этих показов оказалось мало, для пропаганды западного образа жизни он задумал вывести своих манекенщиц на улицы столицы. А фоторепортеры журнала «Лайф» все это запечатлели и затем напечатали. Вот красивые и изящные француженки в ГУМе, а вот они у прилавка с семечками на колхозном рынке. Самый драматический эффект возникает, когда девушки в летних платьях и шляпках откутюр сняты среди московского народа: кругом бабы в телогрейках и платочках и почему-то в пальто, мужчины в костюмах неопределенного размера. Но как они смотрят! Еще чуть-чуть, и у московской старухи рука сама поднимется в крестном знамении: «Господи! Нехристи какие!» Лица у многих настороженные, быть может, от непонимания: «Почему эти девицы все время улыбаются нам, незнакомым людям?» Но какое бы выражение ни осталось на лице, почти у всех открыт рот от изумления. Будто на встрече двух разных цивилизаций. Одним словом, потрясение, шок.

Менее болезненно незнакомая чужая жизнь воспринималась в кино. В прошлой главе мы рассмотрели его с точки зрения искусства, а в этой нас интересует его прикладной характер. Кино было более доступным, чем показ мод какого-то француза. Советское кино обладало назидательностью, заложенной еще в 1930-х годах, и потому приобрело свойства законодателя мод. Это очень интересное социологическое явление. Кино было массовым видом искусства, а звезды советского кино той поры сами вышли из народа. Вспомним лица кумиров сталинской эпохи — Николай Крючков, Борис Андреев, Петр Алейников, они будто шагнули на экран из очереди за пивом или только что отошли от станка.

Другое дело — любимые советские актрисы — Лидия Смирнова, Любовь Орлова, Вера Марецкая, Валентина Серова, Людмила Целиковская. В 1950-е годы

их нарядные фотографии имелись в комнате чуть ли не каждого москвича. Они и одевались соответственно, имея такую возможность. Московский дом моделей для них был всегда открыт. Про Орлову шутили, что в ее шкафу даже моль не живет — так тесно там от платьев и костюмов. Она любила носить юбки не ниже колена, блузки с глухими воротниками и светлые пиджаки. Впрочем, это видно даже из кинокомедии «Весна», действие которой разворачивается на улицах Москвы. Была мода на Орлову — на прическу, макияж, походку, платья. Слишком преданных поклонниц пугали рассказами о «синдроме Орловой» — психическом заболевании, возникающем у подражающих ей женщин.

Выезжая за границу, Орлова привозила оттуда модные вещи и ткани, косметику и парфюмерию. Как-то в Париже, обнаружив, что ее любимое черное платье устарело, Любовь Петровна взяла нитку с иглой и перешила его по модному фасону. На родине ее встречали как космонавта, особый интерес вызывали новые наряды.

Кстати, о поведении советских актрис за границей: их редко отпускали в самостоятельное плавание — мало ли что. И потому рядом всегда был сопровождающий товарищ из органов. Один такой докладывал, что в 1959 году некая народная артистка РСФСР во время гастролей во Франции «заказала в парижских ателье несколько платьев, за которые расплачивались белоэмигранты, а расходы парижан она возмещала их родственникам, проживающим в Москве».

Так, пусть и в искаженном виде, мода проникала в СССР. Первыми ее перенимали советские киноактрисы, а затем уже кинозрители. Поэтому мода приходила с определенной задержкой. Кстати, саму Любовь Петровну режиссер Григорий Александров, ее супруг, «раскрутил» в фильме «Цирк», ориентируясь опять же на эталон западного киноискусства — непревзойденную Марлен Дитрих.

Но массового подражания Орловой все-таки не было, ибо сталинская любимица задала слишком вы-

сокую планку. Нужны были более доступные типажи. «Оттепель» возвела на пьедестал новых молодых звезд. Характерным примером служит Людмила Гурченко, представшая в «Карнавальная ночи» в красивейшем платье стиля «нью лук» («new look»), предложенного Кристианом Диором еще лет за десять до этого, в 1947 году. На экране появился новый тип женской одежды, элегантной и романтической, предназначенной для фигуры с тонкой талией, хрупкими плечами и изящными бедрами. О пиджаках Орловой уже и речи не было. Этот стиль стал ответом на ожидание конца войны и наступления мира, а эти желания одинаковы для всех стран и народов, независимо от противоборства систем. И потому слова Диора, объясняющие появление новой моды, понятны и сегодня: «Мы оставили за собой эпоху войны, форменной одежды, трудовой повинности для женщин с широкими плечами боксера. Я рисовал женщин, напоминающих цветы, нежно-выпуклые плечи, округлую линию груди, лиано-подобные стройные талии и широкие, расходящиеся книзу, как чашечки цветка, юбки».

Советские женщины имели полное право выглядеть и одеваться не хуже, чем жительницы европейских стран — Франции, Англии и даже побежденной Германии. Немало женщин прошли войну, фронт, трудились на тяжелейших мужских работах в тылу, по сути на своих хрупких плечах вынесли послевоенное восстановление промышленности. Так почему же они вынуждены были воспринимать моду как нечто второстепенное, тогда как она была для них синонимом той мирной и счастливой жизни, ради которой они испытали столько бед и страданий. Тем, кто мог сравнивать, как одеваются «они» и «мы», бросалась в глаза жуткая отсталость и в стиле одежды, и в фасонах, и в ее разнообразии, а главное, в свободе выбора, что и как носить.

Людмила Гурченко, претендуя на главную роль в «Карнавальная ночи», хотела подчеркнуть именно свою женственность. И выбор остановился на ней поэтому: «Я шла подпрыгивающей походкой по коридору студии “Мосфильм” в огромной широченной юбке,

затянутая в талии так, что Лолите Торрес и не снилось. Голова моя, в колечках и с челочкой, была чуть ли не вдвое больше талии. В моде были нижние юбки. Если другие девочки носили одну, то я — сразу две, да такие крахмаленные, что лучше не садиться... И я весь день была на ногах. Вечером еле-еле доплеталась до общежития — пешком, троллейбусом, электричкой — и падала замертво. Зато фасон держала целый день!»

Вот вам и подтверждение — Гурченко, которой подражали миллионы советских девушек, сама взяла за образец героиню аргентинского фильма 1953 года «Возраст любви», роль которой исполнила актриса и певица Лолита Торрес. Популярность ее не снилась сегодняшним «звездуньям» из телевизора, о которых помнят лишь до тех пор, пока не появится аналогичная замена. Торрес была любовью до гроба для тех, чья молодость прошла под мелодии ее песен. В честь Лолиты называли новорожденных (что было ново, ибо раньше девочкам давали имена вроде Даздраперма или Индустрия). Ее фото публиковали в прессе, в частности, журнал «Работница» рассказал о визите актрисы к советским морякам, особо подчеркнув ее наряд: «Моряки преподнесли ей букеты цветов, духи “Красная Москва” и палехскую шкатулку. Актриса очаровательна: она одета в нарядное белое атласное платье, ее шею украшает колье, на ней также изящные браслеты и сережки».

Пускай хоть так, на перекладных, но западная мода добиралась до советской Москвы. Неудивительно, что женщины ходили на «Карнавальную ночь» раз по пять, запоминая, какое платье было надето на Гурченко, ей стали подражать прической, макияжем, манерами. А главное, пытались на первый взгляд определить объем ее талии — 46 сантиметров или больше? Иллюзия тонкой талии возникла из-за найденного Диором уникального соотношения длины платья, объема юбки и наличия туто затянутого пояса. На самом деле талия Гурченко составляла на тот момент 58 сантиметров. Так, хотя и с опозданием, в Москву пришла западная мода на тонкую талию. Платья как у Гурченко многие шили сами.

Правда, нашлись и те, кто этому противился. Вскоре после премьеры «Карнавальная ночь» Гурченко получила письмо: «Хочу сделать вам серьезное замечание: когда вы танцевали в черном платье, при повороте у вас неприлично поднялась юбка, выше нормы. Это недостойно нашей советской девушки. Учтите на будущее!» Она учла.

Так и было в то время — о мировых тенденциях моды судили либо по фильмам своим и импортным, либо по международным кинофестивалям. Те, кому тогда было за двадцать, с детства привыкли узнавать о западной жизни из кино. На трофейных фильмах выросло послевоенное поколение детей, смотревших «Серенаду Солнечной долины», «Джордж из Динкиджаза», «Тарзана», «Девушку моей мечты» и другие киноленты. А в моду вошли вещи иностранного пошива, о чем пел Высоцкий в «Балладе о детстве» (1977):

У тети Зины кофточка с драконами да змеями, —
То у Попова Вовчика отец пришел с трофеями.
Трофейная Япония, трофейная Германия...
Пришла страна Лимония, сплошная Чемодания!

И по кино, и по шмоткам становилось понятно, что там, за бугром, другая жизнь. Возможно, идеологически вредная, но заманчивая. Запретный плод, как известно, сладок. Взрослых сдерживал жизненный опыт, а молодежь ничего не сдерживало в попытках если уж не одним глазком взглянуть на успешно разлагавшийся Запад, то хотя бы на секунду представить себя в его сетях. И здесь главным проводником выступала мода. «На барахолках страны приземлились и пошли по рукам платья, костюмы, пальто для всех полов и возрастов — “трофейное барахло”, вывезенное солдатами в вещевых мешках из покоренной Германии... Каталог и гидом для путешествий по морю кожаных тирольских шорт, румынских, итальянских и венгерских военных пальто и детских берлинских костюмчиков служили американские фильмы. Глядя на голливудских девушек и суровых гангстеров в двубортных ко-

стюмах и шляпах, запоминала русская молодежь модели одежды», — пишет Эдуард Лимонов.

И появились стилиаги, представители яркой части московской молодежи, отважно бросившей вызов укorenившимся в советском обществе образу жизни и официальной морали. Первые стилиаги проявили себя после войны, о чем свидетельствует хотя бы фельетон в журнале «Крокодил» (№ 7 за 1949 год): «В дверях зала показался юноша. Он имел изумительно нелепый вид: спина куртки ярко-оранжевая, а рукава и полы зеленые; ботинки на нем представляли собой хитроумную комбинацию из черного лака и красной замши. Обнаружились носки, которые слепили глаза, до того они были яркие», а девушка-стиляга вызывала протест автора фельетона уже тем, что оказалась будто «спорхнувшей с обложки журнала мод».

Автор фельетона обращает внимание на странную модель ботинок стилиаги — откуда могла взяться эта «хитроумная комбинация»? Со штанами и курткой понятно — «самострою», а вот такую обувь фабрика «Буревестник» не выпускала. На какие только ухищрения не шли московские стилиаги в поисках ботинок, достойных своего образа. Можно было, например, взять обычные полуботинки брата-офицера, служившего в морфлоте: они были так похожи на американские! А если воспользоваться сапожным шилом и через копировальную бумагу перенести на ботинки рисунок «крылышки» — вообще не отличишь.

И хотя созданный фельетоном образ во многом карикатурен, можно сделать вывод, что главной целью стилиаг была провокация, вызов: не важно чем, не важно как, но ярко выделиться из общей серой массы. Но и в стилиажной среде были свои отщепенцы, нередко именовавшие себя «штатниками», что показывало их идолопоклонство перед Америкой. А в иные годы это было ох как опасно, именно на закате сталинизма в судебных протоколах стала появляться аббревиатура ВАД, что означало «восхваление американской демократии». Но в советской прессе, да и в народе, закрепилось именно слово «стиляги», возможно происходя-

щее из сленга музыкантов. В английском языке есть два похожих слова «steal» (воровать) и «style» (стиль), джазисты нередко говорят «стилять», то есть повторять, заимствовать. Соответственно, тот, кто этим занят, и зовется «стилягой». Вспоминается Агния Барто:

Нравится Вовке
Быть плохо одетым.
Что ж он, неряха?
Нет, дело не в этом!
Вовка боится
(Поймите беднягу!) —
Вдруг еще примут
Его за стилиягу.

Стиляги («чуваки») проделали большой путь от эпатажа к стильности: чем шире открывалась дверь на Запад, тем ближе они приближались к современной моде (как они полагали). Брюки становились уже, превращаясь в «дудочки», в ту же сторону устремились размеры пиджаков (плечи, правда, остались широкими), яркие рубашки, галстук-селедка и т. д. Ботинки непременно должны были быть на «манной каше», то есть белой подошве из каучука. Впоследствии этот термин несколько модернизируется в «манку». На голове вырос кок (в сталинское время поголовно стриглись под полубокс), словно опознавательный знак или маяк не только для единомышленников, но и для всяких там комсомольских активистов, ловивших стилияг на московских улицах. Девушки-стиляги («чувихи») выделялись ярким макияжем и прической «венчик мира», когда вокруг головы завитые волосы укладывались венцом. Обтягивающая юбка подчеркивала фигуру.

Основным источником информации об изменениях во внешнем виде стилияг мог бы послужить все тот же журнал «Крокодил», настолько самоотверженно борющийся с тлетворным влиянием Запада, что некоторые несознательные читатели именно его картинки брали за основу в желании выглядеть как самые последние стилияги. Во многом топорная пропаганда сама и раздула культ стилияг в то время. А сегодня ста-

рый «Крокодил» стал своего рода летописью стилиажного движения, да и советской моды вообще.

Василий Аксенов по-своему через много лет трактовал значение стилиаг, назвав их первыми диссидентами: «Эстетически они были совершенно против течения и бросали вызов. Это был своего рода футуризм, как Маяковский в желтой кофте ходил по Невскому, так и стилиаги ходили в своих “прикидах” — клетчатых пиджаках, галстуках, узких брюках, прически соответствующие».

В Москве стилиаги демонстрировали себя на бродее — той части улицы Горького, что простиралась от «Коктейль-холла» до Пушки, то есть Пушкинской площади. Это называлось у них «скилять» или «кинуть брэк по Броду». Это был их показ, их демонстрация моды. Сленг стилиаг являлся производным от английских слов, например: «фазер» — отец, «лукать» — смотреть, «дринкать» — выпивать, «джакетою» — куртка или пиджак, «манюшки» — деньги, «соксы» — носки, «таек» — галстук, «трузера» — брюки, «трэнчкот» — плащ и т. д. «Хатой» они называли квартиру, такси обозначали словом «динамо».

Одевающиеся «себе на уме» стилиаги были опасны для государства, о чем очень хорошо сказал воспевавший это явление в своих пьесах драматург Виктор Славкин: «Новизна, которую предлагали стилиаги, была не на уровне идей, а на уровне быта. Стиляги первыми бросили вызов суконному, прокисшему сталинскому быту, этому незатейливому жизненному стилю, для которого само-то слово “стиль” не применимо. Но в этом бесцветном жиденьком вареве и заключался один из секретов прочности нашего государства. Населением в униформе легче руководить, чем людьми в разноцветных пиджаках».

Советскую униформу, то есть отечественную одежду, стилиаги называли «совпаршив». Они стали главным объектом травли и в прессе, и в кинематографе. Карикатуры («Папина “Победа”» Бориса Пророкова), фельетоны, отрицательные герои в различных нравоучительных фильмах и кинокомедиях. Последствия

фельетонов, где упоминались конкретные фамилии, были весьма печальными. В ноябре 1953 года в «Комсомольской правде» увидела свет неожиданно смелая статья «Плесень» о московской золотой молодежи, ярким представителем которой был сын крупного ученого, академика-мостостроителя Георгия Передерия. Это было неожиданно, ибо впервые речь шла об отпрысках номенклатуры. Андрей Передерий, живший на широкую ногу, был завсегдатаем «Коктейль-холла», ни в чем себе не отказывал и оказался замешанным в убийстве, за что получил 20 лет тюрьмы. Смысл фельетона был понятен — от стиляжничества недалеко и до преступления. Через месяц после публикации фельетона академик Передерий, не вынеся позора, скончался. Статья «Плесень» получила большой резонанс, куплетисты резво взяли это обзывательство в оборот. А тем, кто не читал газету, все объясняла наглядная агитация в виде плакатов с заголовком «От стиляги — к преступнику»:

Стиляга — в потенции враг
С моралью чужою и куцей, —
На комсомольскую мушку стиляг;
Пусть переделываются и сдаются!

Но стиляги, упрямые, не сдавались, а их вновь ловили, остригали коки, кромсали пиджаки, брюки, галстуки, исключали из института. В числе тех, кто ловил, были уже не только более идейные их сверстники из комсомола, но и так называемые «бригадмилыцы» — члены бригад добровольного содействия милиции. Стиляг нередко таскали в отделение милиции № 50, на территории которого находился бродвей, в просторечии его называли «полтинник». На поэтическую мушку взял стиляг и поэт Николай Рубцов, в 1957 году сочинивший такое стихотворение:

Сакс фокс рубал, дрожал пол
От сумасшедших ног.
Чувак прохияля
В Коктейль-холл
И заказал рок.

Лицом был чувак ал,
Над бровью — волос клок.
Чувиху чувак позвал
И начал лабать рок.

Чувиха была пьяна.
И в бешенстве лабы той
Вся изошла она
Истомою половой.

Под юбкой парок дымил
И мокла капрона нить,
На морде написан был
Девиз: «Торопитесь жить!»...

Ну а те самые кофточки со змеями, о которых пел Высоцкий, поступали в СССР и из Китайской Народной Республики в 1950-е годы, в период большой дружбы между двумя народами. И это тоже была мода. Чего только не покупали, почти каждая женщина хотела иметь цветастый бамбуковый зонтик или веер, а еще шелковый шарфик. Хорошим качеством отличались китайские яркие женские халаты и блузки, мужские пижамы и рубашки, габардиновые пальто, плащи, обувь, женские сумочки.

Возможность покупать вещи, произведенные в Прибалтике и странах народной демократии, открывшаяся со второй половины 1950-х годов, также повлияла на моду. Вот, например, как описывает свой внешний вид писатель Александр Кабаков: «Латышского шитья брюки из зеленовато-серого мелкого букле с широкими отворотами. К ним безукоризненно подошли куртка грубой шерсти, с хлястиками по бокам, чехословацкой марки “Отаван” и той же марки рубашка из плотного бумажного поплина. В воротник для твердости вставлялись узкие пластмассовые планочки... Наконец, этот сдержанно-стильный вид завершали красноватого оттенка туфли чехословацкой же фирмы “Цебо” на толстой подошве. По моде короткое, выше колен пальто мешком, гэдээровское изделие, дополняло наряд народно-демократического франта».

Советская обувная промышленность в лучшее время выпускала в среднем примерно три пары обуви на душу населения в год, а оно, население, почему-то эту обувь носить отказывалось. Приличная обувь фирмы «Цебо» для простого люда была чуть ли не единственно доступной из импортных моделей. О том, что советские ботинки не выдерживали никакой критики, можно было шутить спокойно даже на правительственном концерте, не говоря уже о клоунах в цирке на Цветном бульваре. Неудобность, убогость советской обуви стали притчей во языцех. Причиной сего являлся дефицит специалистов, способных создать качественные обувные колодки. Трудно поверить, но в конце 1950-х в стране насчитывалось не более сотни таких мастеров-колодочников. Пришлось даже делегацию в Италию снаряжать для обмена опытом, но отставание оказалось слишком большим.

А «Цебо» — легкие, симпатичные, из мягкой кожи, будь то мужские туфли или дамские босоножки. Чтобы носить красивую обувь, порой приходилось идти на жертвы. Актер Александр Абдулов рассказывал: «Я очень хотел дорогие ботинки. Мой взгляд остановился на ботинках фирмы “Цебо” с самой высокой ценой — 32 рубля. Увы, единственная имевшаяся в наличии пара оказалась на размер меньше, чем я носил. Но у меня не хватило сил признаться в этом отцу. В результате со скрюченными пальцами и закушенной губой я отправился на выпускной. Обратный шел босиком, потому что больше терпеть не мог. Но туфли за 32 рубля я все-таки получил!» Люди побогаче могли позволить себе немецкую «Саламандру».

Но вернемся в 1950-е. Михаил Козаков, вспоминая свою бурную молодость, припомнил ботинки на толстой «гуттаперчевой» подошве, лыжную куртку на молнии, свитер с накладным воротником, пальто с ворсом и ремень к нему из этого же материала. А на голове круглая эстонская фуражка с козырьком. И при этом он не считал себя стилистом, а уже представителем иного рода модников — пижонов. Носили и вязаные прибалтийские свитера с оленями или цветными по-

лосами посередине. Такую полосу называли «линией налива» — термин в данном случае винно-водочный.

Пижоны шибче реагировали на изменение моды, они первыми стали носить рубашки, воротники которых были с длинными, широко расставленными углами, и цветные галстуки, причем галстуки к таким воротникам носились по-особому. Пижон пижона видел издалека.

Пижоны чем-то походили на денди (на которых ориентировался еще Евгений Онегин), а стилиаги — чисто советское изобретение. Пижоны эгоцентричны и, в отличие от стилиаг, не стремились сбиваться в стаи. Для пижона главное не стилиажный протест, а чтобы народ рот открыл от зависти. Козаков, воплотивший свой пижонский прикид в «Покровских воротах» в образе Костика в исполнении Олега Меньшикова, не случайно говорит: «Видя меня на улице, люди замирали!» Отчего замирали? На нем были привезенные из Канады мокасины с кантом (шик!), яркие носки в широкую клетку, узкие брюки и черная вельветовая куртка с белым воротником, белыми пуговицами и манжетами и белой оторочкой по поясу. В глазах девушек все это создавало большой авторитет.

Модными у пижонов были кепки-«лондонки» и шляпы с широкими полями. В «лондонках», сшитых из ткани букле, имевших большой козырек и носившихся глубоко надвинутыми на лоб, во время игры нередко щеголяли известные футболисты Яшин и Маслаченко. Желających подражать им было немало.

Ровесницы пижонов любили блузки с рукавами-фонарик. Сшить их было нетрудно, выкройки передавали друг другу. Шили платья в основном из недорогого ситца, которого вдоволь производили ткацкие фабрики. Устраивались даже «ситцевые бальи», так много было этого материала.

После фильмов с Брижит Бардо, в том числе «Бабетта идет на войну» (1959), девушки стали носить юбки-колокол и, конечно, прически, названные в честь актрисы «бабеттами», когда начесанные волосы укладывали на затылке в виде ракушки или пучка, иногда с

подкладным валиком. Это делалось так: «Пряди волос с помощью гребенки начесывались от концов к корням. Получалась львиная грива, которую затем укладывали в кокон, приглаживая только верхний слой. Все обильно склеивалось лаком. На затылке все концы подтыкались и скреплялись несколькими шпильками. Даже люди с крайне редкими волосами имели в результате начеса пышную прическу. Некоторые умудрялись несколько дней не расчесывать волосы — жалко было, да и долго. От этого у бабетты было другое название — вшивый домию», — вспоминает Татьяна Дервиз.

Кроме Бардо в качестве объектов для подражания советские женщины выберут Одри Хепберн, Марину Влади (ее прическу назовут по названию фильма — «колдунья»). Роль секс-символов играли и другие звезды мирового кинематографа — Мэрилин Монро, Симона Синьоре, Сильвана Пампанини, Дани Робен. Среди мужчин популярны были французские актеры. Вместе с одеждой заграничного фасона сердца молодежи все больше завоевывала и музыка «оттуда» — джаз и рок-н-ролл, который так удобно было танцевать в узких брюках.

Стиляги, пижоны и прочие модники стали первыми ласточками затянувшегося на долгие годы процесса преобразования Москвы и москвичей. Бедная страна приучила потребителя покупать новую одежду исключительно для замены старой, износившейся. К этому склоняла людей и пропаганда, уверявшая, что в коммунистическом обществе удовлетворяются лишь «разумные» потребности и желания, всё остальное относится к роскоши. Пределы разумности в одежде зависели от глубины экономических трудностей.

Если исходить из теории французского философа-постструктуралиста Ролана Барта (опять француз!), то, получается, в СССР моды не было вообще. Он выявил взаимосвязь между сроками покупки и износа товаров. Если покупка совершается чаще, чем одежда изнашивается, это значит, что мода есть. А если покупка ритмична износу, то и моды нет. А о третьем варианте и говорить не хочется: это когда частота покупки мень-

ше ритма износа, возникает пауперизация — «массовое обнищание трудящихся масс в условиях капиталистической эксплуатации» (Толковый словарь Ушакова, 1940). Таким образом, исходя из современных философских концепций, советское общество вплоть до 1970-х годов может быть причислено ко второму варианту и охарактеризовано отсутствием культуры моды и наличием «культуры бедности». Отсюда и консерватизм большинства населения, а не только старух с колхозного рынка, с которым прежде всего (а не с властью) и боролись отважные стилиаги.

Надо ли советским людям носить узкие штаны? Этот серьезный вопрос обсуждался не в Доме моделей, а в самом Кремле. Без отмашки партии в стране ничего не делалось. Под влиянием внешнего облика Ива Монтана товарищ Хрущев наконец допер, что за счет сужения брюк можно достичь неплохой экономии в общесоюзном масштабе. И вот уже в декабре 1956 года на пленуме ЦК КПСС он огорошил своих «партайгеноссе»: «Сейчас весь Запад носит штаны уже, короче, чем у нас. У нас мужчины ходят, как косматые голуби, штаны внизу болтаются. Раньше мы тоже носили узкие штаны. Нужно и об этом подумать. Разве нужны обязательно широкие штаны? Даже и в этом есть мобилизация средств».

Сказано — сделано, вскоре разрешение комсомольским массам носить узкие брюки озвучил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Шелепин: «На пленуме Никита Сергеевич сказал, что нам надо следить за модами. Сейчас везде на Западе носят узкие брюки. Это прежде всего экономично. Наш брат, правда, за последнее время перестроился в этом смысле, носит какие штаны? 30—32 сантиметра. Конечно, здесь не надо злоупотреблять, и не думайте, что речь идет о стилиагах. Ведь стилиага наденет белый пиджак, красные штаны шириной 12 сантиметров. Действительно, это стилиага. Но 25—26 сантиметров ширина брюк — это нормально. Причем не надо допускать, чтобы они болтались. Ведь у нас с вами штаны болтаются. Идет человек в колхозе, и говорят про него, грязь собирает

штанами. Я это к тому говорю, чтобы вы об этом подумали».

И подумали, и даже реплику из зала бросили: «Но, товарищ Шелепин, не надо русскую национальность терять. Посмотришь, как в Москве одеваются. Идет русский человек, а, глядя на него, не поймешь, это русский или с Запада приехал». Да уж, Москва стала для всего остального Союза источником всего нового и современного (а для кого-то всего самого худшего). На Москву как на центр культуры, искусства, моды ориентировались все остальные граждане СССР. Приезжали посмотреть, в чем ходят москвичи, что сегодня носят. В Москве проживала и элита — ученые, артисты, дипломаты, чиновники, большие возможности которых создавали спрос на одежду более высокого качества и уровня. Здесь же было сосредоточено и все лучшее, позволявшее этот самый спрос кое-как обеспечивать и удовлетворять, в частности, крупные универмаги и закрытые распределители. И потому столица всегда переодевалась первой.

Огромную роль в «переодевании» москвичей по современной моде сыграл Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года. Московские модельеры, не желая ударить лицом в грязь, подготовились к нему соответствующим образом. Были созданы модели современных молодежных костюмов, производство которых наладили на московских пошивочных фабриках. В магазинах, пусть и после многочасового стояния, можно было купить яркие и недорогие рубашки и юбки, блузки, летние брюки. Возникла мода на короткие и легкие мужские однобортные пиджаки разных цветов, из хлопчатобумажного габардина и вельвета, с воротниками и без. У прекрасной половины участников фестиваля стали популярны пышные платья с нижними юбками. Фестиваль открыл советскому народу джинсы и кеды.

Джинсы... Трудно сегодня с чем-либо сравнить их значение для москвичей той эпохи. Одетый в джинсы человек будто бы вырастал над толпой, поднимаясь в глазах тех, кто ими не обладал, становясь центром при-

тяжения взглядов, внимания, интереса. Из повседневной рабочей одежды в США (впервые их начали носить шахтеры) в СССР джинсы превратились в одежду праздничную. Их покупали с большой переплатой (за 200—250 и более рублей), дарили на день рождения, передавали по наследству. А еще принято было отправывать со старых джинсов лейбл известного производителя (когда они становились малы) и перешивать его на новые, менее фирменные, а порой и просто сшитые в ателье брюки, например, вельветовые.

На джинсы копили, ими спекулировали, за ношение их могли даже исключить из комсомола, но все эти трудности не только не останавливали страждущих, а еще в большей степени обостряли желание их носить. За настоящие фирменные джинсы можно было даже продать родину. Говорят, что последними словами приговоренных к высшей мере наказания валютчиков и фарцовщиков Яна Рокотова и Владислава Файбишенко были: «А американские джинсы — лучше!» Первые фарцовщики сколотили свой капитал, в том числе и на джинсах.

И самое интересное, что граждане действительно меняли родину вскоре после обретения джинсов. В конце 1960-х годов Владимир Набоков решил подарить Иосифу Бродскому джинсы, в итоге будущий нобелевский лауреат также стал обладателем этого дефицита. Сам факт такого подарка до сих пор пораживает некоторых литературоведов. То, что один советский гражданин мог подарить джинсы другому, это нормально, но вот когда иностранец дарит — это заставляет искать некий потайной смысл. Кое-кто расценил такой подарок издевательством.

Отношение к джинсам в СССР стало одним из стимулов продолжения вечного конфликта между отцами и детьми. Когда на очередной встрече с интеллигенцией Хрущев увидел поэта Вознесенского в джинсах, он не удержался от того, чтобы публично осудить его за это. Трудно поверить, но в самой Америке джинсы поначалу тоже приняли в штыки, в начале 1950-х годов в эпоху охоты на ведьм в школах учеников стро-

или на спортплощадке и стыдили за ношение столь некрасивой одежды.

Однажды после зарубежных гастролей в Москву вернулся Мстислав Ростропович, нет, он не привез своим дочерям джинсы, хотя прекрасно понимал, чего они ждут от него. Джинсы дочерям купила на Западе Галина Вишневская, что вызвало неадекватную реакцию виолончелиста, отчитавшего супругу: «Почему девчонки в джинсах, а не в платьях? Как у них с учебкой?» Ростропович никак не хотел примириться с тем, что его дочери носят джинсы, якобы соблазняя этим своих сверстников. Борясь с модой не хуже закоренелого инквизитора, он в один прекрасный день приказал девочкам снять джинсы, затем бросил их на открытую веранду дачного дома, облил бензином и поджег. К счастью, дождь не дал пламени разгореться и спалить дом.

Девочкам было отчего плакать: их любимый папа, вместо того чтобы самому переодеться в джинсы, сжег один из символов привлекательности и идеологической пропаганды загнивающего Запада. Верхом блаженства считалось носить американские джинсы популярных марок «Леви-Строс» («Levi Strauss»), «Вранглер» («Wrangler») и «Ли райдерс» («Lee Riders»), знаменитой была и марка «Монтана» («Montana»). А чтобы не возникало подозрений в подделке (производством которых в СССР занималась масса подпольных цехов), существовали и народные способы проверки. Считалось достаточным провести мокрой спичкой по ткани: если она становилась синей, значит, джинсы настоящие. А все оттого, что джинсы шились из специальной ткани «деним», у которой внешний тканевый слой был прокрашен, а нижний — нет.

Если после долгой носки на джинсах не возникало потертостей, это также указывало на их фальшивость: фирменные джинсы обязательно вытирались. Изрядно потертые джинсы означали, что их владелец уже давно перешел в категорию «продвинутых». Были и те, кто специально состаривал джинсы, используя для этого кирпич и пемзу. В конце концов, когда совет-

ские джинсы стали производить на фабрике «Рабочая одежда» из кондовой ткани, выявился ее главный недостаток — она не вытиралась! Не помогал и кирпич.

Те, кто не мог достать американские джинсы, радовались польским, индийским, финским, югославским, болгарским («Рила»), их можно было купить уже рублей по сто. Народ окрестил их «техасами». А после перешивания лейбла их на первый взгляд было не отличить тем, кто настоящих и в глаза не видел.

Первое время само слово «джинсы» боялись употреблять. В 1960 году вышла в свет и быстро завоевала признание читателей повесть Анатолия Рыбакова «Приключения Кроша», в которой выведен отрицательный персонаж в джинсах: «...в финских брюках, очень узких, в обтяжку, прошитых вдоль и поперек белыми нитками. Это хорошие, удобные брюки с множеством карманов. Но толстому Вадиму они были узки. Он не мог в них ни сесть, ни встать. Они даже не застегивались у него на животе». Писатель счел необходимым, не называя джинсов, тем не менее указать на их неудобство.

Джинсы шили и на дому. У Алексея Козлова были знакомые, организовавшие пошив джинсов, сравнимых по качеству с оригиналом: «В районе метро “Щербаковская” на проспекте Мира жила молодая пара — Саша и Света. Света обшивала своих знакомых, делая потрясающие бархатные клешенные джинсы в обтяжку, дикой красоты. Она брала за работу и за материал, который доставала сама, символические деньги, работая ради искусства. Несмотря на презрение к “самопалам”, ее джинсы носить было не стыдно».

В «Альтисте Данилове» Наташа спрашивает: «Данилов, хочешь, я тебе брюки сошью? Вот мерку сниму и сошью. Или джинсовый костюм? Или куртку?» А вот приятель Данилова Муравлев довольствовался продукцией стран соцлагеря, натягивал «мятые польские джинсы». Владимир Орлов подчеркнул «мятость», фирменные американские не мялись. Не зря считалось, что настоящие джинсы «Монтана» должны «стоять». Их не надо было гладить, постирал в тазике, на

веревку повесил, утром опять надел. Но сушить, конечно, только в квартире, ибо джинсы часто воровали. В бассейне, на пляже, в любой раздевалке — главное, рот не разевать!

У Владимира Высоцкого, обожавшего джинсы и кожаные куртки, как-то украли из гостиничного номера одежду вместе с паспортом и деньгами, все вернули на следующий день, кроме джинсов. «Дорогой Владимир Семенович! — писали воры. — Простите, мы не знали, чье это. Джинсы уже продали, возвращаем документы, деньги и куртку». Актер и сам часто дарил свои джинсы знакомым.

Высоцкий и выступал непременно в темно-синих джинсах, демонстрируя этим свой стиль, к куртке полагалась рубашка, опять же в синих тонах, но не обязательно джинсовая. Джинсы у него были фирменные (еще бы, жена француженка!), расклепанные. Но их надо было еще и качественно подшить, чем занимались особо доверенные поклонницы актера. Охотно носил он и джинсовые костюмы, любил водолазки, даже на свадьбу пришел в ней. Его и хоронили в джинсах. Высоцкий также стал иконой стиля, как когда-то Людмила Гурченко, и держался на этом пьедестале лет пятнадцать. Ему подражали не только голосом.

Есть меткое народное выражение — «влезть без мыла», похоже, что оно родилось в те десятилетия. Джинсы, как любую другую модную одежду, покупали, несмотря на размер. А потому иные могли влезть в маленькие джинсы лишь с мылом, а большие джинсы как-то ушивали, держали их для усадки в ванне с горячей водой. Во избежание превращения нижней части джинсов в бахрому, к подгибу пришивали разъединенную молнию.

На жаргоне джинсы назывались «джины». В «Служебном романе» секретарша Верочка учит неопытную Калугину, что в 36 лет «джины носить уже не стоит». О том, что джинсы — одежда молодых и после тридцати пяти носить их было уже неприлично и даже вызывающе инфантильно, говорит ремарка Михаила Роцина к уже упоминавшейся нами пьесе: «Валерик,

бывший однокашник Полуорлова, а теперь без пяти минут доктор наук, но из тех докторов, что и в сорок лет носят джинсы и которых друзья зовут уменьшительными именами».

И если нынче успеваемость детей нередко стимулируют обещанием приобрести новый телефон, то в те годы таким подарком считались джинсы. Детишкам постарше, первокурсникам ради покупки джинсов нестыдно было и подработать месяцок-другой в колхозе на уборке урожая либо на разгрузке вагонов.

После триумфальной мировой премьеры фильма Григория Чухрая «Баллада о солдате» актер Владимир Ивашов проснулся знаменитым. В один из первых своих выездов за границу он приобрел джинсовый костюм, оказавшись чуть ли не первым в Москве обладателем сего наряда. Неудивительно, что в него без памяти влюбилась Светлана Светличная, первая красавица советского кино.

А некоторые — и актеры, и спортсмены — не только сами сразу же облачались в джинсы в примерочных зарубежных универмагов, но и привозили их на продажу. В конце 1970-х годов на таможне в багаже советской горнолыжной сборной обнаружили более сотни джинсов. Скандал с трудом удалось замять, но без оргвыводов не обошлось.

Занимались фарцовкой и музыканты, привозя с гастролей чемоданы, набитые джинсами. «Каждый гастролер обычно стремится брать в поездку минимальное количество вещей, чтобы получилось два места — инструмент и сумка через плечо. Чемодан старались не брать, чтобы не сдавать ничего в багаж в аэропорту. А когда кто-то появлялся с сумкой и с огромным чемоданом, становилось ясно, для чего это все предназначено... Если бы кто-то из нашего коллектива попался на фарцовке, то у нас могли быть большие неприятности, вплоть до расформирования ансамбля, смотря к кому попадет это дело. А ведь были моменты, когда в гостиничный номер к одному из наших музыкантов приходило столько народа за джинсами, что возникало нечто вроде очереди. Вот и приходилось рубить

по живому и менять людей, казавшихся незаменимыми», — вспоминает Алексей Козлов, руководивший в то время ансамблем «Арсенал».

Джинсы отличались и удивительной прочностью, не зря же еще за 100 лет до появления их в советской России американские шахтеры удивлялись, что их джинсы не рвутся даже через пять лет постоянной в них работы. Вот потому-то лейбл джинсов «Леви-Строс» отмечен двумя лошадьми, пытающимися разорвать их пополам. В джинсах на запретном Западе ходили не только рабочие и шерифы, фермеры и писатели, но и джазмены, музыканты, хиппи, киногерои. Сам Джон Леннон любил джинсу.

Хорошим дополнением к джинсам, купленным с рук (в 1970-е годы фарцовщики часто ошивались у станции метро «Беговая»), был фирменный пакет, к которому у советских граждан было трепетное отношение. Такой пакет носили аккуратно, мыли, ухаживали за ним, картошку не носили. Но были случаи, когда, покупая у фарцовщика джинсы, неопытный модник мог принести домой лишь одну штанину — попробуй разверни их в подворотне, когда в любой момент возможно появление милиционера. Не всегда джинсы «оттуда» были ожидаемо качественными, о чем пишет бард Александр Городницкий:

«Надо сказать, что нигде мне не было так стыдно за свою великую державу, как в жалких третьесортных лавчонках Гибралтара и Лас-Пальмаса, Сингапура и Токио, где пронырливые торговцы, по большей части индусы или поляки, ловко ориентируясь на советский спрос, держат специальные “русские” магазины, в которых по более дешевым ценам продают самую разнообразную третьесортицу — от джинсов из подгнившей ткани, зонтиков и презервативов до магнитофонов и видеосистем, через месяц или раньше выходящих из строя. Моряков и рыбаков наших это, однако, нисколько не волнует, так как все барахло приобретает здесь для немедленной перепродажи дома.

До сих пор помню чувство жгучего стыда, испытанного мною в Париже в каком-то “польском” мага-

зине, куда нас привел гид и где “золотые” чемпионки Олимпийских игр, на глазах у откровенно потешавшихся над ними продавцов, жадно вырывали друг у друга из рук какие-то нейлоновые шубы и более интимные предметы женского туалета. А похмельные оравы матерящихся рыбаков с продубленными соленым ветром лицами и алчными глазами, торопливо волокущие к причалу огромные узлы и свертки с коврами и пальто-болоньями!»

В фильме «Два билета на дневной сеанс» (1966) разоблачается распространенная в СССР практика подпольного пошива джинсов и прочей модной одежды в промышленных масштабах. Деловые люди сразу смекнули, на чем можно делать деньги. Шили, надо сказать, качественно. Не побоялись даже назвать республику, где все это организовано, — Латвию. И это логично, ибо прибалтийские республики оказывались ближе всего к границе. И там же жили профессиональные портные, шившие отличные джинсы. Оставалось лишь пришить лейбл с кричащим названием. Можно себе представить объемы доходов цеховиков, сопутствующие джинсовой лихорадке. В 1975 году Андрей Вознесенский сочинил оду джинсам:

Человек надел трусы,
майку синей полосы,
джинсы белые, как снег,
надевает человек.

Позднее это стало песней: «По утрам, надев трусы, / Не забудьте про часы!» Белые джинсы поднимали человека на еще более высокую ступень жизни.

Второе открытие фестиваля 1957 года — кеды, даже странно, как раньше без них обходились. Простая вроде бы обувь, пролетарская, а может использоваться где угодно — и на футбольном поле, и на танцплощадке. Советская промышленность быстро наладила их производство, но ценились все же китайские кеды «два мяча», на более толстой подошве зеленого или красного цвета (другая азиатская страна позднее отметится вьетнамками — резиновыми шлепанцами). Был

и свой лейбл — резиновая эмблема с двумя мячами, футбольным и баскетбольным. Совершенно плоская подошва способствовала развитию плоскостопия, потому заботливые бабушки заставляли своих внуков и внучек надевать еще и толстые шерстяные носки. Кеды носили все, даже Волк из «Ну, погоди!».

Народ носил массово кеды до тех пор, пока новое событие мирового масштаба — Олимпиада-80 — не ознаменовало собой начало эры кроссовок, лучшими из которых считались немецкие «Адидас». Хотя иные счастливицы обрядились в обувь с тремя полосками чуть ранее — это были советские спортсмены, выезжавшие за рубеж на спортивные соревнования. А году в 1979-м одна из московских фабрик по лицензии начала производство нашего, советского «Адидаса». Модель была одна, и притом устаревшая, — синие кроссовки с белыми полосками, на резине (а не на полиуретане), но москвичам и этого не хватало. За кроссовками гонялись, перекупали и обменивали.

А еще от зарубежных гостей фестиваля как-то по-особому пахло. Еще бы, ведь они не пользовались духами «Красная Москва» от фабрики «Новая заря»! Это самый известный запах эпохи. Редко в каком доме не стояли в шкафчике или у зеркала эти духи в красной коробочке, «ассоциирующиеся с изящной теплотой, игривой и кокетливой томностью, мелодичной певучестью», как сообщали советские журналы. А еще были «Каменный цветок», «Ландыш серебристый», «Ландыш лесной», «Белая сирень». Но французские ароматы «Кристиан Диор» и «Шанель № 5» могли очаровать кого угодно, быть может, потому, что «ассоциировались» с границей, с шиком, с неведомой роскошью.

Разнюхав «Шанель № 5», многие уже не могли по-другому представить себе идеал настоящих духов. В «Бриллиантовой руке» милиционер Михаил Иванович, понюхав компрометирующую Горбункова бумажку, загадочно изрекает: «Французские, “Шанель номер пять”!» Теперь ему всё понятно: элементы сладкой жизни!

Фестиваль привел к постепенному затуханию стилижного движения, а вот пижонов стало еще больше. С начала 1960-х годов моде стали придавать меньше политического значения. Теперь временной разрыв между возникновением новых модных веяний и их проникновением в советскую столицу сократился лет до пяти. Примером этого являются туфли на шпильке. Еще в 1953 году Кристиан Диор представил в Париже новую модель элегантной женской обуви — открытые туфли с глубоким вырезом спереди, не имеющие ремешков и застежек, на тонком каблуке различной высоты. С английского «court shoes» на русский это переводится как туфли-лодочки. Модный дом Коко Шанель в 1957 году предложил ставшую мгновенно популярной свою двухцветную модель лодочек на невысоком каблуке, с носком темнее основного цвета, за счет чего размер ноги визуально уменьшался.

В Москве лодочки получили широкое распространение под названием туфли на шпильках или на гвоздиках. Свое влияние на новую моду оказала выставка США 1959 года в Сокольниках, в рамках которой прошли показы современной американской одежды и обуви. Дизайн туфель был разнообразным, в зависимости от цвета и высоты каблука. Остроносые лодочки были очень модными. Иосиф Кобзон распевал из всех радиоприемников в 1962 году:

Или утром стучит каблучками она —
Обо всем позабыв, я слежу из окна.
И не знаю, зачем мне она так нужна.

Большим событием для московских модников стал приезд в 1967 году модного дома Коко Шанель, вызвавший необычайный ажиотаж. Как всегда, масса желающих стремилась попасть на показы модной одежды известного дизайнерского бренда, а те, кто был лишен счастья лично присутствовать, удовлетворились фотографиями. Поклонницей Шанель была и Фурцева, на которую ориентировалась небольшая прослойка руководящих женщин. Фурцева носила строгие костюмы с жакетами, с различными декоративными деталями.

Бурная деятельность французских модных домов на долгие годы вперед предопределила направление творческих поисков отечественных модельеров и дизайнеров. Это было тем более странно и удивительно, если учесть, что в СССР в это время не оставляли попыток создания собственной моды, о чем постоянно писали газеты и журналы. Но сами модельеры смотрели на мир более трезвыми глазами. В 1964 году на одном из всесоюзных совещаний по развитию советской моды была озвучена крамольная, но правдивая мысль: «Всемогущая мода рождается, будем откровенны, как и в прежние времена, в модных фирмах Парижа. Мы же, с одной стороны, стараемся приспособить эту моду к нашим условиям жизни и экономики, а с другой — все же не решаемся совсем оторваться от “Кристиана Диора”. В результате этого сочетания появляется “советская мода”».

По проторенному Диором и Шанель пути направлялось и развитие Московского дома моделей на Кузнецком Мосту, где с 1965 года трудился в качестве художественного руководителя экспериментально-технического цеха Вячеслав Зайцев. Уроженец Иванова и золотой выпускник Московского текстильного института, он через тернии к звездам пробирался со своими новейшими идеями в области моды к потребителю. Консервативные тети и дяди, призванные следить за шириной брюк и высотой юбок у советских людей, всячески сдерживали творческий пыл Зайцева по приданию женщинам достойного внешнего облика. Его модели новой современной одежды объявлялись чуждыми «нашему народу». Еще в институте уборщица выкинула в мусор папку с его работами, приняв их за макулатуру. Но Зайцева это не остановило. Первой его серьезной работой стала линия спецодежды для работниц сельского хозяйства, встреченная в штыки методическим советом Экспериментально-технической швейной фабрики Мособлсовнархоза в городе Бабушкине.

Но если в Бабушкине ценителей таланта Зайцева не нашлось, то вот в Европе быстро разглядели «Крас-

ного Диора» и опубликовали о нем статью «Он диктует моду Москве» в 1963 году в журнале «Пари матч». Встретиться с Зайцевым пожелал сам Пьер Карден, увидевший в молодом модельере не подрастающую смену, а стопроцентного профи и равного по таланту коллегу.

На Западе Зайцева назвали «королем моды» и пригласили поработать, даже открыть свои магазины. Его коллекции из «Русской серии», созданной в середине 1960-х годов, с успехом вывозились за границу и снижали успешные отзывы. Но самого модельера не выпускали, а после одной из восторженных публикаций в зарубежной прессе даже сказали: «Чтобы мы тебя больше не видели!» Таково было отношение к ярким и оригинальным людям, мода менялась, а порядок оставался прежним. В итоге Зайцев диктовал моду большей части звезд советской эстрады. Лишь в 1978 году ему было позволено открыть авторское ателье, где он был оформлен и уборщицей, и вахтером, и портным.

1960-е — это не только эпоха Зайцева и Диора, но и время синтетики. Из нейлона и капрона что только не производили — носки, рубашки, женские кофты, чулки, перчатки, плащи. Популярны у женщин были тончайшие белые блузки. Капрон обладал необыкновенным свойством растягиваться, как резина. Одни и те же безразмерные носки подходили разным поколениям. А нейлоновые мужские рубашки отличались потрясающей износостойкостью, у них не снашивались так же быстро, как у обычных сорочек, воротники и манжеты, они не нуждались в утюге, ибо после стирки хозяйственным мылом быстро сохли, достигая своего первоначального состояния. В ответ на капрон в СССР создали новую ткань — лавсан (сокращение от названия Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук), легкую и недорогую, имитирующую натуральные волокна.

Еще одной культовой вещью эпохи 1960-х годов стал плащ из болоньи, легкой и тонкой капроновой плащевой ткани, вроде как происходящей из итальянского города Болонья (спагетти болоньезе и болон-

ки — родом оттуда же). В таком плаще ходил Ален Делон в кинофильме «Рокко и его братья», снискавшем успех в советском кинопрокате.

Мои друзья, хоть не в болонии,
Зато не тащат из семьи, —

а это уже из «Диалога у телевизора» Высоцкого, написанного в 1973 году, что отображает столь долгую популярность плаща. Болоньевые плащи пришли на замену китайским плащам «Дружба», что были двух фасонов — двубортные и однобортные, с карманами, у которых имелись прорези, позволявшие сразу попадать в карманы пиджака или брюк. Одним словом, китайская хитрость.

Болоньевые плащи имели свободный прямой крой, с поясом и английским воротником, карманы были прорезными, с дополнительной отлетающей кокеткой на спине, скрывавшей сетку для вентиляции, погончиками на плечах, внизу рукава были пришиты ремешки с металлическими пряжками для стягивания. Поначалу в импортной болонье ходили избранные, даже члены политбюро — не чета Зине и Ване, а затем уже все подряд. Водонепроницаемые плащи были не только элегантны и удобны (можно надевать и на свитер, и на пиджак, складывать в пакетик), но и сравнительно дешевы: 50 рублей в магазине и 80 рублей с рук.

В СССР производство плащевой ткани по итальянской лицензии наладили на одном из подмосковных комбинатов, советские граждане носили болонью чаще всего темно-синего, или темно-серого, или темно-коричневого цветов. Стройные девушки, стараясь подчеркнуть осиную талию, затягивали пояс как можно туже, чтобы юбка превращалась в колокол, как у Брижит Бардо. К болонье подходила разная обувь, в том числе туфли на шпильке. Хорошо шла к плащу косыночка. Мужчины носили и кепки, и береты. Но импортные плащи все-таки были лучше по качеству, они и складывались «конвертиком».

Хорошим дополнением к болонье была гладкая водолазка — облегающий трикотажный свитер с вы-

соким отворачивающимся воротником из различных натуральных материалов, обязанный своим названием утепленному костюму советского исследователя морских глубин. Водолазки носили и мужчины, и женщины. Андрей Миронов в «Бриллиантовой руке» продемонстрировал замечательное сочетание водолазки и костюма с отливом. «Битльз» на редких, перебравшихся через советскую границу фотографиях также нередко представляли одетыми в водолазки, что дало им в народе еще одно название — «битловки».

Девушка в облегающей черной водолазке, светлой короткой юбке, в туфлях на шпильках выглядела на московской улице в 1960-х годах весьма стильно, ну прямо как Татьяна Доронина из фильма «Еще раз про любовь», действие которого разворачивается в Москве. Водолазки не утратили популярности и в следующее десятилетие, пережив даже определенную модификацию. В 1970-е годы многие москвичи гонялись за водолазками в рубчик — их называли «лапшой» (на Западе — ребристым пуловером). Ценилась импортная «лапша» ярких цветов, даже известные киноактеры считали большой удачей появиться на телеэкране в таком виде.

У мужчин пошла мода «под старика Хема», то есть Эрнеста Хемингуэя, носившего свитера крупной грубой вязки под горло. В придачу к такому свитеру полагались борода и трубка, в таком прикиде особенно был похож на писателя актер ленинградского БДТ Ефим Копелян. Как две капли воды!

Комиссионки были основным поставщиком заморских шмоток, да тех же самых белых брюк, что носила Софи Лорен в фильме «Любовь под вязами» (1958), а еще и кофточек, едва прикрывавших голый животик. Людмила Гурченко пишет о том времени: «Кто сказал, что женщине трудно одеваться модно? Купишь в комиссионном идиотское платье большого размера. Сидишь, крутишь, вертишь, выходишь — все ахают! Где купила? Да так, говорю, случайно досталось, заморское... И все верили. А потом, через время, — хватать от него рукава, а вместо складок — юбку

“дудочкой”. И идешь как японская гейша, тюк-тюк-тюк каблучками. Фурор! А одно платье перешивала рекордное количество раз. Уж больно материал был занятный».

Сексуальная революция на Западе 1960-х годов привела к распространению стиля унисекс, стиравшего грань между мужчиной и женщиной, по крайней мере в одежде. Эта тенденция отразилась на внешнем виде москвичей раньше, чем на облике всех прочих граждан СССР. Наиболее смелые женщины надели мини-юбки (рекорд — 25 сантиметров выше колена) и брючные костюмы (большая редкость!). А ведь еще не привыкли к самим женским брюкам, они выпили немало крови у блюстителей нравственности. И чего, собственно, было возмущаться — советские женщины активно носили ватные штаны на тяжелых работах по добыче угля, укладке асфальта, на стройке и т. д. Но в Москве были госучреждения, куда вход женщине в брюках был запрещен.

Продолжили свое наступление и синтетические материалы — кримплен, легкостирающийся и немнущийся, требующий, правда, антистатической обработки; из него шили в основном платья и костюмы. Популярны были и шубы из искусственного меха. Одной из самых известных продавщиц, «толкавших» привозные шубы соотечественникам, была бывшая кинозвезда 1930—1940-х годов Зоя Федорова, через которую в Москву стекалось немало импортных вещей, что в итоге ее и погубило.

А когда на Западе возникает новое направление в моде, основанное на фольклорных мотивах, в СССР есть чем ответить — люди уже давно привыкли вязать сами. Популярными становятся вязаные вещи из мохера — красно-зеленые (или синие) шарфы, шапочки, теплые свитера. Да и само вязание превращается в моду, в периодических изданиях популярны рубрики «Вяжем сами». А как удобно — не понравилась вещь, взять ее и распустить, шерсть перекрасить и снова связать. Спицы для вязания купить нетрудно. Многим теперь есть чем заняться на рабочем месте.

Менялась наша жизнь вместе с шириною брюк,
И плечики опять приходят в моду,
Но если посмотреть чуть-чуть внимательней вокруг,
То, боже мой, как изменилось все за годы, —

а это уже из песни Александра Розенбаума «На улице Марата» (1983). Брюки стали тем видом одежды, по изменению которых можно судить о направлениях моды. Сначала широкие, затем узкие, как макароны, потом клеш — расширяющиеся от колена, а еще с обшлагом и без, удлинненные, наплывающие на ботинки, пространные словно трубы.

В 1970-х годах в моду вошли трикотажные тенниски с длинными и короткими рукавами (мужские поло, надевавшиеся через голову, с отложным воротником, на пуговицах или на молнии, в народе — «бобочка»), батники, блайзеры (клубные пиджаки, для Дома культуры в том числе), «шгузы» (обувь) на платформе (в частности, сабо), брюки клеш, сумки через плечо, кожаные куртки и пиджаки, индийские сари, цыганские юбки, ситцевые рубашки с огуречным рисунком, длинные юбки и платья чуть ли не до щиколоток (миди, десять сантиметров ниже колена, и макси, до щиколоток), сапоги-луноходы, сапоги-чулки и т. д. Большую роль в одежде стали играть аксессуары, призванные разнообразить внешний вид, — дымчатые очки, клипсы (у женщин) и т. д.

Обилие модных вещей, расширение возможностей их приобретения предъявляло новые требования: стало важным со вкусом все это сочетать. Как учила свою начальницу Калугину секретарша Верочка, «очень важна комбинаторность. Скажем, батник и “трузера”, это означает брюки. Или же однотонный батник с клетчатой расклешенной юбкой».

Батники — приталенные яркие рубашки с остроконечными воротниками («button-down»), часто имеющими пуговицы на воротнике, вошли в моду как отражение распространявшегося в это время стиля диско (хотя впервые эту модель предложил в 1963 году француз Жан Буске, основавший бренд «Кашарель»).

Сей стиль возник благодаря фантастической популярности одноименного танцевального жанра, в котором работали Дайана Росс, Глория Гейнер, группы «Бони М», «Баккара» и прочие, чье исполнение было знакомо советским слушателям по редким радиопередачам типа «На разных широтах». Разноцветные батники носили и мужчины, и женщины, сочетая их с джинсами клеш.

Если выпадало такое счастье и батники «выбрасывали» в ГУМе или удавалось их достать у спекулянтов — хорошо, а кому не везло, занимались «самостроком», нужна была лишь ткань с яркой расцветкой. А иногда перешивали рубашки обычного фасона, приталивая их с помощью выточек. Батник неплохо сочетался с вязаным жилетом и длинной юбкой часто спиралевидного кроя («банан»).

Стиль диско воплотился в музыкальном фильме «Лихорадка субботнего вечера» (1977) с Джоном Траволтой в главной роли, щеголявшим в отличном белом костюме-тройке. Песни из этого кинофильма крутили на своих магнитофонах и москвичи, звучали они и на набравших силу дискотеках. А в белом костюме стал все чаще появляться любимец публики Александр Абдулов. Апологеты стиля диско носили также облегающие платья, трапециевидные и многослойные юбки, подчеркивающие фигуру брючные комбинезоны, длиннющие сарафаны, босоножки на высоком каблуке...

Из того же «Служебного романа» мы узнаём, за какой обувью гонялись модницы — «шुзы» на высоком каблуке (желательно с перепонкой) и сапоги «гармошкой». Как раз в то время, когда москвичи валом валили на просмотр этого фильма, в зените популярности были женские высокие сапоги с мягкими голенищами, прозванные в народе сапоги-чулки. Их натягивали на ноги, как гольфы. Они подходили не каждой женщине, а лишь той, что могла похвастаться стройными ногами. На Западе их знали как сапоги гоу-гоу еще с середины 1960-х годов, когда свою модель супервысоких лаковых сапог предложил Ив Сен-Лоран. Такие

сапоги заканчивались выше колена и очень эффектно смотрелись в сочетании с мини-юбкой или заправленными узкими брюками, что подчеркивало длину ног. Ценились сапоги-чулки чехословацкого производства.

В конце 1970-х годов в Москву попали первые сапоги-луноходы, или дутики, вид зимней обуви из цветной нейлоновой ткани на полиуретановой подошве. Дутики были разных цветов — синие, красные, зеленые, желтые. Можно догадаться, что итальянских дизайнеров спортивной обуви вдохновила высадка американских астронавтов на Луну в 1969 году. В брежневской Москве дутики можно было купить только у спекулянтов. Их носили и с пальто, и с шубой, и даже с дубленкой, хотя на Западе они оставались в разряде обуви для прогулок и спорта.

Вот мы и подошли к еще одной культовой вещи обозреваемой эпохи — дубленке, значение которой для среднестатистического москвича трудно переоценить. Никакие «шубы» или блайзеры не могли заменить ее в таком важнейшем вопросе, который емко и лаконично обозначен русской пословицей: «По одежке встречают, по уму провожают». Даже роль джинсов в создании образа успешного, делового, непростого, избранного человека померкла по сравнению с влиянием на умы современников этого согревающего предмета верхней одежды из овчины.

А ведь в отличие от подброшенных злобредной Америкой джинсов дубленка чисто русское изобретение. Она упоминается в произведениях многих отечественных писателей. У Салтыкова-Щедрина: «Надеваю вот эту самую дубленку и прямо к покойному генералу!»; у Писемского: «Иван велел заложить ее себе в легонькие саночки, надел на себя свою франговатую дубленку»; у Константина Леонтьева: «Я с большим удовольствием погулял в поле и не раз восхищался тем, что купил себе дубленку». Получается, дубленки носили вполне приличные люди.

Нельзя сказать, что советские граждане не знали, что зимой можно носить не только пальто и телогрейки, наоборот, в овчинные полушубки весьма активно

облачались вертухаи в лагерях, она входила в комплект зимней одежды военнослужащих Советской армии, а еще милиционеров, лесорубов и представителей прочих профессий, вынужденных проводить большую часть рабочего дня на свежем и морозном воздухе. Но это была рабочая одежда, и никому не приходило в голову использовать ее для повседневной носки в городе. А вот в деревне, пожалуйста, почтальон Печкин по этому поводу говорил: «У нас зимой национальная одежда какая? Валенки, штаны ватные, тулуп и шапка. У нас зимой в кедах даже студенты не ходят».

И вдруг, как обычно, на экраны советских кинотеатров вышел фильм Клода Лелуша «Мужчина и женщина» (1966) с очаровательной музыкой Франсиса Лея. Случилось это в конце 1960-х годов. Продюсеры не могли и подумать, что с их фильма начнется всемирная популярность дубленок, эту верхнюю одежду носила главная героиня в исполнении Анук Эме. А вообще-то, судя по частому появлению в кадре автомобиля «форд мустанг», целью фильма была реклама совсем иной продукции. Потом пошли другие фильмы с дубленками: «Все на продажу» Анджея Вайды (Польша, 1968), «История любви» Артура Хиллера (США, 1970). Сначала дубленки стали производить и носить в Европе, а чуть позже они добрались и до Москвы.

Первыми оделись в дубленки дипломаты и их родственники, работники торгпредств, члены семей номенклатуры (для самих партийцев надевать дубленку поначалу было не принято), а также так называемые торгаша — а кто еще мог себе позволить выложить за этот тулуп от пяти сотен рублей и выше? Радости московских спекулянтов не было предела — возник новый источник барышей, это вам не плащ-болонья. Продав одну дубленку, можно было положить себе в карман до 300 рублей, две месячные средние зарплаты москвича!

В столице хорошую дубленку можно было достать в комиссионках, а знакомому продавцу следовало дать «на лапу», чтобы отложил. Например, в Столешни-

ках, где все время крутились какие-то подозрительные личности, предлагавшие купить у них вождеденную овчину. Примеряли, как обычно, в подъездах ближайших домов (не поведешь же покупателя к себе домой!). Процесс был сложный и занимал немало времени, поскольку дубленку надо было тщательно осмотреть со всех сторон, проверить, так сказать, на вшивость. Если устраивала, договаривались о дне покупки (такие деньги с собой редко кто носил). Бывало, что покупателя и «прокатывали».

Дубленки обозначались по стране происхождения — болгарские, румынские, монгольские и пр. Выделялись из общей массы дубленки с вышитыми узорами. Когда поток выезжающих в турпоездки вырос, нашлись и те, кто специально ездил за дубленкой, например, в Монголию. Модными считались дубленки из Афганистана, особенно после введения ограниченного контингента советских войск в эту страну в 1979 году. Но, конечно, это были уже не те дубленки, в одной из которых щеголяла Анук Эме в «Мужчине и женщине», такая модель была слишком дорогостоящей, на Западе она получила название «дубленка принцессь», сочетая в себе элементы этнической культуры и исторического костюма.

А вот советские лидеры не признавали дубленок из соцстран. Товарищ Громыко очень хотел купить сыну дубленку и причем в Америке — той самой «империи зла», с которой он всю жизнь боролся. Один из подчиненных осмелился ему посоветовать: ну зачем в Америку за дубленкой ехать, лучше достать ее в Болгарии, из которой они туда и поставляются. Но Громыко, работавший в Нью-Йорке еще до войны, не поверил, он так уверовал в престижность американских вещей, что настоял на своем. В итоге, когда ему сообщили стоимость дубленки в американском магазине, ему чуть плохо не стало: ну и цены, вот капиталисты проклятые! Пришлось соглашаться на Болгарию, вышло гораздо дешевле.

А кинорежиссер Сергей Параджанов для своих хороших знакомых сам создавал модели дубленок.

Сценаристу Василию Катаняну повезло: «“Я это вам устрою в две минуты. У меня знакомые в деревне, и по моим эскизам они сошьют дубленки и вышьют их бисером, украсят сутажом, как я им нарисую”. Сказано — сделано! Он моментально набросал несколько моделей и назначил цену. Я только рот разевал».

А в Москве тогда носили дубленки попроще, в основном всевозможных коричневых оттенков, с широким воротником, как у героя Андрея Мягкова в «Иронии судьбы, или С легким паром!». Хотя откуда у простого врача из поликлиники дубленка, тоже возникает вопрос. Быть может, помог достать знакомый больной из соседнего обувного магазина. А вот соперник Ипполит приходит в драповом пальто — типичной зимней одежде не только ленинградских, но и московских мужчин. Зимнее пальто отличалось от демисезонного меховым воротником (куртки-аляски с алым подбоем появятся в начале 1980-х годов). А зимой к пальто — шапка.

Армянское радио спрашивает: «Где фокуснику Арутюну Акопяну работать труднее — в Америке или в СССР?» Ответ: «В СССР. Потому что в Америке фокусник всего лишь достает кролика из шапки, а у нас все гораздо труднее — надо достать шапку из кролика».

Шапки в то время изготавливались в большом ассортименте, здесь советская промышленность сама могла дать фору Западу, благо ценного меха разводилось в СССР во множестве, чтобы закидать шапками весь мир. Но и шапка была символом уровня жизни и достатка, причем зимним, как и дубленка. Специфические погодные условия в нашей стране придали зимней одежде второй, потайной смысл. Началось это не в 1917 году, а когда-то очень давно, когда родилась поговорка: «Не по Сеньке шапка», а еще: «Каков Пахом, такова и шапка на нем», «На воре и шапка горит». Да и главный символ самодержавной власти на Руси тоже шапка (Мономах, если кто не помнит). Своего апогея шапочный разбор достиг в 1970-е годы. По материалу, из которого смастерили шапку, можно было

понять, человек какого уровня перед вами находится: очень большой, большой, непростой, простой или совсем никакой.

Шапку, а точнее систему их распределения воспел в своей повести «Кот домашний средней пушистости» Владимир Войнович. Его герой писатель Ефим Семенович Рахлин пытается доказать и себе и другим, что достоин большего, когда узнает, что его коллегам-писателям по решению правления Литфонда будут шить шапки соответственно рангу. Выдающимся — пыжиковые, известным — ондатровые, видным — из сурка, а Рахлину достается из кошки. В своей неравной борьбе за шапку он доходит от инсульта. В итоге шапку ему все-таки приносят — пыжиковую, но носить ее уже не на чем и незачем.

Простой народ носил шапки кроликовые, трансформирующиеся в ушанки. Совсем бедные люди покупали себе на рынке кустарные шапки-обманки — ложные ушанки. Некоторое время модными были шапки из меха собаки.

И опять об обуви. Зимой многие москвичи носили такую обувь, которая была не то что немодной, она находилась вне моды. Речь идет о знаменитых войлочных ботинках «прощай, молодость!». Это была советская классика, заполнявшая прилавки обувных магазинов. На толстой литой подошве, с молнией, их носил и стар и млад. Природным их цветом был черный, хотя имелись разновидности. Вообще-то, согласно ценнику, официально они назывались «боты», посему и возникло в народе определение «чудо в ботах», употребляемое нередко во время словесных перепалок в автобусе или очереди. Ботинки «прощай, молодость!» были единственным спасением в условиях суровых московских зим и дефицита обуви. А пенсионерам их рекомендовали носить еще и в целях профилактики от артрита. Дешево и сердито.

В 1970-е годы помимо киноактеров и певцов возникла еще одна категория для подражания — дикторы Центрального телевидения, которых, по легенде, одевали в специальной закрытой секции ГУМа. И это

было справедливо, ибо телевидение проникло в самые отдаленные уголки страны, благодаря чему модные веяния быстрее доходили до чукотских оленеводов и туркменских чабанов. Пристально изучали прическу, платья, пиджаки. Но и строгости во внешнем виде дикторов хватало, в частности, кольца и прочие золотые украшения следовало на время эфира снимать. Существовали и неписанные правила, согласно которым руки женщины-диктора должны быть закрыты минимум на три четверти, даже в летнее время. А еще получали: «Телевидение — это идеологическая организация. Мы должны идти не на шаг вперед современной моды, а на шаг назад!»

Свое влияние на моду в СССР оказывала музыка, причем молодежь была даже более восприимчива в этом вопросе, чем старшее поколение. Характерный пример — длинноволосые хиппи в джинсах клеш и кожаных куртках с заклепками, а еще поклонники «Битлз», «Назарет», «Секс pistols», «Кисс» и других популярных групп. Но такой агрессии по отношению к ним, как ранее к стилигам, власть не проявила. Видимо, сил уже не хватало, да и хиппи во многом были уже вторичны.

Пережитые советской модой пертурбации не могли не отразиться на внешнем виде москвичей следующих поколений, отставание стало хроническим, повлияв и на эпоху перестройки. И тут случился казус — падение (вместе с коммунизмом) любых моральных запретов также губительно сказалось на моде бывших советских людей, особенно представительниц прекрасного пола, стремящихся любой ценой обратить на себя внимание мужчин. Российских женщин все больше стали узнавать на Западе по мини-юбкам и откровенным декольте, облегающим тело нарядам и обуви на высоких каблуках. Но это уже другая история...

МОСКОВСКИЕ ПРАЗДНИКИ:
«ЗА СТОЛОМ НИКТО У НАС НЕ ЛИШНИЙ»

*«Хорошо сидим!» — Застолье — С Новым годом! —
Оливье и холодец — «Вырезыватели» — Корпоративы
на работе — 8 Марта — День космонавтики — Пишем
открытки — «Спасибо партии родной» — Шелуха от
лука — Демонстрации трудящихся — «Этот День
Победы» — «Ах, эта свадьба...» — Концерт
на избирательном участке*

Москвичи, да и все советские люди, очень любили праздники — и государственные, и семейные, и церковные. Был бы повод — а уж желающих попраздновать всегда найдется немало, как говорится, хлебом не корми. При этом, будучи не избалованными количеством выходных дней, люди всегда с подозрением относились к любой попытке отнять у них право «отдохнуть».

Праздник был прекрасной возможностью собраться вместе всей семьей, разбросанной по разным уголкам Москвы, как правило, спальным. Советская семья, в силу скудных жилищных условий, уже в 1970-е годы не жила общим домом, когда под одной крышей уживались и стар и млад. Многие пытались поскорее разъехаться, чтобы не делить общую кухню с тещей и свекровью. Отсюда и предвзятое отношение к в общем-то доброжелательным тещам. И потому дни рождения, юбилеи и другие праздники объединяли за одним столом людей, которые в иной ситуации способны были вырвать друг другу волосы, хотя и считались членами одной семьи.

Было принято приезжать в гости с ночевкой, а на следующий день доедать деликатесы первого дня. Стол для праздника накрывали, конечно, не на кух-

не (слишком мала), и не в столовой (ее отродясь не было), а в большой комнате, ночью выполнявшей роль спальни старшего поколения семьи. Застолье было гвоздем программы любых праздников, потому говорили не «отпразднуем», а «посидим». Оно и понятно — в самой часто исполняемой советским радио песне «Широка страна моя родная» были такие слова: «За столом никто у нас не лишний». А была еще «Волховская застольная», раскрывавшая секрет любого праздника: «Сядем все вместе мы, выпьем как водится, как на Руси повелось». С трудом переводилось с русского и выражение «Хорошо сидим!».

В 1950—1970-е годы количество праздников, по которым народ не работал, можно было пересчитать по пальцам: 1 января, 8 Марта (с 1965-го), 1 и 2 мая, 9 Мая (с 1965-го), 7 октября (День Конституции, с 1977-го), 7 и 8 ноября, 5 декабря (по 1976 год). Последний праздник был также Днем Конституции, но сталинской, 1936 года, а когда приняли брежневскую, его отменили. Народ чувствительно отреагировал на появление нового праздника. Все уже давно привыкли к выходному дню 5 декабря, а новая-то конституция была принята в пятницу, 7 октября 1977 года, тогда еще рабочий день. Вот и получилось, что ни в 1977-м, ни в 1978-м, ни в 1979 году никто не ощутил нового праздника, ибо последние два года он пришелся на субботу и воскресенье. Особо умные стали писать письма в газеты и на Центральное телевидение с просьбой дать возможность отдохнуть в еще один законный выходной. Такая реакция была следствием того факта, что в то время никаких переносов праздничных дней, если они приходились на выходные, не было и быть не могло. Вот почему большим счастьем было, когда 1 и 2 мая выпадали на понедельник и вторник, например. Можно было уехать на дачу или в деревню сажать картошку. Напомним, лишь в 1967 году к воскресенью в качестве выходного дня прибавилась суббота.

Самым любимым семейным праздником был Новый год, к которому начинали готовиться задолго, еще

за месяц, искали подарки родным и близким, например, французские духи («Клима» за четвертной) или рубашку, у кого на что хватало денег и фантазии. Собирали необходимые для новогоднего стола продукты, припрятывая сырокопченую колбасу подальше. Покупали шампанское, апельсины, помидоры (поначалу зеленые), доставали баночку красной или черной икры, шпроты, коробку конфет в праздничной упаковке.

Главным атрибутом были живая елка (их продавали на многочисленных московских елочных базарах) и Дед Мороз, роль которого с 1970 года исполнял дедушка Брежнев, поздравлявший сразу всех и каждого с Новым годом по телевизору. Всякий раз он говорил в общем одно и то же, но каждую пятилетку разными словами. Его слушали охотно. С этим праздником многие связывали надежды на лучшее «в личной и семейной жизни» — было такое фирменное выражение, подразумевавшее большую разницу между «личной» и «семейной». А Дедушка Мороз масштабом поменьше мог прийти неожиданно для маленьких членов семьи, причем в папиных тапочках.

Обычно за несколько дней квартиру украшали гирляндами, серпантинном и блестящим дождиком и елку — игрушками. Игрушки в 1960-е годы носили актуальную символику — космонавты, кукуруза, спутник, космический кораблик, самолетик, а еще овощи всех видов, от огурца до помидора, разные животные, стеклянные бусы. Под елку ставили ватных Деда Мороза и Снегурочку. Ну а на елку — красную звезду. Все это дело фиксировали элетрогирляндой. А на окна приклеивали самодельные бумажные снежинки, принесенные сынишкой-второкласником из школы.

Преображалась и Москва — центральные улицы и проспекты загорались в вечернее время гирляндами, на площадях ставили большие ели с фигурами Деда Мороза и Снегурочки, по-новогоднему оформлялись витрины магазинов. Все говорило о предстоящем празднике.

Символом Нового года стал салат оливье, для которого требовался хороший майонез («Провансаль»)

и консервированный зеленый горошек, лучше венгерский. Остальные ингредиенты достать было менее сложно: отварные картофель и морковь, вареная колбаса или отварное мясо, крутые яйца, маринованные огурчики, лук. Гурманы добавляли тертое яблочко. Всего этого нужно было побольше, поскольку ели с аппетитом и удовольствием еще и на следующий день, в том числе и оставшиеся на ночь гости. Посему лучше было резать салат в тазик — и помещалось много, и перемешивать сподручно. Но тазик на стол не поставишь — для этого из стенки брали хрустальные салатники.

Оливье по праву занимал центральное место на украшенном праздничной скатертью столе. Общую композицию поддерживали сдающийся венгерский цыпленок (торчащий ногами вверх), вареная картошка, холодец (его варили целый день накануне, чтобы затем разлить по лоткам и выставить на балкон), заливная рыба, селедка под шубой, колбаса, аккуратно нарезанная специально заточенным ножом, рыба соленая красная и (или) белая, балык, вареные яйца с красной икрой и т. д. в зависимости от связей и блата.

С последним ударом кремлевских курантов (по телевизору) открывали бутылку шампанского. В то время оно было у всех одно — «Советское», независимо от цвета (белого или красного), вкуса и градуса. Из прочего спиртного на праздничном столе стояли вино, водка, коньяк.

Из сладкого мог быть торт, испеченный хозяйкой, популярен был «Наполеон», правда, в условиях банальной кухонной плиты он не всегда удавался на все сто. Пекли пироги, яблочные «шарлотки». Варили в кастрюле банку со сгущенкой, часа два, затем добавляли ее в качестве начинки в выпекаемые из песочного теста орешки и грибки. Было очень вкусно.

Да, чуть не забыли про бананы, они продавались такого же цвета, что и помидоры, — зелеными. Эквадорские бананы следовало укутать в шерстяное одеяло и запрятать подальше в шкаф или под кровать, где они самостоятельно «доходили» до Нового года.

Почти на каждом предприятии выдавали билеты на елку для детей (а еще отдельно — подарки). Чем богаче был завод, тем лучше подарок, состоявший обычно из конфет, печенья, мандарина. Все это умещалось в пластмассовом снеговике или в какой-либо иной упаковке. Особо отличившимся школьникам иногда давали билет на самую главную елку Москвы и СССР — кремлевскую, где подарок был в виде Спасской башни.

В московских парикмахерских перед Новым годом был ажиотаж — все женщины хотели сделать себе прическу. А некоторые резали оливье в бигудях. Важно было заранее сказать супругу, в чем в этом году надо встречать праздник — в красном или зеленом платье. Новый год приносил в гардероб обновку.

А вот по телевизору нового было мало, в основном комедии Эльдара Рязанова, сначала — «Карнавальная ночь», а с 1976 года — «Ирония судьбы, или С легким паром», для детишек — «Морозко» и «Новогодние приключения Маши и Вити», были и мультики. Ну и конечно, «Голубой огонек».

За столом любили не только пить, но и петь, в основном старшее поколение. Настоящим подарком был семейный гармонист — энергичный дядя Вася или дед Петя, еще с деревенской молодости накопивший богатый репертуар: «Шумел камыш», «Хасбулат удалой», «По Дону гуляет», «Ой, мороз, мороз», «Виновата ли я», «Когда б имел золотые горы», «Из-за острова на стрежень». Пели и советские песни — «Ромашки спрятались, поникли лютики», «За окошком свету мало», «Мы с тобой два берега». Не зря бытовал такой анекдот:

Хоронили тещу, порвали два баяна.

Под гитару пела отколовшаяся молодежь, на кухне или на лестничной клетке.

После Нового года в некоторых семьях елку еще долго не выносили, по крайней мере до 13 января — Старого Нового года — точно. Этот типично русский праздник был очень понятен населению, которому для отмечания Нового года одного дня было недостаточно. Его отмечали не так пышно, а более камерно,

совсем по-семейному. По телевизору в этот день могли повторить «Голубой огонек».

При Хрущеве всякого рода празднования не слишком приветствовались. В мае 1956 года было даже принято специальное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О порядке празднования юбилеев», в котором критиковалась устоявшаяся практика всякого рода торжеств на предприятиях. Оказывается, от полувекowych юбилеев городов, заводов и фабрик дошли уже до празднования четвертьвековых юбилеев, а затем к десятилетиям и пятилетиям. В целях борьбы с подобными излишествами постановили отмечать только пятидесятилетние юбилеи заводов и фабрик.

Народ еще не успел наесться, а ему вновь ставили палки в колеса. А все отчего — однажды на кремлевском приеме Хрущев увидел, как один из гостей складывает продукты в принесенную с собой сумку, это ему очень не понравилось. Он сказал, что нечего деньгами сорить — вон на приемах в иностранных посольствах только бутербродами кормят, а у нас — буженина, осетрина, икра. Хватит роскошествовать, дома есть надо!

Совсем другое — брежневские времена. Теперь мало кто помнит, что еще когда Леонид Ильич не был главой партии, за глаза его называли «человек-празднику». А он и не обижался: ведь и правда, обаятельный, веселый, масса позитива. Он и сам любил праздновать, и другим не мешал. Так совпало, что с его воцарением на страну и Москву обрушились сплошные юбилеи, и какие! 1965 год — 20 лет Победы, 1966-й — 60 лет самому Брежневу (первая «Золотая звезда» Героя Советского Союза), 1967-й — золотой юбилей Октябрьской революции, 1970-й — столетие Ленина, 1972-й — 50 лет образования СССР, 1975-й — 30 лет Победы, 1976 год — 70 лет опять же Леониду Ильичу (вторая золотая звезда героя). Разве такое пропустишь, святое дело!

На крупных предприятиях в честь юбилеев — социалистические соревнования, собрания, заседания, вручение знамен и орденов, а затем и главное — бан-

кеты. Как-то один из сотрудников ЦК КПСС решился заметить Брежневу: «Леонид Ильич, не пора ли прекратить такое массовое присвоение орденов? Они совсем обесценились». Генсек возразил: «Тебе что, железа жалко? Пусть получают. Получат, выпьют, настроение лучше станет, есть стимул работать лучше. Зачем народ радости лишать?»

Так и длилось непрекращающееся вечное торжество. И потому некоторые говорят о том времени как о застойном, а другие — как о застольном. «Застольное времяпровождение оказалось как бы реабилитировано, — пишет Анатолий Макаров. — Мало-помалу страну охватила вакханалия юбилеев — государственных, партийных, а затем и персональных. То, что теперь называется “корпоративные вечеринки”, то есть банкеты, а то и заурядные выпивки прямо на рабочем месте, не то чтобы приветствовались, но перестали вызывать возражения. В “Правде” даже появилась редакционная статья, несомненно инспирированная некоторыми личными вкусами самого генерального секретаря и рекомендуемая, не впадая в чрезмерный ригоризм, с пониманием относиться к различным проявлениям так называемого “жизнелюбия”. Как тонко заметили потом чуткие к переменам общественного климата сценаристы и режиссеры, наступало “время желаний”. Не столь деликатные остроловы выразили то же самое ощущение расхожей шуткой: “Красиво жить не запретишь!” Тем более что запрещать никто и не собирался. Вдруг сделалось модным то, о чем раньше не могли помыслить самые обеспеченные “жизнелюбцы”, — летать к морю, в Ялту или в Пицунду, не только в отпуск, но и просто на выходные. Назначать деловую встречу в ресторане вслед за внешнеторговцами приучились даже обкомовские боссы. Безлично-официальный стиль одежды сменился у номенклатуры чем-то вроде плейбойского по-советски».

Широко отмечали свой праздник работники московской торговли, в четвертое воскресенье июля. Но у них и жизнь была как сплошной праздник (вперемешку с тюрьмой — все время кого-нибудь сажали).

Работа была нервная, как говорится, ходили будто по лезвию ножа, а потому оттягивались они по полной. Вот яркий пример. 1967 год. Малый театр, показ премьерного революционного спектакля в стихах «Джон Рид». Но зал — полупустой, все зрители в фойе. Полно пьяных, громко смеющихся людей, не похожих с виду на завзятых театралов. Лица у всех красные, возбужденные. Похоже, что кругом друзья-приятели и что-то обмывают. А все просто — в этот день товарищ Гришин перед спектаклем вручил переходящее Красное знамя Управлению московской торговли в лице товарища Трегубова (позднее он будет арестован и осужден). По этому поводу и собрались в театре лучшие люди — кассиры и мясники, завскладом и завмаги. Спектакль им был до лампочки, особенно в стихах, а вот лишний раз чокнуться бокалом коньяку с коллегой по работе, блеснуть заграничными нарядами, духами и часами — ну где, как не в ордена Ленина Малом театре это сделать?

Какие только праздники не отмечали на работе — вслед за общегосударственными и профессиональными — и День Парижской коммуны (18 марта), и День образования КНР (1 октября), лишь бы повод был. Частота празднования отражалась на динамике употребления алкоголя, превратив его продажу в один из главных источников доходов госбюджета. С 1960 по 1985 год продажа водки и ликеро-водочных изделий выросла в 1,7 раза, коньяка — в 5,7 раза, шампанского — в 7,8 раза, виноградного вина — в 4,4 раза, пива — в 2,6 раза. Выручка от продажи алкоголя долго будет палочкой-выручалочкой для плановой экономики, пока этот самый сук советская власть не начнет пилить в 1985 году с началом «антиалкогольной кампании».

Помогающие друг другу идти по улице пьяные граждане в канун 7 Ноября — типичная картина того времени. Но один, как правило, еще стоял на ногах и мог дотащить «друга-однопольчанина» до дому, сдав его на руки жене со скалкой. И это было лучшим проявлением человеческой дружбы, ибо с праздничным и будничным пьянством боролись по-всякому, в том

числе и с помощью вытрезвителей, куда собирали всех пьяных, своим видом «оскорблявших человеческое достоинство и общественную нравственность», а также «утративших способность самостоятельно передвигаться». Часто забирали и просто «поддатых». А 26 декабря 1980 года на станции метро «Ждановская» (ныне «Выхино») произошел и вовсе кошмарный случай. Возвращавшегося домой майора КГБ В. В. Афанасьева, отметившего на службе свой день рождения и заснувшего в вагоне метро, милиционеры под предлогом проверки документов затащили в линейное отделение, а затем зверски убили. Сами милиционеры, приговоренные позднее к расстрелу, признались, что их привлек продовольственный заказ Афанасьева — коньяк и батон колбасы.

Именно после празднований на работе клиентов вытрезвителей было особенно много, ибо не все граждане могли «самостоятельно передвигаться». Для милиции наступали напряженные часы службы. В вытрезвителе (или, как говорил один киногерой, «вытрезвивателе») человека осматривал фельдшер, затем проводили обыск и составлялся протокол, с указанием изъятых вещей. Спать клиента отправляли в многоместную палату (мужскую или женскую). Наутро протрезвевшего штрафовали, выдавали квитанцию за медобслуживание (две копейки в 1970-е годы) и выписывали. Ну а копию протокола направляли на родное предприятие, чтобы были приняты воспитательные меры (лишение премии, выговор и т. д.). Были, правда, исключения — не забирали в вытрезвитель депутатов, военнослужащих, самих милиционеров, работников прокуратуры и КГБ, а также Героев Советского Союза, Социалистического Труда, иностранных дипломатов, беременных женщин и инвалидов.

Существовал сложившийся годами ритуал празднований на рабочем месте. Продукты и выпивку можно было принести с собой, а тарелки с вилками всегда для праздника в шкафу сложены. Сдвигались столы, на которых еще утром гремели счетами и разливались на все лады телефоны, накрывались нехитрые скатер-

ти. Все по-домашнему, по-простому, а как же иначе — кругом-то все свои. Но ведь и до обеда — какая там работа, особенно если завтра Международный женский день! Вот и звонят, и идут с поздравлениями в какую-нибудь бухгалтерию мужчины, кто с хилым букетиком гвоздичек или мимоз (поди еще достань!), а кто с корбочкой конфет «Ассорти», а то и с прибалтийскими духами «Дзинтарс». Так положено. А потом эти же мужчины идут или ползут домой.

Вообще уже в 1970-е годы предпраздничные дни отличались низкой производительностью труда, как и пятницы. Существовало даже такое присловье в Москве: «Что же вы, дорогой товарищ, с таким серьезным вопросом в пятницу пришли! Давайте уж в понедельник или уже сразу во вторник». По пятницам начальство уже после обеда по дачам разъезжалось. Попробуй найди его.

Поговаривали, что самому факту превращения 8 Марта в выходной поспособствовал большой женолюб Брежнев: дескать, женщины, они у нас везде, и в шахте, и на тракторе, так как же их за это не отметить! А вот мужским днем неофициально считалось 23 февраля — День Советской армии и Военно-морского флота, ибо мужчин-военнослужащих в СССР было огромное количество. К ним принадлежал и Юрий Алексеевич Гагарин, первый космонавт планеты. Торжественная встреча Гагарина прошла через два дня после его успешного возвращения на Землю — 14 апреля 1961 года в Москве. В столицу он прилетел на самолете Ил-18 в сопровождении почетного эскорта из семи истребителей МиГ-17. Авиалайнер с эскортом сделал круг над Красной площадью, приземлившись затем во Внукове. Приветствовать Гагарина вышел весь город, из аэропорта он триумфально въехал в столицу по Ленинскому проспекту в открытой машине, сопровождаемой мотоциклистами. Это был грандиозный и неподдельный народный праздник, сравнимый по эмоциональному накалу с тем, что творилось на улицах 9 мая 1945 года. Люди не стеснялись своих чувств, ликовали и обнимали друг друга.

Повсюду видны были наспех смастеренные самодельные рукописные плакаты со словами: «Мы — первые в космосе!», «Ура!», а также предварительно изготовленные лозунги «Слава КПСС!». Хроника сохранила смелый поступок одного москвича, прорвавшегося к ЗИЛу Гагарина, чтобы преподнести ему цветы. Коротез направился на Красную площадь, где состоялись митинг и демонстрация трудящихся. В этот же день вся страна узнала о присвоении Юрию Гагарину высокого звания «Герой Советского Союза». А 9 апреля 1962 года Брежнев и Георгадзе подписали указ Верховного Совета СССР о новом ежегодном празднике — Дне космонавтики.

Но какой бы праздник ни отмечался, важно было поздравить близкого человека красивой почтовой открыткой и успеть отправить ее заблаговременно. Это стало традицией того времени — открытки писались вручную, в них желали счастья, здоровья, успехов в труде и мирного неба над головой. Поздравляли, как правило, от имени всех членов семьи. Полученные открытки не выбрасывались, занимая свое почетное место в коробочке. По ним можно было изучать биографию человека, прошедшего большой боевой или трудовой путь. А ведь традиция отправлять открытки сложилась еще до 1917 года и была связана с одним из главных церковных праздников — Пасхой.

От Пасхи большевики поначалу пытались отучить народ, придумали какую-то красную и даже комсомольскую пасху. Затем просто запретили, чем вызвали еще большую тягу к этому празднику. При Хрущеве, который обещал показать по телевизору последнего попа, воинствующий атеизм вновь активизировался, даже храмы стали закрывать. Число церквей сократилось с 13,5 тысячи в 1958 году до 7,5 тысячи в 1966-м. Снизилось и число священнослужителей, с 12 тысяч до 7400 человек.

Ну а при Брежневе москвичи вполне спокойно говорили друг другу: «Христос воскрес!» — и троекратно целовались. Но ведь и по телевизору тоже целовались, в программе «Время». Да и небогатый выбор

продуктовых магазинов со своей стороны способствовал соблюдению Великого поста.

К Пасхе начинали готовиться уже в январе, собирая шелуху от лука. А было ее много — сотрудники разных НИИ не слишком-то качественно стремились помочь овощным базам, потому магазинный лук был весь в шелухе. Зато какие замечательные яйца после варки в шелухе получались: и красные, и оранжевые, и коричневые. Красили и пищевыми красителями, если доставали, конечно, например, у цыган на рынке.

Куличи тоже пекли, под форму народ приспособился использовать большие консервные банки из-под томатов, а кто не пек, мог обойтись и кексом «Весенний», который продавался в булочных. А в магазинах «Молоко» продавали аналог сырной пасхи — сырковую массу с изюмом. Почти в каждой семье была своя бабуля, которая ездила святить в храм и яйца, и кулич. А храмов в Москве было открыто немало, например, в древнем Коломенском, в Новодевичьем монастыре, в Замоскворечье.

По-своему готовилось к Пасхе Центральное телевидение, пуская в эфир уже с вечера популярные передачи, «Вокруг смеха», например, или «Бенефисы», которые регулярно снимал режиссер Евгений Гинзбург, а еще концерты звезд зарубежной эстрады. А все для того, чтобы дома народ удержать — отвлечь от крестного хода. Но даже при этом верующих и не очень в пасхальную ночь к храмам приходило видимо-невидимо — не пробиться. Немало было и милиции: на всякий случай. Вокруг некоторых храмов еще в начале 1970-х годов занимали оборону комсомольские активисты, высматривавшие в потоке людей, идущих на праздничную службу, студентов московских вузов.

А случалось и такое. В 1973 году Пасха выпала на субботу 28 апреля, так именно этот день сделали рабочим, а вместе с ним и Светлое воскресенье, 29 апреля. Один выходной перенесли на понедельник 30-е, а второй разрешили в качестве компенсации присоединить к очередному отпуску. Народ же отреагировал стихом:

Спасибо партии родной
За любовь и ласку.
Отобрали выходной,
Обо...ли Пасху.

По-особому отмечала Пасху московская интеллигенция. У Рихтера на Большой Бронной собиралось по 30 человек, послушать в исполнении хозяина дома «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха. Пианист покупал по две сотни яиц (!), самолично их расписывая в различных художественных стилях — древнерусском, модерн и даже в абстрактной манере. Рихтер приносил стремянку и развешивал на люстре букетики подснежников. Святослав Теофилович рассказывал, что хорошо помнит свое крещение, как его опустили в купель со святой водой, а он засмеялся и хотел схватить священника за бороду (его крестили дважды: сначала по-лютерански, затем он был миропомазан по православному обряду).

Пасха плавно перетекала в Первоймай — День международной солидарности трудящихся, растянутый на два выходных. Символом этого праздника были демонстрации трудящихся, главная из которых проводилась на Красной площади. Это было некое подобие крестного хода, но не с хорутвями, а с портретами. Было бы преувеличением сказать, что мобилизованные с раннего утра на демонстрацию люди горели желанием тратить свой законный праздник на такую безделицу. К демонстрации относились незлобиво, научившись извлекать пользу и из этого формального мероприятия.

Каждое более или менее крупное московское предприятие по разнарядке из райкома партии должно было отправить на демонстрацию определенное число своих сотрудников, добровольно-принудительно. Конечно, коммунисты — вперед, но и их не всегда хватало. И вот накануне будущих демонстрантов информировали, где именно они должны собраться 1 мая, примерно в половине седьмого утра. Это могло быть и на Павелецкой, и на Белорусской. Оттуда

лежал их неблизкий путь к Красной площади. Сначала они сливались с колонной своего района, причем шли с остановками, ибо перед ними тоже были такие же «счастливики»: кто-то опаздывал, а кто-то, наоборот, шел слишком быстро. А нужно было выдержать темп, чтобы в назначенное время выйти на исходные позиции. Последним этапом забега была улица Горького, откуда все организованно вступали под стены Кремля.

А в это время на Красной площади с десяти утра шел митинг. Члены политбюро уже успевали получить от пионеров красные банты и значки с Ильичом и даже перекусить в импровизированном буфете в окрестностях мавзолея. Прямая трансляция шла по Центральному телевидению, сразу по всем работавшим двум программам, а также по Интервидению. Демонстранты — трудящиеся столицы — в свой законный праздник покорно ждали своей очереди. И вот, наконец, часов в одиннадцать на Красной площади показывалась голова демонстрации. Впереди передовики производства несли знамя города-героя Москвы.

Каждый район Москвы отличался своим оформлением колонны. Но неизменно везде присутствовал портрет генерального секретаря, а также его коллег по политбюро. Потому этих людей и называли — портреты, ибо они были везде. Особо доверенным участникам поручали нести лозунги типа: «Мир! Труд! Май!», «Планы партии — планы народа!», «Пятилетке качества — рабочую гарантию!», «Решения съезда КПСС выполним!», «Да здравствует миролюбивая политика КПСС!», «Слава советскому народу!» и т. п. Те, кому не досталось лозунгов, радостно и энергично махали большими бумажными цветками и флажками, пели песни. На демонстрации ходили семьями, с собой брали и детишек, сидевших у пап на плечах и тоже махавших маленькими красными флажками или державших в руках воздушные шарик. Над всей площадью раздавался голос диктора, читавшего призывы ЦК КПСС и все время прибавлявшего: «Ура, товарищи!» И товарищи орали во все горло: «Ура-а-а!» На-

строение у всех демонстрантов в эту минуту было на редкость приподнятое.

И на мавзолее тоже не скрывали своей радости, что можно трактовать и как некую минуту единения власти и народа. Это был тот редкий случай, когда правительство встречалось со своим народом, пусть и через многочисленную и прочную шеренгу одетых в штатское сотрудников КГБ, пристально следивших за тем, чтобы кто-то не дай бог что-нибудь не запульнул на трибуну мавзолея или не устроил бы провокацию. В то время никаких пропускных рамок на входе на Красную площадь не было. И хотя проход через главную площадь страны завершался довольно быстро — минут десять от Исторического музея до Покровского собора, за это время у каждого была возможность взглянуть на мавзолее знакомые лица «портретов» и помахать им рукой. Они отвечали тем же.

В основном первомайские демонстрации проходили без эксцессов, если не считать 1 мая 1960 года, когда воздушное пространство СССР нарушил вражеский самолет У-2 со шпионом на борту. Когда его сбили под Свердловском, выяснилась и фамилия катапультировавшегося летчика — старшего лейтенанта Фрэнсиса Пауэrsa. Он, видите ли, думал, что Первомай притупит бдительность советских летчиков, но просчитался.

Официальная часть уступала место «отмечанию». Выйдя с Красной площади, москвичи не спешили разъезжаться по домам, а приступали к самому волнующему второму отделению праздника. Из сумок доставались принесенные с собой горячительные напитки (наиболее сообразительные использовали термосы), приготовленные с вечера припасы — вареные яйца, картошка, колясочка колбаски, сальце, огурчики. Принимать на грудь, правда, приходилось где придется — в подворотне, в подъезде (домофонов тогда не было), в кустах. И ведь не откажешься — праздник-то «наш», «трудовой».

Не успевали отметить Первомай, а уже приближался День Победы, праздник со слезами на глазах,

радость и горечь которого сплелись в главной при- сказке старшего поколения: «Главное, чтобы войны не было». С трудом верится, что по-человечески отмечать его стали с 1965 года, когда впервые на улицы сто- лицы вышло столько ветеранов войны в орденах, причем очень много еще совсем не старых, ибо самому моло- дому участнику войны было едва за 40 лет. До этого праздник был рабочим днем, а ветераны зачастую но- сили лишь орденские планки. И вдруг все увидели — сколько же людей воевало. Об этом, конечно, знали и раньше. Но вот так близко эта тема возникла впервые в 1965 году, когда центром праздника стала площадь перед Большим театром, так и не вместившая всех фронтовиков, захотевших встретиться друг с другом. С тех пор сложилась устойчивая традиция собираться в День Победы у Большого театра, а еще в Парке куль- туры, да и во многих других парках и скверах...

В тот год на Красной площади 9 мая впервые по- сле долгого перерыва был проведен военный парад — в ознаменование 20-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, что стало большим событием в жизни всей страны и обозначило пристальное внима- ние государства и общества к необходимости изучения итогов войны. Взоры смотревших парад по телевизору были прикованы к Знамени Победы в руках полковни- ка Константина Самсонова, в знаменной группе были сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария. На параде была представлена и современ- ная военная техника. А 8 мая Москве было присвоено почетное звание «Город-герой».

9 мая 1965 года московские кафе и рестораны были переполнены людьми в орденах, вспоминавших «об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах». И вдруг без десяти семь вечера из всех радиоприемников раздал- ся голос человека, который невозможно спутать ни с каким другим, — это говорил Юрий Левитан: «Слу- шайте Москву! Слушайте Москву!» Зазвучали «Гре- зы» Шумана. «Товарищи! Мы обращаемся к серд- цу вашему. К памяти вашей. Нет семьи, которую не опалило бы военное горе...» — вступала диктор Вера

Енютина, эмигрировавшая позднее в США. Это была первая «Минута молчания», заставившая многих москвичей, сидевших за столами, встать, встрепенуться. В московских театрах и концертных залах были прерваны спектакли. На улицах останавливались автобусы и троллейбусы, люди выходили и присоединялись к слушающим радиоприемники москвичам. Многие плакали. Та, первая «Минута молчания» проняла, пробрала людей до глубины души. На Центральное телевидение и радио пошла поток письма со словами благодарности, а на одной из открыток было написано всего два слова: «Спасибо. Мать».

9 мая в 21.00 небо над Москвой расцветало праздничным салютом, как правило, из тридцати залпов. Москвичи семьями ходили смотреть салют, ездили специально, например, на Ленинские горы, откуда как на ладони была видна вся Москва.

С 1969 года военные парады на Красной площади проводились 7 ноября в очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Обычно в параде принимали участие парадные расчеты военных академий и училищ, а также частей и соединений Московского гарнизона и Московского военного округа. Парад начинался в десять утра, с десятым ударом кремлевских курантов из ворот Спасской башни на открытой машине выезжал министр обороны, ему навстречу двигался командующий парадом с рапортом о готовности войск к параду. Традиционно открывали парад юные барабанщики Московской военно-музыкальной школы, задававшие темп марша — 120 шагов в минуту. Войска к тому времени были построены на огромной территории — на Манежной площади (тогда площадь 50-летия Октябрьской революции) и улице Горького. Вступал военный оркестр и начиналось прохождение войск, причем двумя колоннами, слева и справа от Исторического музея. Сначала шли парадные расчеты военных академий и училищ, суворовцы и нахимовцы, затем бронетранспортеры с пехотой гвардейской Таманской и танки гвардейской Кантемировской дивизий. Часто парад служил хоро-

шим поводом продемонстрировать достижения советского военно-промышленного комплекса, потому на гостевые трибуны старались приглашать побольше военных атташе иностранных посольств, особенно Западной Европы, которую Советская армия при желании смогла бы оккупировать менее чем за неделю. Иностранцы ждали заключительного этапа парада — прохождения ракетных войск стратегического назначения, когда показывали какую-нибудь новую ракету длиной с маленькую подводную лодку. Завершался парад маршем сводного военного оркестра. После парада — вновь демонстрация трудящихся.

В то время существовало и немало профессиональных праздников, не имевших привязки к конкретным датам, а лишь к выходным дням. Например, с 1965 года в первое воскресенье октября отмечался День учителя, к которому тщательно готовились в школах. Родительский комитет собирал деньги на подарки учителям. Обязательно дарили цветы: астры да гладиолусы — профессия учителя все больше становилась женской.

Не было, наверно, такой профессии, не имевшей своего праздника: отмечались День печати, День радио, День строителя, День милиции, День медицинского работника и т. д. Официальная идеология навязывала и такие праздники, как Посвящение в рабочий класс, День молодого рабочего, Праздник серпа и молота.

Из церковных праздников не пропускали еще Крещение (19 января, старушки ездили за святой водой), правда, массового окунания в прорубь не было, разве что в личную ванну, а также Рождество на 7 января, которое нередко выпадало на рабочий день.

На предприятиях отмечали и дни рождения сотрудников, в честь золотого юбилея устраивали небольшой сабантуй, вручали цветочки и, например, наручные часы с выгравированной на них надписью: «Борису Николаевичу от коллектива СМУ-155». Могли одарить незапланированной премией по такому случаю.

Торжественно обставляли и выход на пенсию, это называлось «провода на заслуженный отдых». Празд-

ник проходил при большом стечении народа. При этом дарили все подряд, в фильме «Старикки-разбойники» герою Евгения Евстигнеева что только не преподносят: приказ министра, подстаканник, удочку и кофеварку из директорского фонда. Часто дарили и электрические самовары. Уже в 1970-х годах размер пенсии имеющего большой трудовой стаж москвича позволял не работать по достижении пенсионного возраста.

Особый род праздников в Москве составляли свадьбы, собиравшие массу родственников, в том числе из отдаленных деревень и городов Советского Союза. Обязательно приглашались даже двоюродные и троюродные дяди и тети, с которыми не виделись по многу лет. Чем больше гостей — тем лучше. Бывало, что после свадеб проходило лет по десять, а супруги все вспоминали, сколько и с чьей стороны приехало родни и кто больше съел. А про того или иного родственника и вспоминали лишь потому, что он когда-то был на их свадьбе и привез с собой бутылку самогона, баранью ногу, сало и т. д. Больше после этого его и не видели.

Свадьбы справляли и дома (столы и табуретки брали у соседей), и в общежитии, и в ресторанах, и в столовых. Здесь все зависело от финансовых возможностей молодоженов и их родителей. Нередко праздновали свадьбу несколько дней подряд, укладывая родню на кухне.

Поэт Константин Ваншенкин рассказывает о своей незатейливой студенческой свадьбе с Инной Гофф в начале 1950-х годов: «У нас все происходило в загсе Советского района, на Миуссах. Стеклопанная дверь была разбита, осколки визжали под ногой. Ни о каких официальных поздравлениях в ту пору и не слышали. Кому до нас могло быть дело? Разумеется, и нам это было ни к чему. Шлепнули штампы в паспорта — и привет... После загса мы вчетвером (с двумя свидетелями. — А. В.) зашли в ресторан “Киев” и пообедали. Помню борщ с пампушками, свиные отбивные. Тогда все это было добротнo и недорого... Родные, понятнo,

были введены в курс дела, событие скромно отметили в домашнем кругу».

С 1960-х годов срок на регистрацию брака со дня подачи заявления составлял месяц, свидетели непременно должны были присутствовать на церемонии в загсе с алыми или белыми лентами через плечо. Да и сами загсы превратились постепенно во дворцы бракосочетания, чтобы сделать этот самый счастливый и единственный (так думали многие) день в жизни запоминающимся праздником. В загсе молодым могли вручить медаль «Совет да любовь», альбом для фотографий «Летопись семьи» и символический ключ «От счастья».

Прозаично было обставлено бракосочетание Владимира Высоцкого и Марины Влади, их расписали не в зале с музыкой и цветами, а в кабинете. Полная тетка, работница загса, своеобразно напутствовала молодоженов: «Шесть браков, пятеро детей, к тому же — мальчиков! Уверены ли вы в своем чувстве? Отдаете ли вы себе отчет в серьезности такого шага? Я надеюсь, что на этот раз вы все хорошенько обдумали!»

В 1961 году в Москве открылся первый «Салон для новобрачных», снискавший большую популярность, поскольку в то время ежедневно справлялось в среднем по 300 свадеб, а в предпраздничные дни доходило и до трех тысяч. Салон выполнял роль магазина, продававшего молодоженам не только свадебные платья, костюмы и обручальные кольца, но и все то, что им наверняка могло понадобиться в семейной жизни, например, постельное белье, полотенца и скатерть. В этом салоне можно было взять в кредит все что душе угодно — посуду, аккордеон, проигрыватель. Для покупки свадебных костюмов и колец давали кредиты на год. Но не у всех была возможность отдать кредит, потому кольца, наряды и модельную обувь брали «напрокат» и у своих знакомых и родственников, недавно поженившихся. Находились и такие, кто подавал заявку на регистрацию брака исключительно для посещения салона. Своеобразный фиктивный брак, но только с целью овладения дефицитом.

Но как бы бедно ни жили, все равно старались соблюдать сложившиеся обычаи, как то: приезда молодоженов на празднично оформленной цветными ленточками и большими куклами «чайке» или «Волге» (в это время обычно на улицу вываливали все соседи), присутствие профессионального фотографа, аккордеониста.

Непременной частью свадебного маршрута кортежа молодоженов по Москве была поездка на Могилу Неизвестного Солдата с возложением цветов к Вечному огню. Заезжали и на Ленинские горы, фотографировались.

Возродили и старинные русские обряды — выкупы, хлеб-соль, придумали веселые конкурсы для гостей, в общем, развлекались кто как мог. В «Старом Новом годе» Себейкин вспоминает: «Свадьба-то была!.. Полбочки капусты, хлеб и боле ничего!.. Но смеху зато — умереть!.. Помирали тогда, помирали! Что значит молодые! Дядя Коля еще живой был, а он как затеется — помрешь!.. Они с тетей Дуней переоделися, дядя Коля-то! Она его гимнастерку, сапоги, а он — ейное платье и на каблуках! Усохнуть!»

Отмечали свадьбы широко и раздольно, как в популярной песне, исполнявшейся Магомаевым: «Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба, пела и плясала, / И крылья эту свадьбу вдаль несли, / Широкой этой свадьбе было места мало, / И неба было мало и земли». И эту и другие песни распевали на свадьбах на все лады. Хорошей свадьбой считалась та, после которой не оставалось ни одной бутылки водки.

Веселье устраивали и дабы отвлечь зачастую незнакомых до свадьбы гостей от всякого рода пережитков, одним из которых был мордобой. Драка на свадьбе воспринималась некоторыми из них как обязательный атрибут праздника, без которого сие торжество не может считаться полноценным и настоящим. Так случилось и на свадьбе Константина Ваншенкина, которую он праздновал уже в другой день среди своих сокурсников по институту. Будущие известные советские писатели (Тендряков, Бакланов и др.) подрались

так, что затем в общей сложности человек двадцать получило выговоры по партийной и комсомольской линиям. Много лет прошло с той свадьбы, а Ваншенкину всё говорили: «Слушай, а это не у тебя ли была та самая свадьба?»

Приятным моментом было вручение подарков и нужных, и не очень. Хорошо, если дарили конверты с деньгами. На работе молодоженам могли дать пару отгулов, а участникам так называемой комсомольской свадьбы (когда молодые жених и невеста были членами ВЛКСМ) нередко материально помогал и заводской комитет комсомола.

Интересно, что само вроде бы такое сугубо личное понятие, как брак, также было объектом контроля со стороны государства. Например, еще по закону от 15 февраля 1947 года были запрещены браки с гражданами зарубежных стран, а уже зарегистрированные браки признавались незаконными. В сложное положение попали тогда уже родившиеся у таких родителей дети. Многие судьбы оказались поломаны.

Начиная с 1950-х годов тлетворное влияние Запада, как и опасались в Кремле, делало свое дело. Все больше граждан, в основном деятелей культуры, заключали браки с иностранцами, получая возможность выезда за границу. Это и Владимир Высоцкий, и поэт Евгений Евтушенко, актрисы Виктория Федорова и Мария Максакова, режиссер Андрей Михалков-Кончаловский, гроссмейстер Борис Спасский, композитор Александр Зацепин. Но и простой народ пользовался такой возможностью — в Москве училось немало студентов из развивающихся стран, многие девушки, выйдя замуж, уезжали на родину мужа, например в Сирию или Ливию.

Марина Влади рассказывает про свою подругу: «Она влюбилась в грузинского художника и хотела выйти за него замуж. Но, несмотря на то что она устроилась работать во французское посольство, несмотря на многочисленные официальные просьбы, им очень долго не удавалось получить разрешение на брак. И к тому времени, когда наконец они получили это разре-

шение, она должна была уехать во Францию. И потом ей стоило невероятных усилий вновь получить визу, чтобы повидаться с мужем».

Подробности праздников в семьях известных людей становились темой для обсуждений в московских очередях и на кухнях. В 1963 году с большим размахом справили свадьбу космонавтов Валентины Терешковой и Андриана Николаева — в Доме приемов правительства, в присутствии лично товарища Хрущева. Это событие ярко освещалось в газетах.

«Не имей сто баранов, а женись, как Чурбанов» — так отреагировал народ на бракосочетание подполковника МВД Юрия Чурбанова и Галины Брежневой в 1971 году. Впоследствии Чурбанов стал генерал-полковником, первым заместителем министра внутренних дел Щелокова и автором книг «Товарищ милиция» и «Честь смолоду».

В середине 1970-х годов до Москвы дошли из Ленинграда слухи о грандиозной свадьбе, которую затеял своей дочери всеильный Григорий Романов. Якобы свадьба была в Таврическом дворце и на ней разбили драгоценный сервиз, взятый из Эрмитажа. Когда об этом факте сообщило «Радио Свобода», то помехи подозрительно отсутствовали как таковые. Романов оправдывался до конца своих дней, свалив все на происки Андропова.

Бытовало и празднование свадебных годовщин — серебряной (на 25 лет совместной жизни), жемчужной (30 лет), рубиновой (40 лет) и золотой (50 лет). Их также широко отмечали среди родных и друзей.

«Все на праздник всенародный нашей Родины свободной!» И в заключение еще об одном специфическом празднике той эпохи — выборах. В то время все время кого-то выбирали — депутатов в Верховный Совет СССР, РСФСР, Моссовета, райсоветов и народных заседателей. Выдвигали кандидатов в трудовых коллективах. День выборов подавался как всенародный праздник, ну как же — власть-то у нас народная, вот народ своих представителей и выбирает, чтобы они потом единогласно руки поднимали. Всевозможная

наглядная агитация, плакаты, листовки в почтовом ящике каждого москвича призывали избирателей прийти и отдать свой голос за кандидатов единого блока коммунистов и беспартийных.

Выборы были без выбора. Кандидатура была одна на весь избирательный округ — орденоносная ткачиха с Трехгорки либо президент Академии наук Александров. Вот почему с годами все эти призывы утратили актуальность: все больше появлялось несознательных граждан, не хотевших идти голосовать. Это расценивалось властью как молчаливый саботаж, а потому члены избирательной комиссии, мобилизованные коммунисты, комсомольцы и общественники ходили по квартирам уговаривать избирателей.

Избирательные участки открывались в шесть утра, у дверей уже толпился народ — потом по телевизору говорили, что «первыми пришли отдать свой голос» ветераны первых пятилеток и вечные стахановцы. Избирателю выдавали бюллетень с одной-единственной фамилией. Вот, например, избирательный бюллетень по выборам в Верховный Совет СССР от 16 июня 1974 года по избирательному округу № 1. Справа напечатано: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию одного кандидата, за которого вы голосуете, остальных вычеркните». Дальше идет фамилия Алексея Косыгина, председателя Совета министров СССР. И всё. Вот почему москвичи, даже не заходя в кабину для тайного голосования, сгибали бумажку пополам и бросали ее в красную урну с гербом СССР. Что там было вычеркивать?

В течение дня москвичи шли на участки празднично одетыми, нередко целыми семьями, с детьми. Из громкоговорителей бесконечно раздавались песни советских композиторов, перед участком выступали артисты, внутри работал буфет с колбасой, рыбой и икрой. Могли продавать и дефицитные вещи. Избиратели, едва реализовав свое конституционное право и отдав свой голос, спешили к прилавку, где бывало даже пиво, не говоря уже о газировке. Тогда и начинался подлинный праздник.

Никакие праймериз — отрывка западной демократии, были не нужны, результаты можно было предугадать заранее. Вечером программа «Время» информировала, что, например, на выборах в Верховный Совет СССР в 1970 году за блок коммунистов и беспартийных отдали свои голоса 99,74 процента избирателей, против — 0,26 процента, всего проголосовало 99,95 процента. Еще праздничнее было в 1974 году: «за» — 99,79 процента, «против» — 0,21 процента, всего — 99,98 процента. И еще лучше в 1979 году: «за» — 99,89 процента, «против» — 0,11 процента, всего — 99,99 процента.

Праздник можно было провести и вне дома, посетив музеи и концерты.

«ОБНАЖЕННАЯ ВАЛЬКА»,
СУМАСШЕДШИЙ ДОМ В МАНЕЖЕ
И КОЛЫБЕЛЬ РУССКОГО РОКА. КУЛЬТУРА

*«Я поведу тебя в музей» — Промыть глаза
в Пушкинском — Дрезденская выставка —
Эренбург открывает Пикассо —
Недобитые формалисты — Левый МОСХ —
«Новая реальность» — Манеж. 1962 —
«Тля» и Глазунов — Лианозовцы — Салон
в лагерном бараке — «Жрецы помойки № 8» —
Кабаков. Монмартр на Сретенке — Бульдозерное
биеннале-1974 — Коллекционеры. Зильберштейн.
Вишневский. Костаки. Талочкин — Зверев, он же русский
Ван Гог — Квартирники — ДК «Авангард» —
Концерт Высоцкого в НИИ — Пластинки на «костях» —
Обучаю игре на гитаре — КСП — Барды. Окуджава —
Блатная песня. Северный — Джаз на «Бирже» —
Консерватория — Конкурс Чайковского — Клиберн —
Встретимся на «Маяке»*

Высокий культурный уровень москвичей подпитывался имеющимися в столице различного рода просветительскими учреждениями, в том числе музеями и художественными галереями. В июне 1955 года после долгого перерыва наконец-то был открыт свободный доступ в Кремль, куда мог попасть любой желающий с девяти утра до восьми вечера. Вопрос об этом решался с декабря 1953 года, главным противником открытия Кремля для народа был председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ворошилов, привыкший гулять там после обеда. Его страшил сам факт неожиданной встречи с простыми москвичами и гостями столицы: а вдруг они что-нибудь ему сделают или скажут? Оно и понятно: не для того большевики обстреливали Кремль осенью

1917 года, а затем и захватывали его, чтобы теперь вот так просто запустить туда своих же граждан. Но в итоге подавляющим числом голосов на президиуме ЦК решили все-таки открыть для людей самую большую городскую крепость в Европе.

Народ с большим удовольствием воспользовался неожиданной возможностью погулять в еще недавно запретной зоне. Замечательные памятники русской архитектуры и истории, старинные соборы и башни, Царь-колокол и Царь-пушка, на фоне которых чаще всего старались фотографироваться, Оружейная палата с ее сокровищами, кремлевские музеи — все это стало доступно для простого народа и особенно для гостей Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года. А в 1961 году желающие смогли ознакомиться с экспонатами необычной выставки драгоценностей, изъятых у расстрелянных московских валютчиков.

В центре Москвы на площади Революции располагался главный для того времени Центральный музей В. И. Ленина, пропагандирующий образ вождя мирового пролетариата. Помимо выставленной в витринах скромной одежды Ильича и прочих личных вещей, музей располагал уникальным действующим автомобилем «руссо-балт», неизменно привлекавшим внимание посетителей. Живой интерес вызывали чайник, котелок, топор, коса, которыми Ленин пользовался в Разливе, когда жил в шалаше, а также пальто, простреленное эсеркой Фанни Каплан. Многие удивлялись ее слабому зрению. Именно про этот музей Сергей Михалков сочинил в 1949 году стихи:

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.
— Я поведу тебя в музей! —
Сказала мне сестра.

Вот через площадь мы идем
И входим наконец
В большой красивый красный дом,
Похожий на дворец.

До 1917 года во «дворце» заседала Московская городская дума, сегодня в нем Музей 1812 года.

С Музеем В. И. Ленина соседствовал Государственный исторический музей, экспозиция которого отражала историю России от каменного века до конца XIX столетия. Вниманию посетителей были представлены такие ценные экспонаты, как древний челн III тысячелетия до н. э., найденный под Воронежем, Бородинский клад, Мстиславово Евангелие, золотая чарка Петра I, медаль «За пьянство», парадная сабля Наполеона. Достаточно было пересечь Красную площадь, чтобы попасть и в музей «Покровский собор», более известный как храм Василия Блаженного.

В бывшем Английском клубе на улице Горького, 21, располагался Музей революции, встречавший посетителей шестидюймовой пушкой, из которой в 1917 году обстреливался Кремль. До 1962 года в музее были выставлены подарки Сталину, полученные им к семидесятилетнему юбилею в 1949 году — зрелище интересное в определенном смысле. И чего здесь только не было: макеты доменных печей, фарфоровые сервизы с ликами членов политбюро, курительные трубки из ценных пород дерева, телефонный аппарат в форме земного шара с рычагом в виде серпа и трубкой в виде молота, скульптура «Кузнечик на капусте», шашка из златоустовской стали с панорамой Сталинградской битвы, композиция из жизни рыбаков Енисея из бивня мамонта, серебряные шахматы, нефритовые вазы из Китая, рисовое зернышко с выгравированным портретом Сталина и трогательные детские рисунки.

А кому Музея революции было мало, могли вдохнуть атмосферу большевистского переворота в его филиалах — музеях «Красная Пресня» на Большевистской улице (ныне Большой Предтеченский переулок) и «Подпольная типография ЦК РСДРП(б)» на Лесной улице. В последнем демонстрировалась настоящая подпольная типография, работавшая в подвале магазина «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе»: сначала надо было открыть люк, затем

залезть в сточный колодец, внизу которого был лаз в тесную каморку с ручной печатной машиной.

Любой маленький москвич непременно добивался от своего папы, чтобы тот отвел его в ближайшее воскресенье в Музей Вооруженных сил СССР на улице Советской армии, еще бы, ведь там было так много оружия, а на улице стояли настоящие танки, бронетранспортеры, самолеты и вертолеты. И главное, что на них можно было залезть, хотя это и запрещалось.

В 1962 году на Кутузовском проспекте открылся музей-панорама «Бородинская битва». Ранее панорама художника Франца Рубо, созданная в 1912 году, экспонировалась в специально построенном павильоне на Чистых прудах, но это длилось недолго, в 1918 году ее демонтировали. Замечательным «приложением» к новой панораме стала Кутузовская изба в Филях.

В Политехническом музее на площади Дзержинского (ныне Лубянская площадь) было интересно и взрослым и детям. Десятки тысяч экспонатов демонстрировали чудеса отечественной техники, например, в зале химии стоял агрегат, на глазах посетителей штамповавший миниатюрную галошу с тисненой маркой «ПМ», то есть «Политехнический музей». В зале металлургии работали «настоящие» мартеновские печи, домны и прокатные станы. В зале пищевой промышленности всеобщее внимание приковывали действующий макет рыбного завода и мясокомбината, а также кондитерского и консервного производства. Детишки не проходили мимо стендов с моделями автомобилей. Все останавливались и около макета первой советской атомной бомбы (недействующего).

А еще в лектории Политехнического, помимо научных диспутов, можно было послушать стихи. Эта традиция зародилась очень давно, еще до 1917 года, когда здесь выступали Владимир Маяковский и Иван Бунин, и позднее почти не прерывалась. Со сцены Большой аудитории выступали как признанные поэты, например классики Александр Твардовский и Константин Симонов, так и молодые — Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский. Аудио-

рия на «Вечера в Политехническом» набивалась под завязку. О том, как всё проходило, можно увидеть в фильме «Застава Ильича» (1964), одна из сцен которого снималась во время такого вот вечера поэзии, среди выступающих мы видим Михаила Светлова и Бориса Слуцкого.

Всего в Москве было более полусотни музеев, в выходной день всей семьей можно было пойти в музеи писателей — Пушкина, Льва Толстого (и Алексея тоже), Лермонтова, Достоевского, Чехова, Маяковского, Музей космонавтики и Музей искусства народов Востока, Дарвиновский и Зоологический музеи, Биологический музей им. К. А. Тимирязева и Антропологический, а еще в зоопарк и планетарий, ботанические сады МГУ и Академии наук СССР. Ездили в бывшие царские и дворянские усадьбы — Коломенское, Останкино, Кусково, Кузьминки. Входные билеты в музеи стоили сущие копейки, народ часто ходил семьями и целыми трудовыми коллективами.

Отдельный воскресный день обычно посвящали поездке на ВДНХ. Это была одна из самых известных выставок, возникших уже в советское время, в 1939 году (как ВСХВ). Ее название оправдывало содержание: Выставка достижений народного хозяйства. В ту эпоху ее называли самыми восторженными эпитетами: «город дворцов», «город-сад», «город-мечта». С одной стороны, это была огромная экспозиция, а с другой — парк отдыха с кафе и ресторанами, магазинами и кинотеатром. Недаром здесь снимали в 1940 году кинокомедию «Свинарка и пастух», выставка играла роль красивой и образцовой декорации, подразумевалось, что, откуда бы ни приехал в столицу советский человек, он в итоге непременно окажется на ВДНХ и встретится там с другим советским человеком: «Друга я никогда не забуду!»

Еще в 1950-х годах павильоны выставки были устроены по географическому принципу — каждая республика или крупный регион имели свое здание, где показывали собственные достижения. В павильоне «Узбекистан» гордились перевыполнением плана по

уборке хлопка, в павильоне «Казахстан» — выращиванием тонкорунных овец. С 1963 года республиканские павильоны перепрофилировали в отраслевые: «Химия», «Физика», «Электроника», «Машиностроение» и т. д. Стало скучнее, ушел национальный колорит. Но все равно похожих павильонов не было, каждый отличался своеобразием. Это был город в городе, пусть с застывшей архитектурой, но яркой и неповторимой. А чего стояла установленная перед входом огромная скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», созданная для советского павильона на Всемирной выставке в Париже в 1937 году! И потому народу на ВДНХ ходило много, особенно из числа гостей столицы.

У входа посетителей встречал маленький паровозик, развозящий их в самые разные концы огромной выставки. Можно было летом прокатиться на лошади (а зимой на оленях), поесть мороженого (в одноименном павильоне) и пирожков, попить пива или газировки, посмеяться в комнате смеха, увидеть Москву с высоты колеса обозрения, посмотреть на живущих в павильонах «Животноводство» и «Свиноводство» удивительно чистых свиней-рекордсменов с кучей поросят, коров с телятами, лошадей, быков и прочий скот, а в павильоне «Космос» испытать гордость за свою страну перед макетами первых советских спутников. Очередь стояла и на лодочную станцию. В Зеленом театре проходили концерты. А фотографировались на память обычно на фоне знаменитых фонтанов «Дружба народов» и «Каменный цветок». Вечером павильоны ВДНХ раскрашивались цветной подсветкой.

Но с какой бы целью ни пришел человек на ВДНХ, обязательным пунктом посещения был самолет Ту-154, единственный сохранившийся опытный образец этого лайнера 1968 года выпуска. Это был своего рода наземный музей, даже не макет. Можно было, вскарабкавшись по настоящему трапу, увидеть кабину пилотов и посидеть за штурвалом самолета, пройти через весь салон, на минуту почувствовав себя пассажиром совре-

менного авиалайнера. Музеем поменьше был самолет Як-42, а вот стоявшая словно на старте ракета-носитель «Восток» являлась макетом. В те или иные годы на ВДНХ стояли самые разные самолеты.

Для кого-то ВДНХ была показухой, для кого-то недостижимой мечтой, своего рода Изумрудным городом из детской сказки, но в любом случае — это яркое воспоминание той эпохи.

Для проведения досуга на свежем воздухе в Москве существовало немало так называемых парков культуры и отдыха, садов и детских парков. Центральным был Парк культуры им. Горького, созданный специально для массового и коллективного отдыха трудящихся. Свои парки и сады были в каждом районе — Сад им. Баумана, Битцевский лесопарк, лесопарк «Дружба», Измайловский парк, парк «Красная пресня», Кузьминки, Серебряный Бор, Сокольники, Эрмитаж и многие другие. Это был самый доступный вид отдыха, можно было за рубль накататься на всех аттракционах, причем не беспокоясь за безопасность. Отстояв большую, но быстро продвигающуюся очередь, каждый московский ребенок был на седьмом небе от счастья после катания на аттракционах «Воздушная карусель» и «Выражные самолеты». А еще популярные качели на цепях, вращавшиеся по кругу. Аттракцион «Центрифуга» был рассчитан уже на взрослых. Малыши с восторгом катались на «Скачущих лошадках» и «Веселых паровозиках». Не забыть и «Автодром», в котором можно было догнать на машине своего папу. Катающиеся на аттракционе «Сатурн» могли на минуту представить себя космонавтами, находясь в кабине, вращавшейся вокруг своей оси, поднимавшейся и резко опускавшейся вниз. Непременным было посещение тира и зала игровых автоматов. А со второй половины 1970-х годов в Москву пожаловали перевозные аттракционы из стран народной демократии, объединенные общим названием Луна-парк.

Среди художественных музеев Москвы долгое время первенствовала Третьяковская галерея, представленные в ее залах картины передвижников расцени-

вались как самое драгоценное достояние. Ни Серов с Коровиным, а именно они, реалисты, творчество которых пережило необычайный расцвет во второй половине XIX века, считались предтечей реализма социалистического. Автор картины «Допрос коммунистов» и президент Академии художеств СССР с 1958 по 1962 год Борис Иогансон назвал картины передвижников «сердцем и мозгом» Третьяковки.

Идеология всячески выпячивала изображаемые передвижниками «тяжкую долю крестьян», «угнетение рабочего класса» и «жестокий произвол власти», как будто всего этого уже не было после 1917 года. Соответствующей была и экспозиция. А приходящих в Третьяковку посетителей (40 процентов из них стабильно были гостями столицы) встречал не памятник Павлу Третьякову, а Иосифу Сталину. Люди смотрели то, что им показывали, что они с детства запомнили по школьным хрестоматиям — «Бурлаки на Волге», «Утро в сосновом лесу», «Аленушка».

Начиная с середины 1950-х годов намечается небольшое потепление в отношении к альтернативному искусству. В газетах пишут о вредности «лакировки действительности», в качестве примера подается творчество Александра Лактионова и его картина «Переезд на новую квартиру» (1952), где художник воплотил стопроцентное счастье советских людей в его понимании — пионера с портретом Сталина в руках и его мамашу, любующуюся новым жильем. Ходить в галерею становится куда интереснее, из запасников наконец достают и показывают несколько иное искусство, не менее выдающееся. Москвичи посещают монографические выставки Исаака Левитана (1960), Кузьмы Петрова-Водкина (1966), Константина Сомова (1970), Александра Бенуа (1970—1971), Николая Ге (1970—1971), Федора Васильева (1975), Мстислава Добужинского (1975).

«Оттепель» повлияла и на изменение отношения к религиозному искусству. В 1960 году большие очереди стояли на выставку «Андрей Рублев и его время» к шестисотлетию великого иконописца, а затем на «Ро-

ство-Суздальскую школу живописи» (1966—1967) и «Живопись домонгольской Руси» (1974). Особенно интересовались иконописью, выставленной в Третьяковке, иностранцы. В 1960-х годах будто заново открыли искусство Серебряного века, демонстрируются работы художников «Мира искусства», «Голубой розы», «Бубнового валета». Вернули широкому зрителю и Михаила Врубеля, которого до 1956 года вроде как и не существовало.

Гораздо менее консервативен был Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, история создания которого полна драматических поворотов. Создавался он изначально как Музей изящных искусств им. императора Александра III. А после 1917 года сюда со всей Москвы свозили произведения западной живописи, итогом чего стало создание великолепной коллекции не только старых мастеров, но и всемирно известных импрессионистов из коллекций Сергея Щукина и Ивана Морозова. От одних имен дух захватывает — Клод Мане, Огюст Ренуар, Поль Сезанн, Винсент Ван Гог, Поль Гоген, Эдгар Дега, Анри Матисс. Третьяковская галерея передала вновь созданному музею собрание Михаила Морозова, некоторые произведения современного западного искусства поступили с экспонировавшихся в Москве выставок «Немецкое искусство» (1924), «Революционное искусство Запада» (1926). Имя Пушкина музей получил в 1937 году, когда отмечалось столетие смерти поэта. После войны чуть было не дошло до продажи полотен импрессионистов на Запад, помешала смерть Сталина.

Именно в этот музей поступили культурные ценности из побежденной Германии в порядке реституции. Реставрационная мастерская музея в эти годы напоминала лазарет, наполненный «больными» — картинами, привезенными «в бинтах» — наклейках крест-накрест на поврежденных местах. Среди бесценных предметов искусства особое внимание привлекала коллекция Дрезденской картинной галереи, переданная в музей в августе 1945 года, но советские люди были вынуж-

дены лицезреть шедевры другого рода — в 1949 году музей тоже отдали под экспозицию подарков товарищу Сталину. При Хрущеве в соответствии с решением советского правительства началась передача культурных ценностей, вывезенных с территории Германии в СССР. Всего из музея было передано более 350 тысяч художественных произведений, из них 124 тысячи листов графики, 192 тысячи предметов нумизматики, более тысячи картин.

Перед отправкой на родину шедевры милостиво показали москвичам. Выставку полотен Дрезденской галереи, проходившей со 2 мая по 20 августа 1955 года, почти за 120 дней ее работы посетили свыше 1 миллиона 200 тысяч человек. Что тогда творилось в столице! Огромная очередь, начинающаяся от станции метро «Кропоткинская» (тогда «Дворец Советов»), словно взяла в кольцо Пушкинский музей, заполнив и все прилегающие переулки. Стояли ночами. Музей работал все это время без выходных дней — с 7.30 утра до 23.00, все стремились посмотреть жемчужину коллекции — «Сикстинскую мадонну» Рафаэля. Люди шли вереницей, останавливаясь напротив картины лишь на несколько секунд. Фаина Раневская, до которой дошла очередь, услышала от некоего гражданина: «На меня “Сикстинская мадонна” не произвела впечатления». Актриса не сдержалась и заметила: «Вы знаете, ей столько лет, что она сама выбирает, на кого производить впечатление, а на кого — нет».

Пушкинский оказался исключительным музеем Москвы, где можно было увидеть работы великих художников — Рембрандта, Рафаэля, Тициана, Эль Греко и др. На Волхонку люди приходили, так сказать, «промыть глаза». «С конца 1950-х годов, — вспоминает один из экскурсоводов, — музей превратился в один из немногих в Москве оазисов в душной атмосфере еще торжествующей культуры сталинского социализма. Это было единственное место в столице, где можно было увидеть и небольшой кусочек западного искусства конца XIX — начала XX века... Все от импрессионизма и далее трактовалось тогда как при-

знаки маразма и разложения западного буржуазного общества. Да и все классическое зарубежное искусство меркло перед завоеваниями великих русских мастеров: Крамской живописными качествами далеко превосходил Веласкеса, по сравнению с социальным пафосом картин Федотова или Перова Хогарт представлялся пустым болтуном, Босх, Грюневальд, Тернер своим отходом от реалистических принципов изображения служили черным силам реакции, и все развитие мирового искусства стимулировалось непримиримой борьбой прогрессивных и реакционных тенденций... В экскурсиях мы на картинах Клода Моне, Сезанна, Ван Гога, раннего Пикассо старались доносить до сознания слушателей неортодоксальные взгляды на этот предмет».

Выставку Пикассо привезли в Москву в 1956 году, вновь нарушив тишину патриархальной Волхонки. Музей, не надеясь на успех выставки, разослал множество приглашений — авось кто-нибудь и придет. Но людей пришло столько, что толпа прорвала заграждения и милицейское оцепление. Успокоил всех Илья Эренбург: «Товарищи, вы ждали этой выставки двадцать пять лет, подождите теперь спокойно двадцать пять минут...» И тогда все действительно успокоилось, давки не случилось. А Хрущев творчества Пикассо не понял. Увидев картину «Женщина на пляже», он после ее пристального разглядывания вымолвил: «Как можно рисовать подобное безобразие!» В следующий раз музей брали приступом в 1974 году, когда из Лувра привезли «Джоконду»: полтора месяца вокруг музея стояла круглосуточная очередь.

Многие московские школьники в оттепельные годы стали посещать открывшийся на Волхонке клуб юных искусствоведов, в котором учили правильному описанию и анализу произведений, а также основам атрибутирования, то есть определения по репродукции времени, школы и мастера картины. И вот на одном из занятий ученикам украдкой показали репродукции работ немецких художников и скульпторов из журнала «Искусство Третьего рейха» за 1938 год и спросили:

могут ли они назвать их авторов? Ответы пошли такие: Герасимов, Налбандян, Мухина, Томский. На одной из репродукций была изображена рабочая семья, слушающая радиоприемник. Кто-то сказал: «Лактионов!» Да, это мог быть и Лактионов, если бы еще до него подобный сюжет не воплотил один из его коллег, живший в Третьем рейхе, настолько искусство двух стран было похоже.

Оттаяла и художественная жизнь Москвы: то тут, то там стали проводиться полуофициальные выставки как не добитых еще в 1930-е годы и не любимых властью мастеров старшего поколения — «формалистов», так и их молодых последователей. Вся Москва ходила на эти выставки 1957 года — в Дом художника на Кузнецком Мосту и в Парк им. Горького, где выставляли работы Роберта Фалька. Он, слава богу, дожил до своей персональной выставки, открывшей многим москвичам большого и самобытного художника. Это было чем-то новым, так непохожим ни на Бориса Иогансона, ни на Александра Герасимова. На следующий год Фальк скончался.

В декабре 1959 года на Кузнецком Мосту состоялась посмертная выставка еще одного «формалиста» — Давида Штернберга, вызвавшая большой ажиотаж среди москвичей. Здесь же широкая аудитория впервые познакомилась с творчеством Эрнста Неизвестного и Николая Андропова. Последний художник относился к поколению так называемого «сурового» стиля, ярко представленного также в работах Дмитрия Жилинского, Гелия Коржева, Павла Никонова, Петра Оссовского, Виталия Попкова и др. В попытке преодолеть стереотипы сталинского искусства художники-новаторы группировались вокруг «левого МОСХа», то есть Московского отделения Союза художников СССР. Культурная жизнь Москвы бурлила, ее кипение уже невозможно было закрыть крышкой, словно убегающее молоко. Сенсацией стала «Выставка девяти» в марте 1961 года, представившая работы опять же «левого МОСХа» — художников Бориса Биргера, Владимира Вейсберга, Наталии Егоршиной.

В конце 1950-х годов смело заявила о себе студия «Новая реальность» — творческое объединение художников-абстракционистов, игравшее роль генератора неформального искусства на протяжении нескольких десятилетий. Вдохновителем объединения стал фронтовик, художник Элий Белютин. Своим кредо студийцы провозгласили отход от автоматического и стандартного отражения окружающей реальности и обращение к внутреннему миру человека.

Власть оказалась не готова к бурной деятельности билютинцев и даже растерялась. Министр культуры СССР Михайлов пытался было приструнить «Новую реальность», но куда там: выставки шли одна за другой, народ устал от сталинского академизма и все более разворачивался к искусству живому, неподдельному — в 1958 году прошла выставка в Парке им. Горького, в 1961 году в кафе «Молодежное», в 1962 году в Литературном музее, в ЦДЛ, Доме кино, Доме ученых. И везде толпы народа.

Во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года в Парке культуры устроили показ работ молодых художников из тридцати шести стран мира, посланцы которых приехали в Москву. Чего там только не было — сюрреализм, абстракционизм, экспрессионизм, формализм. В одном из трех павильонов устроили что-то вроде мастерской, где каждый желающий мог наблюдать за процессом творчества художников. Один такой, из американцев, разостлал прямо на полу большой холст, принес ведра с краской и стал «рисовать» — кистью ее разбрызгивать. Увидевшие это москвичи обомлели. Они-то привыкли к иной оценке подобного процесса, трактуемого как банальное хулиганство.

Наконец, знаменитая Таганская выставка в Доме учителя на Большой Коммунистической улице (ныне улица Александра Солженицына) в ноябре 1962 года, которую не заметили только советские средства массовой информации, зато широко осветили зарубежные журналисты. На Западе репортажи с этой выставки произвели эффект разорвавшейся бомбы:

в Москве люди свободно посещают экспозицию современных художников-авангардистов! И никто их не разгоняет.

Однако истинное признание к молодым художникам пришло после выставки в Манеже в 1962 году. Манеж стал еще одним центром художественной жизни Москвы с 1957 года, когда там был открыт Центральный выставочный зал. Благодаря Манежу, пространство которого было несравнимо с площадкой Дома ученых, многие москвичи открыли для себя современное и актуальное искусство. В 1958 году здесь прошла Выставка современного польского искусства, где популярность абстрактного искусства активно доказывали предварительно подготовленные экскурсоводы (их называли «искусствоведы в штатском»). А 1 декабря 1962 года на выставке, приуроченной к тридцатилетию Московского союза художников, произошел скандал. Познакомиться с творчеством современных живописцев и скульпторов пришел Хрущев, «пожилой человек с отечным лицом, явно переживавший внутренние колебания», — как запомнили его очевидцы. Его первый вопрос был: «Где у вас тут праведники, где грешники?» — что означало явное замешательство дорогого гостя. На выставке были представлены и картины Александра Древина, Роберта Фалька, Павла Кузнецова, Александра Тышлера, Владимира Татлина. Рядом висели и ценники на них, причем суммы были указаны дореформенные, то есть с тремя нулями. «За такую-то мазню? Деньги наших трудящихся!» — немедленно отреагировал Хрущев и предложил художникам сразу же приобрести «билет до границы». Кто-то из соратников, видимо, хотел поставить его в явно неудобное положение, так как художники, которых предложил выслать из страны Никита Сергеевич, к тому времени уже скончались, а некоторые и вовсе были расстреляны еще в 1937 году.

Чем дальше в лес, тем больше дров — так можно охарактеризовать продолжение экскурсии Хрущева по Манежу: «Не допущу такого!»; «Не позволю тратить народные деньги!»; «Нашему народу такое не нужно!».

Но встреча с «таким» Хрущеву еще предстояла на втором этаже, где были выставлены картины «Новой реальности» и находились сами авторы полотен. Почти сразу же Хрущев своеобразно их поприветствовал: «Вот говорят, что у вас мазня, и я согласен». Картины молодых художников как-то сразу не приглянулись Никите Сергеевичу. Почему, например, на картине, изображающей Кремль, плохо прописаны зубцы? Почему на другом холсте завод «Красный пролетарий» имеет лишнюю трубу? А вот центр цементной промышленности город Вольск нарисован в пыли и дыму, тогда как это образцовый и чистый город? А лица людей на картинах сознательно так написаны, что ничего не разберешь?

В ответ на это художники попытались что-то такое возразить, дескать, они «так видят», это «художественный образ» и что они имеют право на субъективное восприятие действительности. Но Хрущев уже их не слышал. Воодушевленный поддакиванием своих соратников, то и дело выкрикивавших угрозы в адрес художников: «Всех на лесоповал!» — он стал подходить к авторам картин и спрашивать: «Кто твой отец?» Но, к его глубокому огорчению, никто из художников не мог быть уличен в нерабоче-крестьянском социальном происхождении. Более того, многие из них участвовали в Великой Отечественной войне. И надо сказать, художники дали вполне достойный отпор Хрущеву с его предложением выехать из страны, как например, Элий Белютин: «Вы можете сделать со мной что угодно, но не лишите права быть похороненным в этой земле».

Сам Белютин вспоминал:

«Хрущев остановился. В дверях задержалась свита. Надо всем поднималась худая злобная голова Суслова. Хрущев оглядывал стены. Картины чем-то ему, наверное, нравились, и это задерживало его. Он явно не мог к чему-то намеченному приступить и начинал злиться... Менялся на глазах, мрачнел, бледнел. Эта эмоциональность была удивительна для руководителя государства. И, глядя на его опустошенное, недоволь-

ное лицо, я почти физически услышал, как закрипело колесо Фортуны. Действие спектакля началось еще внизу. Мы были его лишенными права голоса свидетелями...

Хрущев три раза обежал довольно большой зал, где были представлены 60 художников нашей группы. Его движения были очень резки. Он то стремительно двигался от одной картины к другой, то возвращался назад, и все окружавшие его люди тут же услужливо пятились, наступая друг другу на ноги. Со стороны это выглядело, как в комедийных фильмах Чаплина и Гарольда Ллойда. Первый раз Хрущев задержался на портрете девушки.

— Что это? Почему нет одного глаза? Это же морфинистка какая-то! — С каждым словом его голос становился визгливее.

Начав с портрета девушки Алексея Россая, Хрущев стремительно направился к большой композиции Люциана Грибкова “1917 год”.

— Что это такое? — спросил Хрущев.

Чей-то голос сказал:

— Тысяча девятьсот семнадцатый год.

— Что это за безобразие, что за уроды? Где автор? Люциан Грибков вышел вперед.

— Вы помните своего отца? — начал Хрущев.

— Очень плохо.

— Почему?

— Его арестовали в тридцать седьмом, а мне было мало лет.

Наступила пауза.

— Ну, ладно, это неважно, но как вы могли так представить революцию? Что это за вещь? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше рисует.

Подобного рода подход к людям на четвертом десятке, снабженный почти матерными ругательствами усовецивания, что надо непременно любить старших, был настолько неожидан и абсурден, что невольно становилось не до искусства и не до своих дел. Я видел, что все мои товарищи были в шоке, настолько их потряс интеллект и человеческий такт того, кто

управлял половиной земного шара, не говоря о нашей собственной стране, и пассивность позиции его товарищей, не смевших и не пытавшихся его остановить. Он ругался почти у всех картин, тыкая пальцем и пронося уже привычный, бесконечно повторяющийся набор ругательств... Я смотрел на довольное плоское лицо, на людей, подобострастно дышавших в спину премьера, на пожилых прилежных стенографисток и не мог избавиться от мысли, что это какой-то сумасшедший дом».

Занятно, что тут же Хрущев набросился и на художника-сталиниста Владимира Серова:

— Но и вы, Серов, тоже не умеете хорошо писать. Вот я помню, мы посетили Дрезденскую галерею. Нам показали картину — вот так были написаны руки, что даже в лупу мазков не различишь. А вы тоже так не умеете!

У картины, изображающей речной порт в Горьком, Хрущев остановился:

— А это что еще такое?

Изображение на холсте мало напоминало реальную и так привычную для него действительность. На помощь Хрущев призвал стоящего рядом партийного работника:

— У тебя, Иван Петрович, что, и вправду такой порт?

— Да что вы, Никита Сергеевич, у нас совсем другой порт, и краны новые, мы их на валюту купили, которую вы нам выделили!

— Ты что, пидарас? — обозвал Хрущев нехорошим словом художника.

Это нехорошее слово явилось своего рода кульминацией или кодой всей пламенной речи Хрущева. Не зря оно осталось в памяти многих присутствовавших. Откуда, собственно, оно взялось? Незадолго перед визитом первого секретаря ему доложили о разоблачении группы сотрудников издательства «Искусство», имевших нетрадиционную сексуальную ориентацию, что по советским законам каралось уголовным наказанием. Негативная реакция Никиты Сергеевича рас-

пространилась и на всех других деятелей советского искусства, попавших под его горячую руку в Манеже.

Далее, отстав от «Новой реальности», похоронная, как вскоре стало ясно многим художникам, процессия во главе с Хрущевым проследовала в небольшой зал со скульптурами работы Эрнста Неизвестного. Казалось бы, объемные произведения искусства должны были понравиться Хрущеву больше, чем «мазня». Но не тут-то было. Главное, что сразу же бросилось в глаза главе правительства, это не художественные образы, созданные скульптором, а материал, из которого они были изготовлены, — медь.

— Откуда у вас дефицитное сырье?

— Это скупаемые у сантехников водопроводные краны, Никита Сергеевич.

— Вы что же, используете промышленную продукцию на такое?

Затем Хрущев вырвался на лестницу и с криком: «Все запретить! И проследить за всем! И на радио, и на телевидении, и в печати поклонников этого выкорчевать!» — покинул здание Манежа.

Так закончилась очередная дискуссия о проблемах советского искусства. А в Москве родился анекдот:

Хрущев на выставке интересуется: «Это что за картина?» — «“Обнаженная” Фалька, Никита Сергеевич!» — «Обнаженная Валька? Да я и сам на такую не позарюсь!»

Уже через два года отец «оттепели» был смещен своими соратниками, в том числе и теми, кто науськивал его на художников. Коротая время на пенсии, добиваясь рекордных урожаев томатов на своем дачном участке, Хрущев много чего надиктовал на портативный магнитофон. Воспоминания эти затем были опубликованы за границей. Из них стало ясно, что «настроил» Хрущева перед выставкой главный идеолог Михаил Суслов, исполнивший ключевую роль в подготовке его отставки в октябре 1964 года. Возможно, партийным чиновникам было выгодно выставить Хрущева в таком свете. Его грубое поведение вызвало оторопь у многих представителей либеральной интеллигенции.

Другая же часть творческой общественности не скрывала восторга. Художники Серов и Лактионов, скульптор Евгений Вучетич и многие другие деятели, сделавшие свою карьеру в годы культа личности, услышали в словах Хрущева ностальгические нотки по старому времени. А те, кто не успел сделать карьеры, надеялись, что скоро все вновь вернется на круги своя и «все будет, как при бабушке» (в нашем случае — уса- том дедушке). Среди таких оптимистов был и писатель Иван Шевцов, убежденный борец с космополитами, о которых он сочинил роман «Тля», действие по сюжету развивалось в художественной среде. В просторном романе честным художникам-реалистам противостояли хитрые критики-космополиты. Можно себе представить содержание произведения, если его не удалось издать даже при Сталине.

Лишь события в Манеже вернули «Тлю» к жизни. Шевцов уже и не надеялся на ее издание, «...как вдруг неожиданно сверкнули “лучшие времена”»: Хрущев в центральном выставочном зале “Манеж” произвел разнос художников-модернистов. Вечером мне позвонил Вучетич и приподнятым голосом сообщил “грандиозную новость”: о выступлении Хрущева в “Манеже”. “Подробности лично! — возбужденно сказал он. — У меня сейчас Герасимов, Лактионов и другие товарищи, мы только что из ‘Манежа’. Немедленно приезжай. У тебя же есть роман о художниках. Сейчас он ко времени”».

Именно это характерное выражение «сейчас ко времени» в те годы нередко было главным мерилom творческого уровня художественного произведения. Шевцов все понял, извлек из архива запылившуюся рукопись, быстро написал эпилог в духе времени и бегом побежал в издательство «Советская Россия». Там люди тоже сидели неглупые, поняли, куда ветер дует, и согласились выпустить «Тлю» на волю. Роман вызвал неоднозначную реакцию критики и читателей (это еще мягко говоря).

Ну а будущее немалого числа обруганных Хрущевым художников сложилось в общем-то неплохо. Даже не сама выставка в Манеже (вполне обычная и

рядовая), а поведение на ней Хрущева создало им хорошее реноме на всю оставшуюся жизнь. Не зря говорят, что самая хорошая реклама — это плохая реклама. Больше подобных скандальных посещений в Манеже не случилось, хотя выставок впоследствии здесь прошло немало. Представить свои работы в огромном зале на персональной выставке считалось для художников весьма престижным.

Так было, в частности, в июне 1978 года, когда Манеж оказался в небывалой людской осаде — с утра москвичи занимали очереди, чтобы попасть на персональную выставку Ильи Глазунова, представившего на суд зрителей картины на исторические, национальные и религиозные темы. Творчество Глазунова нельзя было отнести ни к набившему оскомину соцреализму, ни к авангардизму — это был другой стиль, скорее антиавангардизм. В течение месяца Манеж посетили более полумиллиона человек, Москва давно не видела такого массового интереса к искусству.

Многие приходили с фотоаппаратами, пытаясь запечатлеть на пленку в том числе и знаменитую картину «Возвращение блудного сына» (дорогуший каталог раскупили стремительно), а другие на словах пересказывали увиденное, удивляясь, как в центре советской столицы вообще возможна пропаганда религиозной живописи. Не вступая в полемику относительно творчества современного художника, откроем, однако, книгу отзывов, перепечатанную эмигрантским журналом «Посев» (№ 10 за 1978 год):

«Такого паломничества не было ни на одну выставку. Люди стоят в очереди по 5—7 часов... Позор Академии художеств за то, что до сих пор не показывали эти чудесные картины...

Канд. хим. наук Никитенков В. Е.».

«Какую-нибудь очередную бездарность типа Иогансона, Бродского и тому подобных превозносят до небес за малярно-деляческие заслуги, производят в академики, улицы называют именем... Жизнь сама сгребет эту кучу на помойку истории, но пока они живут, благоденствуют... Обидно за Россию! Засилье

“иноземцев”: то татары, то немцы, то французы одолевали и разные прочие “шведы”. И сколько же сил, мук, а порой и жизнью стоило русскому таланту пробиться! И все же мы с Вами, Илья Глазунов, родные не только по крови, по судьбе, но и по Вере — верим, что не поддается Русский народ духовному рабству...

Владыченко».

«В эпоху рыб, набравших от страха воды в рот, в эпоху, когда тысячи душ умирают, не родившись, русскому художнику, русскому писателю, русскому проку надо спешить. Не хватает времени, за стеной стоят невидимки. Может быть схематично, может быть непрописано. Но, да здравствует великая русская идея, воскресающая, как птица Феникс!!!

Группа русской молодежи».

«Ваша идеология прозрачна, и она пугает своей простотой. Вы погромщик — Ильюша.

[Без подписи]».

«Не надо делать дешевую подделку. Этим самым вы только портите настоящее впечатление о Руси, которое сохранилось у народа... Подумайте, эта ваша наивность, красивость — на простака... это дорога еще глубже в мещанство. Чуть-чуть совсем, и я чуть было здесь не увидел лебедей... Зачем вы так жестоко хотите обмануть простого человека. Он ведь и так обманут... Я прошу вас, остановитесь!

Художник Н.».

«Неужели Вы не чувствуете нездоровый интерес к Вашей выставке?

[Без подписи]».

«Можно понять художника, у которого нет заказов, нет мастерской, его можно понять, а Вы, все имея, продолжаете еще к тому же и лапшу на умы вешать и покупать дешевой, вроде последних “сюрсов”...

Архитектор».

«Время, быть может, разоблачит колористические недочеты, ошибки, некоторую манерность, даже маньеризм, но глубина мысли, искренность, боль — это пребудет вовеки! За это спасибо!

К.».

Интересно, что как и разгром в Манеже в 1962 году, так и выставка Глазунова были совершенно определенно восприняты на Западе. Если в 1962 году это истолковали как обозначение невозможности поворота назад, к сталинизму, даже несмотря на реакцию Хрущева (ведь никого же не посадили!), то в 1978 году тот же «Посев» сделал вывод, что выставка Глазунова — своеобразная политическая демонстрация, отражающая скрытую борьбу в Кремле между националистами-государственниками и либералами-партийцами. Чувствовалось, что исход этой борьбы (и не только идейной) мир увидит уже совсем скоро.

Альтернативное искусство по-прежнему искало выход к своим зрителям, но могло делать это лишь полупулегально, а иногда и вовсе с нарушением советских законов. Москвичи, как всегда, узнавали о художниках, идущих против общего течения соцреализма, из газетных статей и фельетонов. Раз кого-то ругают — значит, за что-то хорошее. Больше всего в 1960-е годы костили Оскара Рабина. «Смутный, перепуганный, неврастенический мирок встает в холстах художника. Скособоченные дома, кривые окна, селедочные головы, измызганные стены бараков — все это выглядело бы заурядной предвзятостью обывателя, если бы не было перемножено с многозначительной символикой бессмысленности», — настраивала своих читателей «Советская культура» от 14 июня 1966 года.

А что-то понимающие в искусстве москвичи, узнав о таком замечательном художнике, любой ценой пытались взглянуть на его картины. Не заросла народная тропа к Рабину, он и жил-то в Лианозове, в бывшем лагерном бараке, в комнате площадью 19 квадратных метров (как и многие в то время). Барак на долгие годы станет главным объектом его творчества, которое искусствоведы назовут «лианозовским» стилем, а прибившихся к Рабину таких же отщепенцев — поэтов и писателей — «лианозовской» группой.

Повседневная жизнь в бараке проходила без телефона, и потому Рабин через друзей и знакомых объявил, что устраивает в воскресенье «приемный день».

В выставочные залы путь ему был закрыт, а потому, как вспоминал сам художник уже в Париже, «идея публичного показа картин и обсуждения их пользовалась огромным успехом. По узкой дорожке, ведущей от железнодорожной станции к нашему бараку, целыми группами шли посетители. Приезжали и иностранцы. Было невероятно дико видеть их роскошные лимузины возле наших темных, вросших в землю “спален”... Гости приходили, чтобы посмотреть мои картинки. На одной из них изображалась местная помойка с номерным знаком восемь. Картинка была вполне заурядная, без особых эмоций».

Первой клиенткой, купившей картину Рабина, оказалась американская журналистка. Соблюдая все правила конспирации, она (насколько это было возможно) оделась, как простые советские люди, и, оставив машину подальше от Савеловского вокзала, отправилась в Лианозово на электричке. Она заплатила за картину 100 рублей, сказав, что придет еще. Однако следующего раза не случилось: тогтуны выследили ее, препроводив обратно в Москву. И потому любителям современного искусства послужило на руку присоединение Лианозова к Москве: теперь иностранные гости могли без разрешения покидать пределы хлебосольной столицы на своих лимузинах.

А тем временем московские газетчики всячески помогали Рабину, рекламируя его творчество, много пользы принес фельетон «Жрецы помойки № 8» в «Московском комсомольце», где в лучших традициях сталинской критики художника отнесли к сонму избранных — «очернителям», «духовным стилистам», оказавшимся под пятой чуждого буржуазного искусства. Этим можно было гордиться. Ну и как же после такой превосходной оценки не быть ошеломляющему успеху, и он пришел в лице известного лондонского галериста и коллекционера Эрика Эсторика, купившего в Лианозове рабинские произведения оптом. В 1965 году уже и жители столицы Великобритании смогли убедиться в хорошем вкусе галериста, посетив персональную выставку Рабина. Москвичи тоже узнали о выставке, по

«Русской службе Би-би-си». В итоге Рабин съехал из барака в Лианозове, купив за 5600 рублей кооперативную двухкомнатную квартиру на Преображенке.

Художественная жизнь была в Москве как бы с двойным дном: вот официальные художники, на них ходят организованно, с предприятий, а вот неофициальные, которые выставляются в заштатных выставочных залах спальных районов, о них не объявляют по радио и в газетах, но каждый раз на них собираются толпы. Главное, было прийти к открытию, ибо уже через час-другой приезжала милиция и прикрывала лавочку, поскольку проводить такие мероприятия можно было только «с санкции соответствующих органов», — как говаривали домоуправ Бунша и его обожаемая супруга. Разрешение на проведение выставок выдавал исключительно Московский союз художников (или не выдавал, как в этом случае) и только своим членам.

И потому неофициальные художники шли на всё, лишь бы показать свои работы. В 1967 году состоялась первая персональная выставка Рабина в клубе «Дружба» на шоссе Энтузиастов. Народ валом валил. Не обошлось и без поэтической общественности, пришли Евгений Евтушенко и Борис Слуцкий, а также заморские дипломаты и корреспонденты. Но даже их присутствие не помешало закрытию экспозиции уже через два часа. Потом была выставка в Московском институте мировой экономики и международных отношений, также просуществовавшая недолго, всего 45 минут. Выставка Олега Целкова в Доме архитектора продлилась 15 минут, показ картин Эдуарда Зюзина в кафе «Аэлита» длился целых три часа, что побило все рекорды.

В 1968 году в кафе «Синяя птица» состоялась выставка нонконформистов, в том числе Эрика Булатова и Ильи Кабакова, который неплохо устроился в мастерской художника Юло Соостера на чердаке бывшего доходного дома «Россия» на Сретенском бульваре. Здесь было самое что ни на есть богемное место Москвы — прямо как на парижском Монмартре. Большое

пространство чердака было отгорожено для кухни, диванов, раскладушек. Здесь Галич пел свои диссидентские песни, а Кабаков продавал картины иностранцам или обменивал на фотоаппараты или магнитофоны «Грюндик», с гордостью демонстрируя их своим менее удачливым коллегам. Илья Кабаков, в отличие от многих коллег по современному искусству, был членом Союза художников, много работал в книжной иллюстрации. Его принято относить к так называемой группе «Сретенского бульвара». Сейчас живет в США, являясь самым «дорогим» русским художником второй половины XX века.

А Юло Соостер, легендарный эстонский художник, оттрубивший семь лет в ГУЛАГе и ставший культовой фигурой советского андеграунда, жил со своей женой Лидией в подвале на улице Красина, рядом с площадью Маяковского. С 1960 года на «вторники на Красина» в этом импровизированном художественном салоне собиралась вся интеллектуальная Москва — артисты, ученые, прочая богема. Соостер так и не увидел при жизни ни одной своей персональной выставки, скончавшись в 1970 году.

В 1969 году печально закончилась совместная выставка художников Люциана Грибкова и Владислава Зубарева в подвале так называемого Дома Берии во Вспольном переулке, 8. Это была попытка представить творчество «Новой реальности» после семилетнего перерыва, прошедшего со дня выставки в Манеже. Однако вскоре после открытия выставка была разогнана милиционерами.

Апофеозом стала так называемая Бульдозерная выставка, состоявшаяся 15 сентября 1974 года в Беляеве. К ней предварительно подготовились и художники, и московские власти. Первые напечатали на машинке приглашения с текстом, вписав от руки адрес:

*«Приглашаем Вас на Первый осенний
просмотр картин на открытом воздухе...»*

*Выставка состоится 15 сентября 1974 г. с 12 до 14 час.
по адресу: конец Профсоюзной ул.
до пересеч. с ул. Островитянова».*

Приглашения направили в многочисленные посольства, что было неудивительно: в это время в США решался вопрос о предоставлении СССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле.

Московские власти со своей стороны решили провести на этом месте субботник по высадке саженцев (вообще-то было воскресенье, но, как мы знаем, в той Москве субботник мог пройти в любой день недели), отправив в Беляево бульдозеры, самосвалы и поливальные машины (весь день шел дождь), а еще большее число милиционеров.

Утром художники стали прибывать на место небольшими группками с картинами и треножниками в руках. Милиция их уже ждала. Оскара Рабина задержали под предлогом того, что он похож на некоего давно разыскиваемого преступника, у кого-то укравшего часы в метро, однако после проверки документов отпустили. «Когда мы наконец добрались до места, — пишет Рабин, — перед нами открылась панорама, которую я никогда не забуду. Под мелким дождем в жалкую кучку сбились художники, не решающиеся распаковать картины. Всюду виднелись милицейские машины, но милиционеров в форме было немного. Зато было много здоровенных молодцев в штатском с лопатами в руках. Иностранные корреспонденты и дипломаты ждали, какие будут наши дальнейшие действия. Я распаковал свои картины и, не имея возможности водрузить их на треножник, стал держать полотна на вытянутых руках. Большинство художников последовали моему примеру».

Началась свалка: прибывшие «трудящиеся» в штатском с плакатами «Все на субботник!» и «Превратим Москву в образцовый коммунистический город!» схлестнулись с художниками, пытавшимися защитить свои картины от уничтожения. В дело вступил бульдозер, благодаря чему этот вид строительной техники вошел в историю современного искусства. Картины топтали, рвали, поджигали. Все это фотографировали и снимали многочисленные западные журналисты, одному из которых, попавшемуся под горячую руку, даже выбили зубы его же фотоаппаратом.

Все художники встретились уже в КПЗ, общим числом более пятидесяти человек, наиболее отъявленных из них приговорили к штрафу в 25 рублей. А вечером того же дня Рабина пригласили на прием в мексиканское посольство. Необычайный успех! Это и было истинной целью выставки — не привлечь народ, как обычно, а вызвать горячий интерес зарубежной прессы и общественности. В этот день уже многие москвичи узнали о произошедшем по «вражеским голосам». Пиар-акция удалась на славу. Что было изображено на картинах — не важно, главное — разогнали, да еще и бульдозерами! А ведь бульдозер — почти танк, получается, что в спальном Беляеве случилась если не Пражская весна, то уж осень точно.

В Кремле тоже слушали «вражеские голоса» и газеты, оттуда и поступило указание товарищу Гришину: вопрос решить по-новому, в духе, так сказать, разрядки международной напряженности, и все такое... Случилось совсем неожиданное — новую выставку разрешили провести через две недели в Измайлове, 29 сентября 1974 года. И это после разгрома в Беляеве!

В тот день в Измайлове в течение четырех часов все желающие могли убедиться в художественной ценности выставленных картин и таланте их создателей. Жаль, что наиболее яркие из них попали под бульдозер двумя неделями раньше. Много пришло молодежи, особенно студентов, некоторым из них пришлось держать ответ на комитете комсомола своих вузов. Для кого-то вернисаж стал «праздником искусства» и даже «глотком свободы», ибо впервые не о какой цензуре не было и речи.

Бульдозерная выставка уже давно стала апокрифом, ибо не представляется возможным точно выяснить число ее участников, и потому история, произошедшая в тот осенний день в спальном районе Москвы, вошла в ряд уникальных событий повседневности, с которыми может сравниться разве что тот знаменитый ленинский субботник с бревном.

Следующая интересная нонконформистская выставка состоялась в 1975 году в павильоне «Пчеловод-

ство» на ВДНХ, затем в 1976 году на Малой Грузинской в выставочном зале, прозванном в народе «Горком профсоюзов на Малых Грузинах» (там впоследствии прошло немало интересных выставок — в этом-то элитном доме на восьмом этаже в 1975 году и поселился Высоцкий). Но все это уже не соответствовало тому политическому резонансу, который приобрело на Западе творчество неофициальных художников, им всячески намекали на открывшуюся возможность выезда туда, где их по-настоящему оценили. В итоге на Западе оказались не только участники Бульдозерной выставки, но и многие другие — Олег Целков, Михаил Шемякин, Эрнст Неизвестный, Борис Заборов. Булат Окуджава написал в те годы:

Все поразъехались давным-давно,
даже у Эрнста в окне темно,
лишь Юра Васильев и Боря Мессерер —
вот кто остался еще в Эс-Эс-Эс-Эр.

Такое уникальное явление, как квартирные или чердачные выставки, также возникло в Москве и прижилось в 1960-е годы. Некоторые адреса были хорошо известны, например, квартира пианиста Святослава Рихтера на Большой Бронной (дом 2/6), устроившего в 1962 и 1975 годах показ нонконформистских работ Дмитрия Краснопевцева (ныне они в Музее личных коллекций).

Сами художники проявляли чудеса изобретательности. Не получив разрешения на проведение официальной всесоюзной выставки, представители альтернативного искусства придумали весной 1975 года некие хитрые «Предварительные квартирные просмотры к Всесоюзной выставке». Проходили они на квартирах самих художников, чему было трудно воспрепятствовать, ибо к этому времени власть уже не распространяла свое цепкое внимание на изолированные клетушки своих граждан — делай что хочешь на своей кухне, хочешь, «вражеский голос» слушай или картинку свои вешай, главное, на Красную площадь не выходи и

строить коммунизм не мешай. Хотя однажды все же милиция нагрянула на квартиру Александра Меламида на улице Дмитрия Ульянова, где в 1974 году проводилась акция «Живописный спектакль», заключающаяся в демонстрации созданных Виталием Комаром и хозяином квартиры диафильмов в стиле соц-арт со Сталиным, Сократом и Эйнштейном в качестве действующих лиц. Органы ведь тоже слушали «Радиостанцию Свобода» и «Голос Америки», в эфире которых подробно объявлялись афиши таких выставок.

Один из посетителей, Леонид Бажанов, вспоминает: «На квартирниках все были перемешаны, художники, филологи, врачи, сторожа, которые занимались философией и разбирались в ней лучше, чем университетские преподаватели». Люди встречались и для того, чтобы поговорить об искусстве, о книгах, о философии, о науке или просто выпить вина среди умных собеседников.

Столь бурная художественная жизнь привела к дальнейшему росту числа московских коллекционеров из числа артистов, режиссеров, врачей, юристов. Это увлечение граничило с формальным нарушением Уголовного кодекса — за перепродажу картин могли и посадить по статье «спекуляция». Основная масса граждан, влачившая свое существование по принципу «бедность — не порок», настороженно относилась к «коллекционерам», считая всех их захребетниками, нажившимися на трудностях людей.

Узкая прослойка собирателей, доходы которых позволяли заниматься покупкой и обменом ценных произведений искусства, была в столице всегда. Здесь следует назвать и певицу Лидию Русланову, и балерину Екатерину Гельцер. Их собрания были настолько ценными, что решение об их эвакуации из Москвы в 1941 году приняли на самом высшем уровне. Из старых коллекционеров был хорошо известен профессор Илья Самойлович Зильберштейн, обладавший крупнейшей коллекцией картин и рисунков мастеров русской и западноевропейской живописи, насчитывавшей 1844 работы. Жил он на Лесной улице, все

стены были увешаны картинами. Его дом стал одним из частных очагов культуры Москвы. Современники вспоминали о Зильберштейне как о человеке с вулканической энергией и редким обаянием. В этой связи Зильберштейн любил повторять слова Эйзенштейна: «В нашей стране справедливость в конце концов торжествует, но на это порой не хватает жизни».

В 1973 году в Пушкинском музее состоялась первая выставка произведений западноевропейского искусства из собрания Зильберштейна. Специалисты двусмысленно отмечали, что выставка примечательна уже тем, что ее собрал один человек, и притом в условиях малоблагоприятных для коллекционирования.

«Откуда у простого советского доктора наук такие деньги, чтобы приобретать картины Репина или театральные эскизы Бакста?!» — наверное, не раз думали многие посетители выставки. Побывавшему как-то в гостях у Зильберштейна журналисту в ответ на реплику последнего, что вот, мол, на аукционе «Сотбис» эскиз Бакста был продан за 95 тысяч долларов при стартовой цене 50 тысяч, Илья Самойлович ответил с нескрываемым презрением: «Подумаешь, какое дело! У меня пятьдесят таких “бакстов!”». Уже после кончины Зильберштейна раздавались голоса знатоков, что по нынешним ценам собранное Ильей Самойловичем потянет на миллионы и миллионы долларов.

Как попадали к Зильберштейну бесценные произведения, сколько сил, времени и денег тратил он на свое любимое дело? Вот что рассказывал сам коллекционер об одной из своих покупок. Как-то после Великой Отечественной войны Илья Самойлович озабочился необходимостью заполучить в свое собрание картину «Летний пейзаж. В. А. Репина на мостике в Абрамцеве», написанную Ильей Репиным в 1879 году. Владельцем полотна был ленинградский врач Рафаил Ратнер. Приезжая в город на Неве по делам «Литературного наследства» четыре-пять раз в году, Зильберштейн неизменно являлся к владельцу, чтобы уговорить его уступить шедевр ему. Но Ратнер не соглашался. А тут как раз Зильберштейн получил довольно крупную

сумму за изданную совместно с Грабарем книгу о том же Репине и тут же отправился в Ленинград. Ратнер уступил. «И до сих пор помню, как я был счастлив, когда, передав ему просимую сумму и получив эту картину, я в темный вечер, в проливной дождь уносил ее из квартиры», — писал коллекционер. Добавим, что всего у Зильберштейна было 50 (!) картин кисти Репина.

А одна находка стала поистине легендарной — созданные декабристом Николаем Бестужевым в Читинском остроге и Петровской тюрьме 76 акварельных портретов его союзников и их жен. Он искал их 20 лет, перелопатив груды книг и архивов, встретившись с сотнями людей. В Москве уже многие знали, что Зильберштейн ищет эти рисунки. И вот в январе 1945 года (еще шла война!) в Кунцеве Зильберштейн вдруг заполучил в свои руки вожаделенный трофей — ничем не примечательную папку, которую ему вручил некто, пожелавший остаться неизвестным.

Была такая книга «Парижские находки. Эпоха Пушкина», вобравшая в себя рассказы о сенсационных находках Зильберштейна в результате трех поездок во Францию в 1966, 1976 и 1978 годах. Илья Самойлович каждый раз почти без копейки денег отправлялся в Париж и привозил оттуда тысячи ценных документов, которые ему дарили эмигранты. В Москве он отдавал их в архивы и музеи.

Барон Эдуард Фальц-Фейн рассказывал, как Зильберштейн, с опозданием на день из-за бюрократических проволочек в Москве, приехал в Монако на аукцион, где продавалась библиотека Сергея Дягилева, принадлежавшая Сержу Лифарю, и в каком он был отчаянии, что упустил необходимые, отсутствующие в советских собраниях книги, и как был искренне счастлив, когда Фальц-Фейн, купивший эти тома, подарил их ему для России. На основе коллекции Зильберштейна на Волхонке позднее открылся Музей личных коллекций.

Нередко картины и предметы искусства попадали к коллекционерам с чердаков разрушавшихся домов, с

мусорных свалок и помоек. Это стало даже чем-то вроде бизнеса: знающие люди специально договаривались со строителями, сметавшими с лица земли целые районы где-нибудь в Сокольниках. Платили деньги, чтобы пошарить по углам, под половицами — нет ли тайников? Так можно было найти даже царские червонцы, запрятанные давно сгинувшими со свету дореволюционными жильцами.

Вот, например, история известного собирателя Феликса Евгеньевича Вишневого, подарившего свою коллекцию Москве еще в 1969 году. Он был «вещевиком», собирая и живопись, и фарфор, и мебель, и скульптуру. Мог собственными руками возродить из небытия найденные на помойке древние часы с боем, смастерить из бронзовых остатков изящную люстру, будто из пушкинской эпохи. Был он и замечательным реставратором. Как-то на одном складе он увидел разломанный шкаф, предназначавшийся, видимо, на растопку. Приглядевшись, Вишневский выяснил, что шкаф-то — не простой, а резной, старинный и ему, может быть, все 200 лет. Он уговорил завскладом отдать ему эту рухлядь и отвез ее на дачу в Лосино-островском. А тут как раз в букинистическом магазине на улице Горького, рядом с Театром им. Ермоловой, приобрел он каталог старинной мебели. И вот листает Вишневский толстенный том и видит — да это же фотография того шкафа! А под ней написано: «XVI век». Вишневский по сути заново создал это произведение мебельного искусства, подарив его затем Пушкинскому музею. Другие возрожденные им предметы украшают усадьбы Останкино и Кусково.

Но все же главной его страстью были картины Василия Андреевича Тропинина начиная с 1917 года, когда отец подарил ему «Портрет князя С. М. Голицына». Картины он выискивал по антикварным магазинам, в том числе на Арбате — одном из самых популярных в Москве. Придет Вишневский обычно и долго-долго рассматривает вновь сданные на комиссию холсты. А продавцы-то ему не мешают, поскольку много лет знают: свой человек, просто так смотреть не

будет! Старую, неатрибутированную картину можно было купить здесь не дороже 50 рублей. Как говорится, «навозну кучу разгребая», полагаясь на интуицию, Вишневский редко уходил с пустыми руками. Дома он кропотливо работал над картиной, очищая ее от грязи. И что же — оказывалось, что вчера еще невзрачный холст принадлежал кисти самого Саврасова! Само собой, стоимость возрастала в десятки раз. Теперь его можно было продать или обменять на своего любимого Тропинина и художников его времени.

Истинные знатоки искусства работали в то время отнюдь не в Третьяковской галерее. Пришел как-то Вишневский в Лаврушинский переулок с оказией и видит: стоит человек, предлагает галерее купить у него выдавший виды портрет, на котором какой-то старик в старом кафтане. А они говорят: мы, мол, такое не берем, вы его в скупку отнесите, там такого добра полно. А Вишневского интуиция вновь не подвела: надо брать! И купил, хорошо, что деньги с собой были. И сразу поехал к Александру Корину, реставратору. Очистив закопченный холст, они установили, что это знаменитый «Портрет С. К. Суханова» кисти Тропинина! Вот как бывало. Ныне коллекция Вишневского хранится в Музее В. А. Тропинина и художников его времени в Щетининском переулке, где Вишневский в 1971—1978 годах служил главным хранителем.

Коллекционеров хватало и среди чиновничества. Многолетний заместитель министра иностранных дел Леонид Ильичев превратил свою квартиру в галерею картин Шишкина, Крамского, Куинджи, Айвазовского; правоверный коммунист, он не скрывал истинной цели своего занятия: «Картины — это при любых условиях капитал. Деньги могут обесцениться. И вообще мало ли что может случиться. А картины не обесценятся...» И это говорил член ЦК КПСС! Не менее ценной была коллекция коллеги Ильичева Владимира Семенова, предпочитавшего собирать современное искусство. Ему могли и просто дать картину «повисеть» — на неопределенное время. Попробуй откажи! Вслед за ними собирать предметы искусства бросился

и Алексей Аджубей, зять Хрущева, обладавший невероятными возможностями.

А вот другой ответственный товарищ — главный редактор «Правды» Павел Сатюков просто скупал дорогие картины в антикварных магазинах сразу после их переоценки, для этого надо было прийти первым в магазин, еще с утра, что не было для него проблемой. Таким образом, многие бесценные картины стали собственностью его семьи.

Многие коллекции возникли в трудные военные годы, согласно поговорке: «Кому война, а кому мать родна», когда все дорогое и ценное распродавалось за буханку хлеба и скупалось за бесценок. Другая часть ценностей уплыла в частные руки из-за глупости государства и невнимания той же Третьяковской галереи, долгое время не воспринимавшей, например, искусства той же «Голубой розы» и «Бубнового вальса». Взять хотя бы случай с закрытием англиканской церкви в Москве при Хрущеве, из которой выкинули цветные мозаичные витражи работы Эдварда Бёрн-Джонса. Хорошо, что они затем оказались в частном собрании.

Главным собирателем авангарда в Москве был Георгий Костаки, грек, много лет служивший в иностранных посольствах Москвы то шофером, то завхозом. Зарплату он получал в долларах, следовательно, человеком был небедным, хорошо знал истинную стоимость русского авангарда на Западе и сколько дают за такие картины на аукционах «Кристи» или «Сотбис». Он был главным дилером по продаже современного искусства в Москве, вводя знакомство со многими дипломатами и журналистами. Был в курсе, кому продавать. Костаки так рассказывал о себе:

«Я собирал и старых голландцев, и фарфор, и русское серебро, и ковры, и ткани. Продолжая в том же духе, я мог бы разбогатеть, но... не больше. А мне хотелось сделать что-то необыкновенное. Как-то совершенно случайно попал я в одну московскую квартиру... Там я впервые увидел два или три холста авангардистов, один из них — Ольги Розановой... Работы

произвели на меня сильнейшее впечатление. И вот я купил картины авангардистов, принес их домой и повесил рядом с голландцами. И было такое ощущение, что я жил в комнате с зашторенными окнами, а теперь они распахнулись и в них ворвалось солнце. С этого времени я решил расстаться со всем, что успел собрать, и приобретать только авангард. Произошло это в 1946 году».

И это у Костаки получилось, хотя знающие вроде бы люди говорили ему: «Зачем тебе эта мура? Собирай своих голландцев». А он покупал авангардистов (так когда-то говорили Сергею Щукину: «Зачем вам Матисс и Пикассо? Кому нужно их искусство?»). Те же, кто продавал ему картины, порой думали, что надули его. Сам же он никогда не обманывал художников. Однажды он спросил у художника Бориса Свешникова, сколько тот хочет за свою картину. Тот ответил, что не знает. Тогда Костаки предложил ему тысячу рублей.

— Нет, за такие деньги я не продаю.

— Так сколько?

— Рублей двести-триста.

В итоге сошлись на половине. Но не все художники были такими уж бессребрениками. Например, Олег Целков продавал картины квадратными сантиметрами; как-то зайдя в магазин «Ткани», он поинтересовался, сколько стоит самая дорогая. Решив, что его картины стоят гораздо дороже, он установил отпускную стоимость своих работ в десять копеек за один квадратный сантиметр. Когда приходил покупатель и выбирал понравившуюся картину, Целков брал сантиметр и измерял, вплоть до копейки. В среднем в 1970-е годы картина могла обойтись коллекционеру в 100—150 рублей.

Но бывало и подороже. Художник Владимир Вейсберг с трудом пускал к себе незнакомых людей и, лишь предварительно осведомившись: «А деньги-то у вас есть?» — открывал дверь. Любой другой оскорбился бы таким вопросом, но только не потенциальный коллекционер, сотрудник фирмы «Мелодия», который дисциплинированно отвечал: «Есть». Допрос продолжался: «А сколько?» — «Рублей триста-четыреста». —

«Тогда сейчас я вам поставлю работы за триста-четыреста, вы купите, а потом я покажу вам за пятьсот, за тысячу, за полторы и за две... Но только когда вы купите». Покупатель в итоге приобрел полотно за 200 рублей.

Гораздо дороже были работы русских авангардистов начала XX века. Стоимость доходила до четырех тысяч рублей. Например, картина Аристарха Лентулова «Распятие» могла обойтись в тысячу рублей.

Помимо работ современников Костаки собирал и искусство первых десятилетий XX века, выброшенное официальной критикой, по сути, на помойку. Он рассказывал, как купил, например, сразу много работ своей любимой художницы Любови Поповой. Он познакомился с ее племянником, приехав к нему на дачу, увидел лестницу, обитую фанерой с подписью «Попова». Это и были работы знаменитой художницы, Костаки привез новую фанеру, всё забил, а старую увез с собой. А вот еще один случай. Находясь в отпуске где-то на юге, на пляже он услышал, что в Киеве живет семья, хранящая картины Малевича. Не откладывая, коллекционер купил билет на самолет и вылетел в Киев. Оказалось, что это не Казимир Малевич, а Абрам Маневич, почти однофамилец и американский художник-модернист белорусского происхождения.

Костаки не держал свою коллекцию взаперти, дав возможность ознакомления с ней самым разным людям, тем самым открыв для московской интеллигенции окно в мир. Это в какой-то мере было добровольным просветительством. Костаки поддерживал Анатолия Зверева — яркого и необычного художника той эпохи, ведшего жизнь богемного бродяги, жившего то в одном, то в другом доме. Его называют русским Ван Гогом и первым экспрессионистом на Руси. Костаки говорил про Зверева: «О нем будут писать века!»

Игорь Голомшток вспоминал: «Он набрызгивал краску на холст или на лист бумаги, кистью наносил, казалось бы, беспорядочные, хаотичные мазки — все это занимало у него несколько минут, и в результате получался вполне узнаваемый пейзаж или очень по-

хожий на оригинал портрет... При всей его бродяжнической внешности было в нем нечто джентльменское. Он приходил в оборванном пальто, повязанный ветхим шарфом, но всегда доставал из кармана чистое полотенце и собственный стакан для водки. Как-то он одолжил у меня три рубля на бутылку, а потом при каждой встрече извинялся, что в данный момент не может отдать долг. “Да бросьте, Толя, забудьте!” — всякий раз говорил я ему. Наконец, мы встретились, и опять он извинялся, а потом сказал: “Ну давайте я вас нарисую”. Он взял большой лист бумаги и угольным карандашом, не отрывая руки и ни разу не посмотрев на меня, не больше чем за полминуты сотворил удивительный по сходству и внутренней выразительности мой портрет. Ему не надо было смотреть на свои модели — их обобщенный образ уже существовал в его сознании (или в подсознании), и оставалось только перенести его на холст или бумагу. Иногда Зверев клал на пол несколько листов и в течение нескольких минут заполнял их краской. Конечно, такой метод (как и у Поллока или у Фрэнсиса Бэкона) не всегда приносил результаты».

Каждую неделю Зверев приносил Костаки свои работы, а в обмен получал деньги, таким образом, коллекционер стал обладателем солидного собрания рисунков. Зверев подолгу жил у Костаки, запечатлев всю его семью.

Костаки был выездным, часто ездил за границу, а привозил оттуда книги, каталоги по искусству и шубы жене. Если денег на очередную покупку не хватало, он мог сказать супруге: «Зина, снимай шубу!» Мог и машину продать, вот что значит — страсть. В 1977 году Костаки выехал на родину, в Грецию, большую часть коллекции его вынудили оставить в СССР, это называлось «подарить государству».

Но вот парадокс — в бедной в общем-то Москве встречались и бедные коллекционеры, составившие свое собрание исключительно за счет подаренных им картин. Первым в этом ряду стоит колоритный Леонид Талочкин, он не грек, а простой грузчик, сторож,

лифтер, а ранее инженер-конструктор котлотурбинного завода, собравший сотни картин эпохи Второго русского авангарда: Дмитрия Краснопевцева, Владимира Немухина, Оскара Рабина, Владимира Янкилевского, Дмитрия Плавинского, Михаила Рогинского, Анатолия Зверева и многих других.

Талочкин был неперенным участником всех «квартирников», выступая в роли искусствоведа и бытоописателя одновременно, делая обмер картин, фиксируя даты и названия, технику исполнения и даже диалог участников выставки у той или иной картины. Жил он в коммуналке в ветшавшем деревянном доме. Туда, в свою «нору», он и «тащил» предметы своей коллекции, а в 1976 году ему в Министерстве культуры вдруг сказали: «Ставим ваше собрание на учет как памятник культуры, чтобы нас на Западе в преследовании искусства не обвиняли!» А потом и хорошую двухкомнатную квартиру на Новослободской дали.

Талочкин рассказывал интересные вещи о той эпохе: «Тогда были очень странные времена. Люди работали лифтерами и дворниками, нищенствовали, но при этом почему-то ходили на приемы в посольства. Это было абсолютно бредовое время. С одной стороны — дома жрать в буквальном смысле нечего. Тут приезжают какие-то немцы и привозят авоськи с продуктами и выпивкой. И соображаешь, а что делать с этим оковалком мяса? Холодильника-то нет, протухнет. И зовешь к себе в гости либо развозишь еду по друзьям. Вообще-то, чем занимались эти иностранцы? Скупали работы по дешевке. Немцы были самые добрые, они что-то такое у нас здесь любили. Американцы по указанию сверху поддерживали антисоветски настроенную публику, но были обычно жлобьем. Был тогда в Москве такой Мэл Левински, так его, кажется, звали. У него потом крыша поехала. Например, в Москву приезжает какой-то американский оркестр, Мэлу в посольстве выдают пачку билетов, чтобы он раздал “диссидентам”. А он встает у входа в консерваторию и продает их. Потом он стал генеральным консулом в Киеве, у него началась мания преследования, он

окончательно спятил и был отправлен домой. Были и совсем странные места. Например, особняк рядом с Пречистенкой, принадлежавший американскому журналисту Стивенсу. Он и его русская жена привечали богемную публику, покупали иногда картинки. Меня туда занесло однажды, но помню до сих пор — брежневские времена, стоим на газоне, жарим “барбекю”, пьем какие-то тогда небывалые напитки. А за забором идут изумленные москвичи».

Добавим, что в те времена сторож мог оказаться большим поэтом, а рабочий кочегарки философом и даже художником. А Талочкин до своей смерти в 2002 году оставался крупнейшим знатоком «другого искусства», умер в бедности, не продав ни одной своей картины, передав все в дар государству. Об этой эпохе ярко написал поэт-«лианозовец» Генрих Сапгир:

Я зрел Олимп! Сходили с чердаков Рухин,
Немухин, Рабин, Валентина,
Лев Кропивницкий, Зверев и Целков,
Соостер — все в душе неизгладимо!
Эрнст Неизвестный и Плавинский Дима,
Каланин, Краснопевцев, Кулаков,
Шемякин — жрец слона и крокодила —
а Харитонов, Яковлев каков!

Помимо Костаки современное искусство собирали знаменитый кардиолог Александр Мясников, коллекционеры Яков Рубинштейн, Валерий Дудаков, фотограф Евгений Нутович и др.

«Квартирню» — так называли еще и самодеятельные концерты музыкантов, творчество которых входило в противоречие с официальной идеологией. В середине 1960-х годов на квартирах (в основном среди своих) проводились выступления первых советских рок-групп, зародившихся под влиянием «Битлз». Битломания привела к тому, что первые группы самоорганизовывались уже в старших классах школ, как это случилось, например, с «Time Machine», состоявшей из учеников школы № 19 на улице Белинского. Группы организовывались и по территориальному признаку,

например, «Сокол» (озвучившая знаменитый «Фильм, фильм, фильм!»), все участники которой жили в этом районе Москвы. Всего в 1970 году в Москве насчитывалось около 250 разных групп, выступающих в школах, красных уголках, клубах и домоуправлениях. То есть это было весьма распространенное явление.

Александр Градский рассказывает, как зарождалась новая музыкальная культура в среде московской молодежи: «Люди сидели по домам, слушали на появившихся тогда магнитофонах “Комета”, “Яуза-5”, “Яуза-10” западную музыку и пытались, дома сидя, этому подражать. Дальше кто-то узнал, что где-то есть какой-то парень, который играет на гитаре: “Давай, встретимся с ним”. Встречались два человека, один говорил: “Давай, ты будешь играть на басу, а я — на ритме”. После этого они пытались найти какого-нибудь барабанщика. Находили барабанщика. После этого они пробовали репетировать, затем выступать на танцах. По принципу очень простому: “Вот мне сказали...”, “А мой приятель...”, “А у моего друга...”, “А мой знакомый...”, “Есть товарищ, — или родной брат, — который играет”, — и так далее... Когда у нас уже сформировалось какое-то количество коллективов, и их вот эта среда молодежная стала знать, дескать, вот есть некая группа, называется она, скажем, “Красные дьяволята”. Потом все перезванивались по телефону и узнавали: “А где сегодня сейшн?”... И туда собиралась, как ни странно, довольно большая толпа. Вот по этим телефонным переговорам: все общались между собой, и веселая компания в количестве 1000 человек, 1500 человек, могла оказаться, например, недалеко от Плехановского института и с успехом (или без успеха) прорываться на выступление. Более того, появились люди, которые распространяли, условно, якобы билеты: открытки какие-то с какими-то идиотическими печатями или как-то характеризованные, — продавали их по рублю, по два».

Так или иначе, но, в конце концов, пути московских рок-групп и их поклонников сходились в одном месте — Доме культуры «Энергетик» на Раушской

набережной, 14. Не зря поседевшие и пополневшие ныне истинные рок-звезды тех лет называют его «колыбелью русского рока». Это место в Москве знал каждый почитатель московского музыкального андеграунда. Поначалу, еще в году 1971-м, всё выглядело вполне культурно: выступления групп «Скоморохи» Александра Градского или «Машины времени» (бывшая «Time Machine») по субботам и воскресеньям перед киносеансом. В фильме «Афоня» почти воспроизведена обстановка такого вот концерта, после которого главный герой попадает в милицию. Но в «Энергетике» группы выступали прямо в зале. И это было ново и смело. Под гостеприимной крышей ДК устроились помимо групп Градского и Макаревича еще и коллективы Алексея Козлова и Стаса Намина. Все они дислоцировались в одной комнате, перегородженной фанерой на четыре отсека.

Московские хиппи сделали Дому культуры хорошую кассу, а это и было первоначальной целью, с которой их пригласили выступать. «Энергетик» приобрел бешеную славу. Билеты на выступления доставали с трудом, паршиво было и опаздывать: окружавшая ДК толпа попросту не давала пройти. Однажды Александр Градский, не успевавший к началу своего концерта, был вынужден проникать в помещение по водосточной трубе — его тогда еще не знали в лицо. Меломанов не останавливали ни трехметровый забор, ни грязный подвал, через который также можно было протиснуться внутрь.

Завсегдатаи знали, что особенно яркие концерты идут по праздникам, когда вход на все мероприятия был бесплатным. И вот однажды директор клуба сдуру объявил, что 23 февраля в День Советской армии концерт «Скоморохов» и «Машины времени» будет бесплатным для всех желающих, это его и подвело. «Такая афиша обещала невиданную аудиторию, — рассказывал Андрей Макаревич. — Но директор клуба переборщил, объявив бесплатный вход, — за час до начала выяснилось, что пришли вообще все: во всяком случае, такое у меня сложилось впечатление, когда я пы-

тался протащить в зал каких-то своих знакомых чужих буквально по головам осатаневшей публики. Толпа заполнила весь дворик “Энергетика” и большую часть набережной. Было ясно, что пришедших не вместят и четыре Дворца культуры. В панике были закрыты железные решетчатые ворота. Через пять минут дворик напоминал сцену взятия Зимнего из какого-то нашего классического фильма. Люди, как муравьи, лезли через трехметровые ворота, падали вниз, раздирая джинсы об острые пики. В конце концов, ворота рухнули. Пришла очередь дубовых входных дверей... Зал напоминал паровой котел, давление в котором превысило норму, и он вот-вот взорвется. Люди висели на стенах, на портьерах, свисали гроздьями с балконов и иногда падали вниз».

Поскольку вечер приурочили к военному празднику, то и открыл его товарищ полковник, но говорить ему не дали, публика требовала немедленного начала концерта. Тогда Градский вышел на сцену, призвав народ дослушать важное выступление до конца. Люди на некоторое время утомнились и даже притихли. А дальше... Дальше начался пир духа. «То, что творилось в зале, описать трудно. Сейчас уже всем известно, как следует тащиться под модную группу, чтобы выглядеть при этом достойно, — все насмотрелись видео и весьма похоже имитируют движения западных рок-н-рольных фанов, включая “козу”, зажигалки и эдакое мотание воздетыми руками во время медленных песен. То, что происходило тогда, шло изнутри у каждого и сливалось в бешеный единый порыв. Я впервые ощутил сметающую силу рок-н-ролла. Я испытывал абсолютное счастье и при этом легкий страх — когда тебя везут на заднем сиденье мотоцикла очень быстро и дух захватывает, а сделать уже ничего нельзя. Потом мы прослушали запись нашего концерта — все песни мы сыграли раза в два быстрее обычного — такой был завод», — вспоминал Макаревич.

А в это время на улице, которой передалась атмосфера зала, бушевали страсти. Милиция с попеременным успехом пыталась не пустить настырных «меломан-

нов», они же прокололи колеса милицейской машины, а мотоцикл с коляской подняли и сбросили в зимнюю Москву-реку. Форменное рок-хулиганство. Отвечать за это пришлось Градскому, которого вместе с директором «Энергетика» на следующий день вызвали в горком партии со всеми вытекающими последствиями. Вскоре «колыбель» закрылась.

Но главным итогом исторического концерта стали магнитофонные записи, сделанные благодарными слушателями, прорвавшимися в зал. И хотя качество их оставляло желать лучшего, никакое другое удовольствие для московской молодежи, как прослушивание концертов в квартире на магнитофоне, и придумать в то время было сложно.

После «Энергетика» прошло несколько лет, и выступавшие под его крышей группы и исполнители постепенно обрели официальное признание. Что неудивительно — андеграунд стал выходить из подполья особенно на фоне бесплодных усилий представителей традиционных жанров музыки создать и предложить народу что-то новое. Например, Александр Градский стал активно выступать и записываться в профессиональных студиях, а «Машину времени» в 1975 году позвали на Центральное телевидение в передачу «Музыкальный киоск». Правда, все равно не показали, но зато осталась первая качественная студийная запись, разошедшаяся по всей стране. Достать ее было ох как непросто. Пройдет всего восемь лет, и уже другая группа — «Земляне» примет в 1983 году участие в главном эстрадном концерте советского телевидения «Песня года».

Будто специально напротив «Энергетика» стоял символ современной эстрадной музыки — Центральный концертный зал на Москворецкой набережной, входящий в комплекс зданий гостиницы «Россия». Он открылся в 1971 году и был рассчитан на 2500 мест. Здесь проводились большие концерты к праздникам и так называемые «сольники» официальных певцов (Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Людмила Зыкина, Эдита Пьеха, Эдуард Хиль, Валентина Толкунова

и др.), а также гастролы каким-то чудом залетавших в СССР звезд зарубежной эстрады. Кстати, многие из них таковыми у себя на родине не считались.

Муслим Магомаев (народный артист с 1973 года — в 31 год!) обладал фантастической популярностью, легко собирая многотысячные стадионы (где тогда нередко проводились сольные и сборные концерты) и дворцы. Собственно, с 1962 года после выступления во Дворце съездов и началась его звездная жизнь. Поклонники заваливали его цветами, поднимали на руках машину, где он сидел, и несли ее по улицам. Ни один правительственный концерт не обходился без Магомаева. Брежнев спрашивал: «А Магомаев будет?» — «Конечно, Леонид Ильич!» — «Значит, хороший концерт». По костюмам Магомаева судили о современной моде. Его огромные заработки не прошли мимо внимания органов, возбудивших против него уголовное дело. Но всё обошлось — в органах тоже любили Магомаева.

Ходили москвичи и в Московский театр эстрады, открытый в 1954 году на площади Маяковского (с 1961 года театр находится на Берсеневской набережной), его сцена была предоставлена певцам тех лет — Клавдии Шульженко, Леониду Утесову, Владимиру Трошину, Гелене Великановой, а позднее и популярным артистам разговорного жанра — тогда еще ленинградцу Аркадию Райкину, Марии Мироновой и Александру Менакеру, киевлянам Юрию Тимошенко и Ефиму Березину (Тарапуньке и Штепселю), Виктору Чистякову, Евгению Петросяну, Геннадию Хазанову. Само открытие Театра эстрады ознаменовало собой смягчение цензуры, ранее поприважавшей западные танцы (танго, степ), романсы и возносившей маршеобразные и народные песни и пляски. Не случайно, что даже Александр Вертинский после возвращения на родину выступал в основном в провинции.

Эстрада долго была падчерицей официальной культуры. Так повелось еще с 1930-х годов, когда известного в народе певца карманные критики могли как следует «приложить», да и завистливые коллеги без

дела не сидели. Например, Бернеса в 1958 году обозвали «шептуном у микрофона», а композитора Фельцмана и его песню «Ландыши» травили лет двадцать за «пошлость». На карикатуре его изобразили на фоне ГАЗ-21 «Волга» с подписью вроде: «Вот что можно купить за песню о цветочках».

Повседневная жизнь звезд советской эстрады не была легкой. С одной стороны, идеологические придирки: или пой про комсомол, как Кобзон, или пропадешь, как Ободзинский. Художественные советы, выполнявшие роль цензоров, диктовали всё, вплоть до поведения на сцене — стой, как часовой, на середине и пой. Первой, кто смело стал ходить перед зрителем с микрофоном, была Алла Пугачева. Это произвело фурор. С другой стороны, пристальное внимание власти к заработкам певцов. Почти все прошли через «левые» концерты, когда деньги шли в карман, минуя кассу, что считалось преступлением и могло привести к полному запрету на профессию. Этого боялись страшно. С Валентиной Толкуновой, к примеру, был такой случай. Звонят ей предприимчивые люди из одного подмосковного города с предложением выступить, а она не знает, как выяснить сумму оплаты — разговор-то по телефону, вдруг прослушивают. И вот она спрашивает: «Ну а сколько, сколько... километров?» — «Сто пятьдесят...» — «Вы знаете, я так близко не езжу!»

А без «левых» концертов возникала необходимость работать как лошадь, по три концерта в день. Ставки-то за выступления были маленькие, поскольку звания давали с трудом (это было главным критерием оплаты). Первому на эстраде звание народного артиста СССР дали Леониду Утесову, когда ему стукнуло 70 лет и он уже не выступал. Бернес так и не успел узнать о присвоении этого звания — умер в больнице. Тот же Кобзон, отказавшийся в начале карьеры выступать под псевдонимом, долгое время был всего лишь заслуженным артистом Чечено-Ингушетии, а народным артистом СССР стал в 1987 году, несмотря на то, что даже окончил Университет марксизма-ленинизма при МГК КПСС. Что уж говорить о других певцах, не-

малая часть которых предпочла эмигрировать из страны. Сегодня в Театре эстрады уже давно нет никакой эстрады, «Россия» снесена, а «Энергетику» все стоит!

Но другим звездам путь в Центральный концертный зал был закрыт. Они выступали на менее известных сценах — в основном в актовом зале московских НИИ и предприятий. Конечно, речь идет о Владимире Высоцком, не имевшем официального статуса солиста Москонцерта (у тех была своя тарифная сетка оплаты) и потому певшем полулегально за гонорары в конвертах. Нет, наверное, такого московского НИИ, где бы он не выступал: народ всегда с радостью откликался на Владимира Семеновича.

Официально это называлось шефским концертом, или «Встречей со зрителями», где между рассказами о театре Высоцкий пел свои песни. Билеты стоили от силы рубль. Случалось, что за один день актер успевал спеть сразу в трех НИИ, а всего в месяц таких концертов набиралось до тридцати, Высоцкий работал на износ. За каждый концерт он получал 150—200 рублей (в театре его ставка составляла поначалу 105 рублей, а в конце жизни — 250 рублей). А деньги ему нужны были всегда: он ездил по Москве, разбивая свои иномарки («бэ-эм-вэ» и «рено»), купил кооперативную квартиру. А когда он получил разрешение на ввоз «мерседеса» из-за границы, ему пришлось здорово поднапрячься: дать не только несколько концертов для таможенников, но и десять дней подряд с утра до ночи петь на стадионах, дабы оплатить огромный налог.

Марк Розовский даже пьесу впоследствии сочинил: «Концерт Высоцкого в НИИ». Ради концерта могли даже отложить заседание парткома. Бывало, что ту или иную песню заказывали заранее, а на концертах просили повторить: актер удивлялся, откуда люди так хорошо знают его творчество. А все потому, что на каждом концерте непременно велась запись от начала до конца: обожатели певца записывали своего кумира, но порой Высоцкий мог потребовать и прекратить запись. Прослушивание таких любительских записей было частью повседневной жизни москвичей.

Еще одна несуразность: при фантастической популярности Высоцкого у него вышло всего четыре грампластинки, хотя при деловом подходе массовое тиражирование его записей могло принести государству огромные деньги. Но этот вопрос мало интересовал Госплан СССР. Как-то так повелось, что народ сам себя обеспечивает необходимой культурной продукцией. Пока магнитофоны прочно не вошли в повседневную жизнь, их место занимали самодельные пластинки — «на ребрах» или «на костях», представлявшие собой не что иное, как выбрасываемые на помойку из районных поликлиник рентгеновские снимки. Эта технология зародилась еще после войны. «Ребрами» торговали в том числе из-под полы на Птичьем рынке в Калитниках. Спрос был огромный, особенно на послевоенный джаз. Уж очень хотелось послушать на импровизированной домашней студенческой вечеринке Глена Миллера, и вот заводили патефон, ставили «ребра», предвкушая саксофон, а там: «Джаз захотели? А вот вам...» И далее шла отборная брань пошутивших таким образом подпольных производителей грампластинок — обладателей самодельных рекордеров для перезаписи. Но таких случаев все же было немного, ленинградская артель «Золотая собака» стремилась учитывать конъюнктуру и запросы покупателей.

11 апреля 1956 года министр внутренних дел СССР Николай Дудоров сообщал: «За последнее время в городе Москве получила широкое распространение продажа населению граммофонных пластинок с записями идеологически невыдержанных, вульгарных песен и мелодий, а также жанровых музыкальных произведений. В течение 1955—1956 годов московской милицией за продажу грампластинок кустарного изготовления задерживалось большое количество лиц, в основном из числа студентов высших учебных заведений, учащихся старших классов средних школ и неработающей молодежи, ведущей праздный образ жизни.

В результате принятых мер управлением милиции города Москвы выявлен ряд лиц, занимающихся не-

легальным изготовлением граммофонных пластинок. Среди них оказались: старший инженер-механик Всесоюзного института «Гипросовхозстрой» Вишковецкий А. Х., радиотехник Московской киностудии документальных фильмов Хасянов В. Х., конструктор авиационного завода Почтовый ящик № 75 Майоров Л. Н. и рабочий-надомник артели «Универсалпром» Литичкин Н. А., которые за незаконное изготовление этих пластинок привлечены к уголовной ответственности, а также техник Центрального телеграфа Лихачев А. Г. и шлифовщик авиационного завода Почтовый ящик Э393 Горбачев М. А. Для изготовления граммофонных пластинок эти лица имели у себя на дому специальные звукозаписывающие аппараты и другую необходимую радиотехническую аппаратуру...

Значительное количество рентгенопленки они покупали у конструктора Авиационного завода № 75 Майорова, который похищал ее на том же заводе. На грампластинках, изготовленных из такой пленки, отчетливо видны детали машин и приборов, имеющих иногда секретный характер, органы человека, а также указаны лечебные учреждения, производившие рентгено снимки, в частности, туберкулезный диспансер № 6 и другие лечебные учреждения Министерства здравоохранения СССР...

Изготавливавшие эти пластинки Вишковецкий, Литичкин и другие сбывали их разным лицам, главным образом учащейся молодежи, по 4—5 рублей за пластинку, а последние перепродавали их по 10 рублей... В отношении лиц, занимающихся сбытом грампластинок, принимаются меры воздействия через родителей и общественность. В результате произведенных обысков у преступников обнаружены и изъяты: 500 пластинок с идеологически невыдержанными грамзаписями, 15 тысяч заготовок для пластинок, 500 листов новой рентгеновской пленки, 3 килограмма неиспользованной аэрофотопленки и звукозаписывающая аппаратура».

Самый известный магазин грампластинок «Мелодия» находился на проспекте Калинина, есть знамени-

тая съемка Высоцкого, когда он заходит в этот магазин, а вокруг серая московская зима. Но там он вряд ли мог купить свои пластинки: они не залеживались. Кстати, настоящие советские диски-гиганты тоже оставляли желать лучшего, они гнулись, искривлялись, превращаясь в непригодное для прослушивания состояние. Народная мудрость советовала выпрямлять их с помощью двух листов фанеры с двух сторон, сверху надо было поставить ведро с горячей водой. После суточного стояния пластинка Апрелевского завода (а других и не было) должна была распрямиться.

Неудовлетворенный спрос порождал частную инициативу. Благодаря хищениям с Апрелевского завода обогатились не только расхитители социалистической собственности, но и многие москвичи, последние, конечно, духовно. Уже в 1957 году в МВД СССР сообщалось: «Преступники приобретают за личные средства оборудование и открывают специализированные цеха по изготовлению грампластинок... Начальник цеха Люблинского райпромкомбината Московской области Портман, имея преступные связи с главным инженером Апрелевского завода грампластинок Александровым и начальником отдела сбыта этого завода Мироновым, получает за взятки с завода сырье, из которого изготавливает неучтенные пластинки и реализует их через ряд магазинов г. Москвы и области. Кроме того, Портман находится в преступных связях с некоторыми работниками Московского дома звукозаписи, от которых также за взятки получает матрицы для изготовления указанных пластинок. Начальники цехов Московской фабрики «Пластмасс» Савочкин, Сидоров и некоторые другие работники этой фабрики за взятки получают на Апрелевском заводе грампластинок сырье, а на Ленинградской ф-ке «Пластмасс» — матрицы, изготавливают неучтенные пластинки и реализуют их через торговую сеть. Кроме этого преступники производят пересортицу грампластинок. Литер «г» продают по цене 5 рублей, а по документам оформляют реализацию литера «в» по 3 рубля, присваивая разницу в свою пользу».

Но что интересно — подпольные пластинки по качеству не уступали фабричным, а порой даже превосходили их. Музыкально-пластиночная мафия, выросшая опять же на дефиците, проникла своими щупальцами очень глубоко. В 1958 году среди арестованных оказался первый заместитель начальника управления химической промышленности Мосгорисполкома товарищ В. Н. Косолапов. Всего при ряде обысков было изъято имущества более чем на два миллиона рублей. Таков был спрос на музыку в Москве.

В 1960-е годы гитара стала таким же народным инструментом, как и гармошка, порой даже отбирая у нее первенство. Нормальным явлением для молодежи было посидеть вечерами с гитарой во дворе, у подъезда, на детской площадке — побренчать. Да и в пионерлагере без гитары было не обойтись. Стремились выучить понравившиеся бардовские песни, сочиняли и сами. Гитара тогда стоила дешево, самая недорогая — всего семь с полтиной в любом музыкальном магазине. Научиться можно было у знатока-приятеля (у Яна Френкеля даже песня такая была: «Обучаю игре на гитаре»), по самоучителю или в Доме пионеров, если возраст еще позволял. Набив на пальцах мозоли, наиболее способные и терпеливые овладевали техникой игры на гитаре, на голову вырастая в глазах сверстников и особенно сверстниц.

Возникло поветрие — КСП, или Клуб самодеятельной песни, неформальное социальное объединение. Как его только не расшифровывали — «костер, спальник, палатка» или «клуб спасения песни». Первый слет московского КСП состоялся в 1967 году. Подразумевалось, что исполнители «самодеятельной» песни сами себе пишут стихи и музыку, не являясь профессиональными сочинителями. В СССР право быть официально признанным композитором или поэтом (а не тунеядцем) подчеркивалось членством автора в творческих союзах, куда как раз самодеятельных авторов и не принимали, по большей части из зависти, конечно.

Клубы стали основной площадкой для развития совершенно нового и типично советского явления —

бардовской песни, зародившейся в студенческой среде. Наиболее известными «источниками», давшими множество ярких имен, были Московский университет (Сергей Никитин, Дмитрий Сухарев), Строительный институт (Виктор Берковский), Педагогический институт (Юрий Визбор, Юлий Ким, Ада Якушева, Вероника Долина) и др. Москва в этом вопросе соревновалась с Ленинградом, где были популярны, в частности, Александр Городницкий и Юрий Клячкин, а позднее и врач «Скорой помощи» Александр Розенбаум.

Бардовская песня была любима народом и возникла не случайно именно в хрущевскую «оттепель». Людей много лет назад по радио учили петь (была такая передача по разучиванию песен) только правильные песни — «советских композиторов». Хотя и без этого трудно было не запомнить звучащую каждый день песню «Широка страна моя родная» в исполнении хора и оркестра Гостелерадио, сопровождающего сольное пение народного артиста СССР Ивана Петрова.

Правда, повсеместное увлечение гитарой привело к тому, что теперь уже каждый мог считать себя бардом. В «Иронии судьбы» Женя Лукашин в ответ на предложение послушать Надино брэнчание под гитару вдруг говорит: «Товарищи, я не люблю самодеятельности!» Именно до уровня самодеятельности было официально сведено творчество бардов: мол, ничего особенного, пусть поют, туристы — они и есть туристы.

Но некоторые «туристы» допелись до выезда из СССР, как, например, Александр Галич, ставший хорошим объектом для стукачей, доносивших, что он опять в очередной компании позволил себе исполнение антисоветчины. А другой возможности петь у него не было, концерты Галича были запрещены, оставалось лишь выступать по квартирам, где его также записывали на магнитофон, чтобы дать послушать друзьям и знакомым. Слушали его и в КГБ. В 1974 году Галич выехал из СССР и больше уже не вернулся; из фильмов, снятых по его сценарию, вымарывалось имя автора («Верные друзья», 1954; «Вас вызывает Таймыр», 1970 и др.).

Истинно московским бардом стал фронтовик, учитель и житель Арбата Булат Окуджава, сочинивший своего рода гимн тех представителей московской интеллигенции, кто хотел бы выехать за пределы родины, но не смог. К ним обращался он негромким голосом с двусмысленным призывом: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Окуджава, в отличие от Галича, не сочинял песен протеста, но был не менее актуален со своими животрепещущими балладами. О чем он поет и для кого, было вполне ясно. Тем не менее он оказался одним из немногих официально признанных «самодеятельных» авторов и мог заниматься только творчеством, то есть не был обязан трудиться в школе или химической лаборатории. На магнитофонах крутили его песни «На Тверском бульваре», «Песенка о Ленке Королеве», «Песенка о голубом шарике», «Сентиментальный марш», «Песенка о полночном троллейбусе», «Не бродяги, не пропойцы», «Московский муравей», «Песенка о комсомольской богине» и др. В фильме «Полеты во сне и наяву» (1982) сидящие на ночной кухне Олег Табаков и Олег Янковский — типичные «экземпляры» научно-исследовательской повседневности — поют именно про синий троллейбус. Окуджава также выступал по всяким актовым залам.

А одно из первых его выступлений состоялось в кафе «Артистическое» напротив МХАТа. «Даже в те “оттепельные”, “вегетарианские”, по выражению Ахматовой, времена предприятие было задумано весьма рискованное. Устроить публичный концерт поэта и певца, о котором главная комсомольская газета страны только что опубликовала задушевно-разоблачительную статью! Чью непривычную фамилию эстрадные пародисты назойливо и незатейливо рифмовали со словом “Ржавый”! К тому же одно лишь намерение организовать “незалитованное” выступление какого бы то ни было исполнителя в точке общественного питания без сомнения должно было насторожить кого следует. Бесконтрольная художественная инициатива, донеси о ней кто-нибудь, наверняка не осталась бы без последствий. Как ни странно, не донесли... На дверях

кафе в тот вечер вывесили уклончивую, но привычную публике табличку: “Закрыто на мероприятие”.

Самого поэта, никогда мною не виденного, я тоже распознал сразу. Конечно, по грузинской романтической внешности. Хотя на грузин, постоянно толпившихся в те годы на ступеньках Центрального телеграфа и методично вышагивающих вниз и вверх по улице Горького, он походил мало. Да и одет он был не в их стиле, то есть не в кожу и не в замшу, служившие им униформой, а в какой-то пиджачок букле гэдэровского либо польского производства... А в ногах у поэта стоял огромный студийный магнитофон, старомодный даже по тем временам, неподъемный даже на вид... Всю окружающую обстановку — лица, костюмы, предметы — я замечал лишь до той поры, пока поэт не взял в руки гитару. А потом я уже ни на что не обращал внимания. Я пребывал в состоянии какого-то счастливого смятения, когда обыденная московская жизнь с парадными и черными ходами, с троллейбусами и булочными на углу, со старыми арбатскими дворами, с мартовским снегом и с ранним стуком шагов в пустынном переулке вдруг предстала каким-то нестерпимым чудом, обещанием счастья и любви», — вспоминал Анатолий Макаров.

Если Окуджава был стопроцентным бардом, то Высоцкий занимал срединное положение между так называемыми бардами и исполнителями блатных песен, которые любили в народе: Леонид Утесов еще в 1930-е годы записывал пластинки с «Лимончиками» и «Гоп со смыком». Да что говорить — однажды на кремлевском концерте сам Сталин попросил его спеть «С одесского кичмана», Утесов принялся отказываться: мол, запрещено мне «такие» песни исполнять. Но вождю не откажешь. Удивляться здесь не приходится: блатная культура прочно обосновалась в пределах страны, живущей как в автобусе, где половина сидела, а половина тряслась (выражение Николая Смирнова-Сокольского).

Это Клим Ворошилов и братишка Буденный
Даровали свободу, и их любит народ, —

с возвращением реабилитированных из лагерей начался новый этап существования блатной песни, ее тоже пели под гитару, собравшись на кухне, например, «А по тундре, по железной дороге, / Где курсирует поезд Воркута — Ленинград», как правило, с разными вариациями. Самым известным исполнителем стал ни разу не сидевший даже в КПЗ Аркадий Северный, его слушали исключительно на магнитофонах. Популярен он был у таксистов, приторговывавших его записями, сделанными на подпольных студиях.

Любителям джаза в Москве тоже находилось свое место. Но если в 1940-е годы исполняющего джаз музыканта-космополита подозревали в ежеминутной готовности родину продать, то с началом «оттепели» это обвинение потихоньку сняли. Джаз был, но под прикрытием. Например, еще в 1945 году Государственный джаз-оркестр СССР переименовали от греха подальше в оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио, а с 1958 года он стал эстрадно-симфоническим оркестром — название довольно странное, руководил им Юрий Силантьев. Но джаз в его репертуаре остался.

В 1950-е годы джаз переживает постепенную реабилитацию. Эту музыку можно было послушать в ряде известных московских ресторанов. В частности, в ресторане «Астория» (позже «Центральный») слух подвыпивших и хорошо закусивших граждан услаждал так называемый «Рижский джаз-квинтет», руководитель которого Максимилиан Якон не разрешал музыкантам говорить по-русски. Одевались они соответственно. Их держали за иностранцев, пока в один прекрасный день у них не вышел спор «кому и как сидеть», перешедший в публичный скандал. Ругались они, естественно, на родном русском языке...

Свой вклад внес Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 года, когда москвичи впервые услышали игру отличного английского саксофониста Джо Темперли, а затем в 1962 году — гастроль Бенни Гудмана, руководителя лучшего американского биг-бенда. Из лагеря возвращается Эдди Рознер, вторая труба

мира, выступают со своими оркестрами Олег Лундстрем и Вадим Людвиковский.

Первые сборища любителей джаза проводились на... улице, на пересечении Неглинной и Пушечной улиц, на пяточке, носившем название «Биржа», где в любую погоду с пяти до восьми вечера ежедневно собирались музыканты самых разных возрастов, начиная со старых довоенных лабухов и заканчивая молодыми джазменами. «Это была, — свидетельствует Алексей Козлов, — довольно внушительная толпа необычно одетых, мирно разговаривающих людей, перекрывающая движение машин по Неглинной. Прохожие обходили нас стороной, милиция почему-то не трогала. Это был действительно клуб, где музыканты просто общались, обменивались необходимой информацией, делились профессиональным опытом и просто “хохмили”, рассказывали анекдоты. Сюда же приходили “заказчики” и нанимали на работу — сыграть на танцах или на свадьбе. Это называлось “халтура”, но никто не понимал тогда этого слова в его прямом смысле — к “халтурам” относились очень добросовестно. Для многих из нас они были школой игры, где вырабатывалась профессиональная хватка, умение играть без нот, “на слух”, малознакомую тему, с ходу в любой тональности. На “халтурах” приходилось играть в основном популярную музыку того времени — вальсы, танго, польки, старые фокстроты. Как только мы начинали играть настоящий современный джаз да еще импровизировать, публика моментально переставала танцевать, к нам подходил организатор вечера и просил нас играть “что-нибудь понятное”».

Но не могли же музыканты прямо на «Бирже» и выступать. И вот в 1964 году на улице Чехова (ныне Малая Дмитровка) открывается молодежное кафе «Синяя птица», а на самом деле — первый неофициальный московский джаз-клуб, превратившийся в культовое место столицы. Каждый вечер на его сцене — так называемые «жем-сейшень», за столиками — лучшие люди: музыканты, спортсмены, журналисты, физики и лирики, а еще иностранцы. Для них в неформальном

путеводителе «Синяя птица» стоит рядом с Большим театром.

В «Синюю птицу» приходят послушать таких музыкантов, как Георгий Гаранян, Алексей Козлов, Алексей Кузнецов, Борис Фрумкин, Борис Матвеев, Леонид Чижик и многих других. Не менее популярны джаз-клубы, работавшие под прикрытием московского Общепита и «организованного проведения досуга молодежи» — «Аэлита», «Молодежное», «Романтики», «Ритм», «Печора». Любой москвич, хотя бы отдаленно имевший представление о джазе, хотя бы раз бывал здесь. И главным было не предлагаемое меню, а репертуар игравших там оркестров.

Но не только в центре, а и в московском захолустье играли первоклассный джаз. В середине 1970-х годов приобрели известность джазовые вечера в заштатном ДК «Москворечье» на Каширском шоссе, туда ходили слушать саксофон Алексея Козлова. Были и неофициальные концерты в разных НИИ, в Политехническом музее, в Доме литераторов, в Доме ученых, неизменно вызывавшие колоссальный ажиотаж и давку, когда зайти в зал было трудно даже с билетами. К 1980 году, ближе к Олимпиаде, власти от джаза окончательно отстали.

Любили джаз и многие исполнители классической музыки, услаждавшие слушателей в залах Московской консерватории. Благодаря тому, что выдающихся мастеров выпускали на Запад с большим трудом, в Москве за три рубля можно было обычным будничным вечером насладиться игрой музыкантов мирового уровня. А купившие билет на балкон Большого зала консерватории за сущие копейки приобщались к классике почти бесплатно. В то золотое время в залах Московской консерватории выступали Святослав Рихтер, Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Мстислав Ростропович, Мария Юдина, Олег Каган, Леонид Коган, а оркестрами дирижировали Геннадий Рождественский, Евгений Светланов, Кирилл Кондрашин, Рудольф Баршай, играл Квартет им. Бородина. Выступали в консерватории и лучшие певцы.

В марте 1958 года здесь прошел праздник мировой классической музыки — Первый Международный конкурс музыкантов им. П. И. Чайковского. В том году он проводился по двум специальностям: фортепиано и скрипка. На конкурс съехалось немало иностранных участников, в том числе из-за недавнего «железного занавеса», что само по себе превратило сам факт музыкального соревнования в политическое событие. Так и случилось: самым лучшим исполнителем Первого концерта Чайковского стал молодой техасец Харви Ван Клиберн. За ним следовали советские пианисты Лев Власенко и Наум Штаркман, а также китаец Лю Шикунь.

Симпатии московской публики были на стороне улыбчивого Клиберна (вообще-то правильно его фамилия читается как Клайберн). 11 апреля во время прослушивания допущенных на третий тур ему устроили овацию. Зал встал и несколько минут неистовствовал: «Первая премия! Первая премия!» Встали и члены жюри, среди которых были Эмиль Гилельс и Дмитрий Кабалевский. Сам Рихтер поставил Клиберну высший балл. Ситуация вышла из-под контроля. Конкурс-то он международный, но это не значит, что первая премия должна достаться гражданину США! Очередное идеологическое поражение.

И вновь последнее слово осталось за самым главным человеком в стране. К Хрущеву пришли Фурцева и Суслов, настаивавший на некоей золотой середине: первую премию следует присудить Клиберну и Власенко одновременно. Фурцева привела весомые аргументы в пользу того, что победу надо отдать только Клиберну, преимущество которого было очевидным. Кроме того, Клиберн не такой уж и чужой: он учился в США у профессора Розины Левиной, а она, в свою очередь, принадлежит к школе Василия Сафонова.

Даже советские члены жюри отказались поддержать затею Суслова, последним аргументом которого было то, что Клиберн — американец. Авторитет конкурса был под большим вопросом. Но Хрущев сказал: «Раз жюри настаивает, то не надо нам вмешиваться.

Они профессионалы. А то, что победил американец, даже хорошо, покажем миру нашу непредвзятость». Никита Сергеевич оказался прав — Клиберна встретили на родной техасчине как героя.

А как полюбили его москвичи! Оглушительной овацией они приветствовали его на заключительном концерте лауреатов конкурса 14 апреля 1958 года. В тот вечер Хрущев вместе с королевой Бельгии Елизаветой слушал Клиберна в ложе Большого зала консерватории. А на бис (которым в тот вечер казалось не будет конца) он сыграл... «Подмосковные вечера». Большой зал ревел от восторга. Клиберн стал любимцем московской публики. Любовь эта оказалась взаимной. За кулисами Хрущев сказал высокому, ростом с каланчу, Клиберну: «Дрожжами вас там, что ли, кормят в Техасе?» Клиберну перевели, но он не понял. Впрочем, выражения Хрущева американцам всегда были непонятны.

На Втором Международном конкурсе музыкантов им. П. И. Чайковского в 1962 году Клиберна встречали уже как почетного гостя конкурса, вновь сорвавшего бисы на выступлениях в Большом зале консерватории. На Втором конкурсе соревновались еще и виолончелисты, а еще через четыре года, на Третьем Международном конкурсе музыкантов, — вокалисты, что свидетельствовало о мировом признании этого интереснейшего музыкального первенства.

Состязания музыкантов проходили и в Малом, и в Рахманиновском залах консерватории, а также на сцене Концертного зала им. П. И. Чайковского — еще одной легендарной концертной площадки Москвы. Он строился до войны для Театра Мейерхольда, но после ареста мастера его предназначение изменилось. Визитной карточкой зала стал уникальный орган. Здесь же проходили выступления всемирно известного Ансамбля народного танца под руководством Игоря Моисеева, Русского народного хора им. М. Е. Пятницкого, Оркестра русских народных инструментов под управлением Николая Осипова и других коллективов.

Огромным спросом пользовались у москвичей абонементы на литературные чтения, на которых блистали мастера художественного слова — Дмитрий Журавлев, Эммануил Каминка, Владимир Яхонтов, Иракий Андроников, принадлежавшие к неповторимой плеяде чтецов. Они впервые открыли многим сокровища русской и мировой литературы, научили их верному и правильному восприятию, скажем даже, воспитали. Целые поколения выросли на этих концертах. Не меньшее число зрителей собиралось и на творческие вечера знаменитых поэтов — Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, Давида Самойлова, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко. Впрочем, это было уже в 1970-х, а в 1950—1960-е годы они еще выступали на стадионах и на площади перед самим залом, у подножия памятника Маяковскому, которую в просторечии называли «Маяком».

ДОСУГ МОСКВИЧЕЙ: СПОРТ, ТУРИЗМ, ОТПУСК, ХОББИ

*«Выходи во двор, поиграем!» — Шахматы и домино —
Вся Москва едет на «Динамо» — Шостакович
на футболе — Олимпиада-80 — Байдарка, палатка,
котелок — Одно слово: дикари! — Турпутевка
за рубеж — «Ближе к стаду!» — Теплоход «Победа» —
«Монголия — не за граница» — Баня и рыбалка — Когда
к мужу приходит хобби — Под машиной: папа в гараже —
Ростропович собирает фарфор, а Брежнев иномарки —
Андрей Старостин, хозяин ипподрома — Дача как мечта
москвича — «Вот моя редиска, вот мой хрен родной!» —
«Я так хочу, чтоб вагонка не кончалась!» —
За унитазом на «скорой помощи» — «А за городом заборы,
за заборами — вожжи»*

В таком большом городе, как Москва, всегда находилось место спорту, как профессиональному, так и любительскому. Почти в каждом микрорайоне были свои футбольные площадки, зимой превращавшиеся в катки, на которых играли в хоккей или просто катались на коньках. Многочисленные московские пруды зимой тоже становились катками, например, ездили кататься на Патрики, то есть на Патриаршие пруды, на Чистаки (Чистые пруды) и т. д. Очень был развит дворовый спорт. Во дворах активно играли в пионербол и волейбол, баскетбол и городки, настольный теннис и бадминтон. На московских бульварах играли в шахматы, шашки, а на Гоголевском бульваре находился Центральный шахматно-шашечный клуб. Советский Союз был великой шахматной державой, быть может, потому, что для игры требовалось совсем немного — доска в клеточку и фигуры, что делало шахматы общедоступными. Это вам не

снобистский большой теннис или, тем более, гольф. Вспомним, что даже герои кинокомедии «Джентльмены удачи», отпетые уголовники умеют двигать фигуры: «Лошадью ходи, лошадью!»

Народ привык, что чемпион мира по шахматам непременно должен быть гражданином СССР. Обладателей шахматной короны знали в лицо — Михаил Ботвинник, Василий Смыслов, Михаил Таль, Борис Спасский, Тигран Петросян. Неудивительно, что самый длинный в истории шахматный матч на первенство мира между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым проходил с 9 сентября 1984 года по 15 февраля 1985 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Когда матч начался, никто и не подозревал, каким скандалом он закончится. Поначалу выигрывать стал Карпов, после девяти партий ведя со счетом 4:0. Затем сыграли еще 17 партий, и Карпов опять выиграл, а счет стал 5:0. Вся страна прильнула к телевизорам. Казалось бы, конец матча близок, для победы Карпову не хватает одного очка. Но дальше у Анатолия Евгеньевича дело не пошло. Опять ничьи. И вдруг Каспаров выигрывает 32-ю партию, а потом 47-ю и 48-ю подряд. И счет становится 5:3, и это при сорока ничьих!

Устали все — и игроки, и зрители, и Колонный зал, на сцене которого сидели за шахматной доской претенденты. Матч превращался в нескончаемый, нудный и изматывающий кросс. В самом факте того, что советские шахматисты играют-играют и никак не могут выиграть друг у друга, была какая-то чертовщина. Не дождавшись окончания первенства, скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Черненко, говорят, прямо у телевизора. Пришлось прерывать матч, дабы уступить место церемонии похорон, что было незыблемо. Продолжение матча в таком же темпе было даже опасно. Насколько хватит следующего генерального секретаря?

Неизвестно, сколько еще могли бы они сыграть партий вничью, если бы президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес не прервал матч на том основании, что

исчерпаны «физические и возможно психологические ресурсы не только участников матча, но и всех, имеющих к нему отношение». Общественность поддержала это мужественное решение, но только не Карпов с Каспаровым, уже не представлявшие своего дальнейшего существования вне сцены Колонного зала. Громче всех топал ногами более молодой Каспаров, у которого, похоже, открылось второе дыхание. Он подзревал Кампоманеса в симпатиях к Карпову — дескать, матч прерван специально, чтобы не дать проиграть шахматисту-орденоносцу.

Анатолий Карпов, конечно, был ближе партии и правительству, чем дерзкий Каспаров. Хотя бы своим происхождением. Не зря еще сам Леонид Ильич, вручая Карпову орден Ленина за его первую мировую победу, напутствовал: «Взял корону, держи крепче!» И это при том что Брежнев в шахматы не играл, а мог бы достойно представлять интересы Советского Союза на мировом чемпионате по домино, если бы таковой тогда проводился.

В итоге Карпов согласился прервать матч, а Каспаров заявил, что все это — неспортивный, плохо поставленный спектакль. Но чего он хотел, ведь матч проходил на сцене Колонного зала, видевшего в 1930-х годах и не такие постановки и даже с более печальными итогами. Но был и позитивный результат — Международная федерация шахмат ограничила продолжительность следующего матча мирового первенства, перенесенного на осень 1985 года, двадцатью четырьмя партиями. Впоследствии Каспаров все же выиграл у Карпова и получил лавровый венок на плечи.

А такая игра, как домино, приобщала к себе целые поколения москвичей. В домино играли и пенсионеры, и рабочий люд, возвращавшийся с работы. Стук костяшек по деревянному столу, употребление таких специальных терминов, как «рыба» или «отдуплился», создавали неповторимую дворовую атмосферу начиная с 1950-х годов. «Козла» забивали и в рабочее время — на стройке (в ожидании подвоза цемента) или на автокомбинате, что нередко было причиной нару-

шений в движении городского пассажирского транспорта.

Игра в домино в рабочее время была очень распространена и в высших эшелонах власти. В политбюро была своя команда, кроме Брежнева — это Громыко, Суслов, Кириленко. Они играли днями напролет. Как-то на прием к председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Подгорному пришел Леонид Замятин, генеральный директор ТАСС, а тот не принимает. Минут тридцать просидел он в приемной, а секретарь все говорит: «Николай Викторович очень занят. Подождите». Пришлось опять сидеть, и ведь не уйдешь — вызвали, значит, должен ждать, пока примут. Замятин все терзался вопросами: кто там в кабинете у Подгорного, посол Китая, что ли? Может, в мире что случилось? Ответом на терзания Замятина стало признание охранника: «В домино дуется!»

Спорт в то время был семейным занятием хотя бы потому, что с материальной точки зрения он был доступен широким слоям населения. Да и радио с телевидением активно пропагандировали физкультуру, не зря же каждый день начинался с «Утренней зарядки», а на предприятиях проводились массовые производственные гимнастики также под команду диктора из радиоприемника, с 11 часов. Рабочие и служащие, по задумке организаторов этого всенародного фитнеса, должны были оставить на 15 минут свои станки и чертежные доски и вместе наклоняться, приседать и бежать на месте.

Желающие посвятить свободное время спорту сполна осуществляли свои потребности. Почти в каждой квартире имелись передаваемые по наследству гантели и гири, хулахуп, самодельный турник и специальный диск для вращения. Были распространены группы здоровья, куда записывались все желающие. В фильме «Семь стариков и одна девушка» (1968) очень ярко представлена бытовавшая в то время практика, когда к спорту привлекаются пенсионеры, исправляющиеся алкоголики и прочие доходяги.

В холодное время года приветствовалось моржевание, аналог крещенского купания. Даже рыбную лов-

лю приписали к спорту — в Москве активно работало и раздавало свои значки добровольное общество «Рыболов-спортсмен», имевшее базы и лодочные станции. А еще спортклубы стрелков, охотников, туристов и служебного собаководства. Любителей конного спорта ждали на Московском ипподроме на Беговой, где минимум три раза в неделю проводились скачки и рысистые испытания. Любителей авто- и мотоспорта объединял Центральный клуб автомобилистов и мотоциклистов Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ). Был в Москве и свой аэроклуб в Тушине.

Летом всей семьей садились на велосипеды, зимой вставали на лыжи. Благо что зеленых зон и парков в столице было множество. Вместе ходили смотреть спортивные соревнования — футбол, хоккей, фигурное катание, легкую атлетику. Они и были самыми любимыми видами спорта москвичей. Фигурное катание любили также наблюдать по телевизору — Москва вымирала в эти вечера.

Стадион «Динамо» на Ленинградском шоссе был знаменит легендарными футбольными матчами начиная с конца 1940-х годов. Вся Москва ходила на «Динамо», уже на подступах к нему яблоку негде было упасть: шел и стар и млад.

«Походы на футбольные матчи на стадион “Динамо” превращались прямо-таки в праздничные боевые сражения, — пишет один из многолетних болельщиков. — Билетов у нас обычно не было, шли, как тогда говорили, “на прорыв”. Самые известные популярные команды — “Спартак”, “Динамо”, “ЦДКА”, “Торпедо”, — страсти кипели вокруг них. Была такая припевка, с которой мы шли на матч: “Спартак”, “Динамо”, — через забор и там. Заборы у стадиона были высоченные, охраняемые конной милицией. Надо было прыгнуть под брюхом лошади, потом как можно быстрее перелезть через высоченный железный забор, чтобы конник не успел оттащить за штанину от ограды. Потом надо было брать штурмом второй барьер, входные ворота на возделенные трибуны.

Тут, как правило, собиралась большая толпа безбилетных. Кто-то одним истошным голосом подавал команду: «На прорыв!» Вот тогда начиналась форменная свалка. Билетеров и милиционеров сметали, толпа рвалась вперед, тут только держись, не упади, иначе пройдут по тебе, задавят. А прорвешься, и ты — счастливец. На краешек скамейки примостишься, глядишь, как замороженный, на поле, где сражается любимая команда».

Многим запомнился незабываемый голос знаменитого спортивного комментатора Вадима Синявского, 2 мая 1949 года впервые проведенного телевизионный репортаж с матча «Динамо» — «ЦДКА». Москвичи замирали, слушая его «хриплый, надрывный голос, его скороговорку, бешеный темперамент. Он своими репортажами просто гипнотизировал слушателей. Не удалось прорваться на стадион, спешешь как угорелый к репродуктору. И через Синявского как будто видишь своими глазами все, что происходит на поле. Говорят, он здорово привирал, половины тех эпизодов, о которых говорил, на поле на самом деле не происходило. Но слушали его с замиранием сердца, так больше никого не слушали. Все дела бросали, забывали обо всем. Тогда-то и вошло в моду словечко «болеть». То действительно была болезнь — азартная, увлекательная, незабываемая».

В 1942 году Синявский был тяжело ранен под Севастополем, потерял глаз, но это не помешало ему комментировать не только футбол, но и бокс, легкую атлетику, плавание, шахматы и другие виды спорта.

29 августа 1950 года на «Динамо» зажглась звезда еще одного любимого москвичами комментатора — Николая Озерова, также на матче «Динамо» — «ЦДКА». Это были две вечные команды-соперницы. Озеров вел репортажи с пятнадцати Олимпийских игр, тридцати чемпионатов мира по хоккею и восьми по футболу и, конечно, со знаменитой хоккейной суперсерии Канада — СССР в 1972 году. Телезрителям запомнилась его коронная фраза: «Такой хоккей нам не нужен!»

Поэт Лев Ошанин и композитор Анатолий Новиков сочинили свою знаменитую «Футбольную песенку» (1947), которой открывался каждый футбольный матч:

В небе злая грозовая панорама,
Мяч плывет у ворот по воде.
Но упрямо едет прямо на «Динамо»
Вся Москва, позабыв о дожде.

Футбол объединял абсолютно разных людей, которые в жизни могли никогда и не встретиться, а вот на стадионе — пожалуйста, рядом сидели простые работники и народные артисты. Они свистели, кричали, орали, не пытаясь сдержать своих эмоций и чувств. Да им никто и не препятствовал. Например, на «Динамо» можно было часто увидеть актеров Михаила Жарова и Михаила Яншина, Любовь Орлову и Людмилу Целиковскую, Алексея Грибова и Игоря Ильинского, писателей Юрия Олешу и Льва Кассиля, композиторов Яна Френкеля и Дмитрия Шостаковича. Последний был страстным болельщиком футбола, вел много лет статистику и точный учет матчей, забитых мячей и составов команд. Как-то он отправил в редакцию газеты свои замечания по поводу ошибок и неточностей в статье известного журналиста Константина Есенина, подписался неразборчиво. Тот, не ведая ничего об авторе письма, позвонил по приложенному телефону:

— Есть у вас старичок, интересующийся футболом?

— Есть, сейчас позову, — ответила жена Шостаковича.

Каково же было удивление Есенина, когда в конце разговора старичок назвал свою фамилию. Такое серьезное увлечение спортом людей самых разных профессий было типичным для той эпохи.

Однажды Шостакович на трибуне поспорил с двумя болельщиками относительно результатов давно прошедшего футбольного матча. И в итоге оказался прав, предъявив свою записную книжку, в которой много лет всё подробно записывал. Народную любовь к футболу композитор обосновал так: «Стадион в Сою-

зе — единственное место, где можно кричать не только “за”, но и “против”. И в сущности он был прав.

Спорт культивировался в обществе не только как символ здорового образа жизни, но и обязательная основа «готовности к труду и обороне», то есть имел и политический подтекст. Программа физкультурной подготовки «Готов к труду и обороне СССР» была широко распространена в школах, техникумах и вузах. Она была принята еще в 1931 году и охватывала подавляющее число граждан — от десяти до шестидесяти лет, имевших право после сдачи нормативов получить заветный золотой или серебряный значок «ГТО». Все, кто хорошо и быстро бегал стометровку или прыгал в длину, отжимался от пола или подтягивался, прыгал с вышки в воду или метал гранату, нацепляли в итоге на грудь почетную отметину. Всего было пять возрастных этапов ГТО, для каждого — свои нормативы: «Смелые и ловкие», «Спортивная смена», «Сила и мужество» — все это до восемнадцати лет, а затем «Физическое совершенство» и, наконец, «Бодрость и здоровье» — мужчины до шестидесяти лет, а женщины до пятидесяти пяти лет. В каждой семье был кто-нибудь, когда-то получивший такой значок. А всего в Москве в 1977 году насчитывалось свыше 1,7 миллиона значкистов «ГТО».

Москвичи делились не только на мужчин и женщин, но и на болельщиков, поддерживавших тот или иной спортивный клуб. В столице существовали спортивные общества и клубы «Динамо», «Спартак», «Локомотив», «Торпедо», «Крылья Советов», «ЦСКА», «Трудовые резервы». У Сергея Михалкова в «Дяде Степе» читаем:

Тут один папаша строгий
Своего спросил сына:
— Вероятно, эти ноги
У команды «Спартака»?

В разговор вмешалась мама:
— Эти ноги у «Динамо».
Очень жаль, что наш «Спартак»
Не догонит их никак!

Болели активно и в различных видах спорта, но с уважением друг к другу. Имена спортсменов знали наизусть, их любили и почитали как национальных героев. Достаточно было назвать имя и фамилию спортсмена, как становилась ясна его специализация: Лев Яшин — значит футбол, Валерий Харламов — хоккей, Валерий Брумель — легкая атлетика, Виктор Агеев — бокс, Инга Артамонова — конькобежный спорт, Ирина Роднина — фигурное катание, Юрий Власов — штанга и т. д. На них равнялись, хотели походить.

Представители самых разных видов спорта все время встречались на районных и городских соревнованиях. Между собой состязались школы и техникумы, институты и заводы. Каждый год в столице проводились сотни различных спартакиад, чемпионатов, первенств, соревнований, в том числе и международного уровня. Взять хотя бы хоккейный турнир на приз газеты «Известия», массовые лыжные гонки. Ежегодно в мае проходила масштабная велогонка по Садовому кольцу.

В 1973 году прошла Всемирная универсиада, а в 1980 году — Олимпиада, право на проведение которой было дано Москве в 1974 году. К Олимпиаде началось масштабное строительство спортивной инфраструктуры. Всего специально к Олимпиаде построили 78 объектов, среди которых были спортивный комплекс «Олимпийский», крытый велотрек в Крылатском, кольцевая велотрасса на Крылатских Холмах длиной 13,6 километра, конноспортивный комплекс в Битцевском лесу, дворец спорта «Динамо» на улице Лавочкина, реконструировали стадионы в Лужниках, «Динамо», гребной канал в Крылатском и дворец спорта «Сокольники».

Несмотря на бойкот, объявленный наиболее крупными странами, Олимпиада в общем удалась, превратившись в спортивный праздник не только для москвичей, но и для всего мира, узнавшего и запомнившего фамилии новых чемпионов-рекордсменов мира. Трансляции спортивных состязаний передава-

лись по телевидению с утра до вечера. В неофициальном командном зачете Советский Союз занял первое место, завоевав 195 наград, из них 80 золотых. В день закрытия Олимпиады улетел и ее главный символ — мишка.

Насмотревшись телевизор, многие мамы обычно хотели видеть своих дочерей фигуристками, гимнастками. Любой подающий большие надежды мальчишка, начинающий забивать голы на местной дворовой «коробке», имел все шансы попасть в поле зрения тренера сначала юношеской, а затем уж и взрослой культовой команды. В 1970-е годы приобрела популярность борьба — самбо, дзюдо. Карате вроде сначала разрешили, а затем вновь прикрыли, признав его обучение уголовным преступлением. Большое количество секций, детско-юношеских и спортивных школ, в том числе олимпийского резерва, выращивало кадры для сборных страны. Специально для детворы работал стадион Юных пионеров на Ленинградском шоссе.

Детский спорт — тема также актуальная. Еще в школе каждый должен был перепрыгнуть через козла, залезть по канату, подтянуться и отжаться. А во дворе играли не только в футбол, но и в «вышибалы», в одно касание. Диапазон дворовых игр вообще был широк: прятки, салки, резиночка, «море волнуется раз», «казаки-разбойники», классики (банкой от гуталина), скакалка, «штандер», когда в воздух подбрасывался мяч и произносилось имя кого-то из игроков. Он должен был поймать мяч и крикнуть всем остальным «стоп». Затем игрок с мячом бросал его в другого игрока, который становился водящим, и т. д. И, конечно, войнушка.

В общей сложности москвичи занимались спортом на 62 стадионах, в 14 дворцах спорта и спортивных аренах, 36 плавательных бассейнах (бассейн «Москва» на Кропоткинской работал круглогодично), на двух тысячах волейбольных и баскетбольных площадках, двух велотреках, на 400 футбольных полях. Кроме того, любой приличный вуз имел свои спортивные команды, с охотой принимая студентов-спортсменов. На крупных предприятиях были также свои спортив-

ные организации. Все это развивалось под лозунгами «Быстрее, выше, сильнее!» и «Выше знамя советского спорта!».

Людей постоянно призывали лезть куда-то вверх и стремиться ввысь, многие откликались. И потому, помимо массового спорта, развивался и элитарный, например, большой теннис и альпинизм. Кто-то с наступлением отпуска ехал в Крым, а кто-то отправлялся покорять Эльбрус и Памир. Ведь как писал в «Песне альпинистов» (1967) Юрий Визбор:

Вот это для мужчин — рюкзак и ледоруб,
И нет таких причин, чтоб не вступать в игру.
А есть такой закон — движение вперед,
И кто с ним не знаком, навряд ли нас поймет.

Романтикой веяло от альпинистов, бородатых мужчин с обветренными лицами, немногословных и мудрых. Такой образ создал Владимир Высоцкий в фильме «Вертикаль». Многие крупные ученые, деятели культуры занимались альпинизмом профессионально. Например, композитор Лев Книппер. Кандидатом в мастера спорта по альпинизму был ректор Московского государственного университета Рэм Хохлов, скончавшийся после неудачной попытки покорения пика Коммунизма на Памире летом 1977 года.

Туризм как пограничное явление между спортом (были даже заслуженные мастера спорта по туризму) и увлечением был необычайно популярен и очень разнообразен. В свободное время, будь то два выходных дня или долгожданный отпуск, люди путешествовали и по окрестностям Москвы, и по всему Советскому Союзу, и за границей. Туризм был самостоятельным и организованным, индивидуальным и групповым. За в общем-то небольшие деньги работающие на одном предприятии люди могли позволить себе группой выехать в поездку по городам Прибалтики, в Киев или Прикарпатье. Местком оплачивал до 70 процентов стоимости таких поездок. Чего же не поехать, тем более со своим коллективом? Таким же образом выводили и школьников, причем целыми классами.

А для кого-то лучшей формой отдыха был поход с рюкзаком, спальным мешком и палаткой по «местам боевой славы», в процессе которого нередко удавалось найти заброшенные могилы героев войны. Для таких путешествовавших по лесам и полям туристов даже выпускали специальные мясные консервы «Завтрак туриста». Некоторые занимались туризмом профессионально, путешествуя на велосипедах, лодках, байдарках и на надувных плотках и даже пешком. Был спелеотуризм и туризм парусный, а еще туризм горнолыжный и альпинистский, например, маршрутами «По горному Крыму», «По Днестровскому каньону на плотках», «По Телецкому озеру и алтайской тайге». Прощедшие их могли претендовать на получение значка «Турист СССР». В 1980 году свой отдых на туристских маршрутах провели более десяти миллионов человек.

Хорошим тоном было уехать в отпуск в горы, кататься на горных лыжах считалось престижным. Причем для этого не обязательно было ехать на Домбай, под Москвой имелась своя горнолыжная база «Турист», а в Москве катались в Крылатском, на Воробьевых горах, на Нагорной. Только вот где взять соответствующий спортивный инвентарь, тут одними советскими лыжами производства Мукачевской фабрики и допотопными ботинками не обойдешься. Выручали фарцовщики и комиссионные магазины. А своеобразный гимн туристов-горнолыжников «Домбайский вальс» сочинил в 1961 году Юрий Визбор:

Лыжи у печки стоят.
Гаснет закат за горой.
Месяц кончается март,
Скоро нам ехать домой.

Здравствуйте, хмурые дни,
Горное солнце, прощай.
Мы навсегда сохраним
В сердце своем этот край.

Байдарки приобрели необычайную популярность в 1960-е годы среди научно-технической интелли-

генции. Купив или взяв напрокат разборную двухместную байдарку «Луч» (потом были еще «Салют» и «Таймень»), можно было без какого-либо руководства самому провести отпуск там, где хочется — с друзьями, на природе, на бескрайних просторах одной шестой части суши, переполненной реками, горами и лесами, «как хозяин необъятной родины своей». А если захватить с собой еще и односильный моторчик — вообще красота. Спали в палатках, готовили на костре, пели под гитару, туалет был под кустами. Александр Городницкий отразил всю прелесть этого вида туризма в своей песне:

Все перекаты да перекаты —
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты,
Плыву вперед по абрису.

А где-то бабы живут на свете,
Друзья сидят за водкою...
Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

К большой реке я сегодня выйду,
Наутро лето кончится,
И подавать я не стану вида,
Что помирать не хочется.

И если есть там с тобою кто-то,
Не стану долго мучиться:
Люблю тебя я до поворота,
А дальше — как получится.

Но иногда отпуск заканчивался трагично, как это случилось во время туристического похода по сибирской реке Уде в 1967 году, во время которого погиб студент и бард Валерий Грушин. В честь него под Самарой с 1969 года проходит Грушинский фестиваль авторской песни.

Можно было поехать «дикарем» на собственном автомобиле на юг (как в фильме «Три плюс два»), на автобусе по городам Золотого кольца, на поезде на

природу (летом по субботам из Москвы отправлялись поезда «Здоровье», «Грибник», «Рыбак»), полететь на самолете в Тбилиси и Ереван, отправиться на пароходе — тогда это был морской или речной круиз, например, в Кизи, на Валаам, до Астрахани по Волге. Развивалась туристическая инфраструктура на Черноморском побережье Краснодарского края, Крыма, Кавказа. Здесь было больше всего кемпингов, туристских баз и гостиниц, в которых могли останавливаться не только москвичи. Купивший путевку автотурист, помимо проживания в мотеле, мог там питаться и пользоваться бесплатной автостоянкой.

Основной проблемой внутреннего туризма был дефицит гостиниц, когда пришедшему с улицы туристу чаще всего давали стандартный ответ: «Мест нет!» — о чем извещала специально изготовленная в промышленных масштабах табличка, которую почти никогда не убрали (как в фильме 1981 года «Родня»). Места вроде были, но не для простого люда. Их все время для чего-то бронировали — для делегатов конференции, артистов тамбовского хора, участников спартакиады. Потому свободный номер был доступен и за взятку, делая профессию администратора гостиницы прибыльной и доходной.

Начиная с 1950-х годов людей стали выпускать за границу не только для пропаганды достижений социализма, чем занимались приближенные к власти писатели и композиторы. Широкую популярность обрели круизы на комфортабельных теплоходах «Победа» и «Грузия» вокруг Европы и из Одессы в Ленинград. Первое отправление «Победы» состоялось в ночь на 6 июня 1956 года из Одессы. На борту находилось 423 счастливых обладателя заграничного паспорта, которым выпала уникальная возможность — в течение двадцати пяти дней посетить шесть стран, включая пять капиталистических (Греция, Италия, Франция, Голландия и Швеция). Теплоход заходил в иностранные порты, пассажирам показывали достопримечательности и памятники мировой архитектуры. Такое большое число советских людей никогда еще не выез-

жало на Запад сразу, что делало сам факт круиза чем-то сродни посадке космического корабля на Луне. Это стало ярким событием начавшейся «оттепели».

Пассажирами «Победы» были люди самые разные, что определялось не только разрядкой, но и стоимостью. Билет в каюту первого класса стоил шесть тысяч рублей, огромные деньги по тем временам (как автомобиль «победа»). Плывший среди других пассажиров Константин Паустовский рассказывал: «Половина пассажиров — интеллигенция, художники, рабочие, актеры. Это один слой, который занимал 2-й и 3-й классы. Каюты “люкс” и 1-й класс занимал другой слой — заместители министров, крупные хозяйственники и прочие номенклатурные работники. С ними у нас ничего общего не было и не могло быть, потому что [они]... занимавшие половину теплохода, были не только невыносимы своей спесью, своим абсолютным равнодушием, даже своей враждебностью ко всему, очевидно, кроме своего положения и собственного чванства. Кроме того, они поражали своим диким невежеством. Пускать таких людей за пределы нашей родины, по моему, преступление, потому что у них... очевидно, совершенно различные понятия о престиже страны и советского человека. Достаточно таких весьма классических вопросов, которые задавали эти люди проводникам, гидам, переводчикам. Приведу только два примера, и это будет достаточно. Один, занимавший очень большой пост в прошлом, спросил про картину Рафаэля: “Что это нарисовано? Суд над Муссолини?” Я слышал такой вопрос в Акрополе: “Как пролетариат мог допустить разрушение Акрополя?”»

Кроме того, всё, что есть хорошего на Западе, подлежит осуждению. Например, когда мой сосед, ленинградский писатель, сказал: “Какое море по цвету замечательное!” — один, который стоял рядом, заметил: “А у нас что, море хуже по цвету? Надо будет проверить этого товарища!”».

На «Побезде» плыли и другие пассажиры: сотрудники госбезопасности, приглядывавшие за своими же согражданами, не все из которых могли адекватно от-

реагировать на увиденное. Как пишет Сергей Хрушев, «более половины туристов составили передовики-рабочие, отобранные профсоюзами, в том числе целая группа с московского завода «Каучук». С ними все устроилось просто, они поездки не добивались, им ее предложили».

Вернувшись домой, многие принялись рассказывать об увиденном: оказывается, на Западе нет очередей за хлебом и такого числа безработных, как пишут советские газеты. Там чисто на улицах и много продуктов в магазинах, а прохожие одеваются ярко и разнообразно. Все это вполне могло привести рабочих с московского завода «Каучук» к выводу о том, что загнивание капитализма проходит не так уж и болезненно.

Высокая стоимость круизов не скрывалась, взять хотя бы фильм «Бриллиантовая рука». Болтливая супруга Горбункова говорит: «Шуба подождет! Главное мир посмотреть!» Если даже идет речь о нейлоновой шубе стоимостью 500 рублей, то и это немало.

Общее число советских «интуристов» выросло с 561 тысячи человек в 1956 году до четырех миллионов в 1980 году. Основным направлением выезда были страны «социалистического содружества», но даже туда выпускали далеко не всех, например, имевшие доступ к секретным работам инженеры многих московских НИИ даже не рассматривались. Мало шансов имели и те, у кого были родственники за границей. Например, пианиста Рихтера не выпускали из Союза лет десять — в Англии жила его мать. Анкета должна была быть чистой.

Выехать можно было только по путевке, которую опять же «давали» (через Бюро международного молодежного туризма «Спутник»), да и то не всем, а лишь отработавшим на предприятии не менее двух лет. Сбор документов растягивался на несколько месяцев, включал прохождение медкомиссии, сдачу всех анализов и посещение психиатра и невропатолога, выдававших справку об отсутствии психического или нервного расстройства. Такая забота о здоровье советских людей была вполне понятна — только ненормально-

му гражданину могло прийти в голову остаться за границей.

Претенденты на выезд за границу (в основном только в составе разношерстной группы трудящихся) должны были сначала подписать личную характеристику у директора предприятия, парторга, комсорга и председателя месткома, а затем пройти через сито всевозможных выездных комиссий в райкоме и парткоме, состоявших из ответственных товарищей, чиновников, задававших провокационные вопросы типа: «Что сказал Ленин на Третьем съезде комсомола?» или «Как зовут генерального секретаря компартии Индонезии?»

Особо каверзными вопросами мучили туристов старые закаленные политработники, последний раз побывавшие за границей году этак в 1956-м, да и то на танке в Венгрии. Но ими руководила отнюдь не зависть, их персональная пенсия (более 125 рублей в месяц) при определенной годовой экономии и помощи детей вполне могла им позволить выезд за границу, где они могли бы встретиться лицом к лицу с американскими пенсионерами-путешественниками. Но их волновало другое — не поехать самому, а не дать другому этой возможности. Они были преисполнены чрезмерным классовым чутьем, позволявшим им судить: кому разрешить временно покинуть родину, а кому, менее сознательному и морально нестойкому, — нет!

Фильтрация выезжавших граждан была вызвана тем, что наиболее отважные из них периодически становились невозвращенцами. В основном это были люди творческих профессий, способные найти место под европейским солнцем. Но если бы выезд сделали свободным, то желающих остаться на Западе было бы гораздо больше. А те, кто не мог выехать даже в Монголию («Курица — не птица, Монголия — не за-граница»), прибегали к экстравагантным поступкам. В декабре 1974 года «вражеские голоса» передали, что советский гражданин Станислав Курилов спрыгнул с пассажирского парохода «Советский Союз», совершавшего круиз «Из зимы в лето» по Тихому океану из Владивостока. Пароход шел без остановок, потому

проходить выездные комиссии не требовалось. Ученый-океанограф Курилов проплыл 100 километров за три дня и вышел на филиппинском берегу.

Ну а остальных, правильно ответивших на сложные вопросы граждан ждал специальный инструктаж для выезжающих, которых ориентировали относительно возможных провокаций: куда можно ходить, а куда нельзя, чего ждать от незнакомых женщин на улицах зарубежных городов, охотящихся на какого-нибудь простоватого Семена Семеновича Горбункова с целью дальнейшей его вербовки. Как-то в Театре сатиры инструктировали труппу перед поездкой во Францию. Серьезный товарищ в штатском долго и обстоятельно давал указания типа: «На пляс Пигаль — ни в коем случае!» — пока Анатолий Папанов не спросил: «А в “Красную мельницу”-то можно ходить?» — «В красную? Конечно можно, товарищи! Она ведь красная!» Имелось в виду всемирно известное кабаре «Мулен Руж».

Строго-настрого запрещалось заговаривать с иностранцами, людей просто-таки запугивали. Однажды в Париже к Георгию Менглету подошла на улице старая женщина, из эмиграции, едва она вымолвила: «Как приятно поговорить с соотечественником...» — актер немедля отшил ее: «Пошла к черту!» Держаться надо было всем вместе. Василий Шукшин во время поездки в Польшу все время говорил своей жене: «Ближе к стаду, Лида, ближе к стаду». Отставшие от «стада» могли надолго лишиться права выезжать. А перед выездом советские паспорта сдавали в отделение милиции по месту прописки.

С 1960 года начались круизы на теплоходе «Адмирал Нахимов» вдоль Крымско-Кавказского побережья. Ходили суда и по Северной Двине, и по Балтике, можно было даже отправиться на двадцатидневное путешествие вдоль Дальневосточного побережья на теплоходе «Григорий Орджоникидзе». Для гурманов существовал «Арктический круиз» по Северному морскому пути от Мурманска до Петропавловска-Камчатского и даже по морям Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Популярны были многотысячные турслеты, на которых проводились соревнования по туристской технике и ориентированию. Повсеместно создавались туристские секции и клубы туристов, пункты проката туристического снаряжения, туристические организации не облагались налогами. Основной целью государства в этом направлении было развитие прежде всего внутреннего туризма и экскурсий, в итоге Советский Союз по размаху туризма занимал одно из первых мест на планете. Если же брать статистику по Москве, то среди занимавшихся туризмом граждан треть составляли рабочие и служащие, еще треть инженерно-техническая и творческая интеллигенция, а также студенты, школьники и пенсионеры. Да и сама Москва была одним из главных центров туризма, привлекая большое число приезжих, в том числе и иностранных. Москвичи в общем терпимо относились к вертящимся под ногами туристам, объясняя им, как проехать в Третьяковскую галерею и Оружейную палату.

В повседневной жизни москвичей было немало и других увлечений, кто-то каждую субботу ездил на рыбалку, приползая к вечеру «на бровях», не в силах раскинуть руки в попытке изобразить размеры упущенной щуки, для кого-то отдушиной была охота (зверя в Подмосковье было предостаточно) и даже фотоохота. Другие ходили регулярно в баню — в основном время провести, но и не забывали попариться веничком да пивка попить, и тоже коллективно, компаниями с работы. Благо что в Москве бань было немало — Сандуны, Краснопресненские, Варшавские — общим числом до семидесяти. Третьи занимались дельтапланиризмом и авиамоделированием, запуская на досуге управляемые модели самолетов. Четвертые отгадывали кроссворды и пытались собрать кубик Рубика. Все это тогда называлось английским словом «хобби» и должно было быть у каждого. Хобби — это для души, оно свое, личное, и никакие указания партии на него не распространялись.

У автолюбителей главным хобби был автомобиль — за ним смотрели, как за ребенком. Чтобы

никто ночью не снял дворники, покрышки, колпаки, лобовое стекло и боковые зеркала. Чтобы, не дай бог, завистливые соседи не нацарапали нехорошее слово на левом (или правом) крыле, или не насыпали сахарного песка в бензобак по доброте душевной, или не прокололи шины. Салон некоторых автомобилей напоминал прилавок в базарный день — что только не вешали внутри — и шторки, и брелки, и вымпелы, и даже фотографию Сталина (было такое поветрие одно время). Покупали брезент и укрывали машину на зиму. А в выходные дни приходилось не один час лежать под ней, любимой, вновь и вновь что-то там перебирая. У иных автолюбителей под машиной прошла вся жизнь.

Главным автолюбителем в Москве слыл Леонид Ильич Брежнев, обожавший «вольво» и «мерседесь». Даже зятю своему Юрию Чурбанову он подарил не узик, а «Рено-16». Будучи помоложе, он гонял по столице на иномарках, сидя за рулем. Машины охраны шли позади. Однажды он так разогнался, что оставил далеко позади свой эскорт. Выехал за МКАД и видит: две женщины голосуют с полными сумками. Остановился. Они скорее в машину забрались, подбрось, просят, до поворота. Ну, он и подбросил, а они так и не поняли, кто их вез, даже трешку сунули.

Страсть Брежнева к авто была настолько сильной, что преодолевала все возможные приличия и дипломатический этикет. Порой иностранных лидеров без обиняков просили подарить машину Леониду Ильичу, и те шли навстречу. Так было в США, откуда ему спецрейсом доставили лимузин «Кадиллак Эльдorado», а затем и «Линкольн континенталь». Из Франции приехал «ситроен», из Англии «роллс-ройс», из Италии «мазератти», из Японии «ниссан». Как правило, все модели были в эксклюзивном штучном исполнении, если где-то на земном шаре можно было найти подобные, то лишь у арабских шейхов. Всего, по разным оценкам, в гараже верного ленинца было до полусотни машин — целый музей.

Вслед за Брежневым тянулись и другие автолюбители иномарок, например, автор гимна СССР Сергей

Михалков, директор «Елисейского» Юрий Соколов, актер Владимир Высоцкий, поставивший своего рода рекорд по числу своих разбитых на московских улицах машин, и многие другие официальные и неофициальные лица.

Следствием автомобилизации москвичей стало новое увлечение — гараж. Это была частная собственность в миниатюре, каждый обустраивал его по своему образу и подобию. У кого погреб для хранения картошки, у кого комната отдыха, у кого подпольный автосервис. Закрыв ворота — и делай что хочешь, поругался с женой — и в гараж. «Папа в гараже» — так это называлось. Бывало, уже в субботу, после завтрака глава семьи как уйдет в свой любимый гараж, так и не видно его и не слышно до вечера. Там его ждали такие же увлеченные люди, они все время что-то обсуждали, собравшись вокруг той или иной «Волги» или «москвича», пинали носком ботинка покрышки, с серьезным видом ставя диагноз железному коню. Травили байки и анекдоты. Могли помочь советом и домкратом. Но не это главное: тянула в гараж его своя атмосфера. Не важно, кто и кем работал, всех объединяло время и место, в котором «так здорово сегодня собрались». Ах, какие велись там разговоры, и не только о машинах, о чем угодно. Кто-нибудь обязательно доставал мангал, жарили шашлык, пили водочку — ну как тут не полюбить гараж, тем более что заполучить его было так же трудно, как и квартиру. «Мы здесь все бьемся за место под солнцем» — эти слова Вячеслава Невинного в фильме «Гараж» весьма точно передают унижение, через которое прошли многие автолюбители. Не зря министр иностранных дел Громыко приказал разослать копии «Гаража» во все совпосольства: пусть не забывают, как на родине живетя!

Распространенным хобби было коллекционирование. Собирали всё подряд и массово. Филателисты — марки, нумизматы — монеты, аквариумисты — рыбок, библиофилы — книги, бонисты — бумажные деньги (опасное занятие!), филакартисты — почтовые открытки, а еще собирали брелоки для ключей, кар-

манные календарики, морские ракушки, этикетки от спичечных коробков, фантики, обертки от жвачки, пивные пробки, значки с гербами городов, вымпелы, сувенирные тарелки и прочее, чем можно было еще и украсить стены квартиры. Собираательство деревяшек в лесах также стало хобби — флористикой (как же изменился вкус, раньше ими топили печи!). Нужно было провести не одно воскресенье в поисках изысканной коряги, затерявшейся где-то в болотистом мху, чтобы затем, притащив это богатство домой, с гордостью продемонстрировать его жене, обещавшей «в следующий раз на порог не пустить с этими дровами».

Коллекционеры объединялись в клубы и общества, обменивались друг с другом предметами своих собраний не только лично, но и по переписке, устраивали выставки и встречи. На серьезном уровне, например, было организовано общество филателистов. Магазинов «Филателія» в Москве были десятки, около них по выходным постоянно кучковались коллекционеры, в основном мужчины. Встречались среди них и совсем «сбрэндившие» на этом деле, готовые снять последнюю рубашку за редкий экземпляр. Немало было и увлеченных собирательством марок детей. Особенно интересовали их даже не советские марки, а иностранные, какой-нибудь Гваделупы. Выходил специальный филателистический журнал, а некоторые выставки имели статус международных.

Среди небедной интеллигенции возникла мода собирать фарфор, как агитационный советский, так и императорских заводов. Мстислав Ростропович потратил кучу денег, прежде чем научился различать зерна от плевел — столько раз его откровенно надували, всучивая под видом хрупкого антиквариата банальный мусор. Его хобби превратилось в страсть, заставляющую преодолевать на машине сотню-другую километров в непролазную русскую глухомань, откуда он привозил кучу обломков и черепков, которые затем бережно склеивал. Зато как рада была семья! Пусть лучше черепки собирает, чем пьет или в карты играет... Тем более что в Москве этот вид зависимости был особен-

но распространен среди деятелей культуры: играли и в покер, и в преферанс. Из азартных игр тогда было распространено и лото (старухи во дворе ставили по копейке за одну карточку), а на телевидении главная лотерея также имела отношение к спорту — «Спортлото». Казино и тотализаторов в Москве не было.

Официально нельзя было делать ставки на победу любимой команды или спортсмена, а вот на лошадей — можно. Азартные москвичи, любители пощекотать нервы, ходили на ипподром, делали ставки, порой удачные. А в других случаях проигрывались в пух и прах. Здесь было много артистов и писателей, спускавших свои немаленькие заработки. Это увлечение было особенно популярным в 1960-е годы. Любили бега и футболисты, в частности, знаменитый Андрей Старостин из «Спартака», трое братьев которого тоже играли за эту команду. Он любил говорить, что огромное и шикарное здание ипподрома (архитектор Иван Жолтовский, 1955) целиком выстроено на его деньги. Когда на входе у него спрашивали билет, стоивший от 20 копеек до рубля, он обычно объяснял: «Еще не хватает билеты брать! Это все на мои деньги построено». И это было правдой, денег он просадил там немерено.

Однажды с ним был такой случай. Зимой, в метель, Старостин с компанией опять пришел на ипподром. Делает ставки, и всё мимо. И вот уже последний заезд, и опять — вхолостую. Старостин в негодовании бросает ставшие ненужными бумажки на пол. И вдруг до него доходит, что выиграл, причем в дубле, и немалые деньги — восемь тысяч старыми. А касса-то, где деньги выдают, уже закрылась. Пришлось с кассиршей поделиться, тысячу дать. Тот заезд вышел для него счастливым.

Немало было и фотолюбителей, чему способствовал выпуск советской промышленностью недорогих фотоаппаратов, из которых самым доступным был «Смена 8М». Эта модель стоимостью всего 15 рублей имела, наверное, в каждой московской семье. Фотоаппарат можно было подарить и на день рождения

подросшему племяннику. Проблемы были с пленкой, качество которой было трудно предугадать. Зачастую о том, что все фотографии отдыха на природе засвечены, узнавали только после ее проявки в ванной комнате, переоборудованной под самодеятельную фотомастерскую.

Еще одним чисто советским хобби стала дача, теоретически рассматриваемая как место отдыха от созидательного труда на благо государства. 14 июля 1963 года критик Лев Левицкий записал: «Вчера прошелся по Москве — от Самотеки до площади Восстания. Толпы людей, со страстью отдающихся суете. Навьюченные мужья, закончив работу, штурмуют магазины, троллейбусы, электрички, спеша поскорее добраться до дачи и насладиться там вожделенным выходным. Единственным свободным днем».

А на самом деле дача стала местом приложения физических и интеллектуальных усилий для блага собственного. Первые лет тридцать советской власти дачи имели только власть и обслуживающая ее элита. Был даже такой анекдот:

«Есть ли в СССР бедные?» — «Есть. Это те, у кого нет ничего своего. Квартира — государственная, дача — государственная, машина — государственная».

Эти «бедные» селились в основном в бывших усадьбах русской знати, так повелось еще с Владимира Ильича, жившего в Горках. Таких Горок по Подмосковию имелось во множестве, потому им дали номера — шесть, семь, восемь, чтобы советская номенклатура не путала, кто и где имеет дачу.

У дач чиновников был один недостаток — после отставки их отбирали, а потому некоторые слишком деловые пытались строить путем приписок и махинаций личные усадьбы, как, например, мадам Фурцева, которой на закате карьеры пришлось держать ответ перед строгой парткомиссией. Москвичи тогда судачили: мол, переволновалась, вот и отдала Богу душу раньше срока. А вот сотрудникам КГБ СССР их начальник Владимир Семичастный вообще запретил иметь личные дачи (в 1962—1967 годах) — только

служебные! Он считал, что даже на отдыхе их голова должна быть забита не проблемами типа, где достать рубли, пусть лучше о родине думают, как ее надежнее охранять.

После войны началось освоение окрестностей Рублевского шоссе, в элитных поселках которого (Жуковка, Николина Гора) жили, помимо высокопоставленных руководителей, также и академики-атомщики, маршалы и генералы, деятели культуры. В Переделкине находился дачный кооператив Союза писателей. Элитными стали поселки Красная Пахра, Болшево, Валентиновка, Снегири, где селились люди далеко не простые. Дачи советской элите тогда опять же давали, а не продавали. Сталин с барского плеча мог пожаловать тому или иному человеку дачку размером с гектар и больше. Так было, например, с Георгием Жуковым, с композитором Дмитрием Шостаковичем.

В Москве лучшие дачи находились в Серебряном Бору. Популярность он завоевал после войны, превратившись в место «уик-энда» москвичей, добравшихся туда на 20-м троллейбусе. Юрий Трифонов в повести «Студентъ» пишет: «Летом здесь былолюдно и весело, наезжало много дачников, молодежи, на реке открывались лодочные станции и пляжи, с утра до вечера гулко стучал мяч на волейбольных площадках, — жизнь была увлекательной и легкой, похожей на кинофильм... А потом начиналась осень, пустыли дачи, в поле и в лесу почти не встречалось людей, да и те, кто встречался, были редкие огородники, торопящиеся на автобусный круг с мешком картошки за плечами. И плыла в воздухе нетревожимая паутина, просеки затоплялись жухлой листвой — ее никто уже не убирал до снега, и далеко по реке разносилось одинокое гугуканье последнего катера с каким-нибудь случайным пассажиром, забившимся от холода в нижний салон».

На дачах в Серебряном Бору, где когда-то жил генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, отдыхали старые большевики Емельян Ярославский и Иван Скворцов-Степанов, первые красные маршалы Михаил Тухачевский и Василий

Блюхер, певица Людмила Зыкина, министр внутренних дел Николай Щелоков, иностранные послы и дипломаты. В домах отдыха Большого театра и МХАТа переводили дух после трудов праведных знаменитые мастера московской сцены. Некоторые до сих пор помнят импровизированные концерты Сергея Лемешева, память о котором хранит Лемешевская поляна.

Летом в Серебряный Бор в выходные нередко ездили те, у кого дачи не было. «Как хорошо летом в Москве! Летом, когда особенно ощущается нежность и внимание к нам самой жизни — в тепле, в зеленых листьях и цветах, в долготе дня — в субботу и воскресенье улицы почти пусты — все на дачах. Можно бродить по Москве, куда глаза глядят, наслаждаться тишиной, безлюдьем... Можно купить себе новое летнее платье, поехать загорать на пляж в Серебряный Бор, купаться в Москве-реке», — пишет актриса Татьяна Егорова.

Простому народу разрешили иметь дачи в 1949 году после принятия постановления Совмина СССР «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих», в котором четко обозначалось, что должны делать граждане в своей повседневной жизни на своих шести сотках, а что не должны. Видно, дела шли совсем плохо, иначе бы товарищ Сталин не подписал этого постановления, первым пунктом которого было «повышение урожайности овощных культур и картофеля», которым должны были заниматься «рабочие и служащие» после работы. То есть к решению продовольственного вопроса привлекли уже всех, кого только можно. Людям сказали: государство вас прокормить не может, решайте этот вопрос своими силами.

Вождь всё предусмотрел, даже изготовление лопат, грабель и леек, а еще выпуск абонементов на пригородные электрички (на все время находил!). Он повелел лучшие и ближе расположенные к населенным пунктам земельные участки отводить в первую очередь семьям погибших воинов и инвалидам Великой Отечественной войны (без рук, без ног — пусть тоже пашут), а сами участки разрешил раздавать в следую-

щих размерах: в городах — до 600 квадратных метров и вне городов — до 1200 квадратных метров. Рабочие и служащие обязаны были в течение первых трех лет полностью освоить отводимые им земельные участки под сад, высадив там фруктовые деревья и ягодные кустарники (крыжовник, малину, смородину и др.). Налогами яблони и смородина, петрушка и редиска не облагались.

Дачу можно с полным основанием назвать советским феноменом и составной частью потребительского идеала той эпохи наряду с отдельной квартирой и машиной. Бывало, что люди всю жизнь посвящали тому, чтобы обладать этой триадой. Дачные кооперативы, как и жилищные, создавались, как правило, на крупных предприятиях. Но не стоит думать, что очереди были такими же длинными, как на жилье. Дача не была необходимостью, ибо ее появление означало новую статью расходов для семей, которые и так еле-еле сводили концы с концами. На освоение шести соток нередко требовалось немало времени и много нервов, особенно когда речь шла о необходимости раскорчевки участка. Можно, конечно, заплатить трактористу, чтобы он привел участок в порядок. Но где его взять? Только в близлежащем колхозе; значит, надо туда ехать и надо вообще уметь договариваться, а иначе — бери лопату и сам перекапывай. Ведь в ту эпоху все сельскохозяйственные земли использовались по назначению — колхозные поля не зарастали бурьяном. А потому под дачи давали ту землю, что похуже. Хорошо, если на опушке, а то бывало, что и на болоте, на каком-нибудь пригорке. Вот и обрабатывай, как хочешь. Дача высасывала и силы, и средства.

Дачник жил в условиях строгого контроля: забор (только штакетник или сетка-рабица) не должен был превышать одного метра, из шести соток разрешалось строить только на одной, да и то домик-временку, якобы для хранения инвентаря и чтобы укрыться от дождя. Подвал — нельзя, второй этаж — нельзя, общая высота — три метра. Это вынудило дачников сооружать мансарды, а на самом деле — вторые этажи.

Метраж домика строго ограничили до 25 квадратных метров, чтобы, не дай бог, не пробудился частнособственнический инстинкт. Потом ограничительные рамки чуть-чуть расширили, разрешив иметь дома с тремя комнатами, общей площадью не более 60 квадратных метров. Нарушение установленных нормативов грозило даже сносом возведенного строения. А с теми, кто использовал дачу для извлечения «нетрудовых доходов» и как «источник личного обогащения», боролись. Такая борьба достигла апофеоза при Хрущеве. Характерный пример — фельетон «Пауки» из журнала «Огонек» за 1959 год: «Распознать двуногого паука трудно. Но, внимательно вчитавшись в Брема, мы нашли сходные черты двуногого и членистоногого пауков. И тот и другой выбирают углы потемнее, не охотятся при ярком солнце, ткуют свои паучьи гнезда и ловчие сети в норах и логовищах, ожидая лакомой добычи». К паукам приравняли новоявленных дачников, пользовавшихся служебным положением для обустройства участка. Среди начальников средней руки это было распространено: например, привести на служебном грузовике перегной и удобрения, пригнать автокран для посадки деревьев, использовать труд своих же подчиненных рабочих.

Советские люди не должны заниматься стяжательством — такова была политика партии, а потому она зорко следила за тем, чтобы дача не стала альтернативным источником благосостояния граждан, ибо в этом случае ослаблялась их зависимость от государства. А вдруг кто-то захочет сдавать свое дачное жилье? А другому придет в голову разводить курей и торговать на рынке яйцами. Это что же у нас будет-то? И потому уже в 1960 году вступает в силу новое постановление «Об индивидуальном строительстве дач», согласно которому повсеместно запретили «отвод гражданам земельных участков под индивидуальное дачное строительство», прекратили продажу дачных строений государственными, кооперативными и общественными организациями. А в случае использования земельных участков не по прямому назначению (возведение стро-

ений с целью сдачи их в аренду, продажа земельных участков, применение наемного труда для обработки земельных участков и т. п.) постановили лишать граждан права пользования отведенными им участками и привлекать к ответственности. Лишь после отставки Хрущева с дачами стало получше: в 1966 году разрешили продажу садоводам сборных домиков, стройматериалов, а также закупку излишков сельскохозяйственной продукции.

Получить участок было еще полбеды: а где отыскать материалы? В свободной продаже их не было, хотя страна давно обогнала весь мир и по лесным площадям, и по объему производящихся кирпичей. Материалы опять приходилось доставать на каких-то базах, полудеально, с большой переплатой, по блату. Не было элементарных гвоздей, не говоря уже о бруссе. Нанятую для перевозки полученной подпольным образом вагонки «левую» грузовую машину могли остановить на любом посту ГАИ и спросить: откуда дровишки? где накладная? Проблемой было и найти свободные рабочие руки, которые качественно выстроили бы заветную избушку на курьих ножках. Приходилось прибегать к услугам так называемых шабашников. Да и дорого это было.

Герой сказки прогрессивного итальянского писателя коммуниста Джанни Родари «Чиполлино» Кум Тыква покупал каждый год по одному кирпичу, чтобы построить себе маленький домишко. Так по крупичам строили и многие москвичи. «Общество ремонта», в котором тогда жили, заставляло людей искать по помойкам все, что может пригодиться: доски, металл, бывшие в употреблении раковины и ванны. Из этого тоже мастерили, кто во что горазд, например, туалет или систему полива огорода. Как, например, запастись горячей водой? Очень просто — сварной бак крепим на крышу, к вечеру вода нагревается так, что можно яйца варить. Хорошо еще было иметь знакомство на каком-нибудь складе, где оставалось много деревянных поддонов — из них тоже строили, и не только забор. Иные мудрецы мастерили дома из отслуживших

свое железнодорожных шпал, не понимая, насколько вредны они для здоровья из-за пропитки опасным химическим составом.

В основном домики были щитовыми, их называли «финскими» — дощатый каркас, обитый фанерой, утеплителем служили опилки или сухой торф. Вот, например, проект деревянного садового домика, разработанного в Эстонской ССР для внедрения на строительных предприятиях: конструкция каркасно-щитовая, стены без утепления, но с прокладкой из картона, по которому наклеиваются обои. Пол тоже из щитов, которые покрываются линолеумом. Потолки обшиваются фанерой. Крыша без чердака, с железной кровлей. Фундамент — на железобетонных столбах. Полезная площадь дома составляла 21,5 квадратных метра, в том числе гостиная 10,5 квадратных метра и спальня 5,8 квадратных метра. Аккуратные прибалты предусмотрели даже кухню (3,0 квадратных метра со столиком и мойкой), встроенные платяные шкафы в спальне и уборную «пудр-клозет» (0,8 квадратных метра), в которой отходы засыпают торфом или золой, а еще кладовку (1,4 квадратных метра). Запроектировали даже камин и террасу (10 квадратных метров).

Но от проекта до реального воплощения было очень далеко, ибо все хорошее было в большом дефиците. И тогда изобретали велосипед: использовали для жилья на даче разрезанный на несколько частей железнодорожный вагон. А что, очень удобно: в купе четыре полки, стол есть — общей досками и живи!

Люди с деньгами везли стройматериалы даже из-за границы. Мстислав Ростропович привез крышу для дачи из Голландии и даже банки с краской, причем вез все это на своей машине через всю Европу. А вот в какое приключение превратился дачный вопрос для Владимира Высоцкого. Его жене, иностранке, не полагалось покидать столицу далее чем на 100 километров, но денег, чтобы купить дачу рядом с Москвой, у актера не было — слишком дорого (к примеру, бывшая дача маршала Рыбалко в Мещерском в 1970-х годах стоила 70 тысяч рублей). И вот как-то им предложи-

ли приличный дом на берегу реки с участком 20 соток, где был даже небольшой лес. Высоцкий и Влади размечтались: растут березы и ели, красота, уютное семейное гнездышко. Здесь они сделают камин, а тут будет его кабинет, а по вечерам Владимир Семенович будет играть на гитаре, петь. И никаких назойливых поклонников и соседей. Эйфория пропала вмиг, когда в 500 метрах от дома обнаружилась станция радиоперехвата, состоящая из больших антенн, огороженных решетками. Около таких объектов жить иностранцам, пусть даже членам французской компартии, категорически запрещалось — а вдруг чего подложит под антенну или подслушает?

В другой раз тоже всё понравилось: и изба в русском стиле с печкой, и огород, и божий одуванчик-дедуля, напоивший потенциальных дачников чаем с изумительным домашним вареньем. Но... деревня оказалась непростая, какая-то спецдеревня для военных, жить с которыми бок о бок Высоцкому, столь одиозной личности, да еще и с иностранкой просто невозможно.

Помог другу сценарист Эдуард Володарский, согласившийся уступить ему часть своего участка. На дворе был 1978 год. И началась для Высоцкого эпопея по доставанию стройматериалов для своего щитового домика, даже ему с первого раза не всё удавалось. Приходилось отрабатывать голосом, давая концерты на каждом заводе или складе, откуда могли отгрузить доски, цемент или гвозди. Когда материалы с большой переплатой были приобретены, начался второй этап — стройка. Фундамент заложила «левая» бригада строителей, возводившая гаражи для ближайшего санатория. Крышу сделали рабочие сцены с «Таганки». Забор привезли с какой-то стройки, он обошелся дороже всего. После концерта Высоцкого в Московском клубе газовщиков ему подвели газ. После еще одного концерта настелили пол. С грехом пополам подобранную по цвету сантехнику привезли на машине «скорой помощи», договорившись с шофером. Блат играл главную роль в повседневной жизни, и не только для Высоцкого.

А вот где взять дачную мебель? У Высоцкого не-
нужной старой мебели как таковой не было — вся хо-
рошая. Ну не мог же всенародно любимый актер спать
на продавленном матрасе! Плетеной мебели, обычно
используемой для отдыха на природе европейцами,
в СССР тоже купить было нельзя. Поспособствовал
друг, приехавший из Лондона, у него было право
привезти с собой контейнер с мебелью. Марина Вла-
ди вылетела в Лондон, где на сезонной распродаже на-
купила по английской дешевке все, что можно: салон
в английском стиле, лампы, кровати, белье, огромный
холодильник, посуду, плиту с духовкой, кухонный
комбайн.

Но и это еще не всё. Строители не успели закон-
чить, пришлось отложить заселение до весны. За это
время лопнули батареи, разбухли щиты с прессо-
ванными опилками. Тогда с «Мосфильма» привезли
компрессор для просушки, который при включении
выбил пробки во всем дачном кооперативе. Кафель,
предназначавшийся для ванной, побился при перевоз-
ке пьяным в доску шофером и т. д. В итоге Высоцкий
все же вселился на свою дачу, добытую потом и кро-
вью. Но прожил он там всего две ночи.

Если уж такому человеку все делали лишь после
концертов, да и то через пень-колоду, то что же оста-
валось ожидать простому москвичу? Петь было бес-
полезно. С трудом проводили электричество и воду, о
газе даже речи не было. В том числе и поэтому жить в
таких строениях можно было лишь летом (каменные
печи были запрещены). Интересно, что именно в та-
ком неотапливаемом и сыром домике на своей даче по
Киевскому шоссе у деревни Рождество жил будущий
лауреат Нобелевской премии Александр Солжени-
цын. Он заработал там острейший радикулит, после
чего его пригласили пожить к себе на дачу в Жуковку
Ростропович с Вишневской. Он подумал... и согла-
сился.

На дачу из московской квартиры тащили всякое
старье и рухлядь, сломавшийся пылесос, старую ме-
бель, потерявшую товарный вид, забивали ею и без

того углый домик, чтобы, приехав по весне, устроить разбор, всё вынести, просушить, а затем опять воткнуть обратно. В одежде, в которой даже мусор во двор вынести было стыдно — рваном халате, обтрепавшихся трениках, — копали на даче огород и красили деревья.

Постепенно к концу 1970-х годов на выездах из Москвы вдоль шоссе и магистралей сложился незавидный пейзаж — убогие клетухи перемежались с покосившимися заборами, а на них — копошившиеся с апреля по октябрь горожане, одетые в старые халаты и телогрейки. Необходимость постоянно наклоняться к земле и пребывать в этом положении долгое время породила анекдот:

Один дачник говорит другому: «Что-то я вас не помню!» — «Да как же, Семен Петрович, мы ведь с вами соседи!» — «А ну-ка, спиной повернитесь, нагнитесь пониже... Боже мой, Мария Ивановна, только теперь я вас признал!»

К концу 1970-х годов, по официальной статистике, каждая четвертая московская семья имела загородный участок или деревенский дом в деревне, где жили бабушка с дедушкой, куда на лето можно было отправить ребенка. Развитие дачно-кооперативного движения имело и негативный экологический подтекст. В Подмосковье уничтожалась природа, в том числе и редкие растения и животные из Красной книги. Вырубались леса, осушались болота, погибло немало малых рек, куда дачники сливали отходы своей активной жизнедеятельности. Как правило, в близлежащих к дачам лесах уже через пять — десять лет значительно менялся ареал, становилось куда меньше грибов и ягод. У людей вошло в привычку использовать лес как туалет и место свалки — бутылки, консервные банки и пр. На своем участке они тряслись над каждым сантиметром, но стоило им выйти за его пределы, как инстинкт собственника превращался в банальное наплевательство. Как уже тогда подсчитали ученые, размещенные в лесах дачи приносят экологический ущерб территории, впятеро превышающей их собственную площадь.

Не все обладатели дач имели машины. Число дачников-москвичей превышало количество автомобилистов, люди брали участки, заранее зная, что продукты (туда) и урожай (оттуда) придется завозить и вывозить на своем горбу. На тележках и в рюкзаках. А участки давали очень далеко, более чем за 100 километров (землю поближе бесконечно размножающаяся номенклатура приберегала для себя). Это тоже был туризм, но по одному, проторенному из года в год маршруту. Пригородные электрички брали штурмом, затем также проникали в раздолбанные автобусы, ходящие раз в час. Потом пешочком по пересеченной местности километров (ударение на второй слог) десять, и вот она — родная земля, где каждый клочок ухожен, вспахан и удобрен.

Автомобилистам тоже было несладко: согласившись взять участок, глава семьи оказывался втянутым в многолетнюю тягомотину по доставке на дачу рассады и прочего хлама. Как только наступали солнечные весенние деньки, у многих подъездов по субботам начинался ритуал погрузки вещей в машину. Приходилось везти все то имущество, которое вывезли осенью, ибо дачи регулярно обворовывали и потому все ценное, включая инструменты, приходилось увозить на зимовку в квартиру. Везли электроплитки, керогазы, старые газовые плиты и газовые баллоны для них же, а еще керосин. Главное, конечно, было аккуратно довести рассаду помидоров и огурцов, выращенную на подоконнике (некоторые занимались рассадой на работе). Обрато везли урожай, превращая гараж в мини-овощную базу. Вместо того чтобы интересно провести время в гараже, владелец авто должен был совершать челночные рейсы по российским колдобинам. Учитывая состояние дорог, можно себе представить, как быстро изнашивалась машина. Но все же пробок на въезде в Москву по воскресным вечерам не было.

Но даже при этом чужой, не всегда удачный опыт не останавливал новых дачников. У многих проснулась тяга к земле. Ведь более половины москвичей не являлись коренным населением, будучи выходцами из

деревни во втором, а то и в первом поколении: «Вот моя деревня, вот мой дом родной!» На участке многое напоминало малую родину, взять, к примеру, умывальник, прибитый на столбе, подпиравшем забор.

Ну а как же с отдыхом? Тут всё зависело от фантазии и степени фанатизма. Так и проявлялось хобби. Многим женщинам было приятно выращивать на даче самые необыкновенные цветы, чтобы затем, срезав их, торжественно вынести из машины и пронести букет через весь двор (а еще лучше снарядить ребенка с этими цветами на 1 сентября, и экономия неплохая!). Кто-то увлекался дизайном, ландшафтной архитектурой. Другие жарили шашлык, припасенный заранее. Играли с соседями в волейбол, бадминтон, лото и домино. Устраивали застолья на пленэре и пели русские народные песни до утра под гармошку и самогон.

Вспомним фильм «Москва слезам не верит». Там как раз показана обстановка на обычной советской даче при Хрущеве и при Брежневе. Сначала ничего нет, все только строятся. Прошло 20 лет, и мы видим потрясающие успехи в деле повышения урожайности овощей и фруктов: горы помидоров и огурцов, капусты и перца. Яблони уже выше крыши, кругом заросли крыжовника и смородины. И все это бережно собирается с целью дальнейшего консервирования. То есть летом уже наелись, теперь делаем запасы на зиму. Здесь тоже все непросто: машинка для закатывания банок была не у всех, да и крышки были дефицитом. Зато масса всевозможных рецептов консервирования — всевозможные салаты и лечо. Важно и другое: похоже, что жизнь одной из трех героинь, Тоси, так и прошла между дачей, работой и квартирой. Что она видела еще? Ничего. Она как приехала из своей деревни, так в деревне (теперь уже на даче родителей мужа) и вкалывала всю жизнь. Но она и этим довольна: спасибо партии родной. Зато как приятно грузить банки в допотопный «москвич», перешедший как Красное знамя от отца к мужу. Он тоже прав: на нем еще его внуки ездить будут! Некоторые автомобили потому и сохранились, что всю зиму стояли в гараже, будучи

востребованы лишь в дачный период. Водителей, выезжавших по весне из своих гаражей, называли «подснежниками».

Поездки на дачу из тесной московской квартиры давали возможность хотя бы в выходные дни не только подышать свежим воздухом, но и расширить личное пространство, вырваться из общества коллективизма. Радовало отсутствие на даче радио и телевидения. Например, художник Петр Кончаловский, последние десятилетия живший на своей даче на Николиной Горе, не слушал радио из принципиальных соображений. Его мало интересовало происходящее за границей участка. Другие же, наоборот, приезжали на дачу слушать «Голос Америки», который в Москве глушили.

Но не всегда попытка абстрагироваться от содейственности заканчивалась удачно. Не стоит забывать, что кругом тоже были соседи, и не обязательно добрые — Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи, трепавшие друг другу нервы. Один считал, что соседская груша бросает тень на его грядку с клубникой; другому казалось, что соседский дом слишком близко стоит к его забору; третий сам оттяпал 30 сантиметров от соседского участка. Склоки длились годами. Кроме того, всегда находились люди, завидовавшие чужому счастью: «На какие деньги заместитель директора трикотажной фабрики отгрохал себе двухэтажный особняк?»

У Александра Галича была песня «За семью заборами» (1961):

Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами — вожди.

Большие заборы, за которыми жили вожди, были обычно зеленого цвета, дабы народ не увидел, что, оказывается, номенклатура на своих дачах не пашет и не сеет. И это еще одно очень важное обстоятельство, объясняющее социальное расслоение советского вроде бы бесклассового общества. Важен не размер дачи

(у товарища Сулова она достигала семи гектаров), а образ жизни на ней. Люди из более высокого социального слоя не копают грядки и не выращивают рассаду, а культурно отдыхают — читают книги, слушают музыку, устраивают суаре. Так жила и прослойка — интеллигенция. Писатель Леонид Леонов, например, устроил у себя в Переделкине ботанический сад, где собрал экзотические растения со всего мира. Там были и пельтифиллум из Канады, и симплокарпус с Камчатки, и даже клопогон. А вот описание дачи актерской семьи Мироновых — Менакер в Красной Пахре. Огромный сад, в глубине которого стоит голубенький одноэтажный домик с террасой, будто из сказки «Синяя птица». Рамы и дверь аккуратно выкрашены в красный цвет, изящные садовые дорожки. И никакой редиски — только цветы, флоксы и георгины. А в доме-то! Кухня увешана разноцветными досками, висят часы с кукушкой, диванчик с подушечками, резные столы и стулья, иконы, матрешки, камин с фарфоровым взводом животных и матрешками.

Попадая в такую непривычную обстановку, простой советский дачник в недоеденном молью пальто, обитавший в вагончике на прогнувшейся раскладушке, в окружении помидорных плантаций, сразу осознал свое ничтожество: где уж тут часы с кукушкой, самому впору куковать на грядке, чтобы выращенные огурцы раньше времени не сперли!

«УТРОМ В ГАЗЕТЕ, ВЕЧЕРОМ В КУПЛЕТЕ»:
ЧТО ЧИТАЛИ МОСКВИЧИ...

«Я подумал, что началась война» — Очереди у киосков — «Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей» — Чтение между строк — «Известия» — «Судьба человека» и «За далью — даль» — Фельетон с последствиями — Московская сплетница — Газета как бюро жалоб — «Литературка» и Чаковский — Закрытая подписка — Дудинцев — Рак, Спартак и Пастернак — Давка за Солженицыным — Булгаков в «Москве» — Книга — это престижно! — «И Гюгу, и Дюму, и Муму» — Макулатура за «Королеву Марго» — «Золотые» серии — Тамиздат и самиздат — Черный рынок — Паханы читают книги

Можно ли в газету «Правда» завернуть слона? — Можно, если в ней опубликован доклад товарища Хрущева.

Такой анекдот рассказывали друг другу москвичи во времена «оттепели».

«Правда» — орган ЦК КПСС — была главной газетой страны, публиковавшей самые важные новости и особо важные статьи — передовицы, как их называли. К важным новостям относились сообщения о пленуках, съездах, совещаниях, запусках космических кораблей, спуске на воду ледоколов, начале работы новых электростанций и заводов и т. д. и т. п.

В «Правде» печатались речи руководителей партии и правительства. Никита Сергеевич Хрущев не упускал случая выступить по любому поводу (к 1964 году в московских книжных магазинах продавался восьмитомник его избранных речей). Нередко он говорил от себя, не по бумажке, что растягивало его выступления на долгие часы. О чем бы ни начинал он рассуждать, в итоге всё сводилось к его любимому сельскому хо-

зьяйству. Он так и остался верен до конца жизни собственному убеждению (а точнее — заблуждению), что колхозы в конце концов утрут нос американским фермерам по производству молока, мяса и кукурузы.

«Советские люди, которые много путешествовали по карте и знают наизусть всемирную географию, невероятно плохо информированы о происходящем в мире. Дело в том, что их радио имеет только одну программу, а газеты — все они принадлежат государству — настроены лишь на волну “Правды”. Представление о новостях здесь примитивное — печатаются сообщения лишь о самых важных событиях за рубежом, и они всегда профильтрованы и прокомментированы. Зарубежная пресса не продается, за исключением некоторых газет, издаваемых европейскими коммунистическими партиями. Однажды я увидел киоск, заваленный кипами “Правды”, на первой странице выделялась статья на восемь колонок с заголовком крупными буквами. Я подумал, что началась война. Заголовок гласил: “Полный текст доклада о сельском хозяйстве”», — отмечал Маркес.

На доклады Хрущева «Правда» отводила по несколько полос, а иногда печатала их как сериалы — из номера в номер, с припиской — «Продолжение в следующем номере». Продолжения не последовало в октябре 1964 года, когда Хрущева отправили в отставку «...в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Эту новость кардинального порядка напечатали мелким шрифтом на второй полосе газеты. И никаких комментариев. Это было нормой в подобных случаях — зачем народ от работы отрывать ненужной информацией? И без него, народа, разберутся.

На всех центральных московских улицах, у станций метро, крупных общественных зданий стояли специальные стенды, где каждое утро вывешивались свежие газеты. И самое главное, что народ их усердно читал, в основном по пути на работу. Если принять во внимание, что на первой полосе большинства советских газет содержался один и тот же призыв: «Пролетарии

всех стран, соединяйтесь!» — то получается, что читатели — пролетарии — объединялись как раз вокруг этих уличных стендов для чтения. Только в «Красной звезде» было написано другое: «За нашу советскую Родину!»

Чтение утренних газет носило не только просветительскую и информативную функцию, но и служило весьма полезным занятием, помогавшим жить и работать. В фильме «Доживем до понедельника» праведный учитель истории Мельников упрекает своего фронтowego друга, школьного директора, в том, что для того передовица газеты — это глоток свежего воздуха. А как же иначе, ведь именно из свежей газеты директор черпает указания о том, как должен трактоваться тот или иной исторический факт в свете последнего пленума. И если директор и колеблется в оценке событий, то только с линией партии (известное выражение эпохи).

То, что печатала «Правда», носило в глазах многих людей печать святости (не зря же в честь этой газеты переименовали в Москве улицу — там базировалась редакция с отличным круглосуточным буфетом). Например, еще вчера одного из политических деятелей могли облить помоями, а сегодня провозгласить большим другом Советского Союза. И читатели этому все равно верили, а точнее, были приучены верить за многие годы пропагандистской обработки. Так случилось с югославским лидером Иосипом Броз Тито. При Сталине как его только не склоняли — и кровавый палач, и бандит со своей кровавой кличкой. Карикатуры на него рисовали Кукрыниксы, стихи к ним сочинял Сергей Михалков. Известна была поговорка: «У бандита Тито навеки карта бита». И вдруг в один прекрасный день без особых объяснений Тито в газете назвали чуть ли не верным ленинцем. В июне 1956 года Тито приехал в Москву и даже разгуливал с Хрущевым по улице Горького, чем привлек внимание случайных прохожих, собравшихся в огромную толпу (два вождя с трудом спрятались в кафе «Лира»). В народе стали повторять стишок, приписываемый опять же Михалкову:

Дорогой товарищ Тито,
Ты наш друг и брат,
Как сказал Хрущев Никита,
Ты ни в чем не виноват.

Говорили еще, что Тито в обмен на замирение потребовал выдачи ему всех, кто рисовал на него карикатуры и сочинял обидные стишки, но обошлось. В итоге Кукрыниксы — необычное трио художников (Михаил Куприянов, Порфирий Крылов, Николай Соколов) — переключились на другие актуальные политические темы.

А в фильме «Председатель» герой-правдоруб Михаила Ульянова забывается и начинает говорить сущую крамолу — что молодежь бежит из деревни. Ему сразу затыкает рот полковник госбезопасности Калоев (Владимир Этуш). Он говорит: «Слушай, ты что, это в “Правде” прочитал? Давай договоримся: ты этого не говорил, я этого не слышал». Да, «Правда» — она и есть правда.

Газеты того времени многие москвичи научились читать между строк. Так, если в свежем номере совсем не упоминалась фамилия крупного руководителя, значит, на его карьере ставился крест. В 1957 году именно по этому признаку министр обороны Георгий Жуков понял, что над ним сгущаются тучи. Поехал он с официальным визитом в Югославию и Албанию, где его встречали с большим радушием — митинги, хлеб-соль, собрания, пионеры с цветами. Местная пресса широко освещала его поездку, а вот «Правда» замалчивала. Этого не могли не заметить и простые читатели. С чего это вдруг такое невнимание к единственному четырежды Герою Советского Союза? А дело в том, что Хрущев так испугался «бонапартизма» Жукова (словечко тех времен), что специально отправил его с визитом в дальние края, чтобы в это время сместить популярного маршала. Когда он вернулся в Москву, судьба его уже была решена и в «Правде» вышло опять же маленькое сообщение об этом.

Или писали, например, в 1972 году, что египетский народ поблагодарил советских специалистов («Напи-

ши мне, мама, в Египет», — пел ранее Марк Бернес) за братскую помощь, а это значит следующее: президент Анвар Садат кардинально поменял свою внешнюю политику, развернувшись к американцам, а «советским специалистам» дал большого пинка.

Уже в 1970-е годы ходил такой анекдот:

Стоят Брежнев и Наполеон на трибуне мавзолея, парад принимают 7 ноября. Брежнев и говорит: «А что, господин Бонапарт, вот была бы у вас такая армия, не проиграли бы вы битву при Ватерлоо?» — «Товарищ Брежнев, если бы у меня была “Правда”, о моем поражении и так никто в мире не узнал бы».

Если кто-то, сгорая от нетерпения, не успевал прочитать в утренней газете очередное историческое постановление, то в обеденный перерыв на работе всему трудовому коллективу разъясняли его основные положения. Это называлось «всенародное обсуждение». Так, например, «обсуждали» проект новой советской Конституции 1977 года. Широкое распространение на предприятиях получило и такое интересное мероприятие, как политинформация. С материалами свежего номера газеты знакомили людей специальные лекторы, например, из общества «Знание», назубок знавшие все прегрешения американских империалистов и то, что «НАТО мистер Пентагон выжимает, как лимон».

Но бывали и приятные неожиданности. 1 января 1957 года открывшие «Правду» читатели увидели там рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека». Произошел тот редкий случай, когда название газеты оправдало ее содержание. Впервые со страниц главной газеты страны люди узнали кусочек правды — о тяжелой судьбе попавших в плен советских солдат. Шолохов нигде не мог напечатать рассказ — его просто боялись публиковать, и, отчаявшись, он положил его в конверт и отослал по адресу: Москва, Кремль, Хрущеву.

Тогда такие письма доходили до адресата, и причем быстро. Никита Сергеевич, прочитав печальную историю Андрея Соколова, не откладывая, позвонил Шолохову, но того никак не могли отыскать. Думали,

что писатель в Вешенской на рыбалке, а оказалось — в гостинице «Москва» в запое. Вырвавшись из объятий зеленого змия, Шолохов услышал от Хрущева немало теплых слов. Первый секретарь решил, что самое место для такого рассказа — в «Правде». В дальнейшем Хрущев взял писателя с собой в поездку по Америке, хотя его отговаривали помощники — не дай бог Шолохов сорвется, тогда скандала не оберешься. Но Михаил Александрович справился со своей пагубной страстью и не брал в рот ни капли.

В начале 1960-х годов наступило такое интересное время, когда в «Правде» можно было прочесть и стихи. 29 апреля 1960 года на страницах газеты началась публикация поэмы «За далью — даль» Александра Твардовского, за которую поэта мурыжили аж с 1953 года, подозревая его в симпатиях к кулачеству. А в 1961 году он получил за поэму Ленинскую премию.

Каждое воскресенье на четвертой странице газеты печатали произведения поэтов на актуальные политические темы. Конечно, было много и бездарных стихотворений — о целине, о партии, о мирном курсе СССР. Но случались и удачи. 21 октября в почтовые ящики москвичей пришла «Правда» с напечатанным в ней стихотворением Евгения Евтушенко «Наследники Сталина». Как и многое, что писал Евтушенко, это стихотворение оказалось весьма своевременным (только-только вынесли Сталина из мавзолея), эффект от его публикации оказался похлеще иного пропагандистского доклада. Особенно запали в душу читателям строки:

Покуда наследники Сталина живы еще на земле,
Мне будет казаться, что Сталин еще в Мавзолее.

А ведь эти строки относились и к самому Хрущеву, и к Микояну, и к Суслову, и ко многим соратникам усопшего вождя и учителя. Но дело было сделано — «добро» на публикацию дал сам отважный Никита Сергеевич. Не для всех, правда, стихотворение стало новостью — до публикации текст ходил среди москвичей по рукам и его успели разобрать на цитаты.

Но даже честной «Правды» не хватало на всех. И потому за главной газетой следовали «Комсомольская правда», «Известия», «Советская Россия», «Труд» и множество отраслевых изданий, рассчитанных на самого разного читателя, — «Советская культура», «Учительская газета», «Медицинская газета», «Советская торговля», «Пионерская правда» и др. В столице выходили свои газеты — «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец». Первая и вторая полосы всех газет сильно походили друг на друга, а содержание оставшихся зависело уже от специализации.

Длиннющие очереди выстраивались по утрам у киосков Союзпечати, благо стоили газеты по три-четыре копейки. Народ активно подписывался, чтобы утром, к примеру, вынуть из почтового ящика популярный «Советский спорт» или коварную «Социалистическую индустрию», почитать по дороге на работу, в автобусе или метро.

Газеты печатали и программу телепередач, и кроссворды, и письма трудящихся. С обращениями граждан работали в те времена достаточно тщательно, чему способствовали соответствующие газетные рубрики, например, «Корреспондент выехал на место». В редакциях для этой цели отводились специальные отделы. Напишет, например, какая-нибудь читательница о безобразиях в овощном ларьке, сразу в Мосплодоовощторг письмо из редакции — так, мол, и так, дорогие товарищи, ждем от вас ответа на поставленный вопрос: почему помидоры зеленые? А потом все это публиковалось с оптимистичным выводом, что меры приняты и помидоры скоро покраснеют.

Многие читатели спешили перевернуть и первую, и вторую страницы газеты, чтобы найти свежий фельетон. Но это был не фельетон уровня Антоши Чехонте, а нередко оскорбительная и заказная статья — своеобразная форма борьбы с недостатками. Фельетоны приобрели со временем такую силу, что их боялись пуще огня. Хорошо еще, если изложенные факты подтверждались и «критика признавалась обоснованной»

(была такая газетная формулировочка), а если нет — то пиши пропало.

В конце 1950-х годов после фельетона «Звезда на «Волге»» два года сидел без работы Марк Бернес. Автор фельетона Давид Заславский обвинил известного певца в зазнайстве и хамском поведении по отношению к сотруднику ГАИ. Фельетон вышел в «Комсомольской правде», главным редактором которой был Алексей Аджубей. Бернес ничего не мог поделать, чтобы опровергнуть газетную клевету. В фельетоне говорилось, что певец, сидя за рулем своей «Волги», не остановился по требованию работника ГАИ, каким-то образом оказавшегося на капоте машины. Так они и ехали по площади Дзержинского. После публикации фельетона на Бернеса завели уголовное дело. Но дотошный следователь московской прокуратуры В. Ключанский установил, что содержание фельетона не соответствует действительности.

А причина появления фельетона тривиальна, как белый день. На одном из концертов, где пел Бернес, присутствовал Хрущев, возмущившийся тем, что певец спел лишь две песни, а не больше, как того требовала публика. Открыто высказанного недовольства первым лицом страны было достаточно, чтобы начать травлю. Фельетон в «Комсомолке» стал лишь одним из выстрелов, но, пожалуй, самым болезненным, пущенным в Бернеса и сократившим ему жизнь. И это лишь один пример, а сколько их было...

Тем не менее «Комсомолка» была одной из самых видных с профессиональной точки зрения газет страны — лучшие журналисты, лучшие фотографы. Многие читатели запомнили, например, рубрику «Журналист меняет профессию». Ее ведущий Виталий Игнатенко кем только не поработал, чтобы подробно написать затем о всех сложностях и перипетиях труда преподавателя, матроса и даже официанта, вернув последней профессии право на уважение. Выяснилось, что за смену официант в среднем пробежал 40 километров!

Что же касается Аджубея («Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей»), то «по семейным обстоятель-

ствам» ему позволялось многое. В 1959 году он стал главным редактором нуднейших «Известий», официального печатного органа Президиума Верховного Совета СССР. Читать в «Известиях» было нечего, разве что бесконечные отчеты о сессиях Верховного Совета СССР, публиковавшиеся на всех (!) пятнадцати языках союзных республик. Эта была лишь блеклая копия главной партийной газеты, недаром москвичи остряли, что в «Правде» нет известий, а в «Известиях» — правды.

Газету хрущевский зять возглавил в 35 лет — возраст для такой ответственной должности почти мальчишеский. Когда-то в 1930-е годы этот пост занимал сам Николай Бухарин. Амбициозный Аджубей решил сделать из старых «Известий» актуальную (даже по европейским меркам) ежедневную газету. Он добился, чтобы «Известия» выходили вечером, превратившись, таким образом, в первоисточник всех новостей, накопившихся за прошедший день. А новостей тогда было немало, многое действительно происходило впервые. А еще он вымолил себе право не печатать второстепенных новостей — например, о посещении Хрущевым с супругой Большого театра.

«Аджубей задумал выпускать “Известия” вечером, чтобы тем самым перехватить у завтрашних утренних газет, в том числе и у “Правды”, главные новости, — вспоминал Сергей Хрущев. — Вечерней газета “Известия” стала только в Москве, за ее пределами осталась “завтрашне-утренней”. Но Аджубей интересовала именно Москва, ее читатели, и в первую очередь главный и самый прилежный читатель — отец. Так издревле повелось на Руси: имеют значение царь, двор, столица, остальное — неважно и неинтересно. После революции в этом плане мало что переменялось. Журналистом Аджубей оказался талантливым, с его приходом газета преобразилась, стала самой интересной, самой читаемой. В киосках за “Известиями” выстраивалась очередь».

Шутка ли — при Аджубее тираж «Известий» вырос почти в четыре раза, до шести миллионов экземп-

ляров, читали газету почти в каждой московской семье. Честолюбия у Аджубея было не меньше, нежели журналистского таланта. Он брал интервью у ведущих мировых лидеров, вращался на самом верху, участвуя в предварительном обсуждении многих принимавшихся решений. А тут Хрущев задумал в очередной раз обновить верхушку власти и ввести в состав Президиума ЦК КПСС молодые кадры — в том числе и зятя. (Интересно, задумывался ли Никита Сергеевич о том, какое впечатление это произвело бы в народе, ведь авторитет его и так оставлял желать лучшего?) И вот уже по Москве поползли слухи — вот-вот сменит Аджубей на своем посту Андрея Громыко.

«Околорадскому» жуку Аджубею (дочь Хрущева звали Радой) было приятно: а что, он не отказался бы стать министром иностранных дел. Занятно, что когда Хрущева будут снимать в октябре 1964 года, то на этом пленуме Аджубей будет громко оправдываться: «Товарищи, я стал его затем еще в 1949 году!»

Событием стала публикация в «Известиях» поэмы Александра Твардовского «Теркин на том свете» в вечернем московском выпуске от 17 августа 1963 года. Это произведение ждало своего часа с весны 1954 года, когда его автор, будучи главным редактором журнала «Новый мир», прочитал поэму на редколлегии. В Москве тогда словно бомба рванула — таков был эффект от обнародования этой антисталинской поэмы, ибо с момента кончины вождя прошел всего год. В 1954 году поэма и не могла быть напечатана, прежде всего по той причине, что общество не готово было читать подобных произведений, доказательством чего послужили доносы коллег Твардовского на самый верх — жива была еще традиция. Критик Владимир Лакшин писал в дневнике: «Первой пожаловалась в ЦК Мариэтта Шагинян. Забегал Алексей Сурков — секретарь Союза писателей. Поэму “Теркин на том свете” они представили как антисоветский выпад. Член редколлегии журнала Валентин Катаев испещрил поля верстки грозными вопросительными знаками и восклицаниями: “На что это намек?” И Катаев не одинок. Симонов сказал,

что “загроббюро” — это явный намек на Политбюро. Твардовский ему горячо возразил: “Да ведь у меня разбирается персональное дело, а на Политбюро их не разбирают”. — “Не лукавь, — настаивал Симонов, — ты знаешь, что имел в виду”».

В итоге поэму сочли «пасквилем на советскую действительность». Дело дошло до Хрущева, которого, как пишет Лакшин, «испугала и возмутила строфа, где генерал говорит, что вот бы ему еще полчок солдат — потеснить Царство мертвых. Это восприняли как угрозу».

Твардовский пытался оправдаться в письме Хрущеву, написав, что поэма создана «в победительном, жизнеутверждающем духе осмеяния “всякой мертвячины”, уродливостей бюрократизма, формализма, казенщины и рутин, мешающих нам, затрудняющих наше продвижение вперед». Лишь в 1963 году поэт пробился к Хрущеву, чтобы лично прочитать поэму. Произошло это в августе на даче в Пицунде, во время визита в Советский Союз «прогрессивных» европейских писателей, в том числе французского философа Жана Поля Сартра (он тоже был в тот день в Пицунде), знавшего по-русски только два слова: «спасибо» и «мир». Сартр внимательно наблюдал за выражением лица Хрущева, сделав вывод, что «это был очень интересный спектакль». Среди коллег Твардовского поэму горячо одобрил лишь Шолохов. Тут же подлетел и Аджубей, оперативно предложивший напечатать поэму в «Известиях». Под конец он все пытался всучить бутылку коньяку Твардовскому — на дорожку, но тот с трудом отказался.

В июле 1964 года газеты сообщили читателям о новой реформе, на этот раз правописания. Предлагалось вместо привычного «заяц» писать «заец», а еще ставить мягкий знак после шипящих «ю», «ч», «щ». А чтобы народ привык, уже в сентябре в одном из номеров «Известий» напечатали варианты нового написания реформируемых слов на развороте. Но дальше обсуждения дело не сдвинулось.

Аджубей даже мечтал выстроить для «Известий» персональный небоскреб на улице Горького, какими

располагали крупнейшие американские медиаимперии (он насмотрелся этого во время поездки с тестем по США). Но отставка Хрущева нарушила его честолюбивые планы. «Известия» вновь превратились в утреннюю газету.

«У киоска “Известий” громадный хвост, завернувший за угол. Стоят за “Неделей”, в которой немножко того, немножко этого. Можно занять глаза, а если повезет, то и голову», — читаем мы в дневнике Льва Левицкого запись от 14 июля 1963 года.

«Неделя» — это воскресный еженедельник по 15 копеек, приложение «Известий» с 1960 года; стоила она дороже, чем все остальные газеты, но за ней выстраивались очереди. «Неделя» резко выделялась своей неортодоксальностью и даже либерализмом. А как же иначе — средний возраст редакции был 25 лет, набрали в нее вчерашних студентов журфака МГУ. Газета была предназначена для всей семьи, сторонилась политики, потому и не теряла популярности все время своего существования.

Газета «Труд», орган ВЦСПС, завлекала своих читателей тиражными таблицами лотереи ДОСААФ и последней полосой, где в специальной рубрике «Пятая колонка» публиковалась информация о различных курьезах, а также неперенная карикатура. Необходимо отметить, что газеты в то время выпускались и по выходным.

Зато «Вечерняя Москва» действительно выходила на закате дня, сообщая своим читателям о том, кто и с кем разводится. Была такая платная услуга в этой газете, стоила она 40 рублей (до 1961 года), что приносило немалую прибыль. А кроме прибыли, благодаря бракоразводным объявлениям, газета получила и второе, неофициальное название — «Московская сплетница».

Как-то молодой главный редактор «Вечерки» Виталий Сырокомский (в 1963 году ему было всего 34 года) удостоился огромной чести — телефонного разговора с самим членом политбюро товарищем Д. С. Полянским:

— Сколько можно печатать бракоразводные объявления? Ведь развод — сугубо личное дело, зачем сообщать об этом всем читателям?

— Дмитрий Степанович, вы совершенно правы. К тому же антисоветские организации за рубежом, особенно НТС, рассылают по адресам, указанным в бракоразводных объявлениях, свои провокационные материалы.

Это, конечно, было выдумкой редактора, но она-то как раз и подействовала. Вскоре вышел указ Президиума Верховного Совета СССР, отменяющий публикацию бракоразводных объявлений. С плеч редакции словно гора свалилась. Но газета продолжала печатать объявления иного рода — некрологи о кончине персональных пенсионеров и известных людей, публиковавшиеся в правом нижнем углу самой последней страницы. Благодаря «Вечерке» Москва узнала о смерти Владимира Высоцкого 25 июля 1980 года.

О силе печатного слова и доверии к нему говорит то, что за весь срок редакторства Сырокомского, с 1963 по 1966 год, его ни разу не одернули «сверху», не попытались отменить ту или иную публикацию: «Можно привести целый список негодных чиновников, директоров магазинов, снятых с работы после писем читателей в газету и выступлений “Вечерней Москвы”. За невнимательное отношение к нуждам москвичей строго наказали начальников ряда жэков, различных коммунальных служб. Вообще, письмо читателя было в газете “священной коровой”, приоритетом, которому служили все отделы».

Это было характерно для многих советских газет, превратившихся, по сути, в бюро жалоб. Вряд ли в Париже или Лондоне люди писали и пишут в газеты о плохой работе химчисток и отключении горячей воды. Но в советском «обществе ремонта» это было нормальным — жаловаться в газету, по-иному жить никак не получалось.

Об уровне оперативности газеты свидетельствует и такой факт: любая важная новость о жизни столицы должна была первой появляться в «Вечерней Москве»,

в противном случае заведующий соответствующим отделом получал нагоняй. Еще большую популярность обрела газета при главном редакторе Семене Индурском. Но даже в его бытность газету надо было уметь читать между строк. Так, в 1982 году «Вечерка» напечатала: «17 февраля на станции “Авиамоторная” Калининского радиуса Московского метрополитена произошла авария. Среди пассажиров имеются пострадавшие. Причины аварии расследуются». Это означало, что жертв немало, иначе бы не опубликовали, а по Москве уже в тот день поползли слухи о страшной аварии, связанной с поломкой эскалатора. В тот день погибли восемь и пострадали десятки человек.

Особую роль играла в представлении москвичей «Литературная газета». Еще Сталин предложил, чтобы была такая газета, в которой можно было бы прочесть то, что в «Правде» никогда не напечатают. Как-то после войны он вызвал к себе Константина Симонова и предложил ему, по сути, создать новую газету со старым названием. Газета печатала весьма резкие материалы на международные темы, выражая как бы неофициальную точку зрения, которую в случае чего можно было трактовать как доказательство свободы слова в СССР.

При главном редакторе Александре Чаковском с 1967 года «Литературка» стала выходить на шестнадцати полосах еженедельно. Это было необычно. Газета быстро увеличила тираж, приобрела огромный авторитет в глазах читателей. Если в 1966 году тираж составлял всего 400 тысяч экземпляров, а половину нераспроданных в розницу газет приходилось оплачивать редакции, то в 1969-м он вырос до миллиона.

Сам Чаковский выдвинулся еще в 1930-х. Будучи совсем молодым литератором, он в 1938 году вдруг проявил инициативу — захотел поехать на Международный еврейский конгресс в Париж, не побоявшись оказаться в гордом одиночестве (никто из советских классиков на подобный откровенный шаг не решился). Илья Эренбург сказал тогда по поводу Чаковского: «Париж стоит обрезания».

Через 30 лет Чаковский превратился в уважаемого чиновника от литературы — он писал толстые и малоинтересные книги, имел персональную машину, дачу, квартиру на улице Горького, курил сигары и даже избирался депутатом Верховного Совета СССР (почему-то от Мордовии). Чаковский профессиональным чутьем уловил веяние времени — после отставки Хрущева советскому режиму вновь может понадобиться некая «альтернатива», с одной стороны, для выпуска пара из то и дело закипающего идеологического самовара, а с другой, — выполняющая роль отдушины в духовной жизни интеллигенции с ее постоянно растущими запросами. Не зря помощник Брежнева Андрей Александров-Агентов называл «Литературку» «клапаном на перегревшемся паровом котле».

Статьи «Литературки» вызывали большой общественный резонанс, на страницах постоянно устраивались всевозможные дискуссии на самые разные темы. А были просто «убойные» статьи, например, посвященная демографии «Берегите мужчин!» социолога Бориса Урланиса. Эту статью перепечатали более 150 советских газет. До сих пор ее вспоминают добрым словом как образец отечественной публицистики. В газете обосновались и отличные журналисты — Анатолий Рубинов, Аркадий Ваксберг, Александр Борин, Юрий Щикочихин и др.

Несмотря на то что для стихов и прозы отводилась лишь одна или две полосы, в газете иногда появлялись произведения, по своему значению превосходящие шумиху вокруг «социально-бытовых» статей. 19 сентября 1961 года читатели прочитали в «Литературке» поэму Евгения Евтушенко «Бабий Яр». Сам Дмитрий Шостакович взялся переложить поэму на музыку.

Помимо газет москвичи подписывались на журналы. Но даже здесь был дефицит — ограниченная или, как говорили, закрытая подписка на ряд из них, например «За рулем» или «Америку». Подписку разыгрывали в трудовых коллективах, как лотерею.

Женская половина семьи любила полистать «Работницу» и «Крестьянку». Популярным был журнал

«Здоровье» с его рекомендациями беречь нервную систему; в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» домуправ Бунша говорит: «Если хотите знать, нам, царям, за вредность надо молоко бесплатно давать! Журнал “Здоровье” так прямо и указывает — нервные клетки не восстанавливаются». Мужчины почитывали «За рулем» и «Моделист-конструктор», подрастающее поколение — «Мурзилку», «Веселые картинки», «Пионер», «Ровесник». Ученые люди — «Науку и жизнь» (изюминка журнала — кроссворд с картинками и ребусами) и познавательную «Химию и жизнь» с отличным дизайном обложки.

Большой тираж был у «Огонька» с его кроссвордом. Этот журнал печатал огромные цветные фотографии из жизни советских людей — еще сам Сталин любил вырезать такие картинки и вешал их на стену своей подмосковной дачи. Много лет главным редактором «Огонька» служил Анатолий Софронов, придумавший публиковать на всю обложку журнала фотографии членов политбюро по случаю их дней рождения. Такое до него никому не приходило в голову.

Известен был и журнал «Крутозор» — с пластинками. Ну и конечно «Крокодил» — сатирический журнал ЦК КПСС, бичевавший бюрократов, взяточников, хапуг и жуликов, а также империалистов с их хищническими планами по развязыванию третьей мировой войны. А какие там публиковались карикатуры на пьяниц и забудды! Герой фильма «Живет такой парень» (1964) Пашка Колокольников в исполнении Леонида Куравлева, похоже, только «Крокодил» и читает. «Люблю смешные журналы. Особенно про алкоголиков. Носяру во нарисуют!» — делится он своими впечатлениями в сельской библиотеке.

Чрезвычайно разнообразным был диапазон литературных журналов. И ведь все имели солидную подписку, своего читателя. Огромные очереди выстраивались на почту — в первые дни подписной кампании. Стоял народ и в начале месяца в киоски Союзпечати. Полученные с таким трудом журналы не выбрасывали, а после неоднократного перечитывания аккурат-

но складывали на антресолях. Наиболее интересные вещи из них вырезали и отдельно переплетали.

Культ чтения, существовавший в советское время, был настолько силен, что порой именно публикация того или иного произведения означала начало новой политической эпохи. Так случилось в мае 1954 года, когда в «Знамени» увидела свет повесть Ильи Эренбурга «Оттепель». И всё последующее хрущевское десятилетие назвали «оттепелью». Была, правда, и еще одна «Оттепель» — стихотворение Николая Заболоцкого в «Новом мире» в 1953 году.

В 1955 году москвичи увидели в киосках новый журнал — «Юность» со знаменитым логотипом работы художника Стасиса Красаускаса, сразу завоевавший популярность среди молодежной аудитории. Его основателем и главным редактором стал Валентин Катаев. Тогда же возродили и «Иностранную литературу», выпуск которой остановился еще в 1930-е годы. Это стало знаковым событием — плотно закрытая Сталиным форточка на Запад понемногу приоткрывалась. Впоследствии «Иностранка» откроет массовому читателю бестселлеры Артура Хейли — «Отель» и «Аэропорт», которые будут читаться всеми слоями населения. В 1956 году стал выходить журнал «Наш современник».

Но все же самым читаемым был «Новый мир». В августе 1956 года журнал начал печатать роман «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева. Это было совершенно новое явление в литературе. Ведь что тогда считалось современной классикой? Ходульные романы сталинских лауреатов Семена Бабаевского («Кавалер Золотой звезды», 1948) и Михаила Бубеннова («Бессмертие», 1940; «Белая береза», 1947—1952). Толстые тома этих авторов, лично патронируемых Сталиным, загромаждали московские библиотеки. Читать их было скучно и неинтересно, все было скроено по одному лекалу — вот хорошие герои, вот отличные (это назовут бесконфликтностью), а партия всегда указывала в этих романах верный путь к светлому будущему.

И вдруг Дудинцев со своим отнюдь не лакировочным романом о повседневной жизни послевоенной

сталинской России. Роман раздирали на куски — те, кому не терпелось прочитать номер журнала, и те, кто надеялся отправить автора вслед за его героем в лагерь, на лесоповал. Напечатанное произведение стало первой ласточкой антисталинской литературы («Теркина на том свете», напомним, еще не напечатали).

А что творилось на обсуждении романа в ЦДЛ — он был взят в осаду москвичами, пытавшимися прорваться на обсуждение. Но куда там: даже редакция «Нового мира» пробиралась в здание через черный ход. Конная милиция с трудом сдерживала толпу. Самого Дудинцева тоже не хотели пускать — хорошо, что в кармане нашелся его писательский билет. Автора внесли в зал чуть ли не на руках.

Но Дудинцев, обвиненный своими консервативными коллегами в «очернительстве» и «подрывных действиях против советской власти», был не одинок, то тут, то там прорастали ростки правды. С произведениями Ахматовой, Цветаевой, Пришвина, Тендрякова вышел сборник «Литературная Москва», второй выпуск которого оказался последним. Отдел культуры ЦК сигнализировал: «В ряде произведений, включенных в выпущенный в начале 1957 года второй сборник “Литературной Москвы” (члены редколлегии Эммануил Казакевич, Маргарита Алигер, Вениамин Каверин и другие), отражено стремление к односторонне-обличительному изображению жизни. В рассказе Александра Яшина “Рычаги” все коммунисты сельской партийной организации — люди бесчестные и лицемерные. Сюда же следует отнести рассказы Юрия Нагибина “Свет в окне” и Николая Жданова “Поездка на родину”, критиканско-фрондерскую статью драматурга Александра Крона, пьесу Александра Штейна “Гостиница ‘Астория’”, а в романе Галины Николаевой “Битва в пути” крикливо и истерично описывается история несправедливых арестов честных людей в 1949 году».

Не успели расправиться с Дудинцевым, началась история с Пастернаком и его «Доктором Живаго». Воистину, беда не приходит одна. Для партии опуб-

ликованный в Италии роман стал настоящим несчастьем. А ведь, казалось бы, — напечатай его «Новый мир», с которым Пастернак заключил договор еще в 1946 году, успев получить аванс, и не было бы, возможно, такого масштабного международного скандала, спровоцировавшего во многом присуждение автору Нобелевской премии, а затем и преждевременную его кончину.

Сам Борис Леонидович, еле-еле закончив в 1955 году работу над романом, дал ему следующую аттестацию в разговоре с Корнеем Чуковским: «Роман выходит банальный, плохой». Автор «Бармалея» заметил, что «роман довел его до изнеможения. Долго Пастернак сохранял юношеский, студенческий вид, а теперь это седой старичок, присыпанный пеплом».

Вероятно, главный редактор «Нового мира» Симонов также не нашел в рукописи Пастернака алмазов, и дело кончилось ничем. Роман так и лежал в Переделкине неизданным, автор читал его гостям, среди которых однажды оказался один итальянский коммунист. Он-то и забрал роман с собой, передав его предприимчивому итальянскому издателю Джованни Фельтринелли (на Центральном железнодорожном вокзале Милана в книжном магазине «Фельтринелли» читателей по сей день встречает огромный портрет Пастернака).

Пока в Москве на собраниях и в кабинетах всё рядили да решали, что делать со «злым пасквилом на СССР» (тем самым создавая роману бесплатный пиар), Фельтринелли, предвкушая мировой ажиотаж, взял да и издал «Доктора Живаго». Случилось это 15 ноября 1957 года. Вот тогда-то советские идеологи и поняли, какого налива выпустили, как гласит русская пословица. «Вражеские голоса» на все лады вещали о фантастическом событии — впервые на Западе без ведома советских властей напечатан роман о революции и Гражданской войне, где излагается не соответствующая официальной точке зрения. Даже не зная другого языка, кроме русского, любой москвич, поймавший зарубежную радиоволну из какого-нибудь Осло, мог

разобрать по крайней мере два слова — «Пастернаку» и «Живаго».

О Пастернаке теперь знали все, даже неграмотная старушка у подъезда в Марьиной Роще.

В Москве сейчас три напасти: рак, «Спартак» и Пастернак — такой анекдот повторяли друг другу москвичи.

Рекламу роману и его автору сделали ошеломительную. Вслед за Италией «Доктора Живаго» издали в Великобритании и Франции. Апофеозом стало присуждение Пастернаку Нобелевской премии 23 октября 1958 года, которое было названо в советских газетах «враждебным к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны» (значит, хорошая книга, подумали некоторые). На московских предприятиях начались собрания, посвященные «обсуждению» вышедшей в «Правде» статьи Давида Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка».

Сам роман советским читателям не дали, лишив их возможности иметь собственное мнение о его содержании. Вместо этого люди в газетах и журналах прочитали другое: что Пастернак — это свинья и «внутренний эмигрант, и пусть бы он действительно стал эмигрантом» (из доклада комсомольского вождя Владимира Семичастного, опубликованного в «Правде» 30 октября 1958 года), что его надо лишить советского гражданства (единогласная резолюция собрания московских писателей от 31 октября 1958 года), что он «паршивая овца» из здорового советского стада (а это уже выражение Хрущева со свойственной ему аграрной терминологией).

Кстати, позорное собрание правления Союза писателей СССР в октябре 1958 года, на котором коллеги исключили писателя из своих рядов, собиралось будто по военной тревоге и превратилось в шабаш ведьм на Лысой горе. Вроде бы нормальные люди (инженеры человеческих душ!) лезли, распихивая друг друга, на трибуну, спеша продемонстрировать свою зависть и

ненависть к новоиспеченному нобелевскому лауреату. Твардовский тогда сказал: «Мы не против самой Нобелевской премии. Если бы ее получил Самуил Яковлевич Маршак, мы бы не возражали». Но ведь Маршак вряд ли мог ее получить — разве что после Роберта Бернса, которого он переводил!

Почти каждое выступление начиналось с одной и той же фразы: «Я роман Пастернака не читал, но...» Эти слова в скором времени превратятся в своеобразную формулу, по которой будут судить Солженицына, Бродского и др. Неудивительно, что после такой атаки коллег, не выдержав нажима «общественности», Пастернак посчитал спасительным для себя вообще отказаться от премии. «Ввиду того значения, которое приобрела присужденная мне награда в обществе, я вынужден от нее отказаться. Не примите в обиду мой добровольный отказ», — говорилось в телеграмме, отправленной в Стокгольм 29 октября 1958 года.

Страх в людях был еще так силен, что многие подумали — мрачные времена возвращаются. И решили Пастернака добить окончательно, стереть его в пыль, быть может, даже лагерную. 31 октября 1958 года московские писатели опять собрались, теперь уже в Доме кино. Как свидетельствовал критик Лазарь Лазарев, тон собранию задал его председатель Сергей Смирнов, то и дело повторявший слова «предательство» и даже вроде бы позабытое «враг народа»: «Самым омерзительным, самым гнусным, самым политически опасным было выступление Корнелия Зелинского. Он требовал расправы уже не только с Пастернаком, но и с теми, кто высоко оценивал его талант, кто хвалил его, он доносил на филолога Вячеслава Иванова и призывал: “Этот лжеакадемик должен быть развеян”... Но страшнее выступающих был зал — улюлюкающий, истерически-агрессивный».

История с «Доктором Живаго» послужила своеобразной лакмусовой бумажкой, на которой проявились многие недуги тяжелобольного советского общества. Позже, 11 февраля 1959 года, в лондонской

газете «Дейли мейл» было опубликовано стихотворение поэта под заголовком «Нобелевская премия». После чего Пастернака вызвал к себе на «беседу» генеральный прокурор СССР Роман Руденко, тот самый, что выступал официальным обвинителем на Нюрнбергском процессе. Дальше, как говорится, некуда. А вот и финал — 30 мая 1960 года Пастернак скончался от неизлечимой болезни. Его смерть напугала власть, о ней решили не упоминать в печати. А люди все равно узнали — на кассах Киевского вокзала кто-то повесил рукописное объявление о предстоящих похоронах поэта. Леонид Пастернак обрел последнее пристанище на переделкинском кладбище.

А что творилось в Москве с конца октября 1960 года — даже трудно передать. Узнали люди, что в ноябрьском номере «Нового мира» выходит «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына. Самые проворные бросились к киоскам — а там уже и след журнала простыл, но обещают подвезти. Стали тогда списки составлять — как в очереди за тюлью — и даже отмечаться.

Но была и другая точка зрения. «Я встретил Катаева, — отметил 24 ноября 1962 года в дневнике Корней Чуковский, — он возмущен повестью “Один день”. К моему изумлению он сказал: “Повесть фальшивая, в ней не показан протест”. — “Какой протест?!” — “Протест крестьянина, сидящего в лагере... Как он смел не протестовать, хотя бы под одеялом?” А много ли протестовал сам Катаев во время сталинского режима? Он слагал рабы гимны, как все. Теперь я вижу, как невыгодна черносотенцам антисталинская политика, проводимая Хрущевым».

Возвращение многих забытых имен обозначила первая публикация романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва» в ноябре 1966-го и январе 1967 года. За четыре года до этого, в 1962 году, вышла отдельной книгой «Жизнь господина де Мольера», но с «Мастером и Маргаритой» вдове писателя Елене Сергеевне пришлось помучиться. Роман опубликовали с большими купюрами, но зато обещание

свое его издать, данное Булгакову перед смертью, она выполнила.

Цензоры убрали многие сцены, в том числе рассуждения Воланда о москвичах в Варьете, полета Наташи на Николае Ивановиче и другие, а еще фразу про «квартирный вопрос». Но любознательные москвичи все равно умудрились прочесть роман полностью. Благодаря Булгаковой по рукам стали ходить необычные номера «Москвы» — с приклеенными машинописными страницами изъятых фрагментов. Сегодня эти экземпляры — раритет.

Отсутствие свободы слова и выбора подхлестывало интерес к литературе. Но даже и без этого москвичи удивляли своей любовью к чтению. Жан Поль Сартр сказал, что с трудом представляет в парижском метро столько французов, читающих книги, журналы, газеты.

Хорошую книгу в Москве достать было трудно, и потому за ней охотились, караулили, чтобы схватить, как только выбросят в продажу что-нибудь интересное. Книги дарили на день рождения и не только, и это считалось вполне нормальным и даже беспроектным подарком. «Книга — лучший подарок» — плакат с такой надписью отнюдь не выглядел издевательством. Хорошим тоном было дарить книги-альбомы с репродукциями картин знаменитых художников, стоили они недешево, печатались часто за границей и в представлении своих обладателей заменяли собой настоящие полотна.

В библиотеках тоже были очереди, чтобы почитать. Наконец, книги даже были объектом воровства, о чем свидетельствовали криминальные сводки. Пропадали книги и в библиотеках. Научный сотрудник Института истории АН СССР Юрий Олещук запомнил возгласы заведующей институтской библиотекой: «Товарищи, нельзя же так! Десять минут назад здесь лежал Пикуль» или: «Сколько сил мы ухлопали, чтобы добыть этот пятнадцатитомник Бальзака, — и смотрите: уже четырех томов не хватает». А ведь кругом были ученые, интеллигентные вроде люди! Но тяга к чте-

нию была так велика, что быстрее удавалось вернуть потерянный кошелек, чем найти томик Дрюона. Многие были убеждены, что воровство книг не совсем преступление, а лишь отчасти, ибо вызвано не корыстью, а любовью к чтению. Некоторые книголюбцы в целях предотвращения пропажи книг из личных библиотек специально оборачивали все тома в одинаковую бумагу, проставляя порядковый номер, — и сразу становилось видно, какая именно книга пропала после визита того или иного гостя.

Ценность книг подсознательно выражалась в том, что в них часто хранили деньги — записку. То есть деньги клали в самое дорогое место — в книги (потом, правда, вспомнить было нелегко, в какой именно том Толстого сунул четвертной). Хорошая книга была и объектом вложения средств, в смысле их приумножения, — ее можно было с прибылью перепродать в букинистических магазинах.

Иметь приличную библиотеку было престижно, что опять же указывало на способность хорошо жить, доставать, крутиться. Было модно ставить на свои книги экслибрисы — «Библиотека такого-то». Одним из самых известных библиофилов был конферансье Николай Павлович Смирнов-Сокольский, которого, кажется, так никто и не переплюнул. За бескорыстную любовь к книгам москвичи прозвали его «рыцарем книги». У Смирнова-Сокольского была уникальная коллекция первых и прижизненных изданий русских писателей XVIII—XX веков, общим числом более 19 тысяч томов (ныне в РГБ).

Еще в школе детишек принимали во Всесоюзное добровольное общество любителей книги, основанное в 1974 году, выдавали значок и удостоверение. Всего в обществе числилось более 16 миллионов человек. Приобретение книг было популярно до такой степени, что некоторые граждане книг не читали, а только собирали. Например, знаменитый Николай Гриценко из Вахтанговского театра. Он был актером редкого таланта, но малообразованный. У него дома была огромная библиотека из книг, которые он никогда не откры-

вал. Расставлял он их по цветам — чтобы напоминали раду от угла до угла. Естественно, что при таком «книголюбии» требовалось хорошее знание, что и в каком переплете издается. Как-то он решил спросить совета у коллеги, Вячеслава Шалевича, — чье собрание сочинений ему еще надо купить, ибо в его «радуге» не хватало фиолетового цвета. Шалевич выручил, он, видно, читал побольше, и посоветовал купить Майн Рида. А были и те, кто приходил в книжный магазин с линейкой, измеряя размеры новых книг — чтобы в своем книжном шкафу они были как на подбор. Подлинным праздником книголюбов стала Московская международная книжная выставка-ярмарка, впервые прошедшая в 1977 году на ВДНХ.

Стояли в очередях за классиками — Чеховым, Достоевским, Пушкиным, проще сказать, за кем не стояли. «Подписные издания» — так назывался популярный магазин на Кузнецком Мосту, куда надо было явиться с пришедшей почтовой открыткой (опять открытка!) и выкупить очередной том Лескова или Тургенева. А перед этим подписка разыгрывалась на родном предприятии. Купить что-либо в свободной продаже можно было из-под полы, с черного хода и по знакомству. У Евгения Петросяна был монолог, герой которого хвастался: «Книжный магазин. Народ стоит... Оказывается, Дюму́ дают. Книжка такая. Не помню, кто автор. А к вечеру обещали Гюгу́ выбросить. Ну я ж в очереди стоять не стал, я ж нормальный. Зашел с черного входа, подарил продавщице кое-что из галантереи, ну она мне положила полный портфель, и Гюгу́, и Дюму́, и Муму. У меня дома цельная библиотэка, читай не хочу. А че читать, читать каждый дурак умеет. Ты попробуй достать, тогда я скажу, что ты — культурный человек».

А были еще «Дома книги» на Калининском проспекте, на Кировской, на Большой Полянке, а на Кузнецком Мосту — «Книжная лавка писателей», где покупали книги только члены Союза писателей (и здесь лимит!). Еще неизвестно, какие книги они могли написать, а вот право покупать уже имели!

Книжные магазины были устроены по принципу продуктовых — прилавок, за ним продавщица. Покажите то, покажите это, а вот еще это. Но ведь каждому она показать не может, все по очереди. Пока посмотрят, пока отдадут обратно. Особо не разгуляешься. А еще каждый второй норовит купленную книгу чуть ли не обнюхать со всех сторон: чтобы ни одной царапины или там загиба не было. Будто корову покупают: «Замените этот экземпляр, у него уголок немного помят!» А продавщица она ведь тоже советский человек, у нее ноги-то не казенные. Бывало, как зыркнет на «книголюба» после его очередной просьбы, а то и с раздражением укорит: «Гражданин, вы не один! Сколько, понимаешь, можно, это же не холодильник! Царапина у него, видишь ли. Берите, что дают!»

Поход в книжный магазин подразумевал наличие соответствующих навыков покупки. Тут, так же как и в очереди перед гастрономом, нужна была физическая сила. «После открытия дверей счет шел на секунды. Надо было пробежать — не пройти, а именно пробежать — туда, где мог быть выложен дефицит, споро занять место в мгновенно образовавшейся очереди к прилавку. Но проворность еще не была гарантией успеха, особенно если хотели приобрести несколько экземпляров. Продавцы зорко следили, как бы кто не купил два-три экземпляра, запоминали лица и сразу: “Я вас уже видела, верните чек в кассу!” Спорить, “качать права” — бесполезно... Но надо понять и книгоохотника: уйти из магазина, где выкинули дефицит, с одним-единственным экземпляром было унижительно. И вот шли в ход особые хитрости, случайному покупателю недоступные. Одна из них — не дать продавцу запомнить свое лицо. Для этого можно было первую книгу купить отвернувшись, а вторую — глядя на продавца уже в полный фас. Великолепно выручали головные уборы. Надвинешь шапку на глаза — одна картина. Затем подойдешь к прилавку, сняв ее, — другая. А были и хитрецы, приносившие две разные шапки, соответственно получалось три варианта внешности. (Правда, продавцы тоже знали эти трюки и иногда

разоблачали: “Хоть вы и были в шапке, но я вас запомнила”). Уникальный прием использовал один за всегдаты Московского дома книги на Новоарбатском проспекте. Прочие охотники прозвали его “Мефистофелем”. Он наклеивал попеременно то усы, то борода. Комбинируя их и играя вдобавок шапкой, он ухитрялся брать до пяти дефицитов там, где прочие мастера промысла могли добыть от силы три», — пишет такой вот «книгоохотник» со стажем.

И ведь до чего додумалось родное государство — продавать книги в нагрузку. Хотите того же Пикуля? Пожалуйста, но только вместе с избранными речами товарища Суслова или материалами Международного совещания коммунистических и рабочих партий. И это понятно — тиражи идеологической литературы были сотысячными, книжные отделы, их продававшие, были годами завалены всякого рода брошюрами Госполитиздата.

Существовала также система «Книга — почтой», а еще книгообмен, когда в магазинах у граждан принимали книги с условием их обмена. Эти книги ставили на специальные полки, в ожидании того, что найдутся желающие принести свои книги и обменять их на эти.

Учитывая тягу к чтению, выпуск книг с 1974 года привязали к сбору макулатуры, когда развернулась всенародная кампания по сохранению лесов. Сдаешь, например, 20 килограммов газет (одно спасенное дерево) — получаешь марки, клеишь их на абонемент, получаешь право купить книгу, например, «Королеву Марго» Дюма или «Женщину в белом» Коллинза. По поводу последней родился даже анекдот:

Приезжает негр в Москву с макулатурой и спрашивает: «Где у вас продают белую женщину?»

Жутким дефицитом были серии, особенно «Библиотека всемирной литературы», сокращенно БВЛ, состоявшая из двухсот томов, издававшаяся в 1967—1977 годах тиражом 303 тысячи экземпляров. Подписка на нее была лимитирована. БВЛ состояла из трех серий — «Литература Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Возрождения, XVII и XVIII ве-

ков», «Литература XIX века» и «Литература XX века». Каждый том был в тонкой цветной суперобложке с крылатым Пегасом, скачущим над земным шаром, — символом серии. Обложка при частом чтении книги быстро рвалась. Серия была популярна и по той причине, что в ней впервые так много было издано иностранных авторов, хотя ряд достойных имен все же был не допущен — отсутствовали Ремарк, Кафка, Гамсун и др. Но и то, что было, уже хорошо. Выставленные на книжных полках в ряд яркие томики БВЛ были еще одним признаком отнесения хозяина квартиры к «энергичным людям». Еще бы, попробуй-ка собери всю серию!

Не менее дефицитной была «Библиотека мировой литературы для детей», издававшаяся в 1976—1987 годах, почти 60 томов которой включали в себя лучшие произведения русской и зарубежной классики, фольклора и сказок. Каждый том, приятный на ощупь, в матерчатом переплете, был еще и прекрасно проиллюстрирован. Аналогичное ощущение возникало от «Библиотеки современной фантастики».

Но опять же право быть официально изданными давало только государство, также взявшее на себя смелость решать за людей, что им читать. Безобидные вроде бы авторы, пусть даже давно ушедшие в мир иной и никогда не знавшие о советской власти, могли вдруг быть объявленными персонами нон грата в библиотеках (в Москве их, никогда не пустовавших, было немало — в каждом районе и крупном учреждении, предприятии). Взять хотя бы Джона Голсуорси — безобидного вроде лауреата Нобелевской премии с его монотонной «Сагой о Форсайтах». Отдельные москвичи так и не узнали, чем она закончилась. Последний раз его собрание сочинений издали в 1929 году, а в следующий раз — лишь в 1962-м, более чем через три десятка лет!

Нередко бывало, что тиражи уже напечатанных книг и журналов пускали под нож, а иногда все-таки что-то оставалось. В 1960 году в Москве вышла первая книга о Пабло Пикассо Игоря Голомштока и Андрея

Синявского, что было воспринято классиками соцреализма из Академии художеств СССР как идеологическая диверсия: «В этой брошюре авторы основное внимание обращают не на те стороны творчества Пикассо, которые сближают его с реалистическим искусством, а на его формалистические и абстракционистские произведения». Тираж по тем временам был обычный — 100 тысяч экземпляров, но его продажу в книжных магазинах остановили. А тут вдруг в газете «Юманите» — печатном органе французской компартии публикуется статья «В СССР выходит книга о Пикассо...». И что делать? Уничтожение тиража приостановили. Думали долго и решили: оставить от тиража 30 тысяч и продавать только в киосках Москвы и Ленинграда. На черном рынке эту брошюру с ценой на обложке «19 коп.» продавали по десять целковых. А ее авторы вмиг стали популярны в соответствующих кругах. «Совершенно незнакомые люди предлагали мне билеты на труднодоступные театральные постановки, меня привели в рукописный отдел Ленинской библиотеки и положили на стол рукопись тогда еще не опубликованного романа Булгакова “Мастер и Маргарита”, для конспирации обложив ее какими-то другими манускриптами. Потом я, как персонаж Рея Брэдбери, пересказывал друзьям содержание этого романа», — вспоминал Игорь Голомшток.

Смягчение цензурного гнета после смерти Сталина привело к разнообразию художественной литературы. Появляется «деревенская проза» (Астафьев, Абрамов, Белов, Можаяев, Распутин, Солоухин), «лирическая проза» (Паустовский, Нагибин, Казаков, Трифонов), «молодежная проза» (Аксенов, Гладилин, Кузнецов), «лейтенантская проза» (Бондарев, Бакланов, Васильев, Кондратьев, Гранин), «лагерная проза» (Солженицын, Домбровский, Шаламов), возрождается советская фантастика (Ефремов, Стругацкие), огромным спросом пользуется детективная литература (Вайнеры, Адамов, Безуглов). В 1960-х годах зарождается и новое направление — мемуары военачальников, по большей части скучные и тяжело перевариваемые, не только по при-

чине сугубо военного подхода авторов к творческому процессу, но и из-за придирок цензуры. Вымарывают любой намек на довоенные репрессии, одновременно заставляя дописывать несуществующие факты, как, например, в случае с «Воспоминаниями и размышлениями» Георгия Жукова, который был вынужден упомянуть про несостоявшуюся встречу с полковником Брежневым. «Умный поймет», — произнес опальный маршал, мемуары которого с 1969 года выдержали десять изданий.

Всех этих авторов активно читали москвичи. Читали запоем, поглощали взахлеб, иногда получая вожделенную книгу лишь на одну ночь. Книги брались с собой в отпуск на юг, не боясь утяжелить таким образом чемоданы. Поездной вор из фильма «Печки-лавочки» в исполнении Георгия Буркова, вскрывая чужой чемодан отпускника, ворчит: «Опять эту дрянь наложили», — имея в виду книги.

И при этом книги издавались официально. Как и в других видах искусства, государство, полностью взяв на себя издание и выплату гонораров писателям, требовало от них и полной идеологической отдачи. Но не все отдавались полностью. Кто-то мечтал издаваться за рубежом, а кому-то просто хотелось увидеть свою книгу свободной от цензуры. Так и родились специфические явления эпохи — тамиздат и самиздат.

История с «Доктором Живаго» и есть первый пример тамиздата. Напечатали роман на Западе, а затем стали переправлять его отдельные экземпляры в СССР, через тех же советских туристов, которым раздавали экземпляры на международной выставке в Брюсселе. А те везли книги домой, и читали, и давали читать другим. С годами советская таможня стала строже относиться к обыску возвращавшихся из турпоездов граждан. Так, писатель Василий Шукшин всегда заранее знал, что именно его будут «шмонать» по полной программе на предмет поиска антисоветской литературы, а посему наиболее интересные ему книги он читал «там», в поезде, пока трясся до станции Чоп.

За некоторые книги могли дать и немалый срок, например за «Технологию власти» Авторханова — до пяти лет лагерей. «Где-то в 1970-е годы, — пишет Владимир Ресин, — мне случайно попала за границу книга “Преданная революция” Троцкого, тогда не реабилитированного, пребывавшего в злейших “врагах народа”. Везти крамольную книгу в Москву я, конечно, не рискнул, таможня охотилась за такой литературой, как сейчас за наркотиками. Окажись эта книга в моем чемодане, мне бы не сдобровать. За интерес к “троцкизму” из партии бы непременно исключили, да и должности бы я лишился вслед за этим автоматически. Поэтому быстро прочитал книгу в гостинице, прочитал с большим интересом».

Тамиздат, несмотря на все усилия компетентных органов, все равно проникал в Москву. Стоило только появиться одной книге, как уже через несколько недель она размножалась в сотнях машинописных копий. Вот почему каждый копировальный аппарат был в советской столице на учете в первом отделе. Порой эти самые единичные экземпляры передавались из рук в руки непосредственно под носом у КГБ, в местах, любимых интуристами и потому особо опекаемых, например в Пушкинском музее на Волхонке. Туда к ученому секретарю музея пришли два иностранца передать тамиздат. «Мы вышли в Итальянский дворик, где было мало народа, — рассказывает Голомшток, — и они вручили мне две книги: “Мрак в полдень” Артура Кестлера и “Звериную ферму” Джорджа Орвелла — книги по тому времени криминальные. Мы стояли и беседовали у “Давида” Микеланджело, а в двух шагах торчал некий гражданин в штатском и внимательно прислушивался к нашему разговору. Я настолько увлекся содержанием этих книг, что сразу же начал их переводить, а потом читал переводы довольно широкому кругу друзей. Через какое-то время ко мне пришли два мальчика и, сославшись на кого-то из моих друзей, попросили дать им рукопись перевода “Мрака в полдень” Кестлера для перепечатки. Через несколько дней они принесли мне перепечатанный на машинке

экземпляр. В дальнейших перипетиях судьбы мой экземпляр исчез, но другие ходили по Москве.

За чтение и размножение Оруэлла (так у нас называют автора романа-антиутопии «1984») можно было получить срок как за распространение антисоветской литературы. Даже первое книжное издание «Мастера и Маргариты» выпустило эмигрантское издательство «Посев» в 1969 году, в этой книге его цензурные лакуны были напечатаны курсивом, а на родине первое издание романа вышло лишь в 1973 году. И опять же произошло это по соизволению сверху — под грифом «совершенно секретно» вышло постановление секретариата ЦК КПСС «О переиздании художественных произведений М. Волошина, О. Мандельштама, Вяч. Иванова, Н. Клюева, М. Булгакова и других писателей 20-х годов» от 7 июня 1972 года. Оно разрешало выпустить в 1973—1975 годах ограниченным тиражом книги этих авторов, но со «вступительными статьями и комментариями, дающими марксистско-ленинскую оценку творчества автора».

Надо ли говорить об истинной ценности двухтомника Ахматовой, книг Цветаевой, Зощенко, Есенина и других писателей, стоивших отнюдь не три с половиной на черном рынке. В Москве одно из таких торжищ было у памятника Ивану Федорову, рядом с известным на всю столицу букинистическим магазином. Здесь была биржа книжных спекулянтов, с ходу определявших истинную ценность того или иного раритета, принесенного на продажу его нуждающимся владельцем в очках и шляпе. Они могли ободрать несведущего человека как липку, компостируя ему мозги на предмет жуткого состояния книги — и переплет потрепан, и страницы ветхие, и вообще, больше никто так много за нее не даст. Известен был и черный рынок на Ленинских горах, при выходе из метро.

В букинистических магазинах — «буках» — тоже была своя публика, даже более изысканная. Один из библиофилов на Ленинском проспекте наряжался под художника, своим мольбертом он буквально давил окружающих, прорываясь с боем к прилавку после

открытия магазина. Тут требовалось отличное зрение; заметив редкую новинку, следовало крикнуть: «Отложите!» А затем — быстро в кассу, чтобы опередить других, которые, услышав цену, могли пролезть вперед. Лучше, конечно, было работать вдвоем. Один узнает цену и кричит второму, который уже у кассы занял круговую оборону.

Ну а те, кто дефицита купить не мог, перепечатывали редкие книги на машинке. «Стихи Цветаевой, Мандельштама, Гумилева, Ходасевича перепечатывали на машинке в четырех экземплярах, а то и переписывали от руки, переплетали в маленькие брошюрки и их передавали друг другу. Многие из наших друзей последовали этому примеру», — признавалась переводчица Лиляна Лунгина.

В самиздате ходили по Москве и Камасутра с замусоланными, по многу раз переведенными рисунками, и даже срамные рассказы Алексея Толстого. Как-то Марк Бернес дал почитать Галине Волчек самиздатовский рассказ Алексея Толстого «Возмездие». Волчек читала его ночью поочередно со своей подругой из «Современника» Людмилой Ивановой. «Там было “про это”... Тогда с “этим” было тяжело, нигде ни слова — ни в песне, ни в телепередаче, ни в книгах. Ну нет “этого” — и все тут... Между собой мы прочитанного не обсуждали — были слишком целомудренными для таких разговоров. Но когда утром возвращали рассказ Бернесу, сделали вид, что все это давно знаем: “Ничего особенного!”» — откровенничала последняя.

Самиздата было так много, что им всерьез занялся председатель КГБ товарищ Ю. В. Андропов, докладывавший в ЦК КПСС 21 декабря 1970 года, что граждане читают уже не только «идейно порочные художественные произведения», но и «документы программно-политического характера» академика Сахарова, призывающего к созданию в стране «истинно демократической системы». Вот как страшно было, а самиздат все множился. Да что говорить, если даже доклад Хрущева на XX съезде КПСС размножился самиздатом. Тот же Маркес все удивлялся в 1957-м: ну

откуда все москвичи, что ему встречались, знают содержание исторического выступления Никиты Сергеевича? Да всё оттуда...

Самиздат был очень распространен в Москве, даже анекдот родился про учительницу литературы, которая в целях приучения старшекласников к чтению ночами перепечатывает «Войну и мир» на пишущей машинке, ибо те ничему, кроме самиздата, не доверяют.

Одним из центров изготовления самиздата стала переплетная мастерская Пушкинского музея, находившаяся под непосредственным руководством секретаря парткома А. А. Демской, она же была и завархивом музея. Главный и единственный переплетчик некий Лева Турчинский с охотой принимал на переплет всякого рода антисоветчину — произведения Александра Солженицына, Александра Зиновьева, Владимира Войновича, Венички Ерофеева, Юза Алешковского. Его комната была сверху донизу завалена еще и тамиздатом — книгами, эмигрантскими журналами, дореволюционными изданиями, давно залитованными в библиотеках.

Технология процесса самиздата в квартирных условиях со слов тертого книжника может быть описана следующим образом. Первый этап — фотосъемка страниц книги зеркальным фотоаппаратом «Зенит», прикрепленным к штативу обычного фотоувеличителя. Расстояние от объектива до страницы — 50 сантиметров. Пленка использовалась особая, для высокого разрешения, а потому съемка нуждалась в дополнительном освещении четырьмя лампами по 500 ватт каждая. Затем проявка, ничем не отличающаяся от любительской. Потом печать на фотобумаге, приклеивание снимков с двух сторон на бумагу. На всё про всё уходило до двух часов. И это только 36 кадров, то есть страниц, а если книга толстая, например, «Архипелаг ГУЛАГ», то тут и двух суток не хватит. А еще ручной переплет, ручное прошивание страниц. Вот такая трудоемкая работа, этот самиздат. Давали за нее минимум пять лет, в зависимости от того, что именно размножается.

В 1959 году по всем значимым московским адресам пришли бандероли с книгой «Партия и государство диктатуры рабочего класса». Изготовил ее гражданин Д. И. Попов, член партии с 1920 года, герой войны, в прошлом работавший директором сельскохозяйственного техникума, заведующим партийным кабинетом завода, председателем колхоза, вышедший на пенсию и живший в Днепропетровске. Свой труд он перепечатал на машинке, а затем, сфотографировав, отпечатал дома более тысячи экземпляров и послал в ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Институт марксизма-ленинизма, ВЦСПС и т. д. То ли у него с головой что-то случилось, то ли еще что, но он всерьез рассчитывал на реформирование существующей политической системы. Попов был приговорен к пяти годам лишения свободы по закону «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

К концу 1970-х самиздат постепенно обрел престижность. Если публикуется в самиздате — значит хороший писатель. Так вышло с альманахом «Метрополь», изданным в 1979 году в Москве тиражом 12 экземпляров. Среди его авторов были как и официально гонимые литераторы, так и успешные: Белла Ахмадулина, Фазиль Искандер, Андрей Битов, Андрей Вознесенский, Виктор Ерофеев, Евгений Рейн, Владимир Высоцкий, Генрих Сапгир, Юрий Кублановский и др. Оформляли его художники Борис Мессерер и Давид Боровский. Позднее «Метрополь» вышел и тамиздатом, в США.

Чем больше писателей по цензурным соображениям лишались возможности публиковаться, тем большее их число впоследствии покидало страну, тем больше становилось подпольного чтения. Без самиздата и тамиздата невозможно было уже представить современную литературу. Доставали и читали запрещенные книги Василия Аксенова, Льва Копелева, Жореса Медведева, Виктора Некрасова, Георгия Владимова, Андрея Синявского, Владимира Максимова и многих других, ставших эмигрантами.

Но не стоит полагать, что самиздатом выходили исключительно шедевры. Литовский поэт Томас Венцло-

ва вспоминал: «В Москве самиздат циркулировал энергичнее, чем в Вильнюсе, и охватывал более широкие круги. Прежде всего, это была подпольная поэзия — ее читали почти все мои друзья, а многие и писали. Кроме таких самиздатских имен первого ряда, как Айги и Горбаневская, мы знали десятки куда менее известных авторов. Иные сочинения граничили с графоманией, но надо заметить, что действовал некий естественный фильтр: никто, кроме самих авторов, слабые стихи не перепечатывал и не распространял, поэтому и расходились они плохо... В другую группу входили так называемые “барачные” поэты: Игорь Холин, Генрих Сапгир и еще несколько человек... Мы читали ходивший по рукам очерк Жореса Медведева о судьбе русской генетики в лысенковские времена. Наташа Горбаневская однажды принесла ни много ни мало тогдашние лагерные записки — “Репортаж из заповедника им. Берия”».

Самиздатским был и правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий», издававшийся с 1968 по 1983 год. Печатался он на машинке и состоял из рубрик — «Аресты, обыски, допросы», «Внесудебные преследования», «В тюрьмах и лагерях», «Преследования верующих», «Преследования крымских татар», «Репрессии на Украине» и т. д. Наивные наследники Александра Герцена и его «Колокола» хотели даже заявить состав редколлегии в своем бюллетене, но вовремя одумались — «Колокол» печатался-то в Лондоне, а не в Москве!

Одной из участниц издания была выпускница исторического факультета МГУ Людмила Алексеева, еще в молодости пытавшаяся осмыслить практическое воплощение принципов социализма. Своими соображениями она не раз делилась с дядей Борей — братом ее отца, простым советским человеком. На все вопросы любознательной племянницы у мудрого дяди Бори был один ответ: «Принципы социализма — для таких ученых дур, как ты. Нет принципов. Нет социализма. Есть просто шайка паханов». Алексеева, вместо того чтобы прислушаться к дядиной правде, с сожалением говорила о нем: «Человек... мыслит примитивно».

Если использовать дяди-Борину терминологию, то паханы тоже читали книги. Высшее звено номенклатуры еще со сталинских времен получало все издававшиеся в СССР книги. Каждому члену политбюро присылали на дом по одному экземпляру — для домашней библиотеки, причем всё подряд, начиная от художественной литературы до учебников физики. Можно себе представить размеры книжных собраний, скопившихся на государственных дачах товарищей Маленкова и Кагановича.

Немногие знают (и тогда не знали), что для касты избранных издавалась и литература особого порядка. Это были книги, которые всему остальному советскому населению читать не полагалось. Выпускались такие книги в невзрачных обложках желтоватого цвета (для конспирации, наверное). Зато под обложкой скрывалось более чем занимательное чтение — «Встречи со Сталиным» Милована Джиласа, английская «История компартии Советского Союза» Леонарда Шапиро, мемуары Уинстона Черчилля, «По ком звонит колокол» Эрнста Хемингуэя. Тираж книг был ограничен — каждая имела свой номер, чтобы если, не дай бог, хоть один экземпляр пропадет, сразу можно было установить источник утечки. Книги рассылались по секретному списку.

Позднее номенклатуре вместо книг стали рассылать ежемесячные бюллетени с перечнем всех книг, в которых большой чиновник отмечал заинтересовавшее его издание. После этого привозили и сами книги. В одном научном институте сотрудники додумались до того, что за шоколадку, подаренную секретарше директора, члена ЦК, получили доступ к этому бюллетеню. Это было очень удобно — после самого директора поставить галочки напротив нужных им книг. Академик так ни о чем и не догадался — до него-то в итоге доходили только те книги, которые он заказал, зато у его сотрудников наступало книжное изобилие.

Хорошо еще, если сановные обладатели книг читали присылаемые им издания. А ведь некоторые книг

вообще не открывали. Как-то министр иностранных дел Громыко дал Леониду Ильичу Брежневу почитать книгу о великом итальянском художнике Леонардо да Винчи. Генсек лишь едва прикоснулся к ней. На вопрос Громыко о его впечатлениях, он даже не стал врать (мол, времени нет!), а прямодушно ответил: «Книгу я не прочел. Да и вообще — отвык читать». Больше Громыко подобных ошибок не совершал.

Но сам товарищ Брежнев, как известно, был большим писателем, вирши которого сочиняла целая группа журналистов и литераторов (Анатолий Аграновский, Аркадий Сахнин и др.), из чего родился анекдот:

Звонит как-то Брежнев Сулову, затем Черненко, потом Устинову и всем задает один вопрос: «Читал ли ты мою книгу “Малая Земля”?» Ответ был однообразным: «Читал, конечно, дорогой Леонид вы наш Ильич! Очень понравилось!» В итоге Брежнев говорит: «И мне, что ли, почитать?»

Поначалу произведения Леонида Ильича напечатал журнал «Новый мир» в 1978 году, затем трилогия «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина» была издана фантастическим тиражом 15 миллионов экземпляров, что не снилось даже самому Ильичу (первому). За свое творчество Брежнев удостоился в апреле 1980 года Ленинской премии. Книги разослали по всему миру (чтобы были в каждой библиотеке), их изучение вошло в школьную программу по литературе. В 1987 году на волне гласности (!) восьмитомник Брежнева, как в лучшие его времена, был изъят из всех книжных магазинов, библиотек Москвы и Советского Союза и списан в макулатуру. Сегодня это библиографическая редкость.

Брежневские писания так понравились Виктору Гришину, что в 1979 году он собрал в кинотеатре «Октябрь» весь партийный актив Москвы для коллективного чтения «Малой Земли», «Возрождения» и «Целины». А по советскому радио диктор Левитан якобы объявил: «Планета Земля отныне называется “Малая Земля”».

Широк был ассортимент книжных киосков в ЦК КПСС и московских министерствах, куда без пропуска было не попасть. Чего там только не было — научная фантастика, любая, причем по государственной цене. У того, кто хотя бы однажды попадал в здание на Старой площади, не оставалось сомнений, что если выпадет когда-то еще раз такое счастье, то надо запастись деньгами и пакетом, куда весь купленный дефицит сложить. Но иногда вредная киоскерша, наметанным глазом определявшая ошалевшего от попадания в книжный рай человека из народа, могла и отшить: «Эта книга в одном экземпляре, образец, завтра привезут на продажу. Приходите». Но пропуск-то был разовый!

Цензура в СССР была отменена только в 1990 году, тогда и закончилась эра самиздата и тамиздата, но читать меньше москвичи не стали.

«ОЙ, ВАНЬ, ГЛЯДИ, КАКИЕ КЛОУНЫ!»,
ТЕАТРЫ И ЦИРКИ. ОТ ВОЛЧЕК ДО ПЛУЧЕКА

*В очередь за духовностью — Культпоход
в театр — Маленькие проблемы Большого театра —
Командировочные в зрительном зале — Эфрос открывает
Розова — Царь с площади Свердлова — Ефремов
спасает МХАТ — «Медная бабушка» начинает и... —
«Современник» соревнуется с «Сатирой» — «Наш дом» —
«Доходное место» на Триумфальной — Зрители висят
на люстрах — От тюрьмы до сумы: «Таганка» — Любимов
разводит кроликов — «Живой» — «Гамлет» с гитарой —
Аристократия в Вахтанговском — «Ура, ура,
я в цирк иду!»*

«Забота государства о материальном благосостоянии трудящихся, о том, чтобы каждая семья жила в удобной квартире, чтобы был у нее и холодильник, и телевизор, и полный набор разной бытовой техники, и автомобиль, наконец, кому того хочется, — это не стремление к буржуазному эталону “приличной жизни”. Количество вещей, их стоимость никогда не станут у нас ценностной меркой человека. Мерка у нас совсем иная — степень развития личности, духовное богатство. Поэтому, думая о бытовых благах, мы непременно прикидываем, сколько времени освободят эти блага человеку. Чтобы он мог больше читать, больше знать, больше видеть», — писал журнал «Работница» в 1972 году.

Короче говоря, стоять в очереди за колбасой — это низко, а вот за театральными билетами — нормально, ибо в последнем случае советский человек жаждет духовной пищи, пополняет свой интеллектуальный багаж. В то время люди ходили в театры часто и с большой охотой. Дело было не только в доступности цен

театральных билетов, но и действительно в подлинном интересе к такому виду искусства, как театр. Некоторые полагают, что богатая духовная жизнь советских людей компенсировала бедную материальную. Другие считают, что общий жизненный фон того периода был весьма серым, посему и люди стремились ее хоть отчасти разбавить театральными зрелищами.

Кроме того, посещение гражданами театров было поставлено на регулярную основу, что являлось частью широких мер по просвещению населения. Имели место так называемые культпоходы в театр — когда народ с одного предприятия коллективно посещал тот или иной спектакль. Активно водили в театры детей целыми классами во время каникул. На каждой станции метро, на крупных заводах стояли палатки, продававшие недорогие и доступные билеты (и за рубль двадцать, и за трешку). Попасты на наиболее популярные спектакли, конечно, было непросто, и потому профессия распространителя театральных билетов относилась к категории блатных, открывающих доступ в круг широких и нужных знакомств, а билеты выполняли важнейшую роль в процессе обмена их на какой-нибудь дефицит.

Театралом мог быть абсолютно любой человек, не обязательно представитель интеллигенции, но и работник физического труда — продавец, автослесарь, парикмахер. Посещение театров стало частью повседневной культуры. Майя Туровская отмечает: «Понятие культуры в советском обиходе было больше не только досуга, но и самой культуры. Она была доступна и дефицитна. Она составляла для среднего класса ядро самоидентификации и, одновременно, отличия себя от прочих. Оглядываясь назад, я снова и снова поражаюсь высокому статусу культуры. Конечно, я платила парикмахерше Люсе “сверху” за стрижку и нестояние в очереди, но в остальном, кроме новостей театра и кино, она ничего от меня не хотела (Люся была театралкой)».

Известных актеров публика почитала особо, их фотокарточки продавались в любом газетном кио-

ске и стоили копейки; некоторые зрители собирали обширные коллекции. Популярность давала пропуск ко многим благам, незнакомым основной зрительской массе. Ведущий актер знаменитого театра мог смело идти напрямик к директору Елисеевского гастронома Соколову за колбаской и маслинками — разве откажешь народному любимцу! А севшего за руль захмелевшего актера остановивший его гаишник отпускал с миром. С огромным вниманием выслушивали московские чиновники какого-нибудь народного артиста, пришедшего «торговать лицом» — то есть просить для кого-то квартиру, телефон, место в хорошей больнице. В награду актер, как правило, предлагал посетить бесплатно свой спектакль. Михаил Ульянов рассказывал, как однажды, проезжая поздним вечером на своих «жигулях» по улице Горького, заметил голосящего Никиту Подгорного — коллегу из Малого театра. Тот, не узнав Ульянова, попросил подбросить его до дома. Выходя из машины, Подгорный, вынув из кармана трешку, посетовал, что больше дать не может, и пригласил «таксиста поневоле» на свой спектакль, так и сказав: «Друг, только скажи администратору, что от меня, и тебя сразу пропустят». Ульянов потом долго смеялся.

Театры в Москве были на любой вкус: имперский Большой, традиционалистский Малый, правительственный МХАТ, нонконформистский «Современник», звездный Вахтанговский, дерзкая «Таганка», интеллектуальный «Ленком», смелая «Сатира»... В исследуемый нами период на московских сценах работали ведущие театральные режиссеры — Анатолий Эфрос, Юрий Завадский, Рубен и Евгений Симоновы, Анатолий Васильев, Олег Ефремов, Андрей Гончаров, Юрий Любимов, Алексей и Андрей Поповы, Марк Захаров, Борис Равенских, Леонид Хейфиц и многие другие. Они ставили острые и современные спектакли, наиболее выдающиеся из которых стали символами своего времени. Под стать режиссерам был и богатый на таланты актерский состав московских театров, вобравший в себя многих популярных актеров страны.

Витриной советского искусства служил Государственный академический Большой театр Союза ССР, таковым его сделал еще Сталин, по наущению которого эту витрину усердно натирали и тщательно мыли. Тут надо вспомнить, что до 1917 года в России было пять императорских театров, три в Санкт-Петербурге (Мариинский, Александринский и Михайловский) и два в Москве (Большой и Малый). Но внимание к московским театрам было слабее, чем к столичным, санкт-петербургским. Было время, когда зал Большого наполнялся публикой едва наполовину, так сказывалось его положение пасынка дирекции императорских театров.

После перевода столицы в Москву положение серьезно изменилось. При Ленине в Большом большевики проводили съезды и собрания, а Сталин сделал его своим личным театром. Подобно Карабасу-Барабасу, он как хотел вертел актерами в разные стороны. Кого — миловал, кого — наказывал. Не спрашивая желания, он заставлял певцов и балерин переезжать в Москву, как было с Марком Рейзенем и Галиной Улановой. Вождь лично вмешивался в работу режиссеров, указывая, как надо ставить оперы и балеты, диктовал артистам, как следует петь и танцевать. Он, в частности, приказал вернуть в оперу «Иван Сусанин» хор «Славься», а еще сказал, чтобы в финале Минин и Пожарский выезжали из ворот верхом на лошадях, а пленных польских шляхтичей надо поставить на колени и вражеские знамена следует бросить к ногам победителей. И ни к чему, чтобы на Красной площади среди ликующего народа дети Сусанина, Ваня и Антониды, устраивали плач по убиенному отцу. Эту сцену надо сократить, пусть радуются вместе со всем народом-победителем. Так опера и шла все последующие десятилетия.

Поучаствовал вождь и в постановке оперы «Поднятая целина», сказав композитору Ивану Дзержинскому: «Рекомендую вам закупить все партитуры композиторов-классиков, спать на них, одеваться ими и учиться у них!» — а дирижера Самуила Самосуда он ориенти-

ровал так: «Товарищ Самосуд, Большой театр — это святая сцена классического искусства, а не сцена портянок и навоза!» А в опере Бородина «Князь Игорь» Сталину не понравилось, что исполнитель главной партии — грузин: «Пускай поет в Тбилиси!»

Оперы шли, не меняясь, долго-долго. «Евгений Онегин» — визитная карточка Большого, как была поставлена Борисом Покровским в 1944 году, так и шла почти полвека, пережив несколько поколений москвичей. И ведь тоже со сталинскими поправками. В последней картине, когда главная героиня только что встала с постели и в таком виде появляется перед Онегиным («Княгиня перед ним одна...»), Сталин возмутился: «Срамota какая! Как женщина может появиться перед мужчиной в таком виде?! Переодеть!» После этого так Татьяну и пели — прибранной, причесанной и одетой в бархатное платье.

Сталин приглашал к себе на дачу (нередко среди ночи) любимых певцов — Максима Михайлова, Ивана Козловского, Сергея Лемешева, Марка Рейзена, Александра Пирогова, Валерию Барсову, Веру Давыдову, Наталью Шпиллер, Марию Максакову и др. Отказаться было невозможно. Свой последний юбилей — семидесятилетие — Сталин также отметил в Большом театре, что говорит о многом. Тогда он занял место на сцене, в президиуме, рядом с прибывшим в Москву Мао Цзэдуном. Состоялся торжественный концерт с участием лучших артистов, в том числе и Большого театра. Последний раз большой друг Большого театра был на его спектакле 27 февраля 1953 года, за несколько дней до смерти, и смотрел «Лебединое озеро». Странно, что прощание с вождем состоялось не в Большом театре. Зато в день ареста Берии все политбюро было в Большом, смотрело премьеру — оперу Юрия Шапорина «Декабристы». Вот такое символическое название и странное совпадение. На сцене — все те же: Александр Пиров, Алексей Иванов, Георгий Нэлепп, Иван Петров. За дирижерским пультом стоял Александр Мелик-Пашаев. Начиная с 23 июня 1953 года опера 16 лет шла с переменным успехом.

«Застывшее доселе время свершило первый шаг, — вспоминала Майя Плисецкая. — Хрущев, заручившись поддержкой маршала Жукова, опережающим ударом смёл с исторической сцены главу карательных органов ГБ. Берия был арестован и расстрелян. Государственный переворот осуществился под покровом новой премьеры Большого — оперы “Декабристы”. Вся смутная история страны “вьется возле моего театра”. Из песни слова не выкинешь».

Главным балетом Большого было «Лебединое озеро», на которое водили иностранцев. Хрущев как-то признался: «Как представляю, что сегодня “Лебединое” смотреть, аж тошнота к горлу подкатит. Балет замечательный, но сколько же можно. Ночью потом белые пачки вперемишку с танками снятся».

Соратники Сталина, прибравшие власть к рукам, тоже любили Большой театр, но, видимо, не так искренно и не до такой степени. Сталинская ложа опустела. Ни у Хрущева, ни тем более у Брежнева не было желаний и амбиций так безапелляционно вмешиваться в творческий процесс. Да и советовать уже было некому. Через год-два после смерти главного зрителя золотые голоса Большого сошли со сцены. В 1954—1957 годах их отправили на пенсию. Когда-то сам Сталин установил им министерские оклады — по семь тысяч рублей в месяц при средней зарплате в 500 рублей (по дореформенным ценам). За эти деньги народные артисты СССР должны были петь четыре спектакля в месяц. Их повседневная жизнь сильно отличалась от жизни зрителей. Тот же Иван Семенович Козловский имел двухэтажную квартиру в доме Большого театра на улице Неждановой (ныне Брюсов переулок), машину, дачу, ни в чем не нуждаясь. Правда, за границу его не выпускали, на просьбу певца отправить его на гастроли в Европу Сталин возразил: «Вы где родились? В украинском селе Марьяновка? Вот туда и езжайте!»

После смерти Сталина зарплату ведущим солистам урезали, отныне самая высокая ставка составляла 5,5 тысячи рублей за шесть спектаклей в месяц. Чтобы выйти на пенсию, нужно было пропеть уже не двад-

цать, а двадцать пять лет. А какой маленькой стала после денежной реформы 1961 года пенсия для народных артистов СССР — вместо 400 рублей всего 200 (в деревнях в это время только-только стали получать пенсии по 30—40 рублей). Остальные артисты получали и того меньше — 120 рублей в месяц.

И потому в актерской среде так ценились звания. Начиналось всё с заслуженного артиста РСФСР, затем — народного артиста РСФСР, наконец, вершина айсберга — народный артист СССР. Если до войны звания народных артистов СССР имели единицы, то начиная с 1950-х годов их начали раздавать весьма активно. Тем не менее некоторые артисты так переживали отсутствие очередного звания, что падали в обморок прямо на сцене. Так случилось с солисткой оперы Татьяной Талахадзе, не нашедшей своего имени в списке награжденных. Туго шло дело с первым званием у балерины Майи Плисецкой: комитет комсомола театра возражал, но поскольку ее имя упоминалось в тасовском перечне участников сталинского юбилея, то звание заслуженной артистки Российской Федерации ей все же дали.

Борьба за звания порой подменяла артистам творческий процесс как таковой, оно и понятно — народные артисты СССР, к примеру, автоматически попадали в касту избранных, получая привилегии и льготы, дарованные лишь номенклатуре: прикрепление к системе Четвертого управления со всеми ее поликлиниками, больницами (знаменитая «Кремлевка») и санаториями, к продуктовому распределителю, доступ к внеочередному получению квартиры и машины, дачи в элитном поселке, к месту на Новодевичьем кладбище. А по-другому все эти блага получить было невозможно.

В 1963 году в Москву из Милана приехала труппа оперного театра «Ла Скала», на спектакли которого москвичи стояли ночами — так трудно было купить билеты. А через год саму «витрину советского искусства» вывезли за границу — в октябре 1964 года Большой театр впервые в своей истории выехал на гастроли в

Милан. Народных артистов с большей охотой стали выпускать туда, где они зарабатывали для государства валюту, получая при этом сущие копейки. Суточные им платили по пять—десять долларов в день — артисты называли их «шуточные». Когда народный артист СССР Иван Петров поинтересовался у министра культуры Екатерины Фурцевой — с чего это она все время называет его «золотым фондом», та откровенно ответила: «Да вы же столько для нас за границей зарабатываете, дорогой Иван Иванович!»

Народные артисты — «первачи» — имели в театре огромный вес, много лет исполняя свои коронные партии, они не давали возможности их петь другим, более молодым. Нередко исполнительницам партий Снегурочки или Марины Мнишек было уже далеко за пятьдесят, все это не могло не сказываться на качестве исполнения. Как-то немолодой уже Валерии Барсовой, исполнявшей роль Виолетты в «Травиате», крикнули с галерки: «Ты жива еще, моя старушка!» Певицу еле откачали. Лишь болезнь той или иной звезды открывала дорогу на сцену ее молодой конкурентке. Так, например, начиналась карьера Ирины Архиповой и Елены Образцовой — звезд 1960—1980-х годов.

Неудивительно, что москвичи разных поколений имели возможность видеть в Большом одни и те же спектакли, превратившиеся в каноническую версию. Среди наиболее популярных русских опер были «Пиковая дама», «Руслан и Людмила», «Борис Годунов», «Садко», «Царская невеста», «Золотой петушок», «Хованщина», из зарубежных, прежде всего, «Кармен», «Аида», «Травиата», «Тоска», «Риголетто», «Севильский цирюльник», из советских опер — «Война и мир» Сергея Прокофьева.

Очереди в кассы Большого стояли всегда, благо что билет в первый ряд стоил 3 рубля 50 копеек (не то что сейчас!). И спекулянты тоже были всегда. Билетная мафия у стен Большого, как и положено, была наиболее агрессивной. Могли и по голове настучать, если что. Существовала отлаженная система подделки билетов, когда билет на третий ярус балкона продава-

ли как в партер. И при этом переплату брали в десятикратном размере. Хорошим днем у спекулянта считался тот, когда удавалось «прокатить» иностранца. Последствия, правда, могли быть самыми непредсказуемыми, пожалуй иностранец в милицию. И потому местные оперативники, которые «вели» спекулянтов, строго их предупреждали не связываться с интуристами.

Так же как и в ГУМе, очередь в Большой стояла за тем, что давали. Особого выбора у прорвавшегося к кассе потенциального зрителя не было. К билетам на известные спектакли давали довесок — билеты на неходовые советские оперы «Мать» Хренникова, «Повесть о настоящем человеке» Прокофьева, «Октябрь» Ваню Мурадели, «Оптимистическую трагедию» Александра Холминова. Игорь Стравинский, услышав подобную музыку советских композиторов, назвал ее в своем дневнике «хламом».

Кто ходил в Большой, что за публика? В основном командировочные, они и стояли в очередях за билетами, поход в театр был для них частью культурной программы наряду с ЦУМом, мавзолеем и Третьяковкой. Намотавшись целый день по конторам и учреждениям, накупив по списку заказанный родней дефицит (лезвия для бритвы, батарейки для транзистора, крышки для консервирования и т. д.), набив этим добром свой портфель, в котором и так тесно от апельсинов и консервов «Печень трески», командировочный, наконец, приползал на встречу с прекрасным. И не важно, что либретто оперы или балета он не знает и музыки вообще не понимает, главное — он в Большом, будет что рассказать дома. Удобно устроившись в кресле, сняв ботинки, рассмотрев в бинокль серпасто-молоткастый занавес художника Федора Федоровского, посланец ткацко-прядельного комбината сладко посапывал уже к концу первого акта.

Артисты это тоже замечали. «Какие усталые, бессмысленные лица! Никакой заинтересованности в том, что происходит на сцене. Отсутствие в театре культурно подготовленной публики привело к ненужности

выдающихся дирижеров, выдающихся вокалистов. Публика не понимает, не различает, кто дирижирует сегодня, а кто дирижировал вчера. Как же должен выкладываться артист на сцене, чтобы встряхнуть этого замотанного, не заинтересованного ни в чем человека и заставить его слушать спектакль, сопереживать! Поэтому главным в опере стала не музыка, а слова, выговариваемые в сопровождении музыки, чтобы донести смысл, содержание спектакля. Когда советские певцы выезжают за рубеж, их часто критикуют за преувеличенность игры, за резкость голосов, вокальной музыкальной фразировки. Но это — наш стиль, это стиль советского театра», — сетовала Галина Вишневская.

Мнение прославленной певицы, конечно, субъективно, но в нем есть изрядная доля правды. Вспомним двух командировочных из кинофильма «Мимино», считающих, что им непременно надо попасть в Большой театр. Они сидят в зале, совершенно ничего не понимая. Мало того что они плохо говорят по-русски («Ларису Ивановну хочу!», «Пешком постою»), так они еще не знакомы с содержанием оперы. Один из них весь день доставал покрывашки для своего самосвала, другой — обивал пороги «Аэрофлота». Готовы ли они морально к визиту в Большой театр? Зачем он им? Но все же по большому благу они туда приходят. В итоге, выйдя из театра, один спрашивает другого: «Слушай, это его мама была?» — «Которая?» — «Тот, который пел». — «Там все пели». — «Да нет, который умерла». — «Там все умерли». — «Нет, в красном платье, толстый». — «Это был дирижер». — «Э, ничего не понял. Слушай: кто это такой был, толстый, в красном платье?» — «Это его мать!»

Москвичи привыкли к тому, что билеты в Большой просто так не купишь, их можно было только достать, а потому каждый поход в театр был сродни празднику. В основном они ходили на премьеры да на гастроли европейских знаменитостей. Но в 1950-е годы праздников было больше, на каждом спектакле с участием знаменитых теноров Лемешева и Козловского в зале присутствовали их поклонницы — лемешистки и коз-

ловитянки. Они соперничали между собой в желании как можно выразительнее обозначить любовь к своим кумирам, ездили за ними по всей стране. Лемешев жил на улице Горького, и его поклонниц называли «сыры» — их штаб находился у одноименного магазина в начале улицы.

Однако после ухода этих певцов со сцены подобной массовой преданности новым солистам что-то не наблюдалось. И тот факт, что Галина Вишневская единственная из всех оперных прим оказалась востребованной на Западе после выезда из СССР, заставляет прийти к выводу, что опера тех лет значительно уступала балету. Кто-то из артистов советского балета становился невозвращенцем чуть ли не во время каждой гастролью за рубежом. Рудольф Нуреев (танцевал в Кировском театре), Михаил Барышников, Александр Годунов и многие другие заняли места первых солистов балета в лучших труппах мира. Неудивительно, что москвичи стали шутить: «Теперь Большой театр переименуют в Малый».

Чудом сохранившаяся русская балетная школа, созданная еще Мариусом Петипа и Александром Горским, давала свои плоды и в советское время. В составе балетной труппы было немало талантливых артистов. Не зря же иностранные туристы так стремились в Большой театр именно на балет. А у театралов-москвичей сложилась традиция ходить 31 декабря на «Щелкунчик», несмотря ни на какие очереди и спекулянтов. Билет в Большой на Новый год был замечательным подарком для московского интеллигента той поры.

Гастроли Большого за границей всегда активно освещались иностранной прессой, положительные отклики перепечатывались в советских газетах (еще Дягилев придумал «скупать» парижских журналистов во время своих «Русских сезонов»). Народу с утра до вечера трезвонили, что «...зрители Метрополитен-опера двадцать минут не отпускали со сцены артистов Большого» или «...с восторгом встретила французская публика балетную труппу ГАБТ СССР, в очередной раз доказавшую, что советское искусство находится на

недосягаемой высоте». Все это отразилось в сознании народа следующим образом: «В области балета мы впереди планеты всей», а также, что «космические ракеты бороздят Большой театр».

Помимо «Лебединого озера» и «Щелкунчика» невозможно было достать билет на «Спартак» Арама Хачатуряна, где во всей красе блистал звездный состав: Владимир Васильев и Марис Лиєпа, Екатерина Максимова и Нина Тимофеева. Ходили на «Жизель» и «Дон Кихота».

Одним из пунктов официального визита президента США Никсона в Советский Союз в 1972 году было посещение Большого театра — разумеется, просмотр «Лебединого озера». Все шло по плану. Высоким гостям, усевшимся в царской ложе, зал аплодировал стоя. И вдруг перед началом третьего действия случился конфуз, к счастью, не перешедший в международный инцидент: жена итальянского корреспондента закричала на весь зал на чистом английском языке: «Долой войну во Вьетнаме!» Такой лозунг был бы вполне уместен в любой советской газете, но только не здесь (двойная мораль!). Сопровождавший Никсона на правах формального главы государства Николай Подгорный приказал немедля включить свет, после чего публика вновь вынуждена была встать и минут десять аплодировать высоким гостям, сглаживая таким образом возможный неприятный осадок у американцев от устроенной «провокации», что, впрочем, случилось и раньше. В 1968 году во время торжественного собрания в Большом театре, посвященного 7 Ноября, Валерия Новодворская разбросала с балкона антисоветские листовки.

Трудности свободного выезда за границу, отсутствие у артиста права выбирать, где ему петь и танцевать, привело к определенной скученности звезд в Большом театре. Уж слишком много было здесь народных и заслуженных, вынужденных выступать чуть ли не в очередь. Неудовлетворенность творческих и материальных амбиций приводила к многочисленным конфликтам, пришедшимся на 1970—1980-е годы.

Как правило, объектом своей критики артисты выбирали главного режиссера или главного дирижера, обвинения были стандартными — «безыдейность», «вредность», «глумление над классикой».

Так, например, из театра выжили Бориса Покровского, настаивавшего на том, что зарубежные оперы должны исполняться на русском языке — ибо ставятся-то они для нашего зрителя! Но подавляющее число солистов-«первачей», мечтающая петь за границей, с Покровским были не согласны. Им-то как раз хотелось петь «Аиду» или «Кармен» на языке оригинала, дабы исполнять эти партии в Вене и Милане. Методы борьбы были стандартными — коллективные письма протеста в ЦК КПСС, в Министерство культуры. В результате Покровский — один из лучших оперных режиссеров мира — был вынужден уйти из театра, но без работы он не остался, осуществив, наконец, свою давнюю мечту — возглавив Камерный музыкальный театр.

Сплоченности артистической труппы в ее борьбе с очередным режиссером-постановщиком способствовала и распространенная в Большом театре семейственность: Ирина Архипова была замужем за Владиславом Пьявко, Тамара Милашкина — за Владимиром Атлантовым и т. д. Нормальным было, когда главный дирижер (Евгений Светланов) все ведущие партии отдавал своей жене (Ларисе Авдеевой), лишь ее недомогание однажды позволило выйти на сцену Елене Образцовой, которая, в свою очередь, была замужем за дирижером Альгисом Жюрайтисом.

На страницы «Правды» вылился и другой творческий конфликт — между Юрием Григоровичем и Марисом Лиепой. Скоропостижная кончина выдающегося танцовщика прервала затянувшееся противостояние. Все это не способствовало укреплению авторитета Большого, проблемы которого оказывались все более очевидными. Давно стих гул оглушительных премьер, потонув в эхе публичных скандалов, все громче стали поговаривать о странных методах пополнения труппы театра. Хотя Интернета тогда не было,

но мало кто в столице не повторял новость о том, что Галина Брежнева пристроила в Большой театр своего любовника — цыгана Бориса Буряце, позднее арестованного за кражу драгоценностей из квартиры дрессировщицы Бутримовой...

На площади Свердлова, кроме Большого, стояло еще два театра — Центральный детский, где начинал Олег Ефремов и работал Анатолий Эфрос, и Малый. С середины 1950-х годов Эфрос ставил пьесы нового тогда драматурга Виктора Розова — «В добрый час» и «В поисках радости», в которых не ходульные герои — безликие и образцовые советские пионеры, а живые персонажи (их потом назовут розовскими мальчиками) будут провозглашать со сцены право иметь свое мнение. В противовес набившему оскомину коллективизму вдруг пойдет разговор о необходимости решать свою судьбу самому, без оглядки на «Пионерскую правду». Призыв к бескомпромиссности прозвучит на сцене этого театра еще до «Современника».

А Малый театр так и останется взрослым, «домом Островского». Именно пьесы этого русского драматурга и составляли его основной репертуар. Малый театр сохранил все признаки консервативности — на протяжении долгих лет (с 1950 по 1987 год) он управлялся одним человеком — Михаилом Ивановичем Царевым, возглавлявшим также и своеобразный актерский профсоюз — Всероссийское театральное общество с его санаториями и домами творчества. Человек он был влиятельный и сиятельный. За глаза актеры звали его Царем, ибо правил он как самодержец — сам миловал, сам казнил, жаловаться было бесполезно. Многие молодые актеры с благодарностью вспоминают Царева за его доброту. Одного после двукратного опоздания на спектакль он не уволил, а лишь строго предупредил, для другого, проспавшего после пьянки репетицию, накрыл стол с явствами и напитками, заставив все это съесть и выпить. Но бывали и исключения. Молодую актрису Викторю Лепко (долгое время она играла в «Кабачке 13 стульев») при нем лишили возможности работать, не давая ей ролей. Она была вы-

нуждена устроить что-то вроде одиночного пикета на заседании парткома, встав с плакатом против запрета на профессию. Одной из лучших ролей Царева была роль Фамусова в «Горе от ума» — в нее он вложил не только душу, но и накопленный с годами опыт руководящей работы. В этом же спектакле Чацкого блестяще играл Виталий Соломин.

В 1981 году Малый театр отметилась любопытной премьерой — сценической композицией по книге Брежнева «Целина» в постановке Бориса Львова-Анохина и Владимира Бейлиса. Роль ведущего исполнял Юрий Соломин.

Считается неприличным называть возраст женщины, но в Малом театре такого правила не существовало, а даже наоборот, это служило обозначением высокого уровня профессионализма, достигнутого той или иной пожилой актрисой. Их так и называли: «великие старухи». Дожив до почтенного возраста, они получали возможность играть своих сверстниц в пьесах Островского, в которых так много престарелых свах, сводниц и сплетниц. Актрисам среднего поколения ничего не оставалось, как ждать по 20—30 лет, пока не освободится занятое очередной «великой старухой» место. В аналогичной ситуации пребывали исполнители мужских ролей: Эдуард Марцевич десять лет ждал роль царя Федора Иоанновича, пока ее не закончил играть Иннокентий Смоктуновский.

Малый театр существовал как бы вне времени, сменялись вожди и министры культуры, а репертуар оставался прежним — десятилетиями шли «Ревизор», «На всякого мудреца довольно простоты», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и т. д. Такое постоянство создавало атмосферу, способствовавшую долгой и продолжительной жизни актеров. В 50—60 лет карьера здесь только начиналась. Нигде больше среди московских театров не было столько долгожителей, как в Малом. До девяноста лет дожили и играли Александра Яблочкина, Елена Гоголева, Евгений Самойлов. Столетие встретил на сцене Николай Анненков.

Игорь Ильинский, знаменитый Бывалов из «Волги-Волги», с успехом играл в пьесе Льва Толстого «Власть тьмы», не менее удачным было участие в этом спектакле Виталия Доронина. Уже ослепший Ильинский сыграл и самого великого русского писателя в пьесе «Уходя — уходи». На эти спектакли с охотой ходили москвичи. У Малого была своя, благодарная когорта многолетних поклонников, старевшая вместе со своими кумирами.

«Искусство должно принадлежать народу!» — этот ленинский лозунг на 100 процентов воплотился в Малом театре. Членом художественного совета театра был слесарь завода «Серп и молот», Герой Социалистического Труда. Он вместе с другими членами совета — актерами Михаилом Жаровым, Борисом Бабочкиным, композитором Георгием Свиридовым обсуждал судьбу того или иного спектакля. С режиссерами особо не церемонились, доводя их до инфаркта, а то и сразу до Кунцевского кладбища. Так вышло с преждевременно ушедшим из жизни Борисом Равенских, «ушли» из театра и Леонида Хейфица. А Евгению Симонову какой-то коллега каждый день присылал на дом вырезку из газеты с отрицательной рецензией на один из его спектаклей. В итоге Симонов оказался в реанимации. «Террариум единомышленников» — так можно охарактеризовать обстановку в московских театрах той поры.

В других московских театрах простой народ тоже участвовал в решении судьбы спектаклей. Уборщицы, билетеры, гардеробщицы — члены месткома и профкома — откровенно высказывали свое мнение о необходимости того или иного спектакля, о личности режиссера. Это считалось нормальным. Случайно или нет, но и драматургия того времени также отражала повседневную жизнь гегемона. Например, во МХАТе шли такие спектакли, как «Сталеварь» и «Премия». В первом на сцене был устроен металлургический цех завода, во втором актеры три часа решали — брать премию или не брать. Главную роль бригадира-правдолюбца в «Премии» сыграл ее режиссер Олег Ефремов.

МХАТ стал «загнивать» еще с конца 1940-х годов, когда его сцену заполнили конъюнктурные пьесы советских драматургов — Анатолия Софронова, Анатолия Сурова, Константина Симонова, написавшего кучу пьес, названия многих из которых никто уже не вспомнит. Тогда лучшие актеры театра — Михаил Яншин, Алексей Грибов и Виктор Станицын — запомнились завсегдатаям ресторана «Нева» на Пушкинской улице тем, что заходили перед спектаклем распить на троих бутылку водки. Им предстояло затем выйти на святую сцену. Когда Яншина потом спрашивали о причинах сего, он отвечал: «Батенька, а репертуар-то был какой?!» Да, эти актеры способны были сыграть даже телефонную книгу.

В последующие годы расцвета МХАТа не произошло, видимо, утрачена была какая-то путеводная нить, выведившая когда-то этот театр в число первых. Корифеи старели, о творческих удачах никто уже не помышлял. Театру нужны была свежая кровь, новый лидер. Выбор мхатовские «старики» остановили на Олеге Ефремове, основателе театра «Современник». В сентябре 1970 года нового художественного руководителя торжественно представили труппе театра. Министр культуры Екатерина Фурцева зачитала письмо «Современника»: «Мы отдали вам самое дорогое, что имели...»

Алла Тарасова назвала этот день историческим, указав на то, что Ефремову всего 43 года: «Это прекрасно! Это расцвет... Екатерина Алексеевна правильно сказала, что Художественный театр должен быть вышкой, а сейчас он не вышка... Счастливого вам творческого пути, дорогой Олег Николаевич!»

Знаменитая Тарасова, когда-то игравшая Анну Каренину в легендарном спектакле театра, сглазила: уже одна из первых постановок Ефремова была зарезана цензурой, как ее героиня — поездом. Речь идет о «Медной бабушке» по пьесе Леонида Зорина. Этот спектакль известен тем, что Пушкина в нем должен был сыграть Ролан Быков. «Он специально похудел для роли, — вспоминал Михаил Козаков, соратник

Ефремова по постановке. — В гриме был похож невероятно. Рост, пластика, живость игры, ролановская парадоксальность, юмор давали основания надеяться, что он сыграет сцены, эпизоды, диалоги одного года пушкинской жизни. Сыграть Пушкина — нельзя, невозможно, однако Ролан сумел понравиться пушкинистам (и каким!), а они, пушкинисты, в отношении всего того, что касается Александра Сергеевича, строги чрезвычайно».

Однако те самые «старики», что доверили Ефремову огромную честь руководства собой, не приняли Быкова в роли Пушкина. В частности, Ангелина Степанова заявила, что Быков слишком малого роста (как будто Пушкин был высоким!); Тарасова призналась, что она бы в такого Пушкина не влюбилась. На что Козаков надерзил ей: «Вы бы, Алла Константиновна, влюбились бы в Дантеса!» А Фурцева не постеснялась назвать Быкова уродом. Не понравилось оппонентам и нерусское лицо актера. Для Быкова это стало огромным ударом.

Драматург Леонид Зорин был обвинен в непрофессионализме, его даже не пригласили на обсуждение — таков был стиль работы советских цензоров, в общем, не слишком отличавшийся от царских времен. Зорин заявил: «Я поставил двадцать пьес, десять кинофильмов, обо мне пишут диссертации — и вот дожил: нету драматургии. Если “Медная бабушка” не будет иметь успеха, я торжественно обещаю бросить перо».

В итоге Фурцева раздала всем сестрам по серьгам. Мхатовским «старикам» она сделала выговор: «Товарищи старейшины, я вами недовольна. Вы мало критикуете ваших молодых руководителей», а режиссера как бы простила: «Ефремов есть Ефремов, и он у нас один талантливый, молодой, мы в него верим». Оправдать высокое доверие министра Ефремов должен был новой постановкой — тех самых «Сталеваров». Ну а тем счастливицам, кто попал на черновой прогон «Медной бабушки», оставалось лишь сетовать — какой замечательный спектакль был загублен.

У Фурцевой с Ефремовым сложились своеобразные отношения. Как-то в начале ее министерской карьеры он на каком-то собрании хотел поцеловать ей руку. Фурцева смутилась от подобного проявления внимания, не свойственного ее руководящим коллегам по партии. Она покраснела и отдернула свою министерскую руку: «Что вы, товарищ Ефремов! Это ни к чему». С годами скованность прошла. Лет через десять после этого случая Фурцева вела себя с Ефремовым уже более раскованно. Однажды, будучи подшофе, она игриво задрала юбку выше колена и спросила его: «Олег, ну скажи, у меня неплохие ноги?» Ну что он мог еще ответить, конечно, «неплохие»!

Сам Ефремов также был подвержен пагубному увлечению алкоголем. Его запои продолжались неделями, о чем доброхоты из его театра немедленно сигнализировали наверх, и самой Фурцевой (что вряд ли могло поставить ее в трудное положение), и в ЦК. Но ему это всегда сходило с рук. Действительно — если поувольнять всех с работы за пьянку, то с кем тогда работать? Тем более что коллеги Ефремова отмечали, что из запоев он возвращался как на крыльях — одухотворенный плодотворными идеями новых постановок, удававшихся ему. Так родились «Иванов», «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры» и др.

Своеобразным прощальным приветом от мхатовских «стариков» послужил спектакль «Соло для часов с боем» 1972 года, билеты на который было недостать. В этой постановке в последний раз встретились вместе на сцене Андровская, Грибов, Яншин, Прудкин, Станицын.

Леонид Зорин, Михаил Рошин, Александр Вампилов, Александр Володин, Михаил Шатров — пьесы этих современных драматургов получили свое известное воплощение на сцене МХАТа. Уровень их постановки был не всегда на высоте. Театр словно вынуждали постоянно оправдывать то самое доверие, о котором говорила Фурцева, и ставить, например, спектакли о Ленине. Но, даже несмотря на, казалось бы, надоевшие идеологические штампы, после многочис-

ленных «обсуждений» вносившиеся в эти постановки, зрительные залы на них были заполнены до отказа. Например, спектакль «Так победим!» 1982 года, где в роли Ленина выступил Александр Калягин. Эта премьера вошла в историю, ибо на ней присутствовало все политбюро во главе со стареньким уже Брежневым, постоянно отвлекавшимся на футбольный матч, транслировавшийся по телевизору, специально установленному в правительственной ложе.

Снискали любовь публики и другие звезды мхатовской сцены — Иннокентий Смоктуновский, Евгений Евстигнеев, Вячеслав Невинный, Станислав Любшин, Ия Саввина, Анастасия Вертинская. В 1973 году для МХАТа было выстроено новое огромное здание на Тверском бульваре. В нем, кстати, и прощались с временно скончавшейся Фурцевой.

Героиня «Альтиста Данилова» говорит: «Помнишь, как “Современник” получился? Бедные, голодные, никому не известные актеры после работы по ночам, по утрам, за чашкой кофе что-то там репетировали, кричали, ругались, во что-то верили и вдруг — бац! — “Вечно живые”! “Современник”! Билеты с рук! Собственный буфет! А теперь их еще и лоно МХАТа приняло в свои объятия!»

С собой во МХАТ Ефремов взял и тех, кто в 1956 году вместе с ним начинал новый театр «Современнику». Так когда-то, в 1860-х годах, назывался некрасовский журнал. Первый спектакль этого молодого театра-студии был поставлен по пьесе Виктора Розова «Вечно живые» и имел огромный успех. «Современнику» стал символом «оттепели». Впервые за долгое время в Москве не закрывался театр, как, например, Камерный Таирова или Театр Мейерхольда, а открывался. И не по указанию сверху, а по инициативе самих актеров. В очередях за билетами в кассы театра люди стояли ночами. Но это были другие очереди — умные, начитанные, интеллектуальные. В составе труппы были талантливые молодые актеры Галина Волчек, Игорь Кваша, Олег Табаков, Лилия Толмачева и др. Они были романтиками, пытаясь возродить принци-

пы актерского товарищества, всю зарплату отдавали в общий котел, после чего и определялся личный творческий вклад каждого. Решили, что никто из них не будет вставать в очередь на кооператив, на машину, играть ради звания...

Что такое «Современнику»? — «Кваша и коврик на сцене» — так говорили в 1960-е годы. Оглушительной премьерой, на шумевшей на всю Москву, стал «Голый король» Евгения Шварца. Народ валом валил на постановку, приходил в очередь за билетами с раскладушками. Всем хотелось взглянуть на блестящую игру Евгения Евстигнеева в роли короля, чем-то походившего всем своим видом на Хрущева. Были и другие громкие спектакли. С 1972 года театр возглавила Галина Волчек, поставившая немало интересных и ярких работ.

Нельзя не рассказать и о феноменальном успехе Студенческого театра МГУ, обосновавшегося на улице Герцена (ныне Большая Никитская) в бывшем храме Святой Татианы. Возродился он благодаря Ролану Быкову в мае 1958 года, а открывала его старейшая актриса Малого театра Александра Яблочкина, обратившаяся к аудитории так: «Несите красоту и правду жизни людям!» Она не случайно напутствовала молодых коллег, ибо, несмотря на свой возраст (92 года), сохраняла ясный ум и чувство юмора. Любила, например, говорить: «А я, между прочим, еще девушка!» — а когда ее квартиру на Большой Дмитровке обворовали, она позвонила Ворошилову со словами: «Меня у вас обокрали!»

В бывшем храмовом алтаре разместилась сцена, а в самом храме — зрительный зал. Славу театру принес спектакль по пьесе чешского писателя Павела Когоута «Такая любовь» (в главной роли блеснула студентка МГУ Ия Саввина, впоследствии народная артистка СССР). Театр был настолько популярен, что водители троллейбусов объявляли «Остановка Студенческий театр» вместо «Улица Герцена». Кроме Саввиной на сцене театра проявился талант Аллы Демидовой, Александра Филиппенко, Марка Захарова. Быков недолго

продержался в театре — он был слишком свободолюбив, в 1960—1968 годах Студенческим театром руководил кинорежиссер Сергей Юткевич. В этом же здании до своего закрытия в 1968 году работала и эстрадная студия «Наш дом».

Триумфальная площадь не зря носила в народе название Второй театральной. Кроме «Современника» здесь находились театры сатиры и Моссовета. Между «Сатирой» и «Современником», пока он не переехал на Чистые пруды, существовало даже необычное соревнование — у кого больше зрителей. В один прекрасный день «Сатира» победила — наводить порядок в очереди прискакала конная милиция. А случилось вот что...

Театр сатиры взвалил на свои плечи трудную задачу. В то время основной темой сатиры и юмора были бытовые трудности, а объектами — химчистка, пьяный сантехник, торгаш-продавец. О проблемах более глобального порядка если и говорили со сцены, то эзоповым языком. Власть придерживающие боялись даже не современных драматургов — а чего их опасаться, чуть-чуть поднажмешь, и внесут любые правки. Страшились классики. Вот где была зарыта собака. Не зря Виктор Шкловский печально пошутил: «В нашей стране нет сатиры потому, что рассмешить столько инстанций невозможно».

Так и вышло с пьесой Островского «Доходное место», которую в 1967 году стал репетировать бывший актер Театра миниатюр Марк Захаров. Никто и не предполагал, что эта работа превратит его в нового режиссера, который создаст свой неповторимый театр. В спектакле были заняты ведущие актеры труппы — Андрей Миронов, Георгий Менглет, Анатолий Папанов, Вера Васильева, Татьяна Пельтцер.

«Шестым чувством участники спектакля “Доходное место” улавливали, — рассказывает одна из актрис, — что происходит что-то важное и необычное. Репетировали как будто в другом пространстве и времени. Открывая двери репетиционного зала, мы открывали забытые двери нашего сознания и выходили в другой,

тонкий слой мира. Магическая воля режиссера давала импульс обыденному и угнетенному сознанию к творчеству — любимому состоянию Творца. Актеры постоянно открывали в себе новые возможности».

Захаров крайне болезненно реагировал на опоздания. Когда секретарь парткома театра Татьяна Пельтцер опоздала на репетицию трижды, он потребовал от нее покинуть зал, чем спровоцировал нешуточный гнев народной артистки, обвинившей режиссера в антисоветчине. У Пельтцер действительно был скверный характер, как-то она упрекнула Бориса Новикова: «А вы много пьете!» — а он ей: «Зато вас никто в театре не любит, потому что вы вредная!» «Наезд» Пельтцер на Захарова скажется на спектакле уже потом, когда его судьба будет висеть на волоске.

Репетиции «Доходного места» окончились генеральным прогоном перед публикой. Зрители неистовствовали. В первых рядах — лучшие люди — Шостакович, Михалков, Кукрыниксы, директора овощных и продовольственных магазинов Москвы. Много раз слышанные вроде бы реплики героев пьесы в постановке Захарова звучали совсем по-другому, по-новому. И спектакль-то оказался не про самодержавное время, а про самую что ни на есть актуальную советскую действительность. Бурю аплодисментов сорвали слова Жадова-Миронова: «Бери, большой тут нет науки, бери что можно только взять. На что ж привешены нам руки, как не на то, чтоб брать, брать, брать».

Весть о «Доходном месте» дошла и до Ленинграда, откуда народ специально приезжал его смотреть. В Театре сатиры зрители висели на люстрах. Вот тогда-то и потребовалось вмешательство милиции, и не простой, а конной. Так могли стоять только за дефицитом, но на этот раз люди стремились удовлетворить дефицит духовный.

Не все приняли «Доходное место» с радостью. Если либеральная часть творческой интеллигенции, специально приглашенные на просмотр Святослав Рихтер и Константин Симонов, отнеслась к нему, как к глотку свежего воздуха, то консерваторы — как к идеологиче-

ской диверсии. На собрании в Союзе писателей драматург Георгий Мдивани возмущался: «Сын этих клоунов покушается на советскую власть!» — имея в виду Андрея Миронова.

В конце концов, смотреть спектакль приехала сама Фурцева. Усевшись в зале с текстом пьесы в руках, вооружившись фонариком, она стала сравнивать содержание спектакля с первоисточником. Министр предполагала, что актеры несут отсебятину, вписанную режиссером между строк. Но что это — всё по тексту, ничего другого. Фурцева озадачилась. Но ненадолго. Вскоре спектакль благополучно закрыли, обеспечив ему легендарную посмертную биографию. Затем запретили еще одну постановку Захарова — «Банкет». И лишь безвредному музыкальному спектаклю «Приснись и пой» с Георгием Менглетом в главной роли была суждена долгая жизнь.

Как свидетельство конца «оттепели» и проявления неосталинизма был воспринят и запрет в 1966 году спектакля «Теркин на том свете» по поэме Александра Твардовского, когда-то разрешенной к публикации самим Хрущевым. Спектакль прошел всего 21 раз. Теркина играли в очередь Анатолий Папанов и Борис Новиков. Обвинения против постановки были выдвинуты более чем серьезные. В феврале 1966 года газета «Советская культура» отправила в ЦК донос: «Первые просмотры этого спектакля дают основания утверждать, что мы имеем дело с произведением антисоветским и античекистским по своему существу. Удивительно почти полное совпадение авторских выпадов, намеков и полунамеков в адрес органов государственной безопасности, в адрес наших славных чекистов с клеветой, характерной для буржуазной пропаганды. Считаем, что такому спектаклю не место на советской сцене». А ведь еще недавно подобные обращения казались давно прошедшим днем. Несмотря на героическое сопротивление Твардовского, спектакль был запрещен.

У худрука Театра сатиры Валентина Плучека была характерная черта — в случае полного творческого

удовлетворения он проводил рукой по своей лысине. Не раз повторил он этот жест, когда ставил пьесу Льва Славина «Интервенция», в которой с искрометными вставными номерами выступал Андрей Миронов. Он выходил на сцену в роли одесского куплетиста и начинал петь: «Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте вам!» Этот номер Миронову поставил его отец, Александр Менакер, впоследствии артист будет непременно исполнять его в своих концертах и на встречах со зрителями. Миронов — молодой, талантливый, как комета ворвется на московскую театральную сцену; если в «Современнику» будут ходить на Табакова, то в «Сатиру» — на Миронова. В 1970-е годы самым кассовым спектаклем театра станет «Женитьба Фигаро», где он сыграет главную роль. В костюме Фигаро он и умрет, но уже позже, в 1987 году.

А Марк Захаров, вмиг ставший знаменитым, возглавит Театр им. Ленинского комсомола. Ему удастся собрать уникальную труппу, состоящую из актеров самых разных школ: Евгений Леонов, Леонид Броневои, Татьяна Пельтцер (их вражда перейдет в пламенную творческую страсть), Инна Чурикова, Олег Янковский, Александр Абдулов, Николай Караченцов, Александр Збруев. На мюзикл «Юнона и Авось», поставленный им в 1981 году на музыку Алексея Рыбникова, люди будут записываться. Он также превратится в спектакль-легенду.

Превосходной труппой располагал Театр им. Моссовета — Фаина Раневская, Любовь Орлова, Вера Марецкая, Ростислав Плятт, Леонид Марков, Георгий Жженов. Специально ходили на Раневскую, посмотреть ее в спектакле «Дальше — тишина» в постановке Эфроса, где пару ей составил Плятт. Этот пронзительный спектакль невозможно забыть до сих пор. Сложный характер актрисы создал ей репутацию неуживчивого человека. Однажды на репетиции главный режиссер Юрий Завадский заявил ей: «Вон из театра!», на что остроумная Раневская немедленноотреагировала: «Вон из искусства!» А рассердившись на Плятта, она сказала: «Я с этой Плятью играть не буду!»

Своеобразная манера работы с актерами была у худука Театра им. Вл. Маяковского Андрея Гончарова (с 1967 года). Он, не стесняясь, орал на них на репетиции, полагая, что только таким образом они способны уяснить требования режиссера. От криков Гончарова содрогались даже билетеры в кассах. Не все актеры нашли в себе силы согласиться с такой методикой, но оставшиеся составили неплохую труппу — Александр Лазарев, Светлана Немоляева, Наталья Гундарева, Армен Джигарханян, Игорь Костолевский... Среди лучших спектаклей «Маяковки» — «Кошка на раскаленной крыше», «Разгром», «Дети Ванюшина», «Трамвай “Желание”».

В 1964 году в Москве на Таганке появился новый театр под руководством Юрия Любимова, бывшего актера-вахтанговца. И это с высоты прошедших лет выглядит символичным: если начало «оттепели» обозначилось открытием «Современника», то ее конец — рождением «Таганки». Еще в 1963 году Любимов поставил со студентами третьего курса Щукинского училища спектакль по пьесе Бертольда Брехта «Добрый человек из Сезуана». Этим спектаклем и открылся новый театр, совершенно непохожий по форме и содержанию на все остальные. Всё здесь было необычно: и то, как играют актеры (Алла Демидова, Валерий Золотухин, Нина Шацкая, Леонид Филатов), и то, как репетирует с ними главный режиссер.

Юрий Любимов отрицал первенство системы Станиславского, которую исповедовали остальные московские театры, поясняя, что никакой системы нет, а есть метод работы того или иного режиссера, позволяющий ему добиваться стопроцентного успеха. Он не очень-то любил актеров, говоря, что актер — это кролик в клетке, которого следует кормить морковкой, чтобы получить необходимый результат. Повинуясь учению академика Павлова и задавшись целью вызывать у подопытных актеров инстинкт игры на сцене, Любимов придумал свой способ общения с ними на основе постоянно меняющегося цвета. Во время репетиции он всегда держал в руках трехцветный фонарик,

из глубины зала сигнализируя им: зеленый цвет говорит о том, что Любимов доволен игрой, красный — наоборот, надо немедленно ускорить темп в соответствии со скоростью мигания. Ну а белый цвет значит, что Любимов сам сейчас будет показывать и рассказывать, как надо играть.

Несмотря на то что среди всех московских театров «Таганка» имела самую низшую билетную категорию, ее популярность была фантастической. Во многом благодаря главному режиссеру, человеку дерзкому, бескомпромиссному, но в то же время хитрому и умному. Почти всегда в тяжелых и изматывающих боях с цензурой он выходил победителем. Это создало ему авторитет смелого борца с режимом, и не только в глазах либерально настроенной интеллигенции Москвы.

По всей стране волнами поползли слухи о необычном театре с названием бывшей московской тюрьмы, где играет Владимир Высоцкий и где в роли билетеров у входа в зрительный зал выступали актеры, переодетые в красноармейцев. Корешки от билетов они накалывали на штыки от винтовок. Это был спектакль «Десять дней, которые потрясли мир» по Джону Риду, во время которого стена на сцене поднималась вверх и зрителям открывалась панорама Садового кольца Москвы. Здание это было специально и по особому проекту построено для нового театра, что на Западе, например, было недопустимой роскошью.

На «Таганку» иностранцы стремились попасть с меньшим желанием, чем в Большой. Особенный интерес вызывал кабинет Любимова, на стенах которого расписывались все именитые гости — ученые, писатели, художники, политики. Первым расписался поэт Андрей Вознесенский: «Все богини — как поганки перед бабами с Таганки!»

В 1968 году много шуму наделала комедия «Живой» по повести Бориса Можая «Из жизни Федора Кузькина», опубликованной двумя годами ранее в «Новом мире». Главную роль — измотанного колхозным строем несчастного крестьянина — играл Валерий Золотухин, выходявший на сцену с номером либе-

рального журнала в руках. Получался прямо какой-то манифест. «Живой» еще не был объявлен в репертуаре, а Москва уже бурлила — на «Таганке» ставится дерзкий, революционный спектакль. На репетициях и черновых прогонах зал был полон. Народ ломился. Творческая интеллигенция любой ценой пыталась хоть одним глазком взглянуть на «Живого». Не спали и партийные чиновники, прекрасно понимая, что именно намерен продемонстрировать зрителям Любимов. «Режиссер поставил себя вне критики, создал оппозиционный театр, постоянно заостряющий свое внимание на теневых сторонах нашей жизни, отрицающий и не подчиняющийся партийному руководству, генеральная линия — критика властей», — говорили в Пролетарском райкоме партии. Досталось и главному актеру театра: «Высоцкий — это морально опустившийся человек, разложившийся до самого дна».

Наконец министр культуры Фурцева смиловилась и сама пожаловала в театр. Режиссер строго-настрого наказал актерам: «Не ждите никакой реакции, предупреждаю — будете играть как при пустом зале... Не надейтесь и не обольщайтесь, поверьте моему опыту».

Фурцева приехала в каракульчевом мантио, со свитой из тридцати четырех (!) человек. Из зала всех посторонних, кроме автора и режиссера, попросили удалиться, будто речь шла об испытаниях секретного оружия. Едва досидев до антракта, она вскочила и набросилась на театр: «Нагородили черт знает что. Режиссер, как вы посмели поставить такую антисоветчину? Куда смотрела дирекция? А партком? Весь театр надо разгонять». И дальше: «Какая же это комедия? Это самая настоящая трагедия! После этого люди будут выходить и говорить: “Да разве за такую жизнь мы кровь проливали, колхозы создавали?!”».

Обсуждение «Живого» само по себе превратилось в спектакль, главную роль в котором исполняла Фурцева. Досталось и «Новому миру»: «Вы что, думаете, подняли “Новый мир” на березу и хотите далеко с ним ушагать?» Любимов в ответ: «А вы что думаете, с вашим

“Октябрем” далеко пойдете?» Он-то имел в виду консервативный журнал (его главный редактор — сталинист Кочетов застрелится в 1973 году на даче в Переделкине), а Фурцева растолковала это как выпад против самого святого — Октябрьской революции. Тут уж у нее вовсе отказали тормоза: «Ах, вы так... Я сейчас же еду к генеральному секретарю и буду с ним разговаривать о вашем поведении». В марте 1969 года Управление культуры исполкома Моссовета своим приказом исключило из репертуара этот «идейно порочный спектакль, искаженно показывающий жизнь советской деревни 50-х годов».

Говоря о генеральном секретаре, Фурцева блефовала. Леониду Ильичу все эти театральные дела были до лампочки, он если и ходил в театр, то вместе со всем политбюро, так, для протокола. А вот его помощники ходили, один из них и шепнул своему патрону: есть, мол, такая постановка про войну, интересная, слез не сдержат — «А зори здесь тихие». А Брежнев к войне по-особому относился, будучи ее непосредственным участником. И вот уже в феврале 1971 года Леонид Ильич на совещании защищает «Таганку»: «Вы помните, что Горький, будучи в эмиграции, заблуждался, ошибался, Алексей Толстой — тоже. Но если у человека есть большой настоящий талант, он может дать обществу хорошую отдачу, он заслуживает того, чтобы с ним повозились. Возьмите Театр на Таганке. Его режиссер товарищ Любимов один раз сорвался, второй раз сорвался, а сейчас поставил великолепный патриотический спектакль “А зори здесь тихие”».

Спектакль и правда был хороший, особенно запомнился зрителям актер Шаповалов в роли старшины Васкова с мокрой от пота спиной. Спектаклю «А зори здесь тихие» чуть было не дали Государственную премию. А в другой раз, когда приказ об отстранении Любимова от должности был уже подписан, Брежнев позвонил Виктору Гришину и велел его отменить.

Политический ажиотаж вокруг театра лишь придавал ему лишний вес, еще более затрудняя посещение его спектаклей. Купить билеты удавалось счастливи-

кам, чаще всего — обменять. Например, на покрышки для новых «жигулей», на открытку из автомобильного магазина, на место в очереди за югославской стенкой. Известный польский актер Даниэль Ольбрыхский как-то вечером за неимением билетов просочился в театр через форточку — чтобы посмотреть спектакль «Гамлет» с Владимиром Высоцким в главной роли.

Работа Высоцкого в театре придавала спектаклям большой резонанс, он играл также Галилея, Лопухина, Свидригайлова. В 1967 году Высоцкий репетировал Пугачева. «На сцене неистово кричит и бьется полураздетый человек. От пояса до плеч он обмотан цепями. Ощущение страшное. Сцена наклонена под углом к полу, и цепи, которые держат четыре человека, не только сковывают пленника, но и не дают ему упасть», — вспоминал очевидец. Запомнились многим и слова Высоцкого: «Я хочу видеть этого человека!»

Перед каждым спектаклем Высоцкий разогревал и тренировал свое тело, делал специальную гимнастику с элементами йоги для постановки голоса, дыхания и внутренней концентрации. В «Гамлете» он худел за один спектакль на два-три килограмма, еще больше в спектакле «Жизнь Галилея», ибо там он находился на сцене все четыре часа. Последней премьерой Высоцкого на «Таганке» стало «Преступление и наказание» в 1979 году. В конце спектакля он исчезал в люке, откуда вырывался красноватый свет, будто из преисподней. Некоторые сочли это грозным предзнаменованием.

У Высоцкого с Любимовым отношения складывались по-разному, двум большим творческим личностям непросто было ужиться в одних стенах. Любимов стоически выдерживал все трудности, вызванные болезнью актера, который одно время подумывал уйти из театра. Вместе с тем он прекрасно понимал, что популярность театра и известность самого Высоцкого стали неразделимыми.

Почти всегда Любимову удавалось выходить сухим из воды, за ним закрепилась слава режиссера-бойца. Даже когда ему в Кремле вручали орден, то прикалывающий награду В. Кузнецов пошутил: «Вам нужно

было давать орден не Трудового, а Боевого Красного Знамени». Любимов умело пользовался той репутацией, что создала ему власть, даже откровенно шантажировал ее. Однажды в близком кругу он похвастался, что сказал какой-то партийной шишке: «Вы, конечно, можете меня снять и выслать из страны, как Солженицына, но как вы потом это объясните Западу?»

Похоже, что на художества Любимова долгое время закрывали глаза именно с оглядкой на Запад. Бывало, как кто ни приедет в Москву — чуть ли не Генри Киссинджер, — сразу его на «Таганку» тащат, показывают, что и у нас инакомыслие есть. Поговаривали, что сам Андропов Любимову благоволил, защищал его. Только вряд ли от большой любви к театру. Председатель КГБ и в театры-то не ходил, считая это бесполезной потерей времени. А зачем ходить-то? Он и так все пьесы, разрешенные к постановке, лично читал. А ничего больше его и не интересовало. Любимов был у него на приеме раза два, получив следующее обещание-предупреждение: «Мы вас оставим в покое, если “Таганка” тоже будет вести себя более сдержанно, не бунтовать народ и не провоцировать власть».

А Любимов не унимается, все какие-то пьесы на свою сцену пропихивает вредные — «Дом на набережной» по Трифонову, булгаковскую «Мастер и Маргарита». Ну, возьми, казалось бы, пьесу о Ленине, поставь, как Ефремов во МХАТе, а потом, может быть, и позволят еще что-нибудь лишнее. Но нет, и потому в покое «Таганку» не оставили. А Любимов еще смелее стал себя вести, даже наглее. Как-то пробравшись в кабинет академика Петра Капицы (частого гостя «Таганки»), Юрий Петрович взял и позвонил по «вертушке» товарищу Константину Устиновичу Черненко, члену политбюро, пожаловался. Тот даже удивился: «Не может быть! Ну и ну, вот, оказывается, до чего мы дожили». Ничем хорошим, правда, это не кончилось.

Когда художественные средства иссякали, Любимов прибегал к использованию новых форм. Как-то он пригласил на спектакль «Пристегните ремни» Виктора Гришина с его половиной, то есть супругой, сделав их

одними из действующих лиц постановки. Любимов специально задержал Гришина у себя в кабинете, чтобы, дождавшись начала спектакля, провести его через весь зал, мимо рядов, где уже сидели зрители. А надо сказать, что на сцене были представлены салон самолета и пассажиры, сидящие в креслах. Самолет никак не может вылететь по причине ожидания некой большой «шишки». И вот когда Гришин пошел через зал, зрители громко захохотали и даже заплодировали, оценив находку режиссера. Всем было смешно, кроме Гришина, попавшего в дурацкое положение. Любимов потом извинялся, но ему-то что, все как с гуся вода.

Говорят, что театр живет десять лет, после чего начинается стагнация. Высоцкий умер в 1980 году, вскоре выехал за границу и Любимов. Застой заканчивался, с ним ушла и та прежняя «Таганка», попытка реанимации которой вернувшимся из эмиграции Любимовым окончилась жутким скандалом и разделением театра.

Особняком среди прочих стоял Театр им. Евг. Вахтангова. Это была в каком-то роде аристократия. Театр нередко называли вторым «Мосфильмом» — так много здесь было сосредоточено популярных артистов — Михаил Ульянов, Юрий Яковлев, Василий Лановой, Владимир Этуш, Вячеслав Шалевич, Юлия Борисова, Ирина Купченко. Как правило, однажды став вахтанговцем, артист уже никогда не менял место работы. Что бы ни происходило в театре, но здесь никогда не было принято выносить скандалы за его границы. Высокую планку задавал руководитель театра — Рубен Симонов. Он восстановил спектакль «Принцесса Турандот», где главные роли исполняли Лановой и Борисова. Постановка на многие годы стала хитом. Москвичи с удовольствием ходили и на «Иркутскую историю» Алексея Арбузова. А пьеса Зорина «Римская комедия» и вовсе вызывала аншлаг, многие угадали в спектакле пародию на самого Хрущева, его отношения с деятелями культуры, благо что самого Никиту Сергеевича к моменту премьеры уже успели сплавить на пенсию.

В качестве площадки для постановки своих однообразных пьес Вахтанговский театр выбрал драматург

Анатолий Софронов, главный редактор «Огонька». Силами звездной труппы осилили его «Стряпуху», затем «Стряпуху замужем». Но когда воодушевленный автор сочинил третью серию — труппа взмолилась: хватит! После смерти Рубена Симонова бразды правления перешли к его сыну Евгению.

Не обходили зрители вниманием и Театр на Малой Бронной, особенно когда туда перешел работать Анатолий Эфрос. Ходили и в «именные» театры: имени Пушкина, имени Гоголя, имени Ермоловой, имени Станиславского.

Чуть поодаль от центра, на окраине Марьиной Рощи, стоял, упираясь красной звездой в асфальт, огромный Театр Советской армии. Даже директором там был генерал. Сцена своими размерами поражала — на нее мог въехать танк и приземлиться самолет. Нигде больше не было такой огромной сценической площадки, можно себе представить, насколько непросто чувствовали себя актеры. Шли пьесы в основном про армию, наполнить колоссальный зал проблемы не составляло — достаточно было лишь одного звонка в военную часть, солдаты которой на один вечер превращались в зрителей. Тем не менее славу театру сделал Алексей Попов — один из лучших режиссеров середины прошлого века. Здесь играли Нина Сазонова, Владимир Зельдин, Николай Пастухов, Людмила Касаткина, Людмила Чурсина. Пришедшим в театр новым актерам шепотом раскрывали тайну, что в его стенах трудится простым режиссером внук самого Иосифа Виссарионовича — Александр Бурдонский.

Было в Москве и куда пойти с детьми — в Театр кукол Образцова (на легендарный спектакль «По шучьему веленью» и поглазеть на часы), Детский музыкальный театр Наталии Сац, Театр юного зрителя. А в 1963 году в Измайлове открылся первый в мире государственный театр для глухонемых — Театр мимики и жеста, актеры которого языком пластики, пантомимы и танца могли превратить любую пьесу в спектакль для тех, кто не слышит. Популярны были и музыкальные театры — оперетты (ходили на Татьяну Шмыгу),

Станиславского и Немировича-Данченко... До сих пор история не знает примеров таких городов, где на душу населения было и есть столько государственных театров.

Москва — чуть ли не единственная столица в мире, имеющая целых два государственных цирка. Старый цирк (его так и называли) на Цветном бульваре неизменно привлекал и маленьких, и взрослых зрителей. Больше всего любили клоунов — Юрия Никулина и Михаила Шуйдина, Олега Попова, Леонида Енгибарова, Михаила Румянцева (Карандаша), и, конечно, аттракционы со зверями — тиграми (дрессировщица Ирина Бугримова), львами, слонами, медведями, а еще там выступали канатоходцы, эквилибристы, жонглеры, акробаты. В Старом цирке было немногим более двух тысяч мест, что сильно затрудняло его посещение, и потому в 1971 году открылся Новый цирк на Ленинских горах (теперь на проспекте Вернадского). Он стал крупнейшим в мире стационарным цирком, рассчитанным почти на три с половиной тысячи мест. Там было много чудес, взять хотя бы сменяющиеся за одно представление манежи: и конный, и ледовый, и водный, и иллюзионный, благодаря чему представления отличались удивительным разнообразием. Запомнились программы «Звезды олимпийской арены» в 1980 году и «Космический взлет» в 1982 году.

В летнее время поклонники цирка спешили в Парк им. Горького или Измайловский, где открывались цирки-шапито.

Вот и закончилось наше путешествие в прошлое, кажется, совсем недавнее, еще почти вчерашнее. Но ход времени неумолим — бурные события нового века все больше заслоняют от нас минувшие дни. День за днем, неделя за неделей, и вот уже многое забывается, исчезают из памяти лица, имена, названия. То, что когда-то казалось нам неотложным и необходимым, без чего мы жить не могли, — все это с высоты прожитых лет давно потеряло свою злободневность и остроту, потонув в легкой дымке воспоминаний, с годами приобретающей свойства плотного тумана. Зато для современников и исследователей житейского быта градус интереса к прошедшей эпохе становится все выше, ибо в ее изучении — ключ к пониманию дня сегодняшнего. Эта книга ставит своей целью воскресить незаслуженно забытое, оживить приметы повседневности, из которых и складывалась жизнь не одного поколения москвичей. Автор выражает надежду, что повествование не утомило читателя...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СЛОВАРИК МОСКОВСКОГО БЫТА

А

АВО́СЬКА — капроновая сумка в виде сетки.

АЛКОГОЛІ́ЧКА — белая майка на цельнокроеных бретелях.

АНДРО́ПОВКА — водка по 4 рубля 70 копеек, продававшаяся в 1983 году.

АРХА́РОВЕЦ — хулиган.

АЭРОДРО́М — кепка большого диаметра.

Б

БА́ТНИК — приталенная рубашка с отложным воротником.

БАРЫ́ГА — деловой человек, он же расхититель социалистической собственности.

БАРА́К — большой амбар для проживания москвичей вплоть до 1960-х годов.

БАРА́НКА — руль автомобиля.

«БЕРЕ́ЗКА» — магазин продажи товаров за иностранную валюту.

БЕСКОЗЫ́РКА — пробка от бутылки водки.

БЛАТ — знакомство с нужными людьми.

БРОДВЕ́Й — часть улицы Горького от проспекта Маркса (Охотного Ряда) до Пушкинской площади.

В

ВАЛЮ́ТА — любые деньги, кроме рублей.

ВАЛЮ́ТЧИК — продавец валюты.

ВИ́ДИК (ВИДА́К) — видеомагнитофон.

ВОЛОСА́ТАЯ РУКА́ — особая выгодное знакомство. См. также *Рука*.

ВО́ЛЧИЙ БИЛÉТ — увольнение с работы по «нехорошей» статье.

ВОСКРЕ́СНИК — см. *Субботник*.

ВСТАВНА́Я ЧÉЛЮСТЬ — улица Новый Арбат.

ВЫ́БРОСИЛИ — предоставление товара в торговый зал магазина.

ВЫБИВА́ТЬ — оплачивать в кассе деньги.

Д

ДАЮ́Т — продают что-либо.

ДЕРЕВЯ́ННЫЕ — рубли.

ДЕФИЦИ́Т — почти любой товар.

ДЖИ́НЫ — джинсы.

ДРУЖИ́ННИК — член добровольной народной дружины с красной повязкой на рукаве.

Г

ГНИЛО́Й ЗУБ — здание гостиницы «Интурист» на улице Горького (Тверской).

ГОРБАТЫЙ — автомобиль «Запорожец ЗАЗ-965».

ГОРБУШКА — Дворец культуры им. Горбунова.

ГРАЖДАНИН — обращение к человеку на улице, так же как и товарищ, мужчина, женщина, девушка, молодой человек.

Е

ЕГО-ГО — колбаса из конины.

Ж

ЖИРÓВКА — квитанция на квартплату.

З

ЗАБЫТЬ КОЗЛА́ — сыграть партию в домино.

ЗАВЕЗЛИ́ — появление товара в магазине.

ЗАКА́З — набор продуктов к празднику.

И

ИША́ЧИТЬ — работать.

К

КАРТО́ШКА — мероприятие по сбору урожая в колхозе.

КОЗЕ́Л — милицейский автомобиль «УАЗ».

КОЛБА́СНАЯ ЭЛЕКТРИ́ЧКА — электричка из Москвы с продуктами.

КОЛЫ́МИТЬ — подрабатывать.

КОПЕ́ЙКА — автомобиль «Жигули ВАЗ-2101».

КОММУНА́ЛКА — квартира из нескольких комнат, населенных разными людьми, с местами общего пользования.

КРА́СНЫЙ УГОЛО́К — особая комната на предприятии, аналог молельни.

КРОССЫ́ — кроссовки.

Л

ЛЕС РУК — единогласное голосование на собрании.

ЛИМИТА́ — граждане, приехавшие работать на московских заводах.

ЛО́ДОЧКИ — туфли на шпильках.

М

МА́ЛАЯ ЗЕМЛЯ́ — площадь перед кинотеатром «Новороссийск».

МА́ЙК — площадь Маяковского.

МЕРЗА́ВЧИК — см. *Чекушка*.

Н

НА ТРОИ́Х — основной способ распития бутылки водки.

НАЦМЕ́Н — представитель национальных меньшинств.

НЕСУ́Н — мелкий воришка.

НЕТРУДОВЫ́Е ДОХО́ДЫ — любой приработок, полученный не от государства.

НОГА́ — станция метро «Площадь Ногина» («Китай-город»).

О

ОБИЛÉТИТЬСЯ — купить билет в транспорте.

ОБХСС — Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

ОТОВА́РИТЬСЯ — купить что-либо.

П

ПА́ТРИКИ — Патриаршие пруды.

ПЕРЕДОВЫ́К — выполняющий план быстрее других (угроза коллективу).

ПОЛ-ЛИ́ТРА — основная форма оплаты.

ПОЛУ́ЧКА — зарплата.

ПОСО́ХИНСКИЕ СБЕР-КНИ́ЖКИ — Новый Арбат.

ПРИКЫ́Д — наряд.

ПУ́ШКА — Пушкинская площадь.

Р

РУКА́ — знакомство. См. также *Волосатая рука*.

РЫ́БНЫЙ ДЕНЬ — четверг.

С

САМБЕРЫ́ — универсам самообслуживания.

САМИЗДА́Т — нелегально напечатанная литература.

САМОПА́Л (САМОСТРО́К) — изделие собственного производства.

СИДЕ́ТЬ — отмечать встречу или праздник.

СОБАЧЬЯ РА́ДОСТЬ — ливерная колбаса.

СОРОКОНО́ЖКА — станция метро.

СТАКА́Н — стеклянная будка работника ГАИ.

СТЕНГАЗЕ́ТА — своеобразная форма самиздата, но санкционированная.

СТО ПЕ́РВЫЙ КИЛО-МЕТР — граница, за которую выселяли из Москвы неблагонадежных граждан.

СТОЯ́ТЬ — находиться в очереди.

СУББО́ТНИК — день бесплатной работы.

СУ́НУТЬ — дать взятку.

Т

ТАЛОН — право на покупку.

ТАМИЗДА́Т — запрещенная литература из-за рубежа.

ТОЛКА́Ч — человек, профессионально занимающийся продажей чего-либо.

ТЕКСТИ́ЛИЙ — станция метро «Текстильщики».

ТРУБА́ — Трубная площадь.

У

УША́СТЫЙ — автомобиль «Запорожец ЗАЗ-968»

Ф

ФАРЦА́ — купля-продажа импортных товаров.

Х

ХАЛТУ́РА — подработка.

ХОДИ́ТЬ ПО МАГАЗИ́-НАМ — искать дефицит.

ХРУЩЁВКА — четырех- или пятиэтажный панельный дом.

Ч

ЧЕБУРАШКА — бутылка водки емкостью 0,5 литра.

ЧЕКУШКА — маленькая бутылка водки емкостью 0,25 литра.

ЧЕТВЕРТНОЙ — купюра достоинством 25 рублей.

ЧЁШКА — станция метро «Чеховская».

ЧЙРИК — купюра достоинством 10 рублей.

ЧИСТАКИ — Чистые пруды.

ЧЛЕНОВОЗ — большая черная машина (ЗИЛ, «чайка») для номенклатуры.

ЧУВСТВО ЛОКТЯ — особое состояние внутри толпы.

ЧУДО В БОТАХ — человек в ботинках «прощай, молодость!».

Ш

ШАБАШНИК — частный строитель.

ШАМПУНЬ (ШАМПУ-СИК) — шампанское.

ШАРАГА — общежитие для *лимиты*.

ШКЛЁТЫ — галифе.

Щ

ЩЕЛЧОК — станция метро «Щелковская».

ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ, ТОВАРЫ И УСЛУГИ***Продукты**

Наименование	Количество	Цена, рубли
Колбаса ливерная	1 кг	1,20
Колбаса отдельная	1 кг	2,20
Колбаса столовая	1 кг	2,20
Колбаса докторская	1 кг	2,30
Колбаса любительская	1 кг	2,90
Колбаса останкинская	1 кг	2,90
Колбаса языковая	1 кг	3,40
Колбаса майкопская, с/к	1 кг	3,60
Окорок тамбовский	1 кг	3,70
Сардельки говяжьи	1 кг	2,10
Сардельки свиные	1 кг	2,60
Сосиски	1 кг	2,60
Сыр костромской	1 кг	3,00
Сыр российский	1 кг	3,00
Сыр пошехонский	1 кг	2,60
Сыр колбасный	1 кг	2,30
Масло сливочное крестьянское	1 кг	3,50
Сыр плавленый «Дружба»	62 г	0,15
Яйцо куриное	1 десяток	0,90
Молоко в треугольном пакете	0,5 л	0,16
Молоко 3,2%, пакет	1 л	0,36
Сливки	0,25 л	0,37
Молоко сгущенное с сахаром, банка	400 г	0,55
Творог 9%, пачка	250 г	0,26
Мороженое фруктовое, стаканчик	1 шт.	0,09
Мороженое эскимо	1 шт.	0,11
Мороженое рожок	1 шт.	0,15
Мороженое «Ленинградское»	1 шт.	0,22

* При средней зарплате москвича в 1985 году 187 рублей в месяц.

Мороженое «Лакомка»	1 шт.	0,28
Мороженое пломбир, пачка	250 г	0,48
Торт «Бисквитно-кремовый»	1 кг	2,39
Торт «Абрикотин»	1 кг	2,12
Торт «Ленинградский»	1 кг	2,60
Торт «Сказка»	1 кг	2,63
Торт «Птичье молоко»	1 кг	6,16
Зефир	1 кг	2,00
Пастила	1 кг	1,60
Шоколад «Аленка»	1 шт.	0,80
Конфеты «Золотая осень»	1 кг	1,28
Хлеб черный, дарницкий	1 кг	0,16
Батон белый, городской	200 г	0,07
Батон белый, подмосковный	400 г	0,18
Батон белый, нарезной	500 г	0,25
Булка «Калорийная»	1 шт.	0,10
Плюшка «Московская»	1 шт.	0,20
Сдоба «Свердловская»	1 шт.	0,11
Соль	1 кг	0,10
Сахар-песок	1 кг	0,90
Сахар-рафинад, пачка	1 кг	1,04
Крупа гречневая	1 кг	0,56
Мука пшеничная	1 кг	0,46
Рис	1 кг	0,88
Пшено	1 кг	0,30
Крупа манная	1 кг	0,55
Масло подсолнечное	1 л	1,70
Чай индийский («со слоном»), пачка	100 г	0,95
Мясо говяжье	1 кг	2,00
Мясо свиное	1 кг	2,10
Мясо баранины	1 кг	2,10
Куры, первая категория	1 кг	2,75
Куры импортные	1 кг	3,00
Хек серебристый	1 кг	0,56
Карп	1 кг	0,56
Мойва	1 кг	0,40
Сельдь иваси	1 кг	1,50

Пельмени «Останкинские», «Русские», пачка	500 г	0,50
Котлеты готовые	1 шт.	0,12
Томатный сок, стакан	200 мл	0,11
Яблочный сок, стакан	200 мл	0,13
Газировка без сиропа, стакан	200 мл	0,01
Газировка с сиропом, стакан	200 мл	0,03
Хлебный квас, кружка большая	1 л	0,36/0,06
Пепси-кола	0,33 мл	0,40
Пиво «Жигулевское»	0,5 л	0,37
Водка «Русская» (1981)	0,5 л	5,30
Шампанское «Советское»	0,75 л	3,60
Коньяк	0,5 л	4,12
Каберне, вино	0,75 л	1,02
Цинандали, вино	0,75 л	2,70
Картофель	1 кг	0,10
Капуста	1 кг	0,07
Свекла	1 кг	0,09
Арбузы	1 кг	0,15
Морковь	1 кг	0,12
Капуста квашеная	1 кг	0,16
Капуста провансаль	1 кг	0,40
Икра красная, банка	140 г	4,20

Товары и услуги

Наименование	Количество	Цена, рубли
Спички, коробок	1 шт.	0,01
«Пионерская правда», газета	1 шт.	0,01
Конверт почтовый без марки	1 шт.	0,01
Разговор по уличному телефону	1 звонок	0,02
Тетрадь ученическая, 12 листов	1 шт.	0,02
Электроэнергия	1 кВт·ч	0,04
Презервативы	2 шт.	0,04

Зубной порошок «Мятный»	1 шт.	0,05
Проезд в городском транспорте	1 билет	0,05
Мыло детское	1 шт.	0,12
Маршрутка	1 билет	0,15
Сигареты «Прима»	1 пачка	0,15
Игровой автомат	1 сеанс	0,15
Такси легковое (1977)	1 км	0,20
Папиросы «Беломорканал»	1 пачка	0,22
Билет денежно-вещевой лотереи	1 шт.	0,30
Мужская стрижка в парикмахерской	1	0,40
Галстук пионерский	1 шт.	0,55
Обои	1 рулон	2,20
Сковорода алюминиевая	1 шт.	4,80
Гитара, производство Ленинград	1 шт.	7,00
Спиннинг	1 шт.	7,20
Кассета магнитофонная, импортная	1 шт.	9,50
Проезд в поезде Москва — Ленинград	1 билет	11,00
Утюг	1 шт.	12,00
Раскладушка	1 шт.	13,50
Фотоаппарат «Смена 8М»	1 шт.	15,00
Форма школьная для 7-го класса	1 шт.	17,75
Радиоприемник трехпрограммный «Маяк-204»	1 шт.	26,20
Радиоприемник «Спидола»	1 шт.	73,40
Магнитофон кассетный «Электроника-302»	1 шт.	155,00
Холодильник «Минск»	1 шт.	390,00
Телевизор «Юность»	1 шт.	430,00
Детский велосипед «Орленок»	1 шт.	39,00
Велосипед «Салют»	1 шт.	84,00
Мотоцикл «ИЖ Планета-3» (1980)	1 шт.	1147,00
Автомобиль «Запорожец ЗАЗ-968» (1980)	1 шт.	3500,00
Автомобиль «Москвич-2140» (1980)	1 шт.	7491,00
Автомобиль «Волга ГАЗ-24» (1980)	1 шт.	9453,00
Автомобиль «Жигули-2101» (1980)	1 шт.	7300,00

ХРОНОЛОГИЯ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ 1950—1980-х ГОДОВ

- 1953, 5 марта — гибель сотен москвичей в давке на похоронах Сталина.
- 1954 — введен в эксплуатацию замыкающий участок Кольцевой линии метро от станции «Белорусская» до станции «Парк культуры».
- 1955 — решение властей о свободном доступе в Кремль. Открытие ресторана «Прага».
- 1956 — рождение театра «Современник». Открытие стадиона «Лужники».
- 1957 — VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.
- 1958 — Первый Международный конкурс музыкантов им. П. И. Чайковского.
- 1959 — Первый Московский международный кинофестиваль. Американская промышленная выставка в Сокольниках.
- 1960 — расширение границ Москвы в 2,5 раза. Открытие круглогодичного бассейна «Москва».
- 1961, 14 апреля — торжественная встреча первого космонавта Юрия Гагарина.
Открытие первого «Салона для новобрачных».
- 1962 — открыта для движения Московская кольцевая автомобильная дорога (МКАД). Открытие Дворца пионеров на Ленинских горах. Художественная выставка в Манеже.
- 1963 — открытие универсама «Москва» на Ленинском проспекте, выстроенного по современным западным образцам. Гастроли миланского оперного театра «Ла Скала» в Большом театре.
- 1964 — открытие Театра на Таганке.
- 1965, 8 мая — указ о присвоении Москве почетного звания «Город-герой».
9 мая — первое торжественное празднование Дня Победы: состоялся военный парад на Красной площади и прием в Кремлевском дворце съездов.
5 декабря — первая демонстрация диссидентов на Пушкинской площади.
- 1966, 3 декабря — перенесение праха Неизвестного Солдата в Александровский сад.
- 1967 — открытие Останкинской телебашни.
- 1968 — открытие Всесоюзного дома кино. Джаз-фестиваль на Горбушке.
- 1969 — завершение строительства Нового Арбата.
- 1970 — завершение эры хрущевок.
- 1971 — открытие нового цирка на проспекте Вернадского. Принятие нового Генерального плана развития Москвы.

- 1972 — Москва в дыму от торфяных пожаров в Подмосковье. Снос Тургеневской библиотеки и других памятников зодчества к визиту президента США Ричарда Никсона.
- 1973 — VII летняя универсиада.
- 1974 — Бульдозерная выставка. «Гастроли» «Джоконды» в ГМИИ им. А. С. Пушкина
- 1975 — открытие станции метро «Шукинская» — сотой станции Московского метрополитена. Гибель болельщиков в давке за жевательной резинкой на стадионе «Сокольники».
- 1976, 3 января — катастрофа самолета Ту-124 под Внуковым.
- 1977 — серия терактов в метро и магазинах. Первая Московская международная книжная выставка-ярмарка. Пожар в гостинице «Россия».
- 1978, декабрь — аномальные морозы, до минус 40 градусов по Цельсию.
- 1979 — открытие Центрального дома художника на Крымском Валу и велотрека в Крылатском.
- 1980 — летние игры XXII Олимпиады. Открытие международного аэропорта Шереметьево-2.
- 1981 — выставка «Москва — Париж» в ГМИИ им. А. С. Пушкина.
- 1982 — авария на станции метро «Авиамоторная».
- 1983 — облавы на трудящихся в банях, магазинах, кинотеатрах.
- 1984 — новое расширение границ Москвы. Начало беспрецедентного по продолжительности шахматного матча в Колонном зале Дома союзов.
- 1985 — открытие пешеходной зоны на Старом Арбате. XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В. П.* Московская сага. М., 1999.
- Брусиловская Л. Б.* Культура повседневности эпохи «оттепели»: метаморфозы стиля / Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. культурологии. М.: РГГУ, 2000.
- Ваншенкин К. Я.* Писательский клуб. М., 1998.
- Весник Е. Я.* Записки артиста. М., 2000.
- Вишневская Г. П.* Галина. М., 1998.
- Влади М.* Владимир, или Прерванный полет. М., 1990.
- Волков В. В.* Концепция культурности, 1935—1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1—2.
- Восленский М.* Номенклатура. М., 2005.
- Вронский Ю.* Сплетни о писателях, художниках и других гражданах // Вестник Европы. 2007. № 21.
- Герасимова Е., Чуйкина С.* Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 34.
- Голомшток И.* Воспоминания старого пессимиста // Знамя. 2011. № 2.
- Грибанов Б.* И память-снег летит и пасть не может: Давид Самойлов, каким я его помню // Знамя. 2006. № 9.
- Гурова О.* Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 34.
- Дедков И.* «А я говорю вслух: конца света не будет...»: Из дневниковых записей 1981—1982 гг. // Новый мир. 1999. № 9.
- Дервиз Т.* Рядом с большой историей // Звезда. 2008. № 10.
- Добкин В.* Фантазии Орлова на фоне пивной // Огонек. 1996. № 27.
- Додолев Е. Ю.* Времени машины. М., 2014.
- Дудаков В.* «Костяки сам был ошеломлен русским авангардом — тем, что открыл и собрал» // The Art Newspaper Russia. 2014. № 28.
- Егоров В., Кисунько В.* Развитие и стагнация советского телевидения (1970—1985). — http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=4624
- Егорова Т. Н.* Андрей Миронов и я: Любовная драма жизни. М., 1999.
- Жирнов Е.* «На Манежной площади их атаковала группа молодежи» // Коммерсантъ-Власть. 2014. № 21.
- Жирнов Е.* «Продается не более 625 автомобилей “победа” в месяц» // Коммерсантъ-Власть. 2013. № 34.
- Жирнов Е.* «Ставили поддельную маркировку и пробирные клейма» // Коммерсантъ-Власть. 2015. № 18.

- Жирнов Е.* Дело о частных советских кинотеатрах // Коммерсантъ-Власть. 2013. № 29.
- Жоффри Ф.* Нормандия—Неман: Воспоминания военного летчика. М., 1960.
- Жуковский В. С.* Москвич с улицы Грановского: Жизнь и политика. М., 2002.
- Захарова Л.* «Наиболее распространенной является форма прямого пальто с однобортной застежкой»: О советской моде эпохи «оттепели» // Неприкосновенный запас. 2006. № 1.
- Кабаков А. А.* Камера хранения: Мещанская книга. М., 2015.
- Кармен Р. Л.* Но пасаран! М., 1972.
- Козлов А. С.* «Козел на саксе» — и так всю жизнь. М., 1998.
- Коммуналки глазами иностранцев — <http://arzamas.academy/materials/594>
- Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953—1982 гг. М., 2005.
- Куратов О. В.* Хроники русского быта 1950—1990 гг.: Неофициальная фактография. М., 2004.
- Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007.
- Лазарев Л.* Записки пожилого человека // Знамя. 2003. № 7.
- Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Левицкий Л.* Дневник // Знамя. 2001. № 7.
- Лиснянская И.* Хвастунья // Знамя. 2006. № 1.
- Лобанов-Ростовский Н.* Коллекционер (Воспоминания о коллекционере В. А. Дудакове) // Новый журнал. 2005. № 241.
- Макаров А.* Дети фестиваля // Известия. 2007. 10 июля.
- Макаров А. С.* Московская богема: История культовых домов. М., 2008.
- Млечин Л. М.* Брежнев. М., 2008.
- Млечин Л. М.* Фурцева. М., 2011.
- Москва в цифрах [1966—1970 гг.]: Краткий статистический сборник. М., 1970.
- Н. С.* [Н. Солженицына]. Роман «В круге первом». Самиздат // Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения. М., 2013.
- Натансон Г.* Я устал от борьбы // Труд. 2001. № 98.
- Новиков Ф.* Память, поминки и памятники: Погребальные заметки архитектора // Знамя. 1998. № 12.
- Олещук Ю.* Книгоохота // Новый мир. 1997. № 5.
- Павлов Д. В.* Стойкость. М., 1983.
- Паперный З. С.* Музыка играет так весело. М., 1990.
- Плисецкая М. М.* Я, Майя Плисецкая. М., 1997.
- Полезные советы. Л., 1960.

- Поюровский Б. М.* Совершенно НЕ секретно. М., 2013.
- Пушкарева И. Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник: 2007. М., 2008.
- Реальный Оскар // Итоги. 2012. № 6.
- Рейн Е.* Призрак в коридоре. Опыт фантастических воспоминаний // Новый мир. 1998. № 3.
- Ресин В. И.* Москва в лесах. М., 2008.
- Словаева Н.* Адреса: где и как проходили квартирные выставки в 1970—1980-е // Артгид. 2014. — <http://artguide.com/posts/704>
- СССР глазами советологов. М., 1990.
- Суходрев В. М.* Язык мой — друг мой: От Хрущева до Горбачева. М., 2008.
- Сырокомский В.* Загадка патриарха // Знамя. 2001. № 4.
- Тарасов А. М.* Миллионер: Исповедь первого капиталиста новой России. М., 2004.
- Тихомирова А.* В 280 километрах от Москвы: Особенности моды и практик потребления одежды в советской провинции (Ярославль, 1960—1980-е годы) // Неприкосновенный запас. 2004. № 37.
- Туровская М.* Советский средний класс // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21).
- Федченко М. Н.* Повседневная жизнь советского человека (1945—1991 гг.). Курган, 2009.
- Хрущев С. Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010.

Smith H. Les Russes. Paris, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Москва — город контрастов

6

ОНИ БЫЛИ «ПЕРВЫМИ».

МОСКОВСКАЯ ВЛАСТЬ ОТ ФУРЦЕВОЙ ДО ГРИШИНА

«Моссовет в Москве хозяин?» — Екатерина Фурцева: ее прозвали «Никитскими Воротами» — Наша Жаклин Кеннеди — «Сказка о потерянном времени» — «Будь ты проклят, гадина!» — Фестиваль молодежи и студентов 1957 года — Прореха в «железном занавесе» — Москва строится — Петр Демичев. «Ниловна» за работой — «Вон из мавзолея!» — Николай Егорычев и фокусы с квартирами — «А вы вообще пьете, товарищ Ефремов!» — Вечный огонь и Останкинская телебашня — Эпоха Виктора Гришина: «Ну что же вы, голубчик, так плохо работаете?» — «Образцовый коммунистический город» — «Дорогая, пойдем на Бетховена» — «Нам лицеи ни к чему!» — Как давали волчки билеты

12

«ЧТОБ ТЫ ЖИЛ НА ОДНУ ЗАРПЛАТУ!»:

ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Право на труд или обязанность? — Лимитчики — Отмена крепостного права — Борьба с тунейдцами и паразитами — 101-й километр — «Красная» и «черная» субботы — «Дураков работа любит» — Как пили на рабочем месте — Водка, или «Вот Он Добрый Какой Андропов» — Куда идете, несуну? — Облигации вместо зарплаты — «Налог на яйца» — Американская выставка в Сокольниках — Денежная реформа 1961 года — «У старушки-побирушки миллион нашли в подушке» — «Догоним Америку» — Целина — Тринадцатая зарплата — «Ниихрена ниидеаем» — «Приезжай ко мне на БАМ!»

74

ОН ИСПОРТИЛ МОСКВИЧЕЙ.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Коммуналка как зеркало советского образа жизни — «На сорок восемь комнаток всего одна уборная» — Очередь помыться — Коммунальный невроз — «Гражданин, на выход!» — Домработницы и няни — «Нас хорошо научили бояться» — Обменная биржа в Банном переулке — Фиктивные браки и разводы — Как жили в сталинских высотках — Хрущевки — Как давали квартиры —

*Очередь на кооператив — Дома для номенклатуры —
«Не родись красивой, а родись с квартирой»*

126

СТИЛЬ ЖИЗНИ: «ТОЛЬКО НИЧЕГО НЕ ВЫБРАСЫВАЙ!»

*Аристократы помойки — Привычки москвичей — Ключи под
ковриком — «Не подмажешь — не поедешь» — Ремонт: с бумажной
треуголкой на голове — Мебель: от «Хельги» до «стенки» —
Полировку не поцарапай! — Ковры на стене: «как в юрте» —
Культ хрусталя — Как мы тащили резной буфет — «Холодильник
“Розенлев”, финский, хороший» — Пылесос, который работал
вечно — Стиралка только за пропуску — Телевизор «КВН»:
«Купил. Включил. Не работает» — Бобинник, кассетник и видик —
Общество непрекращающегося ремонта*

185

**«В МОСКВЕ ХОРОШО ЛИШЬ ГАГАРИНУ ЮРКЕ
ДА БУФЕТЧИЦЕ НЮРКЕ». ОЧЕРЕДЬ КАК ФОРМА ЖИЗНИ**

*Полцарства за «Печень трески» — Счастье в авоське —
Дефицит — С номерочком на руке — Хождение по мукам — «Куда
уходит мясо, в какие города?» — Американец
в Москве — «Выбросить» и «достать» — Броуновское движение
покупателей — «Вас здесь не стояло!» — «Есть или не есть?» —
Андрей Вознесенский и дефицит — Авторынок в Южном
порту — Как Марина Влади «украла» сыр — Хозяин Москвы Юрий
Соколов — Люди с красными книжечками — Продовольственные
заказы — «Гуманисты» — «Березки» и фарцовщики — «Человек
умеет жить!»*

222

**ХРОНИКИ МОСКОВСКОГО ОБЩЕПИТА:
«В РЕСТОРАНЕ КАК-ТО ДЕД СКУШАЛ КОМПЛЕКСНЫЙ
ОБЕД...»**

*«Националь», кусочек Европы напротив Кремля — Самый вкусный
ресторан «Арагви» — Швейцары и официанты как хозяева жизни —
Сто грамм для Олега Ефремова — Любимый ресторан Галины
Брежневой, или «Пойдем к Борode!» — Петр Капица: «Подайте мне
устриц!» — «Рихтер, играй!» — Кафе «Молодежное» — «Три солянки,
три лангета» — Как воровали в общепите — Студент «калинарного»
техникума — Рыбный день — Рюмочные — Кафе «Укота» — Пивные
«Ладья» и «Три негодяя» — «Коктейль-холл» на улице Горького —
Спецстоловые и спецбуфеты для советской номенклатуры*

280

668

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ. ВОСПИТАНИЕ.

«НИКОГДА НЕ ОТРЫВАТЬСЯ ОТ КОЛЛЕКТИВА!»

«Ленин в тебе и во мне!» — Октябрюта и пионеры — «Дети — наше будущее» — Дети-фарцовщики — Отдать жизнь за жвачку — Доживем ли до понедельника? — Родительские собрания — Пионерские лагеря — «Комсомол — верный помощник партии» — Двойная мораль — Как Владимир Спиваков от армии «откосил» — И у маршалов есть свои дети — Коллективизм — «Семья — ячейка общества» — «Руссо туристо, облик морале» — Бытовой национализм

334

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ: КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

Самое любимое искусство — «Фитиль» и «Ералаш» — Что давали в кинотеатрах перед «Щитом и мечом» — Кумиры советского кино — «Великолепная семерка» — Кинофестиваль — «Восемь с половиной» Феллини — «Сколько тогда по кинам-то ходили!» — «Телевизор мне природу заменил» — «Тихо, погоду передают!» — Программа «Время» — «От всей души» и дорогая тетя Валя — Как начинался КВН — «Утренняя гимнастика» с пианистом Родионовым — «В рабочий полдень» — «Голос Америки» и другие вражеские голоса — Глушилки

362

«ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ!» ЧТО НОСИЛИ МОСКВИЧИ

Ив Монтан показывает москвичам водолазку — «Он посмел надеть глаженный костюм!» — Панталоны летят в Париж — Майка-алкоголичка — Носки с подвязками — Колготки, «анжелика» и бюстгальтер — Показы мод — Портной Соломон Затирка — Марк Бернес в ателье — Трусы для Гагарина — «Греховница» Плисецкая и спекулянты — Ив Сен Лоран на московских улицах — «Синдром Орловой» — Гурченко как икона стиля — «Бабетта» — Стиляги, штатники, пижоны — Джинсы — Кеды и «Адидас» — «Красная Москва» или «Шанель № 5»? — Шпильки — Слава Зайцев, «красный Диор» — «Болонья» — Мини-юбки — Вяжем сами — Дутики-луноходы — Дубленка для Громыко — Как достать шапку из кролика — Боты «прощай, молодость!»

401

МОСКОВСКИЕ ПРАЗДНИКИ:

«ЗА СТОЛОМ НИКТО У НАС НЕ ЛИШНИЙ»

«Хорошо сидим!» — Застолье — С Новым годом! — Оливье и холодец — «Вытрезвители» — Корпоративы на работе —

8 Марта — День космонавтики — Пишем открытки — «Спасибо партии родной» — Шелуха от лука — Демонстрации трудящихся — «Этот День Победы» — «Ах, эта свадьба...» — Концерт на избирательном участке

459

«ОБНАЖЕННАЯ ВАЛЬКА», СУМАСШЕДШИЙ ДОМ В МАНЕЖЕ И КОЛЫБЕЛЬ РУССКОГО РОКА. КУЛЬТУРА
«Я поведу тебя в музей» — Промыть глаза в Пушкинском — Дрезденская выставка — Эренбург открывает Пикассо — Недобитые формалисты — Левый МОСХ — «Новая реальность» — Манеж. 1962 — «Тля» и Глазунов — Лианозовцы — Салон в лагерном бараке — «Жрецы помойки № 8» — Кабаков. Монмартр на Сретенке — Бульдозерное биеннале-1974 — Коллекционеры. Зильберштейн. Вишневский. Костаки. Талочкин — Зверев, он же русский Ван Гог — Квартирники — ДК «Авангард» — Концерт Высоцкого в НИИ — Пластинки на «костях» — Обучаю игре на гитаре — КСП — Барды. Окуджава — Блатная песня. Северный — Джаз на «Бирже» — Консерватория — Конкурс Чайковского — Клиберн — Встретимся на «Маяке»

484

ДОСУГ МОСКВИЧЕЙ:

СПОРТ, ТУРИЗМ, ОТПУСК, ХОББИ

«Выходи во двор, поиграем!» — Шахматы и домино — Вся Москва едет на «Динамо» — Шостакович на футболе — Олимпиада-80 — Байдарка, палатка, котелок — Одно слово: дикари! — Турпутевка за рубеж — «Ближе к стаду!» — Теплоход «Победа» — «Монголия — не за граница» — Баня и рыбалка — Когда к мужу приходит хобби — Под машиной: папа в гараже — Ростропович собирает фарфор, а Брежнев иномарки — Андрей Старостин, хозяин ипподрома — Дача как мечта москвича — «Вот моя редиска, вот мой хрен родной!» — «Я так хочу, чтоб вагонка не кончалась!» — За унитазом на «скорой помощи» — «А за городом заборы, за заборами — вожжи»

543

«УТРОМ В ГАЗЕТЕ, ВЕЧЕРОМ В КУПЛЕТЕ»: ЧТО ЧИТАЛИ МОСКВИЧИ...

«Я подумал, что началась война» — Очереди у киосков — «Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей» — Чтение между строк — «Известия» — «Судьба человека» и «За далью — даль» — Фельетон с последствиями — Московская сплетница — Газета

670

как бюро жалоб — «Литературка» и Чаковский — Закрытая подписка — Дудинцев — Рак, Спартак и Пастернак — Давка за Солженицыным — Булгаков в «Москве» — Книга — это престижно! — «И Гюгу, и Дюму, и Муму» — Макулатура за «Королеву Марго» — «Золотые» серии — Тамиздат и самиздат — Черный рынок — Паханы читают книги

580

«ОЙ, ВАНЬ, ГЛЯДИ, КАКИЕ КЛОУНЫ!», ТЕАТРЫ И ЦИРКИ. ОТ ВОЛЧЕК ДО ПЛУЧЕКА

В очередь за духовностью — Культпоход в театр — Маленькие проблемы Большого театра — Командировочные в зрительном зале — Эфрос открывает Розова — Царь с площади Свердлова — Ефремов спасает МХАТ — «Медная бабушка» начинает и... — «Современник» соревнуется с «Сатирой» — «Наш дом» — «Доходное место» на Триумфальной — Зрители висят на люстрах — От тюрьмы до сумы: «Таганка» — Любимов разводит кроликов — «Живой» — «Гамлет» с гитарой — Аристократия в Вахтанговском — «Ура, ура, я в цирк иду!»

619

Заключение

653

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Словарик московского быта

654

Приложение 2. Цены на продукты, товары и услуги

658

Хронология московской жизни 1950—1980-х годов

662

Литература

664

Васькин А. А.

В 19 Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежнев / Александр Васькин. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 671[1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-04077-9

Это повествование о том удивительном времени, когда деревья были большими, а цены в магазинах — маленькими, когда книга была главным подарком, а колбаса — основным дефицитом, когда никто не отрывался от коллектива, а мир познавался по телевизору. Читатели узнают о том, как москвичи в те годы работали и отдыхали, на что тратили получку и на чем экономили, как выживали в коммуналках и стояли в очередях за продуктами (цены прилагаются), какие театры и художественные выставки посещали и как доставали джинсы и сапоги, где в Москве были Маяк и Пушкиа и кого прозвали «Никитскими Воротами». А еще читатели научатся распознавать речь той эпохи благодаря словарю московского быта, любезно составленному автором — известным историком и писателем Александром Васькиным. Книга написана с привлечением большого числа свидетельств очевидцев, мемуаров и дневников.

УДК 94(470-25) "1950/1980"
ББК 63.3(2-2Москва)633

знак информационной
продукции

16+

Васькин Александр Анатольевич

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОЙ СТОЛИЦЫ
ПРИ ХРУЩЕВЕ И БРЕЖНЕВЕ**

Редактор **Е. С. Писарева**

Художественный редактор **И. И. Суслов**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректор **Г. В. Платова**

Подписано в печать с готовой электронной версии 13.12.2017. Формат 84x108₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Garamond». Усл. печ. л. 35,28+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1722150.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04077-9

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Г. В. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX веков

Г. В. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ.
1920—1930-е

Г. В. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ.
1930—1940-е

А. Ю. Сергеева-Клятич
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУШКИНОГОРЬЯ

О. И. Елисева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУШКИНСКОЙ ОДЕССЫ

ISBN 978-5-235-04077-9

9 785235 040779 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ